

Академия наук Республики Татарстан
Институт археологии им. А.Х. Халикова
Казанский (Приволжский) Федеральный Университет
Марийский государственный университет
МУК «Краеведческий музей села Прасковья»
ГБУК Ставропольского края «Пятигорский краеведческий музей»

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

СРЕДНЕВЕКОВАЯ АРХЕОЛОГИЯ

**Материалы VIII Международной научной конференции
«Диалог городской и степной культур на евразийском
пространстве», посвященной памяти
Г.А. Федорова-Давыдова.**

**№ 4
2018**

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

№4 2018

VIII Международная научная конференция «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве», посвященная памяти Г.А. Федорова-Давыдова

Издается при поддержке РФФИ договор № 18-09-20035\18 и Марийского государственного университета

Главный редактор:

чл.-корр. АН РТ, док. ист. наук **А.Г. Ситдилов**

Ответственный секретарь: А.С. Беспалова

Редакционный совет:

Атанасов Г., д.и.н., проф. (Силистра, Болгария); **Авербух А.**, д-р, (Париж, Франция); **Афонсо Марреро Х.А.**, проф. (Гранада, Испания); **Бороффка Н.**, д-р, проф. (Берлин, Германия); **Виноградов Н.Б.**, д.и.н., проф. (Челябинск); **Канторович А.Р.**, д.и.н., проф., (Москва); **Кожокару В.**, д-р хабилитат (Яссы, Румыния); **Напольских В.В.**, д.и.н., чл.-корр. РАН (Ижевск); **Скакун Н.Н.**, к.и.н. (Санкт-Петербург); **Франсуа В.**, д-р хабилитат (Экс-ан-Прованс, Франция); **Хайрутдинов Р.Р.**, к.и.н. (Казань); **Черных Е.Н.**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Москва); **Шуников М.В.**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Новосибирск); **Янхунен Ю.**, д.и.н., проф. (Хельсинки, Финляндия).

Ответственный редактор номера:

канд. ист. наук **С.Г. Бочаров**

Зам. ответственного редактора: **Ю.Д. Обухов**, канд. ист. наук **З.Г. Шакиров**.

Редакционная коллегия:

Асташенкова Е.В., к.и.н. (Владивосток); **Бочаров С.Г.**, к.и.н. – ответственный редактор (Казань); **Гавритухин И.О.** (Москва); **Доде З.В.**, д.и.н. (Ростов-на-Дону); **Зеленеев Ю.А.**, д.и.н. (Йошкар-Ола); **Измайлов И.Л.**, д.и.н. (Казань); **Кирилко В.П.**, к.и.н. (Симферополь); **Мыц В.Л.**, к.и.н. (Санкт-Петербург); **Руденко К.А.**, д.и.н. (Казань); **Хузин Ф.Ш.**, д.и.н., профессор (Казань); **Шакиров З.Г.**, к.и.н. (Казань); **Яворская Л.В.**, к.и.н., доцент (Москва).

Адрес редакции:

420012, г. Казань, ул. Некрасова, 28, пом. 1203

Телефон: (843) 210-19-76

E-mail: archeostepps@gmail.com

https://www.evrastep.ru

VIIIth International Scientific Conference by G.A. Fedorov-Davydov "A Dialogue of Urban and Nomadic Cultures in Eurasian Space"

Published with the support of the RFBR, Contract No. 18-09-20035\18, and Mari State University

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **Ayrat G. Sitdikov**

Executive Secretary: Antonina S. Bespalova

Editorial Council:

Atanasov Georgy, Dr. Hab., Prof. (Silistra, Bulgaria); **Afonso Marrero José Andrés**, PhD, Prof. (Granada, Spain); **Averbouh Aline**, Dr. (Paris, France); **Boroffka Nikolaus**, PhD, Prof. (Berlin, Germany); **Chernykh Evgenii N.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Cojocar Victor**, Dr. Hab. (Yassy, Romania); **François Victoria**, Dr. Hab. (Aix-en-Provence, France); **Janhunen Ju.**, PhD, Prof. (Helsinki, Finland); **Kantorovich Anatolii R.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Moscow); **Khayrutdinov Ramil R.**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Napolskikh Vladimir V.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk); **Shunkov Michael V.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); **Skakun Natalia N.**, Candidate of Historical Sciences (Saint Petersburg); **Vinogradov Nikolay B.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk).

Volume Executive Editor:

Candidate of Historical Sciences **Sergei G. Bocharov**

Associat Editors: **Yuriy D. Obukhov**, Candidate of Historical Sciences **Zufar G. Shakirov**

Editorial Board:

Astashenkova Elena V., Candidate of Historical Sciences, (Vladivostok); **Bocharov Sergei G.**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Gavritukhin Igor O.** (Moscow); **Dode Zvezdana V.**, Doctor of Historical Sciences, (Rostov-on-Don); **Zelenev Yuriy A.**, Doctor of Historical Sciences (Yoshkar-Ola); **Izmailov Iskander L.**, Doctor of Historical Sciences (Kazan); **Kirilko Vladimir P.**, Candidate of Historical Sciences, (Simferopol); **Myts Victor L.**, Candidate of Historical Sciences (Saint Petersburg); **Rudenko Konstantin A.**, Doctor of Historical Sciences, (Kazan); **Khuzin Fayaz Sh.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., (Kazan); **Shakirov Zufar G.**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Yavorskaya Liliya V.** Candidate of Historical Sciences (Moscow).

Editorial Office Address:

Nekrasov St., 28, office 1203, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843)210-19-76

E-mail: archeostepps@gmail.com

<https://www.evrastep.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

Археология Монгольской Империи и Золотой Орды

Бабенко А.Н., Алешинская А.С., Кочанова М.Д. (Москва, Россия) Особенности применения спорово-пыльцевого анализа при изучении археологических объектов разного типа на примере золотоордынских городов.....	10
Бабенко В.А. (Ставрополь, Россия) Локализация области Бишдаг в Центральном Предкавказье по данным письменных и археологических источников	16
Бухонов А.В., Демкина Т.С. (Пушино, Россия) Почвенная структура и состояние микробных сообществ в период средневековья	21
Васильев Д.В. (Астрахань, Россия) Мавзолеи у пос. Лапас – взгляд из космоса	24
Гончарова С.М. (Ростов, Россия) Купеческое жилище из раскопок на территории «Городища Азака-Таны с некрополем»	34
Дмитриев А.В., Нарожный Е.И., Соков П.В. (Краснодар, Россия) Средневековые курганы урочища «Молоканова щель» (г. Геленджик – сел. Прасковеевка)	39
Енуков В.В. (Курск, Россия) Ратский археологический комплекс в эпоху Золотой Орды	47
Зиливинская Э.Д. (Москва, Россия) Еще раз о башенных мавзолеях в Золотой Орде	53
Иванов В.А., Иванова М.И. (Уфа, Россия) География маркёров материальной культуры кочевников Золотой Орды	60
Кдырнийазов М.-Ш., Кдырнийазов О.-Ш. (Нукус, Узбекистан) Миздахкан – керамический центр Южного Приаралья в эпоху Золотой Орды	66
Кольцов П.М., Кольцова К.П. (Элиста, Россия), Верещагин В.В. (Ростов-на-Дону, Россия) Родовые могильники кочевников Золотой Орды на территории Калмыкии	73
Кравченко Э.Е. (Донецк, Украина) Поселение у с. Обрыв на Азовском побережье в Донбассе	88
Кубанкин Д.А., Кашникова А.Л., Локис А.В., Шелепов Д.А. (Саратов, Россия) К вопросу о технологии производства кашинной посуды и специфике ее изготовления на Селитренном городище	93
Курочкина Д.А., Алибеков С.Я. (Йошкар-Ола, Россия) Использование естественно-научных методов для анализа керамического материала Селитренного городища (по материалам последней загрузки горна мастерской № 9 (раскоп XXXIX/2005))	98
Кутузова О.Д. (Йошкар-Ола, Россия), Воробьева Е.Е. (Казань, Россия) Стеклоделательное ремесло нижеволжских столиц Золотой Орды: предварительные результаты раскопок 2017 года Селитренного городища	103
Ляхов С.В. (Ставрополь, Россия) Погребение со шпорами из Степного Прикумья	109
Макласов В.Ю. (Ставрополь, Россия), Макласова Л.Э. (Казань, Россия), Кравцова С.Л. (Ставрополь, Россия) Золотоордынские шлемы из коллекции Ставропольского государственного музея-заповедника имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве	113

Макласова Л.Э. (Казань, Россия) Конструкция монгольского головного убора «гу-гу» в династии Юань	120
Минаев А.В. (Азов, Россия) Переработка зерна в Азаке в XIV в.	127
Нарожный Е.И., Тищенко И.Б. (Краснодар, Россия) Грунтовый могильник XIII–XIV вв. поселения Железнодорожное–2 (Крымский район Краснодарского края)	141
Недашковский Л.Ф., Шигапов М.Б. (Казань, Россия) Материалы с селища Широкий Буерак	149
Нечипорук А.А. (Ростов-на-Дону, Россия) Средневековый грунтовый могильник Жукова в Западном Закубанье	154
Пигарёв Е.М. (Йошкар-Ола, Россия) Улус, область, округ Сарай	160
Каширская Н.Н. (Пушино, Россия), Петросян А.А. (Воронеж, Россия), Плеханова Л.Н. (Пушино, Россия), Сыроватко А.С. (Коломна, Россия), Мякшина Т.Н., Потапова А.В. (Пушино, Россия) Кремированные средневековые захоронения и попытки идентификации присутствия шерстяных субстратов	166
Руденко К.А. (Казань, Россия) Материальная культура кочевников Булгарской области Золотой Орды	172
Сенотрусова П.О., Мандрыка П.В. (Красноярск, Россия) Военное дело населения нижней Ангары в монгольское время	176
Тесленко И.Б. (Симферополь, Россия) Керамический комплекс поселения золотоордынского времени в долине р. Артек (Крым)	180
Харинский А.В. (Иркутск, Россия) Южное Прибайкалье накануне образования Монгольской империи	187
Харламов В.П. (Оренбург, Россия) Золотоордынские кирпичные мавзолеи Западного Оренбуржья	193
Цыбин М.В. (Воронеж, Россия) Археологические памятники золотоордынского периода в Побитюжье	197
Shingiray I. (Oxford, United Kingdom) “The Wise,” “the Learned,” “the Knowledgeable”: A Mamluk (?) <i>Tiraz</i> from the Grave of a Golden Horde Steppe Warrior (Kalmykia, Russia) .	201

Археология средневековых городских центров Евразии

Адаксина С.Б., Мыц В.Л. (Санкт-Петербург, Россия) Золотоордынские компоненты в культуре генуэзского города Чембало (Балаклавы) XIV–XV вв.	206
Артемьева Н.Г. (Владивосток, Россия) Особенности фортификационных сооружений чжурчжэньских городищ XIII в.	211
Василиненко Д.Э., Тищенко И.Б. (Краснодар, Россия) Керамический комплекс Западного Закубанья золотоордынского времени. Предварительное сообщение	216
Достиев Т. М. (Баку, Азербайджан). Средневековая городская культура Азербайджана (традиции и инновации)	222
Йотов В.В. (Варна, Болгария) Виноградарство и виноделие в Поздней античности и Средневековье – на примере письменных источников и археологических памятников Болгарии	226
Кдырнязов О.-Ш. (Нукус, Узбекистан) Пульжай – памятник городской культуры Южного Приаралья в эпоху Золотой Орды	238

Кирилко В.П. (<i>Симферополь, Россия</i>) Новое и забытое старое о храме Алуштинского могильника	244
Клюев Н.А., Гридасова И.В. (<i>Владивосток, Россия</i>) Градостроительная практика средневекового населения Приморья (на примере городища Кокшаровка–1)	250
Лапшин А.С., Лапшина И.Ю. (<i>Волгоград, Россия</i>) Христианское кладбище на Водянском городище и предметы христианского культа	255
Масловский А.Н. (<i>Азов, Россия</i>) Азак и его округа в первые десятилетия их существования. Проблемы зарождения и роста золотоордынских городов	260
Могаричев Ю.М. (<i>Симферополь, Россия</i>) Мусульманские памятники Бахчисарая и округи в описании А.С. Уварова	266
Мыц В.Л. (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>) Алушта в золотоордынский период	271
Пьянков А.В. (<i>Краснодар, Россия</i>), Волков И.В. (<i>Москва, Россия</i>), Тихонов А.А. (<i>стан. Ивановская, Россия</i>) Поселение «Суворовская поляна» в урочище Красный лес (правый берег р. Кубань)	275
Савельев Н.И. (<i>Москва, Россия</i>) Объекты с «оградами» в округе золотоордынских городов Нижнего Поволжья	280
Савенко С.Н. (<i>Пятигорск, Россия</i>) К вопросу о признаках, особенностях и характерных чертах городских некрополей Центрального Предкавказья X – XIV вв.	287
Семыкин Ю.А. (<i>Ульяновск, Россия</i>) Технология кузнечного производства у населения Среднего Поволжья золотоордынского периода	292
Сергеев А.Ю. (<i>Москва, Россия</i>) Археоботаника на Самосдельском городище: первые результаты исследований	299
Тропин Н.А. (<i>Елец, Россия</i>) Чугунные котлы с территории Елецкого княжества XIV–XV вв.	304
Ушаков С.В., Байбуртский А.М. (<i>Симферополь, Россия</i>) О финальной истории Византийского Херсона и его взаимоотношениях с Золотой Ордой (на примере археологических комплексов второй половины XIII в. в северо-восточном районе города)	309
Хожаниязов Г. (<i>Нукус, Узбекистан</i>) Белое ханако в средневековом Хорезме	314
Храпунов Н.И. (<i>Симферополь, Россия</i>) Новые материалы для изучения позднесредневековых памятников Крыма: рисунки и записки английских путешественников конца XVIII – начала XIX в.	320
Вагнер-Сапухина Е.А., Пежемский Д.В. (<i>Москва, Россия</i>) Сравнительная характеристика тотальных размеров тела населения средневекового Болгара	326
Поздравление	
Бочаров С.Г. (<i>Казань, Россия</i>), Яворская Л.В. (<i>Москва, Россия</i>) К юбилею Ю.Д. Обухова	340
Список сокращений	342

CONTENS

Archaeology of the Mongol Empire and the Golden Horde

Babenko A. N., Alecshinskaya A. S., Kochanova M. D. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) Features of Application of Spore-Pollen Analysis in the Study of Archaeological Objects of Various Types in the Example of the Golden Horde Cities.....	10
Babenko V. A. (<i>Stavropol, Russian Federation</i>) Localization of Bishdag Area in the Central Ciscaucasia According to Written and Archaeological Sources	16
Bukhonov A. V., Demkina T. S. (<i>Pushchino, Russian Federation</i>) Soil Structure and State of Microbial Communities in the Middle Ages	21
Vasil'ev D. V. (<i>Astrakhan, Russian Federation</i>) Mausoleums at the Lapas Village: the view from space	24
Goncharova S. M. (<i>Rostov, Russian Federation</i>) Merchant's Dwelling from Excavations on the Territory of "Hillfort of Azak–Tana with Necropolis" in 2013	34
Dmitriev A. V., Narozhny E. I., Sokov P. V. (<i>Kursk, Russian Federation</i>) Medieval Barrows of the Tract «Molokanova Cracl» (Gelendzhik – Praskoveevka Village)	39
Enukov V. V. (<i>Kursk, Russian Federation</i>) Rathsky Archaeological Complex in the Era of the Gold Horde	47
Zilivinskaya E. D. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) Once Again About the Tower Mausoleums	53
Ivanov V. A., Ivanova M. I. (<i>Ufa, Russian Federation</i>) Geography of Markers of the Nomad's Material Culture of the Golden Horde	60
Khdirniyazov M.-Sh., Khdirniyazov O.-Sh. (<i>Nukus, Uzbekistan</i>) Mizdakhkan: ceramic center of South Aral Sea region in the Golden Horde period	66
Koltsov P. M., Koltsova K. P. (<i>Elista, Russian Federation</i>), Vereshchagin V. V. (<i>Rostov-on-Don, Russian Federation</i>) Patrimonial Burial Grounds of Nomads of the Golden Horde in the Territory of Kalmykia.....	73
Kravchenko E. E. (<i>Donetsk, Ukraine</i>) The Settlement at the Village Obryv on the Azov Sea Coast in the Donbass	88
Kubankin D. A., Kashnikova A. L., Lokis A. V., Shepelev D. A. (<i>Saratov, Russian Federation</i>) To the Issue of Kashin Pottery Manufacturing Technology and Specifics of its Production at the Selitrenny Settlement	92
Kurochkina D. A., Aliabekov S. Ya. (<i>Yoshkar-Ola, Russian Federation</i>) Use of Natural Scientific Methods for the Analysis of Ceramic Material of Selitrenny Ancient Settlement (On the Material of the Last Load of Gorna Workshop No. 9 (Excavation XXXIX / 2005)).....	98
Kutuzova O. D. (<i>Yoshkar-Ola, Russian Federation</i>), Vorobeva E. E. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Glass Making Craft of the Lower Volga Capitals of the Golden Horde: preliminary results of excavations in 2017 of the Selitrenny Settlement	103
Lyakhov S. V. (<i>Stavropol, Russian Federation</i>) Burial Ground With Spurs from Steppe Kuma Region	109
Maklasov V. Yu. (<i>Stavropol, Russian Federation</i>), Maklasova L. E. (<i>Kazan, Russian Federation</i>), Kravtsova S. L. (<i>Stavropol, Russian Federation</i>) The Golden Horde Helmets from the Funds of the Stavropol State Museum-Reserve named after G.N. Prozritelev and G.K. Prave	113
Maklasova L. E. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) The Design of the Mongolian Headdress "Gu-Gu" in the Yuan Dynasty	120

Minaev A. V. (<i>Azov, Russian Federation</i>) Grain processing in Azak in XIV Century	127
Narozhny E. I., Tishchenko I. B. (<i>Krasnodar, Russian Federation</i>) Groundwater Cemetery of the 13 th –14 th Centuries. Settlement «Railway–2» (Crimean district of the Krasnodar Territory)	141
Nedashkovsky L. F., Shigapov M. B. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Materials from the Shiroky Buerak Settlement	149
Nechiporuk A. A. (<i>Rostov on Don, Russian Federation</i>) Medieval Zhukov Burial Ground in the Western Part of the Trans-Kuban Region	154
Pigarev E. M. (<i>Yoshkar-Ola, Russian Federation</i>) Ulus, Region, District Sarai	160
Kashirskaya N. N. (<i>Pushchino, Russian Federation</i>), Petrosyan A. A. (<i>Voronezh, Russian Federation</i>), Plekhanova L. N. (<i>Pushchino, Russian Federation</i>), Syrovatko A. S. (<i>Kolomna, Russian Federation</i>), Myakshina T. N., Potapova A. V. (<i>Pushchino, Russian Federation</i>) Cremated Medieval Burials and Attempts to Identify Traces of Woolen Substrates	166
Rudenko K. A. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Material Culture of the Nomads of the Bulgar Ulus of the Golden Horde	172
Senotrusova P. O., Mandryka P. V. (<i>Krasniyarsk, Russian Federation</i>) Military Science of the Population of the Lower Angara During the Mongolian Era	176
Teslenko I. B. (<i>Simferopol, Russian Federation</i>) Ceramic Assemblage from the Settlement of the Golden Horde Time in the Valley of the Artek River (Crimea)	180
Kharinsky A.B. (<i>Irkutsk, Russian Federation</i>) Southern Part of the Cis-Baikal on the eve of the Formation of the Mongol Empire	187
Kharlamov V. P. (<i>Orenburg, Russian Federation</i>) The Golden Horde Brick Mausoleums of the Western Orenburg Region	193
Tsybin M. V. (<i>Voronezh, Russian Federation</i>) Archaeological Monuments of the Golden Horde Period in the Bitrug River Region	197
Shingiray I. (<i>Oxford, United Kingdom</i>) “The Wise,” “the Learned,” “the Knowledgeable”: A Mamluk (?) <i>Tiraz</i> from the Grave of a Golden Horde Steppe Warrior (Kalmykia, Russia) .	201

Archaeology of Medieval Urban Centers of Eurasia

Adaksina S. B., Myts V. L. (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>) The Golden Horde Cultural Components in the Culture of a Genoavian City Chembalo (Balaklava) in XIV–XV Centuries.	206
Artem'eva N. G. (<i>Vladivostok, Russian Federation</i>) The Specific Features of Fortifications at the Jurchen Walled Towns XIII Century	211
Vasilinenko D. E., Tishchenko I. B. (<i>Krasnodar, Russian Federation</i>) Ceramic Complex of the Habitation Sites and Ground Burials of the Kuban Region XIII – XV Centuries. Preliminary Analysis Data	216
Dostiev T. M. (<i>Baku, Azerbaijan</i>). Medieval City Culture of Azerbaijan (Innovations and Traditions)	222
Yotov V.V. (<i>Varna, Bulgaria</i>) Viticulture and Winemaking of the Late Antiquity and the Middle Ages. Using the Example of Written Sources and Archaeological Monuments of Bulgaria	226
Khdirniyazov O.-Sh. (<i>Nukus, Uzbekistan</i>) Pulzhay Monument of the Urban Culture of the South Aral Sea Region	238

Kirillo V. P. (<i>Simferopol, Russian Federation</i>) New and Forgotten Old about the Alushta Burial Ground	244
Klyuev N. A., Gridasova I. V. (<i>Vladivostok, Russian Federation</i>) Town-Planning Practice of Medieval People of Primorye (Using the Example of Koksharovka–1 Walled-Town)	250
Lapshin A. S., Lapshina I. Yu. (<i>Volgograd, Russian Federation</i>) The Funeral Ceremony and the Subjects of Christian Cult of Russian Population at Vodyansky Settlement in XIV Century	255
Maslovsky A. N. (<i>Azov, Russian Federation</i>) Azaq and its Outskirts in the First Decades of Existence. Issues of Establishment and Growth of Golden Horde Towns	260
Mogarichev Ya. M. (<i>Simferopol, Russian Federation</i>) The Muslim Monuments of Bakhchisaray and at the Area in the Description of A.S. Uvarov	266
Myts V. L. (<i>Saint-Petersburg, Russian Federation</i>) Aluston in the Golden Horde Period	271
Piankov A. V. (<i>Krasnodar, Russian Federation</i>), Volkov I. V. (<i>Moscow, Russian Federation</i>), Tikhonov A. A. (<i>Ivanovskaya, Russian Federation</i>) Settlement Suvorovskaya Glade in the Tract Red Forest (Right Bank Of The Kuban River)	275
Savelyev N.I. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) Objects With "Fences" in the District Of the Golden Horde Cities Lower Volga Region	280
Savenko S. N. (<i>Pyatigorsk, Russian Federation</i>) On the Problem of Attributes, Peculiarities and Characteristic Features of the City Cemeteries of the Central Ciscaucasia of the X–XIV Centuries	287
Semykin Yu. A. (<i>Ulyanovsk, Russian Federation</i>) Technology of Forging Industry in Population of the Middle Volga Region During the Golden Horde Period.....	292
Sergeev A. Yu. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) Archaeobotany on the Samosdelka Settlement: the first results of researches	299
Tropin N. A. (<i>Elets, Russian Federation</i>) Cast–Iron Cauldrons from the Territory of Yelets Principality of XIV–XV Centuries.	304
Ushakov S. V., Bayburtskiy A. M. (<i>Simferopol, Russian Federation</i>) About the Late History of Chersonessos and its Relations with the Golden Horde (The Case of the Archeological Assemblages of the Latter Half of 13 th Century in the North-Eastern District of the City-Site)	309
Khozhaniyazov G. (<i>Nukus, Uzbekistan</i>) White Khanako in Medieval Khorezm.....	314
Khrapunov N. I. (<i>Simferopol, Russian Federation</i>) A New Data for the Studies in the Late Mediaeval Monuments of the Crimea: the drawings by english travellers from the late 18 th and early 19 th centuries.....	320
Vagner-Sapukhina E. A., Pezhemsky D. V. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) Comparative Analysis of the Total Body Size of the Medieval Bolgar Population ..	326

Congratulation

Bocharov S. G. (<i>Kazan, Russian Federation</i>), Yavorskaya L. V. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) Yuriy D. Obukhov's Anniversary	340
List of Abbreviations	342

АРХЕОЛОГИЯ МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ И ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

УДК 902.1

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СПОРОВО-ПЫЛЬЦЕВОГО АНАЛИЗА ПРИ ИЗУЧЕНИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ РАЗНОГО ТИПА НА ПРИМЕРЕ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ГОРОДОВ

© 2018 г. А.Н. Бабенко, А. С. Алешинская., М. Д. Кочанова

Спорово-пыльцевой анализ — один из основных методов для реконструкции растительного покрова прошлого. Применение этого метода для изучения археологических памятников нередко связано с рядом трудностей. Изучены образцы из двух типов археологических объектов: оборонительный насыпной вал Болгарского городища (Татарстан, Спасский район) из раскопа ССV и дорога города Маджар, раскоп XII (Ставропольский край, Будённовский район). Из раскопа ССV для реконструкции растительности пригодны лишь нижние образцы, отражающие растительность добулгарского периода. Погребенная под валом почва оказалась перемешанной в результате вспашки. Согласно спорово-пыльцевым спектрам насыпь вала представляет собой перемешанную почву домонгольского периода. Полученные результаты палинологического анализа образцов из раскопа XII Маджарского городища являются первой попыткой реконструкции палеообстановки рассматриваемой территории. Спорово-пыльцевые спектры образцов из дороги искажены и не являются пригодными для реконструкции динамики растительности. Данные пыльцевого анализа из второй колонки раскопа XII отражают существование марево-злаковой степи до образования Маджарского городища. Увеличение роли злаков в растительном покрове в XIV в. связаны, вероятнее всего, с более влажными условиями Малого ледникового периода. Усиление пастбищной нагрузки на растительность округи крупного города отразилось в сокращении доли злаков в растительном покрове. Спорово-пыльцевые спектры образцов из насыпного вала и дороги могут формироваться различными путями, поэтому важным моментом при изучении таких объектов является необходимость параллельно отбирать и анализировать образцы из слоев того же возраста на поселении или из естественного разреза.

Ключевые слова: Палинология, Болгарское городище, Маджар, Золотая Орда.

Спорово-пыльцевой анализ — один из основных методов для реконструкции растительного покрова прошлого. Классическими объектами для изучения динамики растительности являются торфяники и озерные отложения, однако интересные результаты можно получить и при исследовании археологических памятников. Основными материалами для палинолога в данном случае чаще всего является культурный слой и погребенная почва, которая может сохраняться под культурным слоем, сформировавшимся в период существования поселения, под постройками, насыпными валами и т.д. В связи с этим метод спорово-пыльцевого анализа имеет ряд ограничений и особенностей. Пыльца и споры в почве сохраняются хуже, особенно в сильно карбонатных. По сравнению с озерными и болотными отложениями, которые могут накапливаться тысячелетиями, на

археологических объектах мы, как правило, имеем небольшой временной интервал. Кроме того, спорово-пыльцевые спектры археологических памятников часто могут отражать не столько естественную растительность, сколько измененную под антропогенным влиянием. Однако как раз такие спорово-пыльцевые спектры могут нести больше информации, включая как динамику естественной растительности, так и изменения, связанные с хозяйственной деятельностью человека.

Цель исследования — показать особенности интерпретации спорово-пыльцевых спектров на примере двух типов археологических объектов: оборонительный насыпной вал Болгарского городища (Татарстан, Спасский район) из раскопа ССV и дорога города Маджар, раскоп XII (Ставропольский край, Буденновский район).

Материалы и методы. Вокруг Болгарского городища в середине XIV в. был возведен кольцевой вал. Грунт для строительства насыпи выбирался из рва, откопанного с внешней стороны от вала (Коваль и др., 2014). В раскопе ССV, прорезавшем вал и ров, на спорово-пыльцевой анализ отобрано три колонки: разрез 1 (квадрат 39 (восточный профиль), с напольной стороны от рва, 10 образцов), разрез 2 (квадрат 6 (восточный профиль), под внутренней полкой вала, 12 образцов), разрез 3 (квадрат 31 (восточный профиль), на дне рва, у подножия склона с напольной стороны, 5 образцов).

В раскопе XII на Маджарском городище была прорезана дорога (квадрат 1В), идущая через центральную часть города. Дорога была построена и функционировала в XIV в. (Обухов, Бочаров, 2018). В профиле дороги отобрано 17 образцов (колонка 1). Для корректной интерпретации данных дополнительно отобрана колонка 2 в непосредственной близости от дороги на поселении (18 образцов).

Результаты и обсуждение. Оборонительные валы являются сложными природно-антропогенными объектами, где могут чередоваться ненарушенные погребенные почвы и насыпные слои с перемешанным материалом и не представляющие большого интереса для палинолога. В связи с этим при изучении таких объектов первоочередной задачей является выделение слоев погребенной почвы, пригодных для восстановления природной обстановки. В данном случае большую помощь может оказать сравнение результатов спорово-пыльцевого анализа вала и культурных слоев того же возраста с городища. Палинологический анализ образцов из ненарушенных погребенных почв в основании вала дает картину природной среды в период начала сооружения вала. Фрагменты погребенных почв в теле вала могут быть как переотложенными, так и инситами. Если слои являются переотложенными, то можно определить, из каких слоев произошло их переотложение (при условии, если эти слои сохранились). В случае инсита залегания можно говорить о перерыве в сооружении вала, когда на его поверхности образовалась почва, и провести реконструкцию растительного покрова для этого периода.

Из трех колонок раскопа ССV наиболее информативными оказались две (разрез 2 и разрез 3). Спорowo-пыльцевые спектры

нижних трех образцов разреза 3 характеризуются преобладанием пыльцы древесных пород (67–70%), среди которых доминирует пыльца березы (*Betula*). Пыльца травянистых растений представлена в основном злаками (*Poaceae*) и разнотравьем практически в равном количестве. Такие спектры хорошо согласуются с результатами палинологического анализа колонки из раскопа CLXXIX (Алешинская и др. в этом сборнике) и соответствуют палинозоне 1, характеризующей растительность добулгарского периода. В пыльцевых спектрах двух вышележащих образцов доля пыльцы древесных пород снижается до 46–49%, а основную долю травянистых растений составляют злаки. В четвертом образце среди пыльцы древесных пород преобладает береза, а в самом верхнем – сосна (*Pinus*). Эти спектры трудно соотнести с какой-либо палинозой раскопа CLXXIX. Возможно, верхние образцы представляют собой перемешанный сползший в ров слой грунта, на котором сформировалась современная почва.

Пыльцевые спектры четырех нижних образцов разреза 2, вероятнее всего, относятся к добулгарскому периоду, так как сходны по составу с нижними образцами разреза 3 (преобладание пыльцы древесных пород (49–58%), большая доля пыльцы березы и сходное соотношение доли злаков и разнотравья). Вышележащие семь образцов (5–11) отличаются от рассмотренных нижних лишь большей долей березы в составе пыльцы древесных пород и большей долей злаков по отношению к разнотравью. Эта палинозона выделяется не столько по спорово-пыльцевым спектрам, сколько стратиграфически. Рассматриваемая часть профиля представляет собой погребенную перемешанную пахотную почву (Гольева, 2018). В связи с этим пыльцевые спектры этих образцов не могут быть использованы для реконструкции растительности и не согласуются со спорово-пыльцевыми данными из раскопа CLXXIX. Верхний двенадцатый образец разреза 2 отобран из нижней части насыпи вала, и его пыльцевые спектры предположительно должны отражать растительность домонгольского периода. Пыльцевые спектры рассматриваемого образца характеризуются преобладанием пыльцы древесных пород (66%), однако от нижележащих слоев отличаются снижением доли березы и увеличением роли пыльцы сосны. Если сравнить это с пыльцевыми спектрами палинозон 1 и 2 раскопа CLXXIX, то действи-

тельно есть вероятность, что спектры образца 12 могут представлять собой перемешанную почву домонгольского периода.

Если особенности интерпретации спорово-пыльцевых спектров валов более или менее разработаны, то случаи практики применения палинологического анализа для изучения дороги как археологического объекта авторам данной статьи известны только по одной работе Е.Г. Ершовой с соавторами (2017) на раскопе 2015 г. Зарядье–7 (г. Москва). В упомянутой работе авторы сравнивают спорово-пыльцевые спектры образцов из средневековой дороги, современного конского навоза и поверхностных луговых почвенных проб Подмосковья и приходят к выводу, что спектры из раскопа близки к спектрам современного «лежалого» конского навоза и резко отличаются от образцов поверхностных почв с низким содержанием пыльцы древесных пород и большей долей злаков и пыльцы энтомофильных, то есть опыляемых насекомыми, растений.

Маджарское городище является остатками золотоордынского города Маджар, оно расположено у современного города Буденовск. Несмотря на то что город Маджар являлся важным торгово-ремесленным центром на Северном Кавказе, он до сих пор остается одним из наименее изученных археологических памятников золотоордынского времени. Палеоботанических исследований на памятнике ранее не проводилось. Спорово-пыльцевые спектры колонок 1 (дорога) и 2 (с поселения) сходны и характеризуются преобладанием пыльцы травянистых растений и небольшой долей пыльцы древесных пород (до 4,5%). Среди пыльцы травянистых растений преобладают маревые (*Chenopodiaceae*) и злаки (*Poaceae*). Такие спектры отражают марево-злаковый тип степной растительности. Буденовский район расположен в степной части Ставропольского края, где небольшие древесные массивы приурочены к долине реки Кумы. Поэтому можно предположить, что полученные спектры действительно отражают растительность района исследований.

Колонка 2 является наиболее информативной для реконструкции динамики растительного покрова. По результатам ее изучения выделены две палинозоны (рис. 1). Палинозона В (6 образцов, 70–48 см) выделена в пределах однородного лессовидного слоя и отражает степную растительность с преобладанием

маревых, существовавшую до образования Маджарского городища. Палинозона А охватывает культурный слой XIV в., она делится на две подзоны. Пыльцевые спектры семи образцов (46–20 см), объединенных в подзону А2, отличаются от палинозоны В большей долей злаков. В спектрах подзоны А1 (5 образцов, 18–0 см) вновь доминируют маревые. Основными причинами динамики растительности являются антропогенный и климатический факторы. Вероятно, увеличение роли злаков в окружающей город Маджар растительности в первые десятилетия его существования может быть отражением влияния более влажных условий Малого ледникового периода. Уменьшение же роли злаков в растительном покрове за довольно короткий период может быть связано с влиянием выпаса на окрестные пастбища. Развитие города, у населения которого ведущим продуктом в мясном потреблении была говядина, поставляемая специализированными скотоводческими хозяйствами округа (Яворская, в этом сборнике), могло привести к увеличению антропогенного пресса на растительные сообщества.

Полученные результаты палинологического анализа образцов из раскопа XII являются первой попыткой реконструкции палеообстановки рассматриваемой территории, поэтому высказанные предположения о причинах динамики растительности требуют подтверждения при дальнейших исследованиях.

В спорово-пыльцевых спектрах колонки 1 не наблюдается сходной динамики, что предположительно связано с функционированием дороги. Если детально сравнить пыльцевые спектры двух колонок, то можно отметить ряд небольших отличий (табл. 1), которые могут свидетельствовать об искажении спектров колонки 1 в результате попадания пыльцы из помета животных.

Таким образом, на примере двух типов археологических объектов (дорога и насыпной вал) показано, что различные условия формирования изучаемых спектров определяют разницу в подходах к исследованию и интерпретации получаемых результатов. Кроме того, важным моментом при изучении таких объектов является необходимость параллельно отбирать и анализировать образцы из слоев того же возраста на поселении или из естественного разреза (например, торфяник).

Таблица 1. Отличия спорово–пыльцевых спектров колонок 1 и 2.

	колонка 1	колонка 2
Средняя доля пыльцы энтомофильных растений, %	10	9
Кол–во образцов с долей пыльцы энтомофильных растений > 10%	11	7
Средняя доля пыльцы злаков, %	29	23
Кол–во образцов с долей пыльцы злаков > 20%	15	7
Число определенных таксонов среди травянистой растительности	28	23
Наличие пыльцы подорожника (<i>Plantago</i>)	+	–
Среднее кол–во групп пыльцы в образце	2,5	1,9

ЛИТЕРАТУРА

Алешинская А.С., Спиридонова Е.А., Кочанова М.Д. Природная среда окрестностей Болгарского городища (по материалам палинологических исследований культурного слоя раскопа CLXXIX) // Археология евразийских степей. 2018. №5 (в печати).

Гольева А.А. Реконструкция хозяйственной деятельности средневекового Болгара на основе изучения погребенных почв // ПА. 2018. (в печати).

Ершова Е.Г., Бакуменко В.О., Воронцов Т.П., Гончаров М.М., Клименко М.С., Куликов Н., Ревокатова Д.П., Селезнева Е.М., Фариш Н.Р., Фетисова Е.С., Яковенко Е.П. Спорово–пыльцевые спектры современного и средневекового конского навоза // Материалы Всероссийской междисциплинарной научной конференции с международным участием «Палеопочвы, палеоэкология, палеоэкономика» (Пушино, 22–24 мая 2017 г.) Пушино: Товарищество научных изданий КМК, 2017. С. 70–74.

Коваль В.Ю., Русаков П.Е., Смирнов А.Н. Раскоп CCV // Археологические исследования 2014 г.: Болгар и Свияжск / авторы–составители: Ситдинов А.Г., Валиев Р.Р., Старков А.С. Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость». 2015. С. 26–27.

Обухов Ю.Д., Бочаров С.Г. Новая находка костяной накладки с изображением дракона на Маджарском городище // ПА. 2018. № 2. С. 125–133.

Яворская Л.В. Продукция скотоводства в золотоордынском Маджаре: мясные продукты и ремесленные производства // Археология евразийских степей. 2018. №5 (в печати).

Информация об авторах:

Бабенко Анна Николаевна, кандидат биологических наук, научный сотрудник. Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); mnemosina_a@mail.ru

Алешинская Анна Сергеевна, кандидат географических наук, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); asalesh@mail.ru

Кочанова Мария Дмитриевна, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); mdkochanova62@mail.ru

FEATURES OF APPLICATION OF SPORE-POLLEN ANALYSIS IN THE STUDY OF ARCHAEOLOGICAL OBJECTS OF VARIOUS TYPES IN THE EXAMPLE OF THE GOLDEN HORDE CITIES

A. N. Babenko, A. S. Alecshinskaya, M. D. Kochanova

Palynological analysis is one of the main methods for the reconstruction of the past vegetation. The application of this method to study of archaeological sites is often related with a different problems. Samples were studied from two types of archaeological objects: the earthen rampart of Bolgar settlement (Tatarstan, Spasskiy district) from the excavation site № CCV and the road of the Madzhar city, excavation site № XII (Stavropol region, Budennovsky district). Only bottom samples from the excavation site № CCV are suitable for the reconstruction of past vegetation. They reflect the pre-Bulgar vegetation. Buried soil under the earthen rampart was mixed as a result of plowing. According to the spore-pollen spectra, fill of earthen rampart is a pre-Mongol mixed soil. The results of palynological analysis of samples from the excavation site № XII are the first attempt to paleoenvironmental reconstruction of the study area. The spore-pollen spectra of samples from the medieval road are distorted and can't be suitable for the reconstruction of vegetation dynamics. The data of the pollen analysis from the profile 2 reflect the existence of the goosefoot and grass steppe ecosystems before the Madzhar settlement foundation. The domination of grasses in the steppe vegetation in the XIV century may be related with more abundant precipitation during the Little Ice Age. The grazing load increasing of the large city vicinity was reflected in the decreasing of the role of *Poaceae* family in the vegetation. Spore-pollen spectra of samples from the earthen rampart and the road can be formed in different ways. So the important point in the study of such archaeological objects is the need to simultaneously taken and analyze samples from layers of the same age in the settlement or from the natural section.

Keywords: palynology, Bolgar, Madzhar, the Golden Horde.

About the Authors:

Babenko Anna N. Candidate of Biological Sciences Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; mnemosina_a@mail.ru

Aleshinskaya Anna S. Candidate of Geographical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; asalesh@mail.ru

Kochanova Maria D. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; mdkochanova62@mail.ru

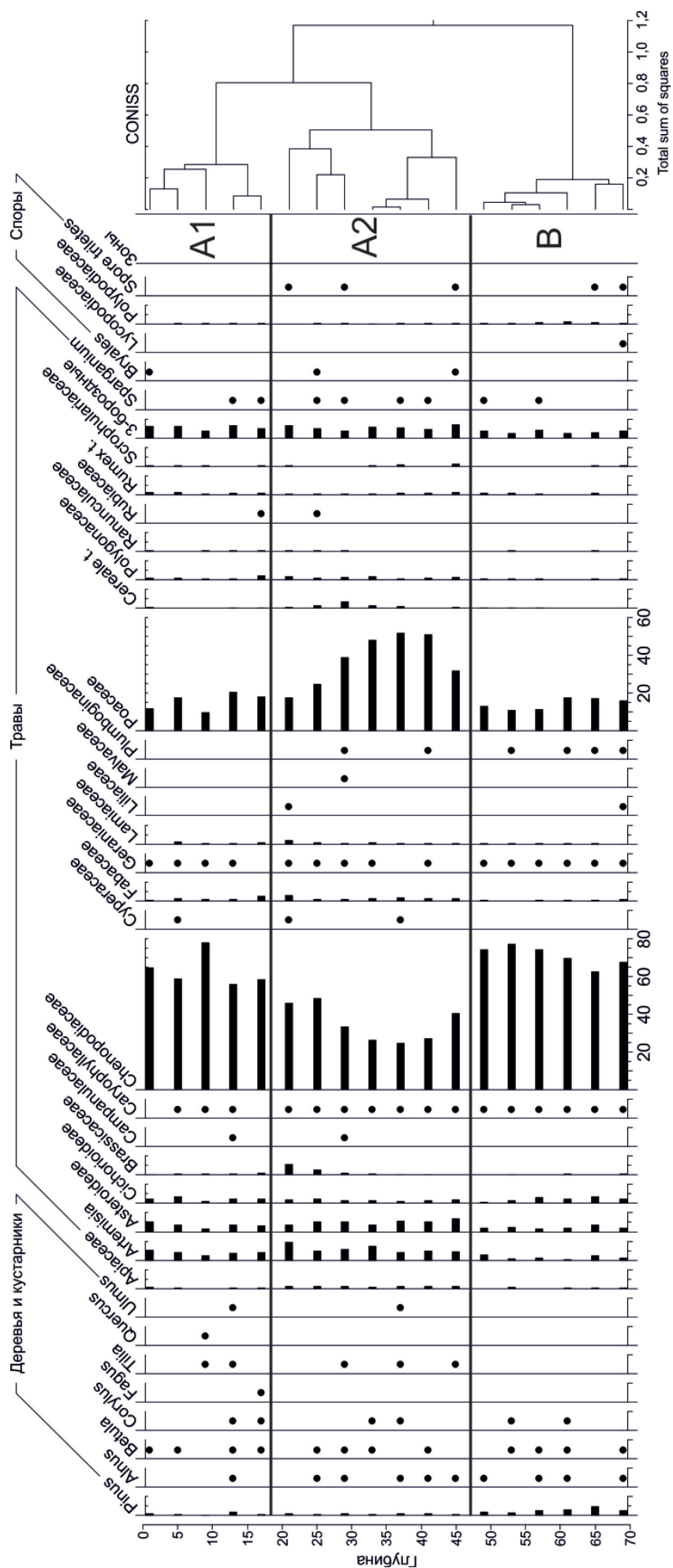

Рис. 1. Спорово-пыльцевая диаграмма колонки 2.

ЛОКАЛИЗАЦИЯ ОБЛАСТИ БИШДАГ В ЦЕНТРАЛЬНОМ ПРЕДКАВКАЗЬЕ ПО ДАННЫМ ПИСЬМЕННЫХ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

© 2018 г. В. А. Бабенко

В сочинении Ибн Баттуты (1304–1369) описывается его поездка в 1334 г. из Азака в Маджар и в местность (область) Бишдаг вслед за ставкой хана Узбека. Здесь его внимание привлек горячий минеральный источник, обладавший целебными свойствами. Ибн Баттута оставил описание праздника Рамадана, из которого следует, что он происходил внутри кочевой ставки Узбека, вне населенных пунктов. Текст Ибн Батутты не позволяет локализовать место кочевания ставки Узбека и место проведения праздника в 1334 г. Попытки соотнести рассказ Ибн Баттуты и конкретный памятник, предпринятые Т.Б. Палимпсестовой, А.П. Руничем и Е.И. Нарожным, не учитывают содержащуюся в рассказе Ибн Баттуты информацию о проведении праздника в кочевых условиях, поблизости от минеральных источников и гор Пятигорья. Праздник мог проводиться на пространстве в долине р. Подкумок, ограниченном горами-лакколитами Машук, Бештау, Железная, Развалка и Змейка, способном вместить большое количество людей, животных, шатров и арб. Границы местности (области) Бишдаг могли примерно совпадать с территорией Минераловодской наклонной террасированной равнины, расположенной между Ставропольской возвышенностью и Пастбищным хребтом в междуречье Кубани, Кумы и Терека.

Ключевые слова: ставка, хан, источник, область, равнина

В сочинении Ибн Баттуты (1304–1369) описывается его поездка в 1334 г. из Азака в Маджар и в местность (область) Бишдаг вслед за ставкой хана Узбека. Путь из Маджара в эту область занимал 4 дня. Здесь его внимание привлек горячий минеральный источник, обладавший целебными свойствами: «На том Пятигорье находится ключ горячей воды, в котором Тюрки купаются. Они полагают, что кто выкупается в нем, того не постигнет кручина болезни» (Тизенгаузен, 1884, с. 289).

Из текста Ибн Баттуты следует, что ставка не стояла на месте и постоянно кочевала неподалеку от минеральных источников и гор Пятигорья. Когда Ибн Баттута со своими спутниками прибыли на предполагаемое место расположения ставки, там ее не оказалось. Пока они ее искали, она вернулась на прежнее место, где и произошла их встреча (Тизенгаузен, 1884, с. 289). За исключением «ключа горячей воды» в тексте Ибн Баттуты отсутствуют подробности в описании природных достопримечательностей и ориентиров, например, вида на Эльбрус и горы Пятигорья, которые невозможно было не заметить.

Его внимание привлекли только Узбек, его семья и ставка, которую он сравнил с большим городом, движущимся вместе со своими жителями, мечетями и базарами. «Когда достигают места привала, то палатки снима-

ют с арб и ставят на землю, так как они легко переносятся. Таким же образом они устраивают мечети и лавки» (Тизенгаузен, 1884, с. 289). Отлучившись в Болгар, он вернулся накануне праздника Рамадана и застал ставку Узбека в «местности, известной под именем Бишдаг» (Тизенгаузен, 1884, с. 298). Вероятно, их встреча произошла на прежнем месте.

Ибн Баттута подробно описал ход праздника. С наступлением утра пятницы 3 июня 1334 г. Узбек, члены его семьи и все его войско выдвинулись верхом к месту проведения праздника. После проведения соревнования лучников и церемонии награждения эмиров спешившиеся гости направились в шатер, в котором состоялся пир. Затем участники праздника отправились в мечеть на соборную молитву (Тизенгаузен, 1884, с. 298-301). Описание мечети в тексте не приводится, но подразумевается ее походный характер: напротив мечети во время праздника ставился шатер «для кадия, хатыба, для шерифа да прочих правоведов и шейхов», в котором было отведено место и знаменитому путешественнику (Тизенгаузен, 1884, с. 300). После появления Узбека участники праздника «... помолились соборно и народ вернулся в свои жилища» (Тизенгаузен, 1884, с. 301). Таким образом, из контекста сюжета следует, что

праздник происходил внутри кочевой ставки, вне населенных пунктов.

Текст Ибн Батутты не позволяет локализовать место кочевания ставки Узбека и место проведения праздника. На наш взгляд, их необходимо разделить. Вероятно, под местностью Бишдаг у Ибн Батутты подразумевалась не столько г. Бештау и ее окрестности, сколько местность в Пятигорье с пятью наиболее примечательными горами (Машук, Бештау, Железная, Развалка и Змейка), занимающими центральное положение в Пятигорье (рис. 1). Вероятно, ставка кочевала в этом районе. Еще в Новое время здесь были известны горячие источники на юго-восточном склоне г. Машук (Гильденштедт, 2002, с. 282; Клапрот, 2008, с. 145) и на восточных склонах г. Бештау (Гильденштедт, 2002, с. 288).

Участники праздника преодолели некоторое расстояние между своими ставками и местом проведения праздника. По свидетельству Ибн Батутты, в празднике участвовали оба сына Узбека вместе со своими войсками и различные представители кочевой элиты: эмиры старшие и младшие, царевицы, визири, придворные и вельможи, 17 темников (Тизенгаузен, 1884, с. 298-299). Место проведения праздника должно было сочетать близость к минеральным источникам и обширную территорию, способную вместить большое количество людей, животных, шатров и арб. Это могло быть пространство в междуречье р. Подкумок и р. Джемуха (правый приток Кумы, истоки расположены на склонах г. Бештау), ограниченное подножиями расположенных по дуге отмеченных выше пяти гор. И.-А. Гильденштедт сравнил пространство между юго-восточной подошвой г. Машук и северо-восточной подошвой г. Шепсипкаи (Змейка? – В.Б.) с амфитеатром (Гильденштедт, 2002, с. 282).

Границы области Бишдаг не ограничивались территорией кочевания ставок золотоордынских ханов или местом проведения праздника в 1334 г. Они могли примерно совпадать с территорией Минераловодской наклонной террасированной равнины, расположенной между Ставропольской возвышенностью и Пастбищным хребтом в междуречье Кубани, Кумы и Терека. Равнина расчленена широкими, хорошо разработанными долинами р. Кумы и ее притоков (Подкумок, Золка, Суркуль). В ее центральной части расположены 17 обособленных друг от друга гор-лакколитов во главе с Бештау (1400 м) (Современные..., 2002, с. 113-114). На юго-западе к ней примыкает

территория Кисловодской котловины (600-700 м), расположенная в отрогах Пастбищного хребта и разработанная р. Подкумок и ее притоками Аликоновкой и Березовой (Современные..., 2002, с. 118-120). К юго-востоку от гор-лакколитов Лысая и Золотой курган расположено плато с высотными отметками 350-500 м, прорезанное долинами рек Подкумок, Этока, Золка, Кура и Подкурок.

В условиях климатического оптимума золотоордынской эпохи климат на Минераловодской равнине мог отличаться мягкостью и увлажнением. Долины Кумы и ее притоков (Подкумок, Джемуха, Джуца, Золка, Кучук, Суркуль и Этока), подножия большинства гор-лакколитов наверняка могли быть покрыты лесами и зарослями камыша, в которых водилась дичь. В период пребывания ханских ставок здесь могли проводиться большие облавные охоты.

Природные условия области способствовала ведению кочевого хозяйства. И.-А. Гильденштедт отметил пространство между р. Джуцей и р. Этокой, как «в высшей степени плодоносное пастбище» (Гильденштедт, 2002, с. 288). По его данным, в конце XVIII в. кабардинцы перегоняли летом табуны лошадей к подошве Эльбруса. В сентябре и в октябре их возвращали к подножию низких гор. С ноября по апрель их держали в теплых равнинах верхнего течения р. Кумы, на Куре, в нижних течениях Малки и Баксана, которые отличались мягкими зимами (Гильденштедт, 2002, с. 287-288). Вероятно, подобная система кочевания сложилась задолго до Нового времени. Пребывание ханских ставок в Пятигорье вписывалось в эту систему.

Эта область являлась одним из центров коневодства, о чем свидетельствуют приводимые В.А. Кузнецовым примеры размещения здесь в начале XX в. многочисленных конезаводов (Кузнецов, 2005, с. 97-98). В эпоху Золотой Орды здесь также могли разводить лошадей. У Ибн Батутты содержится информация об обилии лошадей у местных кочевников и их продаже в Индию (Тизенгаузен, 1884, с. 286). Этот рассказ предваряет сюжет о поездке из Азака в Маджар и может быть отнесен как к Нижнему Дону, так и к предгорьям Северного Кавказа.

Недостаточная изученность золотоордынских древностей Пятигорья не позволяет точно локализовать место пребывания ханских ставок. Т.Б. Палимпсестова и А.П. Рунич связали место, где Ибн-Баттута совершил молитву, с разрушенным современ-

ной застройкой поселением на правом берегу р. Подкумок на месте современных Ессентуков (Палимпсестова, Рунич, 1974, с. 237–238). Долгое время это предположение не вызывало возражений.

В связи с открытием Новопавловского поселения и могильника в Кировском районе Ставропольского края (Нарожный, Охонько, 2007) Е.И. Нарожный предположил, что ставка Узбека располагалась на месте совр. г. Новопавловска (Нарожный, 2011, с. 134). Не умаляя значение этого памятника (в верховьях р. Куры располагался второй по важности после Маджара пункт на пути ханских перекочевков на Терек), его необходимо исключить из перечня возможных мест проведения

праздника в 1334 г. как удаленный от минеральных источников на значительное расстояние.

Таким образом, недостаточная изученность золотоордынских древностей Пятигорья не позволяет локализовать места размещения ханских ставок или место проведения праздника в 1334 г. Попытки увязать рассказ Ибн Баттуты и конкретный памятник не учитывают содержащуюся в его рассказе информацию о проведении праздника в кочевых условиях. Ханские ставки могли посещать населенные пункты и отдельные местности в области Бишдаг но цель их пребывания в Пятигорье больше сводилась к посещению минеральных источников.

ЛИТЕРАТУРА

Гильденштедт И.-А. Путешествие по Кавказу в 1770-1773 гг. / Пер. Т.К. Шафрановской, под ред. Ю.Ю. Карпова. СПб.: Петербургское Востоковедение. 2002. 512 с.

Канторович А.Р., Маслов В.Е., Петренко В.Г. Погребения майкопской культуры кургана №1 могильника «Марьянская-5» // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (Магас, 26–30 апреля 2010 г.). Тезисы докладов Международной научной конференции. Магас: Археологический центр им. Е.И. Крупнова, 2010. С. 164–167.

Клапрот Ю. Описание поездки по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах. Пер. с англ. К.А. Мальбахов. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2008. 318 с.

Кузнецов В.А. Кавказские Минеральные Воды в древности и средневековье (историко-археологические очерки). Пятигорск: Издательство ин-ститута экономики и управления. 2005. 155 с.

Нарожный Е.И. «Золотоордынское наследие» А.П. Рунича и некоторые аспекты изучения золотоордынского периода истории Центрального Кавказа // Археология и краеведение Кавминвод в контексте межрегиональных связей и контактов. Сборник материалов межрегиональной научной конференции 17–18 ноября 2011 г. К 100-летию со дня рождения и 25-летию памяти А.П. Рунича / Под ред. С.Н. Савенко. Пятигорск, 2011. С. 134–137.

Нарожный Е.И., Охонько Н.А. Новопавловский могильник XIV века в системе евразийских древностей / МИАСК. Вып. 7. Армавир; Ставрополь, 2007. 173 с.

Палимпсестова Т.Б., Рунич А.П. О ессентукийских мавзолеях и ставке Узбек-хана // СА. 1974. №2. С. 229–239.

Современные ландшафты Ставропольского края. Ставрополь: СГУ, 2002. 228 с.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1884. 563 с.

Информация об авторе:

Бабенко Виталий Александрович, ведущий научный сотрудник, ООО «Наследие», (г. Ставрополь, Россия); vit-babenko@yandex.ru

LOCALIZATION OF BISHDAG AREA IN THE CENTRAL CISCAUCASIA ACCORDING TO WRITTEN AND ARCHAEOLOGICAL SOURCES

V. A. Babenko

Ibn Battuta's narrative (1304–1369) the author described a trip which he made in 1334 from Azack to Madzhar and Bishdag area following the Uzbek Khan's headquarters. What attracted his attention there was a hot mineral spring with healing properties. Ibn Battuta gave a description of the feast of Ramadan, which means that it took place in Uzbek Khan's headquarters beyond settlements. Ibn Battuta's text doesn't allow localizing either the Uzbek Khan's headquarters or the venue of the feast of Ramadan in 1334. The attempts made by T.B.Palimpsestova, A.P.Runich and Y.I.Narozhnyi leave out the information from the Ibn Battuta's narrative that the feast was held in nomads' camp in the vicinity of mineral springs and the Pyatigorye mountains. The feast might have been held in the territory of the Podkumok river valley, which is bounded by Mashuk, Beshtau, Zheleznaya, Razvalka and Zmaika mountains–laccoliths. The territory can accommodate plenty of people, animals, marquees and bullock carts. The boundaries of the Bishdag area approximately could have matched the territory of the Mineral water column slope, which is located between the Stavropol Upland and the Pasture ridge in the interfluves of the Kuban, the Kuma and the Terek rivers.

Keywords: headquarters, khan, source, area, plain.

About the Author:

Babenko Vitaly A. Leading Research Scientist, LLC Heritage Ordzhonikidze St., 75, Stavropol, 355008, Russian Federation; vit–babenko@yandex.ru

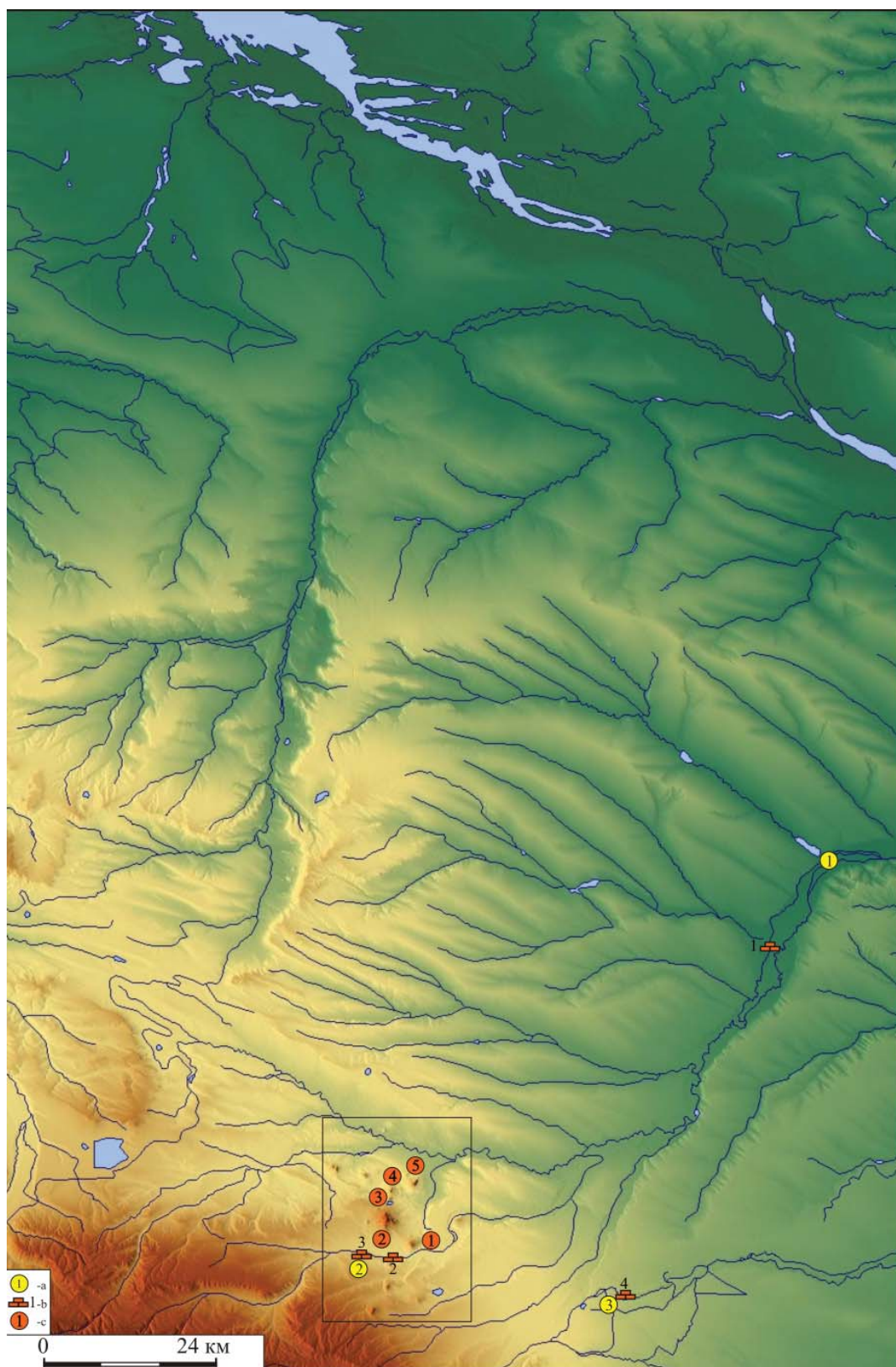

Рис. 1. Памятники эпохи Золотой Орды на территории Прикумья и Пятигорья. а – бытовые памятники: 1 – Городище Маджары, 2 – Ессентуки, 3 – Новопавловск, в – мавзолеи: 1 – Маслов Кут, 2 – ст. Скачки, 3 – Белый уголь/Ессентуки, 4 – Новопавловск, с – горы-лакколиты: 1 – Машук, 2 – Бештау, 3 – Железная, 4 – Развалка, 5 – Змейка

УДК 902.1

ПОЧВЕННАЯ СТРУКТУРА И СОСТОЯНИЕ МИКРОБНЫХ СООБЩЕСТВ ПОЧВ В ПЕРИОД СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

© 2018 г. А. В. Бухонов, Т. С. Демкина

Изучены структурный и агрегатный состав и состояние микробных сообществ современных каштановых почв Приволжской возвышенности (Волгоградская область) и их современных аналогов, погребенных в средние века. Исследования проводились с целью установления особенностей изменения почвенной структуры в зависимости от времени пребывания почвы в погребенном состоянии и характеристик состояния микробных сообществ, отражающих палеоклиматические условия. Объектами исследования послужили почвы, погребенные под курганной насыпью около 600 лет назад и ее современные аналоги. Эпоха Золотой Орды в целом характеризовалась повышенной атмосферной влажностью. Однако уже во второй половине XIV века началась постепенная аридизация климата, что отразилось на состоянии микробных сообществ исследуемых почв. На основе полученных данных определены глубистость, агрегированность, распыленность, коэффициент структурности, степень дифференциации почвенного профиля. Впервые установлено, что после погребения структура почв сохраняется. Структурный и агрегатный состав каштановых почв определялся климатическими условиями, существовавшими до момента погребения. Показано, что агрегатный состав специфичен и определяется особенностями увлажнения климата и сохраняется независимо от продолжительности пребывания почвы в погребенном состоянии.

Ключевые слова: каштановые почвы, почвы археологических памятников, средневековье, почвенная структура, микробные сообщества, палеоклимат

В последние годы особую важность приобрела проблематика совершенствования методических подходов к изучению палеопочв как индикаторов состояния природной среды в различные исторические эпохи. Благодаря работам таких исследователей, как И.В. Иванов, М.И. Дергачева, В.А. Демкин, А.В. Борисов и др., в этом вопросе особую актуальность приобретает комплексный подход к исследованию различного рода археологических памятников, которые сохранились в достаточном количестве в сухостепной зоне.

В палеопочвах, погребенных под различными археологическими памятниками сохраняются признаки и свойства, отражающие условия окружающей среды, в которых почвы функционировали до момента погребения. Путем прямого сравнительного анализа таких объектов с современными аналогами мы получаем возможность подробно рассмотреть динамику природной среды за историческое время. Почвенная структура до настоящего момента не рассматривалась как показатель, который может являться диагностическим признаком состояния природной среды. Уникальными природными моделями для изучения эволюции почв и, в частности,

их структуры в связи с изменчивостью условий почвообразования в голоцене являются разновозрастные погребенные почвы археологических и исторических памятников. Район исследования расположен в Волго–Донском междуречье на территории современной Волгоградской области. Объектами исследования послужили палеопочвы одного из курганов курганной группы «Саломатино», который датируется по археологическим данным эпохой развитого средневековья (XIV в. н. э.) и участка оборонительного вала «Анны Иоанновны», сооружение которого, по историческим летописям, относится к 1718–1720 гг., т.е. к периоду позднего средневековья.

Курганная группа «Саломатино» и фоновая почва расположены на целинном участке поверхности с абсолютными высотами 170–175 м. До глубины 2 м территория сложена двучленными отложениями: с поверхности до 50–60 см залегают покровные лессовидные опесчаненные суглинки, которые подстилаются супесчано–суглинистыми отложениями.

Участок оборонительного вала расположен на вершине плоского водораздела рек Сакарка и Россошка с абсолютной высотой 60–62 м. Грунтовые воды залегают на глуби-

не более 20 м. Почвообразующими породами являются лессовидные карбонатные суглинки.

Время сооружения объектов исследования и соответственно время погребения почв определялись археологическими методами на основе анализа погребальных комплексов. Полученный фактический материал дает возможность охарактеризовать изменения структурно-агрегатного состояния почв в связи с динамикой условий почвообразования за последние 700 лет.

С использованием морфолого-химических и микробиологических характеристик разновозрастных подкурганых палеопочв реконструирована вековая динамика увлаженности климата в исследуемом регионе. Установлено, что золотоордынская эпоха (XIII–XIV вв. н. э.) в целом характеризовалась повышенной атмосферной увлажненностью (палеоклиматический оптимум). Однако уже во второй половине XIV в. началась постепенная аридизация климата, продолжавшаяся и в XV в. н. э.

Эколого-трофическая структура микробных сообществ палеопочв вала Анны Иоанновны погребенных в 1718–1720 гг. свидетельствует, что в сухо-степной зоне увлажненность климата была незначительно выше, чем в настоящее время. Температура, вероятно, не была очень низкой в этот период и не препятствовала развитию степной растительности, что не повлекло за собой отрицательного воздействия малого ледникового периода на почвенные микробные сообщ-

ества. Данные морфолого-генетического строения и физико-химических свойств исследованных почв подтверждают вывод о более гумидном климате, имевшем место в начале XVIII в. н. э. в исследованном регионе по сравнению с современностью.

При формировании и в процессе эволюции исследованных каштановых почв в период средневековья установлено, что за последние 700 лет развитие почвенной структуры осуществлялось ритмично. Об этом свидетельствует ярко выраженная смена фракционно-агрегатного состава почв в воздушно-сухом состоянии, а именно их агрегированность, которая увеличивалась в более гумидных условиях среды, и глыбистость, значения которой повышались в аридных условиях почвообразования.

Каштановая почва, погребенная под одним из курганов курганной группы «Саломатино», функционировала в гумидных условиях почвообразования (700 л.н.) и имеет максимальную агрегированность ($58.7 \pm 2.6\%$) и минимальную глыбистость ($12.1 \pm 2.5\%$). Коэффициент структурности у этой почвы составляет 1.41. И по этим показателям близка современным аналогам.

Каштановая почва, погребенная под валом «Анны Иоанновны» функционировала в более аридных, по сравнению с почвой, погребенной 700 л.н., условиях почвообразования. Она менее агрегированна (49%) и имеет достаточно высокую глыбистость (~39%). Коэффициент структурности у этой почвы равен 0.96 (табл. 1).

Таблица 1.

Некоторые интегральные характеристики макроструктуры погребенных и современных каштановых почв

Время погребения, лет назад	Г	А	Р	А/Г	Кстр.
700	10	59	31	5,7	1,41
300	39	49	2	1,3	0,96
Современность	20,5	67,5	7	3,2	1,7

Примечание: Г – глыбистость (частицы размером >10 мм); А – агрегированность (сумма частиц размером 10–0,25 мм); Р – распыленность (частицы размером $<0,25$ мм).

Различия значений интегральных характеристик макроструктуры каштановых почв, агрегированности, глыбистости и Кстр, свидетельствуют о том, что агрегатный состав сохраняется после погребения, показывая

взаимосвязь с особенностями формирования почвенной структуры до погребения.

Изменения агрегатного состава в связи с климатическими флуктуациями отчетливее выражается отношением А/Г. В палеопочвах

более гумидных эпох это отношение равно 5–6, в почвах, погребенных в аридные эпохи, и в современных почвах оно равно 2–3.

Выводы

Структурно-агрегатное состояние каштановых почв на территории Приволжской возвышенности изменялось, и эти изменения были связаны, в первую очередь, с динамикой климатических условий в регионе.

Сохранность структурно-агрегатного состава палеопочв и синхронность изменения характеристик структуры с динамикой увлажнения климата на территории исследуемого региона доказывают их информационную значимость для реконструкции условий палеосреды.

ЛИТЕРАТУРА

Бухонов А.В. Структурное состояние почв и динамика природной среды Нижнего Поволжья за последние 4000 лет. Автореферат дисс... канд. биол. наук. М., 2016. 24 с.

Дёмкин В.А. Палеопочвоведение и археология: интеграция в изучении истории природы и общества. Пушкино: ПНИЦ РАН, 1997. 213 с.

Дёмкин В.А., Борисов А.В., Демкина Т.С., Хомутова Т.Э., Золотарева Б.Н., Каширская Н.Н., Удальцов С.Н., Ельцов М.В. Волго-Донские степи в древности и средневековье Пушкино: Synchronobook, 2010. 120 с.

Информация об авторах:

Бухонов Александр Вячеславович, кандидат биологических наук, Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, (г. Пушкино, Россия); BuhonovAV@mail.ru

Демкина Татьяна Сергеевна, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, (г. Пушкино, Россия); demkina-t@rambler.ru

SOIL STRUCTURE AND STATE OF MICROBIAL COMMUNITIES IN THE MIDDLE AGES

A. V. Bukhonov, T. S. Demkina

The structural and aggregate composition and state of microbial communities of modern chestnut soils of the Volga Upland (Volgograd Region) and their modern analogues buried during the Middle Ages were studied. The investigations were carried out with the aim of establishing the features of the soil structure change depending on the time of soil stay in the buried state and the characteristics of the state of microbial communities reflecting paleoclimatic conditions. The objects of the study were the soils buried under the barrow mound ~ 600 years ago and its modern analogues. The Golden Horde era was generally characterized by increased atmospheric moisture. However, already in the second half of the XIV century gradual aridization of the climate began, which was reflected in the state of the microbial communities of the investigated soils. On the basis of the data obtained, the cob, aggregation, sputtering, coefficient structural, the degree of differentiation and degree of illusion of the profile are determined. It was established for the first time that the structure of buried soils is preserved after burial. The structural and aggregate composition of chestnut soils was determined by the climatic conditions that existed at the time preceding the burial. It is shown that the aggregate composition is specific and is determined by the peculiarities of the moisture content of the climate and is preserved irrespective of the length of stay of the soil in the buried state.

Keywords: chestnut soils, soil of archeological monuments, Middle Ages, soil structure, microbial communities, paleoclimate.

About the Authors:

Bukhonov Aleksandr V. Candidate of Biological Science, Institute of physical and chemical and biological problems of soil science of the Russian Academy of Sciences. Institutskaya St., 2, Pushchino, Moscow region, 142290, Russian Federation; BuhonovAV@mail.ru

Demkina Tatyana S. Candidate of Biological Science, Institute of physical and chemical and biological problems of soil science of the Russian Academy of Sciences. Institutskaya St., 2, Pushchino, Moscow region, 142290, Russian Federation; demkina-t@rambler.ru

УДК 902.26

МАВЗОЛЕИ У ПОСЁЛКА ЛАПАС: ВЗГЛЯД ИЗ КОСМОСА

© 2018 г. Д. В. Васильев

Статья посвящена описанию комплекса мавзолеев золотоордынского периода у посёлка Лапас на левом берегу реки Ахтубы в Астраханской области. Комплекс известен как предположительное место погребения ханов Золотой Орды. Анализ появившихся недавно общедоступных качественных космических фотографий в приложении GOOGLE EARTH позволяет по-новому взглянуть на некоторые особенности этих давно известных памятников археологии. На космоснимках хорошо различимы руины 8 мавзолеев, которые выстроены в две цепочки, вытянутых с востока на запад. Четыре самых крупных сооружения обнесены сырцовыми оградами, в южной стене которых имеется вход, оформленный в виде портала. Углы одной из оград фланкированы трёхчетвертными башнями. Планировка самих мавзолеев читается с трудом. Прослежены лишь порталы, обращённые к югу. Выявлено также четыре сырцовых мавзолея, два из которых также обнесены оградами. Предположительно прослеживаются два средневековых глиняных карьера, откуда бралась глина для строительства мавзолеев и в которых располагаются горны для обжига кирпича.

Ключевые слова: Золотая Орда, городище Лапас, мусульманский мавзолей, некрополь, археология, космические снимки, планиграфия, развалины, археологический комплекс

Комплекс золотоордынских мавзолеев и городище располагаются на левом берегу протоки р. Ахтубы Большой Ашулук к северу от посёлка Лапас в Харабалинском районе Астраханской области (рис. 1). Они издавна привлекают к себе внимание исследователей.

Первые исследования у пос. Лапас были проведены в 1915 году группой краеведов во главе с хранителем Астраханского губернского музея М. Новиковым. В то время обследование представляло собой осмотр и описание археологических объектов. В середине XX века городище и развалины мавзолеев были обследованы В.А. Филиппченко – директором Астраханского государственного краеведческого музея, который составил глазомерный план местности и подготовил необходимые документы для постановки на государственную охрану территории «посёлка строителей» и самого крупного мавзолея под названием «Городище Ак-Сарай и развалины феодального замка Давлет-хана». Именно так памятник именуется в охранных документах до сих пор. Лишь в 1995–1997 гг. отряд Поволжской археологической экспедиции ИА РАН под руководством В.В. Дворниченко приступил к планомерным рекогносцировочным работам на памятнике. Были сняты топографические планы как отдельных мавзолеев, так и местности в целом. Была начата съёмка территории «посёлка строителей». Был обследован берег р. Ашулук, где располагалось городище. На его территории были обнаружены многочис-

ленные фрагменты столовой, хозяйственной и парадной керамики, глазурованных изразцов, изделий из стекла, кости и железа (Пигарев, 1997, с. 82–87). По результатам работ ПАЭ была значительно расширена охранный зона, мавзолей и городище были объединены в одну охраняемую территорию.

В 2000 году на городище производились исследования экспедицией ГНПУ «Наследие» и Астраханского государственного университета под руководством Д.В. Васильева. Было установлено, что городище в древности располагалось в непосредственной близости к воде, будучи вытянуто вдоль реки узкой полосой (около 100 метров), а не составляло единого комплекса с мавзолеями. В ходе раскопок на берегу был частично исследован дом из сырцового кирпича с остатками подворья (Васильев, 2001, с. 68–71).

Помимо археологических исследований сотрудниками экспедиции Э.Ш. Идрисовым и А.В. Сызрановым проводились этнографические исследования в селе Лапас. У жителей села ими зафиксирован ряд легенд относительно этих мест. Одна из них гласит, что из города Давлет-хан есть подземный ход, где могли два всадника рядом проехать на водопой к реке Ахтубе. «Давлет-хан» – это местное название развалин самого крупного мавзолея золотоордынского времени к северо-востоку от Лапаса. По преданию, город Давлет-хан был построен как крепость для защиты Сарай-Бату. Как гласит другая легенда, в

этом городе жил Джангир-хан со своей красавицей–дочерью. Однажды они подверглись нападению вражеского войска. Хан приказал спрятать все свое богатство в подземном ходе, затем они вместе с дочерью укрылись там же, приказав закрыть вход. После этого их никто больше не видел. Эти предания бытовали в форме песен, которые исполняли лапасские жители. Возможно, в этих легендах мы видим контаминационные наложения поздних событий XVIII–XIX веков, связанные с именем казахского хана Джангира, на более ранние, уходящие в золотоордынские времена. В рассказах старожилов есть сведения об археологических находках (монеты, наконечники стрел, обломки изразцов и глиняной посуды). На берегу р. Ашулук, протекающей вдоль села, раньше было бугровое место, которое прозвали «Тас Бурын» (Ногайск. «Каменный Нос») из-за того, что здесь были видны многочисленные кирпичные кладки. По словам местных жителей, руины стен мавзолеев еще в начале 30–х гг. возвышались над землей, а затем они были разобраны жителями с. Хошеутово для строительства противопоаводковых сооружений. На самом деле, как нам известно, уже к началу XX века развалины мавзолеев приобрели свой нынешний вид, что видно из результатов исследований того времени (Васильев, 2001, с. 68–71).

Необходимо сказать несколько слов об интерпретации памятника. Особый интерес представляет отмеченное на карте братьев Пицигани 1367 г. место, где находятся «гробницы императоров, умерших в районе Сарайской реки». Это пояснительная надпись к условному знаку в виде мусульманского мавзолея. На карте Фра–Мауро, созданной в 1459 г., также обозначено место, названное им «*Sepultura imperial*» («императорские захоронения») (Рудаков, 1999, с. 92–120). Плано Карпини пишет о том, что на земле «татар» существует кладбище, «на котором хоронят императоров, князей и всех вельмож, и, где бы они ни умерли, их переносят туда, если это можно удобно сделать...» Кладбище знатных особ и кладбище «тех, кто был убит в Венгрии» являются запретными территориями и охраняются стражей, не пропускающей никого под страхом наказания или смерти (Карпини, 1957, с. 33).

В.Л. Егоров с уверенностью утверждает, что «именно здесь воздвигались фамильные усыпальницы Джучидов, принявших ислам», а именно Берке, Узбека, Джанибека и Бердибека, не исключая существования в этом

же месте захоронения самого Бату и других ханов-язычников (Егоров, 2010, с. 117–118). Он связывает это с описанным В.В. Бартольд-ом давним обычаем монголов отводить запретные территории («курук») для захоронения особ правящей династии (Бартольд, 1966, с. 377–396).

В ходе раскопок 2000 г. на городище у с. Лапас был собран значительный монетный материал, найдено 85 монет, из них 37 – в раскопе, остальные – в виде подъемного материала. Все монеты в основном укладываются в период с 1312 по 1342 г. Анализ монет позволил сделать предположение о принадлежности большого мавзолея именно хану Узбеку (Васильев, 2001, с. 68–71), а также о возведении всего комплекса мавзолеев в годы, непосредственно следовавшие за смертью Узбека, и принадлежности комплекса самому Узбеку, его сыну Тинибеку и тем их родственникам, которые погибли в 1342 г. в борьбе с Джанибеком, узурпировавшим трон (Васильев, 2009, с. 19).

Основываясь на вышеупомянутых сообщениях Карпини и картографических сведениях, а также на зафиксированном обычае отвода для захоронения особ ханского рода запретных территорий – «куруков», можно предположить существование в районе с. Лапас подобного ханского кладбища. Необходимо оговориться, что нет точных неопровержимых доказательств в пользу этого. Вопрос о том, кому принадлежат менее крупные мавзолеи и как они датируются, остается открытым.

В настоящее время появилась возможность получить дополнительные сведения о комплексе мавзолеев, уточнить расположение существующих объектов и предположить существование новых, основываясь на возможностях, которые предоставляет анализ снимков данной территории из космоса. Мы использовали размещенные в общем доступе космоснимки, полученные через приложение GOOGLE EARTH. В последнее время качество фотографий данной территории сильно улучшилось, что позволяет рассмотреть некоторые детали, которые были недоступны для наблюдения исследователям с поверхности земли. На основании космоснимков нами были составлены графические схемы комплекса в целом (рис. 1) и остатков каждого сооружения в отдельности (если сооружение уверенно читается на снимке) (рис. 2–4). В качестве основы мы использовали существующую схему лапасского комплекса, на которой обозначена нумерация

объектов, принятая в охранной документации (Васильев, 2004).

Мавзолей № 1 («Большой мавзолей») (рис. 1, 2а). Руины его представляют собой остатки разрушенного и полностью разобранного кирпичного сооружения (высота валов, образованных отвалами выборки стен, доходит до 2,5 м). Сооружение прямоугольной формы ориентировано по сторонам света с небольшим отклонением по линии ССВ–ЮЮЗ (азимут отклонения около 8,5°), располагается в 680 м к северо-востоку от пос. Лапас и в 500 м к востоку от автодороги Астрахань–Харабали. Размеры развалин собственно мавзолея составляют по линии ЗСЗ–ВЮВ 60 м и по линии ССВ–ЮЮЗ – 50 м. Практически вся поверхность руин усыпана известковой крошкой, обломками обожженного кирпича, кирпичей–«сухарей» и глазурованными изразцами с голубой и зеленой поливой. Остатки мавзолея расположены на специально спланированной платформе (срезанной вершине бэровского бугра). На снимке отчетливо читаются валообразные всхолмления, которые являются остатками ограды правильной прямоугольной формы, вероятно, выстроенной из сырцового кирпича и сильно расплывшейся. Размеры ограды 90 м по линии ЗСЗ–ВЮВ и 120 м по линии ЗСЗ–ВЮВ. Ширина расплывшихся стен – до 10 м. Четко видна на снимке изначальная ширина основного объема стены – около 2 м. На углах ограды не очень уверенно читаются остатки трехчетвертных башнеобразных фланкирующих сооружений (особенно хорошо они видны у западной стены). Диаметр фланкирующих башен – около 10 м. Также нечетко, предположительно, читаются остатки входного портала прямоугольной формы посередине южной стены ограды. Ширина его около 10 м, глубина выступания на юг – также 10 м. Направление и расположение стен основного здания мавзолея трудно определить точно по имеющимся траншеям и ямам выборки кирпича, поскольку они перекрыты бесформенными отвалами, которые, вероятно, неоднократно передвигались и пересыпались. Ясна лишь общая прямоугольная форма сооружения, слегка вытянутого с запада на восток, а также угадывается выступающий портал с южной стороны с двумя мощными пилонами. Остается надеяться, что здание разобрано не до основания и будущие раскопки помогут открыть его цокольную часть.

Мавзолей № 2 (рис. 1, 2б). Руины его располагаются в 1200 м к северо-востоку от

поселка Лапас, в 1150 м к востоку от автодороги Астрахань–Харабали и в 560 м к северо-востоку от мавзолея № 1. Развалины мавзолея расположены на большой дюне, которая была искусственно подправлена. Руины также усыпаны обломками изразцов с голубой глазурью и обломками обожженных кирпичей. Развалины мавзолея имеют ярко выраженную четырехугольную форму. Здание было ориентировано по сторонам света с отклонением к ССВ (азимут отклонения – около 9,46°). Размеры остатков сооружения 30 м с ЗСЗ на ВЮВ и 40 м с ССВ на ЮЮЗ. Центральная часть сооружения представляет собой беспорядочную систему ям и отвалов высотой до 1 м, угадывается только общая прямоугольная форма здания с выступающим порталом в южной части. Вокруг руин здания собственно мавзолея прослеживается невысокое – высотой до 30–40 см валообразное возвышение, которое на фотографии из космоса выглядит как остатки прямоугольной ограды. Она читается на поверхности не так четко, как остатки ограды мавзолея № 1, но достаточно уверенно. Видимо, ограда также была выстроена из сырцового кирпича и расплылась. Ширина ограды с ЗСЗ на ВЮВ – 40 м, длина с ССВ на ЮЮЗ – 60 м. В южной части ограды прослеживается прямоугольный оплывший выступ к югу, который может являться остатками входа внутрь огороженной территории, оформленного порталом. Ширина остатков портала – 10 м, глубина выступания на юг – 15 м. В целом южная стена ограды выглядит довольно мощной – она обозначена на местности валом шириной 15–20 м, в то время как ширина остатков других стен не превышает 10 метров.

Мавзолей № 3 (рис. 1, 2в). Руины мавзолея находятся в 1190 м к северо-востоку от поселка Лапас, в 880 м к востоку от дороги Астрахань–Харабали, в 470 м к северо-востоку от мавзолея № 1 и в 450 м к северо-западу от мавзолея № 2, на соседнем холме. Руины представляют собой изрытую ямами территорию, пересыпанную отвалами высотой до 1 м, покрытыми кирпичной крошкой и усыпанную обломками кирпича с голубой глазурью. Отвалы и траншеи имеют вытянутую с ССВ на ЮЮЗ форму и очень напоминают следы от ходов бульдозера. Возможно, что руины мавзолея в недавнем прошлом разрабатывались в качестве источника щебня с использованием тяжелой техники. В связи с этим руины самого мавзолея планиграфически определить достаточно сложно. Предположительно, здание имело форму квадрата и было

ориентировано по сторонам света с отклонением к СВ (азимут отклонения 8,82°). Размеры руин основного здания – 40 м с СЗ на ЮВ и 50 м с ЮЗ на СВ. С ЮЮЗ стороны от руин главного здания также хорошо читаются валлообразные развалины ограждающих сырцовых стен. Ширина огороженной территории 30 м, длина – около 60 м. Толщина стен – около 2 м. Северная и западная стены ограды не читаются – такое впечатление, что они были разрушены в ходе планировки территории техникой. Руины главного здания перекрывают линии стен. С востока и с запада к руинам примыкают довольно широкие пологие бесформенные западины, которые читаются на местности по более интенсивной окраске растительности. У южной стены ограды отчетливо читается прямоугольный выступ размером 10 м по линии СЗ-ЮВ на 12 метров по линии ССВ-ЮЮЗ, который может являться остатками входного портала на территорию, примыкающую к мавзолею.

Мавзолей № 4 (рис. 1, 2г) находится на западной оконечности того же холма, в 900 м к СВ от окраины поселка Лапас, в 450 м к востоку от автодороги Астрахань–Харабали, в 310 м к СЗ от мавзолея № 1, в 410 м к ЗЮЗ от мавзолея № 3. Развалины также представляют собой траншеи выборки стен и отвалы глины, известковой, кирпичной и изразцовой крошки. На поверхности руин встречаются кирпичи с голубой глазурью. Судя по планировке траншей и валов, здание мавзолея первоначально представляло собой прямоугольник, ориентированный по линии СВ–ЮЗ (азимут отклонения к В – 21,8°). Длина руин здания с СВ на ЮЗ – 50 м, ширина с СЗ на ЮВ – 30 м. Мавзолей находится на выровненной плоской площадке (срезанной вершине бугра) размерами 160 на 140 м. Руины здания мавзолея окружены отчетливо видными на космоснимке валлообразными руинами сырцовой ограды, которая имеет прямоугольную форму и ориентирована параллельно стенам мавзолея. Здание смещено к СВ части огражденной территории. Длина ограды с СВ на ЮЗ – 70 м, ширина с СЗ на ЮВ – 50 м. Ширина валов – около 2 м. К ЮЗ стене ограды примыкает прямоугольный (точнее, «П»-образный) выступ, который может являться остатками входного портала. Ширина портала по фасадной стене около 10 м, глубина выступа к ЮЗ – около 18 м.

Мавзолей № 5 (рис. 1, 3а). Это руины одного из наиболее крупных мавзолеев, который был выстроен из сырцового кирпича.

Располагаются руины в 600 м к ССЗ от окраины поселка Лапас (основной части поселка) и в 350 м к востоку от крайнего дома, если считать вверх по течению реки Ахтубы. В 340 м к востоку от руин проходит автодорога Астрахань–Харабали, а в 540 м к СЗ от руин располагается поселок обходчиков нефтепровода. Руины мавзолея представляют собой глиняный холм с плоской вершиной. Холм имеет форму, близкую к прямоугольной, и ориентирован по сторонам света с отклонением к СВ (азимут отклонения – 15,71°). Длина холма с ЗСЗ на ВЮВ – 300 м, ширина – 170 м. Высота холма – около 2 м. На поверхности холма встречаются известковая и кирпичная крошка, а также отдельные обломки обожженного кирпича. Натурные наблюдения позволяют утверждать, что холм имеет явно искусственную форму. Более того, он по составу глинистый и очень плотный в отличие от окружающих его песчаных дюн. Представляется вероятным, что этот холм скрывает расплывшиеся остатки разрушенного сооружения, выстроенного из сырцового кирпича с отделкой обожженным кирпичом. Весьма вероятно также, что сохранность данного сооружения является наилучшей, поскольку оно не подвергалось разборке на строительный материал, а разрушалось естественным образом. Здесь вполне могут сохраниться цоколи стен мавзолея, вследствие чего можно будет в ходе раскопок проследить планировку сооружения полностью.

Мавзолей № 6 (рис. 1, 3б), который располагается согласно результатам исследований В.В. Дворниченко и Е.М. Пигарева (Пигарев, 2009, с. 428–436), к востоку от дороги Астрахань–Харабали, вплотную к ней и даже частично ею разрушен, на фотографии из космоса практически не читается. Мавзолей № 6 должен располагаться в 430 м к северу от поселка Лапас и в 25 м к востоку от дороги, между мавзолеем 1 и 5. Согласно Е.М. Пигареву основное сооружение имело размеры 50 на 50 м, а на месте мавзолея встречаются фрагменты резного ганча, крупные обломки изразцов с голубой и зеленой глазурью. Судя по фотографии из космоса, частично сохранились только валлообразные остатки сырцовой ограды вокруг мавзолея, точнее ее северная и южная стены. Судя по остаткам ограды, огороженная территория имела форму прямоугольника и была ориентирована по линии СВ–ЮЗ с отклонением к СВ на 9,7°. Размеры ограды с СВ на ЮЗ – 70 м, с СЗ на ЮВ – 80 м. Тем не

менее разглядеть сами руины здания мавзолея на снимке не представляется возможным.

Почти то же относится и к мавзолею № 9 (рис. 1, 3в), который должен располагаться в 760 м к север-северо-востоку от окраины поселка Лапас и в 25 м к востоку от дороги Астрахань–Харабали. Здесь, на вершине холма, угадывается контур прямоугольного сооружения, которое может являться остатками ограды из сырцового кирпича. Контур довольно четкий в южной и восточной части. Почти неуловим в северной и практически теряется в восточной. Длина прямоугольной ограды с СВ на ЮЗ 110 м, ширина с СЗ на ЮВ – 60 м. Ограда ориентирована по линии СВ–ЮЗ, азимут отклонения 13,08°. Неясно, можно ли будет разглядеть этот контур на местности. В северо-восточной части ограды видно небольшое всхолмление, которое может являться остатками сырцового мавзолея размерами с СЗ на ЮВ – 50 м и с ЮЗ на СВ – 30 м.

Мавзолеи №№ 7 и 8, обозначенные на схеме (рис. 1) и обследованные ранее В.В. Дворниченко и Е.М. Пигаревым, на фотографии из космоса не читаются. Видимо, они представляли собой довольно скромные по размерам сооружения и не были обнесены оградой.

Зато в западной части комплекса на фотографии из космоса видно всхолмление, которое также может содержать остатки мавзолея. Оно получило условное наименование «Мавзолей № 10» (рис. 1, 3г). Глинистый холм, аналогичный холму мавзолея № 5, располагается в 1000 м к ССЗ от поселка Лапас и в 380 м к северу от мавзолея № 5. В 200 м к востоку от холма проходит дорога Астрахань–Харабали, в 200 м к западу от холма располагается поселок обходчиков нефтепровода. Холм представляет собой глинистую возвышенность с ровной плоской вершиной высотой около 2 м. Возвышенность имеет форму, близкую к овальной, и вытянута по линии ЗСЗ–ВЮВ на 210 м, ширина возвышенности 110 м. Вполне вероятно, что и этот глинистый холм, возвышающийся над песчаной равниной, является остатками расплывшегося сырцового мавзолея.

Таким образом, мы можем констатировать, что мавзолеи располагаются на хребтах низких бэровских бугров цепочками (рис. 1). В северную цепочку выстроены мавзолеи №№ 10, 9, 4 и 3, южную цепочку образуют мавзолеи №№ 5, 6, 1 и 2. Мавзолеи №№ 7 и 8 выбиваются из общей систе-

мы планировки. Возможно, они являются более поздними. На основании различий в планировке и ориентировке мавзолеев можно предположить, что возникали они не одновременно, а последовательно друг за другом в течение довольно долгого периода. Если бы мавзолеи строились в один сезон, то по логике вещей ориентировки их наверняка бы совпадали. Таким образом, мы можем на основании косвенных данных отвергнуть первоначальное предположение о том, что крупные мавзолеи построены были одномоментно – для хана Узбека, а также для его сына Тинибека и членов его семьи (Васильев, 2009, с. 19).

Помимо собственно мавзолеев интерес вызывают также обширные области резкого понижения поверхности, заполненные задернованными всхолмлениями неправильной формы высотой до 1–1,5 м (рис. 1, 2а). Такое понижение с холмистой поверхностью наблюдается между мавзолеем №№ 5 и 6. Размеры понижения 210 на 220 м. Второе аналогичное понижение существует между мавзолеем №№ 6 и 1. Здесь размеры бесформенной низины, покрытой барханообразными песчаными холмиками, 140 на 460 м. Интересна форма этих холмиков – она неправильная, явно всхолмления эти не созданы природой и имеют не ветровое, а, скорее, рукотворное происхождение. Локальные понижения, заполненные бесформенными холмиками, можно трактовать как остатки средневековых карьеров для добычи глины, из которой строились мавзолеи. Для проверки данного предположения необходимо провести дополнительные исследования – шурфовочные или геофизические. Еще один предполагаемый средневековый карьер размерами 240 на 230 м располагается в 130 м к В от мавзолея № 1.

Мы также можем констатировать, что территория комплекса лапасских мавзолеев была почитаемым местом и использовалась для захоронений не только в надмогильных сооружениях. Мы не можем сейчас достоверно утверждать, что захоронения совершались рядом с большими мавзолеем, но хребты бугров, примыкающих к реке, содержат многочисленные мусульманские захоронения. Около поселка Лапас выявлено как минимум два грунтовых некрополя, один из них расположен на хребте бугра, подходящего к реке в 1600 м к ССЗ от пос. Лапас (рис. 1). Захоронения здесь были выявлены Д.В. Васильевым в ходе охранно-спасательных раскопок в 2004 году (Васильев, 2004). Второй участок

некрополя был зафиксирован Н.М. Джемнихановой на северной окраине пос. Лапас (Джемниханова, 2012). Здесь многочисленные мусульманские захоронения выбиваются из-под земли грунтовыми дорогами на поверхности округлого в плане глинистого холма размерами 340 на 310 м, расположенного практически на берегу реки (рис. 1, 4). Вполне вероятно, что где-то здесь могут располагаться руины еще одного сырцового мавзолея.

Таким образом, мы смогли уточнить некоторые особенности взаиморасположения

большинства известных на данный момент мавзолеев, входящих в лапасский комплекс. Кроме того, нам удалось определить степень сохранности объектов и их индивидуальные характеристики благодаря использованию анализа космофотоснимков. Несомненно, что космическая фотография представляет собой мощный инструмент для археологии и в ближайшем будущем анализ космических снимков, совмещенный с данными разведок на поверхности земли, позволит нам выявлять множество новых, еще не открытых памятников археологии.

ЛИТЕРАТУРА

Бартольд В.В. К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов // Сочинения. Т. IV. М.: Наука, 1966. С. 377–396.

Васильев Д.В. Городище Ак–Сарай // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий: Материалы всероссийской научно–практической конференции. Астрахань.: Изд–во АГПУ, 2001. С. 68–71.

Васильев Д.В. Исламизация и погребальные обряды в Золотой Орде. Археолого–статистическое исследование. Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2009. 178 с.

Васильев Д.В. Отчёт об охранных научно–исследовательских работах на городище «Ак–Сарай» в Харабалинском районе в 2004 году // Астраханский музей–заповедник. Коллекция «Археология». Фонд НВ. Б/н.

Васильев Д.В. Отчёт об охранных работах на городище «Ак–Сарай» в Харабалинском районе Астраханской области. // АМЗ. Коллекция «Археология». Фонд НВ. №№ 16057/1, 16057/2.

Джемниханова Н.М. Отчёт об археологических исследованиях на разрушенных участках памятников археологии «Городище Сарай–Бату» и «Комплекс мавзолеев у села Лапас» в 2012 году // Астраханский музей–заповедник. Коллекция «Археология». Фонд НВ. Б/н.

Карпини, Джиованни дель Плано История монгалов. // Джиованни дель Плано Карпини. История монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны / Ред., вступ. ст. и прим. Н.П. Шастиной. М.: Географгиз, 1957. С. 22–85.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. Изд. 3–е. М.: КРАСАНД, 2010. 245 с.

Пигарев Е.М. Исследование золотоордынского городища у села Лапас // Тезисы докладов первого международного симпозиума «Особо охраняемые территории и формирование здорового образа жизни» (Волгоград, 8–14 сентября 1997 г.). Волгоград: Комитет по печати и информации, 1997. С. 82–87.

Пигарев Е.М. Ханский некрополь у села Лапас Астраханской области // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Матер. IV Международная конференция, посвященная памяти проф. МГУ Г. А. Федорова–Давыдова, 30 сентября–3 октября 2008 года / Донские древности. Вып. 10. Азов: Изд–во Азовского государственного заповедника, 2009. С. 428–436.

Рудаков В.Г. Вопрос о существовании двух Сараев и проблема локализации Гюлистана // «Ученые записки» («Гыйльми язмалар») Татарского государственного гуманитарного университета / Отв. ред. Ф. С. Хакимзянов. Казань. 1999 г. Выпуск 7. Стр. 92–120.

Информация об авторе:

Васильев Дмитрий Викторович, кандидат исторических наук, заведующий археологической лабораторией, Астраханский государственный университет (г. Астрахань, Россия); hvdv@mail.ru

MAUSOLEUMS AT THE LAPAS VILLAGE: THE VIEW FROM SPACE

D. V. Vasil'ev

The article is devoted to the description of a complex of mausoleums of the Golden Horde period near the Lapas village on the left bank of the Akhtuba River in the Astrakhan Region. The complex is known as the alleged burial place of the khans of the Golden Horde. The analysis of recently released high-quality space photos in the GOOGLE EARTH application allows us to take a fresh look at some features of these long-known archeological monuments. In the space images, the ruins of 8 mausoleums are clearly distinguishable, which are lined up in two chains stretching from east to west. The four largest buildings are enclosed by clay-built fences. In the southern wall of each fence there are entrances, designed in the form of a portal. The corners of one of the fences are flanked by three-quarter towers. Plans of the mausoleums is difficult to read. We can see only portals facing the south. Four adobe-built mausoleums were also discovered, two of which were also surrounded by fences. Presumably, two medieval clay quarries can be traced, from where clay was used for the construction of mausoleums. Possible, the furnaces for the manufacturing of bricks can be located here too.

Keywords: Golden Horde, Lapas settlement, Muslim mausoleum, necropolis, archaeology, space images, planning, ruins, archaeological complex.

About the Author:

Vasil'ev Dmitry V. Candidate of Historical Sciences. Astrakhan State University. Tatischev St., 20a, Astrakhan, 414056, Russian Federation; hvdv@mail.ru

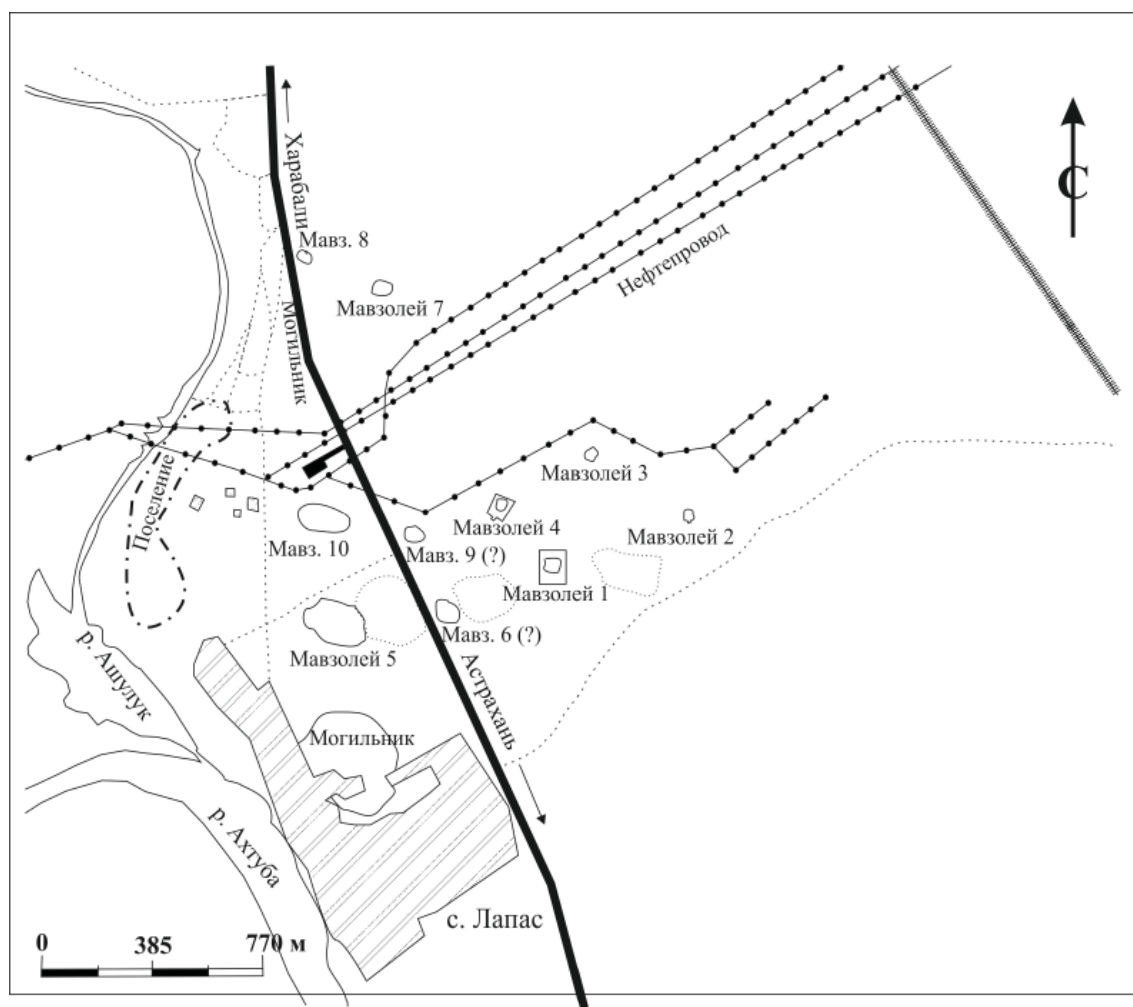

Рис. 1. Схема археологического комплекса у пос. Лапас на основе космоснимка.

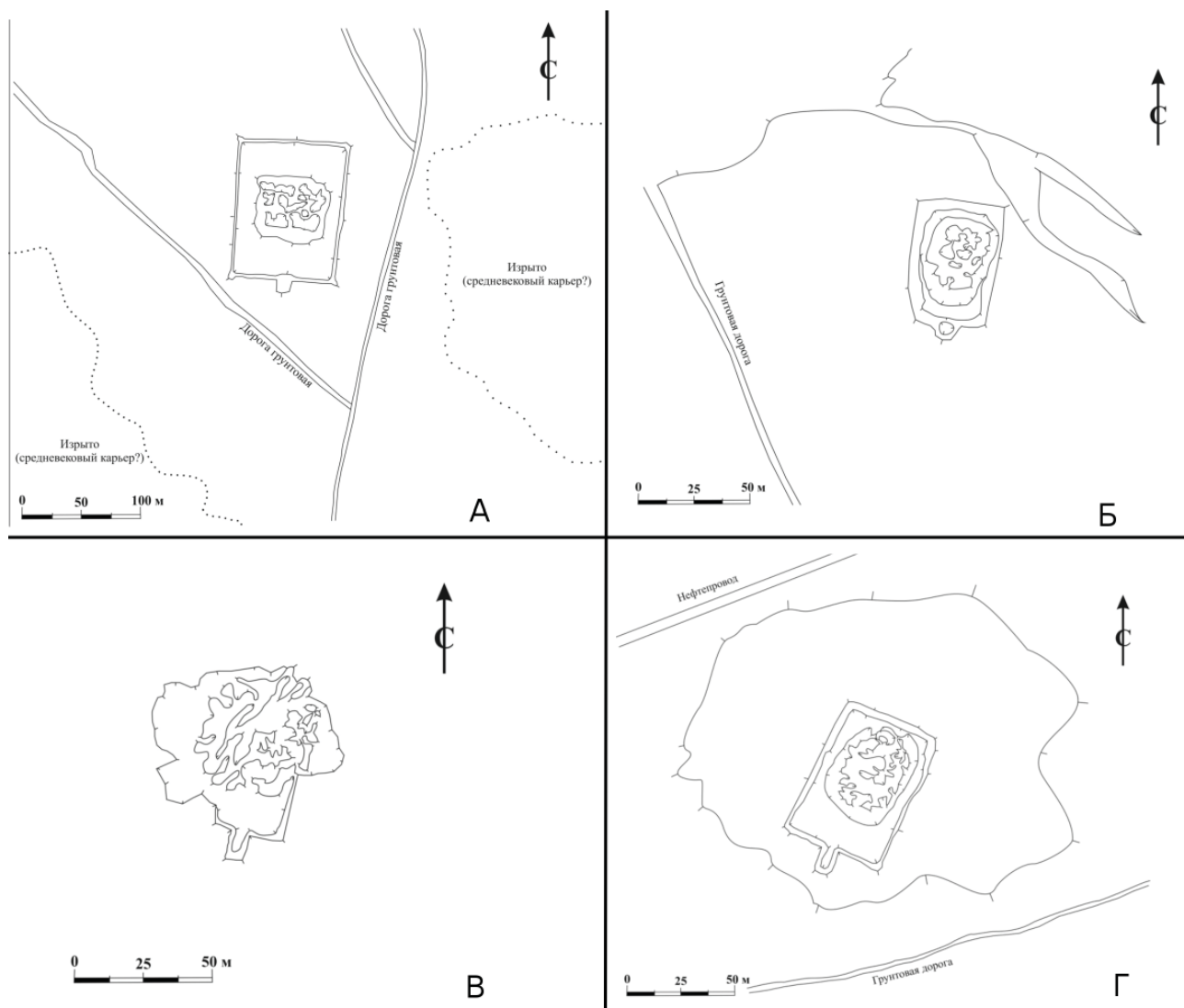

Рис. 2 Мавзолеи 1–4. Схема на основе космоснимка. А – мавзолей №1, Б– мавзолей №2, В– мавзолей №3, Г – мавзолей №4.

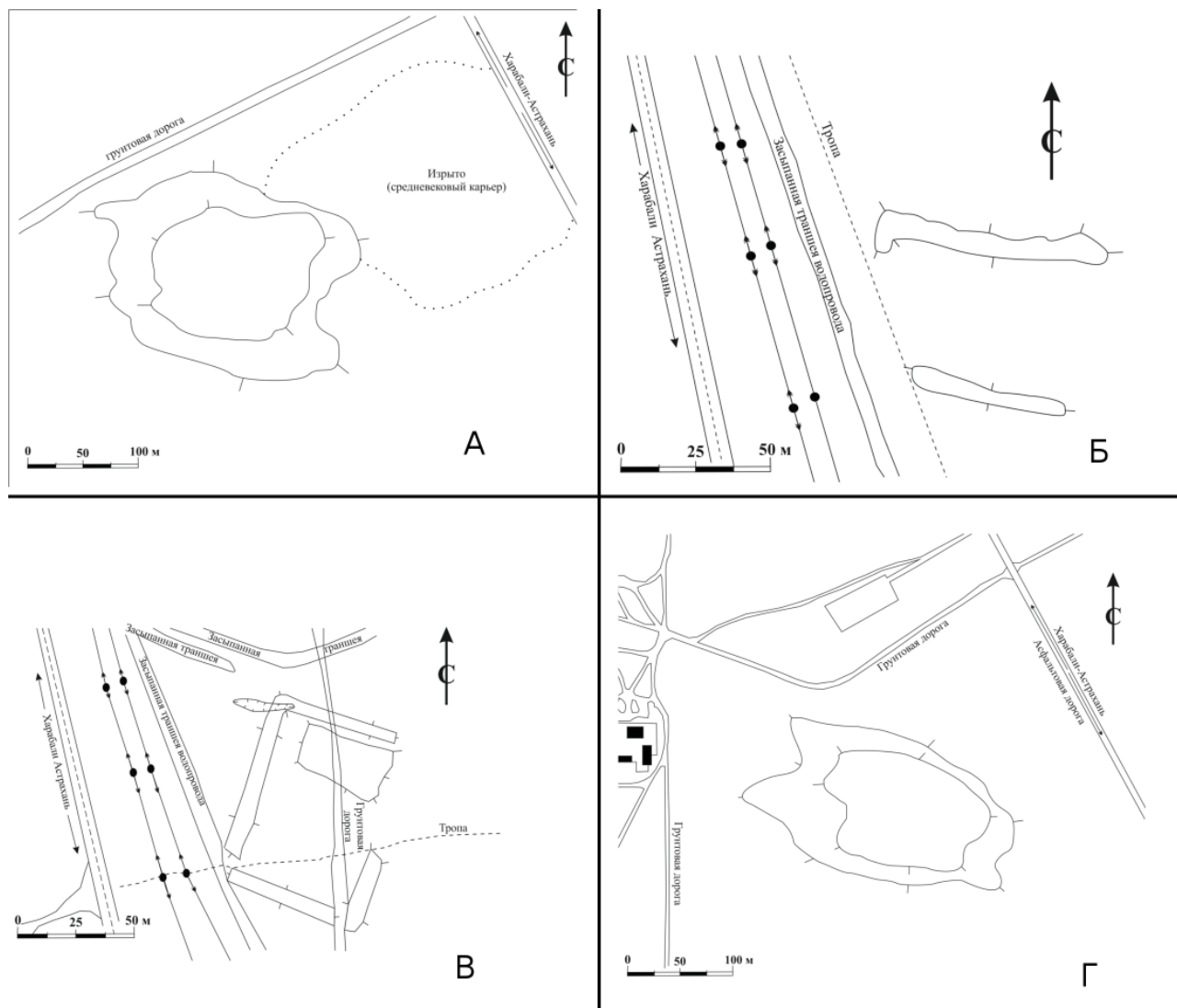

Рис. 3. Мавзолеи 5, 6, 9 и 10. Схема на основе космоснимка. А – мавзолей №5, Б – мавзолей №6, В – мавзолей №9, Г – мавзолей №10.

Рис. 4. Схема расположения некрополя на северной окраине пос. Лапас.

УДК 903.3/904

КУПЕЧЕСКОЕ ЖИЛИЩЕ ИЗ РАСКОПОК НА ТЕРРИТОРИИ «ГОРОДИЩА АЗАКА–ТАНЫ С НЕКРОПОЛЕМ» В 2013 Г.

© 2018 г. С. М. Гончарова

Купеческое жилище было найдено в Азове, в процессе спасательных раскопок по Петровскому бульвару 7, в 2013 г. Участок, расположенный в центральной части памятника «Городище Азак–Тана с некрополем» (XIII–XV вв.), насыщен комплексами в 2–3 яруса. На раскопе прослежена магистраль шириной ок. 8 м, она является продолжением улицы, зафиксированной при раскопках ранее. Мостовая была покрыта слоем костей животных. Расчищенные остатки жилища представляли собой подвал купеческого дома. Прослежено основание двух продольных перегородок. Одна из перегородок имела фундамент из крупного камня, вторая была сложена из крупного прямоугольного сырцового кирпича. В западной части жилища был расчищен тандыр со вставленным в него целым кубуром, исследовано 8 хозяйственных ям, 1 одна столбовая ямка. В одной из ям, в пределах жилища был сложен запас из нескольких сотен бараньих лопаток. На настоящий момент комплекс является одним из самых крупных, исследованных в Азаке. Отметим следующие находки XIV вв.: стопка слипшихся поливных чаш, с прилипшими сепаями. Также была найдена крупная поливная чаша с трёхцветной расцветкой (ЮВ Крым); редкий образец поливной чаши, производства Маджара, с расцветкой пятнами марганца; чаша одной из серий византийской поливной керамики, костяное орудие для обработки кожи, костяной крюк. Жилище датируется многочисленным керамическим и монетным материалом.

Ключевые слова: Азак, Золотая Орда, магистраль, жилище, подвал, стены, археология

Купеческое жилище было найдено в Азове в процессе спасательных раскопок по Петровскому бульвару 7, Р–2 в 2013 г. Участок, расположенный в центральной части памятника «Городище Азак–Тана с некрополем» (XIII–XV вв.), был насыщен комплексами в 2–3 яруса. Работы велись в очень тяжелых условиях в большинстве своем в узких траншеях, ограниченных строительными бетонными блоками. Приходилось фиксировать жилище по частям.

На раскопе прослежена магистраль шириной около 8 м, она является продолжением улицы, зафиксированной ранее при раскопках на участке по ул. Толстого, 41 (Масловский А.Н., 2002–2003). Мостовая была покрыта слоем костей толщиной до 20 см, состоявших преимущественно из метаподий и челюстей мелкого рогатого скота. Некоторое время улица была заброшена и застроена, но в дальнейшем она была восстановлена. Большая часть жилищ, раскопанных здесь, была наземной, они были прослежены фрагментарно (рис. 1).

Одно из жилищ, располагавшихся вдоль магистрали, представляло собой подвал купеческого дома. На настоящий момент оно является одним из самых крупных исследованных в Азаке. Его ширина более 21 м, длину определить затруднительно. Длинными сторона-

ми жилище ориентированно по линии С–З, обнаружено на глубине –1,35 от условного «0». Значительная часть жилища уходит за пределы раскопа, под бетонные монолиты и под здание МКЦ.

Прослежено основание двух продольных перегородок. Одна из перегородок имела фундамент из крупного камня, расчищена в юго–восточной части жилища, ее размер составил 4,0×2,30, высота до 0,35 м (рис. 2). Кладка состояла из камня, мелкозернистого песчаника, а также нескольких фрагментов кирпичей. Камни разноразмерные. Ориентирована, по линии запад–восток. Зафиксирована на глубинах –2,92, –3,03 от условного «0». Кирпич имел подпрямоугольную форму. Размер кирпича 0,11×0,14 м. Северо–западная часть стены имеет относительно аккуратный, ровный край, сохранился восточный прямой угол.

Вторая перегородка на квадрате 4 г из обожженного и сырцового кирпича обнаружена на глубине –2,96–1,81 от условного «0». Завал ориентирован по линии В–З, его размер в пределах квадрата (2,0×2,50). С юго–востока перегородка ограничена фундаментными перекрытиями. Значительная часть уходит за пределы раскопа в восточном и в западном направлениях. Завал состоит из крупного и

мелких кусков сырцовых кирпичей, а также крупных фрагментов горевшего дерева.

В подвале (на кв. 7 г–7 в) расчищена траншея на глубине –3,67 –2,71 от условного «0». Размеры 0,88×0,24 – 0,80. Глубина траншеи составила –4,42 от условного «0». Дно горизонтальное ровное. В западной части траншеи стенки вертикальные, в восточной части наклонные. Назначение ее в данном жилище непонятно; возможно, помещение использовалось как склад или мастерская. В заполнении найдено несколько монет – перечекан пулом Абдуллаха, Азак, 764 г. х. Абдуллахом, Азак 764 г. х. 1362/3 и несколько неопределенных монет (определения Фомичева Н.М.).

С В–ЮВ траншея ограничена, видимо, свалившимся стенным блоком. Здесь зафиксирован фрагмент кладки, сложенной из крупного прямоугольного кирпича из сырцовой глины, ее размер составил 1,20×0,60 м, высота 0,75 м. Ориентирована по линии 3–В. В северной–северо–восточной части жилища зафиксирован завал крупных сырцов и обожженного кирпича (видимо, рухнувших стенных блоков), обнаруженный на глубинах –4,90 –4,78 от условного «0». Размер завала 1,66×2,60 м.

В западной части жилища был расчищен тандыр со вставленным в него целым кубуром. Значительная часть тандыра повреждена современными бетонными блоками с северо–восточной стороны. Тандыр был зафиксирован на глубине –3,13 от условного «0». Исследованная часть имеет сегментовидную в плане форму, подовальную в сечении. Размер сохранившейся части 0,54×0,24 м. Толщина стенок 0,2–0,4 м. С внутренней стороны стенки гладкие, обожженные, без декора. Стенки прокаленные, частично покрыты сажей. Пол тандыра – обожженный гумус, на дне прослойка пепла. Глубина –3,41 от условного «0».

В жилище исследовано 8 хозяйственных ям, 1 столбовая ямка. В одной из ям в пределах жилища был сложен запас из нескольких сотен бараньих лопаток. С северо–западной стороны жилища прослежен отрезок ливнесточной траншеи на кв. 3 г. Длинными осями траншея ориентирована по линии СВ–ЮЗ. Большая часть траншеи уходит в восточном направлении под бетонные основания и в западном направлении – за пределы раскопа. Зафиксирована на глубине –2,75 от условного «0». Размеры 1,20×1,0. Глубина траншеи –3,43 от условного «0». Дно ровное. На дне траншеи вдоль краев зафиксированы крупные камни на глубине –3,30 –3,39 от условного «0». В сечении траншея имеет подтрапециевидную форму. В заполнении гумусированный суглинок, местами с небольшими вкраплениями турлучной крошки и золы.

Отметим следующие находки XIV вв.: стопка слипшихся поливных чаш, с прилипшими сепаями. В стопке чередовались чаши с росписью ангобом и с орнаментом в технике сграффито. Из этой же ямы происходит редкий печной припас – фрагментированная подставка под нижнюю чашу в стопке, крупная поливная чаша с трехцветной расцветкой орнамента в технике сграффито (ЮВ Крыма); редкий образец поливной чаши производства Маджара с расцветкой пятнами марганца; чаша одной из серий византийской поливной керамики, костяное орудие для обработки кожи, костяной крюк.

Комплекс датируется монетами аноним времени Узбека (Сарай) (737) 1336/7, аноним времени Джанибека, Крым, (743) 1341/2, Яма Г, аноним времени Узбека (Сарай) (737) 1336/7 аноним с тамгой Абдуллаха ал–Джадид, 772 г. х. 1370/1 (определения Фомичева. Н.М.).

Большая часть материала из Петровского бульвара 7, Р–II еще не полностью разобрана и требует подробного изучения.

ЛИТЕРАТУРА

Масловский А.Н. Раскопки в г. Азове в 2002 г. // Историко–археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2002. Вып.19 / Отв. ред. В.Я. Кияшко Азов: Издательство Азовского музея–заповедника, 2004. С. 87.

Масловский А.Н. Раскопки в Азове в 2003 // Историко–археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2003. Вып.20 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Издательство Азовского музея–заповедника, 2004. С. 142.

Масловский А.Н. Об одном типе земляночных сооружений золотоордынского Азака. // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 13 / Отв. ред. В.В. Килейников. Воронеж: ВГПУ, 2009. С. 297–298.

Информация об авторе:

Гончарова Светлана Михайловна, старший научный сотрудник, Азовский историко–археологический и палеонтологический музей–заповедник (г. Азов, Россия); strutina@mail.ru

MERCHANT'S DWELLING FROM EXCAVATIONS ON THE TERRITORY OF "HILLFORT OF AZAK–TANA WITH NECROPOLIS" IN 2013

S. M. Goncharova

Merchant dwelling was discovered during rescue excavations on Petrovsky boulevard 7 in 2013. This area is situated central part archeological site "The Hillfort of Azak–Tana with necropolis XIII–XIV c–s" and was full of archeological objects, disposed in 2–3 layers. On excavation site was detected crosstown road, approximately 8 m in width, which is a continue of street founded during previous excavations nearby. This pave was covered with layer of livestock bones. The unearthed remains of dwelling were identified as a basement of merchant house. Inside it were founded out the foundations of two separating–in–lenthways walls. The base of one separating wall was built of boulders, the second wall was made of bricks and adobe bricks. In western part of basement was unearthed tandoor (clay oven) with inserted in it intact kubur (earthenware chimney). Also, there were founded out 8 garbage pits and 1 pole hole. In one of these garbage pits was founded out several hundreds of sheep's shoulders. Until nowadays this subterranean dwelling remains one of the biggest among the dwellings explored in Azak. We can highlight out some interesting findins of XIV c.: pile of glazed cups with sticked sepays (separators). Also here were founded out large glazed cup with tricolored ornament (from south–eastern Crymea), rare sample of glazed cup painted with manganese from Madjar, bysantian glazed cup, bone skinner's tool, bone hook. This dwelling is dating by numerous ceramic and monetary materials.

Keywords: Azaq, Golden Horde, crosstown road, dwelling, basement, walls, archaeology.

About the Author:

Goncharova Svetlana M. Azov Historical, Archaeological and Paleontological Museum–Reserve, Moskovskaya St., 38/40, Azov, 346780, Russian Federation; strutina@mail.ru

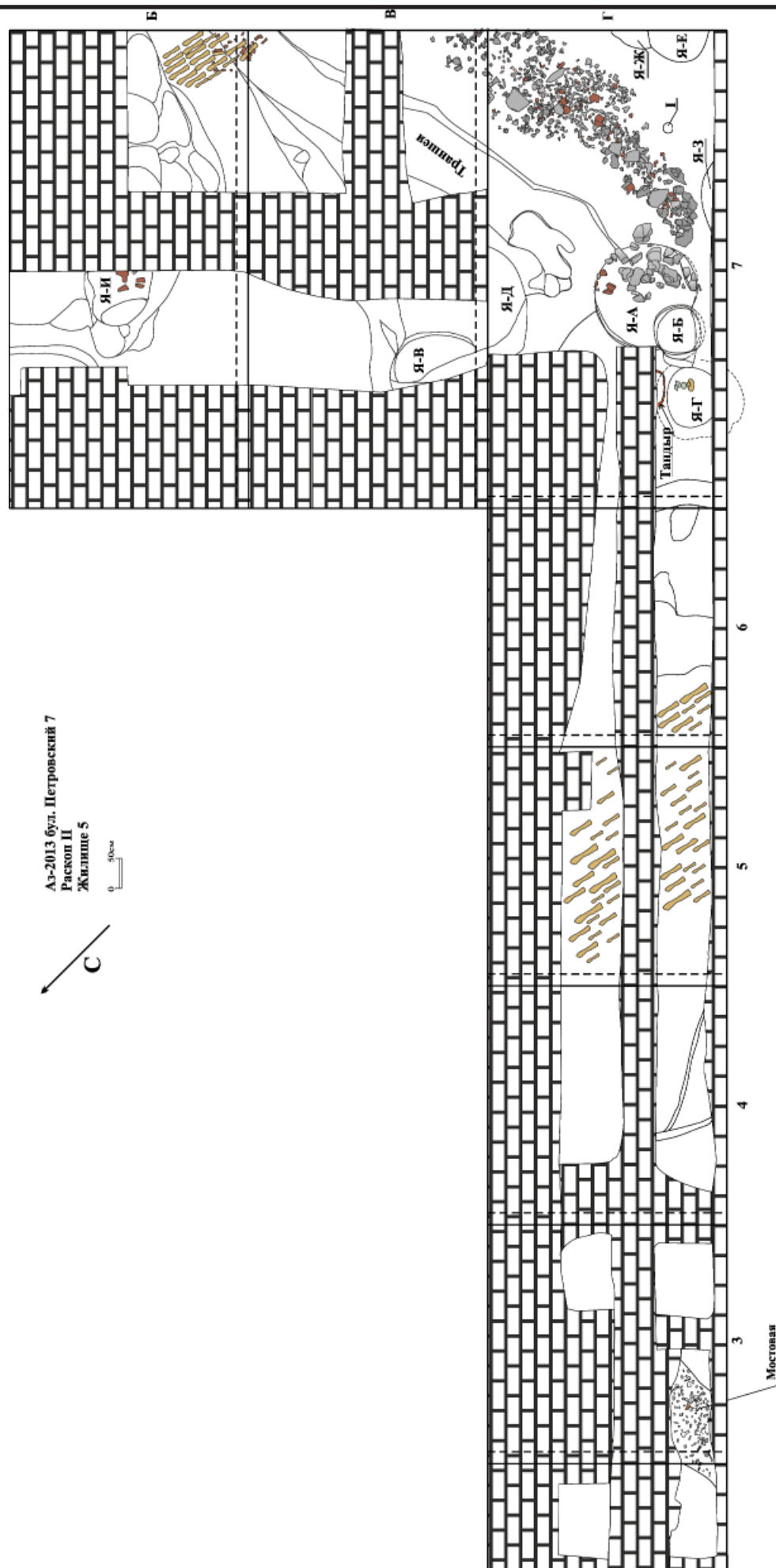

Рис. 1. План жилища.

Рис. 2. Жилище. Стена из камня. Вид с Ю.

УДК 903.5/904

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КУРГАНЫ УРОЧИЩА «МОЛОКАНОВА ЩЕЛЬ» (Г. ГЕЛЕНДЖИК – СЕЛ. ПРАСКОВЕЕВКА)

© 2018 г. А. В. Дмитриев, Е. И. Нарожный, П. В. Соков

В статье, в научный оборот вводятся два средневековых захоронения–кремации, сопровождаемые захоронениями коней. Происходят они из курганов урочища «Молоканова щель» под г. Геленджик. Датируя их золотоордынским временем, авторы пытаются объяснить специфику данного погребального обряда не в традиционном ключе, в через данные этнографии. Если их предшественники такие погребальные комплексы связывали с предками современных адыгов–черкесов, то авторы статьи обосновывают тюркское происхождение традиции. Авторы обращают внимание на наличие в изголовье лошадей деревянного кола–коновязи, что ранее фиксировалось и другими исследователями в курганах под г. Новороссийском. Аналогии им находят в эпосе тюрков Сибири, с позиций которого и публикуемые захоронения трактуются как тюркские. Указывая и на другие материалы тюркского происхождения, в статье ставится вопрос о сильном этно–культурном смешении населения, оставившего курганы «Молокановой щели».

Ключевые слова: курганы, Золотая Орда, кремации в урнах, захоронение лошади на боку, серг–коновязь, этнокультурные процессы в Северо–Восточном Причерноморье.

При проведении охранно–спасательных археологических исследований могильника «Молоканова щель» в 2007–2009 гг. (Дмитриев, Нарожный, Соков, 2008, с. 19–24; 2018, с. 448–451, рис. 1; Дмитриев, Нарожный, 2018), было исследовано несколько курганных насыпей малого диаметра. Среди них особый интерес вызывают, к примеру, курганы № 37 и № 10 (рис. 1, рис. 2, рис. 3). В кургане № 37 (рис. 1, А) расчищена каменная оградка, в плане подромбовидной формы, углами оградка ориентирована по странам света, сложена из речного булыжника средних размеров, уложенного плашмя, в один–два ряда (рис. 1, А). В центре оградки находилась кремация в глиняном сосуде с раздавленной верхней частью, покрытом горизонтально положенной плиткой (рис. 1, А, 1, Б, В). Трупосожжение сопровождалось скелетом лошади, положенной на левый бок, длинной осью вытянутой по оси: З–В (головой на З) с небольшим отклонением (рис. 1, А, рис. 2, А). С захоронением лошади связаны два железных стремени (рис. 2, А, 1–2), двуколычатые удила (рис. 2, А, 3), железная пряжка (рис. 2, А, 4) и так называемый складной серп (рис. 2, 5).

Кremaция в сосуде (погр. 1) находилась в центральной части курганного поля. Сосуд сверху был закрыт двумя горизонтально положенными плитами, раздавившими его (рис. 1, Б, В, 1) изнутри, почти наполовину заполненный золой, мелкими фрагментами пережженных костей и угольками, среди которых находились: два разнотипных кресала (рис. 1:

6–7), два железных ножа (рис. 1: 2–3), фрагментированный стержень проколки с кольцом (рис. 1: 4–5). Характер предметов, сопровождавших захоронение лошади и кремацию, не позволяет предполагать узкую их датировку как «заход» всего комплекса и в завершающий период домонгольской эпохи, и в начальный золотоордынский период. Особо важными деталями, также связанными с захоронением лошади являлось то, что перед его головой были зафиксированы остатки сильно истлевшего деревянного кола, вбитого в землю; за скелетом лошади прослежены остатки еще одного кола (?) со следами его жжения и угольки.

Помимо кремации и захоронения лошади в кургане выявлены еще несколько захоронений, совершенных в грунтовых ямах с использованием камня, и каменные ящики, впущенные в курган уже после захоронения лошади и кремации, но с незначительным временным разрывом. Все они расположены вдоль оградки, с внутренней стороны, и требуют отдельного рассмотрения.

Курган № 10 (рис. 2, Б, рис. 3, А) вытянуто-овальной формы, небольших размеров, длинной осью вытянут с З на В. Устроен без использования камней или иных дополнительных конструкций. В СЗ секторе внутри курганного пространства расчищен скелет лошади вытянутый с СВ на ЮЗ (головой на СВ). Скелет уложен на левом боку, между согнутыми его передними и задними конечностями находилась сабля (рис. 2, Б, рис. 3,

А, 4). Сабля слабоизогнутая, с прямым перекрестьем и обоюдоострым острием лезвия, приходящимся на нижнюю треть лезвия. На нем — длинная, фрагментированная железная обойма ножен (рис. 3, а, 4). Такой тип захоронений (лошадь на боку, с саблей между конечностями) хорошо известен по материалам раскопок на других могильниках Восточного Причерноморья. Под лошадью прослежены древесные угольки. С ее захоронением связаны железные двуколычатые удила (рис. 3: 2); вторые фрагментированные удила (рис. 3: 6–8) находились на удалении от лошади (рис. 2, б). Там же (рис. 2, Б) находился и фрагмент лезвия от второй сабли (рис. 3, А, 5). Скорее всего, здесь изначально могла находиться впоследствии разрушенная кремация (?), которую фрагмент сабли и удила сопровождали. С захоронением лошади также связана железная пряжка (рис. 3, А, 1) и глиняный одноручный сосудик со сливом (рис. 3, А, 3). Как и в предыдущем случае, перед мордой коня зафиксированы остатки истлевшего деревянного столбика, диаметром не менее 10–13 см, судя по контуру ямки под него, предварительного заостренного и вбитом в грунт.

Судя по предметам, сопровождающим захоронение лошади, оно синхронно погребению лошади из кургана № 37.

Сегодня обряд кремаций в сопровождении захоронения коня рассматривают как «молодой и местный» (для С–В Причерноморья) обряд», являющийся воинским и связывающийся с касогами письменных источников либо с зихо-касожским населением, верхняя хронологическая грань бытования которых почему-то ограничивают в пределах только первой третью XIII в. И касоги, и зихо-касоги согласно существующей традиции рассматриваются как предки современного адыгско-черкесского населения, не всегда приводя серьезные доказательства. На этом фоне следует подчеркнуть, что публикуемые материалы (захоронение лошади с колом-коновязью) не единственные. Уместно сослаться на Г.А. Федорова–Давыдова, который указывал еще на несколько таких же захоронений, в свое время исследованных под современной Агапой и ст. Раевской под Новороссийском (Федоров–Давыдов, 1966. №№ 491, 494, 496, 514), назвав их «характерной деталью погребений с конем на Северном Кавказе». Речь идет о фиксации в указанных захоронениях деревянных «колов для коновязи, забитыми близ черепа коня» (Федоров–Давыдов. 1966, с. 129). Кроме того, ныне нам известно еще

несколько пока не опубликованных таких же захоронений коней с «коновязью», что заставляет думать: подобная специфика могла быть гораздо чаще встречающейся деталью погребальной обрядности на территории Северо-Восточного Причерноморья, к сожалению, сохранявшейся не всегда. Г.А. Федоров–Давыдов указанные захоронения ошибочно связал с «половцами». Фиксируемые в регионе захоронения лошадей, сопровождающиеся кремацией чуть ли не с хазарского времени, являются, на наш взгляд, сугубо тюркской традицией, чему не противоречат и наблюдения других авторов. Так, С.С. Сорокин, к примеру, среди признаков сугубо тюркских погребальных обрядов называет не только наличие каменных оградок различной конфигурации, каменных статуй, нередко сопровождающих их, но и традицию так называемых сэргэ (коновязей), хорошо фиксируемую, например, по записям тюркского эпоса и фольклора. В эпических версиях, сэргэ (коновязь) может отождествляться с домашним очагом, духом местности, со священным или родовым деревом, связывающим каждого члена рода не только с семьей и домом, но и со всем племенем и с той территорией, на которой оно живет. А при попытках нанесения наиболее ощутимого вреда враг всегда стремится разорить или даже, в первую очередь, стремится уничтожить коновязь противника, всегда ассоциируемой с железным тополем, родовым деревом; их уничтожение непременно должно означать потерю прав проигравшего на владение землей его предков и его народа. Аналогичное семантическое тождество традиции сэргэ (коновязи) священному родовому дереву, источнику жизни, находит свое отражение и в некоторых ритуалах шаманского культа, называвшегося шаманами сэргэ–могон, т.е. деревом-коновязью. Срубить его запрещалось: предполагалось, что шаман от этого должен умереть. Коновязь, стоящая у жилища, являлась как бы двойником хозяина. Но сэргэ тюрки устанавливали не только у дома, но и у могилы, т.е. жилища умершего, что вполне идентифицирует сравниваемые археологические материалы с этнографическими. В таких случаях могила, как и коловязь внутри могилы (у лошади. — Авт.), могли выступать в роли собственно коновязи, к которой привязывали жертвенного коня. Нередко в качестве сэргэ выступали угловые столбы могильной оградки, ограничивавшие территорию «дома» умершего. Размещение коновязи непосредственно у могилы (или

у лошади, как в указанных нами случаях. – Авт.), превращало могилу (захоронение) в знак принадлежности покойного к определенной семье, роду или племени. Кроме того, сэргэ могли устанавливать и вблизи могилы, что давало возможность присутствовавшим на похоронах или поминках сородичам зафиксировать факт их участия в траурной церемонии как показатель их сопричастности к общеродовой жизни (Сорокин, 1987, с. 7–17).

Кремации в сопровождении скелета одной или двух лошадей, положенных набок, рассматриваются как основное захоронение в кургане, а соседствующие с ними грунтовые и каменнаящичные захоронения, нередко воспринимаются как семейные погребальные комплексы (Армарчук, Дмитриев, 2014, с. 54 и сл.). Каждый такой курган заманчиво рассматривать как отдельный семейно-родовой погребальный комплекс. Несколько таких комплексов (курганов) формировали весь родо-племенной курганный могильник. Наличие между разнотипными захоронениями каких-то внутренних связей представляется очевидным и отражающим такую специфику погребальных обрядов, как смешанность. В этой специфике, вероятно, получили свое отражение явления этномиксационного, а также этноформирующего, если не этнообразующего характера. Фиксация в материалах, Цемдолинского курганно-грунтового могильника, по классификации Г.А. Федорова–Давыдова, типа БХІІІ, ошибочно было связано с инфильтрацией в местную среду половцев (Армарчук, Малышев, 1997, с. 112; Армарчук, 2006, с. 213). Г.А. Федоров–Давыдов этот тип кочевнических захоронений соотносил с черными клобуками южнорусского приграничья (Федоров–Давыдов, 1966, с. 147), что вполне документирует явное участие последних во всех вышеобозначенных процессах в Северо-Восточном Причерноморье. На этом фоне находит вполне определенные аналогии и парное грунтовое захоронение из межкурганного пространства Цемдолин-

ского некрополя (Армарчук, Дмитриев, 2014, с. 13), параллели которому ныне хорошо известны с территории Одессщины, Побужья и Поднестровья. Интересно, что здесь их распространение рассматривают как результат непосредственной миксации местных кочевников с пришлыми черными клобуками (Добролюбский, 1990, с. 157; Корецкий, 2008, с. 178–185). Вероятно, на ту же миксацию указывает и находка черноклобуцкой подвески с «рогатой» бусиной из кремационного захоронении Цемдолины (Армарчук, 2006, с. 214, рис. 1: 4; Армарчук, Дмитриев, 2014, с. 44, с. 128, рис. 59: 27), а в результате аналогичных явлений, возможно, сформировалась и новая «мода» на распространение таких же подвесок, но с гладкой и асимметричной бусиной, которые мы наблюдаем на пространстве от современного Геленджика до Крыма (Нарожный, 2003, с. 217; Армарчук, 2006, с. 210, с. 214, рис. 1: 4; Армарчук, Дмитриев, 2014, с. 44; Нарожный, Соков, 2018). В рамках тех же этнокультурных смешений причерноморского кочевого населения в XIV в. появляются и «инновации», выразившиеся в появлении захоронений в одной грунтовой яме скелета лошади, уложенного набок, и с саблей между конечностями и вытянутым параллельно человеческим костяком. Такие погребения хорошо известны не только в могильниках Северо-Восточного Причерноморья. Сегодня известны и следы нескольких (?) «выплесков» такого населения из данного микрорегиона на Средней Кубани (Нарожный, 2010, с. 266–267) и, возможно, далее на восток, вплоть до территории современного Ставрополя (Мокрушин, Нарожный, Соков, 2016, с. 221–224, прим.).

Рассмотренные аспекты большой и сложной проблемы, как представляется, требуют дальнейшего ввода в научный оборот материалов из курганного некрополя в «Молокановой щели» и их осмысления на широком историко-культурном фоне золотоордынской эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

Армарчук Е.А. «Половецкие серьги» // Средневековая археология евразийских степей. Сборник статей к юбилею профессора С.А. Плетнёвой / Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 3. М.; Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т., 2006. С. 207–216.

Армарчук Е.А., Дмитриев А.В. Цемдолинский курганно-грунтовой могильник. М.; СПб: Нестор-история, 2014. 132 с.

Армарчук Е.А., Малышев А.А. Средневековый могильник в Цемесской долине // Историко-археологический альманах Вып.3 / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. Армавир; М.: Армавирский краеведческий музей, 1997. С. 92–114.

Дмитриев А.В., Нарожный Е.И. Два воинских захоронения из курганов могильника «Молоканова щель» и некоторые вопросы из истории вооружения населения Северо-Восточного Причерноморья в XIII–XV вв. // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т.2 / Отв. ред. С.Г. Бочаров и А.Г. Ситдииков. Казань–Симферополь–Кишинев, 2018 (в печати).

Дмитриев А.В., Нарожный Е.И., Соков П.В. Охранно-спасательные археологические исследования на могильнике «Молоканова щель» // Центр археологических исследований: отчет об итогах по НИР за 2008 год / Отв. ред. Е.И. Нарожный. Армавир: АНПИ, 2008. С. 19–24.

Дмитриев А.В., Нарожный Е.И., Соков П.В. Предварительные итоги раскопок археологических памятников урочища «Молоканова щель» // XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. Материалы международной научной конференции (Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г.). Карачаевск: Карачаево-Черкесский государственный университет имени У. Д. Алиева, 2018. С. 448–451.

Добролюбовский А.О. Черные клобуки в Побужье и Поднестровье // Древности степного Причерноморья и Крыма. Вып.1. / Ред.кол. Г.Н. Тощев и др. Запорожье: ЗГУ, 1990. С. 153–159.

Корецкий А.В. Позднекочевнические погребения на могильнике у сел. Глинное // Древнее Причерноморье. Вып. VIII / Под ред. И.В. Немченко и др. Одесса: ФЛП «Фридман А.С.», 2008. С. 178–185.

Мокрушин В.П., Нарожный Е.И., Соков П.В. О внутренней топографии поселения XIII–XV вв. (Крымский район Краснодарского края, предварительные наблюдения) // «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Историческая география». Материалы Седьмой международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова–Давыдова (Ялта, 8–12 ноября 2016 г.). Казань–Ялта–Кишинев: Stratum plus, 2016. С. 221–224.

Нарожный Е.И. Половцы или черные клобуки? (по поводу критических замечок И.Н. Анфимова и Ю.В. Зеленского) // МИАСК Вып. 2 / Отв. ред. Е.И. Нарожный. Армавир: РИНЦ АГПИ, 2003. С. 212–223.

Нарожный Е.И. Позднекочевническое захоронение из-под г. Новокубанска (Новокубанский район Краснодарского края): некоторые аспекты датировки и культурной атрибуции // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (Магас, 26–30 апреля 2010 г.). Тезисы докладов международной научной конференции. Магас: ООО «Пилигрим, 2010. С. 266–267.

Нарожный Е.И., Соков П.В. Предметы воинского снаряжения из культурного слоя поселения XIII–XV вв. «Железнодорожное-1» // «VIII Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа». Анапа–Краснодар, 2018 (в печати).

Сорокин С.С. О семантике некоторых археологических памятников ранних кочевников Азии (К проблеме этнической истории тюркоязычных народов Сибири) // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та. 1987. С. 7–17.

Федоров–Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: МГУ, 1966. 276 с.

Информация об авторах:

Дмитриев Александр Васильевич, главный специалист сектора археологии, Непубличное акционерное общество (НАО) «Наследие Кубани», (г. Краснодар, Россия); al.misxako@yandex.ru

Нарожный Евгений Иванович, доктор исторических наук, главный специалист сектора археологии, Непубличное акционерное общество (НАО) «Наследие Кубани», (г. Краснодар, Россия); zai_ein@mail.ru

Соков Павел Вадимович, кандидат исторических наук, главный специалист сектора археологии, Непубличное акционерное общество (НАО) «Наследие Кубани», (Краснодар, Россия); pvs_arm@mail.ru

MEDIEVAL BARROWS OF THE TRACT «MOLOKANOVA CRACL» (GELENDZHİK – PRASKOVĖEVKA VILLAGE)

A.V. Dmitriev, E.I. Narozhny, P.V. Sokov

In the article, two middle-century burial–cremation burial places are introduced into the scientific revolution, accompanied by burial of horses. They occur from the mounds of the tract "Molokanova slit" near the city of Gelendzhik. Dating them with Golden Horde time, the authors try to explain the specifics of this funeral rite not in the traditional way, in through the data of ethnography. If their predecessors have associated such funeral complexes with the ancestors of modern Circassian Circassians, the authors of the article justify the Turkic origin of the tradition. The authors draw attention to the presence of a wooden cola–hinge at the head of the horses, which was previously recorded by other researchers in the burial mounds near Novorossiysk. Analogies they find in the epos of the Turks of Siberia, from the position of which the published burials are treated as Turkic. Pointing to other materials of Turkic origin, the article raises the question of a strong ethno–cultural mix of the population who left the mounds of the "Molokanova slit".

Keywords: mounds, Golden Horde, cremation in urns, burial of a horse on its side, serge–hitch, ethno–cultural processes in the North–Eastern Black Sea Region

About the Authors:

Dmitriev Aleksandr V. Nenets Autonomous Okrug "Heritage of the Kuban", Krasnoarmeyskaya St., 16, Krasnodar, 350063, Russian Federation; al.misxako@yandex.ru

Narozhnyi Evgenii I. Doctor of Historical Sciences, Nenets Autonomous Okrug "Heritage of the Kuban", Krasnoarmeyskaya St., 16, Krasnodar, 350063, Russian Federation; .zai_ein@mail.ru

Sokolov Pavel V. Candidete of Historical Sciences, Nenets Autonomous Okrug "Heritage of the Kuban", Krasnoarmeyskaya St., 16, Krasnodar, 350063, Russian Federation; pvs_arm@mail.ru

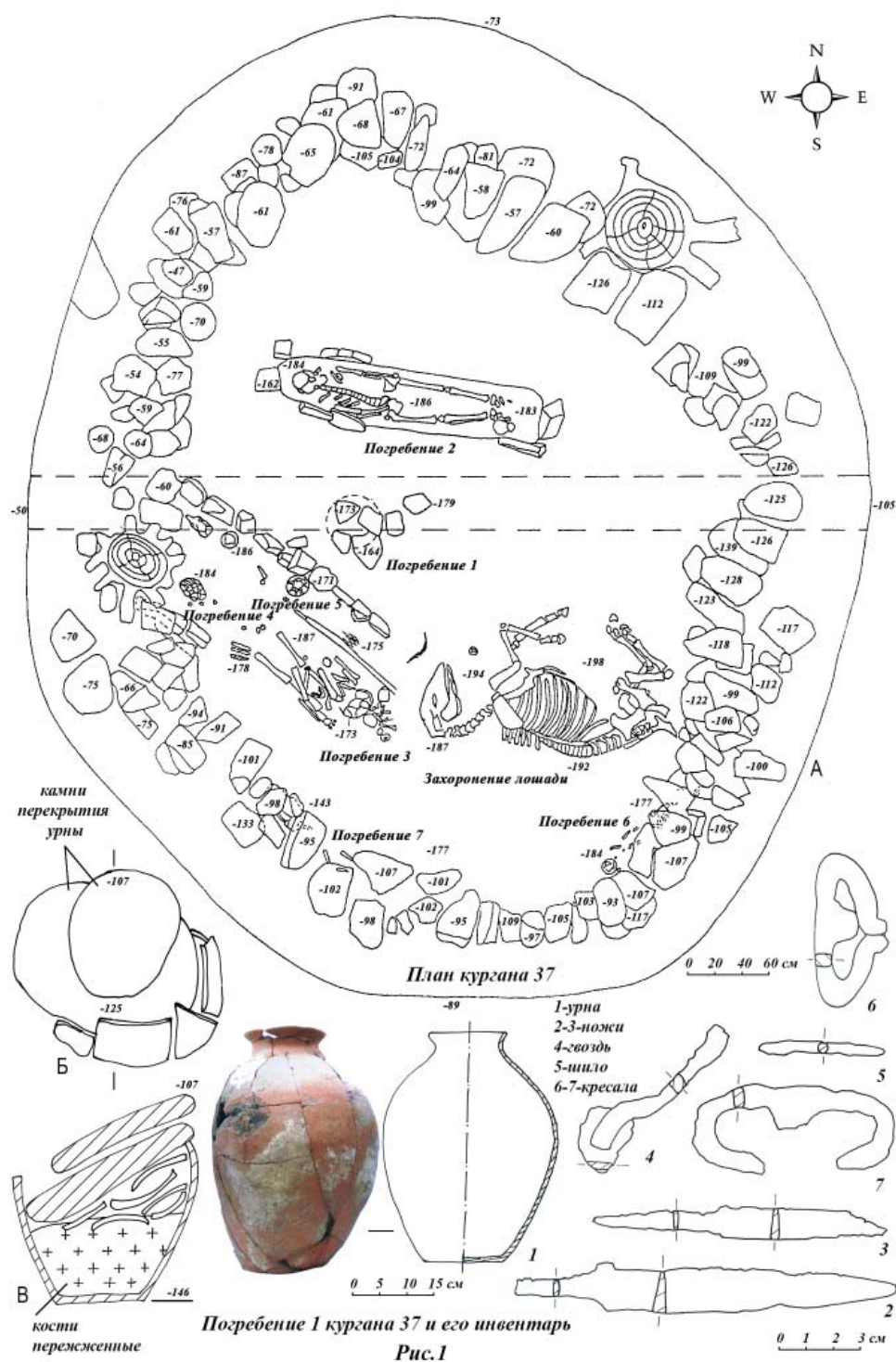
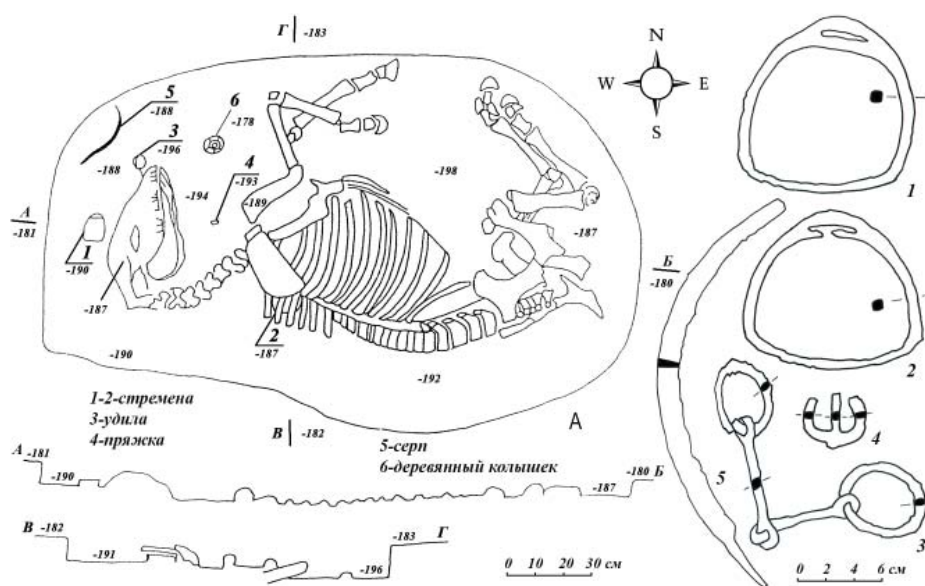
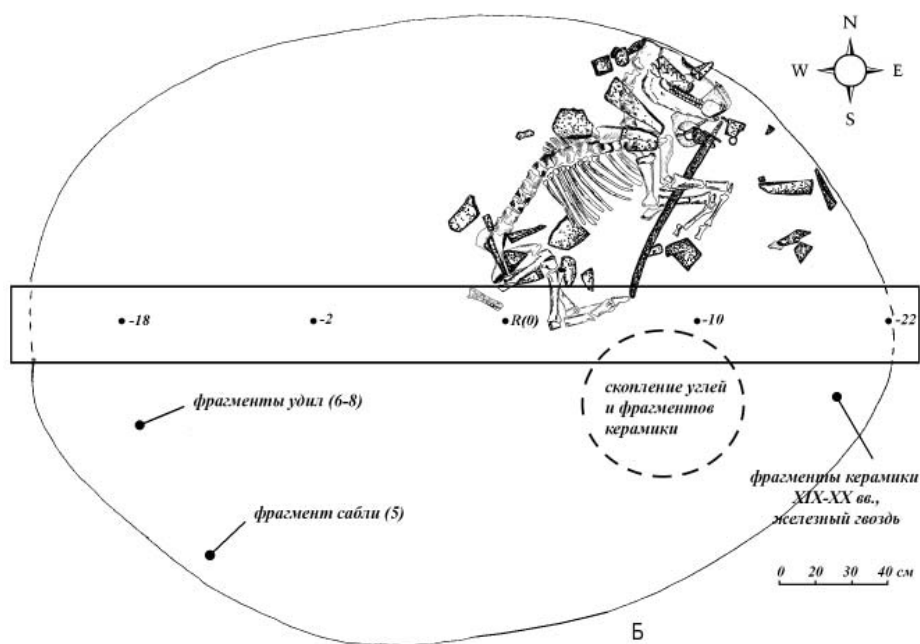

Рис.1. «Молоканова щель», план кургана № 37 и инвентарь из кремации

Захоронение лошади из кургана 37 и его инвентарь

План кургана 10

Рис.2

Рис.2. «Молоканова щель», план захоронения лошади (А) из кургана № 37 и ее инвентарь. План (Б) кургана № 10.

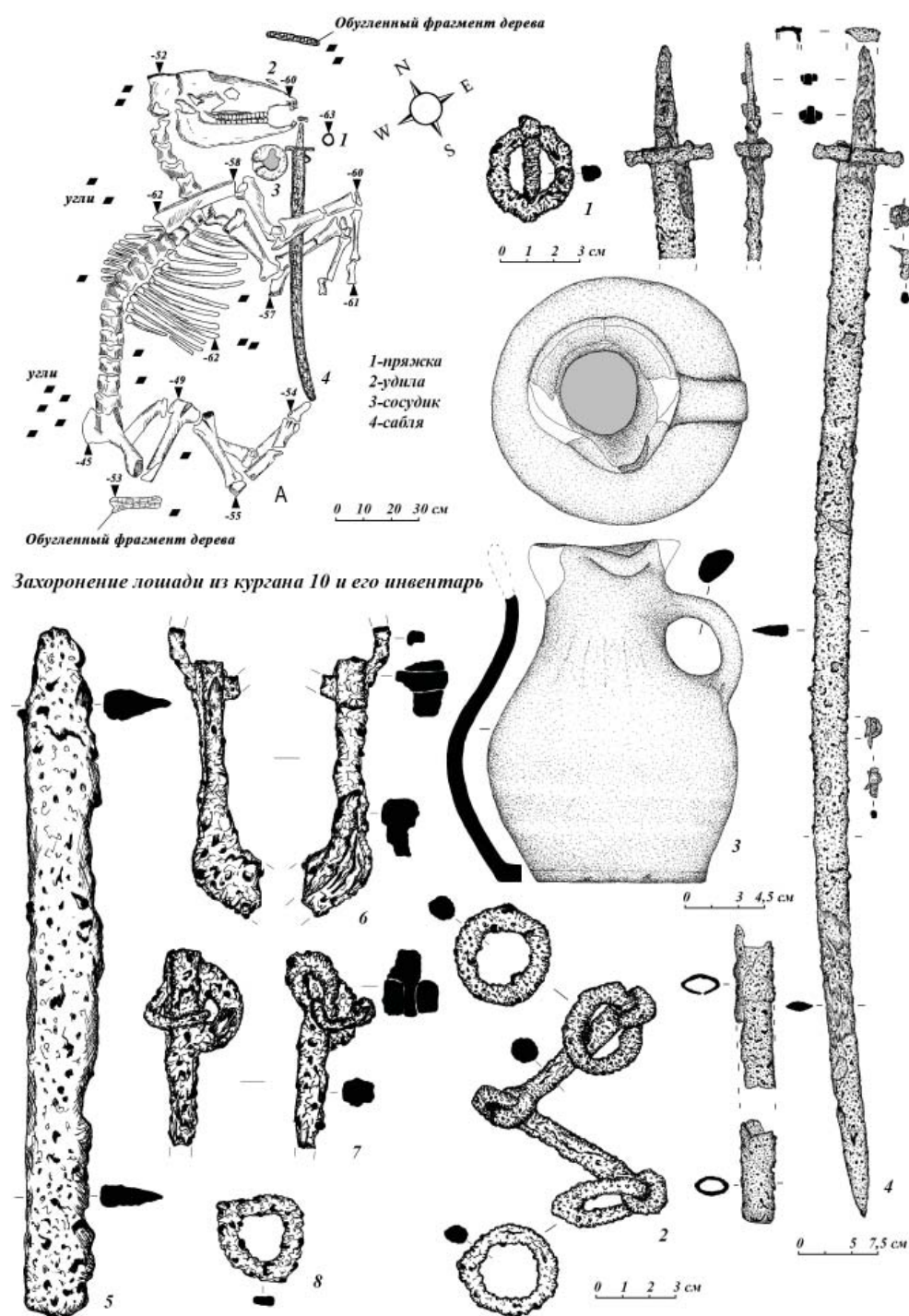

Рис.3

Рис.3. «Молоканова щель». План захоронения лошади (А) из кургана №10 и сопровождающий ее инвентарь.

УДК 902.1

РАТСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС В ЭПОХУ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ¹

© 2018 г. В. В. Енуков

Статья посвящена общей характеристике финального этапа в существовании Ратского археологического комплекса, расположенного в 20 км к востоку от Курска. В 1-й пол. XIV в. на месте славяно-русского поселения формируется крупный ордынский центр площадью около 35 га, причем его укрепленная часть составляла не менее 15 га. Пределы комплекса определяются многочисленными находками, связанными своим происхождением с Ордой. Среди них присутствуют отдельные предметы элитарного характера (например, золотой перстень с арабской надписью). Ратский комплекс, вероятно, представлял собой административный центр известной по письменным источникам «Курской тьмы» и прекратил свое существование в 60-е гг. XIV в.

Ключевые слова: Курская область, археологический комплекс, укрепления, керамика, данг, пул.

Ратский комплекс расположен в 20 км к востоку от Курска, между деревнями Городище и Шеховцово Курского района. Ввиду разночтений названий, в том числе неточных («Бесединское городище»), в основу его описания положена номенклатура с привязкой к д. Городище, предложенная автором в 1990 г. С учетом всех данных, включая изыскания последнего времени, предварительные итоги которых опубликованы (Горбунов, 2016), комплекс состоит из городища и четырех селищ, расположенных на высокой, до 25 м, террасе правого берега р. Рать, правого притока р. Сейм (рис. 1). Городище – небольшое (0,5 га), однако имеет мощные укрепления с напольной стороны в виде вала и рва. К нему примыкает селище 1 площадью около 24 га, которое в плане имеет форму, приближающуюся к трапеции. На нем располагались укрепления, большая часть которых была сnivelирована бульдозерами в 1960-х гг. На западной границе селища 1 сохранился их участок длиной около 150 м в виде рва и вала высотой до 3 м. По северной окраине памятника на протяжении около 250 м прослеживаются остатки срезанной насыпи вала. Об общей площади укрепленной части сейчас судить сложно, но она не могла быть менее 15 га.

С запада к селищу 1 примыкало селище 2 общей площадью около 11 га, которое овраги разделяли на три участка (А, Б, В). Далее к западу располагалась зона с крайне редкими

находками, которая, вероятно, использовалась под хозяйственную деятельность. В 50 м к востоку от селища 1 находится небольшое (около 1,5 га) селище 3.

Первые стационарные исследования комплекса проводились под руководством автора в 1990–1992 гг. и были сосредоточены на городище. В 2014 г. раскопки возобновились силами Посемьской экспедиции НИИ археологии юго-востока Руси КГУ. На этом этапе стационарные изыскания были ориентированы на селище 1 (всего 420 кв. м). Одновременно велись разведывательные работы с использованием шурфовки и фиксации подъемных материалов. В результате были значительно уточнены границы памятника, а также прослежена динамика его развития. В пределах Ратского комплекса присутствуют материалы начиная с эпохи бронзы, однако основная их часть относится к роменской и древнерусской культурам, а также ордынскому времени. Настоящая работа посвящена общей характеристике первых результатов изучения финального этапа в его существовании.

В XIV в. на месте славяно-русского поселения формируется крупный ордынский центр, аналоги чему на русских землях отсутствуют. Он включал в себя почти всю площадь комплекса в его максимальных пределах, за исключением городища и, возможно, слабоизученной части В селища 2. Пределы комплекса в это время маркируются следующими категориями находок. К первой

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-49-460001 «Посемье» – «Курьское княжение» – «Курская тьма»: три эпохи в истории археологического комплекса IX–XIV вв. «Бесединское городище».

относятся обломки восточной керамики. Ее полноценный анализ предстоит еще провести, однако первый опыт такого рода на материалах раскопа 1 был уже проделан (Скинкайтис, 2015). Доля поливной керамики составляет 29 %, при этом ведущее место принадлежит продукции мастеров юго-восточного Крыма (88 %; рис. 2: 1–3, 5–7). Значительно меньше (9 %) встречено посуды нижневолжских центров (рис. 2: 8, 9), а импорты из Китая и Хорезма – единичны. Остальная часть керамики относится к числу неполивной, в числе которой примерно равные доли принадлежали обычным для ордынских мастерских красноглиняным сосудам и посуде из Волжской Булгарии. К этой категории также относятся немногочисленные обломки амфор «трапезундского» типа, сосудов из Маджара и Хорезма (рис. 2: 10).

Вторым ордынским маркером являются многочисленные обломки чугунных котлов. К третьей категории относятся типично ордынские кирпичи, в том числе и целые. Большинство их обнаружено на селище 1. В подъемных материалах присутствовали и ордынские монеты, которые не относятся к числу массовых, однако важны для социально-политических и хронологических интерпретаций. Их большинство из числа известных не имеют точных привязок, хотя они отмечены на большей части площади комплекса (селища 1 и 2). В сводной работе 2008 г. учтено 69 дангов и 65 пулов. Авторы приходят к важному хронологическому выводу: джучидские монеты начинают поступать в регион в 1330 г., их обращение достигает максимума в 1350 г. и в сер. 1360–х гг. резко идет на спад. Один из курских кладов с младшей монетой 1365 г. был найден в Шеховцово (Лебедев, Зорин, 2008, с. 487, 497, 498). Коллекция ордынских монет постоянно пополняется. Отмечу еще одну важную находку нумизматического характера: штемпель обратных сторон подражаний золотоордынским пулам (Монеты Курского края, 2016, с. 18, 19).

Несомненно, в ордынское время ведущую роль в жизни населения комплекса играло селище 1. Сборы подъемного материала с фиксацией позволили выявить две зоны концентрации ордынских находок (рис. 1). Между ними была «нейтральная территория» шириной от 60 до 140 м, в пределах которой следы жизнедеятельности присутствовали, однако находки культурно-хронологического характера не обнаружены. Аналогичные зоны, ширина которых в среднем оставляла

30–70 м, проходили и с внутренней стороны укреплений. Можно осторожно предположить, что эта ситуация объясняется стремлением сделать свободным доступ обитателей селища 1 к фортификациям. Отмечу, что севернее фортификаций отдельные ордынские предметы присутствовали.

В 2016 г. раскопами 3 и 4 были исследованы укрепления и примыкающий к ним участок (рис. 1). Эта территория была освоена еще в древнерусское время, причем один из предмонгольских домов был полностью перекрыт насыпью вала. Грунт последней состоял из древнерусского слоя, формирование которого завершилось главным образом в XIII в., однако в нем присутствовали единичные ордынские находки. В завершение обзора топографии селища 1: в пределах восточной зоны концентрации был обнаружен участок со значительным скоплением человеческих костей (могильник 1). По некоторым косвенным признакам можно осторожно предположить, что кладбище появилось в результате татаро-монгольского нашествия. Многочисленные захоронения были открыты и при раскопках Ратского городища.

Исследования селища 1 только начались и их площадь пока невелика, однако полученные результаты позволяют выдвинуть некоторые предположения, касающиеся принципов домостроительства. На позднем этапе его существования практически все западины, оставшиеся на месте сооружений предшествующего времени, были сnivelированы. В составе грунта засыпок присутствовал культурный слой с древнерусскими и ордынскими находками, однако заметную его часть составлял материковый суглинок. Показательно, что при этом следы синхронных жилищ не обнаружены. Они явно были наземными и имели отопительные сооружения, которые не оставляли археологически фиксируемых признаков. Заглубленные в грунт объекты редки. Примером такого рода является круглая хозяйственная яма 4 раскопа 1 (рис. 2: Б). Впоследствии она была заполнена бытовыми отходами, включая восточную керамику (рис. 5, 6, 10), а затем засыпана грунтом описанного выше состава. На фоне ордынского населения следы присутствия русских сводятся только к находкам керамики, хотя в домонгольское время плотность застройки селища 1 на исследованной территории была высокой. Вполне вероятно это объясняется особыми условиями их пребывания на селище 1.

Ордынский период в существовании Ратского комплекса укладывается в пределы 1-й половины XIV столетия, на что указывают как данные археологии и нумизматики, так и общеисторическая ситуация. Представить себе возникновение некоего урбанизационного образования во 2-й пол. XIII в. достаточно сложно. Судя по всему, Ратский комплекс прекращает свое существование в 60-е гг. XIV в., когда «курския области» отходят к Литве. Считается, что курские земли не входили в состав Орды, хотя и располагались, по определению В.Л. Егорова, в «буферной зоне» (Егоров, 1985, с. 40). В ярлыке Менгли-Гирея Сигизмунду упоминается «Курская тьма» (АЗР, 1848, с. 4, 5). Документ датируется 1507 г., однако такое административное образование вряд ли могло существовать позднее 1360-х гг. в связи с приходом Литвы.

Ратский комплекс, вероятнее всего, был центром Курской тьмы, территория которой простиралась от верховьев Рати до совр.

Льгова (Лебедев, Зорин, 2008, с. 501). Не исключено, что у его истоков лежала известная по летописям одна из двух слобод, которые организовал курский баскак Ахмат в самом конце XIII в. Именно тогда погибли последние князья курских уделов Олег Рыльско-Воргольский и Святослав Липовечский. Ратский комплекс мог вполне заполнить образовавшийся с позиций Орды вакуум властных структур, на присутствие представителей которых указывают некоторые находки, в частности, поливная керамика. Последняя на русских землях связана, по мнению В.Ю. Коваль, с ордынскими чиновниками (Коваль, 2010, с. 194, 195). Реальность пребывания на Рати людей с неординарным статусом подтверждают и некоторые единичные предметы. Это – золотой перстень с арабской надписью «Да будет конец благополучен» (фонды КОКМ) и обломок тонкого пластинчатого браслета (?) из бронзы с орнаментом, стилизованным под арабское письмо (рис. 2: 4).

ЛИТЕРАТУРА

Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. 1506–1544. Т. 2. СПб., 1848. 440 с.

Горбунов Д.Н. Топография Ратского археологического комплекса // Археология восточноевропейской лесостепи. Материалы II-ой Международной научной конференции (Воронеж, 18–20 декабря 2015 г.). Воронеж: ВГПУ, 2016. С. 291–293.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 245 с.

Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси. IX–XVII вв. М.: Наука, 2010. 270 с.

Лебедев В.П., Зорин А.В. Денежное обращение Курской земли в Золотоордынское время // Степи Евразии в эпоху средневековья / Гл. ред. А.В. Евглевский. Т. 6. Донецк: ДНУ, 2008. С. 487–506.

Монеты Курского края: нумизматическое собрание Курского государственного областного музея археологии: каталог. Курск: ПОЛСТАР Курск, 2016. 300 с.

Скинкайтис В.В. Восточная керамика ордынского времени в Курском Посеймье // Вестник ВГУ. Серия: история, политология, социология. 2015. № 3. С. 116–119.

Информация об авторе:

Енуков Владимир Васильевич, доктор исторических наук, директор НИИ археологии юго-востока Руси Курского государственного университета (Курск, Россия); venukov@gmail.com

RATHSKY ARCHAEOLOGICAL COMPLEX IN THE ERA OF THE GOLDEN HORDE²

V. V. Enukov

The article is devoted to the general characteristic of the final stage in the existence of the Ratsky archaeological complex, located 20 km east of Kursk. In the 1st floor XIV century on the site of the Slav–ic–Russian settlement, a large Horde center with an area of about 35 hectares is formed, with its fortified part being no less than 15 hectares. The limits of the complex are determined by numerous finds related to their origin with the Horde. Among them there are individual items of an elitist nature (for example, a gold ring with an Arabic inscription). The Ratsky complex was probably the administrative center of the Kursk Darkness, known from written sources, and ceased to exist in the 60s. XIV century.

Keywords: Kursk region, archaeological complex, fortifications, ceramics, dang, pool.

About the Author:

Enukov Vladimir V. Doctor of Historical Sciences, Scientific Research Institute of Archeology of the South–East of Russia, Kursk State University, Radishchev St., 33, Kursk, 305000, Russian Federation; vyenukov@gmail.com

² The work was conducted with the financial support of RFBR, Project No. 18–49–460001 “Seym Region” – “Kursk Principality” – “Kursk Dark Ages”: three epochs in the history of the 9th–14th century archaeological complex. “Besedino settlement”.

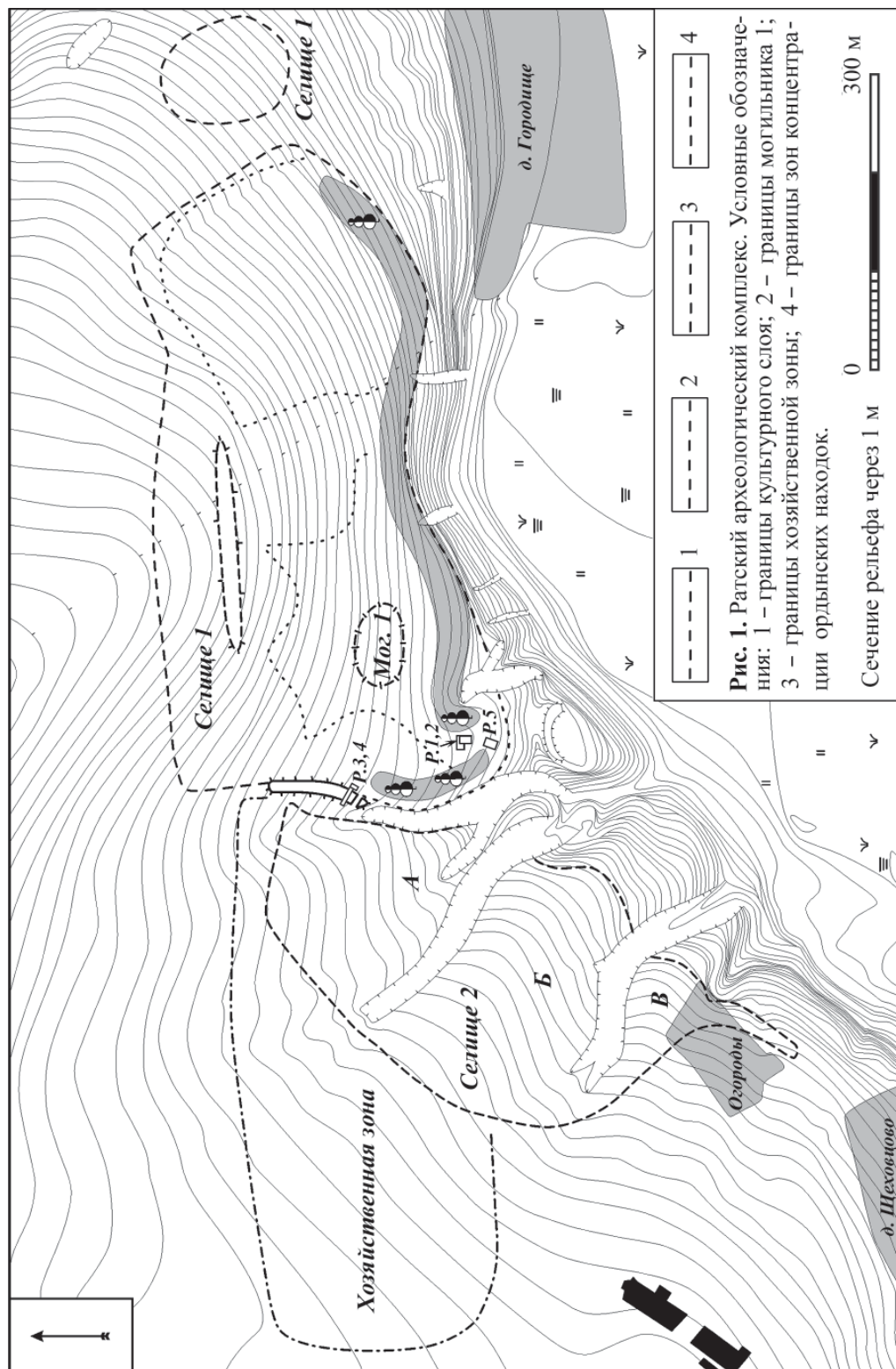

Рис. 1. Ратский археологический комплекс. Условные обозначения: 1 – границы культурно-го слоя; 2 – границы могильника 1; 3 – границы хозяйственной зоны; 4 – границы концентрации ордынских находок.

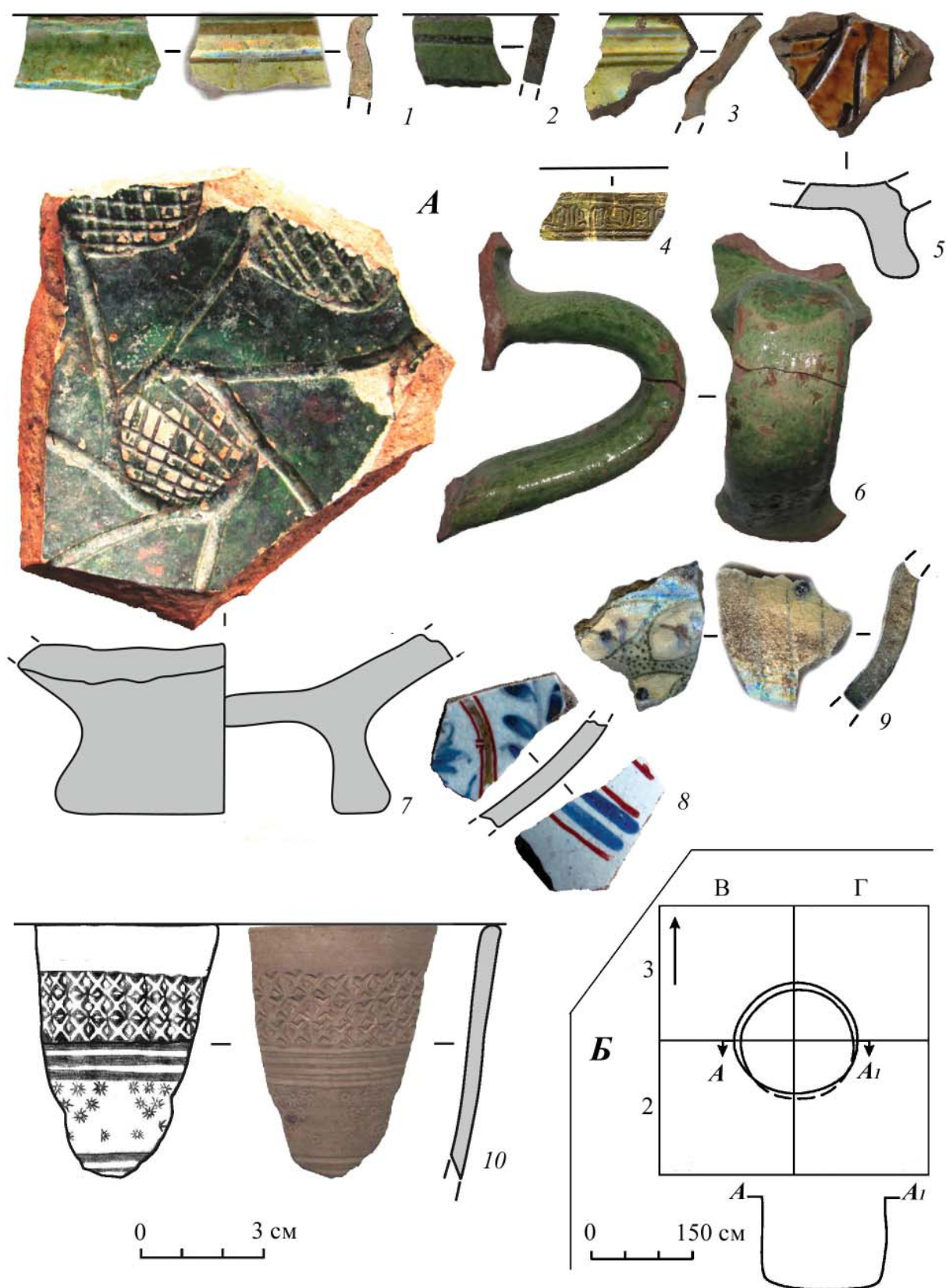

Рис. 2. Ратский археологический комплекс. А – находки. 1–3, 9 – раскоп 1, культурный слой; 4 – подъемный материал; 5, 6, 10 – раскоп 1, яма 4; 7, 8 – раскоп 2, культурный слой; Б – раскоп 1, яма 4. 1–3, 5–10 – керамика, 4 – бронза.

УДК 903.3 (728)

ЕЩЕ РАЗ О БАШЕННЫХ МАВЗОЛЕЯХ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ¹

© 2018 г. Э. Д. Зиливинская

Башенные мавзолеи представляют собой типологическую группу мусульманских погребальных построек. Иранская башня Гумбеде считается прародительницей всех башенных мавзолеев. Среди сохранившихся ранних мавзолеев Ирана есть как многогранные, так и круглые в плане. Широчайшее распространение получили многогранные башенные мавзолеи в сельджукское время в Малой Азии. В Азербайджане форма башенных мавзолеев также является главенствующей. В большинстве своем они не имеют выступающего портала. Другим типом башенных многогранных мавзолеев являются мавзолеи с выступающим порталом. К ним относится группа мавзолеев Дахистана (XI–XII вв.), расположенных на кладбище Машад. В Золотой Орде башенные мавзолеи известны в Нижнем Поволжье, Северном Кавказе, Крыму, Западном Казахстане. Среди них есть круглые и многогранные в плане, а также с порталами и без них.

Ключевые слова: Золотая Орда, Иран, Малая Азия, Азербайджан, Дахистан, башенные мавзолеи, круглые в плане, многогранные, с выступающим порталом, шатровые.

Башенные мавзолеи в Золотой Орде как отдельная группа погребальных сооружений до недавнего времени подробно не рассматривалась.

В классификации Г.А. Федорова–Давыдова башенные постройки не упоминаются (Федоров–Давыдов, 1994, с. 70–72). Л.Т. Яблонский выделял отдел восьмиугольных в плане построек, которые разделял на два типа – с порталом и без портала (Яблонский, 1975, с. 76). Д.В. Васильев в группе однокамерных мавзолеев выделяет многоугольные (Васильев, 2009, с. 22–24, пр. 7). В этих вариантах типологии рассматривалась только планиграфия без учета объемных характеристик, вероятно, поэтому термин «башенные мавзолеи» в них не применяется. В настоящее время можно рассмотреть их более подробно, так как некоторые постройки сохранились целиком, а значительная часть их известна по изображениям.

По плану башенные мавзолеи можно разделить на круглые и многоугольные. Каждый из этих отделов, в свою очередь, делится на два типа: фасадные и порталные.

Круглые в плане башенные мавзолеи с порталом и без портала (рис. 1: 1) видны на рисунке панорамы Маджара М. Некрасова и плане А. Голохвостова (Зиливинская, 2010). Башенные мавзолеи Маджара как многогранные, так и круглые в плане описывает и С.–Г. Гмелин: «Фигура сохранившихся еще зданий – четырехугольная, восьмиугольная и круглая...» (Шестаков, 1884, с. 8–9). В могиль-

нике Шарахалсун 5 в Ставропольском крае исследован мавзоль круглой в плане формы (рис. 1: 2) со стенами из сырцового кирпича (Яковлев А.В., 2001). Внешний диаметр здания в нижней части составлял 7,4 м, внутренний – 4,1 – 4,2 м. Стены имели толщину до 1,8 м. На городище Жайык в Западном Казахстане исследован культовый комплекс, в центре которого находился круглый в плане башенный мавзоль без портала (рис. 1: 3). Внешний диаметр здания составлял 9,5 м, внутреннее помещение также круглое в плане имело диаметр 5,1 м. Стены сложены из сырцового кирпича с обкладкой из обломков обожженного кирпича. Ко входу в здание вел пандус (Зиливинская, Калменов, Сдыков, 2016, с. 273–274).

Многоугольных в плане мавзолеев в Золотой Орде известно гораздо больше. Восьмигранный в плане башенный мавзоль без портала из селения Маслов Кут (рис. 1: 4), недалеко от Маджара, приведен и на рисунке П.С. Палласа (Pallas, 1799, s. 308, Tab. 12). Многогранный мавзоль с шатровым куполом (рис. 1: 5) изображен также на карте Кавказа подполковника Штедера конца XVIII в. Один из мавзолеев, исследованных на правом берегу р. Подкумок, между станциями Ессентуки и Белый Уголь, имел форму десятигранника (рис. 1: 6). Расстояние между противоположными углами его составляло 6,3 м. Вход находился с южной стороны, портал не прослеживался. Стены здания были декорированы поливными кирпичами бирю-

¹ Публикация подготовлена в рамках НИР "Эволюционный континуум рода Homo".

зового цвета (Палимпсестова, Рунич, 1974, с. 229–238).

В последние годы многогранные башенные мавзолеи без портала были найдены в Нижнем Поволжье. На юго-западной окраине Царевского городища исследованы остатки шестигранного в плане мавзолея (рис. 1: 7). Здание было шестигранным в плане, длина его стен по внешнему контуру колебалась от 3,1 м до 4,7 м. Входной проем находился с восточной стороны. Стены мавзолея были сложены из обожженных кирпичей (Блохин, 2008, с. 227–237). Восьмигранный мавзолей найден при изучении могильника Солодовка 1 в окрестностях Царевского городища (рис. 1: 8). Сложен он был из квадратного сырцового кирпича. Сооружение имело форму восьмиугольника с равными сторонами длиной 2,9 м. Расстояние между противоположными углами здания составляло 7,6 м. Внутреннее помещение было круглым в плане диаметром 4,2 м (Глухов, 2005). В Волгоградской области на левом берегу Цимлянского водохранилища, недалеко от хутора Веселый был раскопан очень небольшой мавзолей восьмигранной формы (рис. 1: 9). Стены его толщиной 1,2–1,3 м сложены из сырцовых кирпичей. Длина стен с внешней стороны составляла 1,6 м, расстояние между внешними углами – 4,6 м, между внутренними – 2,1 м (Демиденко, 2011, с. 108–116).

При раскопках курганов у с. Изобильное Соль-Илецкого района Оренбургской области был найден мавзолей восьмигранной формы (рис. 1: 10). К несчастью, в процессе раскопок большая часть его была разрушена, поэтому форма здания реконструируется весьма приблизительно. Оно имело восьмигранную форму с длиной грани около 3,6 м. Расстояние между внешними углами равнялось 9,2 м. Стены были сложены из обожженного и сырцового кирпича (Гарустович, Турецкий, 2011, с. 153–160).

Дюрбе «Малый восьмигранник» в окрестностях Азиса (Бахчисарай, Крым) восьмигранное, внешние углы его декорированы трехчетвертными колонками, верх увенчан карнизом (рис. 1: 11). Внутренний объем перекрыт полусферическим куполом на полуциркульных арках, снаружи прослеживалось перекрытие в виде восьмигранного шатра (Боданинский, 1927, с. 200; Засыпкин, 1927, с. 119–120).

Многогранные мавзолеи с выступающим порталом (рис. 1: 12), судя по сохранившимся рисункам, также присутствовали в некро-

поле Маджара (Зиливинская, 2010). Известным памятником такой планировки является дюрбе Джанике-ханым в Чуфут-Кале (Боданинский, 1927, с. 197–198; Засыпкин, 1927, с. 124–126). В плане оно представляет собой восьмиугольник, каждая грань которого имеет 3,5 м в длину, внутри расстояние от грани до грани – 5,2 м (рис. 1: 13). На наружных углах восьмигранника сделаны полукруглые колонки, декорированные резьбой в виде рельефной геометрической плетенки. Мавзолей перекрыт полукруглым куполом без барабана. С южной стороны к объему здания пристроен сильно выдвинутый портал в виде четырехугольника с полуциркульной аркой. Внутри с обеих сторон портала имеется по одной углубленной «сельджукской» нише полукруглого плана со сталактитовым завершением и круглыми трехчетвертными колонками по сторонам.

В Государственном военно-историческом архиве найден рисунок мавзолея близ устья реки Мечетной, сделанный в 1769 г. (Ельников, 2013, с. 128). Мавзолей башенный, восьмигранный, увенчанный шатровым куполом. Здание имело большой выступающий портал с нишей стрельчатого очертания (рис. 1: 14). Во внешних углах его сделан квадратный вырез, в который вставлены колонки небольшого диаметра. Фасад портала украшен прямоугольной рамой в виде «сельджукской цепи», в боковых стенках имелись небольшие нишки. По плану, внешнему виду и пропорциям этот мавзолей наиболее близок известному мавзолею Джанике ханым в Чуфут-Кале.

К порталным башенным мавзолеям усложненной структуры можно отнести известный ургенчский памятник, носящий название мавзолея Тюрабек-ханым (рис. 1: 15). Л.Ю. Маньковская относит его к сложным многокамерным постройкам продольноосевой композиции (Маньковская, 1980, с. 136). Ядром здания является объем в виде двенадцатигранной снаружи и шестигранной внутри башни. К нему пристроен необычайно высокий и стройный портал, который содержит в своей плоскости узкую стрельчатую арку в обрамлении трех П-образных рам. Глубокая сводчатая ниша портала ведет в вестибюль с двумя комнатами по сторонам и далее в ядро здания. С северной стороны к башенной зиорат-хане пристроено помещение гурханы с подземным склепом. Согласно мнению большинства исследователей, мавзолей является одной из лучших простран-

ственных композиций, в которой удивительно гармонично сочетается традиционный портал с башнеобразной усыпальницей (Засыпкин, 1948, с. 74–75; Пугаченкова, 1967, с. 154–155).

Башенные мавзолеи представляют собой одну из линий развития мемориальных построек. Возникали они в самом начале XI в. в Иране. Самой ранней постройкой такой формы является башня Гумбад-и Кабус (рис. 2: 1). Мавзолей представляет собой круглую, слегка сужающуюся кверху башню под коническим куполом. Ствол расчленяют десять треугольных выступающих ребер, которые упираются внизу и вверху в покатый обреш. Здание опоясывают две надписи, на которых изображено имя Кабуса и время постройки мавзолея – 1006–1007 гг. Башня Кабуса представляет собой грандиозную постройку, не имеющую аналогов в средневековом зодчестве. Происхождение этого мавзолея неясно. Считается, что он был построен как фамильная усыпальница семьи, перешедшей к исламу от зороастризма и тесно связанной с доисламскими традициями. Широко распространенной является гипотеза о трансформации в башенные постройки сооружений кочевников, таких как юрта. Г.А. Пугаченкова высказала предположение, что этот тип зданий происходит от сырцовых и курганообразных погребальных сооружений тюркских народов, которые в процессе развития соединились с среднеазиатским кирпичным минаретом и создали архитектурный образ башнеобразного мавзолея с шатровой крышей (Пугаченкова, 1949, с. 74).

В Иране известны и другие башенные мавзолеи. Это Гунбад-и Али (1056 г.) в Йазде, гробницы Пир-и Аламдара (1026 г.) в Дамгане, башня Тугрил-бека (1136 г.) в Рее, Масум Заде в Мехмандасте близ Дамгана, мавзолей в Бестаме (XIII–XIV вв.) и Мавзолей в Радкане (1281 г.) (рис. 2: 2–7) (Stierlin, 2012, р. 34–42). Башенные мавзолеи Ирана могут быть круглыми в плане, круглыми с гофрированными стенами и многогранными.

Башенные мавзолеи без шатрового перекрытия также известны, хотя это и не характерно для них. К этому типу относится

группа мавзолеев Дахистана, расположенных на кладбище Машад (Пугаченкова, 1958, с. 292–298). Все они имеют сильно выступающий портал со сводчатым перекрытием. Всего в этой группе 6 мавзолеев, три из которых многогранные в плане, а три – круглые.

В Анатолии при Сельджуках была воспринята идея башенного мавзолея. Анатолийские мавзолеи представляют собой круглые или многогранные в плане постройки, увенчанные шатровым покрытием. Они сложены из тщательно обработанных каменных блоков и часто богато декорированы тонкой резьбой по камню. В некоторых случаях ствол постройки поставлен на квадратный цоколь, который практически сразу переходит в барабан при помощи внешних треугольных скосов. Большинство башенных мавзолеев Малой Азии не имеют выделенных порталов, вход оформлен слегка заглубленной сталактитовой нишей. В качестве примера можно привести Ситте Мелик в Дивриги (XII в.), мавзолей Караманоглу Алаеддин бея в Карамане (XIII в.), Худаент Хатун тюрбе в Нигде (XIV в.) и др. (рис. 2: 9–14) (Hillenbrand, 1994, р. 306–311, 540–542; Stierlin, 1998, р. 50–53). В отдельных случаях портал выступает вперед и образует небольшой вытянутый тамбур. Такую планировку имеет Али Кафер тюрбе в Кайзери (XIV в.) (рис. 2: 8) (Stierlin, 1998, р. 51).

В мемориальном строительстве Азербайджана основной формой также является башенный мавзолей. Некоторые из азербайджанских мавзолеев, построенных из камня, очень близки анатолийским, но в целом здесь наблюдается значительно большее многообразие форм. Для нахичеванской школы характерно активное применение кладки из кирпича с богатой декорировкой плоскостей стен резным кирпичом, терракотой и изразцами. Таковы мавзолеи Юсуфа ибн Кусейра (XII в.), Момине-хатун (XII в.), Гунбад-е Кабуд в Мараге (XII в.) и более поздние усыпальницы XIV в., такие как мавзолеи в с. Барда, в с. Карабаглар и др. (рис. 2: 15–21) (Уссейнов М.А., Бретаницкий Л.С., Саламзаде А., 1963, с. 80–104, 127–162; Бретаницкий Л.С., 1966, с. 96–199).

ЛИТЕРАТУРА

Блохин В.Г. Исследование мемориального комплекса на юго-западной окраине Царевского городища // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 9 / Отв.ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2008. С. 227–238.

Боданинский У. Татарские «Дурбе» – мавзолеи в Крыму // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Т. II (58) / Под ред. Н. Л. Эрнста. Симферополь, 1927. С. 195–201.

Бретаницкий Л. С. Зодчество Азербайджана XII–XV вв. и его место в архитектуре Переднего востока. М.: Искусство, 1966.

Васильев Д. В. Исламизация и погребальные обряды в Золотой Орде. Археолого-статистическое исследование. Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2009. 178 с.

Гарустович Г. Н., Турецкий М. А. Новый тип мусульманских мавзолеев золотоордынского времени на Южном Урале // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы V Международной конференции, посвященной памяти Г. А. Федорова–Давыдова (Астрахань, 2–6 октября 2011 г.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 153–160

Демиденко С. В. Охранные раскопки на левобережье Цимлянского водохранилища // Историко–археологический альманах. Вып. 10. Армавир; Краснодар; М.: Медицинский информационно-аналитический центр, 2011. С. 108–115

Ельников М. В. Охоронні дослідження золотоординського міста «Кінські Води» // Старожитності ліво бережного Подніпров'я. / наук. і відп. ред. Супруненко О. Б. К.–Полтава: Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПШК, 2013. С. 126–134.

Засыпкин Б. Н. Памятники архитектуры крымских татар // Крым. 1927. № 2(4). С. 113–168.

Засыпкин Б. Н. Архитектура Средней Азии. М.: изд-во и тип. Изд-ва Акад. архитектуры СССР, 1948. 160 с.

Зиливинская Э. Д. Золотоордынские мавзолеи Северного Кавказа // Золотоордынская цивилизация. 2010. Вып. 3. С. 52–69.

Зиливинская Э. Д., Калменов М. Д., Сдыков М. Н. Культовый комплекс XIV в. на городище Жайык в Западном Казахстане // Золотоордынская цивилизация № 9. 2016. С. 271–279.

Маньковская Л. Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии. IX – начало XX в. Ташкент: Фан, 1980. 184 с.

Палимпсестова Т. Б., Рунич А. П. О Ессентукийских мавзолеях и ставке Узбек–хана // СА 1974. № 2. С. 229–239.

Пугаченкова Г. А. К проблеме возникновения шатровых мавзолеев Хорасана // Труды ЮТАКЭ. Вып. 1 / ред. М. Е. Массон. Ашхабад, 1949. С. 57–77.

Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 493 с.

Пугаченкова Г. А. Искусство Туркменистана Очерк с древнейших времен до 1917 г. М.: Искусство, 1967. 328 с.

Усейнов М. А., Бретаницкий Л. С., Саламзаде А. История архитектуры Азербайджана. М.: Гос. Изд. По строительству, архитектуре и строительным материалам, 1963. 396 с.

Шестаков П. Д. Напоминание о древнем городе Маджаре. // Тр. IV археологического съезда. Т. I. Казань: Типография Императорского Университета, 1884. С. 3–16.

Федоров–Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. 232 с.

Яблонский Л. Т. Типы погребального обряда на мусульманских городских некрополях Золотой Орды // Вестник МГУ. Серия IX история. 1975. № 2.

Яковлев А. В. Отчет о раскопках курганных могильников Шарахалсун 5 на территории Апанасенского р-на Ставропольского края в 2001 г. // Архив ИА РАН.

Hillenbrand R. 1994. Islamic Architecture. New–York: Columbia University Press.

Pallas P. S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthaltersaften des Russischen Reiches in den Jahren 1793–1794. B. I. Leipzig: Martini, 1799.

Stierlin H. Turkey from the Selçuks to the Ottomans. Köln: Tashen, 1998.

Stierlin H. Persian Art & Architecture. London: Thames & Hudson, 2012.

Информация об авторе:

Зиливинская Эмма Давидовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник. Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва, Россия), eziliv@mail.ru

ONCE AGAIN ABOUT THE TOWER MAUSOLEUMS IN THE GOLDEN HORDE²

E. D. Zilivinskaya

Tower mausoleums are a typological group of Muslim funerary buildings. The Iranian Gumbede tower is considered the progenitor of all the tower mausoleums. Among the surviving early mausoleums of Iran is both multi-faceted and round in plan. The most widely spread multifaceted tower mausoleums in Seljuk time in Asia Minor. In Azerbaijan, the form of tower mausoleums is also predominant. Most of them do not have a serving portal. Another type of tower mausoleums are mausoleums with a protruding portal. These include a group of mausoleums of Dakhistan (XI–XII centuries), located in the cemetery Mashad. In the Golden Horde, tower mausoleums are known in the Lower Volga region, the Northern Caucasus, the Crimea, and Western Kazakhstan. Among them are round and multi-faceted in terms of, as well as with and without portals.

Keywords: Golden Horde, Iran, Asia Minor, Azerbaijan, Dakhistan, tower mausoleums, round in plan, multi-faceted, with a protruding portal, hip dome.

About the Author:

Zilivinskaya Emma D. Doctor of Historical Sciences. Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklouho-Maklay (IEA), Russian Academy of Sciences. Leninsky Ave., 32a, Moscow, 119334, Russian Federation; eziliv@mail.ru

² The publication was prepared within the framework of the research work “Evolutionary continuum of genus Homo”.

Рис. 1. Башенные мавзолеи Золотой Орды, круглые в плане (1–3), многогранные (4–15): 1 – Маджар; 2 – Шарахалсун; 3 – Жайык; 4 – Маслов Кут; 5 – Кавказ (карта Штедера); 6 – Подкумок; 7 – Царевское городище; 8 – Солодовка; 9 – х. Веселый; 10 – Изобильное; 11 – Асиз; 12 – Маджар; 13 – Чуфут-кале; 14 – р. Мечетная; 15 – Тюрабек-ханым в Куня Ургенче.

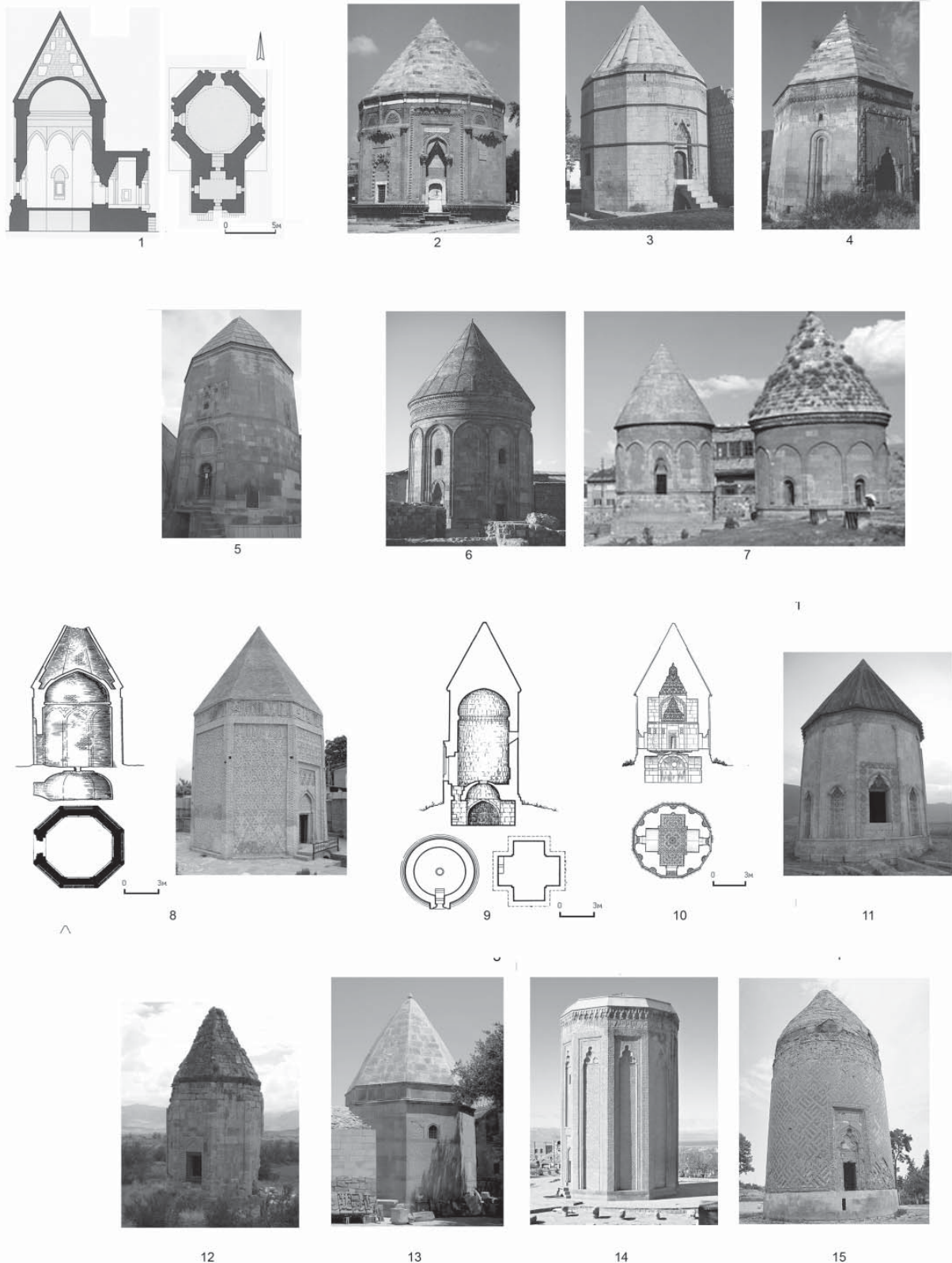

Рис. 2. Башенные мавзолеи Ирана (1–7), Малой Азии (8–14), Азербайджана (15–21): 1 – Гунбад-и Кабус; 2 – Гунбад-и Али в Йазде; 3 – Масум Заде в Мехмандасте близ Дамгана, 4 – Тугрил-бека в Рее, 5 – Пир-и Аламдара в Дамгане; 6 – мавзолей в Радкане; 7 – мавзолей в Бестаме; 8 – Али Кафер в Кайсери; 9 – Караманоглу Алаеддин бея в Карамане; 10 – дюрбе Худавент хатун в Нигде; 11 – Ситте Мелик в Дивриги; 12 – Кылыч Арслана в Конье; 13 – в Эрзеруме; 14 – Юч Кюмбетлер, Эрзерум; 15 – Юсуфа ибн Кусейра; 16 – Мир Али; 17 – Хачин-Дорбатлы; 18 – мавзолей Йахьи ибн Мухаммада ал-Хаджа; 19 – мавзолей Сейида Яхья Бакуви; 20 – Момине Хатун; 21 – мавзолей в Барде.

УДК 902/904

ГЕОГРАФИЯ МАРКЁРОВ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ КОЧЕВНИКОВ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

©2018 г. В. А. Иванов, М. И. Иванова

Авторы рассматривают географию распространения артефактов, выступающих в качестве маркирующих элементов материальной культуры кочевников Золотой Орды – украшения и элементы костюма, предметы вооружения и конского убранства. Среди них наиболее выразительными являются: серьги в виде знака вопроса, бронзовые зеркала, головной убор-бокка, цилиндрические подвески-амулеты, наконечники стрел-срезни, берестяной колчан с костяными накладками, стремяна с широкой подножкой. Картографирование этих предметов показывает, что основными районами их географической концентрации в кочевнических погребениях XIII–XIV вв. являются степи Нижнего Поволжья и Южного Предуралья, а также – Алтая и Монголии. Это дает основание для следующих выводов: первый – само появление перечисленных категорий предметов в степях Восточной Европы напрямую было связано с монгольским завоеванием и, следовательно, они могут рассматриваться как проявление монгольской культуры в культуре кочевников Евразии; второе – их тесная условная связь (Q – коэффициент взаимовстречаемости) с погребениями определенного типа (захоронения под каменными конструкциями, северной ориентировкой и целым остовом коня) позволяет видеть в них этнический (монгольский) признак; третий – локализация перечисленных категорий вещей именно в районе основных городских центров Улуса Джучи (Золотой Орды) позволяет видеть в последних центры устойчивой подпитки материальной культуры кочевого населения, сделав ее настолько унифицированной, что у ряда современных исследователей появилась тенденция трактовать ее как «имперскую».

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, кочевники, материальная культура, украшения, элементы костюма, серьги в виде знака вопроса, вооружение, конское убранство.

Материальная культура кочевников Золотой Орды представлена следующими категориями предметов: оружие; принадлежности конской сбруи; украшения; принадлежности убранства костюма. По своему внешнему виду они настолько отличаются от аналогичных вещей предшествующего периода, что являются не только надежными хронологическими маркерами XIII–XIV вв., но и позволяют очертить ареал распространения кочевнической культуры, которую в историографии все чаще стали обозначать как «имперская культура Золотой Орды». Исследования, проведенные в этом направлении, показывают, что как элементы «имперской культуры» вещи, составляющие перечисленные категории, за пределами территории Золотой Орды (Улуса Джучи) практически не встречаются (Иванов, 2013, с. 185–186). Вместе с тем их многочисленность в составе погребального инвентаря кочевнических памятников позволяет рассмотреть вопрос о географии и плотности их распространения по территории Золотой Орды – государства, полиэтничность которого нашла свое отражение в разнообразии типов погребальных памятников (Иванов, 2015, с. 38–62).

Задача, которую мы ставим перед собой в настоящем исследовании, состоит в том, чтобы эмпирически проверить «нулевую гипотезу», согласно которой ряд типов вещей, входящих в категории материальной культуры кочевников Золотой Орды, являются условно-этнографическими, то есть могущими быть связанными с теми кочевыми этносами или этническими группами, которые появились в степях Восточной Европы в XIII в. в результате монгольского нашествия.

Географическая статистика комплексов вооружения кочевников Золотой Орды показывает, что никакой локальной специфики или устойчивой корреляции с типами погребального обряда они не обнаруживают (Иванов, 2017, с. 155–157), что вполне естественно, поскольку *arriori* оружие не может рассматриваться в качестве этнокультурного маркера. Исключение составляют только костяные орнаментированные накладки на колчан (70 находок), из которых 42,8% найдены в погребениях Урало-Поволжья (табл. 1 и рис. 1, 1–9)¹

Из категории украшения в погребениях кочевников Золотой Орды наиболее часто

¹ Из них 28,6% – в курганах Нижнего Поволжья..

встречаются серьги в виде несомкнутого кольца и «знака вопроса» (по существующим в настоящее время типологиям – типы I и VI, соответственно, по Г.А. Федорову-Давыдову и Р.Р. Каримовой (Федоров-Давыдов, 1966, с. 39; Каримова, 2013, с. 28–30) или типы I и II – по Е.П. Мыськову (Мыськов, 2015, с. 159–161)). Поскольку серьги в виде несомкнутого кольца (тип I) бытовали на широком хронологическом пространстве, в контексте рассматриваемой темы они не представляют существенного интереса. Что касается серег в виде «знака вопроса», то их абсолютное большинство (49,3%) найдено в кочевнических погребениях Урало-Поволжья (табл. 1). По результатам статистического анализа украшений и деталей костюма кочевников Золотой Орды, проведенного Р.Р. Каримовой, серьги типа VI обнаруживают тенденцию встречаемости, близкую к нормальной или превышающую ее, именно в Поволжье и Южном Предуралье (Каримова, 2013, с. 133, табл. 13).

Еще один предмет, появившийся у кочевников Восточной Европы в XIII–XIV вв. – деталь головного убора *бокка/боктаг*. В археологическом выражении – это берестяная трубочка длиной до 40 см или берестяной «сапожок», украшенные бусинами, бляшками-нашивками (иногда представляющими собой детали поясных наборов – Уральский мог., к. 5 (Булгаков, 1984)) и обтянутые тканью (рис. 1: 23–25). Здесь та же самая картина – в общей сложности 59,1% всех находок этого предмета приходится на Урало-Поволжский регион (табл. 1).

Наиболее часто встречающейся в кочевнических погребениях Золотой Орды категорией предметов, связанных с костюмным убранством, являются металлические зеркала с орнаментированной тыльной стороной. Типологий золотоордынских зеркал сейчас разработано множество (Федоров-Давыдов, 1966, с. 116; Полякова, 1977, с. 78–82; Недашковский, Ракушин, 1998, 1998а; Руденко, 2004; Кригер, 2012, с. 33–34; Каримова, 2013, с. 167–169; Мыськов, 2015, с. 84). Но все они имеют формальный характер и для понима-

ния семантики или генезиса данной категории вещей в кочевнической культуре пока мало что дают. Единственное, о чем можно говорить определенно, это то, что среди золотоордынских зеркал явно доминируют зеркала с 1–2 бортиками по краю, зеркала, украшенные геометрическим орнаментом, растительным орнаментом и зооморфными изображениями. Среди последних чаще всего встречаются изображения двух рыб, плывущих друг за другом. Сюжет, явно привнесенный с Востока, вероятнее всего, – из Китая (Иванов, Крыласова, 2006, с. 32–33) (рис. 1: 17–22).

Аналогичным образом географическая статистика поясных *кожаных сумок-калта* показывает, что тенденцию к более частой (и весьма заметно) встречаемости они обнаруживают также в погребениях Урало-Поволжья (Каримова, 2013, с. 166, табл. 67) (рис. 1: 26–28).

Концентрация перечисленных элементов материальной культуры кочевников Золотой Орды в регионе Урало-Поволжья объясняется, на наш взгляд, тем, что именно здесь локализуется большинство погребений, совершенных под каменными конструкциями (так называемые каменные курганы) – более 47% от всех погребений XIII–XIV вв. в регионе. Исследователи, изучающие каменные курганы, связывают их (на наш взгляд, совершенно справедливо) с кочевниками центральноазиатского (монгольского) и южносибирского происхождения (Костюков, 2006, с. 234–235; 2010, с. 133; Бисембаев, 2003, с. 153), или с племенами, составлявшими в регионе смешанную тюрко-монгольскую общность (Матюшко, 2015, с. 63).

Предположение вполне реалистичное, поскольку именно на востоке степей Евразии мы находим прямые аналогии и перечисленным вещам, и связанному с ними погребальному обряду. Там они интерпретируются как монгольские или как возникшие под влиянием погребальных традиций монгольских племен (Тишкин и др., 2002; Тишкин, 2009, с. 140; Илюшин, 2012, с. 88, 93–94; Харинский, 2015; Крадин и др., 2016, с. 2–7, 17–21; Коновалов, 2017).

ЛИТЕРАТУРА

- Бисембаев А.А. Археологические памятники кочевников средневековья Западного Казахстана (VIII–XVIII вв.). Уральск: Западно-Казахстанский областной центр истории и археологии, 2003. 232 с.
- Булгаков Р.М. Персидская надпись на серебряной пластинке из кыпчакского кургана на р.Урал // Памятники кочевников Южного Урала / Отв. ред. В. А. Иванов. Уфа: БФАН СССР, 1984. С. 98–101.
- Генинг В.Ф. и др. Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). Киев: Наук. думка, 1990. 304 с.

- Иванов В.А.* Кочевники Золотой Орды Уфа: Изд-во БГПУ, 2015. 208 с.
- Иванов В.А.* Проблема формирования «имперской культуры» Золотой Орды и ее роли как ареалообразующего фактора для народов Урало-Поволжья // ПА. 2013. № 2(4). С. 179–188.
- Иванов В.А.* Статистическая корреляция и география комплексов вооружения кочевников Золотой Орды // Археология Евразийских степей 2017. № 5 2017. С. 154–160.
- Иванов В.А., Крыласова Н.Б.* Взаимодействие леса и степи Урало-Поволжья в эпоху средневековья (по материалам костюма). Пермь: Пермский филиал Института истории и археологии УрО РАН, 2006. 162 с.
- Илюшин А.М.* Курганы поздних кочевников близ устья Ура. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2012. 188 с.
- Каримова Р.Р.* Элементы убранства и аксессуары костюма кочевников Золотой Орды (типология и социокультурная интерпретация) / Археология евразийских степей. Вып. 16. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. 212 с.
- Коновалов П.Б.* Средневековые погребальные памятники Монголии и вопросы раннемонгольской археологической культуры // Известия Лаборатории древних технологий Т. 13 № 4 2017. С. 65–84.
- Костюков В.П.* Была ли Золотая Орда «Кипчакским ханством»? // Тюркологический сборник. 2005. / Отв. ред. С.Г. Кляшторный М.: Восточная литература РАН, 2006. С. 199–237.
- Костюков В.П.* Улус Шибана Золотой Орды в XIII–XIV вв. Казань, 2010. 200 с.
- Крадин Н.Н., Харинский А.В., Бакшеева С.Е., Ковычев Е.В.* Археология империи Чингис-хана в Монголии и Забайкалье // Stratum plus. 2016. №6. С. 1–21.
- Кригер В.А.* Кочевники Западного Казахстана и сопредельных территорий в средние века (X–XIV вв.). Уральск: Евразийский союз ученых, 2012. 200 с.
- Матюшко И.В.* Погребальный обряд кочевников Степного Приуралья IX–XIV вв. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2015. 211 с.
- Мыськов Е.П.* Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. 484 с.
- Недашковский Л.Ф., Ракушин А.И.* Бронзовые зеркала второй половины X–XIV в. из музеев Саратовской области // ТА. 1998а. № 2(3). С. 87–108.
- Недашковский Л.Ф., Ракушин А.И.* Средневековые металлические зеркала с Увецкого городища // ТА. 1998. №1(2). С. 32–51.
- Полякова Г.Ф.* К вопросу о систематизации зеркал Волжской Болгарии // Древности Волго-Камья / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: КФАН СССР, 1977. С. 78–82.
- Руденко К.А.* Железные наконечники стрел VIII–XV вв. из Волжской Булгарии. Исследование и каталог. Казань: Заман, 2003. 512 с.
- Руденко К.А.* Металлические зеркала золотоордынского времени из собрания Национального музея Республики Татарстан // ТА. 2004. № 1–2 (12–13). С. 111–156.
- Тишкин А.А.* Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул: Азбука, 2009. 208 с.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А.* Курганный могильник Телеутский Взвоз-I и культура населения Лесостепного Алтая в монгольское время. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 276 с.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во МГУ. 272 с.
- Харинский А.В.* Монгольские погребения XIII–XIV вв. на территории Байкальского региона // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири. (Хух-Хото, 12–16 октября, 2015). Т. II. В эпоху кочевых империй. Хух-Хото: Science Press, 2015. С. 531–538.

Информация об авторе:

Иванов Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (г. Уфа, Россия); ivanov-sanych@inbox.ru

Иванова Марина Ивановна, старший методист, Башкирский институт социальных технологий (г. Уфа, Россия).

GEOGRAPHY OF MARKERS OF NOMAD'S MATERIAL CULTURE OF THE GOLDEN HORDE

V. A. Ivanov, M. I. Ivanova

The authors consider the geography of the distribution of artefacts representing markers of the material culture of the Golden Horde nomads – decorations and elements of the costume, armament and horse trappings. The most expressive findings are as follows: earrings in the form of question marks, bronze mirrors, a bocca headdress, cylindrical charms, arrowheads, a birch bark quiver with bone overlays, and stirrups with a wide footboard. Mapping of these items demonstrates that the primary areas of their geographical concentration in the 13–14th century nomadic are the steppes of the Lower Volga region and the Southern Cis–Urals, as well as the Altai mountains and Mongolia. This leads to the following conclusions: firstly, the very appearance of the specified categories of items in the steppes of Eastern Europe was directly related to the Mongol conquest and, consequently, they can be regarded as a manifestation of the Mongol culture in the culture of the Eurasian nomads; secondly, their close conditional relationship (reciprocity coefficient Q) with a certain type of burials (located under stone structures, having a northern orientation and containing whole skeletons of horses) indicates their ethnic (Mongol) character; thirdly, the localization of these item categories in the area of the primary urban centers of the Ulus of Jochi (the Golden Horde) allows us to consider them as centers for steady inflow of the material culture of the nomadic population, making it so unified that a series of contemporary researchers tend to refer to it as “Imperial”.

Keywords: archaeology, the Golden Horde, nomads, material culture, decorations, elements of the costume, earring shaped as question mark, armament, horse trappings.

About the Authors:

Ivanov Vladimir A. Doctor of Historical Sciences, Professor. Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah. October Revolution St., 3a, Ufa, 450000, Russian Federation; ivanov-sanych@inbox.ru

Ivanova Marina I. Bashkir Institute of Social Technologies. October Av., 74/2, Ufa, 450054, Russian Federation.

Таблица 1.

Частота встречаемости вещей в комплексах XIII–XIV вв. по условно-локальным группам (в %). Представительные значения выделены полужирным шрифтом.

Регион	Типы вещей				
	Костяные накладки колчана	Серьги в виде знака вопроса	Головной убор бокка	Зеркало	Сумка–калта
Алтай	1,4	4,4	4,3	3,0	5,2
Южн. Сибирь	–	0,63	0,87	0,85	–
Казахстан	4,3	1,2	0,87	0,85	1,7
Южн. Приуралье	7,1	19,6	28,7	21,7	3,4
Нижн. Волга	28,6	19,0	19,1	22,1	41,4
Средн. Волга	7,1	10,7	11,3	17,0	12,0
Волго–Донск. междуречье	14,3	11,4	9,5	10,6	5,1
Дон	11,4	11,4	10,4	9,3	10,3
Сев. Кавказ	8,7	2,5	3,4	3,0	8,6
Левобережн. Украина	11,4	8,2	6,9	6,4	8,6
Правобережн. Украина	5,7	10,7	–	5,2	3,7
Всего экземпляров:	70 ¹	158 ²	115 ³	235 ⁴	58 ⁵

¹ Нижний порог значимости при критерии 0,95 = 5% (Генинг и др., 1990, с. 64).

² Нижний порог значимости при критерии 0,95 = 3%.

³ Нижний порог значимости при критерии 0,95 = 3%.

⁴ Нижний порог значимости при критерии 0,95 = 2%.

⁵ Нижний порог значимости при критерии 0,95 = 6%.

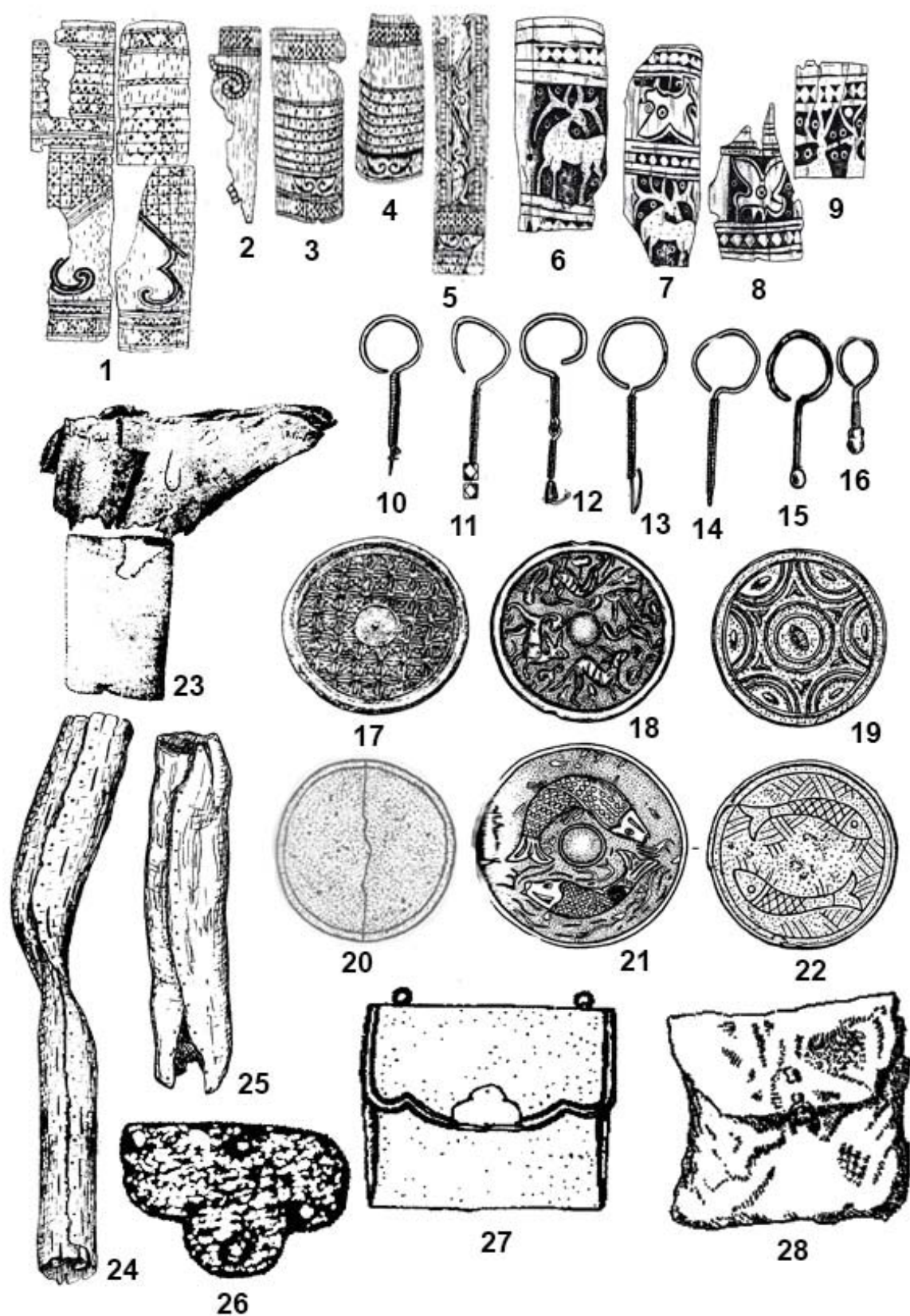

Рис. 1. Вещи – маркёры материальной культуры кочевников Золотой Орды. 1–9 – костяные обкладки колчана; 10–16 – подвески в виде «знака вопроса» (серебро, золото); 17–22 – бронзовые зеркала; 23–25 – детали головного убора «бокка» (береста); 26–28 – сумки–калта (26 – железо, 27–28 – кожа).

УДК 903.2/904

МИЗДАХКАН – КЕРАМИЧЕСКИЙ ЦЕНТР ЮЖНОГО ПРИАРАЛЬЯ В ЭПОХУ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

©2018 г. М.-Ш. Кдырниязов, О.-Ш. Кдырниязов

В статье проанализирован ремесленный потенциал одного из керамических центров Южного Приаралья – Миздахкана эпохи Золотой Орды. Источниками статьи являются собственные раскопанные материалы авторов, полученные в ходе более тридцатилетней работы на данном объекте. В XIII–XIV вв. здесь существовал торгово-ремесленный центр с различными направлениями производительной деятельности городской экономики. Конкретно исследуются гончарные печи, формы организации труда и ареал распространения местной продукции в соседних регионах, в том числе в центральных и западных частях золотоордынского государства. В гончарных мастерских Миздахкана, состоящие из единичных, парных (из двух) и более горнов (цех) осуществляли обжиг неполивной красноглиняной, сероглиняной и чернолощеной керамики.

Ключевые слова: Южное Приаралье, Золотая Орда, Миздахкан, керамический центр, печи, цех, организация труда.

Древний Миздахкан локализован известным городищем Гяур-кала в Ходжейлийском районе Республики Каракалпакстан. Хронологическая дата памятника относится к IV–III вв. до н. э. и концу XIV – началу XV вв. Древнейшая часть археологического комплекса Миздахкан находится на западном холме, в основаниях крепости Гяуркала. В настоящее время в восточной части на возвышенности Мазлумхан-сулу расположен грандиозный некрополь с древними, средневековыми и поздними архитектурными сооружениями и погребальными памятниками. На равнине между этими холмами в эпоху Золотой Орды возникает неукрепленное поселение XIII–XIV вв., площадью более 100 га. Регулярные раскопочные работы в Миздахкане были начаты в 1985 г. археологической экспедицией Каракалпакского государственного университета. За эти годы были осуществлены раскопки в различных частях неукрепленного поселения и на возвышенности Мазлумхан-сулу.

Среди прочих торгово-ремесленных объектов археологическими раскопками были вскрыты гончарные мастерские, состоящие из единичных, парных (из двух) и более горнов для обжига неполивной красноглиняной, сероглиняной и чернолощеной керамики. В «центральном квартале» Миздахкана 1985 г. открыт дом № 2 с керамической печью, расположенной во дворе. Печь двухъярусная, отверстие топочной камеры расположено со стороны двора. Она связана с обжигательной камерой 19-ю продухами диаметром 10 см. Диаметр верхней обжигательной камеры 2 м, высота сохранилась до 1 м. Камера имеет

куполообразное перекрытие и шесть вытяжных отверстий диаметром 15 см. Печь индивидуального хозяина по находкам медных монет XIV в. датируется золотоордынским временем. Такие индивидуальные гончарные печи открыты в «юго-западном», «южном» квартале золотоордынской части городища Миздахкан. В «юго-западном квартале» раскопан производственный комплекс, состоящий из обширного двора с мастерскими-винодельнями, маслобойными приспособлениями и двумя гончарными печами. Печи имеют схожие конструкции, они двухъярусные, расположены на одном горизонте, функционировали одновременно. Сводчатый потолок нижней обжиговой камеры сложен из сырцовых кирпичей, в них проделаны сквозные жаропроводящие отверстия овально-округлой формы. Стены обжиговой камеры сохранились на высоту от 1,40 м (печь № 1) до 2,10 м (печь № 2), диаметр их соответственно от 2,30 до 2,55 м. Перекрытие верхней камеры также было сводчато-куполообразной формы и возвышалось над уровнем дневной поверхности. Первоначально здесь построена печь № 1 для обжига неполивной красноглиняной керамики, затем горн с северной и восточной стороны был обнесен капитальной сырцовой стеной. Через какое-то время рядом с гончарной печью появляется второй горн для обжига неполивной красноглиняной керамики. Строительство второго горна привело к расширению рабочей площади мастерской. По своей конструкции они относятся ко II типу. Печи специализировались по выпуску неполивных красноглиняных кувшинов. Рядом с

печами в полуоткрытом дворе с выложенными жжеными кирпичами полом обнаружены лежащие в положении *in situ* несколько десятков полуразбитых красноглиняных кувшинов с округлой ручкой. Возможно, дворик служил не только для сушки керамических изделий, но и для временного хранения готовой выгружавшейся из печей продукции. По аналогиям из других районов в таких мастерских работали от двух до шести мастеров-керамистов (Курочкина, 2009, с. 129).

В комплексе городских жилищ «южного поселения» в пяти помещениях открыты гончарные печи (№ 3, 4, 5, 6, 7). Все они в хорошей сохранности. Эти печи также двухъярусные, округлые в плане, состоят из двух камер, топочное устье обращено на север или на запад. Печь № 3 имеет высоту стен топочной камеры 1,60 м, диаметр срединной части – 2,10 м. Перекрытие камер сводчатое. Прямоугольное топочное устье сложено из жженных кирпичей и каменных плит, имеет высоту 0,55 м, ширину 0,45 м. Сверху также имеет перекрытие двухрядной кладкой из каменных плит. В топочной камере найдены только фрагменты (115 экземпляров) сероглиняных водоносных кувшинов с низкой округлой ручкой. Возможно, здесь, как и в предыдущих печах, обжигались неполивные объемные изделия – кувшины и миски. Печь № 4 (в помещении № 6) диаметром с внешней стороны 1,35 м. Она выложена из обгоревшего в процессе использования печи сырцового кирпича размером 24×24×4; 23×23×3,5 см. Верхняя камера на уровне дневной поверхности разрушена. Диаметр внутренней стороны нижней камеры 1,10 м, внешний диаметр печи 1,25 м, толщина стенок 0,15 см, то есть стены помещений сложены из половинок сырцового кирпича. Контур стенки печи имеет усеченноцилиндрическую форму, сходящую вовнутрь с уклоном. Свод печи с жаропроводящими продухами частично провалился и упал на пол топочной камеры. Большая часть задней стенки печи примыкала к толстой стенке (0,80 м) помещения № 8. Это упрочило стенки печи и усилило теплоизоляцию. Однако печь № 4 функционировала недолго. Внутри топочная камера заполнена золой, в ней встречаются только фрагменты хума хорезмшахского периода. Раскопанные здесь два очага по своим конструктивным особенностям и аналогиям датируются XI – началом XIII в. Печь № 5 (в помещении № 10) также двухъярусная, округлая в плане, состоит из двух камер. Нижняя, углубленная в землю часть,

сохранилась полностью, верхняя – частично, до уровня дневной поверхности. Диаметр печи по внутреннему контуру 1,90 м, высота топочной камеры 1,40 м. Она была заполнена золой и многочисленными фрагментами сероглиняной керамики. Печь № 6 (в помещении № 7) также округлой формы, топочное устье обращено на север. Диаметр внутренней части посередине 3 м, верхней части – 2,6 м, высота обжигательной камеры 1,90 м, устье топки оформлено в форме буквы П, оно обкладывалось рядами жженных кирпичей в постелистой кладке. Устье топки горна в последний период функционирования было замуровано, при этом для закупорки вместе с сырцовыми кирпичами использовался большой сероглиняный кувшин. Печь с южной и восточной сторон огорожена стенками. Пространство между ними шириной 0,30–0,70 м, заполнено плотным утрамбованным песком. Оно вместе с толстыми стенами горна создавало теплоизоляционный слой. Печь № 7 более крупная. Диаметр обжигательной камеры 2,10 м, высота сохранившейся части 1,30 м, топочной камеры 2,20 м, внешние стороны – 2,45 м. Обжигательная камера округлой формы имеет 18 продухов. Верхняя обжигательная камера имеет куполообразное перекрытие. На основаниях стенки печи использованы каменные плиты в качестве фундамента. Толстый массив кладки стен способствовал меньшей теплоотдаче во время его работы и после прекращения топки. По своей конструкции оно имеет сплошные перекрытия топочной камеры, горизонтальную перегородку между топкой и обжигательной камерой с цилиндрическими или полуовальными продухами. Для организации производственного процесса рядом с печью, к западу от нее устроена квадратная площадка, выстланная из жженных кирпичей (размер 1,5×1,5 м). О продукции, обжигавшейся здесь (керамических изделиях), позволяют судить находки бракованных изделий, образцы посуды и тарной керамики. В самой печи и возле него обнаружены фрагменты сероглиняных лощеных мисок, водоносных кувшинов, хума, крышек и неполивной красноглиняной керамики. По своей конструкции такого рода гончарные печи позволяют работать достаточно продуктивно. Судя по обожженности стен (ноздrevато-каплеобразные потеки), печи действовали долго. В 2017 г. в западной части «южного поселения» открыт новый гончарный горн (№ 8) идентичный по форме и размеру предыдущих печей (Кдыр-ниязов, Кдырниязов, Саипов, 2018, в печати).

В ходе археологических работ в «центральной квартале» неукрепленной части Миздахкана открыты гончарные мастерские, объединенные в цех. В течение трех археологических сезонов 1988–1990 гг. полностью вскрыт жилой массив гончаров площадью 1222 кв. м. В структуре квартала выявлены 8 домовладений и большой керамический цех (Кдырнийзов, Туребеков, 1998, с. 13–18). Цех занимает восточную часть квартала. Он расположен в составе большого домовладения, состоящего, кроме хозяйственно-производственных, из жилых помещений и полуоткрытого двора. Общая площадь хозяйства 574 м². Большой керамический цех состоит из 7 гончарных печей, 7 колодцев, ямы и места для гончарных станков. В трех помещениях и дворе шел процесс обработки глины, хранения, сушки и продажа изделий. В остальных помещениях жили семья и обслуга. Вскрытые гончарные печи мастерской по конструкции однотипные, они двухкамерные. В ходе археологических работ на рабочих площадках найдены печные припасы (штыр, сепоя-треножка), формочки-калпы для изготовления деталей сосудов орнаментированных носиков и стенок, штампы с глубоким рельефом, галечные и мраморные лощилы для нанесения орнамента. Кроме того, часто встречаются обожженные и каменные терки для выравнивания форм еще не обсушенных керамических изделий. В целом, по предварительным подсчетам, здесь работал коллектив производителей, состоящий из не менее 25 человек. Среди них были 7 мастеров-гончаров и не менее 7 подмастерьев (Туребеков, 2003, с. 79).

Эти гончарные мастерские располагаются в производственной части золотоордынского города Миздахкана. В этом и в других соседних кварталах зафиксировано много производственных конструкций. Они расположены по краям жилых кварталов (Кдырнийзов, 1999, с. 101–102; 2002, с. 249–255). Это одна из особенностей локализации ремесленных кварталов средневекового Хорезма. В средневековье, как и в античности, ремесленные кварталы города были вынесены за жилую городскую зону.

В целом гончарные печи Миздахкана по своим размерам намного меньше античных печей Хорезма (Воробьева, 1959, с. 199–124). Это, возможно, связано с деятельностью индивидуального товаропроизводителя. Здесь особо отметим возможности парных гончарных печей (печь № 1–2, «юго-западный

квартал»). Наличие второй печи позволяло мастеру-керамисту вести обжиг непрерывно, используя поочередно то одну, то другую печь. Это древний трудоемкий процесс, по мнению М.Г. Воробьевой, его корни известны в Хорезме с античной эпохи. Датировку времени функционирования печей «южного поселения» подтверждают обнаруженные в них многочисленные фрагменты сероглиняной и поливной керамики хорезмшахского и раннезолотоордынского времени. Кроме того, среди находок возле гончарных печей «южного поселения» Миздахкана найдены несколько монет хорезмшахов (Пачкалов, 2010, с. 378), однако массовым археологическим материалом является раннезолотоордынская керамика.

В связи с подробным изучением керамического производства Миздахкана, на его примере, можно рассмотреть вопросы организации гончарного ремесла в Южном Приаралье в эпоху средневековья. В городах Средней Азии (Лунина, 1960, с. 39; Ташходжаев, 1975, с. 58–68), Волжской Болгарии (Смирнов, 1951, с. 136) еще в домонгольское время, впоследствии и в Золотой Орде существовали ремесленные организации типа «братства»–«товарищества» или цех (Якубовский, 1931, с. 20–21). При этом, по материалам Миздахкана, можно отметить три типа мастерских – небольших, состоящих из одного горна (тип I), и больших с двумя горнами (тип II) и более объемного производственного объекта, цеха (тип III). Возможно, они работали сезонно, в определенное время года. Однако, учитывая расположение большинства печей Миздахкана в закрытых помещениях, можно предположить, что небольшие мастерские (тип I, II) в работе использовали круглогодично. Первый и второй тип производственной единицы (небольшие мастерские ремесленников) характерны и для кварталов гончаров-ремесленников Мерва X – нач. XIII в. (Лунина, 1960, с. 219, 221, 405), Афрасиаба X – нач. XIII в. (Ахраров, 1969, с. 301–309), Ферганы-Ахсикет (Анарбаев, 2013, с. 410–484) и Отрарского оазиса: Куйрук-тобе, Отрар, Сауран (Байпаков, 1986, с. 163; Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1987, с. 129–157). Они составляли основу производств домонгольского периода. Крупные же хозяйства (тип III), относящиеся к XII – началу XIII в., «не были распространены» в Мерве (Лунина, 1960, с. 405). В литературе существует мнение, что крупные хозяйства типа «цехов» и «артелей» возникли в монгольскую эпоху, в начале

XIV в. (Якубовский, 1931, с. 19). Однако С.Б. Лунина склонна считать, что крупные ремесленные мастерские кооперировались еще в XII – начале XIII в. в Мерве. Здесь действовало объединение мервских мастеров-керамистов Мухаммед Али Иноятана и Абу Бахра аль Итоби (Пугаченкова, 1958; Лунина, 1960, с. 404). Этого мнения по материалам одного из крупных керамических центров Мавераннахра – Афрасиаба – придерживался Ш.С. Ташходжаев (1975, с. 58–68). Если это так, то можно считать, что организация ремесленного производства, как и в других областях Средней Азии, в Хорезме практиковалась еще в домонгольскую эпоху. Специализированные кварталы гончаров в средневековье кроме Миздахкана отмечены в ряде городов Южного Приаралья – Замахшаре (X–XI вв.), Садваре (IX–XI вв.), Джигербенде (X–нач. XIII в.), Кават кале (XII–XIII вв.), Шемаха кале (XII–XIV вв.) и Шехрлике (XIII–XIV вв.).

Таким образом, мастерские в комплексе ремесленных производств «юго-западного квартала» и «центрального» городища Миздахкан имели статус особой организованной формы производства. Такие мастерские в научной литературе принято считать специализированными цехами или «карханами». В эпоху развитого средневековья карханами называли большие производственные мастерские, принадлежащие к социальным верхушкам феодального общества, начиная от местных богатых ремесленников, религиозных деятелей до членов ханской семьи. Рашидаддин (1247–1318) и автор «Тарих-и Вассаф» упоминает о таких типах производства. В «Тарих-и Вассаф» написано: «Было постановлено, чтобы каждый из царевичей довольствовался исчисленными тысячами (людей) и собственными мастерскими (кархане-и-хасс) в Бухаре и Самарканде» (Петрушевский, 1970, с. 125).

Такие керамические цеха оснащались большим количеством горнов разных конструкций, предназначенных для выпуска широкого ассортимента керамических изделий в большом объеме. Их работа была направлена на рынок, и трудились на предприятиях десятки и, возможно, сотни человек. Есть предположение, что для бесперебойной работы таких мастерских со стороны организаторов производства была осуществлена единая система снабжения топливом, сырьем, рабочими резервами и отлаженная система сбыта готовой продукции. Подобное предприятие было изучено Поволжской археологиче-

ской экспедицией во главе с академиком Г.А. Федоров–Давыдовым (Федоров–Давыдов, Булатов, 1989, с. 133–148).

Новые археологические раскопки в торгово-ремесленных кварталах средневекового Миздахкана в достаточной степени дают возможность анализировать организацию труда ремесленников в городах Южного Приаралья. Среди неполивных керамических крышек из Миздахкана и в коллекции гончарных изделий встречаются четкие надписи, личные печати (мухр) и тамги (в форме латинской V, «птичья лапка»–«газаяк» крест-X «аша»). Еще большим разнообразием отличаются различные тамги и знаки геометрического характера в виде «параллелей», «бегущих волн», «ромбиков», «пятиконечных звезд», «сетчато-радиальных» линий. Такие знаки, по мнению исследователя отличительных черт керамики Поволжья М.Д. Полубояриновой, являются атрибутами собственности (Полубояринова, 1980, с. 204–205). Их изображения также генетически связаны с этнокультурными процессами Южного Приаралья. Некоторые надписи сохранились наполовину, прорезаны на поверхности еще не обожженной сырой сформованной заготовках изделий. Среди них надпись: «twIga» (вариант «sulubga») и имя мастера (Кдырниязов М.Ш., Кдырниязов А., 2002, с. 86). Такие имена мастеров встречаются на глазурованных изделиях Нижнего Поволжья (XIV вв.). Здесь на одной кашинной пластине есть надпись–имя мастера «Асан» (Федоров–Давыдов, Булатов, 1989, с. 136). Другими словами, эти марки являются намеком на принадлежность их к определенной мастерской или мастеру–керамисту. Имена мастеров-производителей в Мавераннахре появляются еще в домонгольское время. В вскрытых мастерских Афрасиаба Ш.С. Ташходжаевым найдены изделия (чаши) с именами мастеров. Среди них имя мастера «Мухаммед» и «Ахмад». Они, по мнению Ш.С. Ташходжаева, являются производителями специализированных мастерских, выпускающих стандартизированные изделия. Эти мастерские относятся к XI – началу и второй половине XII в. (Ташходжаев, 1975, с. 64–65). Имена мастеров встречались и в штампованной керамике Термеза (Массон, 1940, с. 98–99). Подобные имена мастеров встречаются и в Нисе («работа Али») и Мерве («работа Мухаммад Али Иноятана» (XII в.) (Лунина, 1960, с. 153, 345–346). Имена мастеров или намеки на них известны по керамическим материалам Самарры («мастер Убейда»,

«работа Омара», «работа Зикри») (Sarre, 1925, p. 8, fig. 16–19), Египта, Сирии (Reitlinger, 1925, p. 125); в Азербайджане – Оренкала («сделал», «сделал мастер», «мастер-устод»), Ганджа (Ахмедов, 1957, с. 14, 22; Минкевич–Мустафаева, 1958, с. 160; Новрузлу, 1980, с. 122); в Северном Причерноморье (Херсонес). Имена мастеров встречаются и на предметах разного рода разновидностей прикладного искусства (особенно торевтике) зарубежных стран (Sarre, 1906, p. 81).

Ремесленники, в том числе и керамисты, были зависимые и независимые. Г.А. Федоров–Давыдов так пишет об этом процессе: «Перед нами две категории рабов–пленных ремесленников (зависимых и полузависимых)... Рабский труд, воскресший в эпоху обширных завоеваний XIII в., трансформировался в XIV в. в труд феодально–зависимой черни» (Федоров–Давыдов, 1973, с. 84). На примере изученных гончарных мастерских Миздахкана социальное положение гончаров определяется в следующем порядке (категория ремесленников). Здесь трудились индивидуальные мастера, имевшие в своем хозяйстве один горн (I категория). Они производили продукцию с помощью членов семьи. Другое индивидуальное хозяйство имело две гончарных печи, существовала узкая специализация труда, выпускался определенный вид керамики (красноглиняные кувшины, горн № 1–2 «северо-западного квартала»). Они нанимали рабочих или имели слуг (II категория). III категория мастерских были большими мастерскими с многими гончарными печами и с широким ассортиментом продукции. Таковым является гончарный цех «центрального квартала». Он состоит из большого двора, гончарных печей, колодцев и жилых и хозяйственных помещений для размещения станков, обработки, хранения глин, сушки и продажи изделий. Здесь трудились десятки человек (мастер, подмастерья, рабочие: ахль аль–амал – «люди дела, работы»). Среди последних, возможно, были и рабы (слуги). Это было большое производство с привлечением труда специалистов разных профилей под руководством хозяина мастера – устода. Такой цех–кархана имел несколько гончарных горнов, предназначенных для выпуска широкого ассортимента керамических изделий в большом объеме. Их работа, как и в индивидуальных хозяйствах, была направлена на рынок, и трудились здесь десятки человек. Для непрерывной работы была создана система снабжения топливом, сырьем,

людскими резервами и, возможно, отлажена единая система сбыта готовой продукции. Такое предприятие могло принадлежать человеку с высоким социальным статусом (амир, беки, священнослужители, богатые купцы или ремесленники). Анализ письменных источников и археологических материалов свидетельствует о существовании в округе Миздахкана такой категории феодальной верхушки (Кдырниязов, 2000, с. 71–75). Это обеспечивало функционирование нормальной работы крупных мастерских. Здесь выпускали разнообразные изделия – хумы, кувшины, ведра, горшки, миски, чаши, светильники, детские игрушки, вещи повседневного обихода и архитектурный декор. Среди них были лучшие образцы керамических изделий. Они конкурировали во внешней торговле и вывозились в соседние регионы. В числе этих изделий еще в 30–е годы XX в. А.Ю. Якубовский в своей работе «Хорезм в керамике Сарая» отмечал, что в ряде типологий поливной посуды Сарая Берке некоторые группы своим происхождением связаны с куня–ургенчскими образцами кашинной керамики. Сравнительный анализ, проведенный А.Ю. Якубовским, позволил ему прийти к выводу, что «на куня–ургенчских черепках мы имеем те же мотивы, что и на сарайских вещах... Сарайская посуда, несомненно, развивалась под влиянием ургенчских мастеров». Здесь надо отметить, что А.Ю. Якубовский под словами «куня–ургенчскими образцами», несомненно, имел в виду не только керамику Ургенча, но и Миздахкана (Якубовский, 1930 а, с. 5–63; 1930 б, с. 551–581).

Его выводы на раннем этапе исследования культуры Золотой Орды не вполне опровергнуты последующими поколениями археологов. Привозная (импортная) керамика из Хорезма (штампованные фляги, кувшины и каменные котлы) представлена в восточно–европейских памятниках Золотой Орды: Азове, Сарае, Астрахани, Маджара и других. Наряду с этим, нужно отметить, что некоторые виды тамошней поливной и штампованной керамики связаны с производственной деятельностью приезжих мастеров из Хорезма, обслуживавших горны (Панина, Волков, 2000, с. 89–91; Федоров–Давыдов, 2001, с. 210; Коваль, 2010, с. 144, 145).

Таким образом, по археологическим материалам керамического ремесла Миздахкана (с учетом аналогичных явлений из других регионов) определяются разные формы организации ремесленного производства. Большая

масса местной керамики и их бракованные отвалы, заполнения горнов, наличие нескольких печей в одном хозяйстве (цех в «центральной квартале») свидетельствуют о существовании особой организационной формы типа «кархана» («диване–масас») в городах Южного Приаралья, одним из центров его гончарства является золотоордынский город Миздахкан. Продукция этого центра была найдена в Сарайчике, Джампык кала, Шемаха кала, Пульжае и караван–сараях Центрального Устюрта и Мангышлаке.

ЛИТЕРАТУРА

- Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Отрар в XIII–XV веках / Отв. ред. В.М.Массон. Алма-Ата: Наука, 1987. 256 с.
- Анарбаев Абдулхамид.* Ахсикет–столица древней Ферганы / Отв. ред. А.Аскар. Ташкент: Изд-во «Тафаккур», 2013. 535 с.
- Ахмедов Г.М.* Неполивная бытовая керамика Азербайджана IV–XIII вв. (по материалам раскопок Орен-кала). Автореф. дисс.... канд. ист. наук. Баку, 1957. 18 с.
- Ахраров И.* К истории появления керамического производства на городище Афрасиаб. // «Афрасиаб». Вып. 1. Ташкент, 1969. С. 301–311.
- Байпаков К.М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. (VI – начало XIII в.). Алма-Ата: Наука, 1986. 255 с.
- Воробьева М.Г.* Керамика Хорезма античного периода // ТХАЭЭ. Том IV / Под ред. С.П. Толстова и М.Г. Воробьевой. М.: Наука, 1959. С. 63–221.
- Кдырниязов М.–Ш., Туребеков М.Т.* Миздахкан– город золотоордынского времени // Ходжейли древнейший город республики Каракалпакстан. Ходжейли, 1998. С.13–18.
- Кдырниязов М.–Ш.* Мастерские винодельни золотоордынского Миздахкана // Вестник ККО АН РУз. 1999. № 4–5. С. 101–102.
- Кдырниязов М.–Ш., Кдырниязов А.* Исследование средневекового банного комплекса на Миздахкане // АИУ–2001. Ташкент, 2002. С. 84–86.
- Кдырниязов М.–Ш.* Раскопки дома с производственным двором в Миздахкане // ИМКУ. Вып.33. Ташкент: Фан, 2002. С. 249–255.
- Кдырниязов М.–Ш., Кдырниязов О.–Ш., Алимбетов А., Саипов С.* Археологические работы в Миздахкане в 2016–2017 гг. // АИУ 2016–2017 гг. Самарканд, 2018 (в печати).
- Коваль В.Ю.* Керамика Востока на Руси в IX–XVI вв. М.: Наука, 2010. 269 с.
- Куручкина С.А.* Отпечатки пальцы гончаров на керамике (по материалам раскопа XXXIX / 2005 г. Селитренного городища) // Средневековая археология Поволжья: материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып.4. Йошкар–Ола, 2009. С.124–132.
- Лунина С.Б.* Гончарное производство в Мерве X–начале XIII вв. // ТЮТАКЭ. Т. XI. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1960. С.303–418.
- Массон М.Е.* Городище Старого Термеза и их изучение // Труды УзФАН СССР. Серия I. Вып. 2 // ТАКЭ 1936 г. Ташкент, 1940. С. 98–99.
- Минкевич–Мустафаева Н.В.* О ремесленном квартале города Байлакана // СА. 1958. № 4. С. 101–160.
- Новрузлу Азиз Иса Оглы.* Средневековая керамика Азербайджана (IX–XVII вв.). Баку: «Элм», 1983. 199 с.
- Панина Э.Л., Волков В.И.* Штампованная керамика золотоордынских городов // Средняя Азия. Археология. История. Культура. Материалы международной конференции посвященной 50–летию научной деятельности Г.В. Шишкиной. ГМВ. (Москва, 14 – 16 декабря 2000 г.). Москва: Пересвет, 2000. С. 89–91.
- Пачкалов А.* Комплекс средневековых восточных монет с городища издахан в Хорезме // Отзвуки Великого Хорезма. М.: ИЭА РАН, 2010. С. 377–384.
- Петрушевский И.П.* Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219–1224 гг. и его последствия // Татаро-монголы в Азии и Европе / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М.: Наука, 1970. С. 100–134.
- Полубояринова М.Д.* Знаки на золотоордынской керамике // Средневековые древности евразийских степей / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1980.
- Пугаченкова Г.А.* Мастер керамист Мухаммед Али Инойтон из Мерва // СА. 1958. № 2. С. 78–91.
- Смирнов А.П.* Волжские Булгары / Редактор С.П.Толстов. М.: ГИМ, 1951. 275 с.

Таиходжаев Ш.С. Керамическое производство Афрасиаба и вопросы организации труда ремесленников X – XIII вв. // «Афрасиаб». Вып. IV. Ташкент: Фан, 1975. С. 58–68.

Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.: МГУ, 1948. 378 с.

Туребеков М.Т. Раскопки жилого массива гончаров средневекового Миздахкана. // Археология Приуралья. Вып. VI / Под ред. Хожаниязов Г., Жаксон С., Бетте А. Нукус, 2003. С. 67–79.

Федоров–Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: МГУ, 1973. 179 с.

Федоров–Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. 254 с.

Федоров–Давыдов Г.А., Булатов Н.М. Керамическая мастерская Селитренного городища // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья / Отв. ред. К.А. Смирнов. М.: Наука, 1986. С. 133–248.

Якубовский А.Ю. Развалины Ургенча // ИГАИМК. Том VI. Вып. 2. Л., 1930. С. 5–68.

Якубовский А.Ю. Городище Миздахкан // ЗКВ. Том V. 1930. С. 551–581.

Якубовский А.Ю. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке // ИГАИМК. Том VIII. Л., 1931. С. 1–48.

Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.) / МИА. № 17. М.: Наука, 1955. 297 с.

Voyevodsky M.A. Summary Report of a Khwarizm Expedition // ВИАА. 1938, № 3. Р. 235–245.

Sarre F. Die Keramik von Samarra. Die Ausgrabungen von Samarra. Band II. Berlin, 1925. P. 9–103. 202 fig.

Sarre F. Erzeugnisse islamischer Kunst, teil I. Ars Islamice. Vol. II. 1906. 82 p.

Reitlinger G. Islamic pottery from Ku kish. Ars islamice. Vol. II. 1925. P. 3–215

Информация об авторах:

Кдырнийазов Мухаммед–Шарип, доктор исторических наук, профессор, Каракалпакский государственный университет им. Бердаха (г. Нукус, Узбекистан); m_sharif@mail.ru

Кдырнийазов Омар–Шарип, старший научный сотрудник, докторант, Каракалпакский государственный университет им. Бердаха (г. Нукус, Узбекистан); m_sharif@mail.ru

MIZDAKHKAN: CERAMIC CENTER OF SOUTH ARAL SEA REGION IN THE GOLDEN HORDE PERIOD

Mohammed-Sharip Khdirniyazov, Omar-Sharip Khdirniyazov

In the article one of the ceramic centre's in the area of South Aral sea, craft potential of Mizdakhkan which is at the period of Golden Horde is analyzed. Resources of the article consist of a 30 year's researches of the author at this object. In the XIII–XIV centuries the city became a center of trade-craft on the different branches by economical side. In the researches there is information about potter's stove, form of organization of labour and wide-spread of local products in the neighbor regions, in the central and west parts of the country of Golden Horde. Potter's products consist of single, paired and more division departments of Mizdakhkan products that red pottery grey pottery and black pottery of ceramic are produced.

Keywords: South Aral, Golden Horde, Mizdakhkan, ceramic center, stoves, division department, labour organization.

About the Authors:

Khdirniyazov Mohammed–Sharip Doctor of Historical Sciences, Professor. Karakalpak State University. named after Berdakh. Chardzhou Abdirrov St., 1, Nukus, 230112, Republic of Uzbekistan; m_sharif@mail.ru

Khdirniyazov Omar–Sharip. Senior Research Associate, Doctorant, Karakalpak State University. named after Berdakh. Chardzhou Abdirrov St., 1, Nukus, 230112, Republic of Uzbekistan; m_sharif@mail.ru

УДК 903.5/904

РОДОВЫЕ МОГИЛЬНИКИ КОЧЕВНИКОВ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ НА ТЕРРИТОРИИ КАЛМЫКИИ¹

©2018 г. П. М. Кольцов, К. П. Кольцова, В. В. Верещагин

Крупные могильники кочевников второй половины XIII–XIV вв. в степях Восточной Европы довольно редки, поэтому неслучайно специалисты проявляют к ним большой интерес. К настоящему времени на территории Калмыкии исследовано два кочевнических могильника, которые возникли в течение второй половины XIII–XIV вв. Первый могильник был обнаружен на землях совхоза «Иджил» Октябрьского района Республики Калмыкии. Из 10 исследованных курганов 8 содержали погребения золотоордынского времени. Хоронили покойников вытянуто на спине, преимущественно головами на северо–восток, лишь в двух случаях на север и по одному на запад и восток. Погребальный инвентарь содержал костяные палочки, серебряные подвески в виде знака вопроса, кресала, стремяна и др. находок. По мнению Г. А. Федорова–Давыдова, подвески в виде знака вопроса и костяные палочки появились в степях Восточной Европы в золотоордынское время. Второй могильник из 10 земляных насыпей был обнаружен в 2007 г. в районе с. Малые Дербеты Малодербетовского района Республики Калмыкии. Погребальные конструкции представляли собой ямы с заплечиками, где покойники лежали в основном головой на З. Совершались они в течение непродолжительного времени и принадлежали к одной родовой группе. Относительно религиозного аспекта перечисленных выше захоронений следует сказать, что в Улусе Джучи, наряду с культом Тенгри, видное место занимали представители буддизма, ислама и христианства. Причем популярность той или иной мировой религии зависела от динамично меняющихся исторических условий.

Ключевые слова: могильники, золотоордынские кочевники, Республика Калмыкия, могильник «Иджил», могильник Малые Дербеты, курган, погребения, погребальный инвентарь.

Крупные могильники кочевников второй половины XIII–XIV вв. в степях Восточной Европы довольно редки (Иванов, Кригер, 1988, с. 44; Кригер, 1985, с. 210). Данный факт специалисты объясняют тем, что на первых порах своего пребывания на Нижней Волге и Северо–Западном Прикаспии, золотоордынские кочевники предпочитали хоронить своих покойников в курганах эпохи бронзы и раннего железного века, что привело к их разбросанности по разным могильникам. Однако в конце XIII–XIV в. они все чаще совершают индивидуальные захоронения под небольшими земляными насыпями, вокруг которых иногда продолжали отсыпаться новые курганы, что приводило порой к формированию родовых кладбищ.

К настоящему времени на территории Калмыкии исследовано два кочевнических могильника, которые возникли в течение второй половины XIII–XIV в.

Первый могильник был обнаружен на орошаемом участке 4 совхоза «Иджил» Октябрьского района Республики Калмыкии. Из 10 исследованных курганов 8 содержали погребения золотоордынского времени,

причем лишь одно было впускным в сарматский курган. Материалы указанных выше памятников уже опубликованы (Васюткин, Кольцов, 1995, с. 114–121), поэтому ограничимся общими данными.

Хоронили покойников вытянуто на спине, преимущественно головами на северо–восток, лишь в двух случаях на север и по одному на запад и восток. В погребении кургана 4 на ступеньке лежали кости четырех ног лошади, отрубленные по тазобедренным суставам. Появление в степной зоне захоронений целого коня или его чучела с ногами, отчлененными по колено и выше, исследователи связывают с половцами (Атавин, 1984, с. 139), которые продолжают жить в регионе и в золотоордынское время.

Погребения могильника «Иджил» хорошо датируются также по наличию в инвентаре костяных палочек, серебряных подвесок в виде знака вопроса, кресал (типа Б1 по классификации Г.А. Федорова–Давыдова), стремян (типа Г1 классификации Г.А. Федорова–Давыдова) и др. находок. По мнению Г.А. Федорова–Давыдова, подвески в виде знака вопроса и костяные палочки появились

¹ Статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 17–21–03005 а(м)

в степях Восточной Европы в золотоордынское время (Федоров–Давыдов, 1966, с. 116; 1994, с. 178).

В 2007 году археологической экспедицией Калмыцкого государственного университета были проведены охранные раскопки курганного могильника Малые Дербеты I в Малодербетовском районе Республики Калмыкия, который состоял из 10 земляных насыпей (Верещагин, 2008).

Самые ранние погребения в могильнике относятся к периоду поздней бронзы (срубная культура) – К–2 П–1 и К–9 П–1. В раннем железном веке отсыплют курган К–5, который содержал одиночное сарматское погребение.

В период позднего средневековья здесь отсыплют курганы №№ 1, 3, 4, 7, 8, 10, 11, которые образуют уже целое кладбище. Все средневековые погребения совершались, вероятно, в течение непродолжительного времени и принадлежали к одной родовой группе. Половозрастной состав курганного могильника был представлен: двумя взрослыми мужчинами (П–1 К–3, П–1 К–5), тремя взрослыми женщинами (П–1 К–1, П–2 К–8 и П–2 К–11), четырьмя подростками (П–1, 2 К–4, П–1 К–7, П–1 К–10) и двумя детьми до года (П–1 К–8, П–1 К–11). Все погребения объединяет единство ритуала с незначительными различиями. Погребальные конструкции представляли собой ямы с заплечиками (кроме К–11 П–2), где покойники лежали головой на 3 (лишь в одном случае на В). Интересно, что ровики сопровождали только женские погребения (К–10, 11). Кости лошадей зафиксированы как в мужских, так и женских погребениях.

В настоящей статье впервые публикуются материалы погребения 1 кургана 1, погребения 1 кургана 3 и погребения 2 кургана 4, которые содержали не только богатый инвентарь, но и, возможно, элементы буддийского погребального обряда.

В кургане № 1 была обнаружена могильная яма прямоугольной формы, с сильно закругленными углами, ориентированная длинной осью по линии СВ–ЮЗ. На глубине 1,76–1,80 м по периметру ямы устроен заплечик шириной не более 10 см. Ниже уровня заплечика стенки ямы тщательно выглажены, создается впечатление, что для этой процедуры их смачивали водой. Начиная с уровня заплечиков, на стенках и в заполнении ямы, встречались следы органических тленов, представляющих собой остатки конструкции перекрытия устроенного на заплечиках и просевшего под давлением грунта.

Конструкция перекрытия достаточно сложная: основу его составляет рама, изготовленная из тонких деревянных реек, скрепленных железными гвоздиками с жалом не длиннее 3 см и широкой шляпкой. На раму натянута плетеная циновка из тонких веток (ива?) и камыша. Верхняя поверхность перекрытия носит явные следы окрашивания минеральными красками: зеленого и фиолетового цветов. В центре заполнения ямы, в 10 см выше уровня просевшего перекрытия, были встречены фрагменты бересты. Вероятно, это был небольшой рулончик, который закопали вместе с грунтом заполнения. Такая ситуация встречена в этом могильнике еще раз в К–8 П–1. В СВ углу ямы на глубине 2,18 м был найден фрагмент медного пула.

На дне погребения лежал скелет женщины, вытянуто на спине, головой ориентированный на ЮЗ (рис. 1). Руки были немного разведены в стороны, кости предплечья лежали параллельно позвоночнику, ноги вытянуты. Под скелетом прослеживался черный тлен, вероятно, остатки войлочной одежды. На правой ноге сохранился небольшой фрагмент кожи коричневого цвета от сапог.

Под ЮЗ стенкой лежали в анатомическом порядке кости от хвоста жеребенка.

Погребальный инвентарь:

1. Железные гвоздики в количестве 16 штук (рис. 2) скрепляли каркас деревянного перекрытия. Для прочности углы каркаса были укреплены 4 железными штырями, согнутыми под прямым углом.

2. Фрагмент медного пула (монеты), обнаружен в заполнении норы грызуна. Надпись на пуле не читается из-за сильной коррозии металла.

3. Под черепом, в районе височных костей, были найдены две серьги из желтого металла в полтора оборота (рис. 2). Изготовлены они из проволоки диаметром 2 мм, концы обрублены. Диаметр серег 17 мм.

4. В районе тазовых костей обнаружено бронзовое зеркало. Вероятно, оно лежало в кожаном футляре, от которого остался коричневый тлен (рис. 2). Зеркало относится к типу А I по Федорову–Давыдову [Федоров–Давыдов, 1966, с. 78], без орнамента, по краю небольшой округлый бортик. В центре – след от отломанной петельки. Размеры зеркала: диаметр – 6 см, толщина – 1 мм.

5. К югу от правой бедренной кости был обнаружен железный нож. Металл подвергся сильной коррозии, оставшаяся длина лезвия

составляла 55 мм, черешка – 30 мм. Виден уступ при переходе от лезвия к рукоятке.

6. Матерчатая шапка из темно-коричневого шелка лежала под черепом.

7. Фрагмент кожаной обуви.

Ситуация 1. В 1 м к ССВ от ЦР на глубине 0,10 м обнаружены остатки скелета лошади. Судя по расположению костей, туша лошади была расположена в яме в сидячем положении на согнутых ногах. К северу от костей лошади на глубине 0,11 м были найдены фрагменты железного стремени сломанного в древности.

Инвентарь:

Среди костей лошади были обнаружены фрагменты железного стремени – часть площадки ромбической формы с продольным ребром жесткости и мелкие части арки. Размер и форма не восстанавливаются.

Курган 3 был отсыпан для индивидуального погребения. В центре кургана, с уровня материка, прослеживалась могильная яма прямоугольной формы со скругленными углами и выпуклыми длинными стенками, длинной осью ориентирована по линии В–З. Стенки могильной ямы ко дну сужались. На глубине 60–75 см был устроен кольцевой заплечик шириной не более 20 см, местами он обвалился, т.к. материковая глина довольно рыхлая и сильно крошится. Ниже уровня заплечика торцевые стенки продолжали сужаться, а длинные – сделались вертикальными.

На глубине 1,38 м, у северной стенки ямы, прямо на деревянном перекрытии могилы было обнаружено чучело коня. От него сохранились лежащие в анатомическом порядке череп (ориентирован на запад), кости ног отрубленных по 4-й сустав, хвост и черный тлен от шкуры. Лошадь была взнуздана, в пасти зажаты железные удила, в центре чучела обнаружены два стремени, там же зафиксированы остатки седла в виде деревянных плах.

Перекрытие могильной ямы было сделано из деревянных плах шириной 6–10 см, которые лежали на уступах под длинными стенками. Просевшие центральные части плах перекрытия лежали на костях скелета. Причем практически все плахи (около 9-ти) были уложены в 3 части (над головой и грудью погребенного) могильной ямы. Еще одна плаха прослежена у В стенки. Остальную площадь, вероятно, закрывали полотном, плетеным из растений, так как между черным тленом от чучела коня и деревянным перекрытием был прослежен довольно мощный

(2–3 мм) слой зеленого органического тлена. Восточная плаха лежала на дне могилы, на ней стоял красноглиняный кувшин.

На дне погребения лежал скелет взрослого мужчины вытянуто на спине головой на 3 (рис. 3). Руки лежали вытянуто вдоль туловища, ноги сведены вместе. Кости скелета оказались довольно хорошей сохранности, кроме черепа, который раздавило рухнувшее перекрытие.

Вдоль скелета с С и Ю лежали две длинные дощечки (более 1,60 м), прямоугольных в сечении (высота примерно 5–6 см). Вероятно, это оставшиеся детали от гробовища. Торцевые доски не сохранились. Под скелетом была прослежена двухслойная подстилка: белый тлен от камыша был перекрыт черным тленом от кожи.

Погребальный инвентарь:

1. В пасти коня были зажаты железные двусоставные удила без псалиев (рис. 4). Металл очень плохой сохранности, центральная часть практически полностью сгнила. Сохранились только стержни с неподвижными кольцами, а также вставленные в них подвижные кольца. По классификации Федорова–Давыдова, удила могут быть отнесены к типу Г1 (Федоров–Давыдов, 1966, с. 17–18).

2. Два железных стремени (рис. 4) плохой сохранности обнаружены у чучела лошади. Вероятно, они однотипны, поэтому остановимся на описании более крупного фрагмента стремени. Он представлен обломком подножки с дужкой, верхняя часть которой расплющена и образует треугольный выступ под прорезью. Узкая закругленная подножка состояла из трех прутьев. По форме она близка к типу ДП, но с треугольной вершиной, как у отдела Г по Федорову–Давыдову (Федоров–Давыдов, 1966, с. 13) и второго типа по В.Ф. Немерову (Немеров, 1987, с. 222).

3. Кувшин (рис. 4) был найден в ЮВ углу погребения, лежащим на боку. Вероятно, он стоял на перекрытии и упал вместе с ним. Тулово округлое, горло невысокое, прямое, напротив ручки немного расширяется к устью. Дно плоское, без поддона. Ручка в сечении овальная, нижняя часть крепится на плечике, верхняя – на венчике. Сосуд орнаментирован 9 прочерченными концентрическими кругами по тулову и 3 при переходе к горлу. Поверхность ярко красная, заизвесткована. Часть венчика отбита в древности. В тесте примесь песка. Размеры сосуда: высота 260 мм, высота горла 75 мм, диаметр дна 122 мм, диаметр тулова 210 мм, диаметр основания горла 85

мм, диаметр устья 98 мм, толщина стенок 6 мм.

4. Железный нож обнаружен у правой бедренной кости, вероятно, он крепился к поясу. Лезвие в нижней части имеет небольшой изгиб к спинке. Длина лезвия 182 мм, ширина от 26 до 13 мм, толщина – от 11 до 6 мм; рукоятка у основания имеет размеры 11×22 мм.

5. Шелковая ткань серого цвета была прослежена под черепом и к С от него. Несколько фрагментов ткани были найдены в заполнении норок грызунов. Ткань могла покрывать голову покойного.

6. На ступнях ног сохранились фрагменты кожи от сапог, голенища полностью истлели. По конструкции сапоги походили на обувь монголов – гутал. Они имели прямое голенище с жесткими, наглухо пришитыми к нему союзками, но с более мягкими подошвами (Немеров, 1987, с. 214).

7. Кожаный колчан для лука (сагадак, сайдак, хаадак) был обнаружен прислоненным к С стенке, напротив берцовых костей. Вероятно, он крепился к поясу с помощью сыромятных ремешков (Немеров, 1987, с. 216). Сагадак представлял собой кожаный чехол трапециевидной формы. Конструктивно состоит из двух кусков кожи скрепленных между собой с помощью кожаной узкой полоски, к которой они были пришиты. Широкая верхняя часть и треть верха одной из сторон были не сшиты и служили карманом для владения лука. Нижняя узкая часть закруглена. Внешняя сторона налучья была украшена глубоким теснением острым мелкозубчатым штампом, длиной около 1 см. Им была покрыта вся поверхность внешней стороны в виде елочки. Общая длина налучья была около 55 см, ширина в нижней части около 7 см, верха – более 15 см.

В колчан был вложен деревянный лук. От него практически ничего не сохранилось, лишь несколько фрагментов дерева, обмотанных берестой.

8. Берестяной колчан для стрел (туло) найден у С стенки могильной ямы за сагадаком. Для изготовления колчана использовался деревянный каркас, на который была намотана береста. К низу футляр расширялся, дно, вероятно, было изготовлено из органического материала (кожа или войлок). По всей поверхности колчана заметны парные отверстия – следы от прошивки нитками. По ребрам, с обоих концов колчана черной краской нанесены полосы, не достигающие до середины. У

устья колчана с внешней стороны нарисована еще одна полоса. Рядом с устьем был найден фрагмент коричневой кожи, вероятно, от ремешка или портупей, к которой крепился колчан.

9. Железная фигурная заклепка от берестяного колчана представляла собой овальную пластину с прямоугольной петлей отделенной перехватом. Длина 5,2 см, ширина 1,6 см.

10. В колчан было вложено пять стрел. По положению наконечников видно, что две стрелы были вложены наконечниками внутрь, а три – наружу. Четыре наконечника представляли собой срезни в виде вытянутой лопаточки с короткими, сходящимися под тупым углом верхними ударными гранями (рис. 5). Они могут быть отнесены к типу ВХІ по Федорову–Давыдову (Федоров–Давыдов, 1966, с. 27). Пятый наконечник – черешковый полулунный срезень (рис. 5).

11. Остатки от 4-х древков стрел (рис. 5) были найдены в колчане из бересты. Два древка представлены фрагментами нижних концов с составными деревянными ушками. Ушки конической формы, полые внутри, округлые в сечении с глубоким овальным вырезом для фиксации тетивы. Способ насада на древко – втулка, похожая на тип II по В.Г. Кищенко (Кищенко, 2003, с. 139). Выше ушка на древке сохранились черные кожаные пояски – дополнительный крепеж оперения.

12. Серебряная пластинка треугольной формы со следами чеканки была найдена во рту, вероятно, это часть какого-то изделия типа обкладки чаши или ножен.

Курган 4. Насыпь оплывшая, в плане округлая, линзовидные ровики прослежены с южной и северной полы. Высота кургана 0,30 м, диаметр 10 м.

В кургане было совершено два захоронения. Погребение 2 было основным. Оно обнаружено на глубине 0,80 м, в 2 м к Ю от центра кургана. Могильная яма в плане прямоугольная со скругленными углами, длиной 2,20 м, шириной 0,80 м, длинной осью ориентирована по линии 3–В, с небольшим отклонением к ЮЗ. На глубине 1,80 м был устроен заплечик шириной 10–20 см по всему периметру погребения. На заплечики были положены деревянные плахи перекрытия, от которых сохранилось 9 фрагментов со следами темного тлена, вероятно, от шкур лошадей. Заклад в центральной части могилы просел до глубины 2,17 м, почти до костяка человека (рис. 7).

На дне погребения, в гробовище, лежал скелет молодой девушки вытянуто на спине

(рис. 6; 7), головой на 3. Череп был слегка наклонен влево, руки вытянуты вдоль туловища, ноги лежали вместе. На ногах сохранились фрагменты кожаных сапог, которые прослеживались до самых колен. На остальных костях повсюду встречался серый тлен от верхней одежды.

Гробовище имело следующую конструкцию: несколько длинных досок шириной 9–10 см были положены вдоль длинной оси погребения на перпендикулярные доски шириной 6–7 см. Эти перпендикулярные доски лежали друг от друга на расстоянии не менее 26 см. В итоге получился своеобразный щит, покрытый кожей (или шкурой), от которого остался слой черного тлена. Поверх деревянного щита лежал скелет молодой женщины, справа от нее, у самой стенки, находились кости барана. Вероятно, гробовище было окрашено в разные цвета, поскольку на некоторых досках осталась розовая и зеленая краска.

Как были скреплены доски не совсем понятно, так как не было найдено гвоздей или деревянных втулок. Возможно, они вообще не крепились, а лежали поверх друг друга.

Погребальный инвентарь:

1. У западной стенки погребения, почти у самого черепа, стоял кружальный сосуд (рис. 7). Дно сосуда плоское, тулово округлое, наибольший диаметр в верхней трети сосуда, невысокое горло расширяется к устью. Венчик плоский, чуть отогнут. В верхней части тулова, выше наибольшего диаметра была прикреплена петельчатая ручка, от которой остались два прилепа. Орнаментирован сосуд прочерченными концентрическими кругами, расположенными тремя группами по три круга между дном и наибольшим диаметром. Поверхность сосуда была обожжена неравномерно, поэтому на ней читались серые, розовые и красные цвета. На изломе черепок имел розовый цвет, в тесте прослежена примесь песка и толченой раковины. На дне сосуда обнаружен толстый слой сажи.

2. На левом бедре лежал железный нож с бронзовой обоймой на рукояти (рис. 7). Лезвие треугольное в сечении, спинка прямая, острие выгнутое. Имеются уступы при переходе острия к черешку. Черешок отломан в древности. Длина лезвия 120 мм, ширина 22 мм.

3. На кисть левой руки был положен набор альчи́ков – 11 штук, еще 14 были разнесены землеройными животными по погребению (рис. 8). Среди них выделяются два

экземпляра (биты), украшенные насечками образующими сетку из ромбов. Один из них имел три просверленных сквозных отверстия.

4. Во рту погребенной был обнаружен фрагмент серебряного изделия (рис. 8) в виде треугольной пластины толщиной 2–3 мм с выштампованными овалами, один край которой имеет бортик. Вероятно, это часть накладки на какой-то предмет (чаша, ножны и т.д.). Размеры пластинки 29×33 мм. Подобный фрагмент встречен в погребении 1 кургана 3.

Ситуация 1 (рис. 7). Целый скелет молодой лошади (стригунка) лежал в специально вырытой яме, на глубине 0,39 м, в 1,5 м к СЗ от центра кургана. Лошадь была взнуздана, поскольку в ее пасти найдены железные двусоставные удила. В районе позвоночника обнаружены остатки от седла – фрагменты дерева, кожи, железная деталь, а также органический тлен, окрашенный в розовый и зеленый цвета.

Описанные выше средневековые погребения содержат целый ряд датирующих предметов: стремяна типа ДП (К–3 П–1); удила типа ГП (К–3 П–1, К–4 С–1; К–7 С–1); наконечники стрел ВХІ (К–3 П–1); шапочки Бокка (К–11 П–2); зеркало типа АІ (К–8 П–2); серьги типа VI (К–4 П–2, К–7 П–1, К–8 П–2, К–10 П–1).

Согласно периодизации Г.А. Федоров–Давыдова перечисленные типы вещей относятся к IV периоду истории золотоордынских кочевников, что соответствует второй половине XIII – XIV в. (Федоров–Давыдов, 1966, с. 116).

Относительно религиозного аспекта в погребальном обряде перечисленных выше захоронений, следует сказать, что в Улусе Джучи, наряду с культом Тенгри, видное место занимали представители буддизма, ислама и христианства. Причем популярность той или иной мировой религии зависела от динамично меняющихся исторических условий.

В исламе и христианстве более строго соблюдали положение умершего относительно сторон света, запрещали класть в могилу оружие, орудия труда, украшения и др. вещи. Буддизм же отличался разнообразием способов обращения с телами покойных и отсутствием твердо установленных норм погребального ритуала.

В качестве примера широкой вариативности проявления буддийской погребальной традиции исследователи указывают на практику закрывания естественных отверстий в теле усопшего, не известную в христианстве и

исламе, положения монет или драгоценность в рот покойного, укрывание лицо шелковой тканью, иногда прикрывая ими рот (Позднеев, 1993, с. 463).

Практика закрывания естественных отверстий в теле усопшего, в буддизме сохраняется и поныне. По мнению буддийских

лам, она помогает душе покойного покинуть тело через темя, а не через другие (нечистые) отверстия.

Высказанные нами соображения относительно буддийской обрядности описанных выше погребений требуют дополнительных проработок и аргументаций.

ЛИТЕРАТУРА

Атавин А.Г. Некоторые особенности захоронения чучел коней в кочевнических погребениях X–XIV вв. // СА. 1984. № 1. С. 134–135.

Васюткин С.М., Кольцов П.М. Средневековые погребения зоны Калмыцкого магистрального канала // Материалы и исследования по археологии Калмыкии / Отв. ред. В.И. Марковин. Элиста: КГУ, 1995. С. 107–160.

Верещагин В.В. Отчет об охранных археологических раскопках курганного могильника Малые Дербеты I на территории Малодербетовского района, курганов Садовое 5 и Садовое 6 на территории Сарпинского района Республики Калмыкия в 2007 г. // Архив Прикаспийского научно-образовательного археологического центра Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова.

Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М.: Наука, 1988. 91 с.

Кригер В.А. Кочевники Южного Приуралья и Заволжья в средние века (XII–XIV вв.). Дисс... канд. ист. наук. М., 1985. 314 с.

Немеров В.Ф. Воинское снаряжение и оружие монгольского воина XIII – XIV вв. // СА 1987. №2. С. 212–227.

Позднеев А.М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 492 с.

Федоров–Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во МГУ, 1966. 274 с.

Федоров–Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во МГУ, 1994. 229 с. ил. 21.

Информация об авторах:

Кольцов Петр Михайлович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова (г. Элиста, Россия); Petr.koltsov52@mail.ru

Кольцова Кермен Петровна, магистр истории, ассистент кафедры всеобщей истории Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова (г. Элиста, Россия); carmenring@mail.ru

Верещагин Владислав Викторович, директор, генеральный директор ООО «Ростовская археологическая экспедиция» (г. Ростов-на-Дону, Россия); wereshagin@mail.ru

PATRIMONIAL BURIAL GROUNDS OF NOMADS OF THE GOLDEN HORDE IN THE TERRITORY OF KALMYKIA²

P. M. Koltsov, K. P. Koltsova, V. V. Vereshchagin

Large cemeteries of nomads of the second half of the 13th–14th centuries in the steppes of Eastern Europe are quite rare, so it is not accidental that specialists show great interest to them. By the present time in the territory of Kalmykia two nomadic cemeteries have been investigated, which arose during the second half of the 13th–14th centuries. The first burial ground was discovered on the lands of the state farm "Ijil" in the Oktyabrsky district of the Republic of Kalmykia. Of the 10 burial mounds studied, 8 contained burials of the Golden Horde time. The deceased were buried on their back, mostly heads to the northeast, only in two cases to the north and one to the west and east. The funeral inventory contained bony sticks, silver pendants in the form of a question mark, a creed, stirrups and other finds. According to G.A. Fedorov–Davydov, pendants in the form

² The article was prepared within the framework of research project No. 17–21–03005 a(m) supported by RFBR

of a question mark and bone sticks appeared in the steppes of Eastern Europe during the Golden Horde period. The second burial ground of 10 earth embankments was discovered in 2007 in the area of. Small Derbets of the Maloderbetovsky district of the Republic of Kalmykia. The funerary structures were pits with shoulder straps, where the dead lay mostly in the head on the west. They were made for a short time and belonged to the same generic group. Concerning the religious aspect of the graves listed above, it should be said that in Ulus Juchi, along with the cult of Tengri, representatives of Buddhism, Islam and Christianity took a prominent place. And the popularity of this or that world religion depended on dynamically changing historical conditions.

Keywords: burial grounds, Golden Horde nomads, Republic of Kalmykia, burial ground "Idjil", burial ground Small Derbets, burial mound, burial, burial inventory.

About the Authors:

Koltsov Petr M. Doctor of Historical Sciences, Professor. Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Pushkin St., 11, Elista, 358000, Russian Federation; Petr.koltsov52@mail.ru

Koltsova Kermen P. Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Pushkin St., 11, Elista, 358000, Russian Federation; carmenring@mail.ru

Vereshchagin Vladislav V. General Director of LLC "Rostov Archaeological Expedition", Shorokhov Av., 34/A, office 2.7, Rostov on Don, 344019, Russian Federation; wereshagin@mail.ru

Рис. 1. Курган 1, погребение 1.

Рис. 2 Курган 1, погребение 1: железные гвоздики, бронзовое зеркало, серьги.

Рис. 3. Курган 3, погребение 1.

Рис. 4. Погребальный инвентарь погребения 1, кургана 3: удила, стремена, кувшин.

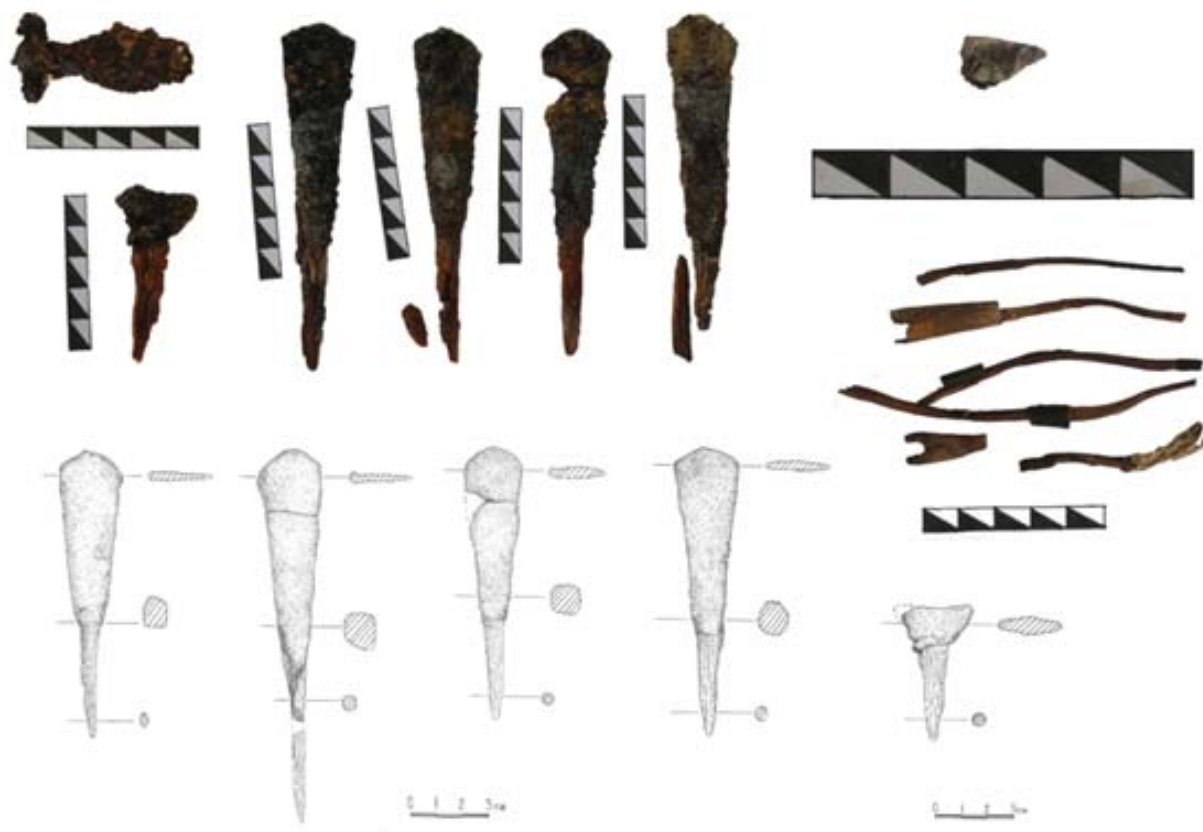

Рис. 5. Погребальный инвентарь погребения 1, кургана 3: наконечники стрел.

Рис. 6. Кургan 4, погребение 2.

Рис. 7. Погребальный инвентарь погребения 2, кургана 4.

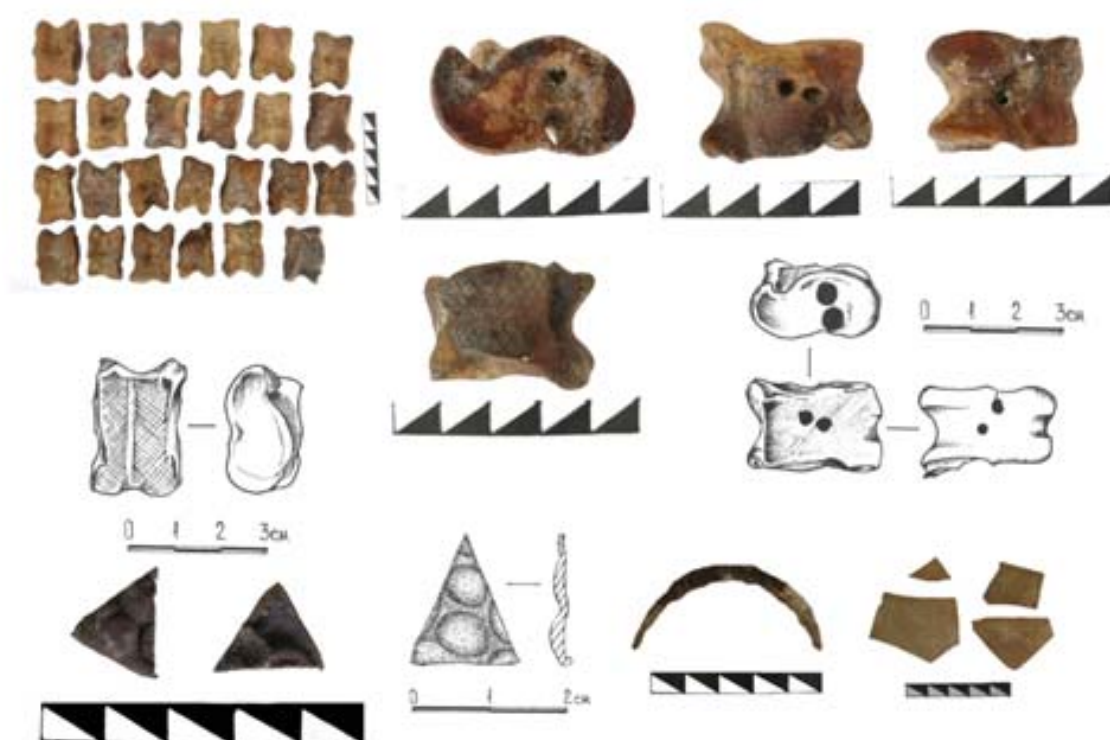

Рис. 8. Погребальный инвентарь погребения 2, кургана 4: альчики, треугольная пластина

УДК 903.42/904

ПОСЕЛЕНИЕ У С. ОБРЫВ НА АЗОВСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ В ДОНБАССЕ

©2018 г. Э. Е. Кравченко

Поселение у с. Обрыв Новоазовского района Донецкой Народной Республики входит в число средневековых памятников, вытянутых вдоль Азовского побережья, которые ранее считали кочевьями. При раскопках памятника выявлен средневековый слой с культурными остатками хазарского и золотоордынского времени. Расчищены остатки наземного сооружения золотоордынского времени, при сооружении стен которого использовался саман. На памятнике выявлены следы ремесленного производства. Исследования памятника свидетельствуют, что не все поселения Азовского побережья являлись кочевьями. Часть их могла быть оставлена населением с длительными традициями оседлости.

Ключевые слова: поселения, Приазовье, кочевники, оседлое население.

Памятники золотоордынского времени в Северном Приазовье известны давно. В 1882 г. у с. Гусельшиково обнаружена мраморная плита XIV в. с арабской надписью. А.А. Миллер, обследовавший место находки, установил, что она лежала на кургане, входившем в могильник, состоящий из множества малых курганчиков (Волков, 2008, с. 484–495). Ряд предметов золотоордынского времени выявлен в окрестностях Мариуполя. В конце XX в. на Азовском побережье зафиксировано множество средневековых поселений. В отличие от таких же памятников, расположенных в пределах Ростовской обл. РФ (Волков, Лопан, 2017), поселения Донбасса были изучены слабо. На некоторых из них (Безыменное–2, Бердянское, Широкая балка) производились раскопки, материалы которых пока не опубликованы. Большинство этих памятников считались салтовскими кочевьями, основанием для чего послужило внешнее сходство археологического материала, представленного стенками красноглиняных сосудов, и слабая степень их изученности. Тем не менее даже беглый осмотр находок, происходящих с этих памятников, показал, что наряду с материалами салтово-маяцкой культуры, среди них присутствует керамика золотоордынского времени. В 1992 г. при раскопках поселения Ляпинская балка (г. Мариуполь) был выявлен сильно поврежденный золотоордынский слой. Характер материалов этого памятника и расположенный неподалеку инвентарный грунтовый могильник (Евглевский, Кульбака, 2003) свидетельствовали в пользу того, что поселение было оставлено оседлым населением. Остатков построек в слое не зафиксировали, в связи с чем было выдвинуто предположение, что они представляли собой легкие

наземные сооружения (Кравченко, 2003, с. 359). В недавнее время материалы золотоордынского времени были выявлены у населенных пунктов Безыменное, Гусельшиково, Холодное и Обрыв в Новоазовском р-не ДНР. Исследования производились только на поселении у с. Обрыв (Обрыв–2) (рис. 1: 1–2).

В 1956 г. С.А. Плетнева составила первое описание и план этого памятника, определив местонахождение как кочевье (№ 246), не имеющее культурного слоя (Плетнева, 1967, с. 16, 195, рис. 4,1). В дальнейшем он осматривался В.С. Флеровым (1976) и И.В. Волковым (1988). Во время работ 2016–2017 гг. на поселении был зафиксирован хорошо сохранившийся средневековый слой, мощность которого достигала 0,4 м. Верхняя его часть имела повреждения, однако они были менее значительными, чем в Ляпинской балке. Из комплексов хазарского времени были зафиксированы: группа хозяйственных ям, остатки постройки (пом. 2) и комплекс 3, представленный неглубоким ровиком, заполненным костями животных (рис. 1: 3). Справа и слева от скопления костей в ровике находились два кострища.

Остатки постройки были выявлены на уровне 0,5–0,6 м от современной поверхности, практически на поверхности слоя хазарского времени. Она представляла собой наземное сооружение размером 4×3 м. В южной части помещения находился открытый очаг. В северной его части располагалось дополнительное отопительное сооружение, представляющее собой вкопанную по венчик в землю крупную гончарную корчагу, в которой присутствовали остатки кострища. Практически полное отсутствие лепной посуды, наличие фрагментов жерновов позволяют предположить, что

памятник хазарского времени был оставлен оседлым населением.

В 2017 г. в западной части раскопа (рис. 1: 3) была обнаружена группа комплексов, относящихся к золотоордынскому времени. Вдоль края террасы, у склона к Кривокосскому лиману были расчищены три хозяйственных ямы, одна из которых (яма 7) представляла яму с колоколовидным расширением у дна. На дне ее находились остатки от сырцово-глиняной крышки, которой эта яма закрывалась (рис. 2: 1). О находках подобных крышек упоминается при описании материалов раскопок древнерусского слоя Белой Вежи (Артамонов, 1958, с. 60).

К северу от группы хозяйственных ям зафиксированы остатки крупного наземного сооружения (пом. 1) (рис. 1: 3). Оно имело вид пятна (размерами 4×6 м), которое выделялось на фоне культурного слоя за счет большой примеси глины. Развал сооружения залегал на уровне 0,4–0,45 м, что соответствовало поверхности слоя золотоордынского времени. Среди находок – обожженные кости животных, фрагменты керамики (рис. 2: 2–4), чугунных котлов и кусочки толченого шлака, который употреблялся в качестве подсыпки на полу сооружения. В восточной части располагался открытый очаг с обожженной площадкой, прилегающей к нему с северо-восточной стороны. Судя по всему, сооружение являлось остатками наземной постройки с саманной или турлучной конструкцией стен.

Жилищное строительство с применением глины для рассматриваемой нами территории весьма характерно. К северу от нее, в среднем течении Северского Донца, где имелись леса, вплоть до 2-й пол. XVIII в. основным строительным материалом была древесина. Расположенные здесь городища имели деревянные стены, большая часть построек представлена полуземлянками. Хозяйственные ямы закрывались деревянными крышками. Строения типа мазанок получают широкое распространение на этой территории лишь со 2-й половины XVII в. В более раннее время количество их было относительно небольшим. Оставшиеся после их разрушения глинистые «площадки» были зафиксированы при раскопках поселений XVII–XVIII вв. в среднем течении Северского Донца (Казачья Пристань, Торская крепость, Явир) (Кравченко и др., 2002; 2006, с. 7–8, 10–11). Следы таких жилищ (в процессе разрушения, так называемого валькования), и ныне можно наблюдать в пределах населенных пунктов, расположен-

ных на этой территории. В степи, где леса было меньше либо он вообще отсутствовал, в строительстве достаточно широко применялась глина. Остатки турлучных сооружений присутствуют на памятниках Нижнего Дона (Ляпушкин, 1958, с. 265–268), где в хазарское и золотоордынское время широко применялся сырцовый кирпич (Флеров, 2009, с. 479–481). Отсутствие пригодного для строительства камня и, вероятно, древесины, послужило причиной сооружения кирпичных стен Саркела.

Несмотря на то что в эпоху средневековья граница распространения лесов располагалась южнее, чем ныне (Кириков, 1983, с. 24–25), она находилась очень далеко от рассматриваемых нами территорий. Согласно Книге Большому чертежу «а меж Волчьих Вод и Быка мечеть татарская каменная... а лесу с тех пор до Перекопи нет» (Книга, 1950, с. 65). Соответственно лес на этих землях был очень дорог. Иосафат Барбаро, описывая бедствие, постигшее его в результате ограбления рыбной тони, указывает, что наряду с забранной икрой, рыбой и металлическими предметами татары «также разломали суда и унесли с собою доски, вероятно, для починки своих повозок...» (Библиотека, с. 21). В крупные населенные пункты, такие как Азак или в более позднее время Кальмиусская крепость, лес поставлялся извне. На малых же поселениях, разбросанных по просторам Приазовских степей, господствовало строительство из имеющихся в распоряжении материалов, таких как камыш, тростник, прутья кустарниковых и глина.

Особый интерес представляют выявленные в золотоордынском слое памятника следы ремесленной деятельности. Выше указывалось, что пол помещения 1 имел подсыпку из кусков толченого шлака. К востоку от раскопа также было обнаружено значительное количество шлаков, криц (?), всплесков черного металла и стенок чугунных котлов (рис. 2: 5). В 2017 г. на памятнике было собрано не менее трех десятков фрагментов чугунных котлов, что для относительно небольшого поселения представляется весьма значительным количеством. Таким образом, раскопки поселения Обрыв-2 показали присутствие на данном памятнике наземных сооружений с глиняными конструкциями, а также позволили поставить вопрос о занятии его населения ремеслом.

Подводя итог, следует заметить, что отсутствие остатков стационарных сооруже-

ний на распаханных памятниках Азовского побережья далеко не всегда является признаком того, что эти поселения являлись кочевьями. Часть их могла быть оставлена населе-

нием с длительными традициями оседлости. Определить характер того или иного памятника, вероятно, можно только после проведения на нем археологических исследований.

ЛИТЕРАТУРА

Артамонов М.И. Саркел – Белая Вежа // Труды Волго-Донской экспедиции. Т. I // МИА №62. М–Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С.7–84.

Библиотека иностранных писателей о России. Отделение 1. Т. I. СПб, 1836.

Волков И.В. Надгробие золотоордынского времени из Новочеркасского музея // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2006 году. Вып. 23. / Отв. ред. В.Я. Кияшко Азов: Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник, 2008. С. 478–496.

Волков И.В., Лопан О.В. Комплексные исследования Института Наследия на средневековых городищах Юга России // Журнал Института Наследия. 2017. №3(10). Доступно по URL: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/148.html>

Евглевский А.В., Кульбака В.К. Грунтовой могильник золотоордынского времени Ляпинская балка из Северо-Восточного Приазовья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3. / Гл. ред. А.В. Евглевский Донецк: ДонНУ, 2003. С.363–406.

Кириков С.В. Человек и природа степной зоны. Конец X – середина XIX в (Европейская часть СССР). М.: Наука, 1983. 126 с.

Книга Большому чертежу / Под ред. Сербиной К.Н. М.–Л.: АН СССР, 1950. 228 с.

Кравченко Э.Е., Мирошниченко В.В., Полидович Ю.Б. Поселение Явор в среднем течении Северского Донца // Донецкий археологический сборник. 2002. №10. С. 87–107.

Кравченко Э.Е. Средневековый комплекс поселения Ляпинская балка в Северо-Восточном Приазовье // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3. / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2003. С. 345–362.

Кравченко Э.Е., Шамрай А.В., Мирошниченко В.В.; Петренко А.Н. Отчет средневековой экспедиции отдела охраны памятников археологии ДОКМ об исследованиях памятников археологии на севере Донецкой обл. в 2006г. // НА ИА НАНУ № 2006/175.

Ляпушкин И.И. Карнауховское поселение // Труды Волго-Донской экспедиции. Т.I. / МИА №62. М–Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 263–314.

Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура / МИА №142. М.: Наука, 1967. 196 с.

Флеров В.С. Семикаракорская крепость Хазарского каганата: строительство из сырцового кирпича, технология, сроки // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.7. / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2009. С. 479–488.

Информация об авторе:

Кравченко Эдуард Евгеньевич, старший научный сотрудник, Донецкий Республиканский краеведческий музей (г. Донецк, Украина); sidae@mail.ru

THE SETTLEMENT AT THE VILLAGE OBRVYV ON THE AZOV SEA COAST IN THE DONBASS

E. E. Kravchenko

Settlement near the village Obryv Novoazovsk district of the Donetsk people's Republic is one of the medieval monuments stretching along the Azov coast, which was previously considered nomads. During the excavations of the monument revealed a medieval layer with cultural remains of the Khazar and Golden Horde time. The remains of the ground structure of the Golden Horde time, in the construction of walls using a cob were cleared. Traces of handicraft production were found on the monument. Researches of the monument testify that not all settlements of the Azov coast were nomads. Some of them could be left by the population with a long tradition of settling.

Keywords: settlements, Priazovye, the nomads, the settled population.

About the Author:

Kravchenko Eduard E. Donetsk Museum of Local History. Chelyuskintsev 189-a, Donetsk, 283048, Ukraine; sidae@mail.ru

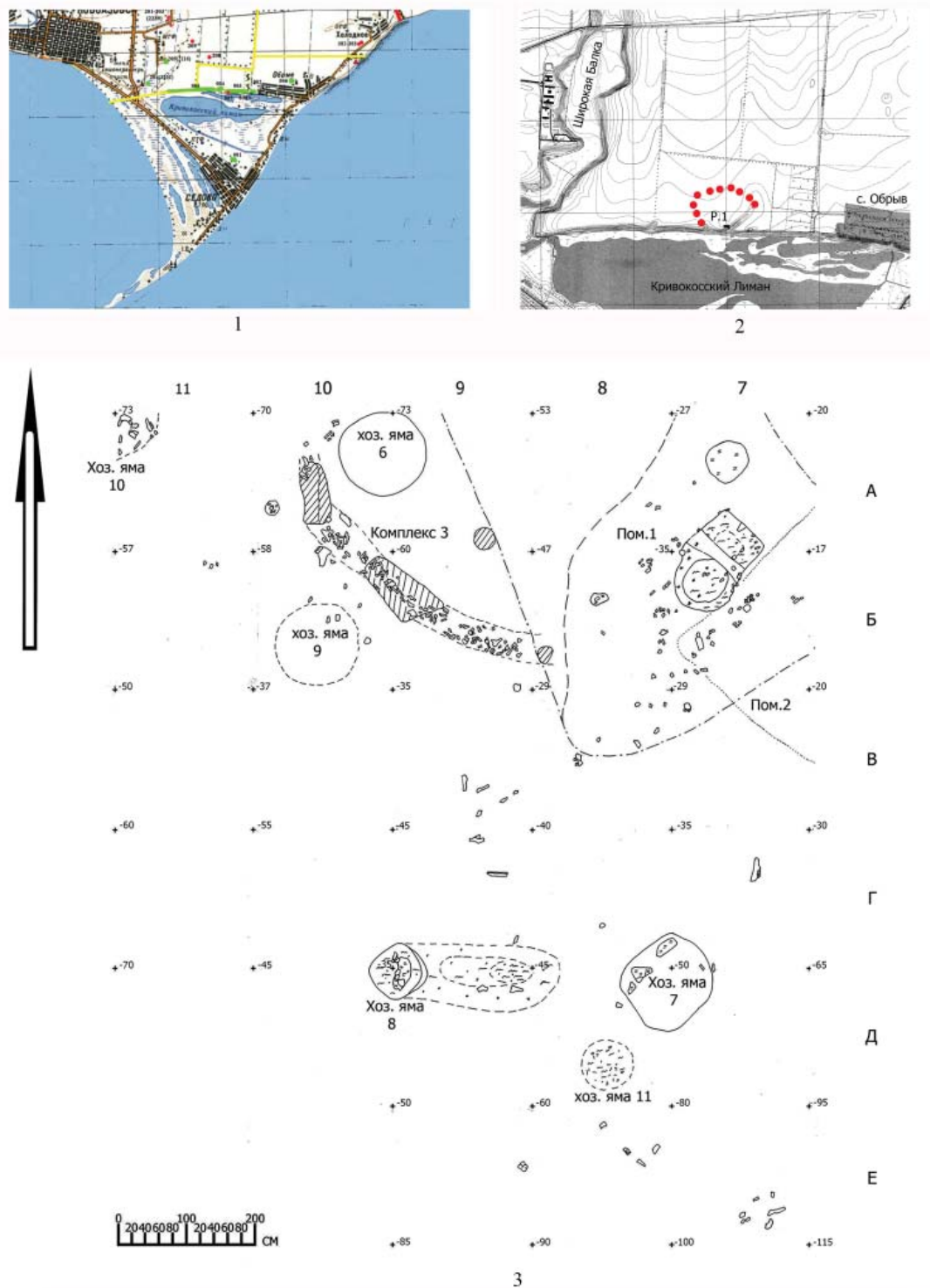

Рис. 1. 1 – схема расположения памятников археологии у с. Обрыв. Красными точками показаны курганы, зелеными линиями – поселения; 2– поселение Обрыв-2; 3 – общий план восточной части раскопа 1.

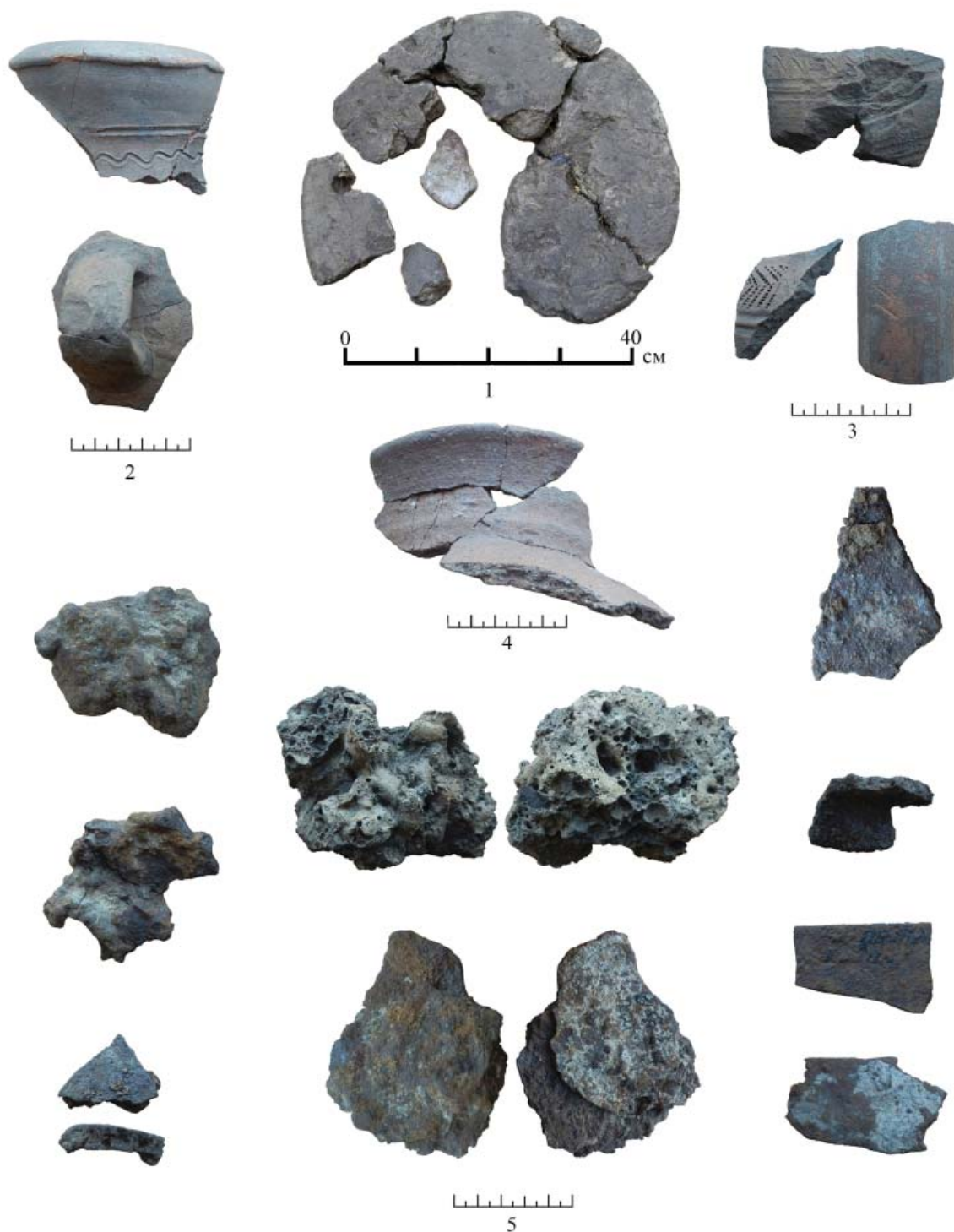

Рис. 2. 1 – фрагментированная сырцовая крышка из хоз. ямы 7; 2–4 – фрагменты керамики золотоордынского времени; 5 – шлак, всплески металла и фрагменты чугунных котлов.

УДК 903.2/904

К ВОПРОСУ О ТЕХНОЛОГИИ ПРОИЗВОДСТВА КАШИННОЙ ПОСУДЫ И СПЕЦИФИКЕ ЕЕ ИЗГОТОВЛЕНИЯ НА СЕЛИТРЕННОМ ГОРОДИЩЕ¹

© 2018 г. Д. А. Кубанкин, А. Л. Кашникова, А. В. Локис, Д. А. Шелепов

Изучается состав классического кашина и покрывающего его ангоба, технология изготовления кашинных чаш. Приводятся результаты петрографического исследования импортного кашина и чаш, изготовленных в различных мастерских Селитренного городища. Последние имеют отличия от классического рецепта. Опытным путем установлена взаимосвязь красного цвета кашина с температурным режимом его обжига.

Ключевые слова: Кашин, ангоб, петрография, чаши, производственный брак, Селитренное городище.

Термин «кашин», по мнению И.В. Волкова, появился в Хорезмийской экспедиции в 1950-е гг., а затем Г.А. Федоров-Давыдов применял его по отношению к Нижней Волге (Волков, 2006, с. 415). Г.А. Федоров-Давыдов определял кашин как особый состав «с большим количеством силикатных песков с примесью каолина и шпата, глины и известня на клеящем веществе. Это рыхлое тесто невозможно оставлять без поливы. Слой поливы предохраняет ее от распыления» (Федоров-Давыдов, Булатов, 1989, с. 195).

Кашин существенно отличается по составу от большинства керамических изделий. В трактате ал-Кашани 1301 г. приводятся следующие компоненты: 10 частей «сахарного камня», 1 часть фритты, 1 часть белой глины лури, растворенной в воде (Ritter H, Ruska J., Winderlich R, 1935. S. 43). Относительно «сахарного камня», который мог быть полевым шпатом или белым кварцем, возникает ряд вопросов в связи с высоким коэффициентом его твердости. Полагаем, что в качестве основы использовался кварцевый песок. Во всех образцах средневекового кашина (21 шт.), взятых на петрографический анализ, именно кварцевый песок является основным компонентом. Э.В. Сайко на основании изучения среднеазиатских кашинков под микроскопом и химическим методом пришла к выводу о наличии кварцевого материала в соотношении не менее 89% (Сайко Э.В., 1982, с. 86–87). А.С. Воскресенский в результате химического изучения образцов

архитектурного декора из различных золото-ордынских памятников пришел к выводу, что основу кашина составляет кварцевый песок (90,82–94,86%) (Воскресенский, 1970, с. 264). В первой половине XX в. в Иране продолжали делать кашинные изделия по рецепту: белый кварц или кварцит («flint») – 70–80%, высококачественные глины, которые современные керамисты называют бентонитовыми, – 10–20%, фритта, такая же, как и для глазури, – 10% (Wulff, 1976. P. 165).

Исходя из имеющихся у нас данных, процент глины в кашине был незначительным, что не позволяет в полной мере считать его керамикой. В Большой советской энциклопедии приводится краткое и емкое определение керамики: «(греч. *keramike* – гончарное искусство, от *kéramos* – глина), изделия и материалы, получаемые спеканием глин и их смесей с минеральными добавками...». В отличие от керамики, кашин содержит в основе кварцевый песок, который разводится в небольшом количестве с фриттой, глиной и, возможно, органическим клеем. Глина и клей позволяют соединить песчинки между собой до обжига и получить массу для заливки в форму или для лепки, т.е. для придания формы изделию. В процессе обжига жидкость вместе с клеем выгорают, а их место занимают расплавленная фритта и глина, которые скрепляют между собой песчинки. Образуются многочисленные незаполненные пустоты, которые придают изделию пористость и легкость одновременно; изделие довольно рыхлое, а потому

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Правительства Москвы в рамках грантового проекта "Реконструкция изготовления средневековой кашинной посуды" конкурса исторических проектов фестиваля "Времена и эпохи". Выражаем признательность И.В. Волкову за консультацию, данную в процессе подготовки исследования к публикации.

его необходимо покрывать глазурью с двух сторон, дабы избежать разрушения.

Посуда из кашина изготавливалась методом шликерного литья. Жидкий материал заливался в гипсовые (алебастровые) формы. Гипс впитывал жидкость, в форме образовывались тонкие стенки сосудов из подсохшего кашина. После этого излишки кашина выливались, изделие оставлялось в форме на последующую сушку. Должна была произойти усадка сосуда в форме, т.е. отделение стенок изделия от формы, прежде всего, за счет введенной в состав кашина глины. Это позволяло извлечь изделие. В результате проведенных авторами данной публикации исследований гончару А.В. Локису удалось изготовить кашин практически по классической технологии с извлечением пиалы из формы.

После дополнительной сушки чашу покрывали ангобом и расписывали. На петрографических шлифах видно, что ангоб, так же как и тело кашинного сосуда, состоит из кварца, только значительно меньшего помола, расплавившейся фритты, в отдельных случаях каолиновой глины и, возможно, какой-то органики, которая при выгорании оставляет незначительный след на внутренней стороне глазури, заметный только под микроскопом. Наши данные отчасти подтверждаются этнографическими наблюдениями за производством кашина в XX в. Изготавливаемый ангоб состоял из тонкомолотого белого кварца – 90%, бентонитовой глины – 7–9% и трагакантовой камеди – 1% (Wulff, 1976, p. 166). Это означает, что ангоб отличался от кашина не столько составом, сколько пропорциями и кварцем более тонкого помола. Этим же ангобом производилась рельефная роспись по стенкам сосуда.

Предварительно мы склонны считать, что кашинная посуда могла обжигаться всего лишь один раз. Такого же мнения придерживались Г.А. Федоров–Давыдов и Н.М. Булатов. Они подтверждали свой вывод фактом отсутствия кашинных сосудов без поливы среди многочисленных производственных отходов на раскопе II (Федоров–Давыдов, Булатов, 1989, с. 223). Необходимо проведение дополнительных опытов. В случае верности выводов об однократном обжиге количество браков при изготовлении кашинной посуды в горне значительно меньше, чем у глиняной поливной, уменьшаются трудозатраты и количество ресурсов на ее изготовление.

По материалам археологических раскопок достоверно установлено наличие кашин-

ных мастерских на двух городищах Нижнего Поволжья: Селитренное (Федоров–Давыдов, Булатов, 1989) и Царевское (Федоров–Давыдов, Вайнер, Мухамадиев, 1970). Наибольшее количество производств зафиксировано на Селитренном городище. Здесь обнаружено не менее четырех мастерских, изготавливавших кашинную посуду (Федоров–Давыдов, Булатов, 1989; Федоров–Давыдов, 1981; Федоров–Давыдов, 1982; Егоров, Пигарев, 2017; Пигарев, 2017). Наибольший интерес представляет раскоп II, где в 1966–1983 гг. проводила исследования Поволжская археологическая экспедиция под руководством Г.А. Федорова–Давыдова. Общая площадь раскопа II – 2568 кв. м. «Это единственный и сравнительно большой производственный комплекс, значительно превышающий по объему и разнообразию производства все известные мастерские в городах Золотой Орды. В нем представлено производство почти всех видов бытовой и архитектурной керамики, кашинной керамики...» Мастерская находилась в богатой усадьбе и датируется 1330–1390 гг. (Федоров–Давыдов, Булатов, 1989, с. 133, 194–195). Здесь производилась не только кашинная посуда и изразцы, но и штампованные сосуды, красноглиняные поливные чаши и архитектурный декор. Найденные на раскопе в большом количестве гипсовые (алебастровые) формы подтверждают идею о шликерном литье кашинных чаш. Здесь же найдены фрагменты измельченных кварцевых камней, известь, гипс, перемолотый из мозаичных плиток вторично использованный кашин (Федоров–Давыдов, Булатов, 1989, с. 162, 168, 223–224). В данной работе мы не даем детального описания мастерской и ее ассортимента, а сосредоточим внимание преимущественно на составе кашина, изготовленного на Селитренном городище и его отличии от импортов.

Удалось получить шлифы восьми бракованных сосудов из трех различных мастерских Сарая. Раскоп II – три образца из раскопок Г.А. Федорова–Давыдова 1969 г. и три образца – подъемный материал 2018 г. с поверхности раскопа. Раскоп IX – один образец из раскопок Г.А. Федорова–Давыдова 1982 г. Раскоп III – один образец из раскопок Е.М. Пигарева 2017 г. Примечательно, что во всех образцах, взятых из различных мастерских с Селитренного городища, несмотря на их расположение в разных частях средневекового города, состав кашина имеет общие черты, отличающие его от импортного. Во всех восьми образцах вместо кварцевого

песка мы наблюдаем перемолотый кашин вторичного использования либо специальный шамот на основе помола спекшихся ранее при обжиге частиц кварцевого песка с глиной и другими компонентами. В составе кашинной массы бракованных сосудов присутствует фритта, иногда фиксируется каолиновая глина. В целом соотношение компонентов при создании смеси выверено и схоже с импортом.

В ходе проводимых нами экспериментов по изготовлению кашина удалось выяснить одну из причин красного цвета материала. При температуре обжига 700–850°C кашин приобретает красноватый оттенок, который окончательно пропадает при обжиге 1000°C. Важно отметить, что введение извести в состав кашина понижает температуру обжига. В наших экспериментах тот же кашин, но с добавкой 2% извести по отношению к песку уменьшает присутствие красного оттенка в материале границами 700–750°C, окончательно он пропадает при 900–950°C. Еще один важный показатель температурного обжига, заметный в петрографических шлифах, – муллит. Он образуется в каолиновых глинах при температуре 920–980°C, интенсивность

этого процесса увеличивается в интервале 1000–1200°C (Чаус, Чистов, Лабзина, 1988, с. 312–313). Присутствие муллита в сделанных нами петрографических образцах фиксируется лишь на образцах белого кашина и ни разу не отмечено в кашине розового или красного цвета. Полагаем, что красный оттенок кашина связан с низким температурным режимом обжига.

Кашин – это особая масса на основе кварцевого песка с добавлением фритты и глины, покрываемая с двух сторон глазурью. Введение в ее состав кварца и фритты ставит производство кашина на промежуточную ступень между гончарством и стеклodelием. Производство кашинной посуды на Селитренном городище имело свою специфику, связанную, вероятно, с поиском новых компонентов, способных заменить недостающее сырье для классического состава. Красный цвет материала, полагаем, следует связывать не столько с примесью глины, сколько с низким температурным режимом обжига. Полученные нами результаты носят пока промежуточный характер, требуют дополнительной проверки и увеличения статистической базы исследования.

ЛИТЕРАТУРА

Волков И.В. Об определении керамики и азовском сосуде в технике «минаи» // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2005 г. Вып. 22 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Азовский музей-заповедник, 2006. С. 410–426.

Воскресенский А.С. Новые данные о поливной архитектурной керамике золотоордынского Поволжья // СА. 1970. №1. С. 263–265.

Егоров В.Л., Пигарев Е.М. Производство псевдоселадона в столице Золотой Орды – Сарае // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Т. 2. / Под ред. С.Г. Бочарова [и др.]. Казань: б.и., Кишинев: Stratum Plus: Университет «Высшая антропологическая школа», 2017. С. 717–724

Пигарев Е.М. Отчёт об археологических исследованиях на Селитренном городище Харабалинского района Астраханской области в 2017 году (стеклоделательная мастерская, раскоп III) // Архив института археологии РАН.

Сайко Э.В. Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. М.: Наука, 1982. 213 с.

Федоров–Давыдов Г.А. Отчет о раскопках на Селитренном городище в 1981 г. // Архив института археологии РАН. Ф1. Р1. №9677.

Федоров–Давыдов Г.А. Отчет о раскопках на Селитренном городище в 1982 г. // Архив института археологии РАН. Ф1. Р1. №9792.

Федоров–Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Мухамадиев А.Г. Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) в 1959–1966 гг. // Поволжье в средние века / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Наука, 1970. С. 68–171.

Федоров–Давыдов Г.А., Булатов Н.М. Керамическая мастерская Селитренного городища // Сокровища сарматских вождов и древние города Поволжья / Отв. ред. К. А. Смирнов. М.: Наука, 1989. С. 133–248.

Чаус К.В., Чистов Ю.Д., Лабзина Ю.В. Технология производства строительных материалов, изделий и конструкций: Учеб. для вузов. М.: Стройиздат, 1988. 488 с.

Mason R. B, Tite M. S. The beginnings of islamic stonepaste technology // *Archaeometry*. 1994. Vol. 36, Issue 1. P. 77–91.

Ritter H, Ruska J., Winderlich R. Eine persische Beschreibung der Fayancetechnik von Kashan aus dem Jare 700 h / 1300 d. // Ritter H, Ruska J., Sarre F., Winderlich R. *Orientalische Steinbücher und Persische Fayancetechnik* (Istanbuler Mitteilungen herausgegeben von der Abteilung Istanbul des Archäologischen Institutes des Deutschen Reiches. Heft 3). Istanbul, 1935. S. 16–48.

Wulff H. E. The traditional crafts of Persia. Their development, technology, and influence on eastern and western civilizations. Second printing. M.I.T. Press, Cambridge, Massachusetts, 1976. 405 p.

Информация об авторах:

Кубанкин Дмитрий Александрович, старший научный сотрудник, Саратовский областной музей краеведения (г. Саратов, Россия); Kubankin2008@yandex.ru

Кашникова Анна Леонидовна, старший научный сотрудник, Саратовский областной музей краеведения (г. Саратов, Россия); ankashnikova@yandex.ru

Локис Андрей Викторович, керамист, ИП «Локис А.В.» (г. Саратов, Россия); sidae@mail.ru

Шелепов Дмитрий Александрович, старший преподаватель кафедры петрологии и прикладной геологии Национального исследовательского Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (г. Саратов, Россия); shelepov@renet.ru

TO THE ISSUE OF KASHIN POTTERY MANUFACTURING TECHNOLOGY AND SPECIFICS OF ITS PRODUCTION AT THE SELITRENNOYE SETTLEMENT⁶

D. A. Kubankin, A.L. Kashnikova, A. V. Lokis, D. A. Shelepov

Compositions of classical Kashin (stonepaste) items and of the slip coatings are investigated alongside with the technique of Kashin bowl production. Results are presented of petrographic examinations of imported Kashin products and of the bowls made in various workshops at the Selitrennoye settlement. The latter ones are peculiar for certain differences from the classical mix formula. Experiments have shown the Kashin red coloring to be related to the firing temperature conditions.

Keywords: Kashin (stonepaste), slip, petrography, bowls, production rejects, Selitrennoye settlement.

About the Authors:

Kubankin Dmitriy A. Saratov Region Museum of Local Lore. Lermontov St., 34, Saratov, 410000, Russian Federation; Kubankin2008@yandex.ru

Kashnikova Anna L. Saratov Region Museum of Local Lore. Lermontov St., 34, Saratov, 410000, Russian Federation; ankashnikova@yandex.ru

Lokis Andrey V. "Lokis A.V." Saratov, Russian Federation; sidae@mail.ru

Shelepov Dmitriy A. Saratov State University. Astrakhanskaya St., 83, Saratov, 410012, Russian Federation; shelepov@renet.ru

⁶ The work was conducted with the financial support of Moscow Government within the framework of the grant project "Reconstruction of medieval kashin dishware manufacture" of a historical project contest of the "Times and Epochs" festival. We hereby express our appreciation to I.V. Volkov for the consultation provided during the preparation of the study for publication.

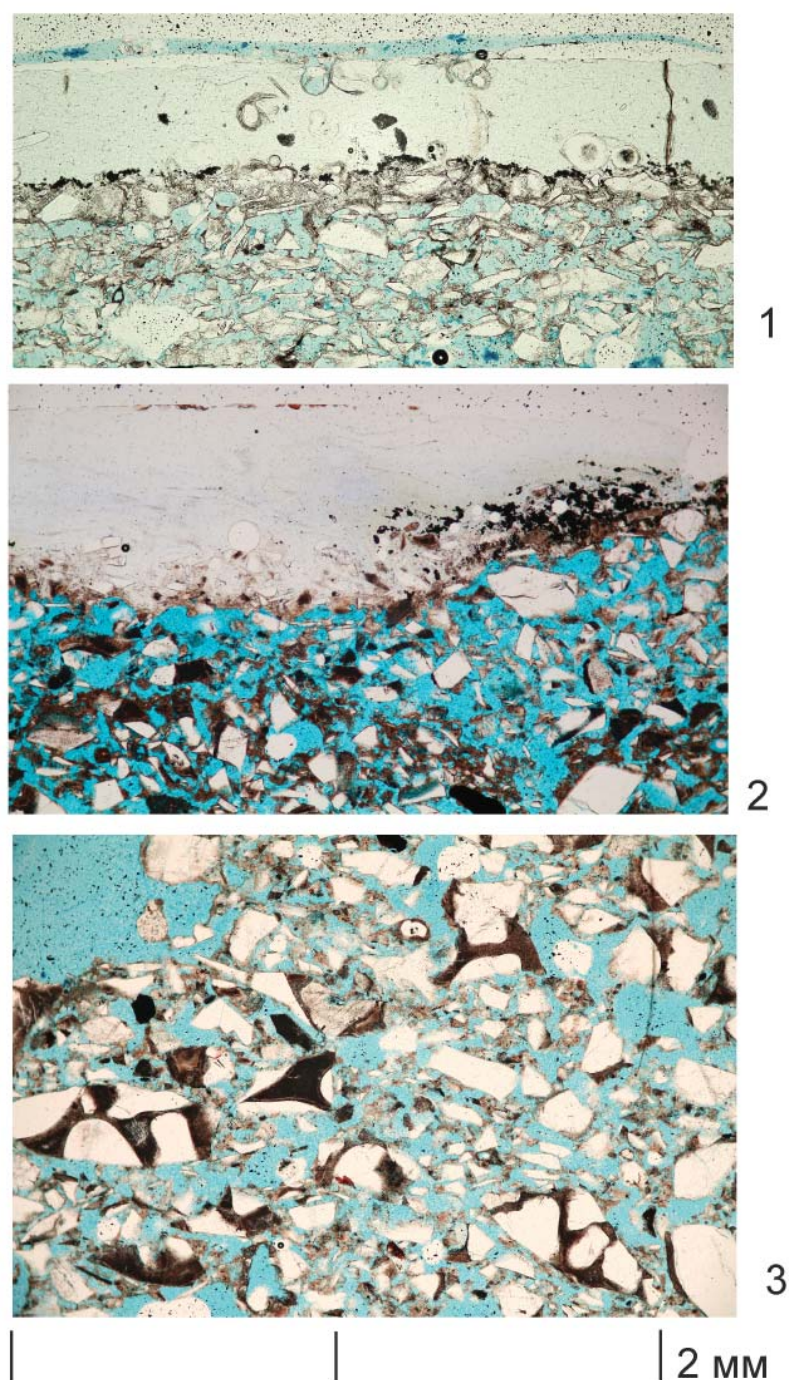

Рис. 1. Макросъемка образцов керамики. 1 – импортная чаша, Увекское городище, раскоп III, подвальное помещение храма, раскопки Д.А. Кубанкина, 2011 г.; 2 – бракованная чаша местного производства, Селитренное городище, раскоп II, раскопки Г.А. Федорова–Давыдова, 1969 г.; 3 – бракованная чаша местного производства, Селитренное городище, раскоп III, раскопки Е.М. Пигарева, 2017 г.

УДК 902.2

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ ДЛЯ АНАЛИЗА
КЕРАМИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА СЕЛИТРЕННОГО ГОРОДИЩА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЛЕДНЕЙ ЗАГРУЗКИ ГОРНА МАСТЕРСКОЙ № 9
(РАСКОП XXXIX/2005))**

©2018 г. С. А. Курочкина, С. Я Алибеков

В работе представлены результаты междисциплинарного исследования фрагментов керамической посуды и образцов предполагаемого глинистого сырья. Объектом аналитического исследования явились фрагменты красноглиняных неполивных изделий, полученных при раскопках гончарной мастерской № 9 Селитренного городища. Кроме того, анализу были подвергнуты экспериментальные образцы, изготовленные из глин, собранных в разных частях Селитренного городища. Исследования всех образцов осуществлялись несколькими методами: термическая обработка, метод бинокулярной микроскопии, химический рентгенофлуоресцентный анализ, макроскопический анализ. Авторы пришли к выводу, что метод РФА показал совпадение химического состава между экспериментальными образцами и керамическими изделиями. Полученные результаты дают возможность определения источников сырья для производства керамических изделий мастерских, расположенных на «черепянном поле» Селитренного городища.

Ключевые слова: археология, Селитренное городище, красноглиняная неполиваная керамика, сырьевые источники, естественно-научные методы.

В 2005 г. в ходе археологических раскопок Селитренного городища была исследована гончарная мастерская № 9, обладающая особой организационной формой («корхан»). Активная деятельность мастерской, расположенной в производственном районе города («черепяное поле»), приходится на 1330–1340-е гг. (Пигарев, 2015, с. 121–126).

В ходе раскопок мастерской было собрано более 15 тыс. фрагментов керамики, из которых 97% – местная неполиваная красноглиняная керамика (Курочкина, 2010, с. 89–95).

Цель данной работы: определить источники сырья, из которого изготовлены керамические изделия последней загрузки горнов данной мастерской. Отобранные керамические образцы были проанализированы при помощи естественнонаучных методов: термическая обработка, метод бинокулярной микроскопии, химический рентгенофлуоресцентный анализ (РФА), макроскопический анализ.

Для изучения сырьевых источников был сделан отбор образцов глин вблизи от археологических объектов (раскопы на Красном бугре и «черепянном поле») и в разных частях городища (к юго-западу и к востоку от села).

В результате проведенных анализов были сделаны следующие выводы.

Керамические образцы. Для анализа было отобрано 87 образцов красноглиняной

неполиваной керамики (кувшины, афтоба, дигири, трубы и др.).

В качестве исходного сырья гончары использовали глины. Среди гончаров, работавших в мастерской № 9, были распространены навыки отбора ожелезненных «тощих» глин.

Данный вывод подтверждают результаты, полученные методом РФА (табл. 1).

Исходя из химического анализа рассмотренных образцов, видно, что все глины относятся к одной группе: «тощая» кремнеземная, содержащая большое количество оксидов железа. В представленных образцах содержание SiO_2 колеблется в пределах от 43 до 66%, Al_2O_3 – от 4 до 6%, Fe_2O_3 – 22–38%.

В рассмотренных керамических образцах зафиксирован один прием подготовки сырья: использование глин во влажном состоянии.

В качестве естественных примесей присутствуют включения бурого железняка оолитовой формы, известковой крошки, доломитовая смесь, мелкий окатанный разнокалиберный кварцевый песок. Все примеси «читаются» на приготовленных макрошлифах (рис. 1/1–12).

На стадии составления формовочных масс отмечены следующие рецепты: 1) глина без искусственных примесей (76,8%); 2) глина+песок (14,5%); 3) глина+органика (9,7%).

Скорее всего, среди гончаров данной мастерской был распространен прием составления формовочной массы из одной глины (среднезапесоченной ожелезненной) без дополнительно введенных примесей.

Глинистое сырье. Для проверки достоверности выводов, полученных при анализе образцов археологической керамики, были изготовлены экспериментальные образцы из глин, собранных в разных частях Селитренного городища. Все образцы были проанализи-

рованы при помощи вышеупомянутых естественно-научных методов.

Экспериментальные образцы, высушенные при комнатной температуре, были обожжены в муфельной печи, при этом образцы, обожженные при температуре 800°C, приобрели более темный цвет, чем образцы, обожженные при температуре 900°C.

Результаты, полученные методом РФА, показали химический состав экспериментальных образцов (табл. 2).

Таблица 1

Химический состав образцов керамики

№ образца	Изделие	Элемент %						
		SiO ₂	Fe ₂ O ₃	Al ₂ O ₃	TiO ₂	SO ₄	PO ₄	MgO
9	Дигирь	65,39	21,35	4,44	1,67	4,78	0,69	
1	Кувшин	61,24	25,90	5,61	2,35	2,46	0,49	0,27
5	Дно сосуда	61,03	23,32	4,90	2,36	5,86	1,34	
7	Стенка сосуда	60,75	25,59	5,15	2,25	3,28	1,14	
12	Афтоба	60,49	22,51	5,82	1,44	3,62	0,5	0,29
6	Дно сосуда	58,77	26,71	5,35	2,11	2,50	0,97	1,13
2	Дно сосуда	57,06	26,21	4,41	2,30	5,0	1,38	
13	Дно сосуда	56,65	28,93	4,87	2,69	2,69	1,13	0,94
4	Стенка сосуда	55,74	27,0	4,60	2,63	6,33	1,0	
10	Труба	49,54	31,59	5,73	3,29	4,12		1,13
11	Дно сосуда	49,28	23,12	4,22	2,66	15,88	1,18	0,85
3	Амфоровидный кувшин	42,65	38,0	3,71	3,27	2,85		
8	Дно сосуда	34,18	24,81	3,23		32,0	1,31	

Таблица 2

Химический состав образцов глинистого сырья

№ п/п	Местонахождение образца	SiO ₂	Fe ₂ O ₃	Al ₂ O ₃	TiO ₂	SO ₄	PO ₄	MgO	Sn ₂ O ₃	PbO ₂
3	Красный бугор	66,31	22,15	5,42	2,0	1,42		+	—	1,28
1	Черепяное поле	65,38	22,50	6,07	1,83	1,83	0,31	0,79	2,57	2,84
4	У кладбища (к востоку от села)	62,11	19,03	4,66		5,97	1,24	0,41	1,82	1,95
2	Обрыв у старой пристани (к юго-западу от села)	53,60	24,91	4,89	2,91	10,99	0,65	0,28	7,58	1,19

Как видно, все глины относятся к одной группе: кремнеземная (в них содержание SiO_2 колеблется в пределах от 54 до 67%), причем по содержанию SiO_2 все глины – среднезапесоченные. По содержанию глинозема глины «тощие» (Al_2O_3 содержится от 5 до 6%), по содержанию железа – высокосодействующие (Fe_2O_3 – в пределах от 19 до 25%). В качестве естественных примесей в образцах фиксируются следующие включения:

№ 1: бурый железняк оолитовой формы, доломитовая смесь, известковая крошка, мелкий окатанный разнокалиберный кварцевый песок;

№ 2: известковая крошка и кварцевый песок (мелкий пылевидный, содержащий отдельные окатанные разнокалиберный песчинки);

№ 3: известковая крошка и мелкий окатанный разнокалиберный кварцевый песок;

№ 4: мелкий окатанный разнокалиберный кварцевый песок (рис. 1/13–16).

Результаты. Для решения поставленной цели был проведен сопоставительный анализ результатов, полученных при изучении образцов сырья и керамики.

Метод РФА показал совпадение химического состава между экспериментальными образцами и керамическими изделиями. Проведенные анализы показали, что все образцы изготовлены из глины одной группы: «тощая» кремнеземная, с высоким содержанием оксидов железа. Подобная однородность и схожесть образцов обусловлена единством территории. Образцы археологической керамики и экспериментальные образцы изготовлены из глин одного территориального происхождения (территория Селитренного городища), что подтверждается химическим анализом и микроструктурой керамических изделий.

Небольшие различия, полученные при сопоставлении химического состава экспериментальных образцов и керамических изделий, объясняются тем, что химический состав основных пород может изменяться в результате деятельности человека (Бахматова, Храмченкова, Ситдилов, 2017, с. 143).

По содержанию SiO_2 керамические образцы имеют большое количество совпадений с образцами глин № 1 – № 3, собранных на Красном бугре, «черепянном поле» и к юго-западу от села (среднезапесоченная глина).

По включениям естественных примесей проанализированные керамические образцы наиболее близки к экспериментальному образцу № 1: глина с «черепяного поля», содержащая бурый железняк, доломитовую смесь, известковую крошку, мелкий кварцевый песок.

Опираясь на данные проведенных анализов, мы определили источник сырья для производства керамических изделий мастерской № 9 – «черепяное поле» Селитренного городища. Междисциплинарные исследования показали большую схожесть между керамическими изделиями из последней загрузки горнов мастерской № 9 и экспериментальными образцами, изготовленными из глины, собранной на «черепянном поле». Данный факт говорит об однородности приема отбора сырья гончарами данной мастерской.

Очевидно, гончары из мастерской № 9 использовали сырье, находящееся в непосредственной близости от данного производственного района Селитренного городища. Скорее всего, глины «черепяного поля» по своим характеристикам более всего подходили для тех видов керамических изделий, которые выпускались в данной мастерской.

ЛИТЕРАТУРА

Бахматова В.Н., Храмченкова Р.Х., Ситдилов А.Г. Исследования керамики и источников глинистого сырья в керамическом производстве Среднего Поволжья XIII–XIV вв. // ПА. 2017. № 4 (22). С. 126–144.

Куручкина С.А. Керамика из последней загрузки горна мастерской № 9 Селитренного городища // Астраханские краеведческие чтения: сборник статей. статей Вып. II. / Под ред. А.А. Курапова. Астрахань: Издатель Сорокин Роман Васильевич, 2010. С. 89–95.

Пигарев Е.М. Гончарное производство золотоордынского города Сарай (Селитренное городище): монография / Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 7: Селитренное городище. Йошкар-Ола, 2015. 208 с.

Информация об авторах:

Курочкина Светлана Александровна, кандидат исторических наук, доцент, управление по сохранению, использованию и охране объектов культурного наследия Министерства культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл, (управление по сохранению объектов культурного наследия Минкультуры Республики Марий Эл) (г. Йошкар-Ола, Россия); kurochkina-sveta@bk.ru

Алибеков Сергей Якубович, доктор технических наук, профессор, Поволжский государственный технический университет (г. Йошкар-Ола, Россия); ankashnikova@yandex.ru

**USE OF NATURAL SCIENTIFIC METHODS FOR THE ANALYSIS
OF CERAMIC MATERIAL OF SELITRENNY ANCIENT SETTLEMENT
(ON THE MATERIAL OF THE LAST LOAD OF GORNA WORKSHOP
NO. 9 (EXCAVATION XXXIX / 2005))**

S. A. Kurochkina, S. Ya. Aliabekov

The paper presents the results of an interdisciplinary study of fragments of ceramic dishes and samples of prospective clay raw materials. The object of the analytical study were fragments of red clay non-pouring articles obtained during the excavation of the pottery workshop No. 9 of the Selitrennoye ancient settlement. In addition, experimental samples made of clays collected in different parts of the Siltry Site were subjected to analysis. Studies of all samples were carried out by several methods: thermal treatment, binocular microscopy, chemical X-ray fluorescence analysis, macroscopic analysis. The authors concluded that the RFA method showed a coincidence of the chemical composition between the experimental samples and ceramic products. The results obtained make it possible to determine the sources of raw materials for the production of ceramic products of workshops located on the "skull field" of the Selitrennoye ancient settlement.

Keywords: archeology, Selitrennoye ancient settlement, red unglazed ceramics, raw materials, natural science methods.

About the Authors:

Kurochkina Svetlana A. Candidate of Historical Sciences. Ministry of culture, press for nationalities of the Republic of Mari El. Kremlyovskaya St., 41, Yoshkar-Ola, 424002, the Republic of Mari El, Russian Federation; kurochkina-sveta@bk.ru

Aliabekov Sergei Ya. Doctor of Technical Sciences, Professor, Volga State University of Technology. Lenin Square St., 3, Yoshkar-Ola, 424000, the Republic of Mari El, Russian Federation; kmim@volgatech.net

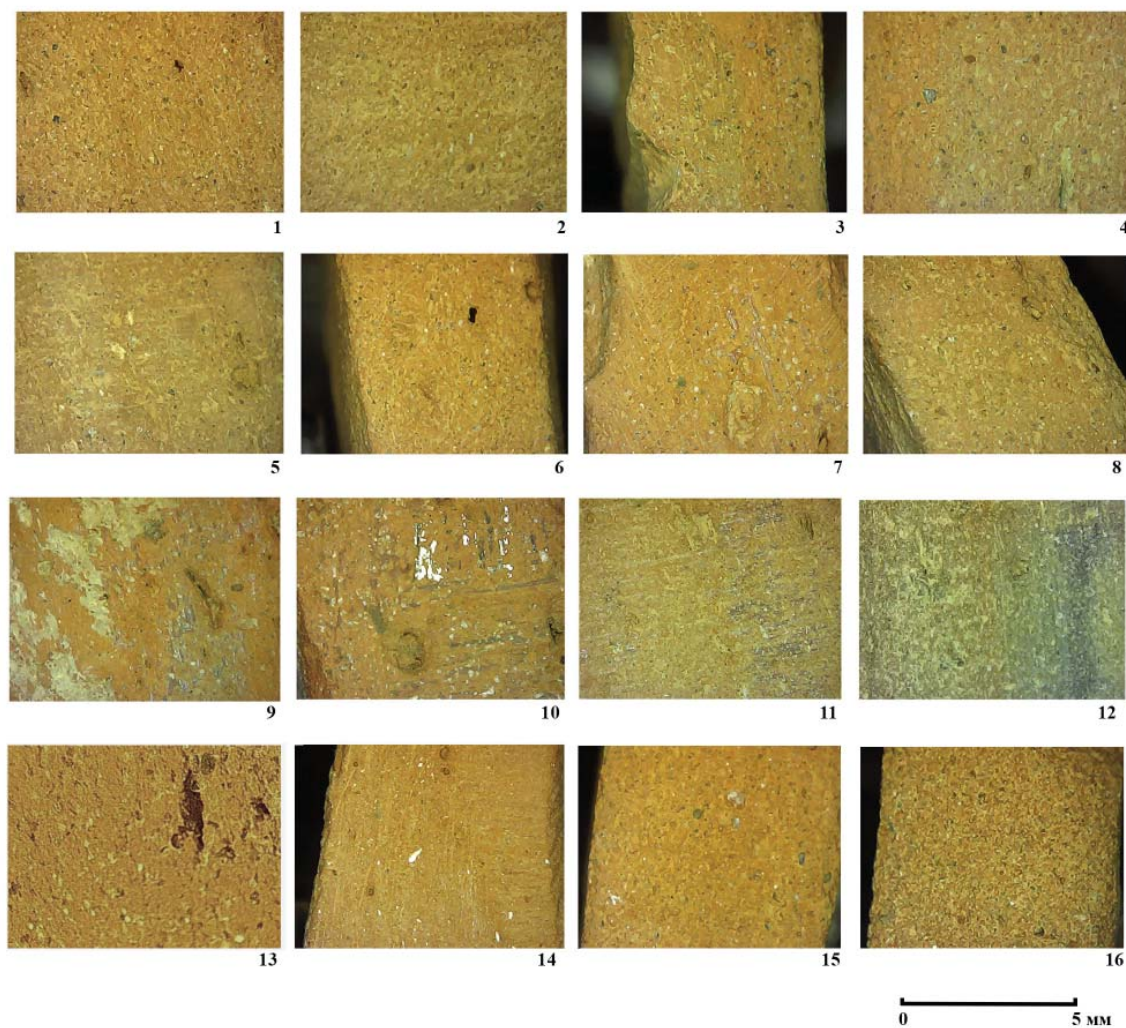

Рис. 1. Микрофотографии шлифов: 1–12 – керамические изделия; 13–16 – экспериментальные образцы глины (1 – № 1, 2 – № 4, 3 – № 2, 4 – № 5, 5 – № 11, 6 – № 10, 7 – № 13, 8 – № 12, 9 – № 7, 10 – № 8, 11 – № 6, 12 – № 9*, 13 – образец с «черепяного поля», 14 – образец с обрыва у старой пристани, 15 – образец с Красного бугра, 16 – образец с восточной окраины села).

* нумерация керамических изделий дана согласно п/п табл. 1 (см. текст).

УДК 903.3/904

СТЕКЛОДЕЛАТЕЛЬНОЕ РЕМЕСЛО НИЖНЕВОЛЖСКИХ СТОЛИЦ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РАСКОПОК 2017 ГОДА СЕЛИТРЕННОГО ГОРОДИЩА

©2018 г. Д. О. Кутузова, Е. Е. Воробьева

Исторические источники свидетельствуют о широком спектре и своеобразии золотоордынских ремесел. Это подтверждается и материалами археологических исследований одного из крупнейших и уникальных историко-культурных объектов Российской Федерации – Селитренного городища (города Сарай аль-Махруса, столицы Улуса Джучи). В 1967 г. отрядом ПАЭ АН СССР под руководством Л.Л. Галкина на северном склоне бугра Кучегуры городища была обнаружена стеклоделательная мастерская золотоордынского времени. В ходе исследований данного объекта было выяснено, что в мастерской изготавливались браслеты, перстни и бусы. Исследователем были зафиксированы остатки технологических объектов (стекловыдувных печей) и большое количество изделий, их фрагментов и заготовок. Однако, в 2016 году в процессе визуального обследования территории и изучения научного отчета Л.Л. Галкина было выяснено, что в 1967 году исследовалась только незначительная часть стеклоделательной мастерской. В результате, в 2017 году рядом с раскопом Л.Л. Галкина был заложен раскоп (рук. Е.М. Пигарёв), который позволил дать реконструкцию организации пространства мастерской и возможность утверждать о высоком уровне развития стеклоделательного ремесла в нижневолжских столицах Золотой Орды. В частности, материалы раскопа 2017 года позволяют не только получить более качественную информацию о применяемых технологиях производства изделий из стекла в золотоордынской столице, систематизацию изделий (от оконного стекла до изысканных ювелирных украшений), но и сделать сравнительный анализ с предметами импортного производства. Данный материал вводится в научный оборот впервые.

Ключевые слова: Астраханская область, Харабалинский район, эпоха Золотой Орды, стеклоделие

Сарай – первая столица Золотой Орды, основанная ханом Бату (внуком Чингисхана) в начале 50-х годов XIII в. В археологической литературе остатки Сарая носят название Селитренного городища, находящегося на левом берегу Ахтубы, у с. Селитренного Харабалинского р-на Астраханской области. В XIV в. на отдельных выпусках монет название города писалось «Сарай ал-Махруса» (Дворец Богохранимый) (Егоров, 1985).

К настоящему времени Селитренное городище является золотоордынским поселением в низовьях р. Волги с наибольшей раскопанной площадью (свыше 45000 кв. м). Памятник простирается вдоль р. Ахтубы примерно на 13 км и вглубь степи примерно на 3 км (Рудаков, 2000, с. 180).

Первые раскопки стеклоделательной мастерской на Селитренном городище были произведены в 1967 году отрядом Поволжской экспедиции АН СССР под руководством Л.Л. Галкина у подножия северного склона бугра Кучегуры. После снятия культурного слоя были обнаружены хозяйственные ямы и остатки производственных сооружений, условно названные «поды печей» и «поды

горнов». Доказательством того, что это были печи и горны стеклоделательной мастерской является то, что в них были зафиксированы стеклянные перстни, браслеты, бусы, заготовки для бус и отходы стекольного производства (Галкин, 1984, с. 213). В 2016 году в процессе сбора подъемного материала (бус – 117 экз., фрагменты браслета – 1 экз. и перстня – 1 экз. (Кутузова, Воробьева, 2017)) на отвалах раскопа IV 1967 г. и визуального осмотра было выяснено, что в 1967 году исследовалась только незначительная часть стеклоделательной мастерской. В результате было принято решение о продолжении раскопок стеклоделательной мастерской.

В 2017 году у подножия северного склона бугра Кучегуры был разбит раскоп площадью 140 кв. м. В ходе археологических работ были выявлены остатки печи, 11 бытовых и хозяйственных ям. В культурном слое были зафиксированы отходы стеклоделательного производства (шлак, стеклянная масса), украшения, фрагменты оконного стекла и сосудов (Пигарев, 2018).

Бусы – самая многочисленная категория изделий, изготовленных из стекла. Всего

было обнаружено 426 экз. бус, которые включают неудавшиеся образцы и обломки. Также помимо стеклянных бус были обнаружены бусы из кашина – 2 экз., сердолика – 1 экз., жемчуга – 1 экз. В отличие от бус, обработанных Н.Н. Бусятской (Бусятская, 1973), в материалах раскопа 2017 года отсутствуют бусы, изготовленные из спрессованных обломков стекла и стеклянной трубочки.

В основе систематизации бус лежат: материал, технология изготовления, форма, размер и цвет. Следует отметить, что определение цвета и прозрачности производилось визуально. Преобладающее число бус изготовлено из непрозрачного стекла.

В основе технологии изготовления бус лежало два способа: 1) навивка размягченной стеклянной массы на цилиндрический стержень (Группа I), 2) обертывание стекла на твердую основу (Группа II), выделена небольшая группа бус, изготовленных в неизвестной технике (Группа III). Каждая из групп делится на подгруппы: А – без декора, Б – с декором.

Группа I – 399 экз.

Подгруппа А (без декора) – 244 экз., что составляет 61,15 % от 399 экз. Из них: 175 экз. брак, который нельзя отнести к определенному типу; 69 экз. целые.

Отдел 1 (круглые) – 55 экз. составляют 22,5 % от 244 экз., включает типы:

Тип а. Бочонковидные (9 экз.: 5 экз. брак) бусы из непрозрачного светло-голубого (3 экз.), оранжевого (1 экз.), коричневого (1 экз.), голубого (4 экз.) стекла. Средний диаметр 0,3–0,6 см (рис. 1: 1).

Тип б. Шаровидные (21 экз.: 1 экз. брак) бусы из стекла непрозрачного светло-голубого (1 экз.), желтого (1 экз.), голубого (15 экз.), белого (2 экз.), черного (1 экз.), зеленого (1 экз.) цвета. Средний диаметр – 0,3–0,6 см, помимо одночастных бус (20 экз.), встречаются двучастные (1 экз.) (рис. 1: 2).

Тип в. Эллипсоидные (4 экз.: 1 экз. брак) бусы из непрозрачного зеленого (1 экз.), голубого (3 экз.) стекла. Средний диаметр – 0,3–1 см (рис. 1: 3, 4)

Аналогии: в золотоордынских погребениях (Курышова, 2012, с. 206) и городах Поволжья (Бусятская, 1976, с. 40), в Новгороде в слоях XI–XIII вв. (Щапова, 1956, с. 170).

Тип г. Цилиндрическая (1 экз.) бусина непрозрачного светло-голубого цвета. Диаметр – 0,6 см (рис. 1: 5).

Тип д. Зонные (16 экз.: 11 экз. брак) бусы черного (3 экз.), голубого (5 экз.), зеленого (4 экз.), оранжевого (2 экз.), желтого (1

экз.) непрозрачного цвета. Средний диаметр – 0,4–1,1 см (рис. 1: 6, 7).

Тип з. Винтообразные (2 экз.) бусы из черного непрозрачного и синего полупрозрачного стекла. Средний диаметр – 0,6–0,7 см (рис. 1: 8).

Аналогии есть в Болгарском городище (Полубояринова, 1988, с. 165), в Новгороде они существуют с середины XII в. до середины XIV в. (Щапова, 1956, с. 172).

Тип и. Таблетковидная (1 экз. брак) бусина, желто-зеленого непрозрачного цвета. Диаметр – 1,5 см (рис. 1: 9).

Тип е. Коническая (1 экз.) бусина из голубого непрозрачного стекла, диаметр – 0,5 см (рис. 1: 10).

Отдел 2 (граненые) – 12 экз. (4,9 % от 244 экз.), в свою очередь, граненные бусы подразделяются на два подотдела:

Подотдел: 4-х гранные

Тип к. Трапециевидные (7 экз.: 3 экз. брак) бусы из голубого (1 экз.), коричневого (1 экз.), черного (2 экз.), синего (2 экз.), фиолетового (1 экз.) непрозрачного стекла. Средний диаметр – 0,3–0,8 см (рис. 1: 11).

Тип с. Призматические (4 экз.: 3 экз. брак) бусы из голубого (2 экз.), черного (1 экз.), зеленого (1 экз.) непрозрачного стекла. Средний диаметр – 0,4 см (рис. 1: 12).

Подотдел: 6-и гранные

Тип к. Трапециевидная (1 экз. брак) бусина темно-сиреневого полупрозрачного цвета. Диаметр – 0,5 см.

Отдел 3 (овальные) – 2 экз. (0,8 % от 244 экз.), включает:

Тип з. Винтообразная (1 экз. брак) бусина из синего непрозрачного стекла. Диаметр – 0,6 см (рис. 1: 13).

Тип г. Цилиндрическая (1 экз.) бусина из голубого непрозрачного стекла, диаметр – 0,5 см (рис. 1: 14).

Подгруппа Б (с декором) включает в себя бусы декорированные: линиями, нанесенными острым стержнем – 1 экз. брак (рис. 1: 15); глазками (одноцветные – 20 экз.: 12 экз. брак (рис. 1: 16, 17); реснитчатые – 87 экз.: 82 экз. брак (рис. 1: 18–25)); петлями и глазками – 5 экз.: 4 экз. брак (рис. 1: 26); нитями стекла (полосчатые) – 15 экз.: 14 экз. брак (рис. 1: 27, 28); стеклянной крошкой (мозаичные) – 19 экз.: 17 экз. брак (рис. 1: 29); симметричными разводами стекла – 9 экз. брак (рис. 1: 30, 31); слоеное стекло – 2 экз. брак (рис. 1: 32).

Таким образом, общее количество бус с декором составляет: 155 экз. из них 135 брак,

который нельзя отнести к определенному типу.

Основные цвета: черный, серый, голубой, желтый, черно-белый, белый, оранжевый, бежево-черный, бежевый, красный непрозрачный.

Аналогии мозаичным бусам зафиксированы в слоях конца XI – начала XII в. погребальных памятников Нижнего Поволжья (Курышова, 2012, с. 207), в Саркеле Белой Веже (Львова, 1959, с. 329), в археологическом материале городов Поволжья XIII–XIV вв. (Бусятская, 1976, с. 41). В частности, бусы с симметричными разводами имеют аналогии в Белоозере (Голубева, 1973, с. 182), Болгаре (Полубояринова, 1988, с. 174) и Саркеле (Львова, 1959, рис. 7, 8). Бусы с реснитчатыми глазками имеют аналогии в Болгаре (Полубояринова, 1988, с. 176), Хорезме XII–XIV вв. (Галкин, 1984, с. 217), золотоордынских памятниках (Федоров-Давыдов, 1966, с. 73).

Группа II – 13 экз.

Подгруппа А (без декора) – 9 экз. (рис. 1: 33, 34), то есть 69,2% от всех бус Группы II (13 экз.).

Подгруппа Б (с декором) – 4 экз., технологический брак. Бусы декорированы однотонными и реснитчатыми глазками (рис. 1: 35, 36).

Небольшую группу составляют бусы, изготовленные в неизвестной технике (Группа III) – 10 экз., брак. Подгруппа А (без декора) – 1 экз. (рис. 1: 37), подгруппа Б (с декором) – 9 экз. (рис. 1: 38).

Медальоны. На раскопе было найдено два медальона в форме трехлепестковой розетки с реснитчатым глазком (1 экз.) (рис. 1: 39) и одноцветной стеклянной вставкой (1 экз.) с поперечным отверстием для подвешивания. Размеры 3 на 3,5 см, 2 на 1,7 см. Цвет – черный с прожилками. У одного медальона отверстие для подвешивания отломлено. По мнению М.Д. Полубояриновой, этот тип медальонов изготавливался навивкой (Полубояринова, 1988, с. 186). Аналогии медальонам с Селитренного городища есть в Болгаре (Полубояринова, 1988, с. 186).

Браслеты – 30 экз., 4 экз. – неопределенной формы; все браслеты представлены фрагментами. По форме браслеты делятся на несколько типов: круглые гладкие (2 экз.): один фрагмент браслета декорирован белыми продольными нитями стекла; плоские (4 экз.); плосковыпуклые (14 экз.): два браслета декорированы прожилками белого стекла

на черном фоне и накладной нитью стекла желтого цвета по ребру браслета; крученые (1 экз.), рубчатые (3 экз.); витые (1 экз.). Цвет браслетов – голубой, фиолетовый полупрозрачный; коричневый, черный, желтый, белый, зеленый, голубой непрозрачный. По мнению Л.Л. Галкина, в изготовлении этого вида украшений сильны кавказские традиции (Галкин, 1984, с. 219) (рис. 1: 40, 41).

Следующая категория стеклянных украшений – перстни (8 экз.) представляют собой фрагменты. Только у одного перстня можно определить диаметр – 2,1 см. По форме все перстни плосковыпуклые, изготовленные вытягиванием стеклянного стержня на плоскости и обертыванием вокруг столбика (Бусятская, 1976, с. 47). Цвет – желтый, голубой, черный непрозрачный, зеленый полупрозрачный (рис. 1: 42, 43).

Вставки для перстней – 16 экз., из голубого, черного, серого непрозрачного и зеленого прозрачного стекла; форма – круглая, квадратная, прямоугольная.

Помимо украшений были найдены фрагменты посуды и оконного стекла. Фрагменты сосудов: венчики (4 экз.) (рис. 2: 1, 3), фрагмент сосуда с ручкой (1 экз.) (рис. 2: 2), стенки неопределенных сосудов (20 экз.), горлышко от бутылки (1 экз.), фрагмент донца (1 экз.) (рис. 2: 4). К сожалению, все сосуды представлены во фрагментах и восстановить их форму невозможно. Стекло у всех сосудов полупрозрачное и прозрачное покрытое патиной.

Обломки оконного стекла (19 экз.) бесцветные с голубоватым или зеленоватым оттенком, некоторые покрыты слоем патины. Толщина – 0,1 см. Несколько экземпляров представляют собой край диска в виде двойного петлевидного в сечении края. Фрагменты стекла настолько малы, что невозможно определить их диаметр (рис. 2: 5, 6).

Наряду с наличием шлака, кусков стекла разного размера, заготовок для глазков доказательством местного производства изделий из стекла служат находки неудавшихся бус, по которым можно проследить технологию их изготовления. Бесспорным свидетельством производства бус является находка металлического стержня с бусиной на конце.

В то же время наличие обломков сосудов и оконного стекла говорит о том, что стеклоделательная мастерская, до этого момента считавшаяся специализированной мастерской по производству украшений (Галкин, 1984, с. 213), занималась изготовлением стеклянных изделий других категорий.

ЛИТЕРАТУРА

- Бусятская Н.Н.* Бусы Селитренного городища // СА. 1973. №1. С.217–224.
- Бусятская Н.Н.* Стекланные изделия городов Поволжья (XIII–XIV вв.) // Средневековые памятники Поволжья / Отв. ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров–Давыдов. М.: Наука, 1976. С. 38–72.
- Галкин Л.Л.* Стеклодельная мастерская на городище Селитренное // СА. 1984. №2. С. 213–222.
- Голубева Л.А.* Весь и славяне на Белом озере. X–XIII вв. М.: Наука, 1973. 216 с.
- Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 248 с.
- Рудаков В.Г.* История изучения Селитренного городища // РА. 2000. №2. С.180–191.
- Курьшова Н.П.* Классификация бус из кочевнических погребений золотоордынского времени // ПА. 2012. №1. С. 204–215.
- Кутузова Д.О., Воробьева Е.Е.* Ретроспектива исследований Л.Л. Галкина на стеклоделательной мастерской Селитренного городища // Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй. / Отв. ред. Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдилов. Владивосток: «Дальнаука», 2017. С. 171–174.
- Львова З. А.* Стекланные браслеты и бусы из Саркела–Белой Вежи // Тр. Волго–Донской археологической экспедиции. Том 2. МИА № 75 / ред. М.И. Артамонов. М.: Издательство АН СССР, 1959. С. 307–332.
- Пигарев Е.М.* Отчет об исследованиях Селитренного городища в Харабалинском районе Астраханской области в 2017 году (стеклоделательная мастерская, раскоп №III). Йошкар–Ола. 2018.
- Полубояринова М. Д.* Стекланные изделия Болгарского городища // Васильева В.Н., Закирова И.А., Петренко А.Г. Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров–Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 149–218.
- Щапова Ю.Л.* Стекланные бусы древнего Новгорода // Тр. Новгородской археологической экспедиции. Том 1. МИА № 55. М.: Издательство АН СССР, 1956. С. 164–179.
- Федоров–Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М: Издательство Московского университета, 1966. 276 с.

Информация об авторах:

Кутузова Дарья Олеговна, младший научный сотрудник, Марийский НИИЯЛИ им. В.М. Васильева (г. Йошкар–Ола, Россия); homjak2012@mail.ru

Воробьева Елена Евгеньевна, кандидат исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); доцент, Институт археологии им. А.Х.Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); veer47@mail.ru

GLASS MAKING CRAFT OF THE LOWER VOLGA CAPITALS OF THE GOLDEN HORDE: PRELIMINARY RESULTS OF EXCAVATIONS IN 2017 OF THE SELITRENNOYE SETTLEMENT

D. O. Kutuzova, E. E. Vorobeva

Historical sources testify to the wide range and originality of the Golden Horde crafts. This is confirmed also by materials of archaeological researches of one of the largest and unique historical and cultural objects of the Russian Federation – the inhabited settlement (the city of Saray al – Mahrusa, the capital of Ulus Dzhuchi). Glassmaking workshop of the Golden Horde period was discovered on the Northern slope of the hill Kuchugury settlement in 1967 year by detachment of the PAE of the USSR under the leadership of L. L. Galkina. During researches of this object it was found out that bracelets, rings and beads were made in this a workshop. The researcher recorded the remains of technological objects (glass furnaces) and a large number of products, their fragments and blanks. However, in 2016, during the visual inspection of the territory and the study of the scientific report L. L. Galkin it was found out that in 1967 only a small part of the glassmaking workshop was studied. As a result, in 2017, near the excavation of L. L. Galkin, a excavation site was laid (head E. M. Pigarev), which allowed to reconstruct the organization of the workshop space and the opportunity to assert a high level of development of glassmaking craft in the lower Volga capitals of the Golden Horde. In particular, the materials of the excavation in 2017 allow not only to obtain better information about the technologies used

in the production of glass products in the Golden Horde capital, the systematization of products (from window glass to fine jewelry), but also to make a comparative analysis with imported items. This material is introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: Astrakhan region, Kharabalinsky District, the Golden Horde, glassmaking.

About the Authors:

Kutuzova Daria O. Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev. Krasnoarmeyskaya St., 44, Yoshkar-Ola, 424036, Mari El Republic, Russian Federation; homjak2012@mail.ru

Vorobeva Elena E. Candidate of Historical Sciences. Assistant Professor. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation. Docent. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; veer47@mail.ru

Рис.1. Стекло: 1–14 бусы без декора, 15 – бусина с декором, 0 нанесенным острым стержнем, 16–25 – бусы глазчатые, 26 – бусина с петлями и глазками, 27–28 – бусы полосчатые, 29 – бусина мозаичная, 30, 31 – бусы с симметричными разводами, 32 – бусина из слоеного стекла, 33–34 – бусы без декора, 35–36 – бусы глазчатые, 37 – бусы без декора, 38 – бусина глазчатая, 39 – медальон, 40–41 – фрагменты браслетов, 42–43 – фрагменты перстней.

Рис.2. Стекло: 1,3 – венчик сосуда, 2 – фрагмент сосуда с ручкой, 3 – №99, 4 – фрагмент донца, 5,6 – фрагменты окон

УДК 902/904

ПОГРЕБЕНИЕ СО ШПОРАМИ ИЗ СТЕПНОГО ПРИКУМЬЯ

©2018 г. С. В. Ляхов

В 2014 году археологической экспедиции ГУП "Наследие" под руководством А.В. Лычагина проводил охранные раскопки могильника «Покойное 2». В кургане 12 было исследовано погребение 6 со шпорами. Находка шпор является уникальным случаем для средневековых кочевнических древностей и до открытия прикумского захоронения, было известно только два случая обнаружения и исключительно на территории степного Прикубанья, но с открытием комплекса в среднем Прикумье расширяется географию их распространения по всему Степному Предкавказью. Из-за отсутствия четких хронологических реперов ставропольское погребение на данный момент датируется в пределах XII–XIV вв.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Ставропольский край, Степное Прикумье, позднекочевническое погребение, шпоры.

В 2014 году Буденновский отряд археологической экспедиции ГУП «Наследие» проводил охранные раскопки курганного могильника севернее с. Покойное Буденновского района Ставропольского края. Археологический объект «Покойное 2» находится на второй надпойменной террасе левого берега р. Кума, северо-восточнее слияния с ней р. Мокрая Буйвола, в непосредственной близости с золотоордынским городищем Маджары.

В группе исследовано четыре кургана (1, 2, 12, 13), в которых выявлено 31 погребение, значительная часть эпохи средней бронзы и только два комплекса эпохи позднего средневековья. Погребение со шпорами обнаружено в кургане 12.

Курган 12 диаметром 40 м и высотой до 1,32 м сооружен в два приема в эпоху средней бронзы. К этому периоду из шести выявленных комплексов относились четыре, основным являлось погребение № 4. По одному погребению представлены эпохой раннего железа (№ 1) и позднекочевническое (№ 6) (Лычагин, 2015, с. 72–77).

Погребение 6. Обнаружено в центральной части кургана, на глубине 0,23–0,65 м. Совершено в насыпном грунте, конструкция могильной ямы не прослеживалась, но по ряду косвенных признаков (соотношение глубин залегания костей погребенного с костями лошади), это мог быть подбой, в котором входная яма располагалась в северной, погребальная часть – в южной части могильной конструкции.

Скелет взрослого человека лежал вытянуто на спине, черепом на запад. Череп лежал на основании, с легким поворотом вправо, лицевой частью на юго-восток. Кости рук

вытянуты вдоль корпуса. Кости ног вытянуты, стопы сведены. Севернее и вдоль погребенного залегали разрозненные кости лошади (пяточная и длинные кости), поза, способ отчленения костей и ориентировка животного не установлены.

В погребении обнаружен следующий инвентарь:

Палаш железный с прямыми клинком и перекрестием залегал слева от погребенного, вдоль туловища, острием направлен на восток. Между правой плечевой костью и грудной клеткой выявлены костяные обкладки на карман колчана и железные черешковые (плоские и четырехгранные) наконечники стрел (11 шт.). Остриями наконечники направлены вверх, к лицевой части. Костяной амулет со сквозным отверстием обнаружен среди ребер левой стороны. Пряжки железные (3 шт.) лежали поверх правого крыла таза и кистей.

Вдоль и поверх левой бедренной кости залегала костяная накладная дуга в виде узкой подпрямоугольной в плане и дугообразной в профиле пластины. Под черепом погребенного выявлена подвеска–бубенчик бронзовый цельнолитой грушевидной формы с петлей и крестовидной прорезью. Бусина стеклянная (½ часть) синяя округлая зонная с глубоко рифленой поверхностью залегала рядом со стопами погребенного.

Пара железных шпор V-образной формы обнаружены под стопами погребенного. Шпоры имели шипы с шарообразным утолщением и с петлями в виде глухих дисков с заклепками (рис. 1). Общая длина 13,3–13,5 см, ширина дуг 10 см, длина шипа 2,5 см. Диаметр заклепок 1,4 см.

Предметы инвентаря из погребения 6 имеют широчайшие аналогии среди степных восточноевропейских погребений XII–XIV вв., но наличие среди находок шпор является уникальным случаем не только для Ставрополя, но и для всех средневековых кочевнических древностей. К моменту обнаружения прикумского комплекса было известно всего два случая захоронений со шпорами, находившиеся исключительно на территории степного Прикубанья–Праздничный (Раздольная) (Веселовский, 1906, с. 75–77; Чхаидзе, 2010, с. 155–157) и пос. Южный–84 2/1 (Блохин и др., 2003), но с открытием комплекса в среднем Прикумье расширяется география их распространения по всему Степному Предкавказью.

По классификации А.Н. Кирпичникова, прикумские шпоры относятся к типу IV, для которого характерен полуциркулярный изгиб дуг с шипом, лежавшим под прямым углом к плоскости этого изгиба. Дисковидные глухие заклепки относятся к типу I, которые однако редко сочетаются с этим типом шпор. Данный тип шпор по древнерусским аналогиям датируется XII – первой половиной XIII в. (Кирпичников, 1971, с. 66).

Среди исследователей нет единого мнения относительно хронологической интерпретации прикубанских комплексов. Комплекс у пос. Южный В.Г. Блохин относит к половецким памятникам XII – первой половины XIV в. (Блохин и др., 2003), Ю.В. Зеленский датировал погребение широко в пределах XII–XIV вв. (Зеленский, 2008). До второй половины XIII – XIV в. определяют временные рамки Т.Н. Потемкиной и В.Н. Чхаидзе (Потемкина, 2015, с. 81; Чхаидзе, 2015, с. 284). Праздничный–Раздольный комплекс Ю.В. Зеленский датирует второй половиной XIII – XIV в. (Зеленский, 2008, с. 479), В.Н. Чхаидзе определяет хронологические рамки в пределах второй половины

XIII – XIV в. (Чхаидзе, 2010, с. 157; Чхаидзе, 2015, с. 283).

Отсутствие в инвентаре четко датированных артефактов определяет широкую датировку погребения у пос. Покойное в пределах XII – XIV вв.

Ставропольский комплекс по сложности погребального обряда, количеству и разнообразию вооружения значительно уступает элитарным воинским кочевническим комплексам со шпорами, владельцы которых являлись представителями высшего военного сословия в составе золотоордынского войска (Чхаидзе, Дружинина, 2011). Нахождение шпор в погребении воина более низкого социального статуса указывает на то, что данный предмет мог выполнять не только социально-ранжированную функцию (Чхаидзе, Дружинина, 2013), но и рассматриваться как трофей, презент и т.д.

В одной из своих работ Ю.В. Зеленский отмечает отсутствие шпор у населения сопредельных территорий и задается резонным вопросом о том, как попали шпоры в погребения кочевников степного Прикубанья (Зеленский, 2008, с. 478–479).

В.Н. Чхаидзе делает смелое предположение – шпоры к кочевникам могли попадать из Грузии, где они становятся широко распространенными с XII в., а проникновение их в Предкавказье увязывает с постоянными половецко–грузинскими контактами XII–XIV вв. (Чхаидзе, 2017, с. 91–92). Насколько это предположение верно, напрямую зависит от открытия новых погребений со шпорами не только на территориях между Предкавказьем и Грузией, но и непосредственно на территории самой Грузии.

Нельзя исключать и другие пути транспортировки, – возможно, это были территории, расположенные к северо-западу (золотоордынское городище Азак) или к северу (русские княжества) от северо-кавказского региона.

ЛИТЕРАТУРА

- Блохин В.Г., Дьяченко А.Н., Скрипкин А.С. Средневековые рыцари Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани / Отв. ред. И.И. Марченко. Вып. 3. Краснодар. 2003. С. 184–208.
- Зеленский Ю.В. Шпоры из позднекочевнических погребений Прикубанья // Древности юга России. Памяти А.Г. Атавина / Отв. ред. Г.Е. Афанасьев. Москва: ТАУС, 2008. С. 478–481.
- Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // САИ. Вып. Е1–36. Ленинград: Наука, 1973. 140 с.

Лычагин А.В. Отчет о раскопках курганных могильников в Будённовском и Левокумском районах Ставропольского края проведённых в 20014 году ГУП «Наследие» в 2–х томах Т. 2. Ставрополь, 2015 г. / Архив ИА РАН. Р–1.

Веселовский Н.И. Кубанская область (раскопки Н.И. Веселовского) ОАК за 1903 год. Санкт Петербург, 1906. С. 75–77.

Потемкина Т.М. Этнокультурный контекст восточноевропейских позднекочевнических погребений с защитным доспехом // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. 2015. № 6. С. 66–81.

Чхаидзе В.Н. Средневековые кочевнические погребения из раскопок Н.И. Веселовского в степном Прикубанье (ст. Ладожская и пос. Праздничный) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа / Отв. ред. Е. Н. Нарожный. Вып. 11. Армавир: Центр археологических исследований армавирской гос. пед. универ., 2010. С. 154–163.

Чхаидзе В.Н. Котлы из погребений кочевников Степного Предкавказья XI–XIV вв. // КСИА. 2015. Вып. 237. С. 280–291.

Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. Военная организация кочевников степей Предкавказья в XII–XIV веках // Материалы V Международной конференции «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве» посвященной памяти Г.А. Федорова–Давыдова (Астрахань, 2–6 октября 2011 г.). Казань: Институт истории Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 127–129.

Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. Отражение социальной стратификации в погребальной обрядности кочевников степного Предкавказья золотоордынского времени: продолжение дискуссии // ПА. 2013. № 2. С. 171–178.

Чхаидзе В.Н. Шпоры в погребениях средневековых кочевников степного Предкавказья // Археология евразийских степей. 2017. № 5. С. 90–95.

Информация об авторе:

Ляхов Сергей Владимирович, ведущий специалист, ООО «Научно–исследовательский институт археологии и древней истории Северного Кавказа» (г. Ставрополь, Россия); sirliahoff@mail.ru

BURIAL GROUND WITH SPURS FROM STEPPE KUMA REGION

S. V. Lyakhov

An archaeological expedition of State Unitary Enterprise “Heritage” headed by A.V. Lychagin conducted rescue excavations of Pokoinoye 2 burial mound in 2014. Burial 6 containing spurs was studied in barrow 12. The discovery of spurs is unique for medieval nomadic antiquities, and only two similar findings have been registered, exclusively in the territory of steppe Kuban region, and the discovery of the complex in the Middle Kuma region has expanded the geography of their distribution to the entire Steppe Ciscaucasia. Due to the lack of explicit chronological reference points, the Stavropol burial is currently dated 12th–14th centuries.

Keywords: Northern Caucasus, Stavropol Krai, Steppe Kuma region, Late Nomadic burial, spurs.

About the Author:

Lyakhov Sergey V. Research Institute of archeology and ancient history of the North Caucasus. Stavropol, Russian Federation; sirliahoff@mail.

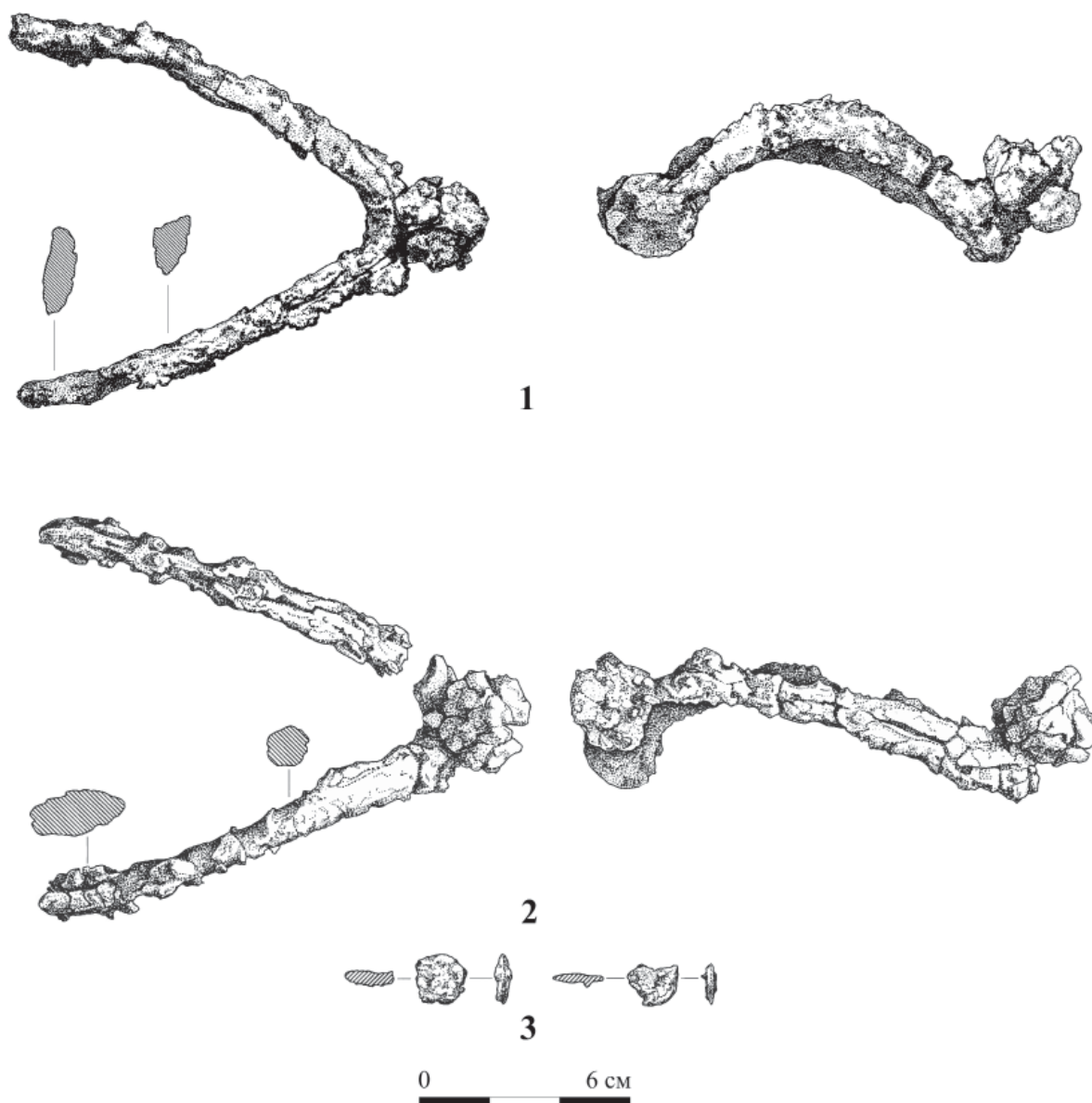

Рис.1. Ставропольский район. Будёновский район. Покойное 2. Погребение 6. Курган 12. 1 – шпора с правой ноги; 2 – шпора с левой ноги; 3 – шляпки заклёпок.

УДК 902.01

ЗОЛОТООРДЫНСКИЕ ШЛЕМЫ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ СТАВРОПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА ИМЕНИ Г. Н. ПРОЗРИТЕЛЕВА И Г. К. ПРАВЕ

© 2018 г. В. Ю. Макласов, Л. Э. Макласова, С. Л. Кравцова

В статье рассмотрены шлемы из разрушенных погребений золотоордынских воинов конца XIII – начала XIV века, хранящихся в фондах Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве. Сделана попытка проанализировать данные предметы защитного вооружения с экспериментально-практической точки зрения. Работа разделена на три части. В первой части рассмотрен шлем из погребения у г. Новопавловска, проведён анализ, выявлены конструктивные особенности шлема и приведены ближайшие аналоги, найденные на территории Северного Кавказа. Во второй части рассмотрен шлем из кочевнического захоронения у совхоза Семеновод. Данный шлем ранее рассматривался другими исследователями, дополнительное изучение сохранившихся элементов позволило выявить неточности интерпретации. В третьей части вводится в научный оборот ранее не опубликованный шлем, найденный у подножья скал Орленок, Верхний Архыз. Актуальность данной статьи в применении эмпирических и теоретических методов, с помощью которых удалось создать подробные графические реконструкции предметов исследования.

Ключевые слова: Золотая Орда, Северный Кавказ, погребения, шлемы, конструкция, реконструкция.

В последнее время остро звучит вопрос о сохранении средневековых погребальных памятников от разграбления, будь то случайное уничтожение при строительных работах, либо же намеренное. Основной задачей исследователей становится изучение и сохранение материала чудом избежавшего уничтожения. К таким объектам относятся шлемы из погребений у г. Новопавловска и совхоза Семеновод (с. Раздольное Новоалександровского р-на Ставропольского края). Оба погребения, в разное время подверглись разрушению в результате земляных работ на территории Ставропольского края. Изучением находок занимались М.В. Горелик, Н.А. Охонько, И.В. Отюцкий (Горелик, Отюцкий, Охонько, 2011), Е.И. Нарожный (Нарожный, 2012). К особой категории относятся случайные находки, один из примеров, это золотоордынский шлем XIII-XIV вв., найденный на берегу ручья у подножия скал Орленок в Верхнем Архызе в июле 1991 г.

Методы, используемые в исследовании это анализ и сравнение, с помощью которых были рассмотрены шлемы из Новопавловска и Семеновода и метод практического эксперимента, который позволил понять особенности конструкции и воспроизвести графические реконструкции предмета исследования. Эта база помогла более детально рассмотреть золотоордынские шлемы, распро-

страненные на территории Северного Кавказа.

В 1982 г., во время работ в глиняном карьере комбината производственных предприятий у г. Новопавловска случайно были разрушены остатки мавзолея и группа погребений (Охонько, 2011). Интересующее нас погребение 15, в котором находился шлем, было почти полностью уничтожено и описание внутреннего содержания погребения составлено по словам очевидцев: «На погребенном были шелковые одежды и изделия из кожи. Лежал он с наклоном на правый бок, головой на запад, лицом к югу. У головы располагался железный шлем с коническим верхом. В конусе сделано отверстие. По нижнему краю идет ряд мелких отверстий для крепления бармицы» (Охонько, 2011). Все найденные предметы археологии были переданы в Ставропольский краеведческий музей, о чем составлен акт приёма – сдачи к акту № 67 от 10 июня 1982 г., где в пункте 12 указан железный шлем¹ (инв. №21316). Другой, интересующий нас шлем, был найден при

¹ «Шлем железный, в фрагментах. Судя по остаткам, шлем имел коническую форму, с хорошо выделенным верхом, в котором имеется отверстие. Изнутри железо оплавлено от сильного огня. Весь шлем сильно корродирован. Вследствие оплавленности и коррозии поверхность неровная и бугристая. Предполагаемая высота шлема 20 см. диаметр по нижнему краю 19 см.»

таких же обстоятельствах в 1979 г. на территории совхоза Семеновод, описание погребения, опять же, сделано со слов строителей: «Покойник лежал на глубине 2 м, головой на восток. Слева от него лежала железная кольчуга, на груди – железный шлем, справа от черепа – железные наконечники стрел» (Горелик, Отюцкий, Охонько, 2011). Из 56 предметов, переданных в Ставропольский краеведческий музей, 11 составляли фрагменты шлема (инв. №19944/28-36) согласно акту приёма – сдачи № 30 от 20 июня 1979 г. Опишем более подробно оба шлема.

Железный шлем из Новопавловска сохранился в 4 фрагментах (рис. 1.2). Его предположительная высота – 20 см, диаметр по нижнему краю – 18 см. Из сохранившихся элементов мы выявили, что шлем был сфероконической формы, изготовлен из двух листов железа, верхняя коническая часть высотой 12 см была свёрнутая из листа и завершалась сквозным отверстием диаметром 10 мм (на сохранившемся элементе тульи из-за сильной коррозии, шовковки не просматривается) и нижняя часть, высотой 9,8 см. Части шлема были соединены методомковки и заклёпок (рис. 1.1а), это видно на самом большом фрагменте шлема, с внутренней стороны просматривается горизонтальное соединение двух частей, при том верхняя перекрывает нижнюю на 2 см, у нижней кромки сохранившегося фрагмента шлема располагаются крепления бармицы на расстоянии от 2,2 см до 2,9 см (рис. 1.1б), одно крепление сохранилось полностью с кольцом диаметром 8 мм, остальные сохранились фрагментарно. Подобные шлема были найдены на Северном Кавказе: Келийский могильник погребение 67 (Нарожный, 2012), Калиновская 82 курган 10 (Чхаидзе, Дружинина, 2008). Учитывая схожесть изготовления данных шлемов предполагаем, что на шлеме из Новопавловского могильника погребения 15 присутствовал козырёк, характерный для золотоордынских шлемов XIII–XIV вв. (рис. 1.1).

Шлем из совхоза Семеновод был ранее подробно рассмотрен Е.И. Накожным (Нарожный, 2011), поставлен под сомнение в правильности интерпретации некоторых фрагментов, а именно полумаски, С.Ю. Каиновым и Ю.А. Кулешовым (Каинов, Кулешов, 2014) и повторно проанализирован Е.И. Накожным с учетом критики (Нарожный, 2017). Это побудило нас исследовать его более подробно.

В первую очередь мы обратились к акту приёма-передачи, согласно которому, принято на постоянное хранение 11 фрагментов шлема из которых 2 были атрибутированы неверно. Обратим внимание на деформацию объекта исследования, за счёт чего его геометрия была нарушена. Соединив 9 фрагментов шлема, мы получили сфероконическую форму, с частично сохранившийся лицевой частью. Шлем выкован из одного листа железа толщиной 1-1,5 мм, высота - 19 см, диаметр по нижнему краю 21 см. С боковых и затылочной частей шлема по нижнему краю просматриваются 6 отверстий диаметром 3-4 мм, расстояние между ними от 5 до 6 см (данные отверстия служили для крепления бармицы) (рис. 2.2а). По бокам, ближе к лицевой части на высоте 2,2 см от кромки шлема, сохранилось крепление с кольцом диаметром 1 см (рис. 2.2б), для крепления подбородочного ремешка. Предполагаем, что к верху шлема был прикован шпиль или навершие с кольцом, о чём свидетельствует округлое уплощение сверху и следы расклёпанного фрагмента стержня шпиля (?). Сверху лицевой части шлема сохранились два ромба из бронзы (?) размером 1,5 на 1 см, назначение их неизвестно и требует дополнительного исследования. Фрагменты шпиля и полумаски нами не были обнаружены, костяной элемент с луновидной пластиной не прилегает к шлему (рис. 2.3) как изображено на реконструкции Е.И. Нарожного (Нарожный, 2011, рис. 4). Стоит согласиться с выводами С.Ю. Каинова и Ю.А. Кулешова об ошибочности интерпретации некоторых фрагментов шлема из совхоза Семеновод. Поступившие на постоянное хранение элементы относятся к куполу шлема и мы предполагаем, что у него был козырёк, в подтверждении этому приведём в пример ближайшие аналогии – шлем, хранящийся в Венгерском национальном музее (Kovacs, 2003), (Горелик, 2003), и кочевническое погребение 1 из кургана 13 в Калининском районе Краснодарского края (Нарожный, Чхаидзе, 2012), которые произведены по схожей технологии.

В научный оборот вводится шлем (инв. №28666), случайно найденный у скал Орленок (рис. 3) и переданный в Ставропольский краеведческий музей К.С. Кремневым в 1994 г., о чем составлен акт приема № 57 от 19 ноября 1994 г. Данный шлем яйцевидной формы, состоящий из четырёх секторов, соединённых между собой заклёпками по пять на каждое соединение. Толщина шлема 1 мм, высота 16,5 см, основание оваль-

ное радиус в широкой части 20,3 см в узкой 16,5 см, по бокам находятся отверстия диаметром 3 мм, предназначенные для крепления подбородочного ремешка. Данный тип шлема, яйцевидной формы, состоящей из четырёх сегментов характерен для Золотой Орды и распространён на территории Северного Кавказа в XIII–XIV вв. (Горелик, 2017).

Подводя итоги можно сделать следующие выводы. Данные шлема являлись частью защитного вооружения. Изготавливались методомковки по единой технологии и имели широкое распространение, что подтверждается находками не только на Северном Кавказе, но и на всей территории Золотой Орды.

ЛИТЕРАТУРА

Горелик М.В. Шлемы и фальшьоны: два аспекта взаимовлияния монгольского и европейского оружейного дела // Степи Евразии в эпоху средневековья. Т. 3: Половецко-золотоордынское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2003. С. 231–244

Горелик М.В. Черкесские воины Золотой Орды (по археологическим данным) // Археология евразийских степей. 2017. № 5. С. 280–302.

Горелик М.В., Отоцкий И.В., Охонько Н.А. Погребение знатного воина раннезолотоордынского времени в Ставропольском крае // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. 2011. № 1. С. 98.

Каинов С.Ю., Кулешов Ю.А. Боевые полумаски Восточной Европы в свете последних находок и новых исследований // Stratum plus. 2014. № 6. С. 83–98.

Нарожный Е.И. Шлем из разрушенного кочевнического захоронения у посёлка Семеновод // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. Казань. 2011. Вып. 1. С. 101.

Нарожный В.Е. Погребение № 67 Келийского могильника (горная Ингушетия) // ПА. 2012. №2. С. 175–183.

Нарожный Е. И., Чхаидзе В. Н. Золотоордынское воинское погребение в Калининском районе Краснодарского края // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. 2012. № 1–2 (№ 4–5). С. 104.

Нарожный Е.И. Шлем из раннедзугидского захоронения у сел. Семеновод (Ставрополье) // Археология евразийских степей. 2017. № 5. С. 67–73.

Охонько Н.А. Могильник монгольского времени у г. Новопавловска Ставропольского края // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. Казань. 2011. Вып. 1. С. 91.

Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. Средневековое кочевническое погребение из Калиновского курганного могильника в Ставропольском крае // Археологический журнал. №II. Армавир, 2008. С. 82.

Kovacs S. T. Egy keleti dlszsisak a tatarjdrds korabol // A Mbra Ferenc Muzeum Evkonvve. Studia Archaeologica. Szeged, 2003. Т. 9. Р. 367.

Информация об авторах:

Макласов Вадим Юрьевич, исследователь-реконструктор (г. Ставрополь, Россия).

Макласова Людмила Эдуардовна, аспирантка Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета, лаборант-исследователь Музея археологии Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); maklasova_luda@mail.ru

Кравцова Светлана Леонидовна, заведующая отделом археологии Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве (г. Ставрополь, Россия).

THE GOLDEN HORDE HELMETS FROM THE FUNDS OF THE STAVROPOL STATE MUSEUM–RESERVE NAMED AFTER G.N. PROZRITELEV AND G.K. PRAVE

V. Yu. Maklasov, L. E. Maklasova, S. L. Kravtsova

The article deals with helmets from the burials of the noble Golden Horde warriors of the late 13th century beginning of the 14th century, stored in the funds of the Stavropol State Museum-Reserve named after G.N. Prozritelev and G.K. Prave. An attempt is made to analyze these items of protective weapons from the experimental and practical point of view. The main focus is on burials in the city of Novopavlovsk and the village. The Seedman. Both burials were destroyed as a result of earthworks in the territory of the Stavropol Territory. The work is divided into two parts. In the first part, a helmet was examined from the burial place near Novopavlovsk, an analysis was made, structural features of the helmet were revealed, and the closest analogues found in the North Caucasus were shown. In the second part, a helmet from a nomadic burial ground near Semenovod is considered. This helmet was previously considered in another work, which led to an additional study of the surviving elements and the detection of inaccurate interpretation. The relevance of this article in the application of empirical and theoretical methods, through which it was possible to create detailed graphic reconstructions and copies with preservation of the original sizes of subjects of research.

Keywords: Golden Horde, burials, helmets, construction, reconstruction, researchers.

About the Authors:

Maklasov Vadim Yu. the researcher–reconstructor, Stavropol, Russian Federation.

Maklasova Lyudmila E. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; maklasova_luda@mail.ru

Kravtsova Svetlana L. Stavropol State Museum–Reserve named after G.N. Prozritelev and G.K. Prave; Dzerzhinskiy St., 135, Stavropol, 355035, Russian Federation.

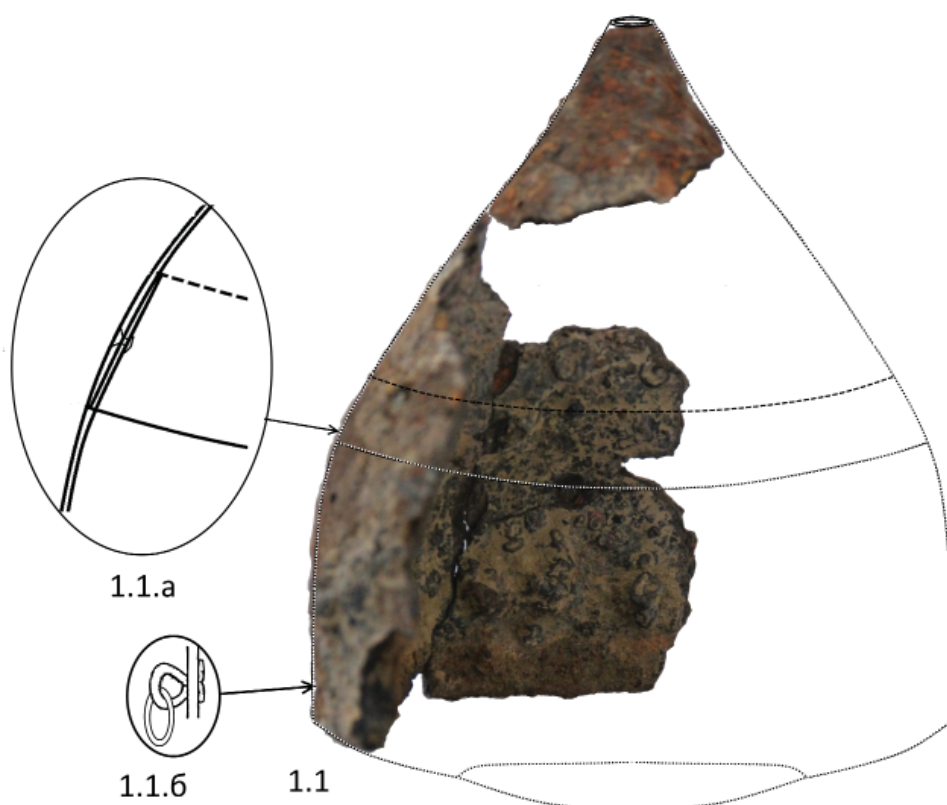

Рис. 1. Шлем из разрушенного захоронения у г. Новопавловска.

1.1 Графическая реконструкция шлема с наложением сохранившихся элементов. 1.1.a Соединение верхнего и нижнего элемента шлема. 1.1.6 Крепление бармицы. 1.2 Сохранившиеся фрагменты шлема.

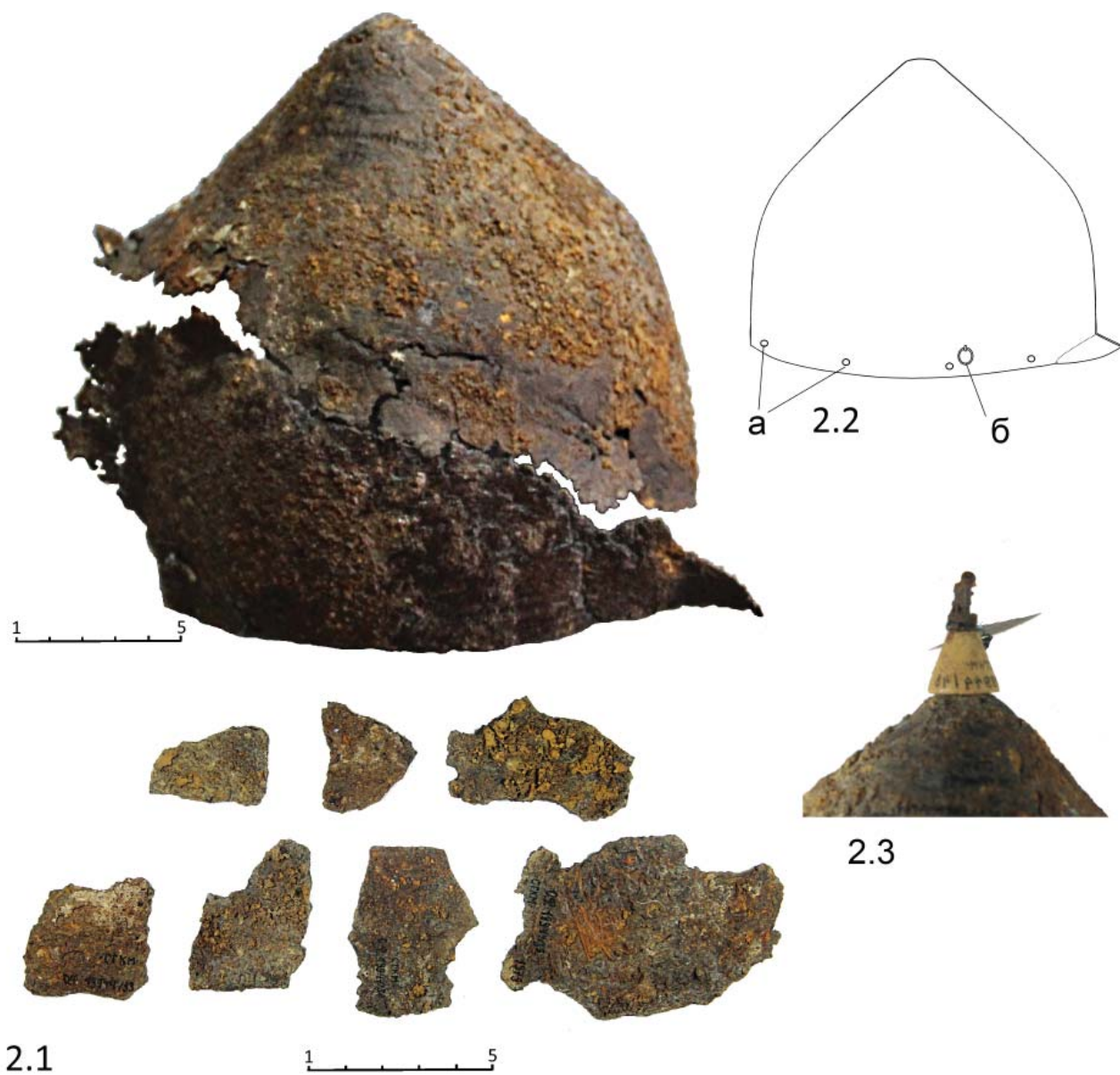

Рис. 2 Шлем из захоронения у совхоза Семеновод.

2.1 Сохранившиеся фрагменты шлема. 2.2 Графическая реконструкция. 2.2а отверстия для крепления бармицы. 2.2б Элемент крепления подбородочного ремешка. 2.3 Пример установки костяного элемента с луновидной пластиной на шлеме.

3

Рис. 3 Шлем, найденный у подножья скал Орленок (Верхний Архыз).

УДК 902.01

КОНСТРУКЦИЯ МОНГОЛЬСКОГО ГОЛОВНОГО УБОРА «ГУ–ГУ»
В ДИНАСТИИ ЮАНЬ

© 2018 г. Л. Э. Макласова

В данной статье сделана попытка проанализировать монгольские женские головные уборы «гу-гу» по археологическим, изобразительным и письменным источникам, рассмотрена проблема интерпретации некоторых его элементов. Особое внимание акцентируется на конструкции головного убора, характерном для династии Юань. Рассмотрены широко известные автору источники («Юн лэ да дань», Плано Карпини, Гильомо Рубрук, Чжао Хуна, Пэн Да-я, Сюй Тина, мандала Ямантаки, портреты императриц из собрания Национального дворцового музея Тайбея и археологические находки из Телеутского Взвоза I, Хонгора погребение 2, фонда Марджани) и работы современных исследователей данного вопроса. Был применен не только эмпирический и теоретический методы, с помощью которых, удалось воссоздать наиболее приближенную к оригиналу графическую реконструкцию головного убора «гу-гу», воспроизвести сам предмет исследования, понять конструктивные особенности и ошибочность интерпретации, допущенную в других работах.

Ключевые слова: Монгольская империя, гу-гу, бокка, источники, конструкция, головной убор, сборка, реконструкция.

На протяжении долгого времени тема особенностей конструкции головного убора «гу-гу» (бокка) в Монгольской империи не поднималась вовсе, или поднималась, но крайне скудно. Разные исследователи, на заре повышенного интереса к монгольской культуре, либо просто фиксировали факт нахождения и хранения женского головного убора, либо не шли дальше описательной и художественной части. Многие современные исследователи, М.В. Горелик (Горелик, 2014), З.В. Доде (Доде, 2008), А.Г. Юрченко (Юрченко, 2012), Р.Р. Каримова (Каримова, 2013), в своих работах уделили внимание больше форме и декору нежели конструктивной части. В настоящее время немногие исследуют данную тематику, так А.А. Тишкин, С.А. Пилипенко подробно отнесли к описанию конструкции (Тишкин, Пилипенко, 2016). В совокупности с проблемой плохой сохранности, деформацией и разрушением основы головного убора возникают неправильные интерпретации, что ведет к созданию новых форм берестяных каркасов «гу-гу» (Макласова, 2017).

Цель исследования заключается в выяснении особенностей конструкции головных уборов в династии Юань с помощью различных источников. Проанализировав данную часть гардероба из нарративных документов «Юн лэ да дань» (Полное описание... 1975), Плано Карпини (Карпини, 1957), Гильомо Рубрука (Рубрук, 1957), Чжао Хуна, Пэн Да-я и Сюй Тина (Золотая орда... 2009), художественных изображений императриц Буда-

шири и Бабушу с мандалы Ямантаки¹ (Уотт, 2010), с портретов императриц из собрания Национального дворцового музея Тайбея (Ван Яо-тин, 2005), археологических находок – головной убор из фонда Марджани (Горелик, 2014), Телеутский Взвоз I погребение 9 (Тишкин, Горбунков, 2002) и Монголия аймак Дархан уул, Хонгор погребение 2 (Эрдэнэбат, 2010). Удалось выяснить интерпретацию некоторых элементов головного убора замужней женщины в династии Юань.

Методологической основой для достижения поставленной цели стал анализ и сравнение, с помощью которых получилось рассмотреть предмет исследования. Актуальным в изучении конструкции «бокки» стал метод практического эксперимента, который позволил понять особенности и воспроизвести головные уборы из фонда Марджани (Горелик, 2014), Телеутский Взвоз I (Тишкин, Горбунков, 2002) и Хонгор (Эрдэнэбат, 2010). Эта база помогла более детально рассмотреть «бокку» или «гу-гу», головной убор, распространенный на территории Монгольской империи в XIII–XIV вв.

«Каждая эпоха создаёт свой эстетический идеал, свои нормы красоты» (Захаржевская, 2004). С начала XIII в. головной убор знатных монгольских замужних женщин назывался «гу-гу», «боктаг» или «бокка». Он был настолько необычной формы, что некоторые европейские путешественники сравнива-

¹ Mandala of Yamantaka-Vajrabhairava, ca. 1330–32. The Metropolitan Museum of Art. Detail of figure 146 showing Budashiri and Babusha (bottom right).

ли его с солдатским шлемом (Рубрук, 1957), а в китайских источниках можно найти сравнение с гусем или уткой (Полное описание... 1975). Это дорогой, высокий, обращающий на себя внимание убор. Основой его служит сложная конструкция из бересты, усиленная каркасом из прутьев, которая сшивалась сухожильными или шелковыми нитками. Выполненный в форме "ствола" с "капителью", обтянутый шелком, дополненный, тканевыми шапочками, различными ювелирными украшениями, и перьями. «Гу-гу» упоминается в большом количестве литературных произведений той эпохи, как китайских, так и европейских (причем европейские одни из самых конструктивных).

Китайский посол Чжао Хун, в 1221 г. побывавшем в Яньцзине описывал «гу-гу» так: «А все жены вождей имеют шапку гу-гу. Эта шапка сплетается из проволоки и высотой свыше 3-х чи, её украшают тёмно-коричневыми узорчатыми вышивками или жемчугом и золотом. Сверху на ней ещё имеется палочка, торчащая вертикально» (Полное описание... 1975). В посольских дневниках Пэн Да-я с комментариями Сюй Тина: «Женщины носят на макушке гу-гу... В изготовлении используется раскрашенное дерево в качестве каркаса, который обертывают красным тонким шелком и золоченой шелковой тканью» (Золотая орда... 2009). Оба автора говорят об одном и том же головном уборе, который называют «гу-гу», материалом для его изготовления служит дерево (береста), так же упоминается сплетенный из проволоки каркас, высота такого головного убора в совокупности со всеми элементами превышала 1 м.

В отличие от китайских, европейские путешественники, в середине XIII в., побывавшие в большом количестве мест Монгольской империи, от Сарая до Каракорума и зафиксировали «бокку» как нечто «круглое, расширяющееся кверху, заканчивающийся четырехугольником, длиной в локоть и выше» (Рубрук, 1957), (Карпини, 1957). Так, в книге «Путешествие на Восток» (1253-1255) Гильом Рубрук довольно подробно и образно описал «бокку» (Рубрук, 1957)². Он первый стал использо-

² «Кроме того, они носят украшение на голове, именуемое б о к к а, устраиваемое из древесной коры или из другого материала, который они могут найти, как более легкий, и это украшение круглое и большое, насколько можно охватить его двумя руками; длиной оно в локоть и более, а вверху четырехугольное, как капитель колонны. Эту бокку они покрывают драгоценной шелковой тканью; внутри бокка пустая,

вать архитектурные термины при описании данного головного убора – «капитель колонны», которые сегодня используют современные исследователи. В своей работе мы будем применять данные термины, представляя, что берестяной каркас «бокки» это «колонна», разделенная на «ствол», т.е. нижнюю цилиндрическую часть и «капитель» верхнюю расширяющуюся часть. Описание Рубрука (Рубрук, 1957) полностью соответствует описанию головного убора Плано Карпини³ (Карпини, 1957), мы считаем, что европейские путешественники, так же говорили про один вид головного убора (на китайских картинах эпохи Юань и на персидских миниатюрах, изображающих монголов, часто можно встретить такой убор). Из чего мы можем сделать вывод, что на территории монгольской империи до разделения на отдельные государства существовал один тип «бокк» и мы считаем, что, в Золотой Орде со временем он преобразился из «капителиобразного» (Пилипенко, 2013) в головной убор «сапожкового» типа, а в династии Юань он остался прежним.

Изобразительные источники подтверждают единообразие головных уборов, но в зависимости от школ и стилистик рисования «бокки» изображались с различной степенью детализации. Как пример возьмём портреты императриц из собрания Национального дворцового музея Тайбея, с мандалы Ямантаки, стенопись склепа и буддийского пещерного храма № 14 в Дунэрсун, у.

а в середине над капителью, или над упомянутым четырехугольником, они ставят прут из стебельков, перьев или из тонких тростинок длиной также в локоть и больше. И этот прут они украшают сверху павлиньими перьями и вдоль кругом перышками из хвоста селезня, а также драгоценными камнями. Богатые госпожи полагают это украшение на верх головы, крепко стягивая его меховой шапкой, имеющей в верхушке приспособленное для того отверстие. Сюда они прячут свои волосы, которые собирают сзади кверху головы, как бы в один узел, и полагают в упомянутую бокку, которую потом крепко завязывают под подбородком. Отсюда, когда много господ едет вместе, то, если смотреть на них издали, они кажутся солдатами, имеющими на головах шлемы с поднятыми копиями. Именно бокка кажется шлемом, а прут наверху копьем».

³ «На голове же они носят нечто круглое, сделанное из прутьев или из коры, длиной в один локоть и заканчивающееся наверху четырехугольником, и снизу доверху этот [убор] все увеличивается в ширину, а наверху имеет один длинный и тонкий прут из золота, серебра или дерева или даже перо; и этот [убор] нашит на шапочку, которая простирается до плеч».

Бунчэнсянь, пр. Шанси и Тебризскую миниатюру из «альбома Дица» (Горелик, 2010). В обоих случаях стенописи художником показан один вид «бокки», а именно со «стволом» и «капителью». И если головной убор со стенописи склепа имеет узнаваемую, четкую прорисовку конструкции, подтвержденную археологическими источниками, то «бокка» со стенописи пещерного храма показана более схематично и основной упор автором сделан на её украшения. Иранская миниатюра не ставила перед собой задачу детального сходства объекта изображения, поэтому женские головные уборы написаны однотипными для всех присутствующих дам и менее похожими на «капителеобразные» чем изображенные на стенописи. Официальные портреты императриц из дворцового музея и с мандалы Ямантаки изображены крупным планом и имеют четкую, проработанную детализацию всех элементов «бокки», от узнаваемой формы «ствола» с «капителью» до украшений и завязок. Как вывод, изобразительных источников большое разнообразие, головные уборы могли изображаться на них как примитивно и схематично, так и детально, но без критики и применения в исследованиях других видов источников не следует рассматривать изучаемый объект и воспринимать каждую изображенную «бокку» как новый тип.

Говоря о конструкции, основой головного убора служил берестяной каркас, усиленный тонкими деревянными прутками. Берестяной каркас был разных размеров в зависимости от статуса владелицы. Как описывалось в «Юн лэ да дань» (Полное описание...1975), «гугу высшей категории большая, следующая средняя, а следующая маленькая», что подтверждают археологические находки. М.В. Горелик согласен с этим и считал, что различные формы и размеры «бокки» указывают на принадлежность к разным социальным и этническим группам⁴ (Горелик, 2014).

Разберем некоторые отличия берестяных каркасов «гу-гу» на примере

⁴ «Еще раз подчеркнем, что такие признаки деталей бохтог, как разные размеры и конфигурации трубы и раструба, ярко выраженные и на археологических экземплярах, и на изображениях, свидетельствуют об этнических, социальных, но никак не территориальных различиях, так как все признаки параллельно существуют, что отмечено и письменными, и изобразительными источниками в самых разных регионах империи Чингизидов».

уборов разной сохранности и величины: большая «бокка» из коллекции фонда Марджани (Горелик, 2014), средние найденные на территории Монголии (аймак Дархан уул, Хонгор погребение 2 и 11, аймак Баян – Улгий, Буянт) (Эрдэнэбат, 2010), Киргизстана (Боз-Адыр курган 38), из Музея Внутренней Монголии г. Хух-Хото (Су Донг, 2001) и маленькие – Телеутский Взвоз 1 (погребение 9) (Тишкин, Горбунов, 2002), Крохалёвка 5 (Марченко, Гришин, 2015) и Боз-Адыр (курган 11) (Орозбекова, Акматов, 2016). Главное отличие — это размер. Величину и форму «бокки» устанавливал каркас, стоит отметить, что он является определяющим фактором внешнего вида головного убора. Берестяной каркас состоял из «колонны» («ствол» которой может быть как цилиндрической формы, так и расширяющийся к верху) и «капители». «Капитель» могла состоять из 3, 5 и 9 элементов, быть симметричной, ассиметричной (с наклоном вперёд за счёт разности длин передних и тыльных элементов). Все части вырезались с соблюдением рисунка, для увеличения прочности конструкции и облегчения сшивания. В случае, когда «гу-гу» маленькая, как писалось выше, мог использоваться дополнительный элемент в виде берестяной «воронки» (или «фески»⁵ (Мыськов, 2015)). Данный элемент подшивался к колонне обеспечивая устойчивость конструкции на голове. Такую «воронку» имели «бокки» из Телеутского Взвоза 1, могильников Ближние Елбаны-VI и Басандайк (Макласова, 2017).

Внутренний каркас очень редко сохранялся, в отличие от бересты. Для выявления месторасположения колец внутреннего каркаса мы провели анализ трёх «бокк», с разной степенью сохранности – из коллекции фонда Марджани, аймака Баян – Улгий, Буянт, Музея Внутренней Монголии г. Хух-Хото, и создали схему их расположения. Внутренние усиленные каркаса «ствола» состояло из двух, трех прутьев, согнутых в кольца, они могли быть одинарными или двойными. В головном уборе из Внутренней Монголии для усиления «ствола» использовались 3 кольца (Су Донг, 2001), в «бокках» из фона Марджани (Горелик, 2014) и аймака Баян – Улгий – 2 кольца (Эрдэнэбат, 2010) (а наличие отверстий на «стволе» каркаса «бокки» возможно подразумевает использование вертикальных прутьев). Помимо усиления «ствола» «бокки» укрепляли «капитель» 9-ю прутками, по 3 прутка

⁵ Шапочка в виде усечённого конуса с кисточкой, головной убор в некоторых странах Ближнего Востока.

на переднюю и заднюю часть «капители» и 3 на крышку «капители» (рис.1.4). В рассматриваемых «бюбках» сохранность «капители» различна: из фонда Марджани сохранилась полностью с внутренним каркасом⁶ (Горелик, 2014), в головном уборе из Музея Внутренней Монголии сохранилась передняя и задняя часть «капители» усиленная 6 прутиками каждая (Су Донг, 2001), в «бюбке» из аймака Баян –Улгий сохранилась задняя часть «капители» и крышка, из усиления «капители» частично сохранились 5 прутиков, прижатых верхним кольцом «ствола» (Эрдэнэбат, 2010). Как вывод можно сказать, что «ствол» и «капитель» укреплялись кольцами и прутиками, количество которых варьировалось. Это нужно было не только для усиления, но и для поддержки формы берестяной конструкции.

С помощью практического эксперимента была выявлена правильность сборки и установки элементов конструкции, сопоставлена с оригиналами графическая часть работы с учетом деформации бересты. Так же, была проведена проверка правильности прорисовок сохранившихся элементов каркасов «бюбок» в работах других исследователей. Для этого были выбраны каркасы Марджани, Телеутский Взвоз I погребение 9 и Хонгор погребение 2. Данные головные уборы отличаются размерами и различным конструктивным исполнением.

«Бюбка» из коллекции фонда Марджани самая высокая – 38-40 см, диаметр «ствола» – 9 см, и согласно «Юн лэ да дань» является «гу-гу» высшей категории...» (рис.1.1). Её главное отличие от остальных – 3 элемента «капители», а не 9 как в других «бюбках» (передняя, задняя и крышка «капители» объединены с боковыми). Каркас головного убора из Хонгора, средней высоты – 32 см, нижний диаметр «ствола» 8,4 см, полностью сохранились все

⁶ «Богтаг состоит из цилиндрического «ствола» и трапецевидной при взгляде с боку «капителью». В плане она, судя по донцу, имеет вид вытянутого прямоугольника, с скруглёнными короткими сторонам. Донце несколько наклонено в перёд за счёт того, что задняя опора менее отогнута назад, нежели передняя опора отогнута вперёд, к тому же задняя опора немного короче передней. Чтобы берестяной каркас был прочнее, был применён внутренний каркас из прутьев. Они согнуты в кольца, были закреплены нитями при верхнем и нижнем краях трубы. А к верхнему кольцу были прикреплены прутья, поддерживающую форму капители. Все вырезанные из бересты детали сшиты нитками».

элементы берестяного каркаса, но внутренний, усиливающий – не сохранился (Эрдэнэбат, 2010) (рис. 1.2). Этот убор типичный и самый часто встречающийся в размерном ряде и в количестве элементов для «капителеобразных» головных уборов. «Гу-гу» из Телеутского

Взвоза I самая маленькая из трех «бюбок» – расчетная высота реконструированного убора с учетом «воронки» 28 см. Она представляла собой отдельные части головного убора: «ствол», «воронка» и берестяные детали – всего 13 элементов. Проанализировав фотографии этих элементов и произведя реконструкцию, была выявлена ошибочность интерпретации «воронки», как навершия «бюбки» с «воронкообразным» расширением, т. к. это «бюбка» сложной конструкции с воронкообразным основанием (Макласова, 2017) (рис. 1.3). Так как «ствол» состоял из 2-х слоёв бересты, усиление его прутиками, предположительно, не использовалось. Прутиками усиливали «капитель» колонны, но они не сохранились. В процессе анализа и реконструкции «бюбок» была восстановлена конструкция головного убора из Телеутского Взвоза I, окончательная сборка показала правильность конструкции.

Подводя итоги можно сделать следующие выводы. Изучив письменные и изобразительные источники, мы выявили достаточно упоминаний о головном уборе династии Юань. Он был не только необычной конструкции, но и крайне сложен в изготовлении, что говорит о нем как о высоком знаковом предмете в гардеробе замужней монгольской женщины. Все источники говорят об одном виде «бюбки», в основе своем имеющим «капителеобразную» форму, т.е. имеющим «ствол» и расширяющуюся к верху «капитель», с внутренним усиливающим каркасом. Взятые за основу анализа «бюбки» из коллекции фонда Марджани, Телеутского Взвоза I и Хонгора показали схожесть в конструкции, но отличие размерами и некоторыми деталями, из которых главным являются «воронка» и парные декоративные пятиугольные детали в головном уборе из Телеутского Взвоза I. На основе анализа нами были воссозданы предметы исследования: проведена реконструкция трех «бюбок» с сохранением размеров и выявлена не только графическую конструкцию, но и правильность сборки с проверкой прорисовок элементов «бюбки» в найденных археологических памятниках.

ЛИТЕРАТУРА

Горелик М.В. Введение в раннюю историю монгольского костюма (X–XIV вв., по изобразительным источникам) // Батыр. 2010. №1. С. 16–79.

Горелик М.В. Уникальные комплексы татарских и монгольских костюмов и аксессуаров XI–XIV вв. из частных собраний. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 13 / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2014. С. 75–262.

Захаржевская Р.В. История костюма. 4-е изд. дораб., доп. М.: РИПОЛ классик, 2009. 432 с.

Доде З. В. К вопросу о боктаг // РА. 2008. № 4. С. 52–63.

Золотая Орда в источниках. Том 3. Китайские и монгольские источники / Пер. Р.П. Храпачевского. М.: Наука. 2009. С. 36.

Каримова Р.Р. Элементы убранства и аксессуары костюма кочевников Золотой Орды (типология и социокультурная интерпретация) / Археология евразийских степей. Вып. 16. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ. 2013. 212 с.

Карпини, Джиованни дель Плано. История монгалов, именуемых нами татарами // Джиованни дель Плано Карпини. История Монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны / Пер. А. И. Малеина. М.: Государственное издательство географической литературы. 1957. С. 130.

Макласова Л.Э. Проблемы интерпретации некоторых деталей берестяной конструкции бокки на примере женского головного убора из курганного могильника Телеутский взвоз–I (опыт реконструкции) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2017. Том 3 (69), № 3. С. 130–135.

Марченко Ж.В., Гришин А.Е., Кишкурно М.С., Галямина Г.И., Назарова Л.В. Новые данные по памятникам Крохалёвского археологического микрорайона (Новосибирское Приобье), Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий, Учреждение Российской академии наук Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Новосибирск, 2015. С. 21, 297–306.

Мыськов Е.П. Кочевники Волого–Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград : Изд-во Волгоград. филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. 484 с.

Орозбекова Ж., Акматов К. Т. Женские головные уборы у населения Тянь–Шаня в монгольскую эпоху // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, № 5. С. 174–186

Пилипенко С.А. Бокка сложной конструкции из курганного могильника Телеутский Взвоз– I в Степном Алтае (технологичный аспект) // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4/2. С. 84–87.

Полное описание монголо–татар. Мэн–да Бэй–лу. М.: Наука. 1975. С. 80–81.

Рубрук, Гильом де. Путешествие в восточные страны // Джиованни дель Плано Карпини. История Монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны / Пер. А. И. Малеина. М.: Государственное издательство географической литературы. 1957. С. 80–100.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А. Курганный могильник Телеутский Взвоз–I и культура населения Лесостепного Алтая в монгольское время. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 276 с.

Тишкин А.А., Пилипенко С.А. О возможности реконструкции женских головных уборов монгольского времени (по материалам берестяных находок на памятнике Телеутский Взвоз– I в Верхнем Приобье) // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 5 (43). С. 20–24.

Юрченко А.Г. Элита Монгольской империи: время праздников, время казней. СПб: ЕВРАЗИЯ, 2012. 432 с.

Эрдэнэбат У. Богтаг малгайн чимэглэл. // Оюуны хэлхээ. 2010. №1 (06), Fasc. 10, С. 71–113.

Wang Yao–t'ing (Ван Яо–тин). Die Darstellung der mongolischen Herrscher in der chinesischen Malerei der Yuan–Dynastie // Dschingis Khan und seine Erben. Bonn/Munchen, 2005. (Изображение монгольских правителей в китайской живописи династии Юань // Чингисхан и его наследники. Бонн. Мюнхен, 2005) S. 298–411 (на нем. яз.)

James Watt. 2010. The World of Khubilai Khan: Chinese Art in the Yuan Dynasty. New York: Metropolitan Museum of Art.

苏东 (Су Донг). 一件元代姑姑冠. 内蒙古文物考古 (Головной убор Династии Юань. Внутренняя Монголия. Культурные реликвии и археология). Хух–Хото, 2001(2). С. 99–100 (на кит. яз.)

Информация об авторе:

Макласова Людмила Эдуардовна, аспирантка Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета, лаборант–исследователь Музея археологии Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); maklasova_luda@mail.ru

THE DESIGN OF THE MONGOLIAN HEADDRESS "GU–GU" IN THE YUAN DYNASTY

L. E. Maklasova

In this article we tried to analyze the women Mongol Bokka headdresses, according to archeological, written and art sources. Also, the problem was discussed of some bokka's elements interpretation. The special attention was given to a type of the headdress construction, which was common to the Yuan dynasty. In order to reveal the peculiarities of the cutting and of the headdress assembling order, in this work not only the well-known sources, but also the contemporary investigations of the given question were discussed. The given article actuality is that not only the empirical and theoretical methods were used, which helped to reconstruct the bokka's graphic reconstruction, maximally close to the original, but also the experimental and practical methods, by the help of which the very subject of the investigation was reproduced and the construction peculiarities and mistakes of the other works were understood.

Keywords: Mongol Empire, bokka, gu-gu, sources, construction, assembling, reconstruction.

About the Author:

Maklasova Lyudmila E. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; maklasova_luda@mail.ru

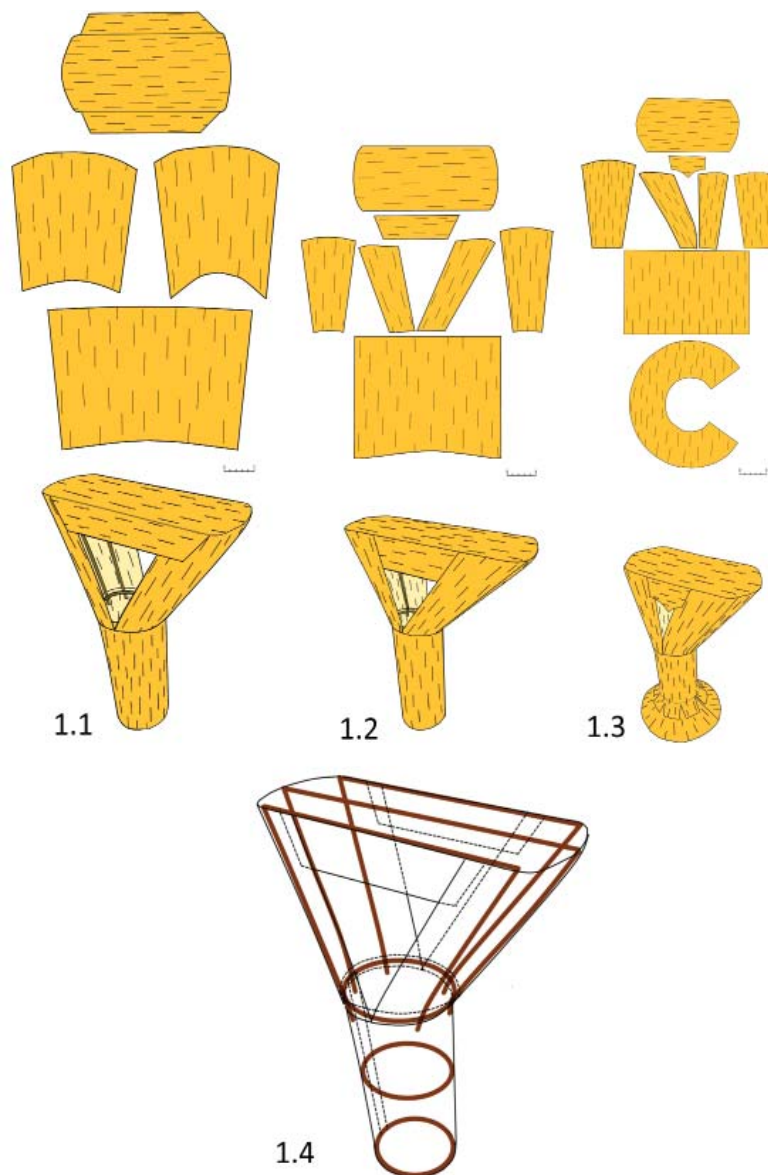

Рис. 1. Графическая реконструкция берестяных каркасов головных уборов «гу-гу»: 1.1. из фонда Марджани, 1.2. из Хонгора погребение 2, 1.3. из Телеутского Взвоза I погребение 9, 1.4. графическая реконструкция расположения прутьев внутри берестяного каркаса.

УДК 902/904

ПЕРЕРАБОТКА ЗЕРНА В АЗАКЕ В XIV В.

© 2018 г. А. П. Минаев

В ходе археологических раскопок на территории г. Азова одной из многочисленной категории находок являются каменные жернова от мельниц. Легкие ручные мельницы являются специализированными орудиями, предназначенными для перемалывания зерна. На настоящий момент нет единой классификации жернового постава. Предпринимались отдельные попытки систематизировать жернова по характерным признакам. На настоящий момент наиболее разработанная классификация принадлежит Р.С. Минасян. Он выделил три группы жернового постава – со сквозными отверстиями в обоих камнях, с отверстием в одном камне, а так же со сквозными отверстиями и выемкой на верхнем камне. Классификации других исследователей не дают полной картины развития жернового постава. В Азаке получила распространение III группа жернового постава со сквозными отверстиями, выемкой для рукояти и пазом для порхлицы. Среди материала изготовления жерновов в городе преобладает песчаник. В меньшем количестве получили распространение ракушечник и конгломерат. В ходе раскопок найдены остатки конструкций и отдельные крупные жернова, указывающие на наличие в Азаке ветряных мельниц. Появление такого рода мельниц указывает на выделение мукомольного дела в отдельное ремесло. Однако в городе по-прежнему широкое распространение имел домашнее мукомольное производство.

Ключевые слова: Азак, Золотая Орда, жернов, ветряная мельница, жерновой постав.

В ходе археологических раскопок на территории г. Азова одной из многочисленной категорий находок являются каменные жернова от мельниц. Легкие ручные мельницы являются специализированными орудиями, предназначенными для перемалывания зерна.

Считается, что появление ротационной мельницы относится к середине I тыс. до н.э. и связано с Древней Грецией (Минасян, 1978, с. 103). В V–IV вв. до н. э. с греческими переселенцами жерновой постав проникает в Северное Причерноморье. В I–II вв. н.э. жернова появляются на сармато-меотских городищах Прикубанья и Приазовья, одновременно с использованием в хозяйстве ступ и зернотерок. Начиная с VIII в. в Подонье массово используется жерновой постав легкой ручной мельницы (Минасян, 1978, 108).

До настоящего времени нет единой классификации жернового постава. Предпринимались отдельные попытки систематизировать жернова по характерным признакам. На настоящий момент наиболее разработанная классификация принадлежит Р.С. Минасян. По материалам, собранным на памятниках Восточной Европы I тыс. н.э., он выделяет три группы жернового постава (Минасян, 1978, с. 103–109). Жернова I группы – камни со сквозными центральными округлыми отверстиями в обоих камнях, где маховый шток нижним концом упирался в выемку на ободе, прикрепленным к верхнему камню–бегуну. Верхний конец махового штока крепился к

брусу или потолку. Этот тип жерновов бытовал преимущественно в восточнославянских землях, начиная с VI–VII вв. Жернова II группы характерны тем, что на нижних камнях отсутствует сквозное отверстие. В свою очередь, группа имеет два варианта: в первом – на рабочей плоскости нижнего камня есть выемка, в которую вставлялась грибовидная порхлица, во втором варианте на нижнем камне имелся выступ для скрепления с бегуном. Данная группа связана с черняховской культурой и исчезает в Восточной Европе в начале V в., встречаясь только на территории Северной Европы (нижненемецкие земли, Прибалтика, Скандинавия). Третья группа по конструкции схожа с первой, за исключением крепления ручки к бегуну. В данном случае на внешней стороне верхнего камня имела выемка для крепления штока. В свою очередь, группа выделялась двумя вариантами, в первом из них верхний край штока полуподвижно крепился к потолку, а во втором случае в выемку вставлялась короткая деревянная ручка.

Своеобразный вариант классификации жерновов привел В.К. Михеев (Колода, Горбаненко, 2010, с. 41). Анализируя материалы из салтовских поселений, он выделяет две группы жерновов – I группа без углубления под порхлицу, II группа с углублением под порхлицу. По специальным приспособлениям для вращения верхнего жернова он выделяет две подгруппы: а) без углубления под рукоятку;

б) с наличием выемки для ручки. По форме рабочей поверхности жерновов – конусовидной или плоской – он выделяет 6 типов: IA1, IA2 IB1, I B2 ПБ1 и ПБ2. В работе приводится тезис о приоритете плоских жерновов над коническими. Первоначальная конусность жерновов обуславливалась правильной центровкой камней. Но в дальнейшем развитии конструкции постава, в особенности с появлением порхлицы, конусные жернова отошли на второй план. Р.С. Минасян же утверждает о том, что конусность связана только со степенью износа жерновов, и чем больше конусность, тем больший износ жернова. Также вызывают споры и наличие порхлицы на цапфе. Согласно доводам Минасян без подвески верхнего камня бегун вращаться не может или для этого потребовались бы большие усилия. А паз для порхлицы делать было не обязательно, достаточно было наличие спрессованной деревянной планки.

Согласно данным археологических раскопок на территории Азака бытовал легкий жерновой постав III группы (по Р.С. Минасян) со сквозными центральными отверстиями в верхнем и нижнем камнях и с выемкой на внешней стороне бегуна. В процессе создания каталога жерновов, найденных в ходе раскопок в г. Азове, в фондах Азовского музея был найден один жернов-бегун от постава с признаками I группы, обнаруженный в траншее к дому по ул. Ленина в 1982 г. На ребре бегуна расположена выемка под обруч для крепления махового штока. На внутренней стороне камня располагался паз для порхлицы. Возможно, постав попал сюда с переселенцами из восточнославянских земель.

Части от жерновов ручных мельниц найдены в большинстве районов города, но наибольшая их концентрация приходится на центральную часть (рис. 1). На настоящий момент учтен 81 экземпляр. Большая часть обнаруженных жерновов – это бегуны (37%). Отдельно стоит отметить, что часть жерновов после поломки могла использоваться вторично в качестве точильных камней или строительного материала.

Среди материала для изготовления поставов преобладает песчаник (табл. 1). Целые экземпляры или фрагменты от жерновов из этого материала встречены практически на всей территории города. В большинстве своем это были части ручных мельниц диаметром от 20 до 60 см. Поставы из других материалов встречаются гораздо реже (табл. 1). Жернова из ракушечника, по предварительным подсче-

там, встречены на 5 раскопах в разных частях города, один из жерновов дешифрован. Все они являлись поставами небольших ручных легких мельниц, максимальный диаметр которых не превышал 40 см.

Жернова из конгломерата и брекчии заслуживают отдельного внимания. На данный момент целые или фрагментированные экземпляры найдены на 5 раскопах. Диаметр и толщина наиболее полно сохранившихся образцов значительно превосходят поставы из других материалов (1 м). Кроме того, масса их была слишком велика на работе с ручными мельницами. В 2014 г. на раскопе по ул. Лермонтова, 40 было найдено сооружение с большим количеством жерновов. В северо-восточном помещении комплекса был выкопан восьмиугольный котлован для установки мельничной башни. В пределы раскопа попало 4 столбовые ямы, но можно предположить, что конструкция сооружения была восьмиугольной. В процессе раскопок сооружения был найден один целый и множество фрагментов от разных жерновов. Среди всей массы фрагментов удалось реконструировать восемь экземпляров. Изготовлены они были из конгломерата, за исключением одного, вытесанного из брекчии, на котором поочередно, по мере износа, использовались обе стороны. Данные археологии и этнографии позволяют говорить о том, что это остатки ветряной мельницы башенного типа с поворотным шатром (Минаев, 2016, с. 367). Пока можно предположить, что таких мельниц было в городе три – на ул. Лермонтова, 40, на ул. Ленина, 46 и на ул. Привокзальной, 4.

В количественном соотношении из подсчитанных на настоящий момент жерновов можно составить следующую статистику:

1. Жернова из песчаника – 58 ед. (71,6%);
2. Жернова из конгломерата – 13 ед. (16,1 %);
3. Жернова из ракушечника – 8 ед. (9,9 %);
4. Жернова из брекчии – 1 ед. (1,2%);
5. Жернова из гранита – 1 ед. (1,2 %).

Из этого следует, что песчаник доминировал как материал для изготовления поставов. В Нижнем Подонье песчаник – один из самых распространенных материалов. В основном его выходы встречаются на правом берегу Дона и в бассейне Северского Донца. Кроме того, песчаник достаточно долговечный материал, и при этом сравнительно легко поддающийся обработке, в отличие от ракушечника, который слишком хрупок для регу-

лярных больших нагрузок. Интересен также факт достаточно широкого распространения такого редкого для Приазовья материала, как конгломерат. Эта горная порода широко встречается в Крыму и на Кавказе.

В ходе анализа материала удалось выяснить, что в Азаке получил распространение III тип жерновов. На настоящее время из-за нехватки источников по данной тематике нельзя сказать, жернова какой группы получили распространение в других центрах Золотой Орды. Судя по целым экземплярам жерновов, найденных в домонгольском Биляре преобладала I группа жерновов (Йовков, 1976, 251). В северо-восточной Руси также преобладал жерновой постав I группы. Преобладающими материалами для изготовления камней были песчаник, крупнозернистый гранит и известняк (Левашова, 1956, 94). Диаметр северорусских жерновов, также как и билярских, был в среднем 35–50 см, толщина – 5–11 см. На памятниках VIII–X вв. Подонья, Нижнего Поволжья, Приазовья и Северного Кавказа широко бытовал постав III группы. По В.А. Кузнецову, сотни жерновов с лункой на бегуне найдены на аланских городищах VIII–XIII вв. на Северном Кавказе (Минасян, 1978, 106). Поэтому можно с большой долей вероятности говорить о том, что на юге Восточной Европы получила большее распространение третья группа жернового постава, чем первая.

Интересно отметить и то, что по статистике камни-бегуны преобладают над лежняками. Скорее всего, это связано с большим износом верхних камней при постоянной работе, ведь на них приходилась основная масса нагрузки. По мере стачивания старых бегунов изготавливались новые, а нижние могли использовать повторно.

Проанализировав жернова и комплексы, откуда происходят части поставов, можно говорить о развитом мукомольном деле и о самостоятельности ремесла мельников. Наличие ветряных мельниц указывает на возросшую потребность в муке на внутреннем рынке. К примеру, в Тиннисе при населении около 50 тыс. чел. насчитывалось 160 мельниц, а Ибн Асакир упоминает от трех мельниц в Дамаске (не уточняя, ручные они или машинные) (Большаков, 2001, 113, 132).

Однако в большинстве своем в Азаке продолжал бытовать домашний помол зерна, что указывает на еще недостаточную степень развития мукомольного дела. Существовало и ремесло по изготовлению камней жерносеками. В самом Азаке нет выхода пород песчаника, но он достаточно распространен на правом берегу Дона. Преобладание поставов из песчаника и близость карьеров по его добыче ясно указывают на наличие местных мастеров по изготовлению жерновов.

ЛИТЕРАТУРА

- Масловский А.Н. О сельской округе Азака (к постановке проблемы) // *Донские древности*. 2009. №10. С. 321–339.
- Средневековый город Ближнего Востока. VII–середина XIII в.: Социально-экономические отношения / Отв. ред. М.: Восточная литература РАН, 2001. 344 с.
- Еманов А.Г. Север и Юг в истории коммерции: на материалах Кафы XIII–XV вв. Тюмень: МИ «Рутра», 1995. 227 с.
- Йовков С.М. Жернова Волжской Булгарии // *СА*. 1976. №2. С. 248–251.
- Колода В.В., Горбаненко С.А. Сельское хозяйство носителей салтовской культуры в лесостепной зоне. Киев: Институт археологии НАН Украины, 2010. 216 с.
- Левашова В.П. Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / Тр. ГИМ, 1956. Вып. 32. С. 94–99.
- Минасян Р.С. Классификация ручного жернового постава (по материалам Восточной Европы I тысячелетия н.э.) // *СА*. 1978. №3. 101–112.
- Минаев А.П. Мельница XIV в. из раскопа 2014 года в г. Азове по ул. Лермонтова, 40 // *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2013–2014 гг.* Вып. 29 / Отв. ред. А.А. Горбенко. Азов, 2016. С. 341–370.
- Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков: Издательство при Харьковском государственном университете издательского объединения «Вища школа», 1985. 147 с.

Информация об авторе:

Минаев Александр Павлович, научный сотрудник, Азовский историко–археологический и палеонтологический музей-заповедник (г. Азов, Россия); vallet-dre@mail.ru

GRAIN PROCESSING IN AZAQ IN XIV CENTURY

A. P. Minaev

Millstones are often found during the excavations in Azov. Light hand mill are the specialized tools for grinding corn into flour. Nowadays there are no unified classification of millstones, though some attempts have been undertaken. For now, the most elaborated classification of millstones belongs to R.S. Minasyan. He distinguished 3 groups of millstones: with holes in both stones, with hole in one stone and holes and notch in upper stone. Classifications of other researchers do not give a whole pattern of the development of millstones. In Azak were widespread 3rd group of millstones with holes and notch for handle. Among the materials the millstones in Azak are made of the sandstone prevails. Coquina and conglomerate are less spread. In the course of excavations were found remains of constructions and large millstones and it is means that there were windmills in Azak. Thus, production of flour became the separate branch of manufacture. And yet home flour production were still prevalent.

Keywords: Azaq, the Golden Horde, millstone, windmill, millstone supply.

About the Author:

Minaev Alexander P., Azov Historical, Archaeological and Paleontological Museum–Reserve, Moskovskaya St., 38/40, Azov, 346780, Russian Federation; vallet-dre@mail.ru

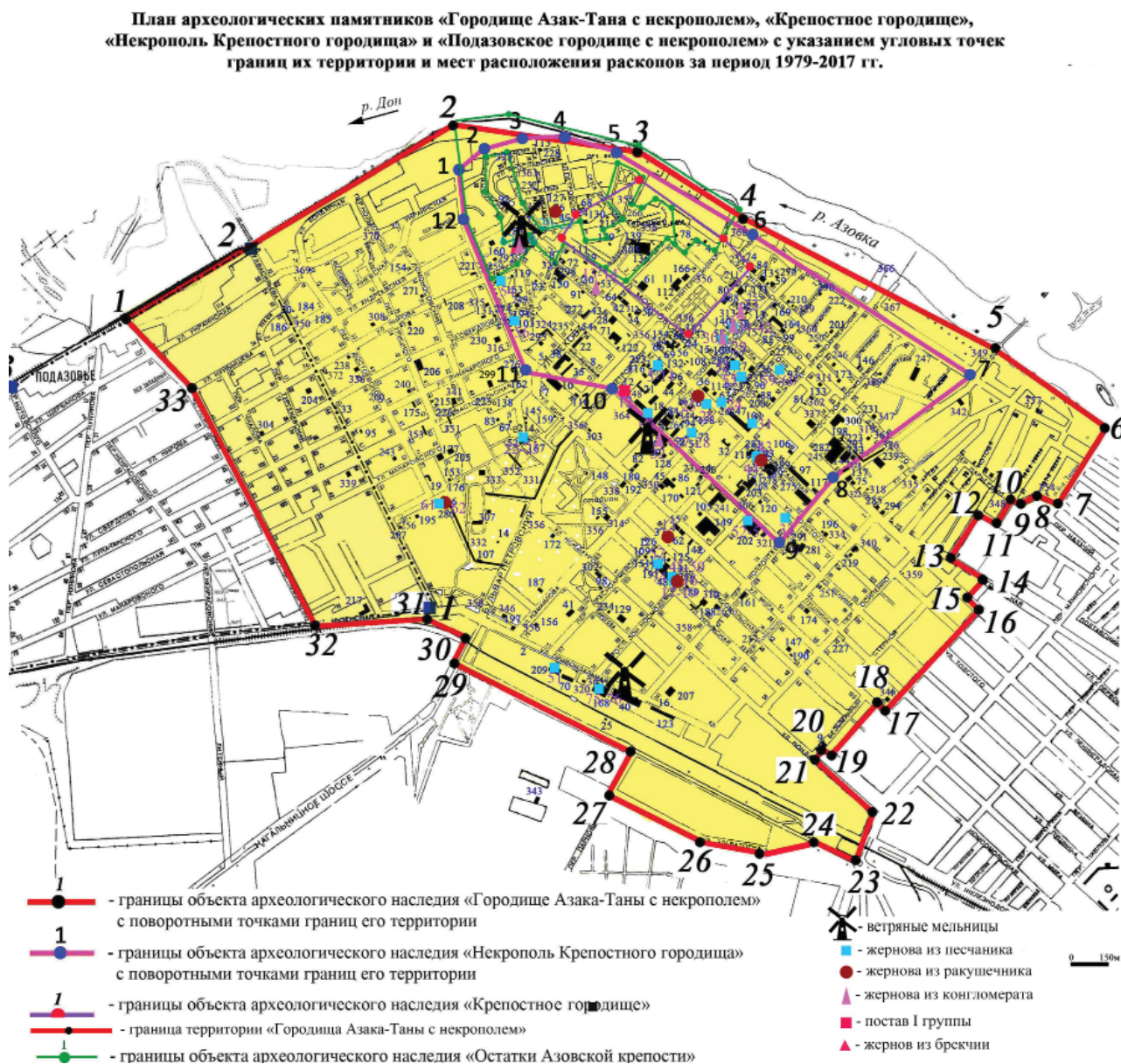

Рис. 1. Карта г. Азова с раскопами и местами находок жерновов.

ТАБЛИЦА 1. СТАТИСТИКА ЖЕРНОВОВ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО АЗАКА.

№ п/п	Место и время находки	Верхний или нижний	Тип	Материал	Размеры, см			Сохранность	Примечание
					Диаметр	Толщина	Диаметр отверстия		
1	Аз-1979, Социалистический, жил-2	Верхний	III	Песчаник	40	7,1	2,5- 5,2	Склеен, догипсован, закопчен	Использовались обе стороны.
2	Аз-1979, Социалистический, жил-2	Нижний	III	Песчаник	40	4	1,7	Склеен, догипсован, закопчен	
3	Аз-1981, Ленинградская, кв.9, я-4.	?	?	Песчаник	?	2,1	?	Сколот	
4	Аз-1981, Ленинградская, кв.9, я-21.	?	III	Песчаник	?	2,4	7	Склеен	
5	Аз-1981, Ленинградская, кв.9, я-21.	?	III	Песчаник	42	4,1	?	Сколот, закопчен	
6	Аз-1981, Ленинградская, кв.9, я-31.	Верхний	III	Песчаник	47	3,5	?	Перекален, расслоен	
7	Аз-1981, Ленинградская, кв.9, шт. 8.	?	III	Песчаник	51	4,2	?	Сколот, закопчен	
8	Аз-1981, Ленинградская, раскоп II кв.6, я-13.	?	III	Песчаник	38	3,3	?	Сколот	Вторичное использование
9	Аз-1981, Ленинградская, кв.9, шт.8.	Нижний	III	Песчаник	51	3,3	?	Сколот, закопчен	Вторичное использование

№ п/п	Место и время находки	Верхний или нижний	Тип	Материал	Размеры, см			Сохранность	Примечание
					Диаметр	Толщина	Диаметр отверстия		
10	Аз-1981, Ленинградская, кв. 9, шт. 8.	?	III	Песчаник	?	4	4,5	Сколот	Вторичное использование
11	Аз-1981, Ленинградская, раскоп II, кв. 7, шт. 9.	?	III	Песчаник	43	2,8	?	Сколот, закопчен	Вторичное использование
12	Аз-1982. Ленина 33/43, тр-я 8а.	Верхний	I	Песчаник	45	6	7,6	Сколот, склейка.	
13	Аз-1987, Ленинградская 29, я-35.	Нижний	III	Конгломерат	?	6,6	?	Сколот	
14	Аз-1987, Ленинградская-29, я-35	?	III	Конгломерат	?	6,6	?	Сколот	
15	Аз-1989, Комсомольская, кв. 1г, я-8.	Нижний	III	Ракушечник	—	5,2	?	Сколот, следы копоти	
16	Аз-1991, 3. Космодемьянской 76, Я-5.	Верхний	III	Ракушечник	32	5	?	Сколот	
17	Аз-1991, 3. Космодемьянской 76, кв. 10, шт. 3.	?	III	Песчаник	36	6,1	?	Сколот	
18	Аз-1991, 3. Космодемьянской 76, кв. 10, шт. 2.	?	III	Песчаник	43	2,1	?	Сколот	

ТАБЛИЦА 1. СТАТИСТИКА ЖЕРНОВОВ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО АЗАКА
(ПРОДОЛЖЕНИЕ).

№ п/п	Место и время находки	Верхний или нижний	Тип	Материал	Размеры, см			Сохранность	Примечание
					Диаметр	Полщина	Диаметр отверстия		
19	Аз-1991, З. Космодемьянской 76, я-4.	?	III	Песчаник	30	3,5	?	Сколот, закопчен.	Вторичное использование.
20	Аз-1992, Сп Р. Люксембург, р-1, я-4.	?	III	Ракушечник	?	3,6	?	Сколот	
21	Аз-1992, Сп Р. Люксембург, р-1, я-4.	?	III	Ракушечник	?	5,2	?	Сколот	
22	Аз-1993, Макаровского, кв. 9д, шт. 1.	?	III	Песчаник	?	4,1	?	Сколот	
23	Аз-1993, Макаровского, кв. 14-15г, заплн. рва.	?	III	Песчаник	34	2,3	?	Сколот, коготь.	Вторичное использование.
24	Аз-1997, Ленинградская, 71, жил-1.	Верхний	III	Песчаник	60	5	3,6 см.	Сколот.	
25	Аз-1998, Ленинградская, 72а, кв. 1а, шт.4.	Верхний	III	Ракушечник	40	4	3	Сколот.	
26	Аз-1998, Ленинградская, траншея, сборы.	Верхний	III	Песчаник	56	13	8,3		
27	Аз-2000, Измайлова 38/82, я-2.	?	III	Песчаник	33	4	?	Сколот.	

№ п/п	Место и время находки	Верхний или нижний	Тип	Материал	Размеры, см			Сохранность	Примечание
					Диаметр	Толщина	Диаметр отверстия		
28	Аз-2000, Измайлова 38/82, я-5.	?	III	Песчаник	?	2,8	?	Сколот, коготь.	
29	Аз-2003. К. Либкнехта 12, р-2, тр-1.	?	III	Конгломерат	?	9	?	Сколот	
30	Аз-2003. К. Либкнехта, 12, р-2, я-2.	Верхний	III	Песчаник	?	3	8,5	Сколот, перекален.	
31	Аз-2003, Ленинградская 73/75, кв. 1б, я-1.	Верхний	III	Песчаник	?	6,2	?	Сколот, перекален.	
32	Аз-2004, Ленина 46, заполнение оврага.	Верхний	III	Конгломерат	102	7	12	Сколот.	
33	Аз-2004, Дзержинского, 42, погреб 2.	Нижний	III	Конгломерат	36,8	5,5	4,5		
34	Аз-2009, К. Либкнехта, 13, жил.2.	?	III	Песчаник	33	2,3	?	Сколот.	
35	Аз-2009, К. Либкнехта, 13, жил.2.	?	III	Песчаник	30	2,2	?	Сколот.	
36	Аз-2009, К. Либкнехта, 13, жил.2.	Нижний	III	Песчаник	40	2,3	1,5	Сколот, склейка.	

ТАБЛИЦА 1. СТАТИСТИКА ЖЕРНОВОВ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО АЗАКА
(ПРОДОЛЖЕНИЕ).

№ п/п	Место и время находки	Верхний или нижний	Тип	Материал	Размеры, см			Сохранность	Примечание
					Диаметр	Толщина	Диаметр отверстия		
37	Аз-2009, К. Либкнехта, 13, жил.2.	Нижний	III	Песчаник	40	3,8	?	Сколот, закопчен.	Вторичное использование
38	Аз-2009, К. Либкнехта, 13, жил.2.	?	III	Песчаник	18	3,5	?	Сколот.	Вторичное использование.
39	Аз-2009, К. Либкнехта, 13, жил.3.	?	III	Песчаник	41	3,4	?	Сколот, закопчен.	Вторичное использование.
40	Аз-2009, К. Либкнехта, 13, жил.3, тошна.	Нижний	III	Песчаник	?	4,6	2,7	Сколот, закопчен.	
41	Аз-2009, К. Либкнехта, 13, жил.3.	?	III	Конгломерат	?	5,3	2,4	Сколот, перекален	
42	Аз-2009, К. Либкнехта, 13, я-16.	?	III	Песчаник	40	2,7	?	Сколот.	Вторичное использование.
43	Аз-2010, Ленинградская 110, кв.3а, шт. 1.	Нижний	III	Песчаник	46	3,6	4,2	Сколот.	
44	Аз-2010, Ленинградская 110, жил-1.	?	III	Ракушечник	36	4	?	Сколот, перекален.	
45	Аз-2010, Крымская 7, р-5, я-1.	Нижний	III	Песчаник	44	2,9	?	Сколот, перекален.	

№ п/п	Место и время находки	Верхний или нижний	Тип	Материал	Размеры, см			Сохранность	Примечание
					Диаметр	Толщина	Диаметр отверстия		
46	Аз-2010, Крымская 7, р-6, я-3.	Верхний	III	Песчаник	45	5,3	?	Сколот, перекален.	Вторичное использование.
47	Аз-2010, Крымская 7, р-6, я-3.	Нижний	III	Песчаник	47	2,5	?	Сколот.	Вторичное использование.
48	Аз-2010, Крымская 7, р-5, я-7.	Нижний	III	Песчаник	44	2	2,6	Расслоен, местами склеен.	
49	Аз-2010, Крымская 7, р-5, я-15.	Верхний	III	Песчаник	42	4	?	Сколот, перекален.	
50	Аз-2010, Крымская 7, р-5, я-15.	Нижний	III	Песчаник	45	4,7	?	Сколот, склейка, копоть.	Вторичное использование.
51	Аз-2011, Привокзальная 6б, р-2, я-6.	Нижний	III	Песчаник	46,5	4,2	2,5	Расколот на 2 части.	
52	Аз-2011, Ленина 72, я-14.	Верхний	III	Песчаник	50	4	?	Сколот.	
53	Аз-2011, Ленина 72, я-14.	Нижний	III	Песчаник	?	3,9	?	Сколот, копоть.	Вторичное использование.
54	Аз-2011, Лермонтова/ Калинина 43/45.	?	III	Песчаник	35	2,6	3,6	Сколот, копоть.	Вторичное использование.

ТАБЛИЦА 1. СТАТИСТИКА ЖЕРНОВОВ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО АЗАКА
(ПРОДОЛЖЕНИЕ).

№ п/п	Место и время находки	Верхний или нижний	Тип	Материал	Размеры, см			Сохранность	Примечание
					Диаметр	Полщина	Диаметр отверстия		
55	Аз-2013, Измайлова 22, я-3.	Верхний	III	Песчаник	49	4,7	7,5	Сколы.	
56	Аз-2013, Калинина 65, газ. Траншея.	?	III	Песчаник	31	2,2	?	Сколот, органика.	Вторичное использование.
57	Аз-2014, Крымская, 3.	Нижний.	III	Песчаник	43	5,3	2,5	Сколот.	
58	Аз-2013, Московская 47, пл-4.	Нижний	III	Песчаник	96	4,3	?	Сколот, перекален, расслоен.	
59	Аз-2013, К. Либкнехта 41, кв. 3, жил. 2.	Нижний	III	Песчаник	44	3,8	2,5	Сколот, склейка.	
60	Аз-2013, К. Либкнехта 41, кв. 3, жил. 2.	Верхний.	III	Песчаник	39	4,5	?	Сколот, склейка.	
61	Аз-2014, Васильева 81 в, кв. 3д, я-2.	?	III	Песчаник	38	4,5	?	Сколот.	Вторичное использование.
62	Аз-2014, Васильева 81 в, кв. 3д, я-2.	Верхний	III	Ракушечник	40,5	3,3	5,5	Сколот, склейка.	
63	Аз-2014, Лермонтова 40, жил-1.	Верхний.	III	Конгломерат.	104	12	12	Перекален.	

№ п/п	Место и время находки	Верхний или нижний	Тип	Материал	Размеры, см			Сохранность	Примечание
					Диаметр	Толщина	Диаметр отверстия		
64	Аз-2014, Лермонтова 40, жил-1.	Верхний	III	Конгломерат.	100	12	12	Сколот, перекален.	
65	Аз-2014, Лермонтова 40, жил-1.	Верхний	III	Брекчия	108	6	13	Сколот, перекален.	Использовались обе стороны.
66	Аз-2014, Лермонтова 40, жил-1.	Верхний	III	Конгломерат.	100	10	10	Сколот, перекален.	
67	Аз-2014, Лермонтова 40, жил-1.	Верхний	III	Конгломерат.	85	6,5	9	Сколот, перекален.	
68	Аз-2014, Лермонтова 40, жил-1.	Верхний	III	Конгломерат.	100	8	12	Сколот, перекален.	
69	Аз-2014, Лермонтова 40, жил-1.	?	III	Конгломерат.	?	8	12	Сколот, перекален.	
70	Аз-2014, Лермонтова 40, жил-1.	?	III	Конгломерат	?	20	8	Сколот, перекален.	Самый толстый из найденных.
71	Аз-2015, Мирошниченко, сборы.	Верхний	III	Песчаник	36,5	10	5,3	Сколы.	2 отверстия для штока.
72	?	Верхний	III	Ракушечник	36	5,5	3,5	Сколот.	

ТАБЛИЦА 1. СТАТИСТИКА ЖЕРНОВОВ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО АЗАКА
(ПРОДОЛЖЕНИЕ).

№ п/п	Место и время находки	Верхний или нижний	Тип	Материал	Размеры, см			Сохранность	Примечание
					Диаметр	Толщина	Диаметр отверстия		
73	Аз-2017, Петровский б-р 46а, гр-5, я-4.	Верхний	III	Песчаник		5,7	6	Сколот, перекален, склейка.	
74	Аз-2006, Крымская 7, р-4, жил-1.	Верхний	III	Песчаник	60	?	8,5	Сколот.	
75	Аз-2008, Привокзальная 126, жил-9.	Верхний	III	Песчаник		?		Сколот.	
76	Аз-2008, Привокзальная 126, горн 27.	Верхний	III	Песчаник		?		Сколот, копоть.	
77	Аз-1985, Ленинградская 42, я-3.	?	?	Песчаник					
78	Аз-1992, Ленинградская, 73-75, я-14.	?	?	Песчаник		3			
79	Аз-1992. Крымская, 7 жил-2.	?	III	Песчаник		2		Сколот	Вторичное использование.
80	Аз-1993 -//- я-21.	Верхний	III	Гранит		4		Сколы	
81	Аз-2016. Петровский б-р, 46а.	Верхний	III	Песчаник	71	8,5	?	Сколот	

УДК 902/904

ГРУНТОВЫЙ МОГИЛЬНИК XIII–XIV ВВ. ПОСЕЛЕНИЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ–2» (КРЫМСКИЙ РАЙОН КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)

© 2018 г. Е. И. Нарожный, И. Б. Тищенко

В статье публикуются четыре грунтовых захоронения из грунтового могильника, сопровождающего поселение «Железнодорожное–2». Погребальный инвентарь этих погребений не только своеобразен, но и дает основания для реконструкции основных прижизненных занятий погребенных. В одном случае – это деревообработка; в других случаях – это захоронения воинов с саблями, сопровождаемые серпообразными предметами. Назначение указных предметов неясно: заманчиво их сопоставлять либо с с/х серпами, или же, рассматривать как «боевые серпы», использовавшиеся в военном деле.

Ключевые слова: Золотая Орда, погребальные комплексы, деревообработка, сельское хозяйство, военное дело.

Некрополь поселения «Железнодорожное–2» был открыт случайно при проведении охранно-спасательных археологических исследований поселений XIII–XV вв. «Железнодорожное–1» и «Железнодорожное–2»¹ в Крымском районе Краснодарского края (Нарожный и др., 2014, с. 374–376). Вдоль основной своей площади могильник разрезан полотном действующей ж/д, частично перекрывая окраину поселения «Железнодорожное–2». В раскопанной части некрополя выявлены неглубокие грунтовые могильные ямы; всего их исследовано 214; преимущественно захоронения здесь одиночные. Парных захоронений различной сохранности выявлено немного. В нескольких погребальных комплексах найдены серебряные монеты Золотой Орды (XIV в.), указывающие на относительную датировку раскопанной части памятника. На данном этапе изучения полученных в 2012 г. археологических материалов в научный оборот вводятся лишь 4 захоронения – погребения №№ 17, 35, 141 и 210 (рис. 1: I, II, рис. 2: I, II), содержащих среди погребального инвентаря не совсем обычный сопровождавший инвентарь, указывавший при этом на основные прижизненные занятия

их владельцев. В неглубоких грунтовых ямах, устроенных без использования каких-либо дополнительных конструкций, скелеты были уложены вытянуто на спине, головой на З или с сезонными отклонениями от него к ЮЗ и СЗ (рис. 1: I, А, II, Б, рис. 2, 1: I, II). Положение верхних конечностей варьируется, нижние конечности протянуты. Сопровождаются захоронения наборами различных предметов погребального инвентаря из погребений № 17, № 35, № 141 и № 210 (рис. 1, рис. 2, рис. 3).

Погребение № 17 было совершено в грунтовой яме размерами 193×54 и глубиной в 5 см (рис. 1: А). В ней находился скелет мужчины в возрасте 30–35 лет². Скелет плохой сохранности, был уложен вытянуто на спине, головой на ЮЗ. В изголовье погребенного находились древесные угольки. В захоронении № 35 (рис. 1: Б) могильная яма узкая, со скругленными углами в западной ее оконечности и остроугольным завершением в восточной части. Размеры ямы: 208×68 см при глубине в 8 (–93 см от R). Внутри – скелет мужчины 25–30 лет, уложенного вытянуто на спине, головой на ЮЗ; скелет средней сохранности. Анатомический порядок костей грудной клетки нарушен. Правая рука вытянута вдоль туловища, кисть в районе таза; левая – вдоль туловища, кистью под крылом таза. Нижние конечности протянуты, частично смещены. Погребение № 141 – в яме неправильно прямоугольной формы (рис. 2: 1, А) размерами 210×56 см. Погребенный – молодой мужчина 17–20 лет уложен вытянуто на спине, головой на З. Верхние конечности протянуты вдоль туловища, обе кисти частично под крыльями таза, нижние

¹ По мнению Жеребилова и А.Н. Масловского, относительная датировка поселения «Железнодорожное–2» возникает в: «XII – нач. XIII в.», затем возрождаясь уже в «сер. XIII в.», и «погибает в «3-й четверти XIV в.» (Жеребилов, Масловский, 2016, с. 356–357; 2017, с. 10–15), хотя на памятнике существуют археологические материалы и более позднего времени, заходящие в XV столетие (Барагамян, Василенко, Тищенко, 2014, с. 28–39; Василенко, Нарожный, Соков, 2017а, с. 186–187; 2017б., с. 188–189; Нарожный, 2017, с. 283–287; Нарожный, 2017, с. 8–17).

² Здесь и далее возраст погребенных приводится по данным антрополога Батиевой (г. Ростов-на-Дону).

конечности протянуты (рис. 2: I, А). Погребение № 210 (рис. 2: II, Б): могильная яма вытянуто-подтрапециевидной формы с скругленными углами (рис. 2: II, Б), яма размерами 199×44 см, глубиной 5 см (уровень дна: -90 см от R). Захоронение мужчины 25–30 лет, уложенного вытянуто на спине, головой на ЮЗ (рис. 2: II, Б). Верхние конечности вытянуты вдоль туловища, ноги протянуты.

Публикуемые захоронения содержали выразительный погребальный инвентарь: в погр. 17 – это железный молоток с удлиненной металлической рукоятью (рис. 1: А, 1, 1), железный фрагментированный нож с остатками костяных ножен (рис. 1: А, 2, 2) и следами древесины на рукояти; железное кресало с треугольным язычком (рис. 1: А, 4, 4); кремь для кресала (рис. 1: А, 6, 6) и фрагмент железного трудноопределимого предмета (рис. 1: А, 5, 5). Набор сопровождающего мужчину инвентаря – ординарен, исключение составляет железный молоток (рис. 1: 1). Близкая аналогия известна, например, из Старого Орхеля молдавского (XV–XVI вв.) времени, позиционированная как инструментальный деревоотделочников и мастеров-строителей, отличающегося от публикуемого наличием у молотка горизонтально раздвоенной «носовой» части как у «гвоздодеров» (Бырня, 1981, с. 150, рис. 30: 9, с. 152). Второй железный предмет из погребения (рис. 1: 3), аналогии которому известны из археологических памятников окрестностей ст. Гостагаевской (близ Анапы) (Носкова, 1983, с. 223, рис. 3: 10) следует рассматривать как втульчатое тесло, также использовавшееся при деревообработке.

В погр. № 35, вдоль левой стороны погребенного, рукоятью вниз находилась железная сабля (рис. 1: Б, 1, 1) с фрагментом обоймы ножен овальной формы в сечении. Перекрестье сильно опущено вниз, черен рукояти отогнут в сторону лезвия. Длина лезвия 108 см, его ширина – 3,9 см, толщина спинки – 0,6 см; длина острия лезвия – 26 см, наконечника ножен – 12 см. На черене рукояти следы от деревянной рукояти и заклепки. Кроме того, в захоронении были: серповидный железный предмет (рис. 1: Б, 2, 2) с рукоятью длиной 14,5 см, отогнутой почти под прямым углом от лезвия; железное фрагментированное портупейное кольцо (рис. 1: Б, 3, 3) и серебряная монета: Узбек, Крым, 713 г. х. (1313–1314 гг.) (рис. 1: Б, 4). В погр. 141, также слева от скелета, частично на его костях лежала железная сабля, рукоятью вниз. Лезвие плавно-

дугообразное. Перекрестье, сохранившееся частично, опущено вниз. Черен рукояти отогнут в сторону лезвия. Длина лезвия 98 см, острия – 27 см, толщина спинки лезвия – 0,6 см. Кроме того, в захоронении были найдены: железное кресало (рис. 2: А, 3, 3), железное несомкнутое кольцо (рис. 2: А, 4, 4), фрагменты двух железных ножей (рис. 2: А, 5–6, 5–6). Поперек берцовых костей находился железный серповидный предмет (рис. 2: А, 2, 2) длиной 43 см и длиной рукояти в 16 см. Ширина лезвия – 2,5 см. Рукоять отогнута от лезвия почти под прямым углом. В погребении № 210, справа от черепа стоял стеклянный стакан прозрачно-фиолетового цвета (рис. 2: Б, 1, 1) с вогнутым дном и туловом цилиндрической формы, резко расширяющимся кверху. Поперек тулова две линии налепов тонкими волнистыми стеклянными нитями, разделяющими корпус изделия на три равных сектора. Высота стакана 16,5 см, диаметр дна – 6 см, тулова – 7,7 см, венчика – 11 см, толщина стенок – 0,1–0,2 см. Также обнаружены железные наконечники стрел (рис. 2: Б, 5–6, 5–6). С левой стороны, через руку, как и в двух предыдущих захоронениях, положена железная сабля, рукоятью вниз (рис. 2: Б, 2, 2); нож с обломанным черешком и лезвием серповидной формы. Длина лезвия – 16,8 см, ширина лезвия 2,1 см. На берцовых костях – два железных серповидных предмета (рис. 2: Б, 3–4, рис. 3: 1–2).

В отличие от инвентаря погр. № 17, погребальный инвентарь трех остальных захоронений (№№ 35, 141 и 210), имея отдельные выразительные предметы (монета или стеклянный стакан), достаточно схож. Объединяет их не только наличие во всех трех захоронениях сабель, положенных вдоль левого бока погребенного, рукоятью вниз. А.В. Евглевский такой способ размещения сабель в кочевнических захоронениях называет типичным для погребений с территории Прикубанья, Закубанья и Дона (Евглевский, 2002, с. 326). Сабли дугообразной формы с опущенными вниз перекрестьями и обоюдоострым острием, занимающим чуть более трети общей длины лезвия. Наличие сабель во всех трех захоронениях позволяет однозначно воспринимать эти погребальные комплексы как захоронения легковооруженных воинов. Однако во всех трех захоронениях присутствовали крупные серповидные предметы, вызывающие определенные вопросы. Имея точные аналогии среди погребального инвентаря из других микрорегионов Северо-Запад-

ного Кавказа (Носкова, 1983, с. 225, рис. 1: 2, с. 228, рис. 4: 1), подобные предметы автор трактует как с/х инвентарь («серпы»). Любопытно, что на этой же территории ныне фиксируют синхронные «серпы», «конструктивно» различающиеся между собой. Наряду с публикуемым их вариантом, широкое распространение имели и серпы современного типа, а также так называемые складные серпы (рис. 3: 3), с «гладким» и зубчатым лезвием (Пьянков, 2013, с. 359–365; Василенко, Пьянков, 2013, с. 19–26). Вне зависимости от имеющихся различий, все такие предметы интерпретируются только как с/х инвентарь («серпы»). А это предполагает возможность трактовки рассматриваемых предметов («серпов») в погребальном инвентаре «воинов» как повод для восприятия этих погребенных как «воинов»–«земледельцев» (?). Вместе с тем перпендикулярное размещение относительно длинной ручки с упором по отношению к лезвию таких «серпов» позволяет высказать еще одно предположение, строящееся на известном факте существования в европейских арсеналах так называемых боевых кос (Boheim, 1890, s. 353–356), вполне вероятно, имевших их различные модификации. Здесь мы можем указать на частично уже рассматривавшиеся изображения с трех средневековых каменных изваяний (Крюков, Нарожный, 2008, с. 125–130). На одной половечковой статуе (рис. 3: 11, Плетнева, 1974) и двух северокавказских изваяниях (рис. 3: 8–10, 12–14; Минаева, 1964, с. 185, рис. 11, с. 186, рис. 12 и ср.: Нарожный, 1999, с. 58–62, с. 61, рис. 2: 7) сохранились изображения серпообразных предметов, прикрепленных к поясам каменных фигур (рис. 3: 9–13), до этого атрибутированных различно: в одном случае «как предмет неясного назначения»; в другом – как «крюк чабана». В 2003 г. интересующие нас предметы и изображения были

сопоставлены с наконечниками копий с боковым крюком дальневосточного (чжурчженьского) происхождения (Нарожный, 2003, с. 261, рис. 9: 4). Однако на статуях схожие предметы «подвешены» к поясам, что не характерно для известных способов транспортировки копий, позволяя изображения на статуях воспринимать как подвесные серповидные предметы вооружения с короткой деревянной ручкой (рис. 3: 10–12, 13–14).

Вероятно, опубликованные серповидные предметы – не единственная разновидность боевых орудий, использовавшихся в ближнем бою. Ныне известны и более массивные, хотя и разнящиеся по размерам «боевые крюки» (рис. 3: 4–7), происходящие с территории Абхазии (рис. 3: 4–5) (Трамш, 1961, с. 278, рис. 13: 10–11), из укрепления Исар-Кай в Крыму (Мыщ, 1987, с. 224, рис. 7: 12) и из погребения в кургане могильника «Медовеек-1» из-под г. Сочи (Василенко, 2007, с. 273, рис. 6: 4). Если М.М. Трамш относил интересующие нас предметы к раннему средневековью, то В.Л. Мыщ и Д.Э. Василенко надежно датируют аналоги золотоордынским временем. Версия о сугубо хозяйственном характере данных предметов («садовый инвентарь») не совсем согласуется с закрытым археологическим комплексом могильника «Медовеевка-1», в котором «крюк» находился в одном «наборе» предметов воинского захоронения, инвентарь которого составляли остатки щита и сабля (Василенко, 2007, с. 275–277), позволяя и указанные предметы включать в комплекс своеобразного вооружения части населения Северо-Западного Кавказа золотоордынского времени.

Предлагаемая атрибуция предметов вооружения, вероятно, нуждается в дальнейшем расширении исходной (источниковой) базы и новых подходов к ней.

ЛИТЕРАТУРА

Барагамян Р.А., Василенко Д.Э., Тищенко И.Б. Две группы позднесредневековых керамических сосудов из поселения «Железнодорожное-2» // Археология и этнология Кавказско–Понтийского региона. Вып. 2. / Отв. ред. И.В. Кузнецов. Краснодар: КубГУ, 2014. С. 28–39.

Быряня П.П. Молдавский средневековый город в Днестровско–Прутском междуречье (XV–XVI вв.). Кишинев: Штиинца, 1981. 205 с.

Василенко Д.Э. Средневековый курганный могильник «Медовеевка-1» в долине р. Мзымта // Наследие Кубани. Вып. 1 / Отв. ред. Е.И. Нарожный и И.В. Цокур. Краснодар: Наследие Кубани, 2007. С. 248–280.

Василенко Д.Э., Нарожный Е.И., Соков П.В. Комплекс предметов вооружения из культурного слоя поселений «Железнодорожное», «Железнодорожное» №1 и №2» XIII–XV вв. (Крымский район

Краснодарского края) // Тр. V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле. Барнаул: АлГУ, 2017. С. 186–187.

Василиненко Д.Э., Нарожный Е.И., Соков П.В. Комплекс керамики XIII–XV вв. поселений и могильника в Крымском районе Краснодарского края // Тр. V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле. Барнаул: АлГУ, 2017б. С. 188–189.

Василиненко Д.Э., Пьянков А.В. Складные серпы из средневекового курганного могильника «Тешевс–1» (Геленджик, Краснодарский край) // II «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Проблемы хронологии археологических памятников эпохи древности и средневековья (Краснодар, 30–31 мая 2012 г.). Краснодар: КГКМЗ, 2013. С. 19–26.

Евглевский А.В. Семиотические аспекты функционирования сабли в погребальном обряде (по материалам кочевников Восточной Европы 2 пол. IX–XIV вв.) // Структурно-семиотические исследования в археологии. Т. 1 / Отв. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДГУ, 2002. С. 291–286.

Жеребилов С.Е., Масловский А.Н. Золотоордынское поселение Железнодорожное 2 в Крымском районе Краснодарского края // АО 2010–2013 гг. М.: ИА РАН, 2016. С. 356–357.

Жеребилов С.Е., Масловский А.Н. Керамический комплекс поселения «Железнодорожный–II» // Материалы Первого Маджарского археологического форума / Отв. ред. А.Г. Ситдинов / Археология евразийских степей. Вып. 23. Казань: Казанская недвижимость, 2017. С. 10–15.

Крюков Д.С., Нарожный Е.И. К атрибуции находок железных серповидных предметов // Археологический журнал. 2008. № II. С. 125–130.

Минаева Т.М. К просу о половцах на Ставрополье по археологическим данным // Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 11. Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 1964. С. 167–196.

Мыц В.Л. Средневековое укрепление Исар-Кая // СА. 1987. №2. С. 224–245.

Нарожный Е.И. О каменной статуе из Черкесского музея (по поводу историко-культурной атрибуции Т.М. Минаевой и Х.Х. Биджиева) // III «Минаевские чтения». Материалы научной конференции. Ставрополь, 1999. С. 58–62.

Нарожный Е.И. О половецких изваяниях и святилищах XIII–XIV вв. Северного Кавказа и Дона // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3. Половецко-золотоордынское время. Донецк: ДонГУ, 2003. С. 245–274.

Нарожный Е.И. Материалы Первого Маджарского археологического форума (часть 1) // Теория и практика актуальных исследований. Материалы XVIII международной научнопрактической конференции (Краснодар, 29 марта 2017 г.). Сборник научных трудов. Краснодар: НИЦ «АПРИОРИ», 2017. С. 8–17.

Нарожный Е.И., Соков П.В. Предметы вооружения из культурного слоя поселений Железнодорожное–1 и 2 (XIII–XV вв.) (Крымский район Краснодарского края) // Тр. V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле и Белокурихе. Т. 2. Сборник научных статей. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2017. С. 283–287.

Нарожный Е.И., Соков П.В., Тищенко И.Б. Охранно-спасательные исследования на грунтовом могильнике поселения «Железнодорожное–2» (Крымский район Краснодарского края) // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII «Крупновские чтения». Материалы международной научной конференции (Москва, 21–25 апреля 2014 г.). М.: ИА РАН, 2014. С. 374–376.

Носкова Л.М. Новые данные об археологических памятниках в окрестностях станицы Гостагаевской // Древности Кубани и Черноморья. Вып. 1 / Отв. ред. Б.А. Раев. Краснодар, 1983. С. 149–163, . 222–229.

Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния / САИ. Вып. Е4–2. М.: Наука, 1974. 100 с.

Пьянков А.В. К вопросу о происхождении складных серпов хазарского времени // Шестая международная Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции (Краснодар, 2013) Краснодар: Экоинвест, 2013. С. 359–365.

Трапи М.М. Археологические раскопки в Абхазии в 1957–1958 гг. // ВВ. Т. XIX. М.: Наука, 1961. С. 260–282.

Boeheim W. Handbuch der waffenkunde. Leipzig, 1890. 680 s.

Информация об авторах:

Нарожный Евгений Иванович, доктор исторических наук, главный специалист сектора археологии, Непубличное акционерное общество (НАО) «Наследие Кубани», (г. Краснодар, Россия); zai_ein@mail.ru

Тищенко Игорь Борисович, главный специалист, Непубличное акционерное общество (НАО) «Наследие Кубани», (г. Краснодар, Россия).

**GROUNDWATER CEMETERY OF THE 13TH-14TH CENTURIES.
SETTLEMENT «RAILWAY-2» (CRIMEAN DISTRICT OF THE KRASNODAR
TERRITORY)**

E. I. Narozhny, I. B. Tishenko

In the article, four soil burials from the earth burial ground accompanying the settlement «Zheleznodorozhny-2» are introduced into the scientific circulation. The burial inventory of these burials is not only peculiar, but also gives grounds for the reconstruction of the basic lifetime occupation of the buried. In one case it is woodworking; in other cases – burials of warriors with sabers, with which skeletons were accompanied by sickle-shaped objects. The designation of the objects is unclear: it is tempting to compare them with either agricultural sickles, or, as «war sickles» used in military affairs.

Keywords: Golden Horde, funeral complexes, woodworking, agriculture, military affairs.

About the Authors:

Narozhny Evgenii I. Doctor of Historical Sciences, Nenets Autonomous Okrug "Heritage of the Kuban", Krasnoarmeyskaya St., 16, Krasnodar, 350063, Russian Federation; zai_ein@mail.ru

Tishenko Igor B. Nenets Autonomous Okrug "Heritage of the Kuban", Krasnoarmeyskaya St., 16, Krasnodar, 350063, Russian Federation.

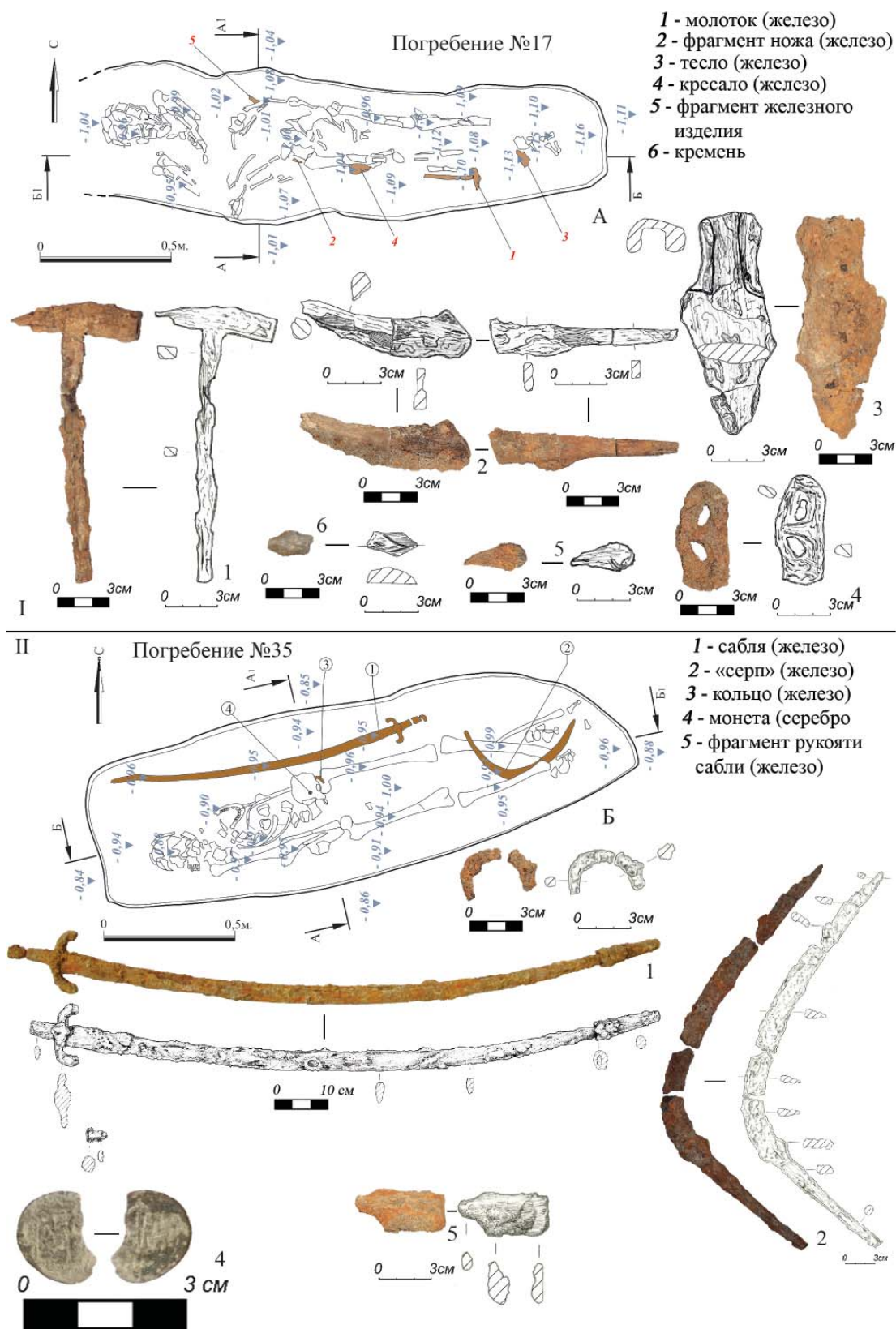

Рис.1

Рис.1. Могильник поселения «Железнодорожное-2», погребения №№ 17 (I) и № 35 (II).
 I. – Погребение № 17: А – план погребения, 1–6 – его инвентарь. II – Погребение № 35: Б – план погребения, 1–2, 4–5 – его инвентарь.

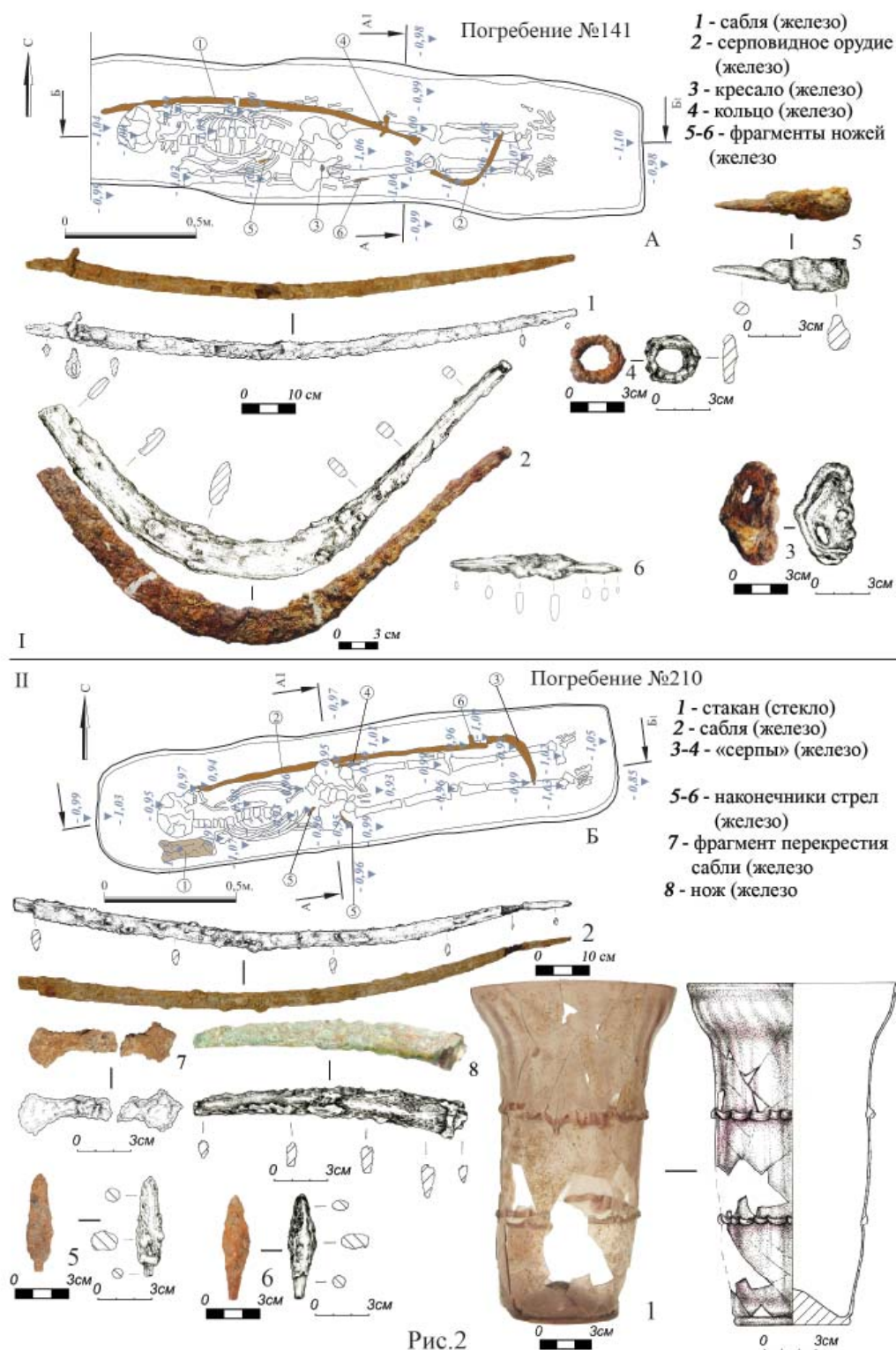

Рис.2. Могильник поселения «Железнодорожное-2», погребения №№ 141 (I) и № 210 (II). Погребение № 141: А – план погребения, 1–6 – его инвентарь; Б – план погребения 210, 1–8 – его инвентарь

Рис.3

Рис. 3. Предметы вооружения серпообразной формы и их изображения на изваяниях. 1–2. Серпообразные предметы из погребения №210; 3– т.н. «складной» серп; 4–5 – предметы из Абхазии (по М.М. Трампшу); 6– «крюк» из кургана из-под Сочи (по Д.Э. Василиненко); 7– «крюк» из укрепления Исар-Кая в Крыму (по В.Л. Мыц). 8–10, 14 – Рисунок каменного изваяния из Черкесского музея и его аксессуары (по Т.М.Минаевой). 11– Прорисовка серпообразного предмета с половецкого изваяния (по С.А. Плетневой). 12–13 – Изваяние из ст. Сторожевой и его аксессуары (по Т.М. Минаевой).

УДК 902/904

МАТЕРИАЛЫ С СЕЛИЩА ШИРОКИЙ БУЕРАК

© 2018 г. Л. Ф. Недашковский, М. Б. Шигапов

Селище Широкий Буерак располагается в округе золотоордынского города Укеа в Саратовской области. В статье анализируются украшения (поясная накладка), зеркала, предметы вооружения (фрагмент бронзового навершия булавы), конского снаряжения (удила, подпружные пряжки и кольца от сбруи), детали одежды (пуговица и бубенчик), повседневного быта (заклепки, ушко, фрагменты сосудов, обломок листа, фрагменты чугунных котлов, железные ручка ведра, серп, замки, бронзовая муфта и фрагмент костяной рукояти ножа, бараний астрагал с отверстием, залитым свинцом, шило, ножи, гвозди, напрасло) и торговли (грузик-пломба), а также массовый материал. Комплекс характеризует материальную культуру золотоордынского села, которая отличалась от материальной культуры крупного и малого городов, расположенных неподалеку.

Ключевые слова: селища, сельские поселения, Золотая Орда, Нижнее Поволжье, материальная культура, индивидуальные находки, керамика.

Селище Широкий Буерак имеет площадь более 6,8 га. Данное сельское поселение датируется второй половиной XIII – XIV в.; монетные находки относятся к золотоордынской чеканке последней трети XIII – начала 60-х гг. XIV в.

Исследование селища осуществлялось экспедицией Казанского университета 1996 и 2001–2002 гг., возглавлявшейся Л.Ф. Недашковским. В 1996 г. осуществлялись разведки, а в 2001–2002 гг. – раскопки.

С памятника происходит бронзовая литая поясная накладка-лунница (рис. 1: 1) из оловянистой бронзы.

Зеркала. Найдены фрагментов 12 зеркал (рис. 1: 2–13) из оловянистой бронзы.

С узким высоким бортиком

Тип 1. С изображением двух плывущих друг за другом рыб (рис. 1: 2). Аналогии второй половины XIII – XIV в. представлены в Нижнем и Среднем Поволжье (Недашковский, 2000, с. 49–50, рис. 9: 1–2), кочевнических древностях Восточной Европы, материалах Минусинской котловины, Отрара и Средней Вятки.

Тип 3. С расплывчатыми изображениями по окружности четырех сидящих человеческих фигур, разделенных драконами, с выпуклым валиком (рис. 1: 3). Аналогии распространены на памятниках золотоордынского времени (Недашковский, 2000, с. 49, 51, рис. 9: 4).

Тип 6. С выпуклой окружностью в центре и ячеистым орнаментом (рис. 1: 4). Аналогии найдены в Среднем и Нижнем Поволжье (Недашковский, 2000, с. 49, 53, рис. 9: 8), Калмыкии и Средней Азии.

С низким валикообразным бортиком

Тип 11. С орнаментом в виде концентрической окружности (рис. 1: 5–6). Аналогии известны на Нижнем Дону, в Среднем и Нижнем Поволжье.

Тип 12. Без орнаментации (рис. 1: 7–8).

Тип 14. С орнаментацией в виде расположенных одна в другой арок (рис. 1: 9). Аналогии известны из Среднего и Нижнего Поволжья, бассейна Дона и Кировской области.

Тип 16. Крестовидный орнамент разделял поле изделия на сектора, в каждом из которых имелось изображение стилизованного цветка (рис. 1: 11).

Тип 20. Со схематичным изображением двух плывущих друг за другом рыб (рис. 1: 10).

Тип ? Изделие с неясной орнаментацией (рис. 1: 12).

Без выраженного бортика

Тип 2. Без следов орнамента (рис. 1: 13).

Булава. Фрагмент бронзового навершия булавы (вес ее достигал 200 г.) в виде куба со срезанными углами (рис. 1, 14) по форме аналогичен древнерусским железным булавам XII–XIII вв.; такие изделия встречались в Волжской Булгарии и Прибалтике (Кирпичников, 1966, с. 47–48, 54, рис. 10: II, 39: 3, табл. XXV, 3).

Конское снаряжение

Половина двусоставных кольчатых удила без псалиев с неподвижными кольцами в форме коротких цилиндров (п.м. 2002 г.).

Подпружные пряжки (п.м. 2002 г.) представлены железными круглой диам. 3,2 см и подпрямоугольной 4,4×4,9 см.

Два кольца от сбору (п.м. 2002 г.) имеют диаметр 2,9 и 3,4 см.

Грузик-пломба (рис. 1: 24). Предмет с остатками орнамента из сплава олова со свинцом

Предметы быта

Заклепки сосудов из «чистой» меди представлены двумя: изготовленной путем сворачивания листа в конус (рис. 1: 15) и заготовкой подобного изделия (рис. 1: 16). Такие заклепки известны с памятников Среднего и Нижнего Поволжья (Недашковский, 2000, с. 81–82, рис. 19: 1–9).

Ушко от сосуда (рис. 1: 17) отковано из «чистой» меди.

Фрагменты кованых сосудов представлены венчиками (рис. 1: 23,25) и стенкой с сохранившейся заклепкой (рис. 1: 19). Обломок листа (рис. 1: 18), вероятно, принадлежит к числу фрагментов сосудов. Предметы из оловянистой (2 экз.), свинцово-оловянистой бронзы и «чистой» меди.

Найдены 4 фрагмента *чугунных котлов* (рис. 2: 1); не приведенные на рисунках происходят из п.м. 2002 г. Котлы представлены на памятниках Золотой Орды и сопредельных территорий (Недашковский, 2000, с. 84–86, рис. 20: 2–5).

Железная ручка ведра имеет длину 38,2 см и высоту 20,5 см.

Найден **железный серп** (рис. 2: 3).

Железные замки (5 экз.; рис. 2: 4) относятся к типу В (по Б.А. Колчину); три небольших замка происходят из п.м. 2002 г., один – из слоя р. I-2002 (№ 3, -34 см). Тип был распространен в Древней Руси середины XII – начала XV в., на поселениях Среднего и Нижнего Поволжья, в Азаке и Старом Орхее (Недашковский, 2000, с. 87–89, рис. 21: 1–10).

Пуговица литая с орнаментом в виде насечек (рис. 1: 20).

Бубенчик из многокомпонентного сплава с преобладанием цинка над оловом представлен фрагментом двусоставного экземпляра (рис. 1: 21).

Муфта ножа из свинцово-оловянистой бронзы вырезана из металлического листа (рис. 1: 22).

Фрагмент костяной рукояти ножа (рис. 1: 27) украшен орнаментом из желобчатых линий.

Бараний астрагал (рис. 1: 26) с отверстием, залитым сплавом свинца с оловом.

Имеется фрагмент бесформенного *слитка* (р. I-2001, яма 1, № 6, -148 см) «чистой» меди.

Нож представлен тремя экз. с длиной лезвия не менее 6–7,7 см (п.м. 2002 г.).

Шило имеет длину 6,6 см, 4 гвоздя – 4,5–11,8 см (шурф 1996 г.; р. I-2002, слой, № 5, -9 см, № 6, -55 см; п.м. 2002 г.).

С памятника происходят 8 железных предметов (рис. 2: 2, 5; р. I-2002, слой, № 1, -40 см, № 8, -43 см, яма 1, № 11, -153 см, № 12, -138 см; п.м. 2002 г.).

Золотоордынская неполивная керамика присутствует лощеная (18,1%) и нелощеная (81,9%); керамика хорошего обжига (69,5%) преобладает над плохо обожженной (30,5%). Коричневой посуды 72,4%, красной – 23,9%, бурой – 2,2%, желтой – 0,8%, серой – 0,7%. Имеется керамическое напрясло из стенки сосуда.

Древнерусская посуда из слоя представлена 68 фрагментами, в ямах найдено 93 фрагмента. Находки древнерусской керамики на раскопе I составляют 16,4% всей керамической посуды.

Мордовская лепная керамика из слоя представлена 31 фрагментом, из ям – 34 фрагмента; находки такой посуды составляют 6,6% от найденной керамики.

Выделяются *трапезундские амфоры*, 5 – обнаружено в яме 1, 6 – в слое, 1 – в п.м.

В составе п.м. встречена *кашинная керамика* с бирюзовой поливой и полихромной росписью, фрагмент *красноглиняного поливного сосуда* с бирюзовой поливой. На раскопе I в 2002 г. в слое найден фрагмент *кашинной керамики* с рельефом и полихромной росписью, в 2001 г. в яме 1 – фрагмент поливной красноглиняной посуды древнерусского облика с примесью дресвы и песка в тесте и темно-зеленой глазурью.

Сравним приведенные материалы с изделиями тех же категорий, происходящими с Увекского городища (Недашковский, 2000, с. 67–93, 106–107, 109), на месте которого располагался близлежащий крупный город Увек, и Хмелевское I селище близлежащего малого города. Обращает на себя внимание наличие всего одного украшения (поясной накладки) и одного предмета вооружения (булава) на селище Широкий Буерак, что резко отличает материальную культуру этого сельского поселения. Примечательно незначительное количество красноглиняной поливной и кашинной керамики, найденной на селище. В то же время на селище присутствует медная и чугунная посуда (хотя и в меньшем количестве, чем на Увекском городище и Хмелевском I селище), а также импортная амфорная тара. Эти факты

свидетельствуют о существовании развитых торговых связей между поселением Широкий Буерак и близлежащими городами.

Сравним распространение различных групп зеркал на селище Широкий Буерак с материалами Увекского городища, Хмелевского I селища и кочевнических курганов (Недашковский, 2000, с. 65–66, табл.3). По количеству экземпляров зеркал с узким высоким бортиком, в процентах от всей коллекции, данные по Широкому Буераку (25%), сельскому поселению, ближе к курганам кочевников (25,6%), чем к близлежащим городам. Количество изделий с низким валикообразным бортиком и без выраженного бортика, найденных на селище Широкий Буерак (74,4%),

также ближе к аналогичным данным по подкурганному захоронениям (64,1%). Таким образом, судя по распространенности зеркал разных типов, отражающей вкусы местного населения, селище Широкий Буерак ближе к комплексам номадов, чем горожан.

Доля древнерусской и мордовской керамики на селище Широкий Буерак существенно больше (в 4,4 раза для древнерусской и в 16,5 раз для мордовской), чем на Хмелевском I поселении, эти данные, подкрепленные находками костей свиньи в кухонных остатках с Широкого Буерака, позволяют говорить о значительных отличиях в этническом составе населения этих памятников.

ЛИТЕРАТУРА

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. / САИ. Вып. Е1–36. М.–Л.: Наука, 1966. 147 с.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 224 с.

Информация об авторах:

Недашковский Леонард Федорович, доктор исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); Leonard.Nedashkovsky@kpfu.ru

Шигапов Марат Баязитович, Институт археологии им. А.Х.Халикова Академии наук Республики Татарстан, (г. Казань, Россия); maratshigapov@gmail.com

MATERIALS FROM THE SHIROKY BUERAK SETTLEMENT

L. F. Nedashkovsky, M. B. Shigapov

Shiroky Buerak settlement is situated in periphery of the Golden Horde city Ukek in Saratov region. Wearing-apparel components (belt bracket), mirrors, objects of arms (fragment of bronze mace-head), horse equipment (bit, cinch buckles and harness rings), clothes details (button and little bell), daily life objects (rivets, handle, fragments of vessels, piece of copper sheet, fragments of cast-iron cauldrons, iron bucket handle, sickle, locks, bronze coupling and fragment of bone handle of knives, ram's knucklebone with aperture, poured with lead, awl, knives, nails, spindle-whorl) and articles of trade (weight-seal), and also mass archaeological material were analysed in the article. Complex characterizes material culture of the Golden Horde village, which differed from material culture of city and town, situated nearby.

Keywords: settlements, rural sites, the Golden Horde, the Low Volga region, material culture, individual finds, pottery.

About the Authors:

Nedashkovsky Leonard F. Doctor of Historical Sciences. Kazan (Volga region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation; Leonard.Nedashkovsky@kpfu.ru

Shigapov Marat B. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; maratshigapov@gmail.com

Рис.1. Накладка (1), фрагменты зеркал (2–13), булавы (14), заклепки (15–16), ушко (17), обломок листа (18), фрагменты кованых сосудов (19,23,25), пуговица (20), бубенчик (21), муфта (22) и фрагмент рукояти (27) ножа, грузик-пломба (24), бараний астрагал с отверстием, залитым свинцом (26) с селища Широкий Буерак. Саратовский областной музей краеведения. 1–23,25 – бронза; 24 – свинец; 26 – кость и свинец; 27 – кость. 1–17,19–22,24,26 – подъемный материал Л.Ф. Недашковского 2002 (1–13,15–17,19–22,24,26) и 1996 (14) гг. 18,27 – раскоп I–2002: 18 – культурный слой (№ 7, –62 см); 27 – яма 1 (№ 10, –127 см).

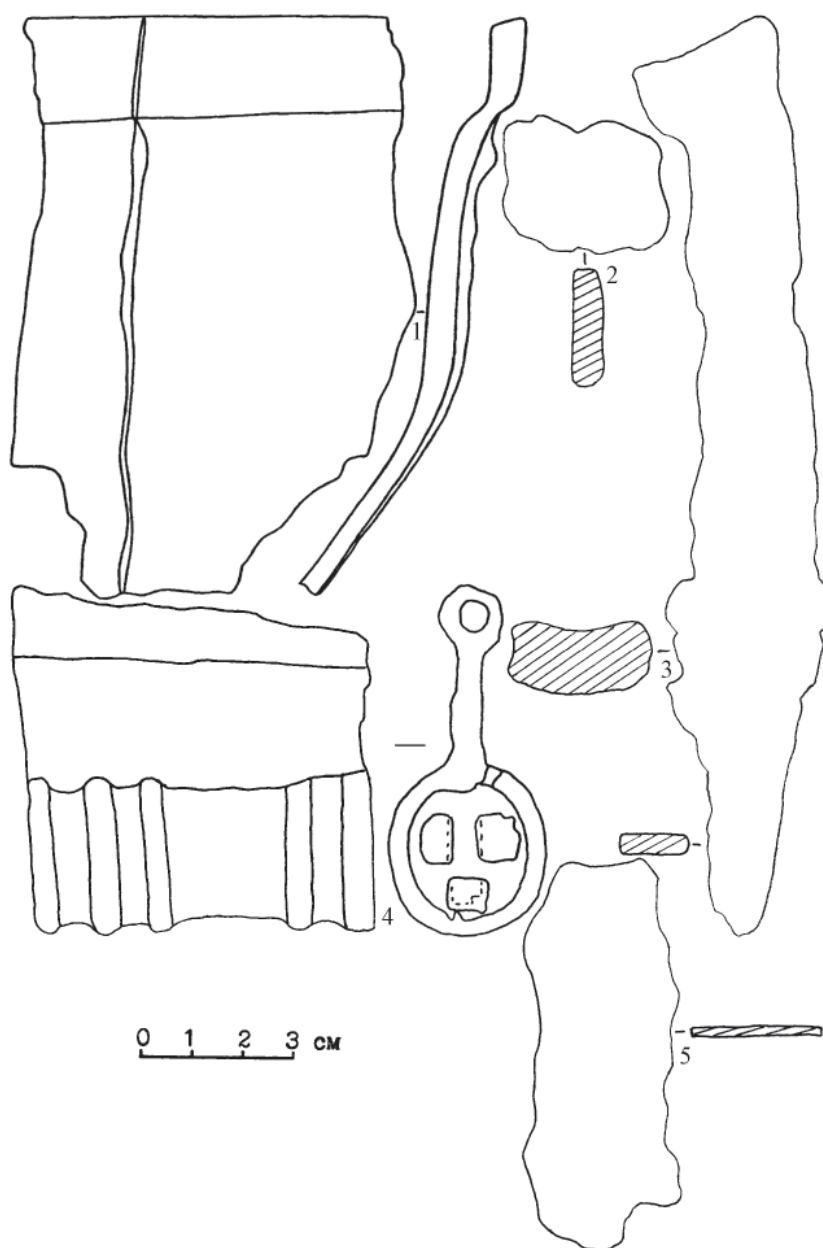

Рис. 2. Фрагмент чугунного котла (1), железные серп (3), замок (4) и неопределенные предметы (2,5) с селища Широкий Буерак. Саратовский областной музей краеведения. 1 – подъемный материал Л.Ф. Недашковского 1996 г., 2–5 – раскоп I–2001: 2–4 – яма 1 (№ 7, –154 см; № 4, –101 см; № 10, –173 см); 5 – культурный слой (№ 3, –73 см).

УДК 902/904

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГРУНТОВЫЙ МОГИЛЬНИК ЖУКОВА В ЗАПАДНОМ ЗАКУБАНЬЕ

© 2018 г. А. А. Нечипорук

В статье представлены результаты работ 2010 года на грунтовом могильнике Жукова, расположенном в Крымском районе Краснодарского края, на правом берегу реки Псебепс (Западное Закубанье). Исследованный участок могильника датируется XIV в. Он имеет аналогии среди грунтовых могильников и подкурганых комплексов протоадыгских племен Северо-Западного Кавказа XIII–XV вв. Всего было исследовано более сотни погребений, совершенных по обряду ингумации. При этом часть погребений находилась в каменных составных ящиках, а часть в грунтовых ямах. Большая часть комплексов содержала по нескольку, преимущественно не синхронных, захоронений. Погребения сопровождалось различным инвентарем: предметами обихода, деталями одежды, украшениями, предметами туалета, а также отдельными предметами вооружения.

Ключевые слова: Западное Закубанье, средневековое, грунтовый могильник, погребения в ямах, погребения в каменных ящиках, протоадыги.

Могильник Жукова расположен на северной окраине х. Кубанская колонка (Крымский район Краснодарского края). Он занимает участок высокой поймы правого берега реки Псебепс, левого притока р. Кубань. В 2010 году на могильнике под руководством автора были проведены аварийно-спасательные раскопки, в ходе которых было исследовано 126 погребений, совершенных по обряду ингумации (Ларенок, Нечипорук, 2012; Нечипорук, 2015). Большая часть погребений оказалась частично или полностью разрушена в процессе хозяйственной деятельности. В частности, местные жители целенаправленно разрушали захоронения для извлечения каменных плит.

Могильник перекрывал участок поселения XII–XIII вв., в результате чего погребения оказались впущенными в культурный слой. Погребения располагались плотными рядами, в некоторых случаях почти вплотную друг к другу. Отдельные значительные разрывы связаны с перекопами. В части таких разрывов следы погребений фиксировались по разрозненным обломкам костей и остаткам погребального инвентаря. Случаи разрушения одного погребения другим не зафиксированы. Однако прослежено два случая перекрытия одного погребения другим, более поздним.

Захоронения на могильнике делятся на две группы: в простых ямах и в каменных ящиках. Из 126 погребений 53 имели каменные конструкции.

Каменные ящики сложены из песчаниковых плит, часто имеющих следы обработки. В некоторых случаях на них имеются специальные пазы для более плотной подгонки. Преобладают ящики из 4-х плит: двух продольных

и двух поперечных. Остальные сложены из 6 плит (четырёх продольных и двух поперечных) или из отдельных плоских камней. Дно ящиков также сложено из плит или отдельных мелких камней. Плиты при сооружении ящиков вкапывались вертикально, до уровня верхней кромки. Надо полагать, что сверху ящики также перекрывались плитами. Однако в связи с распашкой и прочими разрушениями ни одного уцелевшего перекрытия зафиксировать не удалось.

Погребения в грунтовых ямах, также как и в ящиках, находились на небольшой глубине и, поскольку были впущены в культурный слой поселения, их форма не прослежена. Исключение составляет погребение 74, которое располагалось в слегка заглубленной в материк узкой подовальной яме, сужающейся к стопам. Возможно, эта группа захоронений имела какие-либо конструкции, выполненные из органических материалов (дерево, камыш).

Обряд захоронения в целом стандартен: скелеты лежат вытянуто на спине черепами в 3–ЮЗ сектор. Исключение составляет погребение 3, ориентированное черепом к ВСВ. Положение рук различно.

Важной особенностью могильника Жукова является наличие большого количества семейных склепов. Причем они есть как среди ящичных, так и среди грунтовых погребений. В них было совершено от 2 до 7 захоронений. При этом кости предыдущих погребений сдвигались в сторону или в ноги нового погребения, черепа же, как правило, укладывались в изголовье. Некоторые погребения являются парными, т.е. выполнены одновременно. В таких случаях оба скелета уложены в анатомическом порядке, один поверх друго-

го. На 126 исследованных погребения пришло 147 взрослых (в том числе 66 мужчин и 71 женщина) и 102 ребенка.

Большинство погребений сопровождалось различным инвентарем: предметами обихода (ножи, кресала, костяные проколки, игольники, серпы, гончарная посуда, оселки, ножницы, наперстки и пр.), предметами одежды (пуговицы, пряжки, поясные кольца), украшениями (бусы, серьги, перстни, подвески и пр.), предметами туалета (зеркала, копоушки), а также отдельными предметами вооружения (наконечники стрел, боевой нож, фрагменты кольчуги, кинжал (Кулешов, Нечипорук, 2012)). Кроме того, в некоторых погребениях встречаются монеты золотоордынского чекана 14 века, некоторые из которых использовались как подвески. И.А. Дружинина среди материалов могильника Жукова выделяет целый ряд предметов-маркеров кочевнической культуры, в числе которых серьги с напускной биконической бусиной, бубенчики, звериноголовый браслет, лазуритовая подвеска, ножи с «горбатой спинкой», астрагалы, кабаньи клыки и разнообразные изделия из кости (Дружинина, 2016). На наш взгляд, появление кочевнических элементов инвентаря больше обусловлено влиянием «общеевразийской» моды, в частности общегосударственной моды Улуса Джучи. К тому же кабаньи клыки в погребениях широко распространены на Кавказе и имеют аналогии в числе прочих как в осетинских могильниках, где они являются чуть ли не обязательной принадлежностью всех женских захоронений (Куссаева, 1961), так и в адыгских (Ловпаче, 1995). Звериноголовые браслеты и серьги с напускными бусинами изготавливались в золотоордынских городах Поволжья (Руденко, 2015), откуда попадали к кочевникам. Для выделения «кочевнической» составляющей необходимо, прежде всего, исходить из элементов погребального обряда. Для данно-

го региона признаками «степного» происхождения являются кремление покойного, курганный насыпь, наличие коня, разнообразие оружия и упряжи (Армарчук, 2018). Всего этого на могильнике Жукова нет. На нем представлены лишь грунтовые захоронения, характерные для местного оседлого населения еще с раннего железного века и захоронения в каменных ящиках, появившихся в регионе еще в античное время. Проведенное Е.Ф. Батиевой предварительное краниологическое исследование выявило европеоидный облик черепов без монголоидной примеси, обнаруживающих наибольшее сходство с черепами из курганов, определенно связанных с адыгским этносом (серии из «черкесских курганов» XIV–XVI вв. н. э.) (Батиева, 2011).

На основании погребального инвентаря, прежде всего монет, могильник Жукова может быть датирован XIV в.

Могильник имеет ряд параллелей среди грунтовых могильников и подкурганных комплексов протоадыгских племен Северо-Западного Кавказа XIII–XV вв. (Стрельченко, 2003). В частности, среди материалов грунтовых могильников на поселениях Псебепс-3 (Гончаров и др., 2017), Железнодорожное-1 и Железнодорожное-2 (Василиненко, Нарожный, Соков, 2014; Василиненко, Жеребилов, Тищенко, 2014), грунтовом могильнике к югу от ст. Гостагаевской (Новичихин, 1993), могильнике Натухаевский-5 (Бонин, 2015), могильнике Аушедз (Белов, 2011), могильнике близ урочища Боханова Поляна (Бацанюк, Схатум, 2015), а также могильнике Пшиш (Носкова, 2005). Кроме того, обращает на себя внимание сходство погребального обряда жуковского могильника с отдельными погребениями могильника Саркела-Белой Вежи XI–XII вв. (Артамонова, 1963) и грунтового средневекового могильника на Кобяковском городище (Ларенок, 2017).

ЛИТЕРАТУРА

Армарчук Е.А. Северо-Восточное Причерноморье XI–XIV веков: традиционные черты и привнесенные «степные» элементы культуры // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения». Материалы международной научной конференции. (Караचाевск, 22–29 апреля 2018 г.). Карачаевск: КЧГУ им. У.Д. Алиева, 2018. С. 391–393.

Артамонова О.А. Могильник Саркела – Белой Вежи // МИА № 62. Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Том III. М.–Л.: Наука, 1963. С. 9–209.

Батиева Е.Ф. Антропологические материалы из могильника XIII–XIV века средневекового поселения «Жукова» (Краснодарский край, х. Кубанская колонка) // Вестник антропологии. Вып. 19. М., 2011. С. 161–168.

Бацанюк И.С., Схатум Р.Б. Средневековые погребения близ урочища Боханова Поляна (Крымский район Краснодарского края) // V «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа: материалы Международной археологической конференции (г. Краснодар, 26–28 мая 2015 г.). Краснодар: КГИАМЗ им. Е. Д. Фелицына, 2015. С. 9–19.

Белов М.А. Могильник Аушедз в системе средневековых древностей // Тр. III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород – Старая Русса. Т. II. СПб.–М.–Великий Новгород: ИИМК РАН, 2011. С. 123–125.

Бонин А.В. Охранно–спасательные работы 2010–2013 гг. в Анапе, Новороссийске и Крымском районе Краснодарского края // АО 2010–2013 годов. М., 2015. С. 323–325.

Василиненко Д.Э., Жеребилов С.Е., Тищенко И.Б. Археологические исследования средневекового поселения «Железнодорожное–2» в Крымском районе Краснодарского края (предварительное сообщение) // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения (Москва, 21–25 апреля 2014 г.) М: ИА РАН, 2014. С. 329–330.

Василиненко Д.Э., Нарожный Е.И., Соков П.В. Предварительные итоги охранно–спасательных работ на поселении золотоордынского времени «Железнодорожное–1» (Крымский район Краснодарского края) // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения (Москва, 21–25 апреля 2014 г.). М: ИА РАН, 2014. С. 326–328.

Гончаров Е.Ю., Красильникова Л.И., Козмирчук И.А. Монетные находки с поселения и могильника Псебепс–3 (Краснодарский край) // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения». Материалы международной научной конференции. (Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г.). Карачаевск: КЧГУ им. У.Д. Алиева, 2018. С. 432–435.

Дружинина И.А. Нижнее Закубанье в XIII–XIV вв.: на границе культур и природных зон // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы Седьмой международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова–Давыдова (8–12 ноября, 2016 г.). Казань – Ялта – Кишинев: Stratum Plus, 2016. С. 215–218.

Кулешов Ю.А., Нечипорук А.А. Находка уникального кинжала из могильника Жукова (к вопросу о «гражданском» оружии в Золотой Орде) // Военное дело улуса Джучи и его наследников / Отв. ред. А.К. Кушкumbaев. Астана: Фолиант, 2012. С. 182–198.

Куссаева С.С. Аланский катакомбный могильник XI–XII вв. у станицы Змейской // Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Труды археологической экспедиции 1953–1957 гг. / Ред. Е. И. Крупнов. Орджоникидзе: Сев.–Осет. кн. изд–во, 1961. С. 51–66.

Ларенок В.А. 2017. Кобяково городище и некрополь: новые данные по итогам раскопок 2016–2017 годов. Доклад представлен на конференции АрхеoSREDA «Археологические исследования в Ростове-на-Дону и Аксае в 2016–2017 годах», г. Ростов-на-Дону, 27.09.2017 г.

Ларенок П.А., Нечипорук А.А. Средневековое поселение и грунтовый могильник «Жукова» // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения (Махачкала, 23–28 апреля, 2012 г.). Махачкала: Мавраевъ, 2012. С. 347–348.

Ловпаче Н.Г. Новые памятники Закубанской Адыгеи // Археология Адыгеи. Майкоп: Меоты, 1995. С. 238–278.

Нечипорук А.А. Работы 2010 года на поселениях Жукова, Фурожан 2 и Псиф 3 в Крымском районе Краснодарского края // АО 2010–2013 гг. М., 2015. С. 407.

Новичихин А.М. Новые данные о средневековых археологических памятниках в окрестностях станицы Гостагаевской // Понтийско–Кавказские исследования. Краснодар, 1993. С. 138–145.

Носкова Л.М. Средневековые погребения могильника на р. Пшиш в Адыгее. По раскопкам 1986 и 1988 годов // Государственный музей Востока. Материальная культура Востока. Вып. 4. М., 2005. С. 186–200.

Руденко К.А. Булгарское серебро. Казань: Заман, 2015. 527 с.

Стрельченко М.П. Особенности погребального обряда могильников Северо–Западного Кавказа // Древности Кубани. Вып. 19. Краснодар, 2003. С. 30–37.

Информация об авторе:

Нечипорук Александр Александрович, археолог–специалист, ООО «Археологическое общество Кубани» (г. Ростов-на-Дону, Россия); nechip2@rambler.ru

MEDIEVAL ZHUKOV BURIAL GROUND IN THE WESTERN PART OF THE TRANS-KUBAN REGION

A. A. Nechiporuk

The article presents the results of the work in 2010 at the Zhukov burial ground located in the Crimean district of the Krasnodar region on the right bank of the Psebeps river (the western part of the Trans-Kuban region). The investigated area of the burial ground dates back to the 14th century. It has analogies among burial grounds and tumulus groups Proto-Adyghean tribes of the North-Western Caucasus XIII-XV centuries. More than a hundred burials carried out in accordance to the rite of inhumation were investigated. At that, part of the burials were in stone composite boxes, and part of them in ground pits. Most of the tumulus graves had several, mostly non-synchronous, burials. Burials contained a various tools: home stuff, clothing articles, jewelry, toilet items, and also some weapons.

Keywords: the western part of the Trans-Kuban region, Middle Ages, burial ground, burials in ground pits, burials in stone composite boxes, Proto-Adyghy.

About the Author:

Nechiporuk Alexander A. LLC «Archaeological Society of Kuban"», Chekhov Av., St., 62, office 5, Rostov on Don, 344006, Russian Federation; nechip2@rambler.ru

Рис. 1. Расположение могильника Жукова в Крымском районе Краснодарского края.

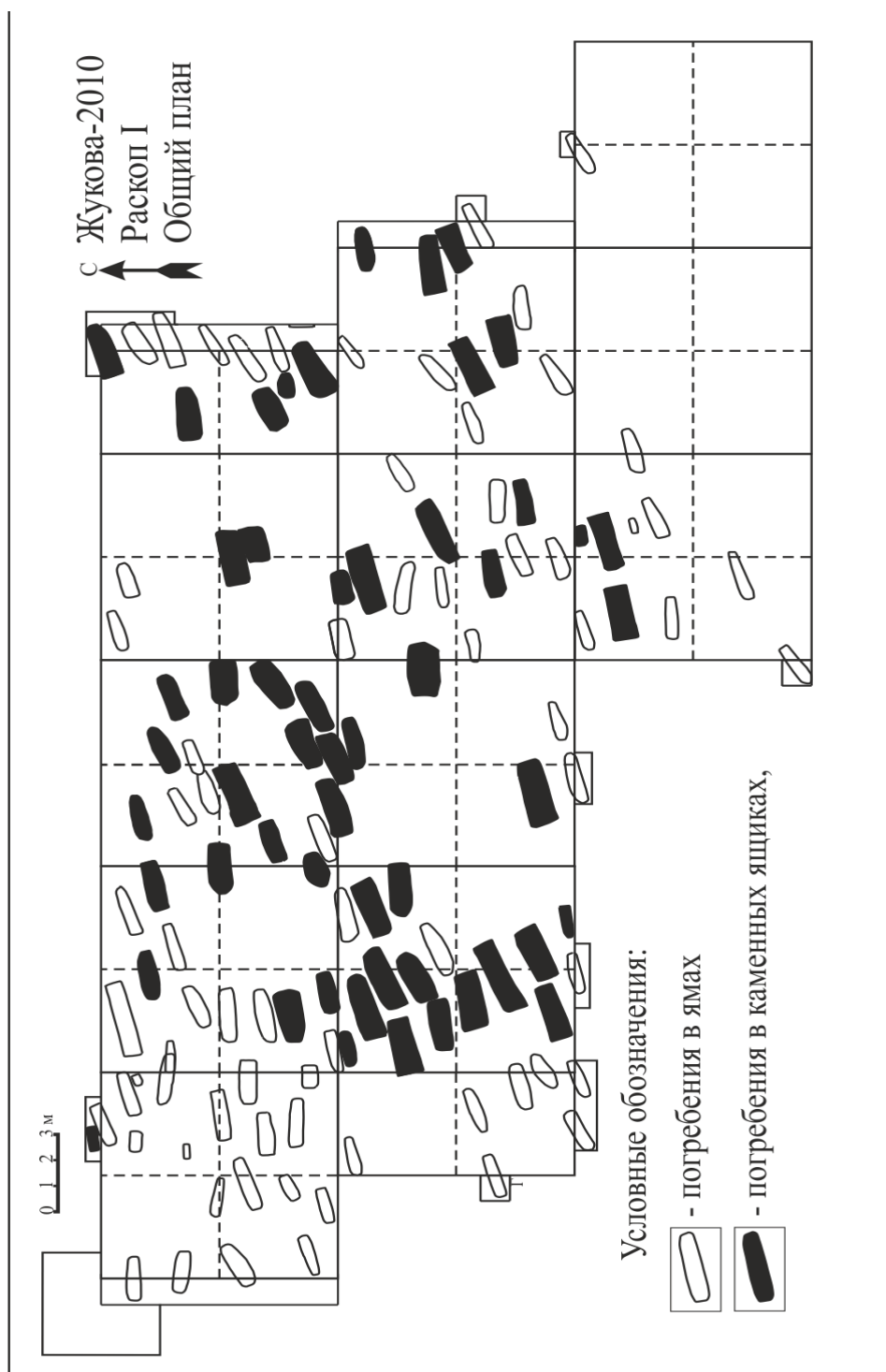

Рис. 2. Общий план Раскопа I на грунтовом могильнике Жукова.

УДК 902.03/902.26

УЛУС, ОБЛАСТЬ, ОКРУГ САРАЙ

© 2018 г. Е. М. Пигарёв

Статья посвящена изучению темы административно-территориального устройства Улуса Джучи (Золотой Орды). Эта тема неоднократно рассматривалась в научной литературе, но из-за дефицита источников еще далека от завершения. У большинства исследователей не вызывает сомнений деление золотоордынского государства на ряд крупных административных единиц – улусов (Сарай, Хорезм, Крым, Болгар и т.д.). В тоже время, деление территории улусов на более мелкие административные единицы – вопрос пока еще мало освоенный. Рассматривая корпус письменных источников, посвященных Золотой Орде, в целом, и столичной территории Сарай, в частности, мы приходим к заключению, что крупные Улусы делились на ряд административно-территориальных составляющих. В данном случае, мы предлагаем к рассмотрению структуру ханского домена Улуса Сарай, с объяснением границ и функциональных значений элементов этой структуры. По нашему мнению, золотоордынское государство (Улус Джучи) делилось на ряд крупных улусов, которые, в свою очередь, делились на области, некоторые области могли делиться на округа.

Ключевые слова: Золотая Орда, Улус Джучи, Улус Сарай, административно-территориальная структура, область (вилаят), округ (белед).

Историю сложения административно-территориального устройства золотоордынского государства можно разделить на два периода. Первый период охватывает время с момента завоевания монголами обширных пространств восточно-европейских степей и обустройства на этих территориях монгольского улуса до прихода к власти хана Узбека. Второй период приходится на время правления хана Узбека, когда были оформлены основные принципы этого устройства, которые сохранялись с некоторыми изменениями вплоть до распада Золотой Орды.

Первый период (1242–1243 – 1313 гг.). Основой административно-территориального деления в этот период была улусная система. Сущность ее составляло право феодалов на получение от хана определенного удела – улуса, за что владелец его принимал на себя определенные военные и экономические обязанности (Егоров, 1985, с. 163). Государство было разделено на 12 крупных административных единиц (улусов), составлявших владения темников и членов правящей семьи Джучидов. В этом делении восьмой улус, располагавшийся вдоль левого берега Волги, составлял личный домен Бату. Каждая из крупных административных единиц подразделялась, в свою очередь, на более мелкие, во главе которых стояли кочевники соответствующих рангов. Эти административные единицы не представляли собой наследственных владений. Хан мог лишиться своей властью прав владения улусом любого представителя кочевой аристократии, что и происходило

на протяжении всего XIII века (Егоров, 1985, с. 163–165).

В этот же период произошло оформление личных владений хана, где располагалась ханская ставка, впоследствии превратившаяся в столицу государства город Сарай. Ханский домен, получивший название улус Сарай, занимал территорию, в которую входили северокавказские степи и левобережные степи Поволжья с границами: на западе в районе реки Дон, на востоке в районе реки Урал, на севере в пределах Волжской Булгарии.

Второй период (1313 г. – нач. XV в.). С приходом к власти хана Узбека во внутреннем устройстве Золотой Орды происходят радикальные преобразования. В течение короткого времени по его приказу было уничтожено 120 Чингизидов и большое количество менее знатных ордынских сановников, отказавшихся перейти в ислам. Совершенно очевидно, что торжество ислама было только поводом. После уничтожения основных политических противников Узбек провел еще две реформы. В результате первой изменился административно-судебный аппарат. В результате второй – была сведена к минимуму власть удельных Чингизидов, которых Узбек постепенно заменил на своих заместителей. Золотая Орда была поделена на четыре улуса (Сарай, Хорезм, Крым и Дешт-и-Кыпчак) и 70 тюменов (Почекаев, 2010, с. 156–158). Улусы возглавляли ставленники хана улусбеки, тюмены (области) – эмиры, входившие в состав дивана. Завершением внутригосударственных преобразований явилось строительство новой

столицы – города Сарай ал-Джадид (Селитренное городище). Улус Сарай до распада Золотой Орды продолжал оставаться центральным улусом государства. В период правления хана Узбека на его территории появляется большое количество новых городов, некоторые из которых превращаются в центры областей.

Письменные источники приводят довольно скудные сведения о терминах, относящихся к административному делению Золотой Орды. Нередко предлагаемые географические обозначения имеют двойной смысл. Для одной и той же административной единицы могли применяться разные определения. Часто встречаемые географические обозначения в письменных источниках: земли, улусы, области, местности, уделы, округа, города. По тюрко-монгольской традиции: улус – это народ, кочевники, данные во владение; термин имеет двойной смысл: народ – удел, народ – государство; юрт – территория расселения, кочевок, местожительство.

Нумизматические источники также предлагают ряд обозначений административных единиц: город (шехр) и округ (белед) (Федоров-Давыдов, 2003, с. 29; Гончаров, 2000, с. 347).

Мы предлагаем к рассмотрению следующую схему административно-территориального устройства центральной части золотоордынского государства, называвшейся Улус Сарай. На его территории известно несколько крупных городов и десятки поселений меньших размеров. Крупные города находились на естественном пересечении торговых путей и имели удобные короткие пути сообщения со столицей государства, являлись центрами областей и округов, исполняли функции административного, производственного и торгового характера.

Улус Сарай – центральная территория Золотой Орды, ханский домен, в состав которого входили северокавказские степи и левобережные степи Поволжья с границами: на западе в районе реки Дон, на востоке в районе реки Урал, на севере в пределах Волжской Булгарии. В его структуру входило несколько крупных городов, являющихся центрами областей (вилаят) и округов (белед) и имеющих право чеканки государственной монеты: Болгар (область), Мохши (округ), Укек (округ), Гюлистан (округ), Азак (округ), Маджары (область ?), Хаджитархан (округ), Сарай (область, округ) и Сарай ал-Джадид (рис. 1).

Болгар – столица Волжской Булгарии – после монгольского завоевания быстро восстанавливается и в середине XIII века становится экономическим и политическим центром Улуса Джучи: здесь отмечается летнее пребывание хана и его администрации и начало чеканки золотоордынских монет (Егоров, 1985, с. 95–96; Измайлов, Кавеев, 2009, с. 194–200). С появлением новой золотоордынской столицы города Сарай ал-Джадид, Болгар становится центром Булгарского вилайета.

Мохши – административно-политический центр района, заселенного мордовскими племенами, находится в отдалении от торговых путей; с начала XIV в. начинается монетная чеканка, известны монеты с обозначением «белед Мохши» – «округ Мохши» (Егоров, 1985, с. 106–107; Белорыбкин Г., 2009, с. 208–210; Федоров-Давыдов, 2003, с. 29).

Укек – один из ранних городов, основанных монголами; находится в месте переправы через Волгу и на границе нижневолжских степей и Волжской Булгарии. В 70-х гг. XIII в. начинается монетная чеканка, особенно интенсивно при хане Токте, известны монеты с обозначением «белед Укек» – «округ Укек» (Егоров, 1985, с. 107; Недашковский, 2009, с. 210–215; Сагдеева, 2005, с. 73).

Азак – крупный экономический центр на торговом пути из Средиземноморья на Восток, порт для приема морских судов; с начала XIV в. начинается монетная чеканка, известны монеты с обозначением «белед Азак» – «округ Азак» (Егоров, 1985, с. 92–94; Сагдеева, 2005, с. 73; Федоров-Давыдов, 2003, с. 29; Гончаров, 2000, с. 347; Масловский, 2015, с. 386).

Маджары – административно-политический центр северокавказских степей Улуса Джучи; в правление хана Узбека являлся летней ставкой хана и его администрации, в XIV в. обладает правом чеканки монет (Егоров, 1985, с. 122; Зиливинская, 2009, с. 230–236; Сагдеева, 2005, с. 75). Вероятно, являлся центром северо-кавказской области Улуса.

Гюлистан (Царевское городище) – крупный административный центр в низовьях Волги, появляется в 1340-х гг., с 1352 г. обладает правом чеканки монет; известны монеты с обозначением: «Гюлистан лис-Сарай» – «Гюлистан Присарайский» (показывает принадлежность города к области (вилайету) Сарай, и «белед Гюлистан» – «округ Гюлистан» (Сагдеева, 2005, с. 73; Федоров-Давы-

дов, 2003, с. 29; Гончаров, 2000, с. 347). Вероятно, являлся местом постоянной ставки орды ханши Тайдулы, а позднее, в период замятни, местопребыванием многих ханов, претендующих на сарайский престол.

Хаджитархан, — возможно, один из ранних городов, основанных монголами; крупный административный центр на правобережье волжской дельты; обладает правом чеканки монет с 1370-х гг.; известны монеты с обозначением: «белед Хаджитархан» — «округ Хаджитархан» (Гончаров, 2000, с. 347). Вероятно, являлся местом постоянной ставки орды Сартака, а позднее, в XV в., местопребыванием многих ханов, борющихся за власть в Золотой Орде (Пигарев, 2017, с. 46).

Сарай (Сарай ал-Махруса) — первая столица государства; месторасположение города к настоящему времени не известно; один из вариантов: городище «Ахтубинское», расположенное на левом берегу Ахтубы у пос. Комсомольский (Пигарев, 2017а, с. 289). Обладает правом чеканки монет с 1270-х гг.; известны монеты с обозначением: «белед Сарай» — «округ Сарай» (Сагдеева, 2005, с. 73–74; Федоров-Давыдов, 2003, с. 29; Гончаров, 2000, с. 347). Вероятно, начало города сложилось из зимника кочевой ханской ставки, которая могла находиться на левом берегу р. Ахтуба напротив села Сеитов-

ка; известны монеты с обозначением: «белед Орда» — «округ Орда» (Гончаров, 2000, с. 347).

Сарай ал-Джадид (Селитренное городище) — вторая столица государства, крупнейший город Золотой Орды; нумизматический материал показывает, что город появляется в 1330-х гг. и существует как столичный центр до середины XV в.; с распадом Золотой Орды Сарай ал-Джадид теряет свой столичный статус, но не исчезает, жизнь здесь сохраняется до конца XVI в. (Пигарев, 2017а, с. 290).

Таким образом, исходя из предложенной нами схемы, можно предположить, что в начале XIV в. в Золотой Орде сложилась следующая административно-территориальная структура. Улус Сарай — центральный улус государства, в состав которого входили области (вилайаты) Сарай, Болгар, Маджары (?). Область (вилайат) Сарай — центральная область Улуса Сарай, в состав которой входили округа (беледы) Укек, Мохши, Азак, Гюлистан, Хаджитархан, Сарай (рис. 2.), Округ (белед) Сарай — столичный центр государства, в состав которого входили ханские ставки: Орда, Орда ал-Муаззам, Иль Уй Муаззам; столичные города: Сарай (Сарай ал-Махруса) и Сарай ал-Джадид; малые города: Мошаикское городище (Суммеркент), Красноярское городище (Кизиль).

ЛИТЕРАТУРА

- Белорыбкин Г. Улус Мохши // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII — середина XV в. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 208–210.
- Гончаров Е.Ю. Старый и Новый Сарай — столица Золотой Орды (новый взгляд на известные источники) // Степи Европы в эпоху средневековья: Сб. науч. ст. / Гл. ред. А.В. Евглевский Т.1. Донецк: ДонГУ, 2000. С. 345–349.
- Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 248 с.
- Зиливинская Э.Д. Золотоордынские города Северного Кавказа // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII — середина XV в. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 230–236.
- Измайлов И., Кавеев М. Болгар в XIII–XV вв. // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII — середина XV в. / Гл. ред. М.А. Усманов, Р.С. Хакимов. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 194–200.
- Масловский А.Н. Заметки по топографии золотоордынского города Азака // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Отв. ред. С.Г. Бочаров. Кишинёв: Stratum Plus, 2015. С. 383–409.
- Пигарёв Е.М. К вопросу о существовании посёлка Сартака (причины отсутствия памятников Золотой Орды на правобережье Волги в Астраханской области // Вопросы интеграции археологических и исторических исследований. Материалы Всероссийской (с международным участием) археологической конференции (Астрахань, 29 сентября–1 октября 2017 г.). Астрахань: Изд-ль Сорокин Роман Васильевич, 2017. С. 44–49.
- Пигарёв Е.М. Дельта Волги в XIII–XV вв. // Тр. V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле — Белокурихе. Т. II. Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2017а. С. 287–291.
- Почкаев Р.Ю. Хань Золотой Орды. СПб.: Евразия, 2010. 384 с.
- Сагдеева Р.З. Серебряные монеты ханов Золотой Орды. М., 2005. 77 с.
- Фёдоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М.: Палеограф, 2003. 352 с.

Информация об авторе:

Пигарёв Евгений Михайлович, кандидат исторических наук, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола, Россия); pigarev1967@mail.ru

ULUS, REGION, DISTRICT SARAI

E. M. Pigarev

The article focuses on the study of the topic of administrative–territorial structure of the ulus of Jochi (Golden Horde). This topic has been repeatedly discussed in the scientific literature, but due to the lack of sources, it is still far from complete. Most researchers do not doubt the division of the Golden Horde state into a number of large administrative units – uluses (Sarai, Khorezm, Crimea, Bulgarians, etc.). At the same time, the division of the territory of uluses into smaller administrative units is still a little consecrated issue. Considering the case of written sources on the Golden Horde, in General, and the territory of the capital of the Barn, in particular, we conclude that the large Uluses were divided into a number of administrative and territorial components. In this case, we propose to consider the structure of the domain of the Khan of the ulus of the Barn, with an explanation of the boundaries and functional values of the elements in this structure. In our opinion, the Golden Horde state (ulus Juchi) was divided into a number of large ulus, which, in turn, were divided into regions, some regions could be divided into districts.

Keywords: Golden Horde, the Ulus of Jochi, the Ulus of Sarai, the administrative–territorial structure, region (wilayat), district (beled).

About the Author:

Pigarev Evgeniy M. Candidate of Historical Sciences. Mari State University. Lenin Square., 1, Yoshkar–Ola, 424000, Mari El Republic, Russian Federation; pigarev1967@mail.ru

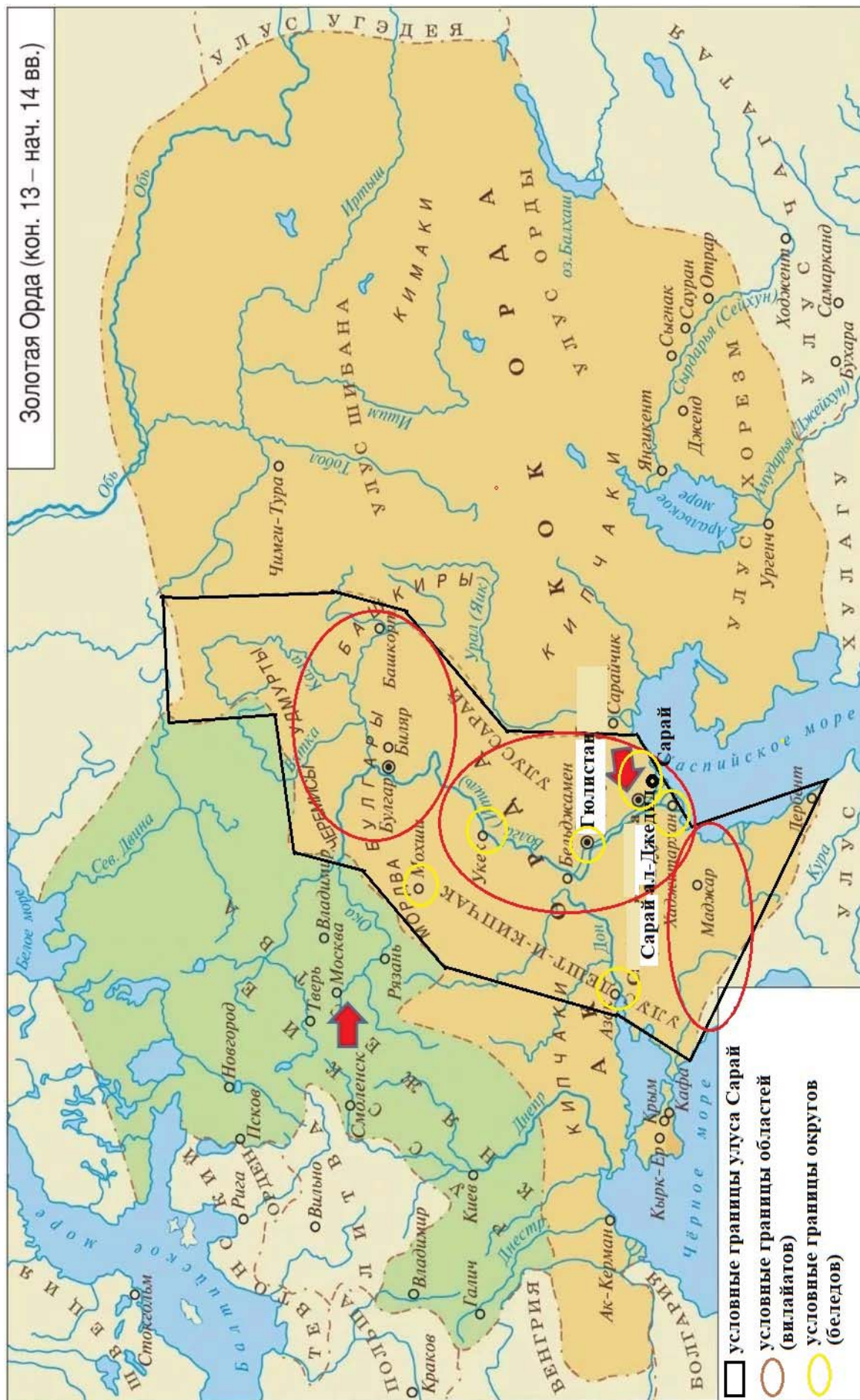

Рис.1. Условные границы Улуса Сарай и области (вилайат) Сарай.

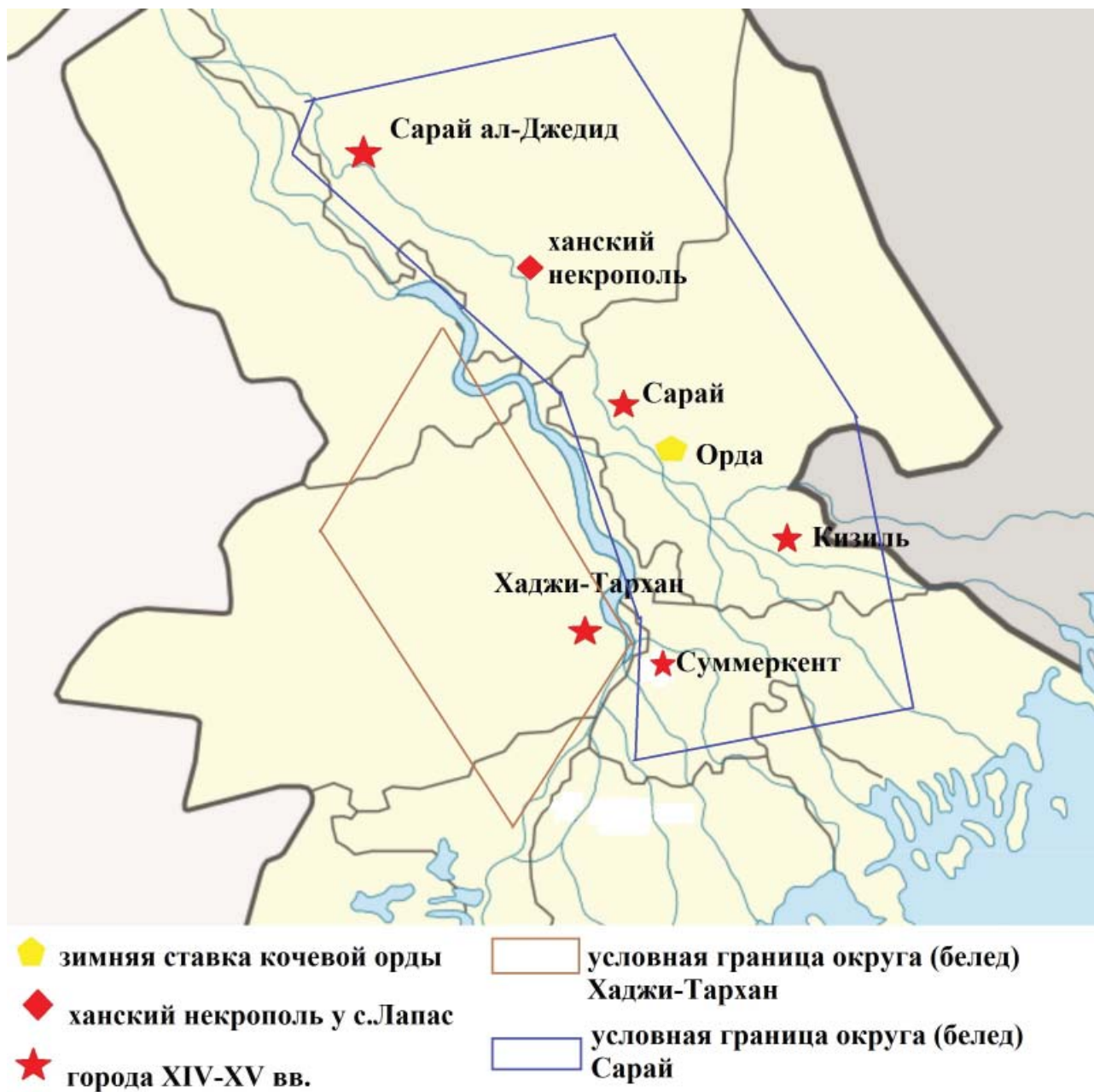

Рис.2. Условные границы округа (белед) Сарай.

УДК 902: 579.2

КРЕМИРОВАННЫЕ СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ И ПОПЫТКИ ИДЕНТИФИКАЦИИ ПРИСУТСТВИЯ ШЕРСТЯНЫХ СУБСТРАТОВ¹

© 2018 г. Н. Н. Каширская, А. А. Петросян, Л. Н. Плеханова,
А. С. Сыроватко, Т. Н. Мякшина, А. В. Потапова

В целях определения наличия кератинолитических микроорганизмов используются чашечные посевы на среды с прямым подсчетом колониеобразующих единиц. В условиях ламинар-боксов произведены посевы на среды с шерстяными дисками в трех повторностях со сроком экспозиции 14 суток и последовательным трехкратным подсчетом кератинолитических микроорганизмов. Кроме того, в трехкратной повторности проведен дополнительный эксперимент без ультразвуковой дезинтеграции почвенных частиц в суспензии с целью получения устойчивых результатов. Объектом для экспериментов послужили почвогрунты могильника Кременье в окрестностях г. Ступино Московской области, где раскопки велись в полевом сезоне 2017 года. Непосредственно образцы были отобраны из поперечных разрезов кремированных погребений с отбором донной, средней, и верхней проб, с отбивкой тахеометром. Фоном служили серые лесные почвы насыпи кургана одного возраста с кремациями (XII в.н.э.). Используя наши разрабатываемые подходы, возможно судить о наличии шерстяных фрагментов одежды или тары в образцах с повышенной численностью кератинолитических грибов. В докладе будут подробно изложены результаты первых экспериментов для почво-грунтов кремаций XII в. (русское население) в средней полосе РФ. Выявлено наличие субстратов животного происхождения в трех погребениях. Разница превышения фоновых значений колеблется от 1,5 до 8 раз по всей выборке.

Ключевые слова: палеопочвы, кератинолитики, микробная биомасса, микроорганизмы.

Курганный могильник Кременье в археологической литературе известен давно, после раскопок В.А. Городцовым шести курганов из группы летом 1927 года (Городцов, 1928, с. 20–22). В 2013 г. в противопожарной распашке в межкурганном пространстве были обнаружены первые кремации и с 2015 г. на памятнике проводятся стационарные раскопки (история изучения памятника подробнее: Сыроватко, Клещенко, 2017). Главным их результатом следует считать сам факт столь удивительного сочетания архаичного погребального обряда (грунтовые кремации, помещенные в небольшие ямки или рассыпанные по древней поверхности) с поздней датой – не ранее сер. XII в., т.е. «вятичского» времени. Особенно удивительна явная синхронность грунтовых кремаций курганной части могильника, это параллельно существовавшие кладбища, составлявшие единый комплекс, в глубине «вятичской» территории и с «вятичскими» вещами (Сыроватко, Фомченко, 2015;

Сыроватко, Клещенко, 2017). К настоящему времени в грунтовой части могильника исследовано 10 погребений-кремаций на площади 210 м². Очевидно, что это нерядовой археологический объект, требующий особенно тщательного изучения. Образцы для анализа грунтов были взяты из погребений-кремаций №№ 8–10, из участков контакта слоя кремации (темно-серого песка с углем и кальцинированными костями) с материковым светло-серым или светло-желтым песком. **Погребение 8** представляло собой чрезвычайно плотное скопление, с очень крупными костями, по сравнению с кремациями могильников Щурово, Лужки и Соколова Пустынь (Сыроватко, 2014). Максимальный разброс костей скопления был в пределах метра, ядро скопления не более чем 50×50 см. Это скопление почти не заглублено в материк, располагалось прямо под дерном. Находок в скоплении костей не обнаружено. **Погребение 9** сильно повреждено распашкой, уцелевшая часть скопления

¹ Раскопки проведены при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17–06–00326 "Заселение левобережья Оки в "Темные века" (VIII–X вв.) в контексте динамики ландшафтов речной долины в позднем голоцене», рук. А.С. Сыроватко.

Наличие шерстяных субстратов определено также при поддержке РФФИ, проект № 17–29–04257 офи_м «Археологическая микробиология: теория и практика выявления исходного присутствия органических материалов в археологических исследованиях», рук. А.В. Борисов.

имела размеры не более чем 70×25 см, без заглупления в материк без индивидуальных находок. **Погребение 10** представляло собой скопление костей, не заглупленное в материк, толщина линзы темно-серого песка с кальцинированными костями размерами не более 13 см. Максимальный разброс костей имел 1×1 м, но ядро скопления компактнее, ок. 40×60 см. Находок, связанных с этим погребением, также не обнаружено.

Для получения физико-химических характеристик почв и грунтов могильника были проведены анализы гранулометрического состава почв курганной насыпи и единовременных с ней кремированных погребений, определены рН, влажность, полная полевая влагоемкость, общий углерод, гумус (по общепринятым методикам, Аринушкина, 1979), органические и минеральные фосфаты (Saunders and Williams, 1955), активность микробной биомассы, а также интенсивность базального и субстрат-индуцированного дыхания (Anderson and Domsh, 1980) для массива из 40 образцов. Результаты химических анализов позволяют сопоставлять свойства почво-грунтов кремаций, для которых фоновой почвой является насыпь кургана.

В эксперименте по проращиванию кератинолитических микроорганизмов сквозь шерстяные диски на среде Виноградского (рис. 2) мы обрабатывали почвенную суспензию ультразвуком, как это принято в почвенной микробиологии при использовании методов учета численности КОЕ бактерий и актиномицетов на твердых питательных средах. Однако микробные колонии, прорастающие сквозь шерстяные диски, все без исключения оказались колониями кератинолитических грибов, тогда как колонии прокариот – бактерий и актиномицетов – на поверхности шерсти не были обнаружены ни в одном из случаев. В связи с этим был произведен повторный эксперимент, учитывающий особенности выращивания грибных колоний на твердых питательных средах. В повторном эксперименте образцы погребального грунта доводили до пастообразного состояния и растирали в фарфоровой ступке с соблюдением условий стерильности. Для нанесения почвенной суспензии на среду Виноградского в повторном эксперименте использовали второе разведение суспензии, также как и в первом эксперименте с ультразвуковой обработкой.

В первом эксперименте подсчет колоний кератинолитических грибов последова-

тельно проводился на 4, 7 и 14 сутки после посева. В большей части случаев на 7 сутки было отмечено увеличение данного показателя на 7 сутки по сравнению с 4 сутками. Дальнейшее увеличение численности КОЕ кератинолитических грибов наблюдалось не всегда, более того, в некоторых образцах на 14 сутки отдельные грибные колонии сливались, поэтому визуальное определение их численности было затруднено. В таких случаях создавалось впечатление, будто число колоний, подсчитываемых на 14 сутки, становится несколько меньше по сравнению с их числом на 7 сутки.

По результатам посева кератинолитических грибов на шерстяные диски для двух экспериментов были рассчитаны средние величины данного показателя. По итоговым величинам численности кератинолитических грибов рассматривалась динамика данного показателя в погребальных грунтах, содержащих кремированные остатки или в грунтах на границе с кремациями.

В образцах фоновой почвы, отобранных из массива насыпи кургана, значения численности кератинолитических грибов после обработки ультразвуком были завышены вследствие дробления грибного мицелия, на что указывает достоверное уменьшение данного показателя в эксперименте без обработки ультразвуком. В нижней части горизонта АВ (38 см) численность кератинолитических грибов во втором эксперименте составляла около 3 тыс. КОЕ/г почвы, ниже достигала 6 – 6,4 тыс. КОЕ / г почвы. Для образцов горизонта В на 75 см результаты экспериментов с ультразвуковой обработкой и без ультразвуковой обработки достоверно не различались, оставаясь на низком уровне.

Максимальной численностью кератинолитических грибов характеризовался верхний горизонт фоновой почвы (10 см). В поверхностном слое горизонта АВ со средней глубиной 20 см величина данного показателя достоверно снижалась в 3,7 раза относительно верхнего горизонта А1. В более глубоком слое горизонте АВ (средняя глубина 38 см), а также в культурном слое с печиной (60 см) и в горизонте В (75 см) значения численности кератинолитических грибов достоверно не различались и составляли в среднем около 5,7 тыс. КОЕ / г почвы. Средняя величина численности кератинолитических грибов в нижних слоях фоновой почвы (38–75 см) была принята в качестве контрольного уровня при исследовании динамики данного показателя в

грунтах из погребений, включающих остатки кремаций XII века.

В погребальных грунтах, содержащих кремированные останки (рис. 2), численность кератинолитических грибов в большей части случаев была выше контрольного уровня. Особенно высокие значения данного показателя были зафиксированы в грунте погребения 9, отобранном из-под костяка, и в грунте погребения 10 – на стыке погребения и материка. Здесь численность кератинолитических грибов составляла соответственно 24,58 и 46,50 тыс. КОЕ / г почвы, превышая контрольный уровень соответственно в 4 и 8 раз.

В грунтах погребения 8 (также рис. 2) достоверное увеличение численности кератинолитических грибов в 2,5 и 2 раза по сравнению с контролем было отмечено с правой стороны и в центре придонной части погребения. При этом в грунте, взятом с левой стенки погребения, увеличение данного показателя по сравнению с контрольным уровнем не выявлялось. В грунте со дна центральной части погребения численность кератинолитических грибов достоверно не отличалась от контрольного уровня, хотя была отмечена тенденция к некоторому ее увеличению на 25% по сравнению с контролем.

Поскольку температура горения при кремировании определяется как превышающая 750 °С, то материалы животного происхождения, входящие в состав самих кремированных останков при неполном сгорании возможно исключить. Высокие значения численности кератинолитических грибов в

образцах погребального грунта, содержащего кремированные останки, по-видимому, свидетельствуют о наличии материалов животного происхождения, используемых при транспортировке и захоронении кремированных останков, вероятно, емкостей из кожи или шерстяной ткани (войлока).

Установлено, что численность кератинолитических микроорганизмов в эксперименте с обработкой ультразвуком отражает дробление грибного мицелия и увеличение КОЕ, что зафиксировано в фоновой почве (горизонты В 38 см и КС 60 см). При низких численностях кератинолитических грибов различий между типами обработки (с УЗ или без) не выявлено. По итоговым средним величинам численности кератинолитических грибов проведено сравнение данного показателя в погребальных грунтах, содержащих кремированные останки или в грунтах на контакте с кремациями.

Высокие значения численности кератинолитических грибов в образцах погребального грунта, содержащего кремированные останки (выше фоновых в 4–8 раз), позволяют предполагать наличие материалов животного происхождения, используемых при транспортировке и захоронении кремированных останков.

Таким образом, впервые палеопочвенные подходы применены к грунтам кремированных захоронений, велась адаптация к подобным объектам и разработка методов изучения микробных сообществ, достоверно выявлено наличие органических материалов животного происхождения в ряде образцов.

ЛИТЕРАТУРА

- Аринушкина Е.В. Руководство по химическому анализу почв. М.: МГУ, 1970. 488 с.
- Городцов В.А. Археологические исследования в Коломенском и Каширском уездах. М.: Издательство 1-го Московского государственного университета, 1928. 22 с.
- Сыроватко А.С. Могильники с кремациями на Средней Оке второй половины I тыс. н.э. // РА. 2014. № 4. С. 48–61.
- Сыроватко А.С., Клеценко Е.А. Грунтовые погребения–кремации XII века: новые исследования курганного могильника Кремень // Археологические исследования в Подмосковье: материалы научного семинара. Вып. 13. М.: ИА РАН, 2017. С. 45–56.
- Сыроватко А.С., Фомченко Э.Э. Курганная группа в Кремень – новый археологический сюжет // Оки связующая нить: археология Среднего Поочья: Матер. VII– VIII региональной научно-практической конференции. Ступино: МБУК «Ступинский историко-художественный музей». 2015. С. 132–138.
- Anderson, J.P.E. and Domsch, K.H. 1980. Quantities of plant nutrients in the microbial biomass of selected soils. Soil Science. (130), 211–216.
- Saunders, W. M. II.; Williams, E. G. 1955. Observations on the determination of total inorganic phosphorus in soils. J. Soil Science. (6), 254–267.

Информация об авторах:

Каширская Наталья Николаевна, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник лаборатории археологического почвоведения Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, (г. Пущино, Россия); nkashirskaya81@gmail.com

Петросян Ануш Андраниковна, студентка медико-биологического факультета кафедры почвоведения и управления земельными ресурсами Воронежского государственного университета; (г. Воронеж, Россия); alisa_mayakovskaya@bk.ru

Плеханова Людмила Николаевна, кандидат биологических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории археологического почвоведения Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, (г. Пущино, Россия); dianthus1@rambler.ru

Сыроватко Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, руководитель Коломенского археологического научного центра (г. Коломна, Россия).

Мякшина Татьяна Николаевна, кандидат биологических наук старший научный сотрудник лаборатории моделирования экосистем Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, (г. Пущино, Россия); mtn59@mail.ru

Потапова Анастасия Владимировна, младший научный сотрудник лаборатории археологического почвоведения Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН (г. Пущино, Россия); anastassia4272@gmail.com

CREMATED MEDIEVAL BURIALS AND ATTEMPTS TO IDENTIFY TRACES OF WOOLEN SUBSTRATES²

**N. N. Kashirskaya, A. A. Petrosyan, L. N. Plekhanova, A. S. Syrovatko,
T.N. Myakshina, A. V. Potapova**

In order to determine the presence of keratinolytic microorganisms, researchers apply cup cultures on media with a direct count of colony forming units. Inoculation of a medium with woolen discs was carried out in the conditions of laminar boxes in triplicate with an exposure period of 14 days and a sequential triple count of keratinolytic microorganisms. In addition, a supplementary experiment was conducted in triplicate with no ultrasonic disintegration of soil particles in the suspension in order to obtain stable results. Objects of the experiment were represented by soils from Kremenje burial ground in the vicinity of Stupino, Moscow Oblast, where excavations were conducted in the field season of 2017. Samples were taken directly from the cross-sections of cremated burials with collection of bottom, middle, and top samples using tacheometer readings. Background for the experiment were grey forest soils of the burial mound, which were of the same age as the cremations (12th century A.D.). The approaches developed by the authors make it possible to assess the presence of woolen clothing or container fragments in samples with an increased count of keratinolytic fungi. The report will feature detailed results of the first experiments for the 12th century soil cremations (Russian population) located in central Russia. The presence of substrates of animal origin was identified in three burials. The difference in the excess of background ranges from 1.5-fold to 8-fold across the entire selection.

Keywords: fossil soils, keratinolytics, microbial biomass, microorganisms.

About the Authors:

Kashirskaya Natalya N. Candidate of Biological Sciences, Institute of Physical-Chemical and Biological Problems of Soil Science of the Russian Academy of Sciences. Institutskaya St., 2, Pushchino, 142290, Moscow Oblast, Russian Federation; nkashirskaya81@gmail.com

Petrosyan Anush A. Voronezh State University. Universitetskaya Square, 1 Voronezh, 394018, Russian Federation; alisa_mayakovskaya@bk.ru

² Excavations were conducted with the financial support of the RFBR, project No. 17-06-00326 "Settlements on the left bank of the Oka river in the "Dark Ages" (8th–10th centuries) in the context of river valley landscape dynamics in the late Holocene", under the supervision of A.S. Syrovatko.

The presence of wool substrates was also determined with the support of the RFBR, project No. 17-29-04257 ofi_m "Archaeological microbiology: theory and practice of identifying the initial presence of organic materials in archaeological studies", under the supervision of A.V. Borisov.

Plekhanova Lyudmila N. Candidate of Biological Sciences, Assistant Professor, Institute of Physical-Chemical and Biological Problems of Soil Science of the Russian Academy of Sciences. Institutskaya St., 2, Pushchino, 142290, Moscow Oblast, Russian Federation; dianthus1@rambler.ru

Syrovatko Alexandr S. Candidate of Historical Sciences. Kolomna Archaeological Center. Kremlyovskaya St., 5, Kolomna, 140400, Moscow Oblast, Russian Federation.

Myakshina Tatyana N. Candidate of Biological Sciences, Institute of Physical-Chemical and Biological Problems of Soil Science of the Russian Academy of Sciences. Institutskaya St., 2, Pushchino, 142290, Moscow Oblast, Russian Federation; mtn59@mail.ru

Potapova Anastasiya V. Institute of Physical-Chemical and Biological Problems of Soil Science of the Russian Academy of Sciences. Institutskaya St., 2, Pushchino, 142290, Moscow Oblast, Russian Federation; anastassia4272@gmail.com

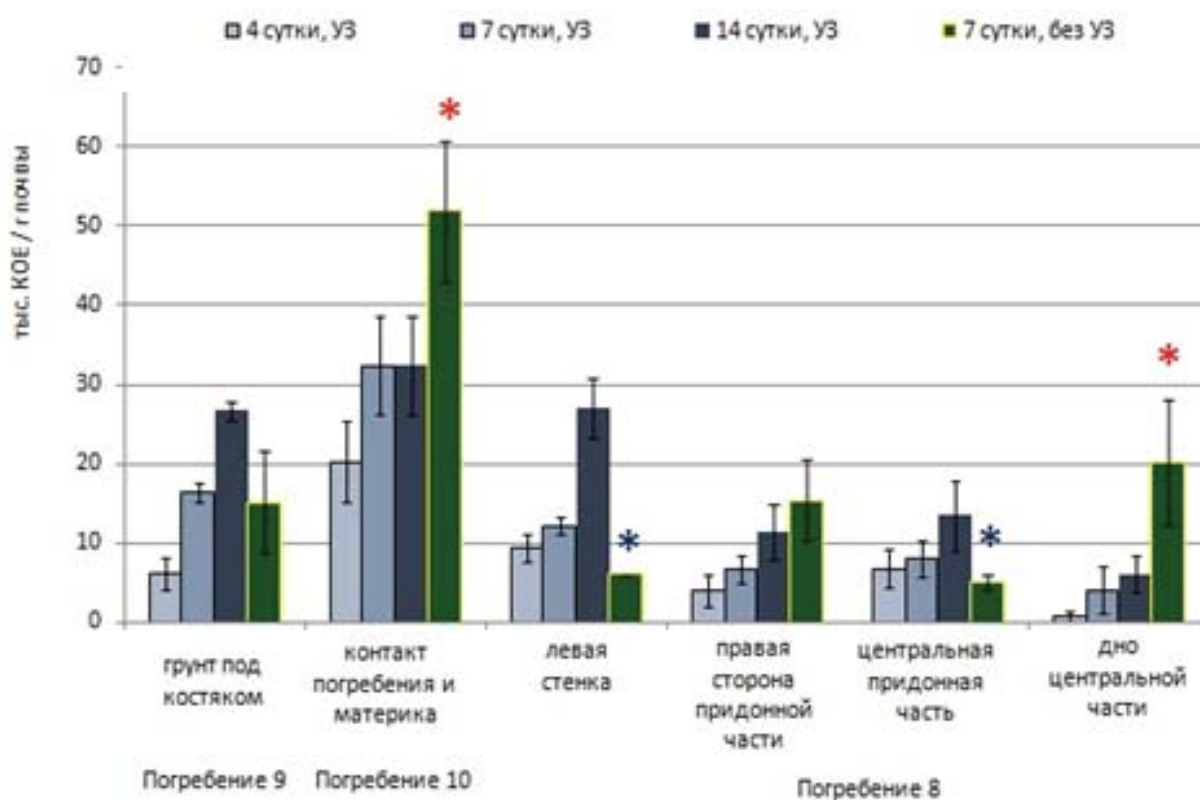

Рис. 1. Численность колониеобразующих единиц в грунтах кремаций по результатам экспериментов с ультразвуковой дезинтеграцией и без нее.

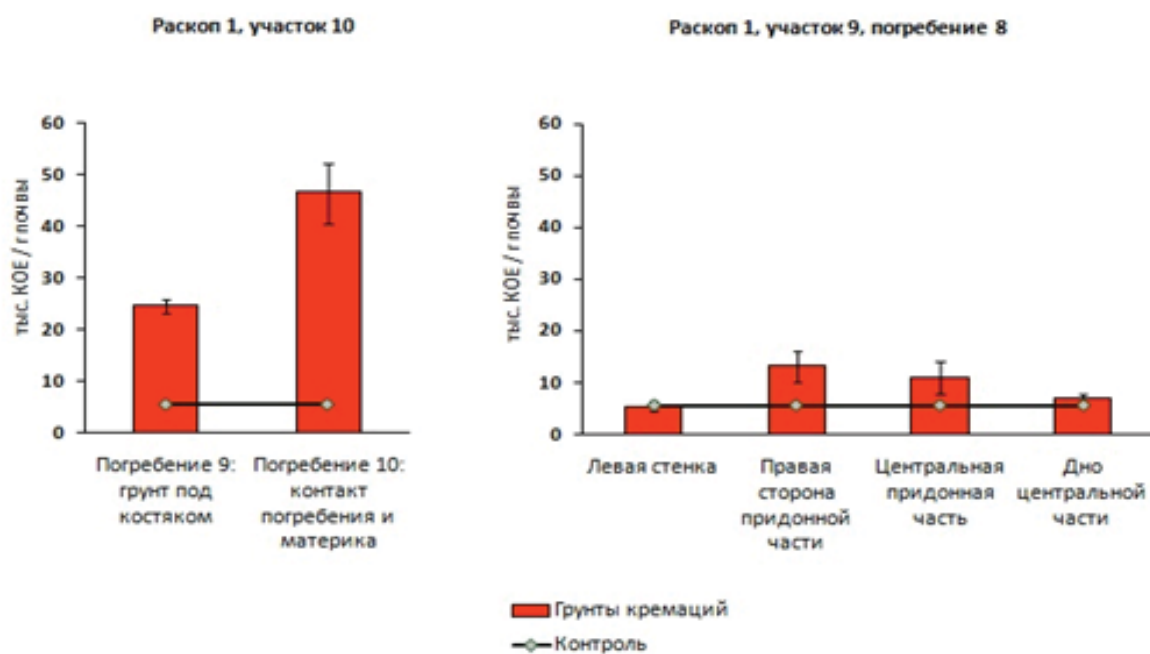

Рис. 2. Численность кератинолитических грибов в погребальных грунтах, содержащих кремированные останки.

УДК 902.03

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КОЧЕВНИКОВ БУЛГАРСКОЙ ОБЛАСТИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

© 2018 г. К. А. Руденко

В статье рассматриваются предметы разных категорий, которые были обнаружены в погребениях кочевников, расположенных на территории Булгарской области Золотой Орды. Автором собраны данные из раскопок нескольких могильников, а также одиночных погребений на городских и сельских могильниках, а также привлечены материалы из музейных коллекций и публикаций. Проведена систематизация находок, определены хронологические рамки их бытования по материалам раскопок, а также проанализированы аналогии и синхронные комплексы из исследований позднекочевнических захоронений Урала и Поволжья. Установлено, что прослеживается достаточно тесная связь между предметами конской упряжи и снаряжения с инвентарем именно кочевнических погребений, а не поселений Булгарской области Золотой Орды, как можно было ожидать. Интересно, что украшения и предметы туалета из рассматриваемых находок отличаются от массовых серий, характерных как для городских центров Золотой Орды, так и кочевнических комплексов XIII – XIV вв. Выделяются местные оригинальные типы изделий, отличающиеся высоким уровнем стилизации. В результате этого анализа можно считать, что материальная культура кочевого населения Булгарской области Золотой Орды XIV, точнее 2 половины этого столетия в. (так датируются более половины известных комплексов) практически идентична материальной культуре кочевников Волго–Уралья и составляет с ней единое целое.

Ключевые слова: кочевники, Золотая Орда, материальная культура, Булгарский Улус, металлические зеркала.

Изучение древностей Булгарской области Золотой Орды показало, что выделяется группа могильников и отдельных захоронений, связанных с золотоордынскими кочевниками, сохранившими традиционные языческие погребальные обряды (Руденко, 2013, с. 189–209). Эти некрополи, расположенные в сельской местности, были связаны с небольшими поселениями, часть из которых была изучена. В этой связи интересной проблемой является исследование особенностей материальной культуры этого населения, выяснение, насколько она была связана с бытом кочевников или уже была интегрирована в мир оседлого населения Улуса. Опубликованные материалы булгаро-ордынских селищ и городищ, а также обобщающие исследования древностей золотоордынских кочевников (Федоров-Давыдов, 1966; Иванов, Кригер, 1988; Мыськов, 2015) позволяют провести такой анализ.

На сегодняшний день имеются сведения о 12 могильниках и отдельных захоронениях на территории Булгарской области Золотой Орды, которые можно отнести к золотоордынским кочевникам¹. К анализу нами были привлечены 25 погребений из 6 могильников, сопровождавшихся погребальным инвента-

рем. Рассмотрим основные категории изделий.

Детали конской упряжи представлены стремени и удилами (рис. 1: 1, 2). Стремена (2 экз. МПО²) одного типа – арочной формы с узкой прорезью для путилища и прямой или чуть выгнутой широкой подножкой. Е.П. Мыськов выделяет его в тип А1а, датированный XIV в., преимущественно второй половиной столетия (Мыськов, 2015, с. 56, 59, табл. III). Аналогичные стремени были обнаружены в подъемном материале на поселении Дамба III с монетами XIV в. Интересно, что этот тип стремян, составляющий часть типологического ряда этих артефактов у средневековых кочевников (Федоров-Давыдов, 1966, с. 12, рис. 1) редко встречается на булгаро-ордынских селищах и городищах.

Седла не сохранились, но в одном случае его наличие (судя по обуглившемуся дереву и расположению стремян) в захоронении (МПО/8³) очевидно, причем оно располагалось в районе ног погребенного. Из коллекций Булгарского и Билярского городищ происходят фрагменты окантовки луки седла⁴, характерные для ордынских могильников Волго-

¹ Мы не рассматриваем могильники чиялыкской культуры, которые представляют собой особую этнокультурную группу и изучаются Е.П. Казаковым.

² МПО – могильник Песчаный остров.

³ Цифрой указан номер погребения.

⁴ Коллекция Национального музея РТ, инв.№5363 и 5427.

Донского междуречья (Мыськов, 2015, с. 60). Однако таких находок в могильниках не зафиксировано.

Удила (3 экз.; МПО, БК, РП⁵) – все двусоставные кольчатые, кольца диаметром от 4 до 6 см (рис. 1: 3, 30). Некоторые из них имеют широко раскованные окончания грызл для удержания колец. Удила встречаются вместе со стременами, ножами и в одном случае с наконечниками стрел. Двусоставные кольчатые удила широко встречаются на болгарских памятниках XII–XIV вв. То же можно сказать о железных подпружных и уздечных пряжках, найденных в захоронениях (3 экз.: БК; РП) (рис. 1: 26).

Украшения уздечки – бляшки, бубенчики или наносные султанчики в погребениях также не зафиксированы, хотя на болгаро-ордынских поселениях, как и в кочевнических захоронениях Волго-Донья они не редкость (Мыськов, 2015, с. 61–62). Возможно, в нашем случае это имеет хронологическое объяснение: пик распространения многих таких аксессуаров ко второй половине XIV в. сходит на нет (Иванов, Кригер, 1988, с. 30). В одном захоронении (МИМ⁶) зафиксированы небольшие железные конусы-подвески, встречающиеся у кочевников Южного Приуралья (Иванов, Кригер, 1988, с. 9, 32, рис. 1–6; 8–6, 7).

Бытовые и хозяйственные предметы в рассматриваемых захоронениях редки. Они представлены железными кресалами (2 экз.; БК) (рис. 1: 26, 27), костяной игольницей (1 экз.; МПО) (рис. 1: 10), шильями (2 экз.; МПО; БК) (рис. 1: 8, 17); ножницами (3 экз.; БК; БТМ, АП⁷) (рис. 1: 16). Сохранность их в большинстве случаев плохая, но по деталям формы они соответствуют типам, распространенным у кочевников Поволжья и Приуралья в XIII – XIV вв. Особых датирующих признаков они не имеют, как и железные ножи (5 экз.) (рис. 1: 5–7, 14, 29). Последние имеют прямую спинку и резкий переход от черешка к лезвию. Такие изделия часто встречаются на золотоордынских поселениях (Савченкова, 1996, с. 28–31, рис. 9; 10). Погребальная посуда не зафиксирована, а единственная бронзовая чашечка (1 экз.; ББ⁸) является исключением. Глиняные

прясла (2 экз.; БТМ) – усеченно-биконическое и колесовидное овального сечения (Руденко, 2013, с. 193, рис. 2–9, 10), встречены только в одном могильнике.

Выделяются металлические зеркала (7 экз.) из женских захоронений. Отметим зеркала из могильников Песчаный остров и Балымерского (рис. 1: 9, 15), которые имеют аналогии в курганах кочевников Южного Урала (Иванов, Кригер, 1988, с. 17, рис. 4, типы ДIII и XI), датированных монетами 2 половины XIV в., причем такие или похожие артефакты не зафиксированы у номадов в других частях Золотой Орды. Вместе с тем в рассматриваемых материалах отмечены и изделия, относящиеся к широко распространенным типам, но сильно стилизованные вследствие неоднократного копирования. Датируются зеркала XIV в., отчасти – второй половиной этого столетия (Руденко, 2017, с. 160–171).

Предметы вооружения немногочисленны. Это железные плоские наконечники стрел (10 экз.; БК, РП) разных форм (рис. 1: 18–25) – от универсальных до оригинальных, например, кунжутolistных (рис. 1: 23), встречающихся преимущественно в XIV в. На поселениях последние не зафиксированы, но известны в кочевнических ордынских погребениях (Мыськов, 2015, с. 129, табл. XXII, тип. A1g4). Найдено одно навершие рукояти сабли из поделочного камня (РП) (Руденко, 2013, с. 193, рис. 2–8). Каких-либо других предметов вооружения, как и деталей колчанов, колец для стрельбы, рукоятей плеток, остатков луков и прочих аксессуаров в захоронениях не выявлено. Немного их и на поселениях (Савченкова, 1996, с. 79, 80, рис. 34, 2; Закирова, 1988, с. 227–229, рис. 99: 15, 18; 100: 11; 101).

Из украшений встречен мелкий стеклянный бисер (МПО; БК); фрагмент бронзового браслета (1 экз.; МПО) (рис. 1: 13), несколько бронзовых нашивок (2 экз.; МПО) (рис. 1: 11, 12), а также пара серег со вставками (ББ). Нашивки датированы по аналогиям второй половиной XIV в. Мелкий бисер встречен в золотоордынских слоях Булгарского городища (Полубояринова, 1988, с. 166), но бытовал он в широких хронологических рамках. Показательно, что других типов бусин в погребениях не зафиксировано, хотя на поселениях они встречаются достаточно часто (Полубояринова, 1988, с. 171–180). В одном захороне-

⁵ БК – Балымерские курганы; РП – Рождественское погребение.

⁶ МИМ – Малоиерусалимский могильник на Булгарском городище.

⁷ АП – Алексеевское погребение; БТМ – Байрякитамакский могильник.

⁸ ББ – Бабий бугор – могильник на Булгарском

городище.

нии (РП/18) найдена монета 1357 г. (Руденко, 2013, с. 208).

Таким образом, в захоронениях кочевого населения Булгарской области присутствует стандартный набор погребального инвентаря, характерный для номадов Волго-Донья и Предуралья конца XIII – XIV в., имеющий особенности только в типах отдельных предметов. Большая часть рассмотренного материала датируется второй половиной XIV в., что согласуется с наблюдениями по составу погребального инвентаря кочевников Южного Урала (Иванов, Кригер, 1988, с. 30). Вышеперечисленные факты позволяют утверждать, что население с непостоянной оседлостью в

Булгарской области Золотой Орды являлось частью Великой степи, что подтверждает вывод Г.А. Федорова-Давыдова о своеобразии золотоордынской культуры, где в рамках одного государства городские центры оседлого населения соседствовали с кочевниками с их традиционным бытом и обычаями (Федоров-Давыдов, 1966, с. 209–210). Даже Волжская Булгария с характерным земледельческим укладом и сложившейся городской культурой, после того как вошла в состав монгольской империи не стала исключением из общего правила, о чем свидетельствуют приведенные выше данные.

ЛИТЕРАТУРА

Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М.: Наука, 1988. 94 с.

Закирова И.А. Косторезное дело Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 220–243.

Мыськов Е.П. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград: Изд-во ВФ РАНХиГС, 2015. 484 с.

Полубояринова М.Д. Стекланные изделия Болгарского городища // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 151–219.

Руденко К.А. Кочевники в Булгарском Улусе Золотой Орды (по данным археологии) // ПА. 2013. №2. С. 189–211.

Руденко К.А. Происхождение некоторых булгарских металлических зеркал (к характеристике культурных связей Поволжья со Средней Азией, Сибирью и Дальним Востоком в эпоху Средневековья) // Древности Сибири и Центральной Азии. 2017. № 8(20). С. 160–181.

Савченкова Л.Л. Черный металл Болгара. Типология // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ, 1996. С. 5–88.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ, 1966. 276 с.

Информация об авторе:

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук, профессор, Казанский государственный институт культуры (г. Казань, Россия); murziha@mail.ru

MATERIAL CULTURE OF THE NOMADS OF THE BULGAR ULUS OF THE GOLDEN HORDE

K. A. Rudenko

The article examines artifacts from burials of nomads from the Bulgarian area of the Golden Horde. The author collected data from excavations of nomad's burial grounds, solitary burials in urban and rural cemeteries, as well as materials from museum collections and publications. In total, artifacts from 25 graves from 6 necropolises were studied. The systematization of the finds has been carried out, the chronological framework of their existence has been determined based on the materials of the excavations. The author analyzed analogies to these artifacts and finds from synchronous complexes from burials of nomads of the Urals and the Volga Area. He found that there is a close connection between the items of horse harness and equipment with inventory of nomadic mounds of the XIV century. There are very few similar products in the settlements of the Bulgarian area of the Golden Horde. Studied jewelry differs from products common in the cities of the Golden

Horde. Local types of products are distinguished, which are distinguished by a high level of stylization. The material is dated to the XIV century. The author claims that the material culture of the nomadic population of the Bulgar area of the Golden Horde of this period is identical with the material culture of the nomads of the Volga and the Urals and forms a single whole with it.

Keywords: nomads, Golden Horde, material culture, Bulgarian Ulus, metal mirrors.

About the Author:

Rudenko Konstantin A. Doctor of Historical Sciences, Professor, Kazan State University of Culture. Orenburgsky Trakt St., 3, Kazan, 420059, Russian Federation; murziha@mail.ru

Рис.1. Вещевой инвентарь из кочевнических могильников Булгарской области Золотой Орды. 1–14: могильник Песчаный остров; 15–27: Балымерские курганы. 9,11–13,15: цветной металл; 10: кость; 1–7, 14,16–30: железо; 8: железо и дерево.

УДК 902/904

ВОЕННОЕ ДЕЛО НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕЙ АНГАРЫ В МОНГОЛЬСКУЮ ЭПОХУ

© 2018 г. П. О. Сенотрусова, П. В. Мандрыка

В Монгольскую эпоху у населения Нижнего Приангарья сформировался набор оружия, включающий как местные формы, так и общераспространенные в степном поясе Евразии предметы. Оружие дистанционного боя представлено находками деталей сложносоставных луков и наконечников стрел. Тажное население использовало луки с массивными концевыми накладкам–вкладышами, выполненными из рога. Ближайшие аналогии они находят в памятниках севера Западной Сибири. Среди наконечников стрел преобладают железные плоские и линзовидные в сечении изделия столь популярные в монгольское время, но также широко представлены специфичные шипастые и долотовидные проникатели. Древковое оружие представлено втульчатыми и черешковыми наконечниками копий. К средствам ведения ближнего боя относятся ножи, тесаки, палаши. Тесаки – это массивное режуще–рубящее оружие, известное только в таежной зоне Средней Сибири. Предметы защитного вооружения пока не найдены, поэтому нет оснований говорить о наличии тяжеловооруженных воинов. Наличие в погребениях удилищ разной конструкции и костей лошади на поселениях, позволяет предполагать у ангарского населения наличие конницы, хотя вероятно, в ограниченном количестве.

Ключевые слова: Нижнее Приангарье, развитое Средневековье, лесосибирская культура, военное дело, лук, наконечники стрел, наконечники копий, тесак, сабля, палаши.

Новые материалы по археологии Нижнего Приангарья первой половины II тыс. н. э. позволили определить хронологические и культурные маркеры памятников этого периода, проанализировать особенности хозяйства, выявить направления культурных связей. Вместе с этим военное дело населения региона продолжает оставаться слабоизученным. Восполняя этот пробел, рассмотрим имеющиеся материалы и попытаемся реконструировать некоторые особенности военного дела населения нижнеангарской тайги в начале II тыс. н. э. Предметы вооружения были зафиксированы в составе сопроводительного инвентаря погребений на памятниках Кода-2, Отика, Сергушкин-3, Усть-Тасеева, Скородумный Бык, большая часть материалов получена в ходе раскопок могильника Проспихинская Шивера-IV.

Дистанционное оружие представлено деталями сложносоставных луков и наконечников стрел. На нижней Ангаре были распространены луки с двумя концевыми врезными накладками–вкладышами уплощенно-треугольного сечения (известно не менее 30 экз.). В основании накладок расположен паз–пропил, на конце полукруглый вырез для тетивы. За пределами региона аналогичные изделия редки, известны, например, в Нижнем Приобье (Плеханов, 2014). Луки такой конструкции характерны для таежной зоны Сибири и отражают местную линию развития дистанционного оружия.

В Нижнем Приангарье известна единственная находка роговой фронтальной веслообразной накладки на кибище лука. Вероятно, здесь в XIII–XIV вв. появляются луки «монгольского» типа, но местные формы продолжают преобладать (Соловьев, 1987, с. 23).

Из оружия наконечники стрел из железа и рога (не менее 134 экз.) – самые многочисленные. Среди железных дистанционных проникателей преобладают плоские изделия, которые получают широкое распространение в начале II тыс. н. э. по всей Евразии (Соловьев, 1987, с. 45). Чаще встречаются ромбические наконечники и срезни, в том числе вильчатые, есть овально-крылатые экземпляры. У ангарского населения были распространены и наконечники стрел килевидной формы, а также других форм с ромбическим сечением пера. Характерной особенностью набора нижнеангарского лучника являются стрелы с шипами, среди которых преобладают шипастые долотовидные срезни.

В Нижнем Приангарье сохраняются некоторые архаичные формы наконечников стрел. К их числу относятся бесчерешковые железные проникатели с роговыми обоймами. Подобный способ крепления наконечника к древку через роговой посредник широко использовался в восточно-сибирской тайге еще в раннем железном веке (Привалихин, 1993: 21). Достаточно архаичными выглядят средневековые наконечники стрел из

рога. Заготовками для них выступали длинные тонкие пластины, что также продолжает традиции раннего железного века.

К снаряжению лучника следует отнести крюк напятиугольной плоской пластине с четырьмя заклепками. Такие предметы в степной зоне использовались для подвешивания колчана (Худяков, 1986, с. 190).

Среди оружия ближнего боя в нижнеангарских материалах отмечены наконечники копий, тесаки, пальма, сабля и палаш.

Втульчатые наконечники копий (20 экз.) – ромбические в сечении, перо вытянуто-шестиугольное или узкое ассиметрично-ромбическое. Пять наконечников крепились к древку с помощью четырехгранных штырей. У двух копий втулка украшена геометрическим орнаментом. Длина наконечников варьирует от 18,0 до 45,0 см, есть один миниатюрный экземпляр, длиной 12,6 см. Линзовидно-ромбические в сечении втульчатые наконечники копий были распространены по всей Сибири как в раннем Средневековье, так и в конце I – начале II тыс. (Худяков, 1980, с. 53; Соловьев, 1987, с. 100).

Черешковые наконечники копий (дротиков?) (4 экз.), ромбовидные в сечении, с выделенным ребром. Перо ассиметрично-ромбическое, узкое, вытянутое. По окончанию черешка выделяются два подтипа: с вильчатым или прямым основанием. Их длина от 17,0 до 29,0 см. В Западной Сибири подобные черешковые копыя представлены единичными экземплярами. По мнению А.И. Соловьева, распространению изделий этого класса способствовали опыт применения пальмы и инновации, привнесенные в Сибирь русскими (Соловьев, 1987, с. 99). В таежной зоне Средней Сибири такие копыя, вероятно, появляются существенно раньше.

К древковому оружию следует отнести лезвие «пальмы», к которому условно отнесен массивный прямообушковый втульчатый клинок. Втулка несомкнутая, прямая, лезвие треугольное, узкое, короткое. Размеры изделия 26,5×3,1×0,4 см, длина втулки 15,5 см. В Приольхонье подобные предметы бытовали в X–XIII вв. (Харинский и др., 2001, с. 141). Известны они и среди находок на острове Сосновом в верховьях Ангары (Асеев, 1980, с. 90). Близко по форме навершие «пальмы», зафиксированное во впускном захоронении IX – начала XI в. на комплексе Хавцал II в Монголии (Харинский и др., 2010, с. 323).

Наиболее характерной формой клинкового средневекового оружия нижней Ангары

являются тесаки (известно не менее 36 экз.). Это массивные изделия, длиной более 17,5 см, шириной более 2,5 см (Тесаки..., 2007, с. 4). Они прямообушковые, с прямоугольной в сечении рукоятью, которая плавно зауживается к загнутому окончанию. Лезвие массивное, с односторонней заточкой, часто несколько расширенное в центральной части. Наиболее поздние подобные изделия известны у якутов, которые они называли «*батыайт*», и использовались как рубящее оружие (Гоголев, 1986, с. 66).

В Нижнем Приангарье также был найден палаш, сопоставимый по форме с вышеописанными тесакими. Он отличается от них более вытянутыми пропорциями. Длина палаша 58,0 см, ширина лезвия 3,0 см.

На сегодняшний день в нижнем течении Ангары зафиксирована единственная сабля со слабоизогнутым клинком и с железным напускным ладьевидным перекрестием-гардой. Найдена она была в могильнике Проспихинская Шивера-IV. Клинок сабли трехгранный в сечении, со слегка отогнутым окончанием, которое на длину 20,0 см оформлено двулезвийным острием. Пластинчатый черенок сужается к концу, он подпрямоугольный в сечении, расположен с клинком на одной оси. В средней части черенка сохранилась крупная железная заклепка, служившая для крепления обкладки рукояти. Общая длина сабли 88,5 см, ширина клинка 2,7 см, толщина лезвия около 0,5 см. Подобное оружие известно в Среднем Причулымье, где слабоизогнутая сабля с ромбическим перекрестием отмечена в материалах Змеинкинского могильника и датируется в пределах XI–XIII вв. (Беликова, 1996, с. 76). Похожие сабли появляются у енисейских кыргызов не ранее X в. и используются до монгольского времени включительно (Худяков, 1980, с. 45).

Таким образом, в ходе изучения археологических памятников развитого Средневековья в нижнем течении р. Ангары получена выразительная коллекция предметов вооружения, включающая в себя оружие дистанционного и ближнего боя, предметов амуниции. Выделяется ряд изделий, которые характеризуют местную лесосибирскую культуру: луки с концевыми врезными накладками-вкладышами из рога, наконечники стрел с роговыми обоями, шипастые наконечники стрел, массивные тесаки и палаши с загнутой рукоятью, втульчатые «пальмы», черешковые наконечники копий (дротиков?). Ангарское население для изготовления наконечников

стрел широко использовало рог, оружие часто украшалось простым геометрическим орнаментом. Вместе с этим в монгольское время в тайге появляются инновации, проникнувшие из районов степного пояса Евразии. Здесь появляются плоские широкие наконечники стрел разных форм, лук монгольского типа, сабля.

В изученных на сегодняшний день нижнеангарских памятниках пока нет свидетельств использования населением доспехов или кольчуг. Однако обилие массивных бронебойных проникающих указывает на то, что аборигены сталкивались с тяжеловооруженными войнами. Наличие в погребениях монгольского времени деталей конского снаряжения позволяет предполагать наличие всадничества, но пока не известно, насколько

широко лошадь использовалась в военном деле.

Представленный набор вооружения и анализ его появления и развития показывают, что, вероятно, в предмонгольское и монгольское время в нижнем течении р. Ангары произошел рост военной напряженности. Подтверждение мы находим в появлении городищ в районе ангарской стрелки (Мандрыка, 2003), а также увеличение числа оружия в погребениях. Кроме военных действий, оружие широко использовалось аборигенным населением и для охоты как на крупных животных для получения мяса и шкур, так и пушных зверьков. Этим обусловлен универсальный характер целого ряда изделий, включая луки, тесаки, «пальмы», наконечники стрел и копий.

ЛИТЕРАТУРА

- Асеев И.В. Прибайкалье в средние века (по археологическим данным). Иркутск: Наука, 1980. 150 с.
- Беликова О.Б. Среднее Причулымье в X–XIII вв. Томск: Изд-во Том. ун-та., 1996. 272 с.
- Гоголев А.И. Историческая этнография якутов (вопросы происхождения культуры). Якутск: Изд-во ЯГУ, 1986. 92 с.
- Мандрыка П.В. Средневековое городище в енисейской тайге // Вестник НГУ. 2003. Т. 2. Вып. 3. С. 89–91.
- Плеханов А.В. Ярте VI – средневековое «городище» на р. Юрибей (п-ов Ямал). Екатеринбург: Деловая пресса, 2014. 124 с.
- Привалихин В.И. Ранний железный век Северного Приангарья (цэпаньская культура). Автореф. дисс ... канд. ист. наук. Кемерово. 1993. 25 с.
- Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. Новосибирск: Наука, 1987. 193 с.
- Тесаки охотничьи, мачете туристические, разделочные, инструменты для восстановительных и спасательных работ. Общие технические требования и методы испытаний на безопасность. ГОСТ, 52737–2007. М.: Стандартинформ, 2007. 12 с.
- Харинский А.В. Приольхонье в средние века: погребальные комплексы. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. тех. ун-та, 2001. 238 с.
- Харинский А.В., Эрдэнэбаатар Д., Коростелев А.М. Херексур – универсальный объект погребальной практики // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Материалы XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции (Томск, 19–21 мая 2010 г.). Томск: Аграф–Пресс, 2010. С. 322–324.
- Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.
- Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 269 с.

Информация об авторах:

Сенотрсова Полина Олеговна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории археологии, этнографии и истории Сибири, Сибирский федеральный университет (г. Красноярск, Россия); Polllina1987@rambler.ru

Мандрыка Павел Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий сектором, Лаборатория археологии, этнографии и истории Сибири, Сибирский федеральный университет (г. Красноярск, Россия); pmandryka@yandex.ru

MILITARY SCIENCE OF THE POPULATION OF THE LOWER ANGARA DURING THE MONGOLIAN ERA

P. O. Senotrusova, P. V. Mandryka

During the Mongolian era at the population of Lower Angara region the set of weapon including both local forms, and popular in a steppe belt of Eurasia objects was created. Weapon of remote fight is presented by finds of details of slozhnosostavny onions and tips of arrows. The taiga population used onions with massive trailer to slips inserts, executed from a horn. They find the next analogies in monuments of the North of Western Siberia. Among tips of arrows iron flat and linzovidny products in section so popular in the Mongolian time prevail, but also specific shipasty and dolotovidny pronikatel are widely presented. The polearm is presented by vtulchaty and petiolar tips of copies. Knives, hatchets, broadswords belong to means of conducting infighting. Hatchets are massive rezhushche—cutting the weapon known only in a taiga zone of Middle Siberia. Objects of protective arms aren't found yet therefore there are no bases to speak about presence of tyazhelovooruzhenny soldiers. Existence in burials of a bit of a different design and bones of a horse on settlements, allows to assume at the Angarsk population existence of a cavalry though it is probable, in limited quantity.

Keywords: Lower Angara region, the developed Middle Ages, the Lesosibirsk culture, military science, onions, tips of arrows, tips of copies, hatchet, saber, broadsword.

About the Authors:

Senotrusova Polina O. Candidate of Historical Sciences, Siberian Federal University. Svobodny Av. St., 79, Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation; Polllina1987@rambler.ru

Mandryka Pavel V. Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor, Siberian Federal University. Svobodny Av. St., 79, Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation; pmandryka@yandex.ru

УДК 904.02(477.75)

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕНИЯ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ В ДОЛИНЕ Р. АРТЕК (КРЫМ)

© 2018 г. И. Б. Тесленко

Памятник выявлен работами Горно-Крымской экспедиции ФГБУН «ИАК РАН» под руководством В. В. Майко в 2016 г. Поселение расположено в левом борту долины р. Артек, у западного подножия горы Аю-Даг (Южный берег Крыма). Наиболее активная фаза его жизнедеятельности приходится на период с 1330-х гг. по последнюю треть XIV в., менее активная продолжалась до третьей четверти XV в. В коллекции керамики из раскопок средневековых культурных слоёв около 91,8 % (4290 ед.) составляют обломки изделий XIV–XV вв. Это строительные материалы (черепица), тара (пифосы, амфоры), кухонно-столовая посуда (неглазурованные и поливные сосуды закрытой и открытой формы, крышки) и изделия узко специализированного назначения (детский горшок, керамические подставки, диск, изготовленный из стенки сосуда). Неполивная керамика на 99 % представлена изделиями группы Юго-Западный Крым. Среди поливной керамики абсолютно преобладает продукция мастерских Юго-Восточного Крыма (96 %), незначительную часть составляют изделия Алуштинской мастерской (>2 %) и поздневизантийский импорт (<2 %). Сосуды типично «золотоордынских» разновидностей и групп (т.н. «штампованная» керамика и кашин) при раскопках не найдены. Это свидетельствует об отсутствии стабильной связи Артекского поселения с городскими центрами Джучидского государства и доминировании генуэзцев в локальной торговле вдоль южного побережья Крымского полуострова уже со второй четверти XIV в.

Ключевые слова: Крым, Артек, XIV–XV вв., поселение, неполивная и поливная керамика.

В 2016 г. на Южном берегу Крыма работами Горно-Крымской экспедицией ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН» под руководством В.В. Майко было выявлено и частично исследовано новое поселение золотоордынского времени (Тесленко и др., 2017). Поселение расположено в левом борту долины р. Артек, у западного подножия горы Аю-Даг в нижней части северо-восточного борта Гурзуфского горно-приморского амфитеатра, примерно в 0,5 км от берега моря и в 0,35 км от подножия скалистых участков склонов Аю-Дага. В настоящее время оно частично задерновано, частично террасировано под современные огороды, прорезано траншеей под теплотрассу. Исходя из локализации подъемного материала, площадь поселения ориентировочно составляет не менее 0,5 га. Площадь исследованного раскопками участка – около 24,6 м². Общая мощность вскрытых напластований – 1,10–3,40 м, из них слои, содержащие культурные остатки XIV–XV вв., составляют до 2,03 м. Они залегают непосредственно под дерном и представляют собой либо единовременно перемещенные под действием естественных экзогенных процессов (оползень?), либо залегающие *in situ* слои разрушения дезинтегрировавшихся в древности антропо-

генных структур, располагавшихся выше по склону¹.

В коллекции артефактов из раскопок средневековых культурных слоев абсолютно преобладают фрагменты керамики (4673 ед., более 99% находок), из них около 91,8% (4290 ед.) – это обломки керамических изделий XIV–XV вв.², которые по способу оформления внешней поверхности подразделяются на 2 блока: неполивные и поливные.

Неполивная керамика составляет 84,4% коллекции.

Около 5,0% (181 ед.) – это фрагменты византийских амфор двух групп. Из них около 99% (179 ед.) относятся к типу IV по Н. Гюнсенин («трапезундская» группа по И.В. Волкову) (Günsenin 1989, p. 274–276, fig. 12–14; Волков, 1989, с. 87–91) (рис. 1: 1–3). Два нижних прилепа ручек отмечены клеймами, выполненными округлыми штемпелями с сетчатым заполнением (рис. 1: 1, 2), распространенными в Причерноморье примерно с последней трети XIII до последней четверти XIV в. (Волков, 2001; Масловский, 2006, рис. 30: 10; Günsenin, 1990, pl. LVI, LXII; Зеленко и др., 2015, с. 427–428, рис. 16; 17).

¹ Под ними располагаются отложения с материалом римского и эллинистического времени.

² Остальные 8,2 % это керамика эллинистического и римского времени, а также изделия VIII–X вв.

2 фрагмента (около 1%) принадлежат группе амфор типа III по Н. Гюнсенин («трилийская» группа по И.В. Волкову) (Günsenin, 1989, p. 271–274; Волков, 1993, с. 150, 153). Один из мощных производственных центров этих амфор был недавно локализован в Халкисе (Греция) (Waksman et al., 2016). Изделия именно халкидских мастерских получили широкое распространение в Восточном Средиземноморье и Причерноморье как в византийский, так и во франкский период (Waksman et al., 2016). Вполне возможно, что наличие этих амфор, а также эгейской поливной керамики среди археологических материалов Крыма XIII в. связано с активной деятельностью негоциантов Республики Св. Марка (см. например, Романчук и др., 1995, с. 79–81, табл. 43–44; Waksman et al., 2014). Однако в комплексах, образовавшихся не ранее рубежа XIII–XIV в., находки таких сосудов единичны или отсутствуют вообще. Импортная амфорная тара этого периода представлена преимущественно сосудами типа IV по Н. Гюнсенин (Тесленко, 2017), что, в свою очередь, может свидетельствовать как о проблемах венецианцев с торговлей в Крыму, так и с сокращением производства транспортировочной тары в Халкисе в целом.

Наиболее многочисленные и разнообразные местные изделия группы Юго-Западного Крыма (ЮЗК)³ – 94,3% неполивной керамики (3416 ед.). Их ассортимент включает кровельные материалы (2 обломка керамид), крупно- и среднегабаритную тару (пифосы, двуручные кувшины), кухонно-столовую посуду (горшки, крышки, кувшины, водолеи, чаши на кольцевых поддонах, плоскодонные чашки и «сковороды»), предметы специального назначения (подставки, диск из стенки сосуда) (рис. 1: 4–33). Видовой и типологический ассортимент группы хорошо изучен (Тесленко, 2014), поэтому обратим внимание лишь на утварь, которая ранее не была отмечена среди изделий ЮЗК. Это 2 «сковороды» с широким плоским дном и низким вертикальным бортом, одна из которых снабжена горизонтальной, овальной в сечении ручкой (рис. 1: 27)⁴. Уникальны для группы также блюдо в форме расширенного

конуса с кольцеобразным, украшенным насечками выступом в центральной части, небольшая чашка на низком монолитном поддоне, тонкостенные крышки большого диаметра (5 экз.) и биконические и цилиндрические подставки с отверстиями (4 экз.) (рис. 1: 8, 9, 20, 23, 30–33). Близких аналогий сосудам открытой формы и подставкам среди опубликованных материалов найти пока не удалось. Подобные «сковородки» известны среди керамики XII–XIII вв. Восточного Средиземноморья, а также в составе импорта византийского круга, поступавшего в Северное Причерноморье в XIV в. (см., напр., Avissar, Shtern, 2005, p. 96–98, fig. 41: 2, 4; Масловский, 2006, с. 401–403, рис. 37: 10). Возможно, такая форма является подражанием импортным образцам. Подставки могли быть задействованы в процессе приготовления или разогрева пищи. Назначение больших крышек также не совсем ясно. Вероятно, они использовались каким-то образом автономно либо вместе с сосудами открытой формы. Аналогичные формы крышек иных групп известны в контекстах середины X – начала XI в. (см., напр., Нессель, 2006, с. 103, рис. 27: 15, 17). Не исключено, что в данном случае имеет место наследование прежних гончарных и кулинарных традиций.

Менее чем 1% представлены неполированные сосуды закрытой формы групп Юго-Восточного Крыма (ЮВК⁵) (7 фрагментов от 1 сосуда) и «горшков с рельсовидным венчиком» (ГРВ⁶) (17 фрагментов не более чем от 8 сосудов) (рис. 1: 34, 35), типичные для комплексов, соответственно, XIV и середины – второй половины XV в.

Поливная посуда составляет 15,6% коллекции (669 ед.). Она включает две группы керамики крымского производства и три группы изделий византийского круга.

Наиболее многочисленная группа ЮВК – чуть более 96% поливной посуды (644 ед.). В ее составе сосуды закрытой (49 ед.) и открытой (595 ед.) формы (рис. 2: 2–10, 13–16). Изделия подгруппы «Каффа» абсолютно преобладают (рис. 2: 2–10, 13–16).

³ Характеристика группы ЮЗК в целом приведена у И. В. Волкова (1992, с. 9–10) и И. Б. Тесленко (2014).

⁴ Подобная форма присуща изделиям, интерпретированным как подвесные светильники, однако у них тоньше стенки и более тщательно обработаны днища, которые зачастую украшались росписью (Тесленко, 2014, с. 501, рис. 27: 1–3).

⁵ Термин и базовые признаки группы предложены И. В. Волковым по отношению к поливной и неполивной керамике, изготавливаемой, предположительно, в Юго-Восточном Крыму (Волков, 1992, 9–10). Детальную характеристику группы см. напр. (Масловский, 2006, с. 355–373; Масловский, 2017).

⁶ Детальную характеристику группы см. (Тесленко, 2011).

Лишь 5 фрагментированных чаш могут быть соотнесены с подгруппой «Солхат» (рис. 2: 1)⁷ Оформление внешней поверхности сосудов довольно разнообразное, но в большинстве своем, вполне типичное для изделий второй четверти – последней трети XIV в. (не менее $\frac{3}{4}$ группы) (анalogии см. напр. Масловский, 2017), а также конца XIV – третьей четверти XV вв. (около $\frac{1}{4}$ группы) (анalogии и датировки см., например, Тесленко, 2010; 2012).

Чуть более 2% поливной посуды приходится на группу «Алушта», получившую наибольшее распространение примерно во второй трети XIV в.⁸ (рис. 2: 11, 12). Немного менее 2% составляют три группы византийского импорта (рис. 2: 17–19), пик поступления двух из которых приходится примерно на конец первой четверти, 30-е – 40-е гг. XIV в., одной – на вторую половину XIV в. (Бочаров, Масловский, 2012).

Таким образом, исходя из анализа керамических материалов следует, что активная фаза жизнедеятельности изученного раскопками участка поселения может быть определена периодом примерно с 1330-х гг. по последнюю треть XIV в., менее активная продолжалась до середины – третьей четверти XV в. Сколько-нибудь выразительные находки, характерные для конца XIII в. – рубежа XIII–XIV в. не выявлены, также как и не обнаружены артефакты моложе третьей четверти XV в.

Особенности набора представленных в археологическом материале центров гончарного производства свидетельствуют об экономических и культурных приоритетах жителей поселения. Среди найден-

ной здесь поливной керамики преобладает продукция мастерских Каффы и полностью отсутствуют изделия типично «золотоордынских» разновидностей и групп – так называемая штампованная красноглиняная керамика и кашин. Та же тенденция была замечена для комплексов «золотоордынского» времени средневекового городища Луста (центральная часть современной Алушты) (Тесленко, 2017, с. 400–403), расположенного в 15,5 км к северо-востоку от исследованного объекта. Это может свидетельствовать об отсутствии стабильной связи с городскими центрами Джучидского государства и абсолютном доминировании генуэзцев в локальной торговле вдоль южного побережья Крымского полуострова уже со второй четверти XIV в. С ними же, скорее всего, связано поступление на Крымское побережье византийского импорта. Наличие небольшого процента продукции гончарного центра соседней Лусты подтверждает предположение о незначительных масштабах производства в этом приморском городке, продукция которого не играла существенной роли в международной и региональной торговле. В то же время очевидно абсолютное доминирование среди неполивной посуды изделий группы ЮЗК, крымское происхождение которой не вызывает сомнения, однако место производства все еще точно не установлено. При этом мощность и значительные масштабы этого производства, по крайней мере, на региональном уровне, очевидны, так как продукция центра не оставляла рыночных шансов неполивной посуде группы ЮВК, по крайней мере, на территории Южного Крыма.

ЛИТЕРАТУРА

- Бочаров С.Г., Масловский А.Н. Византийская поливная керамика в городах Северного Причерноморья золотоордынского периода (вторая половина XIII – конец XIV вв.) // ПА. 2012. № 1. С. 20–36.
- Волков И.В. Импортная амфорная тара золотоордынского города Азака // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI веках / Отв. ред. Г. А. Федоров–Давыдов. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1989. С. 85–100.
- Волков И.В. Керамика Азова XIV–XVIII вв. (классификация и датировка). Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1992. 26 с.
- Волков И.В. О происхождении и эволюции некоторых типов средневековых амфор // Донские древности. 1993. Вып. 1. С. 143–157.
- Волков И.В. Трапезундские керамические клейма из Азова // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї / Гол. ред. М. І. Гладких, ред.-упор. О. О. Паршина. Київ: Стило, 2001. С. 202–215.
- Зеленко С.М., Морозова Я.И., Тимошенко М.Е. Клейма на амфорах с кораблекрушения XIII в. возле Судака (Крым) // Археологический альманах. № 33 / Отв. ред. И. Б. Тесленко. Київ: Видавець Олег Філюк, 2015. С. 427–446.

⁷ Характеристику подгрупп см. (Масловский, 2006, с. 355–356)

⁸ Детальную характеристику группы см. (Teslenko, Waksman, 2016)

Масловский А.Н. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2004 году. 2006. Вып. 21 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Издательство Азовского музея-заповедника. С. 308–472.

Масловский А.Н. Восточнокрымский поливной импорт в золотоордынском Азаке. Вопросы хронологии // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII века. Т. 2 / Ред. С. Г. Бочаров, В. Франсуа. Кишинев: Stratum Publishing House, 2017 (Археологические источники Восточной Европы). С. 455–490.

Нессель В.А. Керамический комплекс // Топография Херсонеса Таврического. Водосборная цистерна в квартале VII (IX–XI вв.) / Ред. А. Б. Бернацки, Е. Ю. Кленина. Хсб. 2006. Sup. I. Севастополь: ИД «Максим». С. 95–139.

Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов Византийского Херсона. Екатеринбург: Типолаборатория УрГУ, 1995. 169 с.

Тесленко И.Б. Поливная посуда Крыма XV в. (местное производство до турецкого периода). Часть I. Типология, распространение, происхождение // Древности. 2010. Вып. 9. С. 216–234.

Тесленко И.Б. Хронологія однієї групи кухонного посуду з пам'яток Криму XV ст. // Археологія. 2011. № 4. С. 60–68.

Тесленко И.Б. Поливная посуда Крыма XV в. (местное производство до турецкого периода). Часть II. Хронология // Древности. 2012. Вып. 11. С. 223–236.

Тесленко И.Б. Одна из гончарных традиций Таврики XIV–XV вв. (керамика группы Юго-Западного Крыма) // История и археология Крыма. Вып. 1. / Отв. ред. В. В. Майко. Симферополь: «Бизнес-Информ», 2014а. С. 495–512, 541–560.

Тесленко И.Б. Пифосы из археологических комплексов Таврики XIV–XV вв. // Крымская Газария и Золотая Орда / Ред. С. Г. Бочарова и А. Г. Ситдикова. Казань–Симферополь–Кишинев: Stratum Plus, 2015. С. 125–163.

Тесленко И.Б. Комплекс керамики из раскопок усадьбы золотоордынского периода на территории средневекового городища в Алуште (Крым) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII века Т. 2. / Ред. С. Г. Бочаров, В. Франсуа. Кишинев: Stratum Publishing House, 2017. С. 387–408. (Археологические источники Восточной Европы)

Тесленко, И.Б., Лысенко, А.В., Майко, В.В., Семин, С.В. Новое поселение XIV–XV вв. у западного подножья г. Аю-Даг (Южный Крым) // История и археология Крыма. 2017. Вып. V. С. 192–233.

Avissar M., Shtern Edna J. 2005. Pottery of the Crusader, Ayyubid, and Mamluk Periods in Israel. Jerusalem.

Günsenin N. Recherches sur les Amphores Byzantines dans les Musées Turcs // Bulletin de correspondance hellénique XVIII. Paris, 1989. P. 267–276.

Günsenin N. 1990. Les amphores byzantines (Xe–XIIIe siècles): typologie, production, circulation d'après les collections Turques. These the doctorat. Université de Paris I (Panthéon–Sorbonne). Vol II. Paris.

Teslenko I., Waksman S. Y. Lusta, a Small Glazed Pottery Workshop on the Southern coast of Crimea // In & Around. Ceramiche e comunità. Secondo convegno tematico dell' AIECM3 Faenza, Museo Internazionale delle Ceramiche, 17–19 april 2015 // Ferri M., Moine C., Sabbionesi L. (eds.). Faenza: All'Incegnà del Ciglio, 2016. P. 192–194.

Waksman S. Y., Kontogiannis N. D., Skartsis S. S., Vaxevanis G. The main “Middle Byzantine Production” and pottery manufacture in Thebes and Chalcis // Annual of the British School at Athens. 2014. 109. P. 379–422.

Waksman S. Y., Skartsis S. S., Kontogiannis N. D., Todorova E. P., Vaxevanis G. Investigating the origins of two main types of Middle and Late Byzantine amphorae // Journal of Archaeological Science: Reports, 2016. <http://dx.doi.org/10.1016/j.jasrep.2016.12.008>

Информация об авторе:

Тесленко Ирина Борисовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Институт археологии Крыма РАН (г. Симферополь, Россия); i_teslenko@mail.ru

CERAMIC ASSEMBLAGE FROM THE SETTLEMENT OF THE GOLDEN HORDE TIME IN THE VALLEY OF THE ARTEK RIVER (CRIMEA)

I. B. Teslenko

The site was discovered by the Mountain–Crimean archaeological expedition of the FSBSI "IAC RAS" under the leadership of V. V. Maiko in 2016. The settlement is located in the left side of the valley of the river Artek, at the western foot of Ayu–Dag mountain (Southern Coast of Crimea). The most active phase of his life was from the 1330–s for the last third of the 14th century, the less active continued until the third quarter of the 15th century. In the collection of ceramics from the excavations of medieval cultural layers, about 91,8% (4290 units) are fragments of the 14th–15th century's wares. These are building materials (tiles), containers (pithos, amphoras), kitchen utensils (unglazed and glazed vessels, lids) and specialized purposes ware (baby pot, ceramic stand, disc made of the vessel wall). Nonglazed ceramics is 99% represented by wares of South–Western Crimea group. Among the glazed ceramics, the products of the workshops of the South-Eastern Crimea are absolutely dominant (96%); the products of the Alushta workshop (> 2%) and the late-byzantine imports (<2%) make up an insignificant part. Vessels of the typically "Golden Horde" varieties and groups (the moldmade ware and kashin) were not found during excavations. This fact indicates the absence of a stable connection between the Artek settlement and the urban centers of the Jochid state and the domination of the Genoese in local trade along the southern coast of the Crimean peninsula already from the second quarter of the 14th century.

Keywords: Crimea, Artek, 14th–15th cent., settlement, unglazed and glazed pottery.

About the Author:

Teslenko Irina B. Candidate of Historical Sciences, Institut of Crimean Archaeology RAS, Yaltinskaya St., 2, Simferopol, 297800, Russian Federation; i_teslenko@mail.ru

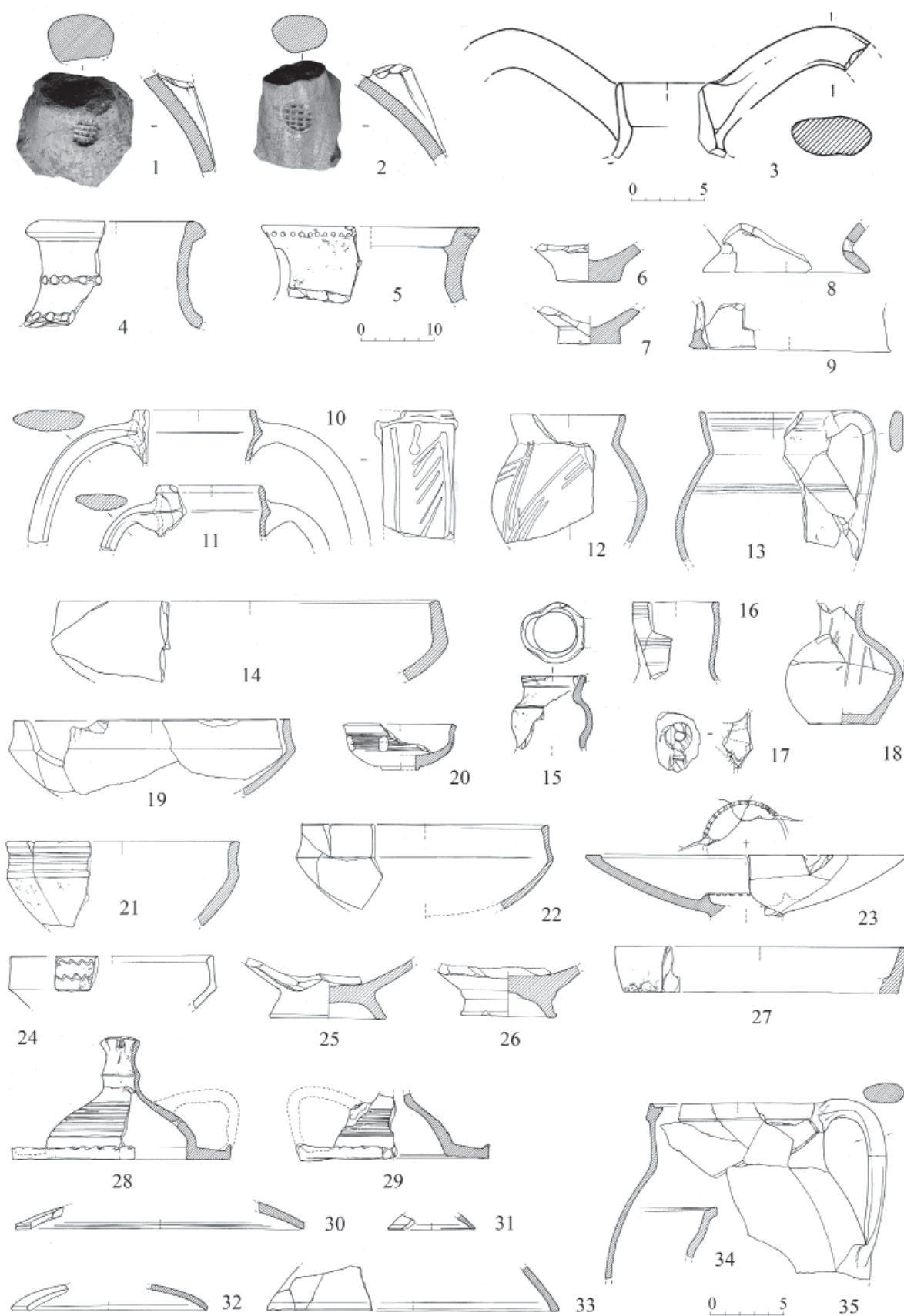

Рис. 1 Поселение в левом борту долины р. Артек. Неполивная керамика: амфоры (1–3), пифосы (4–7), подставки (8, 9), кухонно-столовая посуда (10–34).

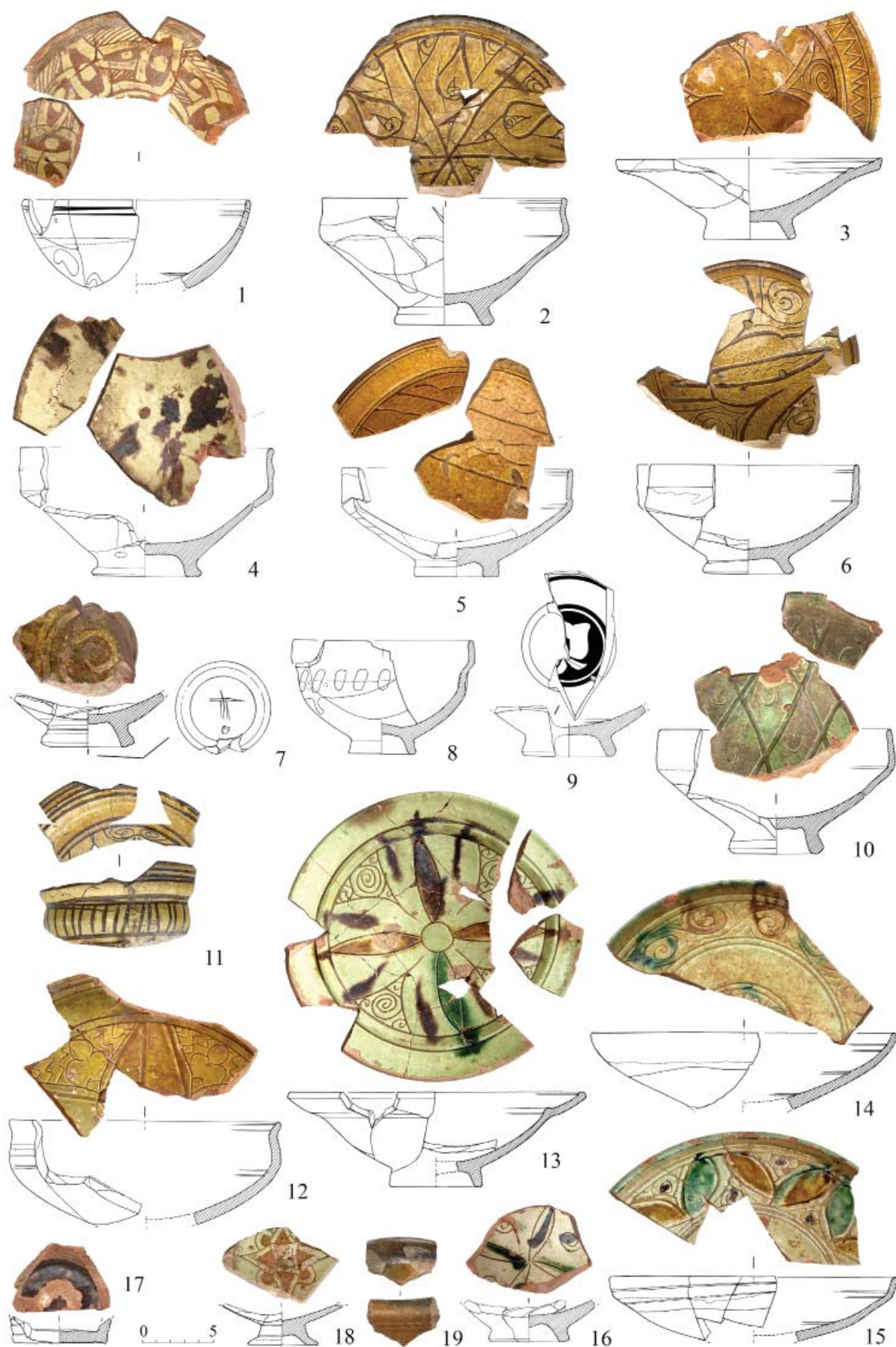

Рис. 2. Поселение в левом борту долины р. Артек. Поливная посуда: группа ЮВК (1–10, 13–16), группа "Алушта" (11, 12), византийский импорт (17–19)

УДК 902.26/904

ЮЖНОЕ ПРИБАЙКАЛЬЕ НАКАНУНЕ ОБРАЗОВАНИЯ МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ

© 2018 г. А. В. Харинский

В XII в. в Южном Прибайкалье проживали монголоязычные, тюркоязычные и тунгусоязычные группы населения. При этом первые из них к концу столетия становятся доминирующими, что способствовало распространению утвердившихся в их среде культурных традиций на другие группы населения. Лучше всего это влияние фиксируется в инвентарном комплексе (оружие, конское снаряжение, украшения) и погребальном ритуале. Широкое распространение получают сложносоставные луки с центральной роговой накладкой, имеющей расширяющиеся концы, а также плоские черешковые наконечники стрел. В конском снаряжении доминирующее положение занимают удила с кольцевыми псалиями, арочные стремяна с широкой подножкой и путлицем внутри дужки. Серьги, обнаруженные в женских погребениях крючковидные, напоминающие знак «?», на них крепились одна или несколько круглых бусин, образующих свисающие грозди. Умерших хоронили в вертикальной могильной яме, над которой сооружалась каменная кладка круглой формы. Погребенный располагался в деревянной внутримогильной конструкции (колода, гроб, рама) вытянуто, на спине, головой на север – северо-восток. В начале XIII в. Южное Прибайкалье входит в состав Монгольской империи, становясь её северной периферией, и процессы культурной унификации, проживающих здесь народов, начинают проходить еще более активно.

Ключевые слова: Прибайкалье, монголы, Монгольская империя, Забайкалье, погребальный ритуал, надмогильная кладка, могильная яма, человеческие останки.

Прибайкалье – регион южной Сибири, в центре которого располагается озеро Байкал. На западе Прибайкалье ограничено Саянскими горами, а на востоке – рекой Аргунь. На юге регион простирается до государственной границы с Монголией и Китаем. Байкал делит Прибайкалье на две части. К западу от него располагается Предбайкалье, а к востоку Забайкалье.

В XII в. остепненные районы Забайкалья заселяли монголоязычные племена. В долинах Онона и Керулена кочевали племена, которые условно можно назвать монголами. В их числе были дарлекины, нируны, тайджиуты, кунгираты и другие группы. В средней части долины Селенги жили меркиты. К северу от Селенги располагалась область Баргуджин-Токум, на территории которой проживали баргуты и хори. Она охватывала Тункинскую долину, низовья Селенги с Удинской долиной, Приольхонье, Баргузинскую долину и примыкающие к ним участки байкальского побережья. Хори и баргуты к началу XIII в. подвергались серьезному культурному воздействию со стороны своих южных соседей – монголоязычных племен, хотя, вероятно, еще сохраняли определенную тюркскую идентичность, унаследованную от предков – теле. Хоринцы вели свое происхождение от телеского народа курыкан (гулигань), а баргуты отбайегу (байирку). К северо-западу от Баргуд-

жин-Токум, в долине Ангары располагалась территория расселения усуту-мангун (Харинский, 2012), лингвистическая идентификация которых к настоящему времени не ясна. Не исключено, что именно усуту-мангуны оставили в Южном Приангарье и на Верхней Лене памятники усть-таькинской археологической культуры (XII–XIV вв.) (Николаев, 2004), в которой фиксируются черты влияния как погребальных традиций кыпчакской этнокультурной общности, так и погребального ритуала монголов имперского периода.

В начале XIII в. Южное Прибайкалье входит в состав Монгольской империи, став ее северной периферией. На его территории распространяется схожий погребальный ритуал, отражающий сформировавшиеся к этому времени в монгольской среде представления о загробной жизни. И если во время имперского периода монголов (XIII–XIV вв.) на территории южного Прибайкалья формируется определенное однообразие в погребальном ритуале, то для более раннего – предимперского – периода оно не наблюдается.

В X–XII вв. в Южном Забайкалье выделяется три типа погребений, различающихся между собой особенностями внутримогильных конструкций. Первый из них характеризуется отсутствием внутримогильной конструкции, второй – погребениями в берестяных внутримогильных конструкциях (чехол,

короб, покрывало) и третий – погребениями в деревянных внутримогильных конструкциях (колодах, рамах, гробах). Во всех захоронениях погребенные располагались вытянуто, на спине, головой на север, северо-восток или восток (рис. 1: 1–10). Погребения без внутримогильных конструкций генетически связаны с забайкальскими захоронениями предшествующего этапа, поэтому их было предложено называть хойцегорскими (Харинский 2001, с. 85). Они фиксируются на территории Забайкалья, по меньшей мере, с VII в. (Коновалов, 1989; Именохоев, 1989; 1992). Их, вероятно, следует связать с байегу (байирку), расселившимися в средней части долины Селенги в конце VII в. (Харинский, 2001, с. 19).

По особенностям погребального ритуала к хойцегорским захоронениям близки погребения куркутского типа, которые распространяются в VIII в. на территории Приольхонье. Куркутский погребальный ритуал характеризуется вытянутым труположением, на спине, головой на восток или северо-восток (Харинский, 2001а, с. 113) (рис. 2: 1–3). Эти захоронения правомерно соотносить с курыканами (гулигань), которые под давлением байырку, продвигавшимися вниз по долине Селенги, были вынуждены искать новое пристанище на западном берегу Байкала (Харинский 2001, с. 87). Принадлежность байырку и курыкан к одной этно-культурной общности – теле, вероятно, способствовала формированию у них схожего погребального обряда, который в конце I тыс. закрепился на обоих берегах Байкала.

Захоронения в берестяных чехлах (рис. 1: 4–7) значительная часть исследователей интерпретирует как раннемонгольские и датирует в пределах X–XIII вв. (Асеев, 1980, с. 136; Коновалов, Данилов, 1981; Ковычев, 1981; Асеев и др. 1984, с. 128–129). На западном берегу Байкала они фиксируются с конца VIII в., то есть еще до того времени, когда в Предбайкалье появляются монголоязычные переселенцы, и выделяются в отдельную группу – погребения харанцинского типа (Харинский, 2001, с. 83) (рис. 2: 9–11). Следовательно, истоки этого погребального ритуала следует связывать не с монголоязычными общностями, а с какими-то другими группами населения, возможно, самодийскоязычного или тунгусоязычного происхождения. Носители харанцинских погребальных традиций появляются в долинах Селенги и Онона не ранее X в. (рис. 1: 4–7) и уже к XIII в. ассимилируются или вытесняются оттуда пле-

нами, хоронившими умерших в деревянных рамах или колодах.

Пришедшие на смену хойцегорским захоронениям на юге Забайкалья погребения в колодах, знаменовали начало нового этапа в истории региона, связанного с расселением в средней части долины Селенги меркитов. В меркитских захоронениях фиксируется помещение в могильную яму стегна барана и преимущественно северная или северо-восточная ориентировка умершего. Но наряду с этим, в части ранних захоронений в колодах в долине Селенги отмечаются и определенные специфические черты, отличающие их от монгольских захоронений имперского периода. К ним можно отнести различные варианты расположения погребенного: на боку вытянуто, на боку с согнутыми ногами, на спине с согнутыми ногами и на животе. С одной стороны, близость, а с другой – отличие от «классических» монгольских погребений указывают на принадлежность их иному монголоязычному народу – меркитам. Эту группу погребений можно назвать захоронениями тапхарского типа (Крадин и др., 2016).

Сопроводительный инвентарь прибайкальских погребений предимперского периода включает в себя предметы, характерные как для более раннего времени, так и для имперского периода. В захоронениях фиксируются железные «пальмы» с втульчатым насадом (рис. 1: 11, 35; рис. 2: 18), не встречающиеся в имперский период, колчаный крюк с треугольной петелькой (рис. 1: 16), а не с пластинчатым щитком, как в более позднее время. Наряду с этим в предимперский период меняется форма костяных фронтальных срединных накладок на сложносоставных луках. Их концы становятся широкими, напоминая по форме весло (рис. 1: 19, 20, 30). Исчезают трехлопастные железные наконечники стрел. Им на смену приходят плоские наконечники разных форм (рис. 1: 12–14, 25–29, 32, 33; рис. 2: 24–25). Эти изменения не коснулись костяных наконечников стрел (рис. 1: 17, 18). Многие их формы оставались прежними на протяжении нескольких столетий. Получают распространение ножи, у которых клинок отделяется от черешка лезвийным и обушковым уступами. Встречаются как обыкновенные бытовые ножи (рис. 1: 34; рис. 2: 16–17), так и маленькие, использовавшиеся для обреза мяса во время еды (рис. 2: 14–15).

Дальнейшее развитие на территории Прибайкалья получают полосчатые кресала (рис. 2: 19, 21, 23), которые часто находят в

захоронениях вместе с кремневыми отщепами (рис. 2: 20, 22). В ряде погребений найдены предметы конского снаряжения – удила и стремяна (рис. 2: 26). Керамическая посуда этого времени представлена плоскодонными сосудами, чаще всего неорнаментированными. Правда, встречаются и горшки, украшенные, например, прочерченным дугообразным орнаментом (рис. 2: 4, 12). В одном из захоронений найдены остатки гребня с костяными зубцами (рис. 2: 27).

В захоронениях X–XII вв. встречаются как проволочные круглые (рис. 1: 22) или спиралевидные серьги (рис. 1: 23), так и крючковидные серьги с короткой дужкой, украшенные круглыми бусинами (рис. 1: 31) или перламутровой подвеской (рис. 2: 5). Среди других разновидностей украшений можно отметить колокольчики (рис. 2: 6), монеты (рис. 2: 7) и ромбические бляшки (рис. 2: 13). К числу престижных вещей относятся бронзовые зеркала (рис. 2: 8). В захоронениях находятся ременные пряжки с подвижным язычком и овальной рамкой, крепящейся к четырехугольному щитку с прорезью (рис. 1: 15). В более поздних захоронениях фиксируются пряжки без щитка. На могильнике Кибалино найдено керамическое пряслице (рис. 1: 21) и плоская подвеска (рис. 1: 24) – предметы, не встречавшиеся в других

захоронениях Южного Забайкалья этого времени.

Саянтийский погребальный ритуал, сформировавшийся в начале XIII в. в долине Селенги, распространяется по всему степному и лесостепному Забайкалью, и становится доминирующим в этой части региона в XIII–XV вв. В Предбайкалье он преимущественно фиксируется на территории Приольхонье, где приобретает локальные особенности, проявляющиеся среди захоронений ангинской группы. В Южном Приангарье уверенно провести границу между саянтийскими и усть-талькинскими захоронениями затруднительно. Отличие вторых от первых заключается в сооружении над погребениями кольцевой выкладки, ориентировки значительной части усть-талькинских захоронений на северо-запад и наличии рядом с погребениями человека отдельных могил животных (лошадь, корова, баран) (рис. 2: 28–31). В случае отсутствия рядом с человеческим захоронением могилы животного или каменной надмогильной кладки, его вполне можно принять за саянтийское погребение (Харинский, 2015). К XV в. на юге Предбайкалья фиксируется смена населения. В регионе распространяется новый погребальный ритуал, пришедший на смену усть-талькинскому и саянтийскому.

ЛИТЕРАТУРА

- Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья. Новосибирск: Наука. 1984. 201 с.
- Асеев И. В. Прибайкалье в средние века. Новосибирск: Наука. 1980. 150 с.
- Именохоев Н.В. К вопросу о культуре ранних монголов (по данным археологии) // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века / Под ред. Михайлова Т.М. Новосибирск: Наука, 1989. С. 55–62.
- Именохоев Н.В. Раннемонгольская археологическая культура. // Археологические памятники эпохи средневековья в Бурятии и Монголии // Ред. П.Б. Коновалов. Новосибирск: Наука, 1992. С. 23–48.
- Ковычев Е.В. Монгольские погребения из Восточного Забайкалья. // Новое в археологии Забайкалья / Отв. ред. Кириллов И. И. Новосибирск: Наука, 1981. С. 73–79
- Коновалов П.Б. Корреляция средневековых археологических культур Прибайкалья и Забайкалья // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века / Под ред. Михайлова Т.М. Новосибирск: Наука, 1989. С. 5–20.
- Коновалов П.Б., Данилов С.В. Средневековые погребения в Кибалино (Западное Забайкалье) // Новое в археологии Забайкалья / Отв. ред. Коновалов П.Б. Новосибирск: Наука, 1981. С. 64–73.
- Крадин Н.Н., Харинский А.В., Бакшеева С.Е., Ковычев Е.В., Проконев С.Д. Археология империи Чингис-хана в Монголии и Забайкалье // Stratum plus. 2016. №6. С. 17–43.
- Николаев В.С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV веках: усть-талькинская культура. Владивосток, Иркутск, 2004. 306 с.
- Харинский А.В. Приольхонье в средние века: погребальные комплексы. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2001. 238 с.
- Харинский А.В. Предбайкалье в кон. I тыс. до н.э. – сер. II тыс. н.э.: генезис культур и их периодизация. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2001. 198 с.

Харинский А.В. Баргуджин–Токум – северный форпост державы Чингис–хана // Чингис хаан судла-лын тулгамдсан асуудлуд. Улаанбаатар, 2012. Боть 15, дэвтэр 1–23. С. 120–129.

Харинский А.В. Монгольские погребения XIII–XIV вв. на территории Байкальского региона // Древ-ние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири. (Хух–Хото, 12–16 октября, 2015). Т. II. В эпоху кочевых империй. Хух–Хото: Science Press, 2015. С. 531–538.

Информация об авторе:

Харинский Артур Викторович, доктор исторических наук, профессор Иркутский национальный исследовательский технический университет (г. Иркутск, Россия); kharinsky@mail.ru

SOUTHERN PART OF THE CIS–BAIKAL ON THE EVE OF THE FORMATION OF THE MONGOL EMPIRE

A. V. Kharinsky

In the 12th century Mongol-speaking, Turkic-speaking and Tungus-speaking groups of the population lived in the Southern Baikal region. At the same time the first of them by the end of century become dominating that promoted distribution of the cultural traditions approved in their environment on other groups of the population. This influence is fixed in an inventory complex (weapon, horse equipment, jewelry) and a funeral ritual. Bows with complicated structure with the central horn plate having the extending ends and also flat tanged tips of arrows are widely adopted. In horse equipment the dominant position is held by a bit with ring check–pieces, arch stirrups with a wide footboard and stirrup leather in a handle. The earrings found in women's burials are hamose, reminding the sign "?", on them are fastened one or several round beads forming the hanging–down clusters. The dead were buried in a vertical sepulchral hole over which the stone laying of a round form was constructed. Buried settled down in a wooden intra sepulchral design (a pack, a coffin, a frame) is extended, on a back, -headed on the North – the northeast. At the beginning of the 13th century the southern Baikal region is a part of the Mongol Empire, becoming its northern periphery, and the processes of cultural unification living here the people begin to take place even more actively.

Keywords: Cis-Baikal, mongolii, Imperiul Mongol, Transbaikalia, mortuary ritual, burial mound, grave pit, human remains.

About the Author:

Kharinsky Artur V. Doctor of Historical Sciences, Irkutsk National Research Technical University, Lermontov St., 2, Irkutsk, 664074, Russian Federation; kharinsky@mail.ru

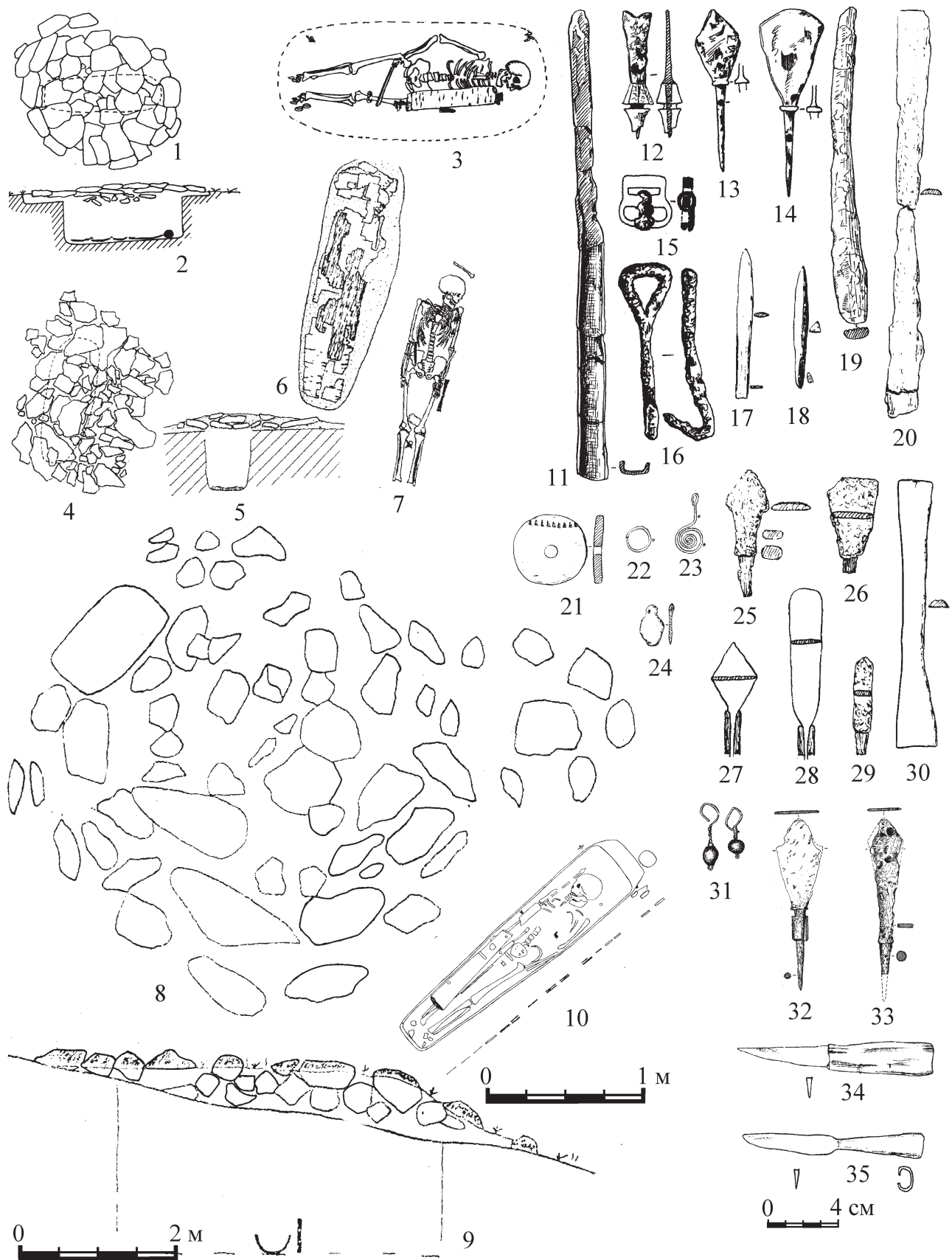

Рис. 1. Забайкальские захоронения предимперского периода (XI–XII вв.). Чиндانت 1 (Асеев и др., 1984): 1–3, 11–16, 19 – мог. 2. Кибалино (Коновалов, Данилов, 1981): 24 – мог. 4; 4–7, 17, 18, 20, 25 – мог. 11; 21 – мог. 12; 23 – мог. 13; 22, 26, 29, 30 – мог. 14; 27, 28 – мог. 15. Саянтуйский (Именохолев, Коновалов, 1985): 8–10 – мог. 11. Ононск (Ковычев, 1981): 31 – мог. 15; 32, 33 – Амагалон. Бодон 2 (Дашибалов, 2011): 34, 35 – мог. 3

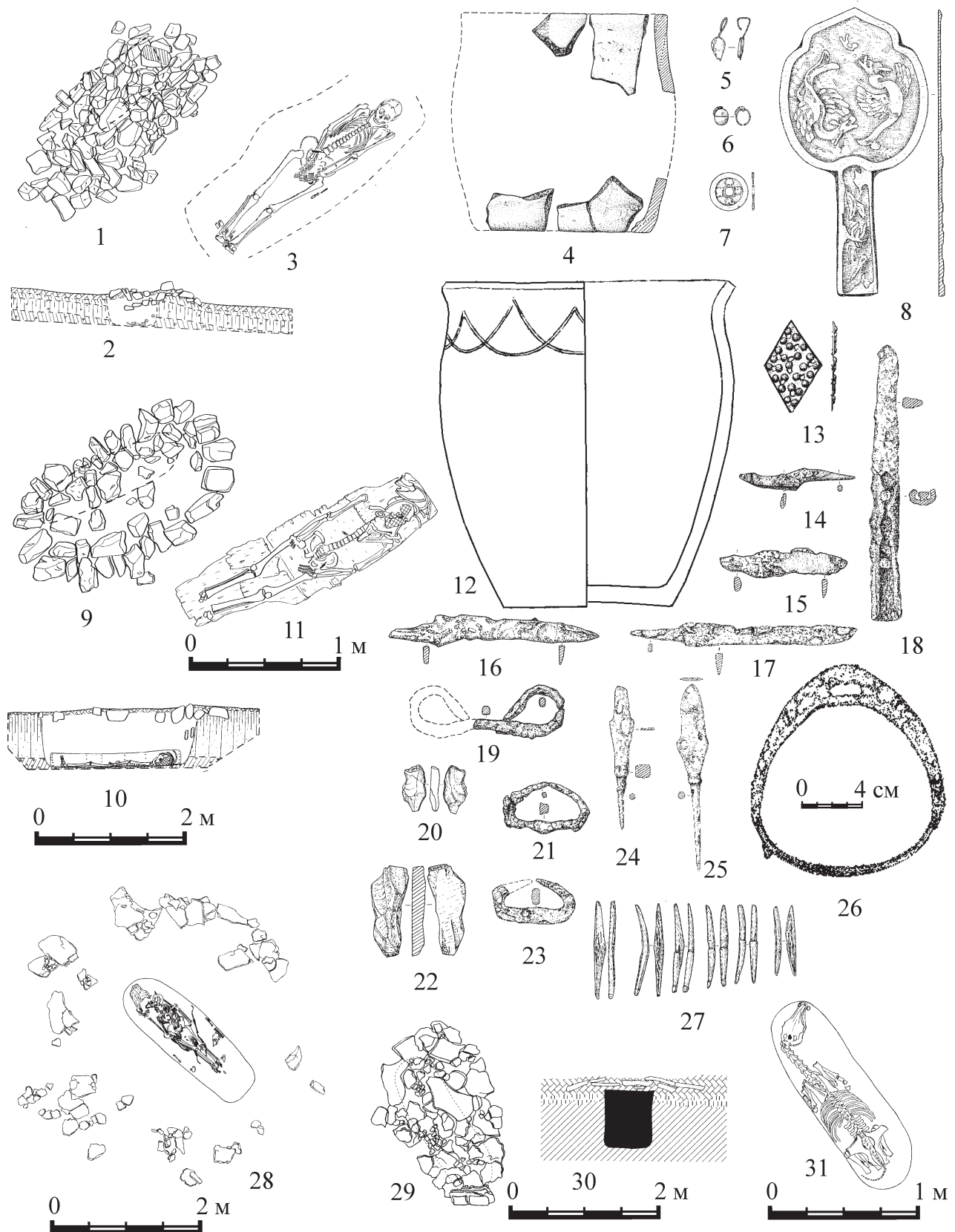

Рис. 2. Предбайкальские захоронения предимперского периода (VIII–XII вв.). Курма 2 (Харинский, 2001): 1–3, 14, 20, 21 – мог. 1; 17, 23, 25 – мог. 2; 16, 22, 27 – мог. 16; 9–10, 15 – мог. 17. Хужиртуй 3 (Харинский, 2001): 18, 24, 26 – мог. 1; 4–8, 19 – мог. 2. Харанса 1 (Свинин, Зайцев, 1992): 12 – мог. 18; 13 – мог. 21. Доглан (Николаев, 2004): 28 – мог. 15; 29–31 – мог. 16

УДК 902/904

ЗОЛОТООРДЫНСКИЕ КИРПИЧНЫЕ МАВЗОЛЕИ ЗАПАДНОГО ОРЕНБУРЖЬЯ¹

© 2018 г. П. В. Харламов

С принятием ислама Золотой Ордой в XIV в. на территории степной зоны Оренбургской области начинается строительство кирпичных мавзолеев. Усыпальницы возводились из обожженного кирпича, иногда с небольшим добавлением сырцового. Размеры кирпича, как правило, стандартных размеров. Интересно, что все выявленные кирпичные мавзолеи расположены в западной части Оренбургской области. Топографический анализ мемориальных комплексов показывает, что все они расположены на первых террасах небольших степных рек, с максимальной удаленностью от источников воды до 1,5 км. Ранее известные раскопанные золотоордынские мавзолеи в рассматриваемом регионе являлись семейными усыпальницами, содержащими в составе инвентаря различные предметы быта и роскоши, это доказывает присутствие языческих пережитков в кочевой среде, что характерно для этапа двоеверия в период исламизации. Распространение кирпичных мавзолеев в степях Приуралья в XIV вв. отражает политику исламизации, проводимую Золотой Ордой на подконтрольных ей территориях.

Ключевые слова: Оренбургская область, Золотая Орда, кирпичные мавзолеи.

С распространением, а в дальнейшем с принятием ислама Золотой Ордой в качестве основной религии в XIV в. на территории степной зоны Оренбургской области начинается строительство кирпичных мавзолеев. Обычай сооружения мавзолеев уходит корнями в золотоордынскую эпоху, и, в первую очередь, они связаны со строительными традициями Средней Азии и Волжской Булгарии. Строевые двух этих школ различаются между собой. Например, мавзолеи, построенные из камня, относятся к «булгарской» школе зодчества, а мавзолеи из обожженного кирпича к «среднеазиатской». Распространение этих двух типов архитектурных строений отличается территориально. Кирпичные мавзолеи расположены в степной зоне, а каменные – в лесостепной (Васильев, 2009, с. 19–20). На данный момент в рассматриваемом регионе неизвестны мавзолеи более ранних построек, а материалы из раскопанных мемориальных комплексов имеют синхронную дату XIII–XIV вв. (Гарустович, 2013, с. 112).

Постройка кирпичных зданий, производство кирпича и основы строительства портално-купольных сооружений требовало определенных знаний. Скорее всего, для сооружения кирпичных мавзолеев богатая кочевая аристократия приглашала строителей из Средней Азии, либо из городов Поволжья. Например, по данным И.А. Кастанье, в XIX в. богатые казахские семьи специально нанимали строителей для возведения родовых усыпальниц.

По конструкции надмогильные мемориальные сооружения в Оренбургской области имели прямоугольное или восьмигранное основание, портално-купольной (Свердловские мавзолеи (Тептяри)) или башенной формы (Изобильновский мавзолей) (Гарустович, Турецкий, 2011, с. 158). В обследованных мавзолеях Оренбуржья, относимых к эпохе Золотой Орды, находилось от 2 до 7 погребений. Основная поза погребенных людей вытянуто на спине, головой на запад, хотя имеются погребения, ориентированные в северо-западный сектор. Лицевая часть черепа иногда повернута на юг. Весьма интересным является погребальный инвентарь, представленный наборами женских вещей и украшений, шарнирные ножницы, зеркала, серьги, бытовые ножи, фрагменты берестяных головных уборов (бокка), обрывки и детали золотых и серебряных украшений, а также остатки дорогих тканей из парчи и шелка. Встречаются также предметы, связанные с вооружением кочевников, – фрагменты доспехов, стрелы, поясные наборы. Кроме того, практически во всех обследованных мавзолеях имеются кости животных, являющиеся свидетельством поминальной либо заупокойной пищи. Поэтому есть ряд оснований считать, что все погребения, обнаруженные в мавзолеях Оренбуржья, совершены с нарушением основных догм мусульманского погребального обряда. По мнению Г.Н. Гарустовича, подобные причины связаны с переходным временем и характерны для периода двоеверия (Гарусто-

¹ Работа выполнена и опубликована при поддержке Задания №33.1389.2017/ПЧ на выполнение научно-исследовательской работы в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности.

вич, 2014, с. 109). Е.П. Мыськов считает, что люди, похороненные в мавзолеях, по большей части лишь декларировали свою принадлежность к исламу, а в повседневной жизни продолжали оставаться язычниками и сохраняли приверженность к традиционным обрядам и обычаям (Мыськов, 2015, с. 21).

Все прежде раскопанные мавзолеи располагались на территории курганных насыпей, сооруженных в более раннее время. По мнению И.В. Матюшко, территория скопления курганов в эпоху средневековья, воспринималась как специальное, священное место для совершения захоронений (Матюшко, 2011, с. 146). На момент обследований мавзолеи находились или находятся в разрушенном состоянии. Остатки стен представляли собой земляные насыпи с кирпичной крошкой либо с фрагментами кирпичей. Кладка кирпичей не сохранилась либо выявлялась под насыпью сооружения. Укладка и возведение стен производилась на выровненном основании, иногда для этого делалась подсыпка из глины. Стены воздвигали из обожженного кирпича, редко с добавлением сырцового. Кирпич, по всей видимости, изготавливался рядом с местом строительства, это подтверждается находкой, пока единственной, кирпичеобжигательной печи недалеко от Свердловского КМ, а также наличием залежей глины, подходящих для изготовления и обжига кирпича. Такие залежи глины известны у с. Свердлово Тоцкого района и с. Мустаево Новосергиевского района Оренбургской области. Обнаруженная печь сооружена в старичном берегу реки. Там была выкопана яма, в которой сложена сводчатая печь прямоугольной формы размером 3,70 м на 5,70 м. Стены выкладывались на глиняном растворе из крупных, плоских, обожженных кирпичей размером 30/30/6 см, 30/15/6 см, 30/12/6 см. Для поступления воздуха или выхода дыма в продольных стенах были сделаны колосники. Высота печи составляла около 1,5 м (Попов, 1968, с. 19–23). Сооружение печей на местах строительства надмогильных сооружений обусловлено, в первую очередь удобством доставки кирпича к возводимым объектам, а также наличием постоянных источников воды и залежей глины.

За последнее время при изучении и мониторинге кочевнических памятников Оренбуржья было выявлено шесть новых мавзолеев. Большинство мавзолеев находятся на распаханых участках степи. На некоторых насыпях встречаются крупные обломки кирпича

с белой известняковой обмазкой, которая, по всей видимости, являлась раствором для кладки кирпича или штукатуркой. Кирпич, обнаруженный непосредственно на насыпях сооружений, хорошего обжига красно-коричневого цвета. Имеются мавзолеи с полностью задернованными насыпями, и единственными признаками для их обнаружения являются выкиды из крупных нор кирпичной крошки либо последствия грабительских раскопов. С течением времени данные сооружения образовали окрытые формы, диаметр варьируется от 20 до 30 м. Высота в отдельных случаях может достигать 1 метра. Отсюда следует, что территориально известные нам мавзолеи находятся на первых террасах либо на водораздельных площадках небольших степных рек. Максимальная удаленность от источников воды достигает 1–1,5 км. Площадки, на которых выявлены мавзолеи, ровные либо имеют небольшие естественные возвышенности с хорошим обзором на близлежащую местность. Обследованные объекты располагаются в комплексах, образующих курганные могильники с более ранними насыпями, в некоторых случаях составляют отдельные группы. Таким образом, в настоящее время на территории Оренбургской области известно об 11 мавзолеях (вместе с ранее известными), сооруженных из обожженного кирпича, относимых к золотоордынскому времени. Все они выявлены в западной и южной части области на террасах небольших степных рек, входящих в бассейн р. Урал и р. Самара (приток р. Волга).

Мавзолеи являются особыми мемориальными памятниками кочевой аристократии, отражающими процесс исламизации рассматриваемого региона. Процесс исламизации в Золотой Орде насаждался сверху от высшей аристократической знати к низам кочевого мира. Это нередко приводило к конфликтам между сторонниками и противниками ислама (Васильев, 2007, с. 24), поэтому строительство мавзолеев в кочевой среде могло являться одним из направлений пропаганды – ислама. Следующей причиной строительства кирпичных мемориальных комплексов могла быть перестраховка и защита своих родовых кочевий от репрессивных действий мусульманского центра золотоордынского государства. Мавзолеев, стоящий на территории определенного улуса, мог являться символом того, что данная территория лежит под знаменем ислама, а жители его окружи – мусульмане, сама же кочевая аристократия могла иметь определен-

ные привилегии, если выбрала правильный ориентир в вопросах веры (Васильев, 2007, с. 31). Строительство мавзолеев являлось достаточно дорогим мероприятием, которое могла позволить себе лишь кочевая знать. О высоком социальном статусе погребенных в

наземных мемориальных комплексах свидетельствуют различные находки погребального инвентаря, включающие в себя ювелирные изделия из серебра и золота, остатков одежды, изготовленной из шелка и парчи, предметы быта и детали вооружения.

ЛИТЕРАТУРА

Васильев Д.В. Исламизация и погребальные обряды в Золотой Орде. Археолого-статистическое исследование. Астрахань: Астраханский университет, 2009. 178 с.

Васильев Д.В. Ислам в Золотой орде (Историко-археологическое исследование). Астрахань: Астраханский университет, 2007. 170 с.

Гарустович Г.Н. Турецкий М.А. Новый тип мусульманских мавзолеев золотоордынского времени на Южном Урале // Материалы V Международной конференции «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве» посвященной памяти Г.А. Федорова–Давыдова (Астрахань, 2–6 октября 2011 г.). Казань: Институт истории Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 153–160.

Гарустович Г.Н. К вопросу о хронологии кирпичных мавзолеев в степной полосе Южного Урала и Западного Казахстана // Вестник ВЭГУ. Уфа: Восточный Университет, 2013. С. 108–113.

Гарустович Г.Н. «Теория мавзолеев» или региональные особенности культового мемориального зодчества Урало-Поволжья эпохи Золотой Орды (исторические и этнографические аспекты проблемы) // Золотоордынское обозрение. 2014. №2(4). С. 95–120.

Кастанье И.А. Надгробные сооружения киргизских степей / Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. XXVI. Оренбург: Типография Тургайской области, 1911. 130 с.

Матюшко И.В. Средневековые мавзолеи в Оренбургской области // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 9 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2011. С. 146–156.

Мыськов Е.П. Кочевники Волго–Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград: Волгоградский филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. 484 с.

Попов С.А. Отчет о работе Оренбургской археологической экспедиции в 1968 г. Оренбург, 1969 г. // Архив ИА РАН, Р.1. №3956.

Информация об авторе:

Харламов Павел Викторович, научный сотрудник археологической лаборатории, Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Россия); Kharlamovmore@rambler.ru

THE GOLDEN HORDE BRICK MAUSOLEUMS OF THE WESTERN ORENBURG REGION²

P. V. Kharlamov

With adoption of Islam by the Golden Horde in the 14th century construction of brick mausoleums in the territory of a steppe zone of the Orenburg region begins. Tombs were built from the burned brick, sometimes with small addition of adobe. Bricks are of a standard sizes as a rule. It is interesting that all revealed brick mausoleums are located in the western part of the Orenburg region. The topographical analysis of memorial complexes shows that all of them are located on the first terraces of the small steppe rivers, with the maximum remoteness from water sources to 1,5 km. Earlier known investigated Golden Horde mausoleums in the considered region were the family tombs containing in structure of stock various household items and luxury. It proves the presence of pagan remnants in the nomadic population that is characteristic of a stage a dual-belief during Islamization. Distribution of brick mausoleums in the 14th century reflects the Islamization policy pursued by the Golden Horde in territories under control in steppes of Cisural area.

Keywords: Orenburg region, Golden Horde, brick mausoleums.

About the Author:

Kharlamov Pavel V. Orenburg State Pedagogical University, Sovetskaya St., 19, Orenburg, 460014, Russian Federation; Kharlamovmore@rambler.ru

² The work was conducted and published with the support of Task No. 33.1389.2017/PCh for the implementation of research work in the framework of the project section of a state task in the field of research activity.

УДК 902.26/904

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ПЕРИОДА В ПОБИТЮЖЬЕ

© 2018 г. М. В. Цыбин

Рассматриваются археологические памятники XIV – начала XV вв., расположенные на периферии Золотой Орды в Среднем Подонье в бассейне р. Битюг (левый приток р. Дон). Характеризуются различные виды памятников: мавзолей, подкурганное погребение, грунтовые могильники, поселения с русской керамикой. Анализируется территориальное соотношение памятников, рассматривается проблема их этнокультурной принадлежности. Обосновывается гипотеза о сосуществовании разноэтнических групп населения в рассматриваемом микрорайоне. Ставится вопрос об этнокультурной структуре русско-ордынского пограничья в Подонье.

Ключевые слова: Среднее Подонье, река Битюг, памятники золотоордынского периода.

Побитюжье включает бассейн р. Битюг (левый приток р. Дон). В Побитюжье известны памятники золотоордынского периода, оставленные разными в этническом отношении группами населения (рис. 1).

На правом берегу р. Мечеть (левый приток р. Битюг) у пос. Красный Бобровского района Воронежской области находится самый северный по Дону комплекс золотоордынских памятников. Он включал остатки двух мавзолеев, поселения, горна для обжига кирпичей. Один из мавзолеев был частично исследован в 1948 г. В.П. Левашевой. Под полом здания она обнаружила несколько мусульманских захоронений. На берегу р. Мечеть ею был исследован горн для обжига кирпича (Левашева, 1960). В 2002 г. археологической экспедицией Воронежского госуниверситета под руководством автора были полностью вскрыты остатки второго мавзолея (Цыбин, Савицкий, 2009). По частично сохранившемуся фундаменту удалось установить, что мавзоль имел общие размеры примерно 21,5×10,5 м и был ориентирован по линии ЮЮЗ–ССВ. При строительстве здания были в основном использованы квадратные кирпичи размерами 23,5–24×23,5×24×5–6 см. Фундаментные кирпичи укладывались на материковый суглинок на глиняном растворе. Толщина фундамента достигала 1,8 м. Основу плановой структуры мавзолея составляло прямоугольное помещение размерами около 14,5×10,5 м, разделенное стеной на две камеры: видимо, усыпальницу («гур-хана») и место оплакивания («зиярат-хана»). В «гур-хане» находилась полностью ограбленная гробница, имевшая размеры 4,5×4,6 м и углубленная в материк до 1,5 м. На полу гробницы местами сохранились кирпичи. Рядом с центральной гробницей выявлены два более поздних по времени погребения. Одно из них, перерезав-

шее стену гробницы, было также разрушено. Второе совершено в узкой могильной яме в деревянном гробу, оббитом кожей и скрепленном железными скобами. Погребение было перекрыто кирпичами. Ориентировка погребенной – ЗСЗ. С ССВ стороны к «гур-хане» было пристроено прямоугольное помещение, размерами около 5×4 м, в котором, судя по находкам костей человека и двух бронзовых бубенчиков, также совершались захоронения. Длинные стены мавзолея с ЮЮЗ оканчивались пилонами. Вход, видимо, перекрывался аркой, которая вместе с пилонами образовывала портал, украшенный мозаикой на кашине. Непрозрачная полива плиток имела чаще всего бирюзовый, ультрамариновый, белый цвета. Встречались плитки покрытые тонкой золотой фольгой по белой поливе. Орнаментация мозаик представлена растительными узорами, геометрическими фигурами и, возможно, буквами. За пределами мавзолея выявлены три погребения в узких могильных ямах с западной ориентировкой. В одном из них найдены пять дирхемов, четыре из которых относятся к 80–90-м гг. XIV в. (Токтамыш; определение В.Ю. Гончарова).

По заключению А.А. Казарницкого, ближайшие аналогии мужскому брахикранному черепу с уплощенным лицом и слабо выступающим носом (погребение 2 возле мавзолея) обнаружилось среди городского населения Золотой Орды, тюркских кочевников доно-волжских и казахстанских степей и погребенных в Ханской усыпальнице и культурном слое Булгара. Женские черепа (погребение 1 в мавзолее и погребение 3 возле мавзолея) расположились среди серий южно-сибирского облика (Казарницкий, 2013, с. 86).

Упадок этого центра кочевого улуса, относится, видимо, к началу XV в. В округе мавзолеев удалось выявить синхронное им

поселение XIV в. с русской и золотоордынской керамикой.

В нескольких километрах севернее мавзолеев известно и богатое кочевническое подкурганное погребение, исследованное М.П. Труновым в начале XX в. у с. Новый Буравль (Сафоновка). Сохранившиеся в фондах Воронежского областного краеведческого музея серебряная чаша, медный котел, остатки ткани, а также характер погребального обряда позволяют отнести это погребение к золотоордынскому периоду.

На левом берегу р. Битюг у с. Лосево Павловского района Воронежской области экспедицией ВГУ исследовался Таганский грунтовой могильник. Памятник открыт и изучался в 1995 г. Ю.П. Матвеевым, в 1998–2001 гг. – Ю.П. Матвеевым и автором (Матвеев, Цыбин, 2004). Помимо погребений эпохи бронзы и раннего средневековья с площади трех раскопов, закладывавшихся на возвышенностях дюнообразного древнего берегового вала, получены материалы XIV в. На раскопе 2 были выявлены четыре хозяйственные ямы и остатки наземной постройки с очагом. В ямах найдены кости животных, золотоордынская и древнерусская керамика, нижняя часть каменного жернова (постав), фрагмент его верхней части, абразивы, заготовки для пряслиц и пряслица из стенок золотоордынских сосудов.

На раскопах 1 и 3 зафиксированы погребения жителей поселка (два достоверных погребения на раскопе 1 и 13 – на раскопе 3). Судя по хорошо сохранившимся костякам, погребенные лежали на спине головой на запад, руки – вдоль туловища или на груди. Погребальный инвентарь представлен перстнем и двумя подвесками (одна – в виде знака вопроса). По заключению А.А. Казарницкого, морфология мужского и двух женских черепов из Таганского могильника находит аналогии среди субстратных европеоидных популяций Восточной Европы (Казарницкий, 2013, с. 86).

Несколько южнее Таганского комплекса изучалось многослойное поселение Затон-1, расположенного на левом берегу р. Дон у с. Бабка Павловского района Воронежской области несколько южнее Таганского комплекса (раскопки С.Н. Гапочки в 2001, 2002 г.). На поселении выявлена золотоордынская и русская керамика, а также погребение с восточной ориентировкой с тремя монетами Токтамыша, одна из которых дати-

рована 786 г. х. (1384/1385 г.) (определение В.Ю. Гончарова).

Грунтовые могильники и сопутствующие им поселения назывались нами «памятники золотоордынского круга». Наиболее ярким среди них является Новохарьковский могильник на юге Воронежской области. Сейчас уже вряд ли можно утверждать, что эти памятники оставлены одной группой населения, что следует из результатов антропологического анализа материалов этих памятников.

В Побитюжье выявлена серия поселений преимущественно с русской гончарной керамикой. Эти поселения с большой долей вероятности оставлены русским населением. Характер русских поселков в Побитюжье можно представить по материалам раскопок поселения Дрониха близ с. Тишанка Таловского района Воронежской области (Виников, Синюк, Цыбин, 1995). На поселении изучены две полуземляночные постройки с остатками печей. В керамическом комплексе наряду с русской керамикой встречены фрагменты красноглиняной неполивной золотоордынской посуды.

Примерно в 2 км к северо-западу от Таганского комплекса на боровой террасе левого берега р. Битюг, напротив с. Антиповка, находится русское поселение XIV в. Как показали разведочные раскопки, проведенные автором в 1999 г., керамический комплекс поселения включает фрагменты русских горшков, а также немногочисленные фрагменты золотоордынских неполивных сосудов. Не исключено, что это поселение синхронно Таганскому комплексу.

Говоря о русских поселениях, следует отметить, что на левобережье Среднего Дона в XVII в. существовали сезонные поселки на территории бортных ухажав – участках, которые брались в аренду для добычи меда, воска, охоты, рыбной ловли и других промыслов, например, на реках Осередь и Битюг (Серецкий и Битюцкий ухажай). Выявленные русские поселения золотоордынского периода в этом районе также могли иметь сезонный характер.

Судя по имеющимся археологическим материалам, в XIV – начале XV в. в Побитюжье находились различные в этническом плане группы населения. Их сосуществованию в рассматриваемом районе способствовали ландшафтные условия: наличие поймы с болотами, старицами, озерами, лесами, лугами; боровых первых надпойменных террас, остепненных водораздельных участков.

ЛИТЕРАТУРА

Винников А.З., Синюк А.Т., Цыбин М.В. Средневековые материалы с поселения «Дрониha» // Средневековые памятники Поволжья / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Самара: Самарский университет, 1995. С. 130–138.

Левашева В.П. Золотоордынские памятники в Воронежской области // Труды ГИМ. Вып. 37 / Отв. ред. В.П. Левашева. М: Советская Россия, 1960. С. 175–185.

Матвеев Ю.П., Цыбин М.В. Таганский грунтовой могильник. Воронеж: Воронежский госуниверситет, 2004. 77с.

Казарницкий А.А. Краниологические материалы золотоордынского времени из Воронежской области // Международная научная конференция «Население Юга России с древнейших времен до наших дней». Донские антропологические чтения (26–30 августа 2013 г., Ростов-на-Дону,). Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2013. С. 82–87.

Цыбин М.В., Савицкий Н.М. Планировка мавзолея у пос. Красный Бобровского района Воронежской области // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 13 / Отв. ред. В. В. Килейников. Воронеж: Научная книга, 2009. С. 218–220.

Информация об авторе:

Цыбин Михаил Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, кафедра археологии и истории древнего мира, Воронежский государственный университет (г. Воронеж, Россия); mvcibin@yandex.ru

ARCHAEOLOGICAL MONUMENTS OF THE GOLDEN HORDE PERIOD IN THE BITYUG RIVER REGION**M. V. Tsybin**

Archaeological monuments of the 14th–early 15th centuries are located on the periphery of the Golden Horde in the Middle Don in the basin of the Bityug River (the left tributary of the Don River). The article considers different types of monuments: mausoleums, burials in mounds, ground burials, settlements with Russian ceramics. The territorial correlation of monuments is analyzed, the problem of their ethno-cultural affiliation is considered. The hypothesis on the coexistence of ethnically diverse population groups in the microdistrict under consideration is substantiated. The question is raised about the ethno-cultural structure of the Russian–Horde borderland in the Don region.

Keywords: Middle Don region, the Bityug River, monuments of the Golden Horde period

About the Author:

Tsybin Mikhail V. Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor Voronezh State University, Universitetskaya Square, 1 Voronezh, 394018, Russian Federation; mvcibin@yandex.ru

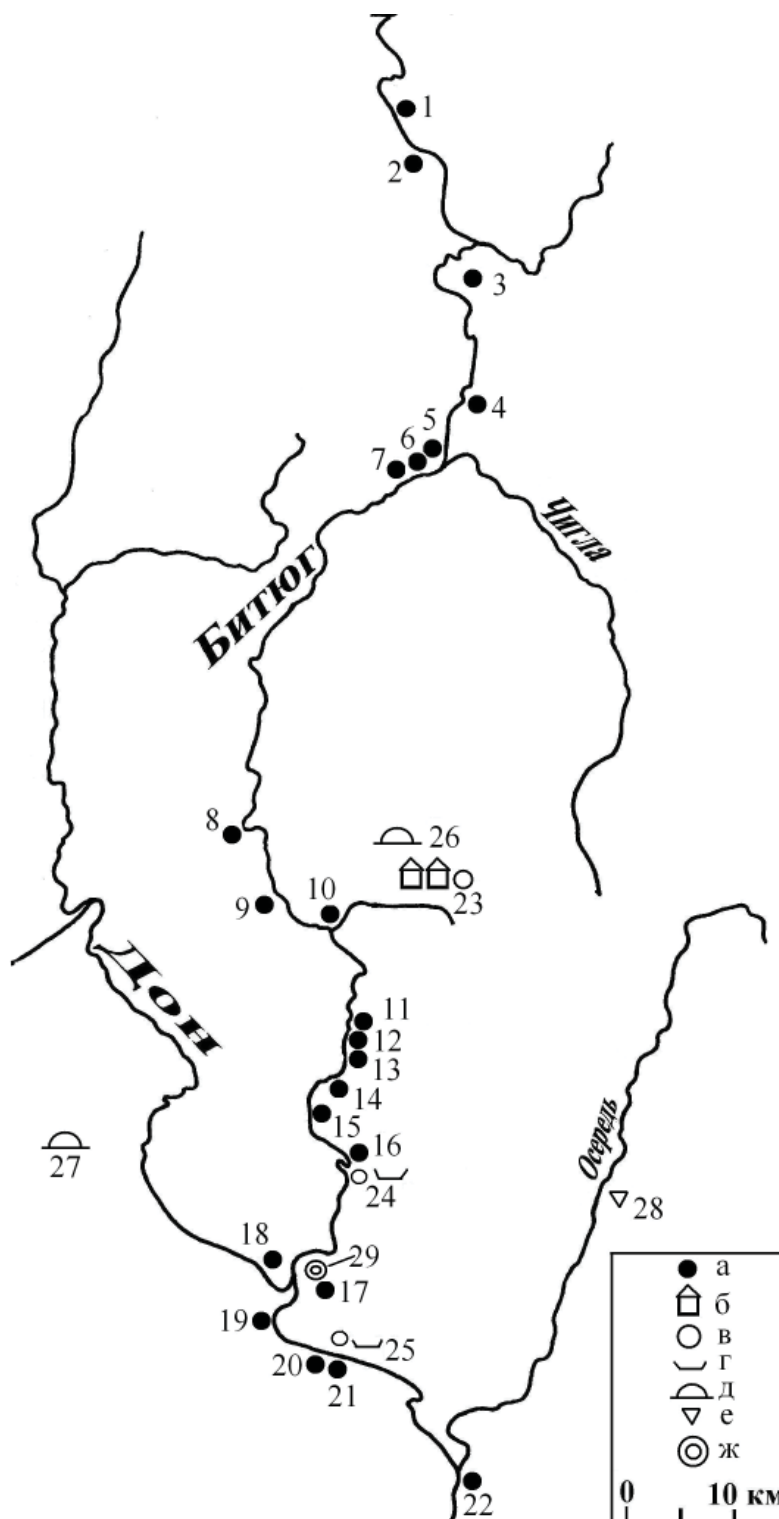

Рис.1. Карта расположения археологических памятников золотоордынского периода в Побитюжье
а– селище с русской керамикой (в ряде случаев– и с золотоордынской); б– золотоордынский мавзолей;
в– поселение золотоордынского круга; г– грунтовой могильник золотоордынского круга; д–
подкурганное кочевническое погребение; е – клад золотоордынских монет; ж– круговые ровики
1– Мосоловское, 2– Желанное, 3– Светлый путь, 4–Дрениха, 5–7– Старая Чигла, 8– Николо–
Варваринка, 9– Пчелиновка, 10– Мечетка, 11– Шестаково (поселение 2), 12– Шестаково (поселение
3), 13– Шестаково (поселение 4), 14–Шестаково (поселение 6), 15– ур. Игнатовские Ольхи (поселение
у водонапорной башни), 16– Антиповка, 17– поселение 1 у брода через р.Протока, 18– Перебой,
19– Коловерть, 20– Верхнекарабутское 2, 21–Верхнекарабутское 1, 22– Павловск, 23– Красный, 24–
Таганский, 25– Затон–1, 26– Новый Буравль (Сафоновка), 27– Марки, 28– Воронцовка.

УДК 902/904

**“THE WISE,” “THE LEARNED,” “THE KNOWLEDGEABLE”: A
MAMLUK (?) *TIRAZ* FROM THE GRAVE OF A GOLDEN HORDE
STEPPE WARRIOR (KALMYKIA, RUSSIA)**

© 2018 г. Irina Shingiray

From the early period of its emergence, the Golden Horde forged diplomatic relations and political alliances with the Mamluk Sultanate. These relations were strengthened by the official exchange of opulent gifts containing luxury items during the 13th–14th century. Several primary sources state that the Mamluk gifts included large amounts of silk garments and *tiraz* bands decorated with epigraphic embroideries. This paper poses a question whether these items can be attested to archaeologically. Although numerous elite burials from the Golden Horde steppe and urban centers contain remains of silk garments, their Mamluk attribution is largely problematic. This paper addresses a nomadic elite burial from the steppe of the modern-day Kalmykia near Bolshoi Tsaryn (excavated in 1977), which contained a silk *tiraz* with an embroidered inscription that included a royal title and was executed in a style that likely suggests its Mamluk manufacture. If this interpretation of the silk is correct, it may potentially represent not only a piece of archaeological evidence for the abovementioned diplomatic exchange in luxuries, but also shed light on the context of how these precious silks were used and redistributed among the nomadic elite of the Golden Horde.

Keywords: Golden Horde, Mamluk Sultanate, nomadic elite, silk *tiraz*, burial archaeology, diplomatic exchange, Kalmykia.

In 1977, in the remote steppe region of northern Kalmykia, in the interfluvium of the Volga and the former Sarpa rivers, an archaeological rescue expedition headed by E. V. Tsutskin excavated a group of burial mounds named Bolshoi Tsaryn I (Tsutskin 1978). In a small kurgan (number 2), there was a single burial of a mature male, who was placed in a niche grave (подбой) together with an assortment of grave goods (Figure 1.) The deceased was laid out in a supine position with arms and legs stretched along the body as if it was constrained by a shroud or bundled up in a textile or some other organic material (traces of which were noted in the description of the grave). His head was oriented toward NNE; the skull was elevated, turned to the right, and wrapped with an epigraphic silk band embroidered with Arabic letters (Figure 2). The grave goods included a birch-bark quiver and a number of tanged arrow heads; a horse tack with bridles, stirrups, and a saddle with bone plaques and nails; a conical cup made of a rolled-up sheet of bronze; a leather purse with (“oxidized” and thus illegible) silver coins near the left hand of the male, as well as another coin found under the right side of his skull (evidence of a so-called Charon’s obol); and a sheep femur placed vertically to the left of the head of the deceased (Tsutskin, 1978:38–42).

As a typical nomadic military-elite burial interred during the Golden Horde period (13th–14th century), this grave has a number of ritual traits that are commonly construed as belonging to Mongol or Inner Asian funerary

practices, such as the grave construction and its orientation, the placement of the sheep femur, the weaponry and other luxury grave goods. Yet, simultaneously, this burial demonstrates the impact of the Islamization process which was unfolding among the nomadic military communities of the steppe population of the Golden Horde (see more in Shingiray 2018). Or, as the author of the excavation put it, it represents “a classic example of dualism in the initial stage of conversion to [Islamic] monotheism” (Tsutskin 1978:42). The most ostensible evidence that supports the traits of Islamization in this case is the deliberate placement of the silk textile with embroidered Arabic letters on the face of the deceased nomadic warrior during the process of the steppe funerary ritual. But where did this remarkable inscribed silk come from before it ended up in this steppe nomadic burial?

The silk epigraphic band from Bolshoi Tsaryn I has no analogies in the published literature familiar to me so far. The author of the excavations did not publish this burial. According to him the textile was sent to Moscow, where the text embroidered on the band was translated as “Lord of the Worlds” (Tsutskin, 1978:42). Currently, the whereabouts of this silk are not known to me. But, as can be judged from the old photograph preserved in the archaeological report, it seems that the proposed translation of this Arabic text was done incorrectly. Instead, this inscription executed in naskhi contains a repeated formula consisting of a single (illegible) letter followed by the Arabic word *al-‘alim*—

“the wise,” “the learned,” “the knowledgeable”—which was a “royal attribute” often used in conjunction with the name of a sultan or an amir during the 14th century (Doris Behrens–Abouseif and Sheila Blair, personal communication 2016). The illegible letter in this inscription probably signifies a suppressed word (perhaps a royal name or an attribute?) which preceded the title al-‘alim—a practice that is commonly performed in Islamic embroideries in order to achieve symmetry in epigraphic designs which was much desired during this time period (Lamm, 1937:68). The corrected translation, therefore, allows us to treat this silk band as a later development of *tiraz* when it became fashionable to substitute long historical inscriptions (which defined *tiraz* proper as a textile with caliphal names, titles, dedications, etc.) with a short formula or a single word of honorific or generic titles as the manufacture of these silks was gradually transferred from the ruler’s authority to the textile industry and the market (Mackie, 1984:130 and 2015:245; Bierman, 1980:46, 93).

Obviously without closer investigation of this silk it would be difficult to argue with absolute certainty for the country of its manufacture, especially since “multicultural patterns” of luxury goods were widely shared and emulated during the Mongol period (Mackie, 2015:237; Allsen, 1997). Yet, it is possible to make a preliminary proposition on the basis of stylistic analogies that this silk *tiraz* has a probable connection with the domain of Mamluk material and political culture. The repeated usage of a short and symmetrized formula containing the royal attribute al-‘alim “compartmentalized” or framed in a cartouche in this *tiraz* is frequently found on textiles, glass, and metalwork from the Bahri period of the Mamluk Sultanate (1250–1382), and invokes the Mamluk aesthetic of “formality” represented in their arts executed on different media (Behrens–Abouseif, 1995:46 and 2014; Bierman, 1980:159; Mackie, 1984; Lamm, 1930 and 1937). Moreover, as suggested by Sheila Blair, if circles with a floriated-cross motif that alternate with the epigraphic cartouches on this silk can be confirmed as a type of blazon—a common feature of Mamluk art—then its Mamluk attribution can be assured (personal communication 2016). In fact, this pattern also has multiple analogies on Mamluk embroidered textiles, ceramics, and glass (see Lamm, 1937 and 1930) and is included in the list of Mamluk heraldry (Mayer, 1933:8–11, Pl. XII).

If the Mamluk attribution of this silk *tiraz* is correct, what can be surmised about the context of

its appearance among the Golden Horde nomadic military elite? It is well known that from the early period of the emergence of the Golden Horde, diplomatic relations and political alliances were forged between the Mongol khans of the Ulus Jochi and the Muslim rulers of the Mamluk Sultanate who resided in Cairo. For instance, the Golden Horde Khan Berke (r. 1257–67)—a practicing Muslim who widely encouraged Islam among the nomadic military communities of the Ulus Jochi—fostered a political alliance with the Mamluk Sultan al-Zahir Baybars (r. 1260–1277) against their mutual enemy in the face of the Ilkhanids of Iran, who by that time had not yet converted to Islam. As a result of this alliance, the khan of the Golden Horde with his allegedly newly-converted Muslim army was able to carry out jihad against his Ilkhanid rivals; and the Mamluk ruler Baybars, who reestablished the caliphate and patronized major Islamic shrines in the Arabia and Near East, received a steady supply of military slaves from the territory of the Golden Horde via the Black Sea ports (Vasary 2016; Favereau 2017).

This political dialogue was reinforced by a lavish exchange of diplomatic gifts initiated by Baybars, who famously sent an “opulent gift package” with precious objects, textiles, and animals to Berke in 1263 in order to celebrate the Islamization of the Golden Horde, as reported by Nuwayri and other Mamluk writers (see Behrens–Abouseif, 2014:24, 62–4). The Mamluk gifts regularly included large quantities of Alexandrian textiles, *tiraz*, and other garments. In 1282, Sultan Qalawun (1279–90) sent an embassy to Mongolia via the Golden Horde with 16 loads of luxury textiles, and in 1287, he sent a gift to the Golden Horde which among other objects included the following: “...200 embroidered white gowns from Dar al-Tiraz, half of which were embroidered with gold epigraphic bands ‘in the name of the sultan’, and the other half embroidered with silk epigraphic bands containing honorific titles; 150 gowns belonged to another type of Alexandrian textile embroidered with epigraphic bands of gold and silk; 150 gowns of Damietta textile were adorned with epigraphic bands of gold and silk with the ‘usual titles’ (bi-alqab al-‘ada) and 100 other gowns had silk and gold unspecified epigraphic bands” (Ibn al-Furat in Behrens–Abouseif, 2014:64).

Mamluk historians, such as Ibn al-Dawadari and Nuwayri, report that in his diplomatic gifts to the Golden Horde, Qalawun’s son and later Sultan al-Nasir Muhammad (r.1293–1341 with

two interruptions) followed a similar protocol and sent textiles of the Dar al-Tiraz, as well as gold brocaded gowns and headgear. Doris Behrens-Abouseif (64–5, 155–8) remarks that this “Qalawunid passion for honorific inscriptions” with which the gowns of these diplomatic gifts were decorated clearly signifies the desire of the Mamluks to advertise their presence and their luxury textile culture at the court of the Golden Horde. In other words, the Mamluks, as the de facto patrons of the caliphate, sought to promote Islam in the Golden Horde through the material culture of luxury items, which were inscribed with Mamluk royal titles, attributes, and honorific formulas. These were most likely introduced en masse to the Golden Horde rulers probably with the intention that they would redistribute them among the newly converted elites of their polity.

Currently, it is difficult to determine whether such a redistribution of Mamluk luxury textiles occurred or not, due to the lack of sources that shed light on this matter. Burial archaeology is the most promising source for finding any traces

of evidence regarding this redistribution and/or use of Mamluk luxury textiles among the Golden Horde elites. As was noted above, a provenance attribution of a concrete textile of this time period is notoriously problematic. However, the rare epigraphic embroidery of probable Mamluk manufacture that was placed in the nomadic elite burial from Bolshoi Tsaryn I presented in this paper allows us to pose the hypothesis that at least some of those fabulous textiles that arrived to the Golden Horde as Mamluk diplomatic gifts trickled down to the nomadic elites of Ulus Jochi and finally made their way into the archaeological record.

Acknowledgements:

The author would like to express her gratitude to the ERC “Nomadic Empires” Project at the University of Oxford; to the late Evgenii Tsutskin for having shared his archaeological materials and his expertise with her in Kalmykia; and also to Doris Behrens-Abouseif and Sheila Blair for their assistance regarding the interpretation of the silk *tiraz* inscription.

BIBLIOGRAPHY

- Allsen, T. T. 1997. *Commodity and Exchange in the Mongol Empire: A Cultural History of Islamic Textiles*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Behrens-Abouseif, D. 1995. Mamluk and Post-Mamluk Metal Lamps. *Supplément aux Annales islamologiques*, Cahier n° 15. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale.
- Behrens-Abouseif, D. 2014. *Practising Diplomacy in the Mamluk Sultanate: Gifts and Material Culture in the Medieval Islamic World*. London: I.B.Tauris.
- Bierman, I. A. 1980. *Art and Politics: The Impact of Fatimid Uses of Tiraz Fabrics*. Ph.D. dissertation. Chicago: University of Chicago.
- Favereau, M. The Golden Horde and the Mamluks // *Золотоордынское обозрение*. 2017. № 5(1). С. 93–115.
- Lamm, C. J., 1930. *Mittelalterliche Gläser und Steinschnitarbeiten aus dem Nahen Osten*, *Forschungen zur islamischen Kunst*. Berlin: D. Reimer.
- Lamm, C. J. 1937. “Some Mamluk Embroideries,” *Ars Islamica* 4, pp. 64–77.
- Mackie, L. W. 1984. “Toward an Understanding of Mamluk Silks: National and International Considerations,” *Muqarnas* 2, pp. 127–146.
- Mackie, L. W. 2015. *Symbols of Power: Luxury Textiles from Islamic Lands, 7th–21st century*. New Haven: Yale University Press.
- Mayer, L. A. 1933. *Saracenic Heraldry: A Survey*. Oxford: Clarendon Press.
- Shingiray, I. 2018. “‘Nomadic Islam’ in the Golden Horde Steppe: a Case-Study of a Burial from Bolshoi Tsaryn, Kalmykia.” In *Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа / Отв. ред. У. Ю. Кочкаров, Карачаевск / In U. U. Kochkarov (ed.) The Caucasus in the System of Cultural Relations of Eurasia in the Ancient Time and the Middle Ages. XXX “Krupnovsky Readings.” Karachaevesk: KChGU*, pp. 516–518 (in the digital publication).
- Tsutskin, E. V. (Цуцкин Е. В.). 1978. Отчёт о работе Сарпинской археологической экспедиции Калмыцкого НИИАЛИ и КГУ в 1977 г. Элиста: Архив КИГИРАН №№ 8–10 / Report on the Work of the Sarpinskaia Archaeological Expedition of the Kalmyk NIIaLI and KGU in 1977. Elista: Archive KIGIRAN NN 8–10 (in Russian).
- Vasary, I. 2016. “Golden Horde,” In K. Fleet, G. Krämer, D. Matringe, J. Nawas and E. Rowson, *Encyclopaedia of Islam*, Third Edition, http://dx.doi.org.ezp-prod1.hul.harvard.edu/10.1163/1573-3912_ei1163_COM_27498, Brill Online.

About the Author:

Irina Shingiray, Ph.D., Research Fellow, History Faculty, University of Oxford. Address: Faculty of History, George Street, Oxford, OX1 2RL, UK; irina.shingiray@history.ox.ac.uk

МУДРОСТЬ, ЗНАНИЕ, ПРОСВЕЩЕНИЕ: МАМЛЮКСКИЙ ТИРАЗ ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО СТЕПНОГО ВОИНА (КАЛМЫКИЯ, РОССИЯ)

И. Шингирей

Начиная с раннего периода существования Золотой Орды, ее правители занимались налаживанием дипломатических отношений и формированием политических союзов с Мамлюкским Султанатом. Укреплению отношений между державами в XIII–XIV веках способствовал осуществляемый на официальном уровне обмен ценными подарками и предметами роскоши. Согласно ряду первоисточников, мамлюкские подарки включали в себя большое количество шелковой одежды и тиразских лент, украшенных эпиграфической вышивкой. Авторы статьи рассматривают возможность археологического подтверждения существования указанных предметов. Несмотря на то, что многочисленные степные и городские погребения золотоордынской элиты содержат остатки шелковой одежды, доказательство их принадлежности к мамлюкской культуре является достаточно проблематичным. В статье рассматривается погребение кочевника высокого статуса, найденное в степи на территории современной Калмыкии недалеко от Большого Царына в ходе раскопок 1977 года, внутри которого был обнаружен шелковый тираз с вышитой надписью, содержащей королевский титул и выполненной в стиле, позволяющем говорить о его возможном мамлюкском происхождении. Если данная интерпретация находки является верной, она не только представляет собой археологическое подтверждение дипломатического обмена предметами роскоши, но также проливает свет на особенности использования и распространения дорогих шелков среди кочевой элиты Золотой Орды.

Ключевые слова: Золотая Орда, Мамлюкский Султанат, кочевая элита, шелковый тираз, археология погребений, дипломатический обмен, Калмыкия

Информация об авторе:

Ирина Шингирей, доктор наук, научный сотрудник исторического факультета Оксфордского университета, Великобритания; Irina.shingiray@history.ox.ac.uk

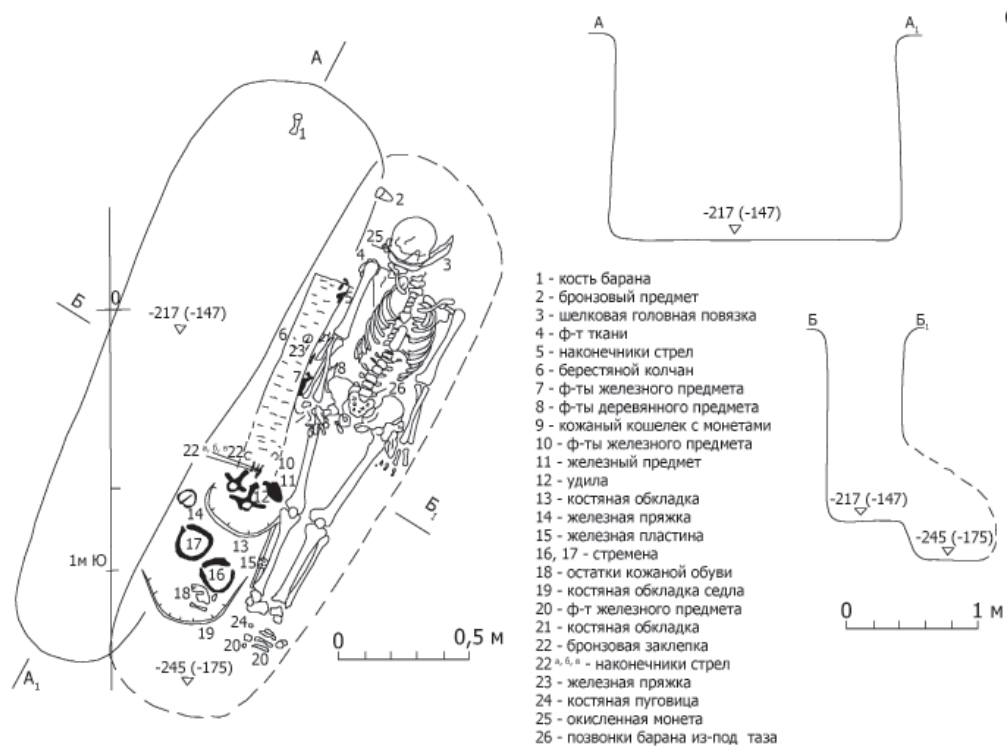

Fig. 1. Plan of the niche burial 1 in kurgan 2 from Bolshoi Tsaryn I (after Tsutskin, 1978).

Рис. 1. План подобойного погребения 1 из кургана 2 могильника Большой Цврын I (по Цуцкинб 1978).

Fig. 2. Photograph of the human skull wrapped in a silk *tiraz* band from Bolshoi Tsaryn I kurgan 2 burial 1 (Tsutskin, 1978).

Рис. 2. Фотография черепа погребенного, покрытого шёлковой лентой (*tiraz*), из погребения 1 кургана 2 могильника Большой Царын I (Цуцкин, 1978).

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДСКИХ ЦЕНТРОВ ЕВРАЗИИ

УДК 902/904

ЗОЛОТООРДЫНСКИЕ КОМПОНЕНТЫ В КУЛЬТУРЕ ГЕНУЭЗСКОГО ГОРОДА ЧЕМБАЛО (БАЛАКЛАВЫ) В XIV–XV ВВ.

© 2018 г. С. Б. Адаксина, В. Л. Мыц

Разнообразные находки из Чембало (монеты, поливная керамика, бытовые предметы и украшения), несмотря на вхождение города в 1345–1475 гг. в состав генуэзских владений, свидетельствуют о постоянно сохранявшейся тесной связи его населения с городскими центрами Золотой Орды (Солхата, Азака, Сарая и др.).

Ключевые слова: Государственный Эрмитаж, Чембало, Крым

В ходе исследований средневекового города Чембало (рис. 1), ведущихся с 2002 г. Южно-Крымской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа (Адаксина, Мыц, 2017, с. 105–139), удалось установить четыре основных этапа его политической истории: 1) византийский (VI в. – 70-е гг. XIII в.); 2) золотоордынский (70-е гг. XIII в. – 1345 г.); 3) генуэзский (1345–1475 гг.) и 4) османский (1475–1771 гг.). Несмотря на то что золотоордынский период оказывается наименее продолжительным, в культурных отложениях построек конца XIII–XV в. выявлены разнообразные предметы и конструктивные особенности застройки, характерные для городов Улуса Джучи. Кроме того, фигурирующее с 70-х гг. XV в. в письменных источниках название города – Балаклея – дает основания считать его тюркским по своему происхождению (Мыц, 2016, с. 63–68). О семантике ойконима Балаклава высказывались противоречивые суждения. И хотя наиболее раннее из известных тюркских названий города – *Балаклава* – встречается около 1472 г. у Афанасия Никитина (Никитин, 2009, с. 58), по заключению тюркологов (Бартольд, 1965, с. 443; Севорсян, 1978, с. 59; Мурзаев, 1996, 213–214 и др.) первоначальным и основным значением топонима, в основе которого находится *балык/балыг*, город, а более конкретно – стена, крепость, укрепление. Все же предлагавшиеся ранее, начиная с И.Э. Тунманна (1746–1778), определения данного ойконима вроде рыбного «пруда» или «места», «садка» и проч. (Тунманн, 1991, с. 38) – представляют собой народные этимологии.

Среди конструктивных особенностей внутригородской застройки, открытой

раскопками вдоль восточной линии обороны, обращает на себя внимание наличие трех домов с тандырами, канами и суфами. При этом все дома входят в жилой квартал, формирующийся вокруг православного храма (№ 2). Кроме того, здесь же была открыта большая печь для выпечки хлебных лепешек. Из слоев XIV–XV вв. происходят многочисленные (доминируют над генуэзскими и другими центрами чеканки) золотоордынские медные и серебряные монетные номиналы. Особым разнообразием отличается художественная поливная керамика, не только поступавшая в Чембало из Солхата, Азака и др. городов, но и производившаяся в это время на месте по технологии, типичной для экономических центров Золотой Орды.

Следует также отметить, что среди типичного для поздневизантийской Таврики погребального инвентаря XIV–XV вв. (предметы личного благочиния, украшения) встречаются вещи явно золотоордынского происхождения. Например, здесь найдены две серьги в виде знака вопроса (Адаксина, Кирилко, Мыц, 2006, рис. 84; Адаксина, Мыц, 2015, с. 63, рис. 52). Первая серьга (обнаружена в слое намывного грунта в доме № 2) изготовлена из бронзовой проволоки, диаметр кольца – 1,2 см; вторая серьга – из серебряной тонкой проволоки (обнаружена в храме № 5, при детском захоронении № 5) (рис. 2, 1, 2).

Серьги в виде знака вопроса на крымских памятниках встречаются редко. Достаточно сказать, что на данную группу артефактов обращал внимание только М.Г. Крамаровский. Им также впервые были опубликованы серьги (6 шт.) в виде «знака вопроса», происходящие из двух крупных кладов второй поло-

вины XIV в.: Нейзацкого и Симферопольского (Крамаровский, 2001, с. 80, 305–306, №№ 366–370). Пять серег входили в состав клада, обнаруженного в 60-е гг. XX в. у городища Неаполь Скифский (т.н. Симферопольский клад) и одна (общая длина 5,1 см) – происходит из клада 1886 г. у поселения Нейзац (поступила в ИАК в 1888 г., Государственный Эрмитаж, инв. № ЧМ-1031) (Крамаровский, 1994, табл. 1,6).

Ареал распространения данного типа украшений довольно широк. Их находки отмечены от Балкан на юго-западе и Новгородской земли на северо-западе до Монголии на востоке (Сенотрусова, 2013, с. 285–288, рис. 1: 1–10). Помимо общепризнанного мнения о том, что серьги в виде знака вопроса распространились в качестве элемента имперской моды в результате обширных завоеваний и культурной экспансии монголов в XIII в., существует и гипотеза, согласно которой такие ювелирные изделия появились еще в XII в. у куманов (половцев). В настоящее время активным сторонником данной точки зрения выступает болгарский исследователь Г.В. Владимиров (Владимиров, 2014, с. 242–253, рис. 4; 7).

В качестве примера влияния моды, а не этно-конфессиональной принадлежности является археологически подтвержденное широкое использование в XIV–XV вв. населением Великого Новгорода серег в виде знака вопроса. К 80-м гг. XX ст. в ходе раскопок (в слоях от начала XIV – до середины XV в.) здесь обнаружено 15 подобных украшений (Седова, 1981, с. 16, рис. 3, 1, 2, 9). Наиболее убедительным доказательством, оставшимся так и не замеченным археологами, является новгородская икона XIV в. «Введение Богородицы во храм» (Давидова, Лепяхин, 2013, рис. на с. 55). В правой нижней части иконы мы видим, что у двух (из пяти) сопровождающих Богоматерь и Ее родителей благочестивых дев в ушах в качестве украшений изображены золотые (?) серьги в виде знака вопроса двух вариантов: одна завершается круглыми шариками, а на конце другой помещена крупная белая жемчужина.

Р.Р. Каримова считает, что на «основе серег в виде «знака вопроса» сформировался тип массивных позднесредневековых украшений, характерных для ювелирного убора населения Молдавского княжества» (Каримова, 2013, с. 30). Одна такая серьга найдена в крепости Чембало в 2017 г. (рис. 2, 3). Общая длина достигает 6 см. Изготовлена из медной

проволоки. Изделие сложносоставное. Верхняя часть изогнута в виде знака вопроса. К ней крепятся четыре разновеликих скрученных из проволоки цилиндрика, к ним примыкают три подвески с тремя гладкими бусинами («золотая», прозрачного стекла и синяя) на каждой. Подобные серьги найдены при раскопках Старого Орхоя и Сучавы, они датируются XV–XVI вв. (Абызова, Рябцева, 2009, с. 143).

Следует также сказать об одной необычайно интересной находке¹. Речь идет о кольце желтого металла (бронза с позолотой?) с разомкнутыми концами (внутренний диаметр 17 мм) (Адаксина, Мыц, 2015, с. 35, 48, рис. 52, 21). На одном конце представлено стилизованное изображение головы дракона с открытой пастью, на другом – маленькая речная (?) жемчужина, прикрепленная к «хвосту» дракона несколькими витками проволоки из желтого металла (рис. 2, 4). Динамика композиции указывает на то, что дракон пытается проглотить жемчужину. По-видимому, мастер хотел представить популярный в Китае мифологический сюжет «о любимой драгоценности Верховного Повелителя Хуан-ди, похищенной девушкой из рода Жэньмэн, которая, проглотив жемчужину, превратилась в дракона и стала духом реки» (Доде, 2007, с. 102). Дракон является главным среди четырех «священных животных» Китая. При династии Сун (960–1279) сформировалось учение о «восьми сходствах» дракона, который должен обладать рогами оленя, головой верблюда, шеей змеи, глазами духа, чешуей карпа, когтями орла, лапами тигра, ушами коровы (Терентьев-Катанский, 2004, с. 28). Из набора «восьми свойств» (с некоторой долей условности) дракону кольца из Чембало характерны только четыре: голова верблюда, глаза духа, шея змеи и уши коровы. Как отмечает З.В. Доде: «Монголы заимствовали китайский образ дракона, сохранив за ним статус маркера государственной власти: и изображения этих существ на тканях, поясных бляхах», сосудах из драгоценных металлов, украшениях «стали общеимперским геральдическим символом» (Доде, 2007, с. 101).

Несмотря на всю ясность семантики образа китайского дракона (Руденко, 2005, с. 98–99; Ельников, 2009, с. 410–412, рис. 3), представленного на кольце из Чембало, мы так пока и не смогли найти для него сколько-нибудь убедительных аналогий (в качестве перстня,

¹ Изделие найдено в храме №5 при выборке светло-коричневого рыхлого грунта (нивелировочная подсыпка под полом) у западной стены церкви.

а не серег) на территории Улуса Джучи. Недавно к изучению данной темы обращался М.Г. Крамаровский. Он опубликовал (Крамаровский, 2013, с. 329, рис. 3) найденную в 2004 г. в Восточном Крыму² бронзовую серьгу (диаметр 2,6 см) со следами позолоты: на одном конце помещена голова дракона, пасть которого открыта для заглатывания закрепленной на стержне средней величины гофрированной жемчужины. Исследователь проделал кропотливую работу по поиску аналогий и пришел к заключению: «Тип объемного двустворчатого золотого браслета (нередко перстня) с парными драконами, играющими жемчужиной, или одним драконом с жемчужиной характерен для маньчжурского Китая» (Крамаровский, 2013, с. 327).

Подобные серьги известны на памятниках XIII–XV вв. обширного региона, либо входившего в завоеванные монголами территории, либо находящегося в сфере влияния Золотой Орды. Это, прежде всего, территория европейской зоны степной Евразии (в Подне-

провье и Поволжье) (Супруненко, Приймак, Мироненко, 2004, с. 38–39, рис. 31; Ельников, 2001, с. 65–67, 76, 69, 96, 97, рис. 21, 10; 22, 2; 32, 5; Шалобудов, Андрусов, Мухопад, 1983, с. 21, рис. 16; Строкова, 2006, с. 34–43, рис. 5, 3 и др.). Следует отметить, что с золотоордынского поселения Самарская Лука происходит литейная форма для изготовления серег с головами драконов (Кочкина, 2011, с. 20–24). На северо-западе граница встречаемости подобных артефактов простирается до Новгородской земли, где бронзовая серьга с головой дракона (без жемчужины) найдена при раскопках крепости Копорье (Кирпичников, 1984, рис. 71, 5).

Таким образом, разнообразные находки из Чембало (монеты, поливная керамика, бытовые предметы и украшения), несмотря на вхождение города в 1345–1475 гг. в состав генуэзских владений, свидетельствуют о постоянно сохранявшейся тесной связи его населения с городскими центрами Золотой Орды (Солхата, Азака, Сарая и др.).

ЛИТЕРАТУРА

- Абызова Е.Н., Рябцева С.С. Изделия из цветных металлов и инструментарий ювелиров в контексте золотоордынских древностей Пруто-Днепровского междуречья // Золотоордынская цивилизация. 2009. Вып. 2. С. 139–153.
- Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Мыц В.Л. Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2005 г. // Материалы Южно-Крымской археологической экспедиции. Вып. V. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2006.
- Адаксина С.Б., Мыц В.Л. Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2014 г. // Материалы Южно-Крымской археологической экспедиции. Вып. XII. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2015.
- Адаксина С.Б., Мыц В.Л. Генуэзская крепость Чембало: основные этапы формирования оборонительной системы и инфраструктуры города XIV–XV вв. // Труды Государственного Эрмитажа: [Т.] 89: Византия в контексте мировой культуры: материалы конференции, посвящённой памяти Алисы Владимировны Банк (1906–1984) / Государственный Эрмитаж. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2017. С. 103–139.
- Бартольд В.В. Сочинения. Т.3. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. / Отв. ред. А.М. Беленицкий. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1965. 713 с.
- Владимиров Г.В. Материальные следы куманов в болгарских землях (конец XI – середина XIII в.): проблемы изучения // ПА. 2014. №3(9). С. 242–253.
- Давидова М.Г., Лепяхин В.В. Введение во храм Пресвятой Богородицы. СПб.: ООО «Метропресс», Государственный Русский музей. 2013. 76 с.
- Доде З.В. Бестиарий на «монгольских» шелках. Стиль и семантика дизайна // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. Вып. 2 (30). С. 100–113.
- Ельников М.В. Средневековый могильник Мамай-Сурка (по материалам исследований 1989–1992 гг.). Запорожье: Издательство Запорожского университета, 2001. 275 с.
- Ельников М.В. Образ дракона-змия на серьгах золотоордынского периода: культурно-хронологический аспект // Stratum plus. 2009. №6. С. 410–419.
- Каримова Р.Р. Элементы убранства и аксессуаров костюма кочевников Золотой Орды (типология и социокультурная интерпретация) / Археология Евразийских степей. Вып. 16. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. 212 с.+8с. цв.вкл.
- Кочкина А.Ф. Загадка поселения Samag (Древности Золотой Орды на Самарской Луке) // Самарская Лука. История, природа, искусство. 2011. №18. 2011. С. 20–24.

² Находится в частной коллекции

- Крамаровский М.Г.* Нейзацкий клад. Крым и Малая Азия в XIV в. // Византия и Ближний Восток. СПб.: Гос.Эрмитаж, 1994. С. 126–142.
- Крамаровский М.Г.* Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб.: Славия, 2001. 364 с.
- Крамаровский М.Г.* Альбрехт Дюрер: браслет с китайским драконом (заметки о ювелирном прототипе) // АДСВ. Вып.41 / Гл. ред. А.С. Мохов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. С.324–331.
- Кирпичников А.Н.* Каменные крепости Новгородской земли. Л.: Наука, 1984. 276 с.
- Мурзаев Э.М.* Тюркские географические названия. М.: Восточная литература, 1996. 252 с.
- Мыц В.Л.* Современные интерпретации семантики топонимов средневекового города VI–XVIII вв.: Символон – Чембало – Балаклава // Научные ведомости Белгородского государственного ун-та. История. Политология. 2016. №15 (236). Вып.39. С. 63–68.
- Руденко К.* Казанский дракон: образ и символ // ТА. 2005. №1–2 (14–15). С. 92–110.
- Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Т.2.: общетюркские и межтюркские основы на букву «Б» / Отв. ред. Н.З. Гаджиева. М.: Наука, 1978. 349 с.
- Седова М.В.* Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XIV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.
- Сенотрусова П.О.* Серьги из средневекового могильника Проспихинская Шивера –IV на Ангаре // Вестник Томского государственного ун-та. История. 2013. Вып.№3(23). С. 285–288.
- Строкова Л.* Золотоординський скарб з Василиців // Пам'ятки України: історія та культура. Річник XXXVIII, 2006. С. 34–43.
- Супруненко О.Б., Приймак В.В., Мироненко К.М.* Археологічні пам'ятки золотоординського часу Дніпровського лісостепового лівобережжя. Київ; Полтава: Археологія, 2004. 82 с.
- Терентьев–Катанский А.П.* Иллюстрации к китайскому bestiariu. Мифологические животные Древнего Китая. СПб.: Форма Т. 2004.
- Тунманн [И.Э.]* Крымское ханство /Пер. с нем. изд. 1787 г. Н.Л. Эрнста и С.Л. Белявской. Прим., предисл. и приложения Н.Л. Эрнста. Симферополь, 1991. 106 с.
- Шалобудов В.Н., Андросов В.А., Мухомад С.Е.* Раскопки курганов у с. Дмухайловка // Древности степного Поднепровья III–II тыс. до н.э. Днепропетровск, 1983. С. 19–27.

Информация об авторах:

Адаксина Светлана Борисовна, заместитель Генерального директора, главный хранитель, Государственный Эрмитаж, (г. Санкт-Петербург, Россия); s_adaxina@mail.ru

Мыц Виктор Леонидович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Государственный Эрмитаж (г. Санкт-Петербург, Россия); vic.mytz@yandex.ru

THE GOLDEN HORDE CULTURAL COMPONENTS IN THE CULTURE OF A GENOAVIAN CITY CHEMBALO (BALAKLAVA) IN XIV–XV CC.

S. B. Adaksina, V. L. Myts

Various finds from Chembalo (coins, glazed ceramics, household items and jewelry), in spite of the fact that in A.D. 1345–1475 the city was a part of the Genoa owned lands, witness of a constantly maintained close connection between the city's population and city centres of the Golden Horde (Solkhat, Azay, Saray etc).

Keywords: State Hermitage, Chembalo, Crimea.

About the Authors:

Adaksina Svetlana B. State Hermitage. Dvortsovaya Naberezhnaya (Embankment), 34, Saint Petersburg, 190 000, Russian Federation; s_adaxina@mail.ru

Myts Victor L. Candidate of Historical Sciences. State Hermitage. Dvortsovaya Naberezhnaya, 34, Saint Petersburg, 190 000, Russian Federation; vic.mytz@yandex.ru

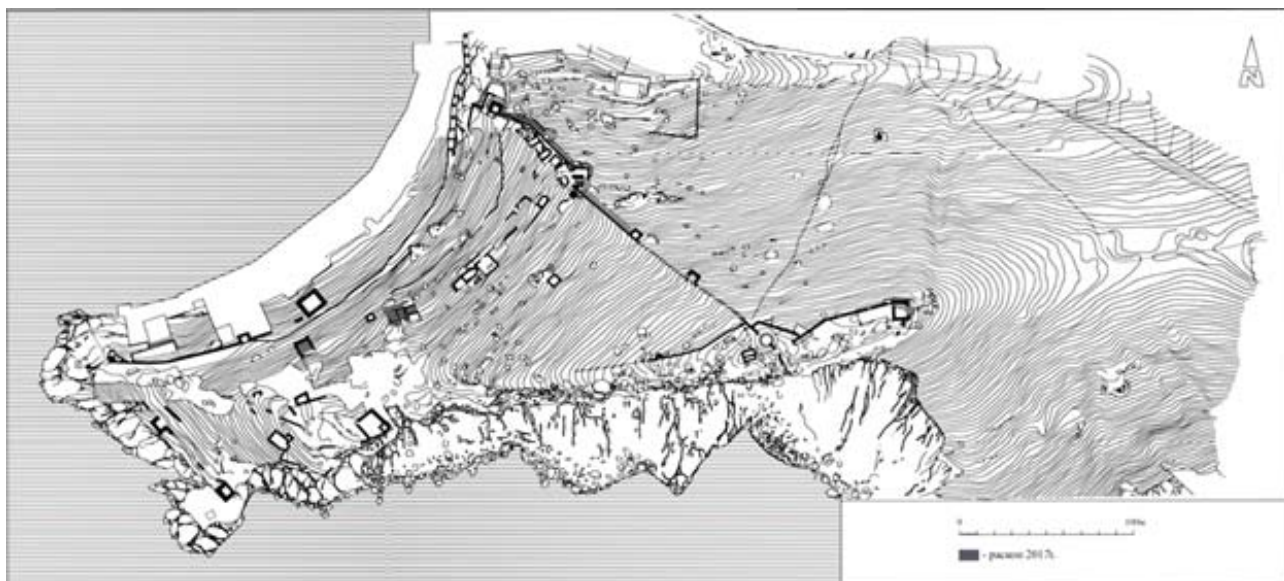

Рис.1 Общий план крепости Чембало.

Рис.2. Ювелирные изделия из раскопок крепости Чембало.

УДК 902/904

ОСОБЕННОСТИ ФОРТИФИКАЦИОННЫХ СООРУЖЕНИЙ ЧЖУРЧЖЭНСКИХ ГОРОДИЩ XIII ВЕКА

© 2018 г. Н. Г. Артемьева

Чжурчжэни, предки маньчжуров, накануне захвата империи Цзинь монголами, создают новое государство Восточное Ся (1215–1233 гг.), большая часть которого перемещается на территорию Приморского края. Готовясь к обороне своей страны, они начинают строить новый тип горных городищ, которые являлись городом-крепостью со сложной фортификационной системой обороны. Каждое городище имело свои функции, от которых зависели их месторасположение, размеры, внутренняя топография. Используя богатый опыт своих предшественников, чжурчжэни создают свою традицию в градостроительстве, рационально используя естественно-географические условия. Города-крепости возводят на горном отроге, который контролировал, прилегающую долину, обеспечивая наиболее выгодную позицию для защиты. Внутри отрога находился распадок, позволявший следить за движением врагов, тогда как враги лишались возможности наблюдать за действиями защитников крепости. Это позволяло применять правильную тактику в конкретный момент боя, способствовало захвату инициативы. С трех сторон городища защищены крутыми горными склонами. Местность выбиралась с учетом военной топографии – поля и река, являющиеся важными коммуникационными элементами. Стены крепости сооружались с учетом отвесности скал, что устраняло необходимость возведения рвов. Ворота укрепляли дополнительными сооружениями в виде барбакан. Валы строились в основном земляные, с дополнительными фортификационными сооружениями – башнями, ронделями, барбетами. Дополнительные фортификационные сооружения имели характерные особенности для городов XIII в. и исполняли защитные функции, сочетающиеся со сторожевыми и наблюдательными. Изменения в чжурчжэньском артиллерийском вооружении стимулировало создание новых фортификационных технических решений.

Ключевые слова: Дальний Восток, археология, чжурчжэни, государство Восточное Ся, империя Цзинь, фортификация, вал, ров, башни, ворота, рондели, барбет, средневековые городища.

Чжурчжэни – предки маньчжуров – накануне захвата империи Цзинь монголами создают новое государство – Восточное Ся (1215–1233 гг.), большая часть которого занимала территорию Российского Дальнего Востока. Готовясь к обороне, они начинают строить новый тип горных городищ – города-крепости с усиленной фортификационной системой обороны. Каждое городище имело свои функции, от которых зависели их месторасположение, размеры, внутренняя топография. Используя богатый опыт предшественников, особенно государств Когуре и Коре, чжурчжэни создают свою традицию в градостроительстве, рационально используя естественно-географические условия (Артемьева, 2009). Города возводят на горных отрогах, которые контролировали прилегающие долины, обеспечивая наиболее выгодную позицию для защиты. Внутри отрога всегда находился распадок, позволявший следить за движением врагов, тогда как враги лишались возможности наблюдать за действиями защитников крепости. Это позволяло применять правильную тактику в конкретный момент боя, способствовало захвату инициативы. Местность

выбиралась с учетом военной топографии, – поля и река являлись важными коммуникационными элементами. С трех сторон городища защищены крутыми склонами сопки, выходящими на горные отроги. Последние могли использоваться как дополнительные входы–отходы во время осады города. Крепости строили рядом с большой рекой, которая во время обороны также являлась естественной преградой. На некоторых городищах видно, что от реки прорывали искусственные каналы, создавая дополнительную защиту города.

Городища, возведенные на горных отрогах, изначально имели преимущество в обороне, т.к. отвесные склоны уже являлись преградой в атаке. Чжурчжэни к XIII в. для обороны крепости строят дополнительные сооружения, которые Западная Европа использует гораздо позже. Основные элементы фортификации – валы, ворота, рвы, башни – присутствуют, но появляются новые – барбетты, рондели, реданы, тайные выходы (рис. 1, 2). Горные отроги, подходящие к крепостям, прорезают глубокими рвами и отсыпают дополнительными валами.

Валы строят по краям склонов, повторяя их рельеф, поэтому в плане города имели произвольную форму. Высота валов достигала 3–5 м, но в тех местах, где сопки были крутыми, они не превышали 1 м. Валы насыпались земляные, реже каменные (Артемьева, 2012). Земляные валы возводились двумя способами: 1 – на выровненную платформу из глины и камня насыпали фундамент вала, затем досыпали слой суглинка со щебнем (городища Горный Хутор, Кишеневское, Круглая Сопка); 2 – валы трамбовались слоями методом ханту (Красноярское, Шайгинское, Ананьевское, Южно-Уссурийское, Западно-Уссурийское, Новопокровское, Новонежинское городища). Каменные валы прослежены без системы выкладки и с плотно подогнанной кладкой (Скалистое, Васильевское, Смоляниновское, Анучинское, Тигровое, Горнореченское 2, Известковая и Стоговая Сопки).

Ворота строились двух видов – центральные и дополнительные. Первые всегда имели оформление в виде наружного Г-образной формы тамбура – барбакана. Дополнительные ворота представляли собой разрыв вала. Их сооружали в глубоких, узких распадках, которые являлись естественной преградой во время обороны города. Объединяет их один принцип постройки, – все они как бы втянуты во внутреннюю часть крепости. К дополнительным воротам относятся также барьерные ворота. По конструкции они напоминают блиндаж, т.е. замаскированное фортификационное подземное сооружение. Строились они в таких местах, где можно было незаметно попасть на гребень сопки и спуститься в долину. Барьерные ворота служили в качестве потайных выходов и могли использоваться для передислокации войск во время обороны города.

Центральные ворота укреплялись башнями в виде круглых насыпей, выступающих на внешнюю сторону крепостной стены, возвышаясь на высоту около 1 м. Они сооружались после постройки вала и примыкали к последнему под углом 45°. Верхнюю площадку башни (площадь 4 кв. м) заполняли речными гальками, плотно подогнанными друг к другу.

По периметру валов чжурчжэньских городищ располагаются специальные выступы земляного вала на внешнюю сторону городища, имеющие П-образную форму, площадью от 8×5 м до 10×15 м. Эти сооружения имеют функции барбет – насыпных площадок за бруствером укрепления для установки

орудий – камнеметных машин. Они размещались в местах, где была необходима усиленная защита. Высота валов барбет с внутренней стороны 3 м, с внешней – более 15 м. Внутренняя территория барбет выкладывалась камнем.

На горных городищах есть места, где вал делает острый поворот, внешне напоминающий барбет. Склоны сопки в этих местах очень крутые и высокие, ставить в этом месте камнемет просто нецелесообразно. Скорее всего, здесь располагались угловые рондели, которые должны были осуществлять сторожевые функции. На Шайгинском городище рондель, расположенный с юго-западной стороны, представлял собой овальный поворот вала на внешнюю часть городища (рис. 1). Внутри территория ронделя ровная. Высота вала в этом месте с внутренней стороны около 3 м, с внешней – более 7 м. Рондель находился на высокой и крутой сопке. Он нес функцию не только оборонительную, но и наблюдательную и сигнальную.

Рондель в северо-западной оконечности Красноярского городища защищал центральный въезд в город с северной стороны. Здесь чжурчжэни при строительстве фортификационных сооружений использовали рельеф местности, т.е. естественный мыс, нависающий над рекой, по краю был досыпан земляным валом. По форме рондель близок к полуовалу, длиной около 12 м, шириной 20 м. Высота обваловки с внешней стороны более 3 м, с внутренней – 2 м. На расстоянии 50 м от начала барбета мыс перегорожен линией вала, который защищал его с южной стороны.

В наиболее уязвимых в плане обороны города местах сооружали реданы – земляные дугообразные укрепления, – построенные у подножия городищенских сопки (Макиевский, 2012). Эти укрепления выступали от склона сопки на расстояние более 40 м, их внутренняя площадь достигала 500 кв. м (30×18 м). Реданы обносились дополнительными линиями валов. Внутренняя сторона вала этих укреплений имеет почти вертикальную стенку, внешняя – наклон под 45 градусов. Здесь могли размещаться караульные помещения. Реданы являются дополнительными препятствиями для противника.

Исследования фортификационных сооружений на чжурчжэньских горных городищах дают возможность установить, что башни строились для прикрытия центральных ворот, рондели сооружались в местах, которые выходили на горные отроги и мысы.

Основная оборона ложилась на барбетты, поэтому на городищах их по количеству больше чем других дополнительных фортификационных сооружений, а также и реданов. Дополнительные фортификационные сооружения, в первую очередь, несли защитные функции, сочетающиеся со сторожевыми и наблюдательными.

В настоящий момент только на чжурчжэньских городищах XIII в., относящихся ко времени существования государства Восточное Ся, выявлены дополнительные фортификационные сооружения, которые в сочетании с природно-географическими условиями делали эти крепости неприступными. Если сравнить чжурчжэньские города периода империи Цзинь (1115–1234 гг.) с городами чжурчжэньского государства Восточное Ся, то можно проследить эволюцию в фортификационных дополнительных сооружениях – от башенных выступов к более сложным долговременным фортификационным приспособлениям. До появления государства Восточное Ся в империи Цзинь существовали долинныя городища, при возведении которых учитывались свои каноны фортификации. Эти города всегда расположены по долинам рек, обнесены мощными земляными валами и глубокими рвами (Шавкунов, 1990). В плане они как прямоугольные или квадратные, так свободной формы. Большая часть городищ имеют много отклонений от стандарта, но обязательные элементы фортификации долинных городищ – это: 1) вал, построенный методом ханту, иногда облицованный каменной вымосткой; 2) ров, повторяющий форму вала; 3) ворота, оформленные Г, П и С-образными ловушками и 4) наличие башенных выступов. Башни-пристройки к крепостной стене, выступающие за ее плоскость, должны были обеспечивать фронтальный обстрел. Ими укрепляли углы городищ, ворота и крепостные стены. Расстояние между башнями варьировало и зависело от дальности полета стрелы (около 40 м). На чжурчжэньских долинных городищах серия фронтальных башен, одинаковых размеров и размещенных на равном расстоянии друг от друга, прослеживаются только на тех памятниках, которые имеют классическую планировку, приближенную к квадрату, стенами ориентированными по сторонам света; ворота расположены в центре валов (Чугуевское, Стехлянухинское, Майское, Богуславское, Новогеоргиевское) (Воробьев, 1968). На территории Приморья существуют чжурчжэньские долинныя городища со свободной

формой планировки, нечеткой ориентацией по сторонам света, произвольным числом ворот и башен и местом их расположения (Южно-Уссурийское, Николаевское, Марьяновское, Кокшаровское 2, Пограничное городища). Чжурчжэни строили эти городища, вписываясь в природный ландшафт. Все эти городища расположены вплотную к рекам, что давало возможность иметь природную преграду, доступ к воде, а также вероятность покинуть крепость водным путем. Наверное, это можно объяснить не только уровнем самих фортификационных знаний и традицией, но и особенностями военной тактики, составом войск.

Позже чжурчжэни усиливают оборону крепости, умело используя сопки, господствующие над равниной, а также реки, их притоки. Но все это было связано, в первую очередь, с большими изменениями в артиллерийском вооружении XIII в., которое стимулировало создание новых фортификационных технических решений. Здесь хорошо виден закон военной борьбы: «военная тактика зависит от уровня военной техники» (Школяр, 1980). Если на долинных городищах дополнительные фортификационные сооружения в виде башен являлись главным элементом, то на горных городищах главная функция легла на барбетты. Применение в обороне кроме обстрела стрелами камнеметных машин подтолкнуло к созданию новых дополнительных сооружений. На горных городищах каменные ядра встречаются везде, часто концентрируясь в виде ядерных куч (складов). Обнаруженные на чжурчжэньских памятниках ядра все шарообразной формы, что придавало им хорошие баллистические качества. Этим должны были достигаться оптимальные результаты от каждого выстрела камнемета. Их кинетическая энергия зависела от массы снаряда и начальной скорости его полета. Для точности удара чжурчжэни использовали ядра одинакового веса, калибра, которые должны были соответствовать метательным возможностям орудия. Если снаряды имеют одинаковый вес, то согласно закону баллистики, их удары будут точными, т.е. дальность стрельбы будет одной и той же, а если они будут круглой формы, то будут далеко лететь. Судя по находкам ядер, их форме и размерам уделялось большое внимание. Обнаруженные склады ядер были калиброваны.

Усиление эффективности обороны напрямую зависело от правильного использования фортификации и метательной артиллерии (Артемьева, 2009а). Дополнительные

фортификационные сооружения имели характерные особенности для чжурчжэньских городов XIII в. и исполняли защитные функции, сочетающиеся со сторожевыми и наблюдательными. Изменения в чжурчжэньском

артиллерийском вооружении стимулировало создание новых фортификационных технических решений.

ЛИТЕРАТУРА

Артемьева Н.Г. Корейские традиции в фортификации чжурчжэньских крепостей // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2009. № 1(8). С. 56–62.

Артемьева Н.Г. Археологические исследования фортификационных сооружений Шайгинского городища // Вестник ДВО РАН. 2009а. № 5. С. 84–89.

Артемьева Н.Г. Чжурчжэньские валы // Средневековые древности Приморья. Вып. 1. / Отв. ред. Н. Г. Артемьева. Владивосток: Дальнаука, 2012. С. 13–36.

Воробьёв М.В. Городище чжурчжэней как фортификационные сооружения // Докл. Географ. об-ва СССР. Л.: Изд-во ГО СССР. 1968. Вып. 5. С. 60–73.

Макиевский С.В. О функциональном назначении редутов и реданов на чжурчжэньских памятниках Приморья // Средневековые древности Приморья. Вып. 1. / Отв. ред. Н. Г. Артемьева. Владивосток: Дальнаука, 2012. С. 164–171.

Шавкунов Э.В. Культура чжурчжэней-удиге XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М.: Наука, 1990. 284 с.

Школяр С.А. Китайская доогнестрельная артиллерия. (Материалы и исследования). М.: Наука, 1980. 406 с.

Информация об авторе:

Артемьева Надежда Григорьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заведующая сектором средневековой археологии, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток, Россия); Artemieva_tg@list.ru

THE SPECIFIC FEATURES OF FORTIFICATIONS AT THE JURCHEN WALLED TOWNS XIII C.

N. G. Artem'eva

During the Mongol conquest of the Jin Dynasty the Jurchen people (the Manchus' ancestors) established a new state named Dongxia (the Eastern Xia). The most part of it was located on the territory of modern Primorsky Krai. While preparing for the national defense, the Jurchens contrived a new type of walled towns. They began to build heavily fortified fortress towns that could protect them from the potential aggressors. Each town performed its own functions that determined its location, size and inner topography. Having used the vast experience of predecessors, the Jurchens formed their own trend of town-building that was based on the rational using of the natural and geographical conditions. The Jurchen people constructed those fortress towns on the mountain knaps in order to keep the adjacent lowlands under control and provide themselves with the most defensible location. The narrow valley situated between the knaps gave the defenders an opportunity to observe the enemy's movements staying invisible for it and move from a defensive posture to an offensive tactics. Each of those walled towns was naturally three-side protected with the steep mountainous slopes. While choosing the town location, the Jurchens always took into account a number of military topographic factors. For instance, one of the most essential conditions was the accessibility of such important communicational elements as a river and flatlands. The outer town walls were raised factoring in the steepness of mountainous slopes. That technique could avoid the need of digging the ditches around the town. The town gates were defended with the additional barbicans situated over the gates. The town was surrounded with the rampant (usually the earthen one) that was supplied with such fortified constructions as towers, rondels and barbettes. Those facilities had a range of specific features typical for the town of thirteenth century and were used defensive purposes. Development of the Jurchens' artillery equipment incited exploration of the advanced fortified technologies.

Keywords: Far East, archaeology, the Jurchens, the East Xia State, the Jin Dynasty, fortification, rampart, graff, towers, gates, rondels, barbette, medieval sites.

About the Author:

Artem'eva Nadezhda G. Candidate of Historical Sciences. Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Pushkinskaya St., 89, Vladivostok, 690001, Russian Federation; Artemieva_tg@list.ru

Рис. 1. План Шайгинского городища с местонахождением дополнительных фортификационных сооружений.

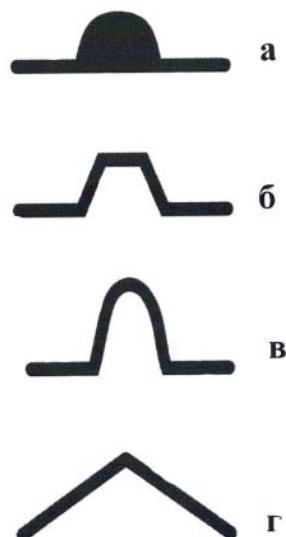

Рис.2. Формы фортификационных сооружений: а – башни; б – барбета; в, г – ронделей

УДК 902/904

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС НИЖНЕГО ПРИКУБАНЬЯ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ. ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ

© 2018 г. Д. Э. Василенко, И. Б. Тищенко

В работе рассматривается керамический комплекс западной части поселения «Железнодорожное 2» и грунтового могильника поселения. Памятники были исследованы авторами в 2012 г. Общая хронология их предварительно определена в рамках XIII–XV вв. Керамические материалы были систематизированы, разработана их функциональная и морфологическая классификация. Построенные морфологические ряды сопоставлены с корпусом ранее опубликованных сосудов золотоордынского времени из Закубанья и Северо-Восточного Причерноморья. Выявлены устойчивые серии сосудов из местных гончарных центров, а также импорты. Количественный и видовой состав керамических материалов характеризуют место данного сельского поселения в историческом контексте золотоордынской эпохи, позволяя видеть в оставившем его населении производителей сельскохозяйственной продукции, вероятно поставляемой в Приазовские и Крымские италийские центры.

Ключевые слова: Западное Закубанье, золотоордынское время, поселения, грунтовые могильники, керамический комплекс, функциональная и морфологическая классификация.

В 2010–2012 гг. в Западном Закубанье, в долине р. Адагум было исследовано 3 поселения, 4 грунтовых могильника и участок зоны хозяйственного освоения золотоордынского времени.

Время существования поселения Жукова отнесено к XIII – первой половине XIV в., время функционирования грунтового могильника Жукова – к XII–XIV вв. (Ларенок, Нечипорук, 2013, с. 172).

Поселение «Железнодорожное 1» было датировано XIII–XIV вв., его могильник № 1 – серединой – концом XIV в. (Нарожный, Соков, 2014, с. 138, 145), могильник № 2 также был отнесен к заключительному периоду функционирования поселения (Василенко, Нарожный, Соков, 2014, с. 327).

Время существования поселения «Железнодорожное 2» было отнесено авторами к XIII – последней четверти XV в. (Барагмян, Василенко, Тищенко, 2014, с. 32–36).

Впоследствии только на основании анализа керамического комплекса восточной части поселения был сделан вывод о двух этапах его функционирования: конец XII – начало XIII в. и середина XIII – третья четверть XIV в. (Жерибилов, Масловский, 2016, с. 15).

Поселение Железнодорожное (зона хозяйственной деятельности) было датировано XII–XIV вв. (Соловьев, Городилов, Садыков, 2013 с. 223, 232).

В последнее время в научный оборот введены целые формы керамических сосу-

дов золотоордынского времени из погребальных памятников Центрального Закубанья и Северного Причерноморья (Носкова, 2016, с. 238–241). Также был опубликован значительный объем керамических материалов из многослойных поселений Су-Псех и Гостагаевское под Анапой, однослойных поселений Глебовское, Борисовка, Гайдук и других в окрестностях Новороссийска, суммарно датированных XII–XV вв. (Армарчук, 2017, с. 8–39).

Накопленные и введенные в оборот материалы позволяют не только представить дискретную морфологию керамического комплекса Западного Закубанья золотоордынского времени, но и сопоставить эти морфологические ряды с корпусом синхронных сосудов с соседних территорий.

В основу систематизации керамических материалов из поселения «Железнодорожное 2» и его грунтового могильника положена практика систематизации средневековой керамики из крымских памятников, представляющая схему деления материала с использованием функциональной и морфологической классификации. В дальнейшем, по мере накопления материала и углублению его изучения, несомненно, представится возможность его деления на группы и подгруппы по технологии изготовления и визуально определимому составу формовочных масс, технике формовки и стилистическим признакам (Тесленко, 2011, с. 36–41).

Тарная посуда

1. Амфоры

Не менее 25% от общего количества керамических материалов из пластов, ям и объектов западной части поселения составляли фрагменты амфор 3-х типов.

Тип 1: круглодонные и плоскодонные амфоры с грушевидными туловами и дуговидными ручками. Поскольку среди материалов было обнаружено только 3 фрагмента донных частей круглодонных желобчатых амфор, следует отметить абсолютное преобладание среди материалов плоскодонных амфор и амфоровидных кувшинов на плоских доньях (рис. 1: 1, 2). Следует отметить наличие фрагментов, украшенных линиями белого ангоба и ручки с клеймом – восьмилучевой розеткой. Подобная орнаментация и клейма характерны для амфор с грушевидными туловами.

Тип 2: веретенообразные гребенчатые (желобчатые амфоры) с высокоподнятыми ручками (вариант – амфоры с более коротким и широким горлом, к которому под венчиком или к устьевой части крепятся ручки). Следует отметить редкость фрагментов амфор этого типа.

Тип 3: единственный экземпляр – амфора на плоско-вогнутом дне с петлевидными ручками и туловом, покрытым неглубоким рифлением (рис. 1: 3). Фрагмент подобной амфоры был обнаружен на поселении «Железнодорожное 1». Амфоры этого типа были распространены преимущественно в XIII в. (Майко, Василенко, Соков, Тищенко, 2014, с. 331).

2. Кувшины двуручные тарные

Тип 1: единственный экземпляр – кувшин группы «Юго-Западный Крым», вариант «Б» (рис. 1, 4). Начало производства кувшинов этого варианта отнесено ко времени не ранее первой четверти XIV в., завершение – к третьей четверти XV в. (Барагамян, Василенко, Тищенко, 2014, с. 34–36).

Следующие типы выделены в качестве тарных с определенной долей условности.

Тип 2: амфоровидные двуручные кувшины с яйцевидным корпусом и «калачевидными» ручками овального сечения» (рис. 1: 5).

Тип 3: двуручные кувшины (рис. 1: 6, 7) (вариант – двуручные кувшины со сливом) (рис. 1: 8).

3. Пифонидные сосуды

Тип 1: сосуды с низким горлом и слабо отогнутым утолщенным плоско срезанным венчиком. Диаметры венчиков от 24 до 23 см, горл от 22 см до 21 см.

Тип 2: сосуды с высоким горлом, отогнутым утолщенным венчиком, срезанным наклонно к внешней части сосуда. Диаметры венчиков от 19,5 до 16,5 см, горл от 13 до 24 см (вариант – сосуд, орнаментированный по плечикам круглыми вдавливаниями).

Столовая посуда

Тип 1: небольшие двуручные кувшины со сливом, высотой от 0,35 до 0,42 см, диаметром венчика до 12 см. Кувшины составляют большую часть коллекции (рис. 2: 1).

За исключением археологически целых форм сосудов, происходящих из ям и грунтового могильника, поселенческие материалы представлены разрозненными фрагментами, не дающими представления о форме изделия. Археологически целые сосуды единичны и не представляют классификационных совокупностей (рис. 2: 2–6). Среди сосудов малых форм можно выделить сосуд с двумя петлевидными ручками и устьем в виде квадрифолия – форму, известную в Центральном Закубанье и Северо-Восточном Причерноморье (рис. 2: 3) (Армарчук, 2017, с. 30).

Кухонная посуда

Ассортимент кухонной посуды западной части поселения полностью соответствует морфологии сосудов восточной. Следует отметить, однако, что процентное соотношение кухонной керамики различно. В восточной части поселения кухонная керамика составляет 8,3% от общего количества керамического материала (Жеребилов, Масловский, 2016, с. 11), когда как в западной – 2,6%. Практически вся посуда представляет горшечные формы. Сосуды богато декорированы различными видами вдавлений по венчикам и врезными линиями по горлам и плечикам (рис. 2: 7–12). Нельзя не отметить значительное сходство кухонной посуды поселения с кухонной посудой поселения Жукова (Ларенок, 2013, с. 88–91, 99–104). Следует также отметить сходство кухонной посуды, происходящей с этих памятников с кухонной посудой Глебовского поселения в окрестностях Новороссийска (Армарчук, 2017, с. 31–35, 73–76).

Керамические комплексы поселений Западного Закубанья обнаруживают значительное сходство по своим компонентам. Однако следует отметить значительные различия по их статистической составляющей. При этом процентное соотношение разделов тарной, столовой и кухонной посуды может различаться и на разных частях одного и того же памятника. Это свидетельствует о неодно-

родности застройки, большего срока существования отдельных участков поселений.

Весьма вероятным представляется тезис о существовании в Западном Закубанье гончарных мастерских, специализирующихся на производстве столовой и тарной керамики (Жеребилов, Масловский, 2016, с. 10). Нельзя при этом не отметить сходство этой керамики с материалами, происходящими с поселений Северо-Восточного Причерноморья.

Характер и направление связей, фиксирующихся по сходству керамических комплексов, подлежит дальнейшему уточнению.

Не менее важным представляется осмысление сходства кухонной керамики Причерноморья и Закубанья. Представляется, что углубленное изучение этой категории материала может способствовать решению вопроса о возможной инфильтрации в Закубанье части населения из Причерноморья (Мокрушин, Нарожный, Соков, 2016, с. 222).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Армарчук Е.А. Керамика Северо-Восточного Причерноморья XI–XIII веков. М.–СПб.: Нестор-История, 2017. 96 с.

Барагамян Р.Д., Василенко Д.Э., Тищенко И.Б. Две группы позднесредневековых керамических сосудов с поселения «Железнодорожное-2» // Археология и этнография Понтийско-Кавказского региона Вып.2. / Ред.кол. А.Г. Агабабян и др. Краснодар: Кубанский гос. ун-т., 2014. С. 29–38.

Жеребилов С.Е., Масловский А.Н. Керамический комплекс поселения «Железнодорожный II» (Западное Закубанье, долина р. Адагум) (XIII–XIV вв.) // Материалы первого Маджарского археологического форума / Ред.–сост. Обухов Ю.Д. / Археология евразийских степей. Вып. 23. Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость»; Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, 2016. С. 10–15.

Ларенок П.А. Саркел–Псебепс – гузы–печенеги–касоги // МИАСК. Вып. 13. 2012 С. 167–181.

Майко В.В., Василенко Д.Э., Соков П.В., Тищенко И.Б. Материалы к типологии, хронологии и клеймению некоторых типов византийских амфор XIII–XIV вв. (по материалам Восточного Крыма и Западного Закубанья) // Боспорские исследования. 2014. Вып. XXX. С. 329–337.

Мокрушин В.П., Нарожный Е.И., Соков П.В. О внутренней топографии поселения XIII–XV вв. (Крымский район Краснодарского края, предварительные наблюдения) // «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Историческая география». Материалы Седьмой международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова–Давыдова (Ялта, 8–12 ноября 2016 г.). Казань–Ялта–Кишинев: Stratum plus, 2016. С. 221–224.

Нарожный Н.Е., Соков П.В. Могильник № 1 золотоордынского поселения «Железнодорожное 1» (предварительная публикация материалов) // МИАСК. 2014. Вып. 14. С. 138–177.

Нечипорук А.А. Ларенок В.А. Поливная керамика поселения Жукова // МИАСК. 2013. Вып. 13. С. 86–104.

Соловьев С.Л., Городилов А.Ю., Садыков Т.Р. Охранные археологические раскопки на поселении «Железнодорожное» (Крымский район Краснодарского края) // Бюллетень ИИМК РАН. СПб: Периферия, 2013. Вып. 3. С. 223–232.

Тесленко И.Б. Керамика Таврики XV века. Дисс... канд. ист. наук. Киев, 2011. 504 с.

Информация об авторах:

Василенко Дмитрий Эдуардович, главный специалист, Непубличное акционерное общество (НАО) «Наследие Кубани», (г. Краснодар, Россия); heritage@bk.ru

Тищенко Игорь Борисович, главный специалист, Непубличное акционерное общество (НАО) «Наследие Кубани», (г. Краснодар, Россия); ig.tishenko2010@yadex.ru

CERAMIC COMPLEX OF THE HABITATION SITES AND GROUND BURIALS OF THE KUBAN REGION XIII – XV CENTURIES. PRELIMINARY ANALYSIS DATA

D. E. Vasilinenko, I. B. Tishchenko

In this article we consider the ceramic complex of the western part of the habitation site «Zheleznodorozhnoe 2» and its ground burial. This part of the site and burial was excavated by the authors in 2012. They were previously dated to the XIII – XV centuries. Ceramic materials were systematized; their functional and morphological classification was developed. These morphological series are compared with a series of synchronous vessels of the Kuban region and the northeastern coast of the Black Sea. A series of vessels from local centers and imported vessels was determined. The quantitative and species composition of ceramic materials characterize the place of this rural site in the historical context. Analysis of the ceramic complex of the site characterizes it as a major agricultural center importing products into Italian settlements of the Crimean and coast Sea of Azov.

Keywords: Golden Horde, Kuban region, XIII – XV centuries, habitation site, burial ground, ceramic complex, functional and morphological classification..

About the Authors:

Vasilinenko Dmitry E. Nenets Autonomous Okrug "Heritage of the Kuban", Krasnoarmeyskaya St., 16, Krasnodar, 350063, Russian Federation;.heritage@bk.ru

Tishchenko Igor B. Nenets Autonomous Okrug "Heritage of the Kuban", Krasnoarmeyskaya St., 16, Krasnodar, 350063, Russian Federation;.ig.tishenko2010@yandex.ru

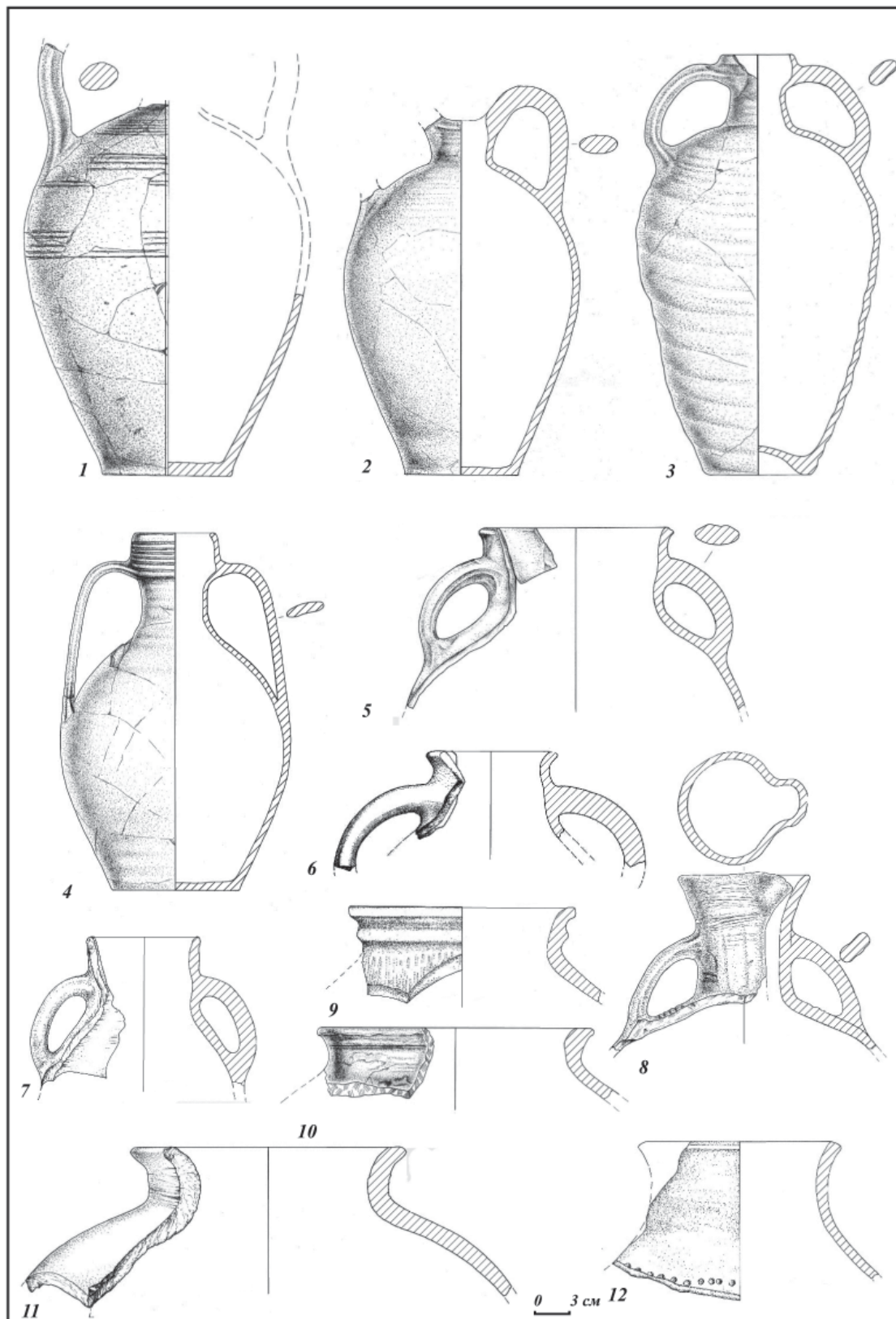

Рис. 1. Поселение «Железнодорожное 2». Тар'анская керамика. 1, 2 – амфоровидные кувшины на плоских доньях, 3 – амфора на плоско-вогнутом дне, 4 – двуручный тар'анский кувшин, 5 – 8 – фрагменты двуручных тар'анских кувшинов, 9 – 12 – фрагменты пифийных сосудов.

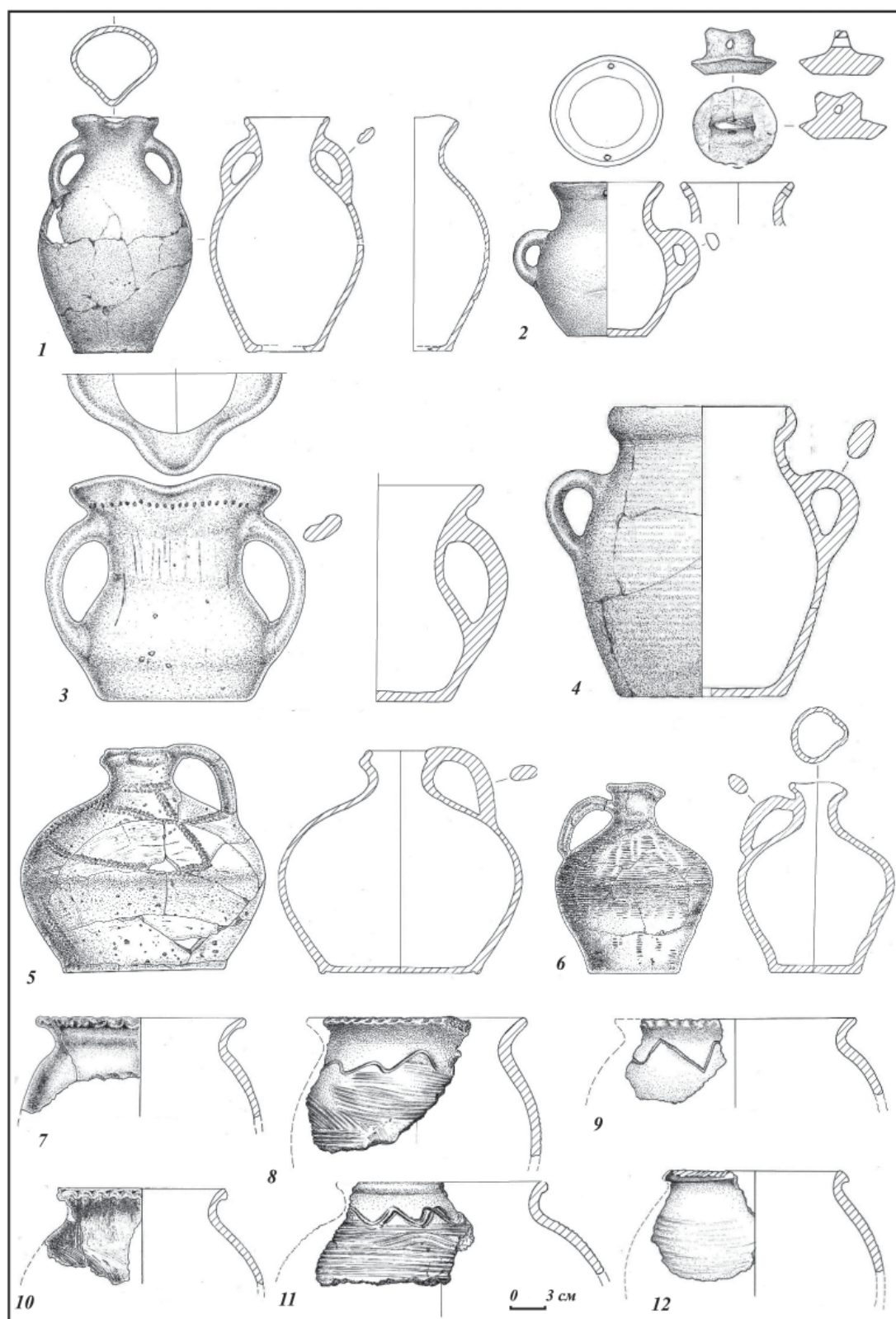

Рис. 2. Поселение «Железнодорожное 2» и грунтовой могильник поселения. 1 – 6 – столовая керамика. 7 – 12 – кухонная керамика.

УДК 902/904

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ГОРОДСКАЯ КУЛЬТУРА АЗЕРБАЙДЖАНА (ИННОВАЦИИ И ТРАДИЦИИ)

© 2018 г. Т. М. Достиев

IX–X века ознаменовались введением инновации во всех сферах городской культуры Азербайджана. В это время утвердился тип города, который без принципиальных изменений просуществовал на протяжении всего средневековья. Изменилось положение города. Из города-крепости, которым был в IV–VII вв., город становится крупным политико-административным, торгово-ремесленным и культурным центром. Археологические исследования средневековых городов Азербайджана показывают, что в IX–X веках они приобрели общемусульманский облик с характерными топографическими частями и новыми типами монументальных сооружений. Ярко проявляются интеграционные процессы, расширяются культурные связи, отчетливо прослеживаются черты урбанизированных стандартов. В XI–XII веках процесс урбанизации достигает наивысшего уровня. Начиная с VII века, распространяется мусульманский погребальный обряд. Башенные мавзолеи были архитектурным феноменом эпохи сельджуков, и они стали неотъемлемой частью архитектурного ландшафта городов. Важным моментом прогрессивного развития городов является преемственность культурного наследия и традиционализм. Местные доисламские традиции трансформировались и сыграли значительную роль в формировании средневековой городской культуры.

Ключевые слова: Азербайджан, мусульманская культура, культовые сооружения, мусульманский погребальный обряд, доисламские традиции.

С принятием ислама произошел коренной перелом в исторической судьбе Азербайджана. Вхождение его в состав Халифата, активные экономические, культурные и духовные связи породили общемусульманские черты в материальной и духовной культуре. Все это предопределило бесповоротный общемусульманский путь развития средневековой культуры Азербайджана. После подавления восстания хуррамидов в IX веке процесс исламизации в Азербайджане приобрел массовый характер, и произошло окончательное утверждение ислама.

Интенсивная интеграция со странами Ближнего и Среднего Востока ускорила процесс формирования общемусульманских черт в культуре Азербайджана.

Урбанизационные процессы, феномен мусульманской цивилизации, ускорились и в Азербайджане. IX–X века ознаменовались введением инновации во всех сферах городской культуры. В это время утвердился тип города, который без принципиальных изменений просуществовал на протяжении всего средневековья. Изменилось положение города. Город-крепость, которым он был в IV–VII вв., превратился в крупный политико-административный, торгово-ремесленный и культурный центр. Становление необходимых социально-психологических условий и укрепление городского образа жизни способствовали усилению активности и инициа-

тивности населения в различных городах, оказывая положительное влияние на производственное, демографическое и культурное развитие общества. Города стали местом концентрации производственного, культурного и интеллектуального потенциала, важным очагом прогресса. Подобно городам мусульманского Востока, города Азербайджана в основном имели трехчленную планировочную структуру: цитадель, шахристан и рабад.

Итоги археологических раскопок Бейлагана, Шамкира, Гянджи, Дербенда, Шемахи, Шабрана, Хараба-Гилана и других городов позволяют констатировать, что в то время города Азербайджана в процессе социально-экономического, политического и культурного развития со сложной планировкой и городской структурой превратились в крупные исламские центры на Кавказе. Роль культовых сооружений в создании архитектурного облика городов и других населенных пунктов была весьма существенна.

Главное культовое сооружение – мечеть – являлась одной из обязательных построек городов. Джума-мечети были важными религиозными центрами и занимали важное место общественной жизни городов. Ранние Джума-мечети Азербайджана известны по Дербенду, Шемахе и Ардебилу.

Минареты – неотъемлемые части мечетей – доминировали над каждым средневеко-

вым городом Азербайджана, создавая особый запоминающийся силуэт застройки. Они воздвигались рядом с мечетью и объединяли ее с пространством окружающего мира, с простором неба, с тесно обступающей городской застройкой. Минареты Азербайджана представляют собой слегка сужающийся вверху цилиндрический ствол на восьмигранной призме, служащей продолжением кубического основания, своего рода пьедестала. Как правило, в верхней части цилиндрического ствола минаретов устроен значительно выступающий *шерефе* – балкончик для муэдзина, поддерживаемый поясом сталактитов. Минареты Азербайджана завершаются легкой надстройкой в виде фонаря (Бретаницкий, 1966, с. 478–479; Амензаде, 2007, с. 70–80; Qiyasi, 2012, s. 529–530).

Распространение и укрепление ислама в Азербайджане, подобно другим регионам мусульманского мира, стимулировало строительство учебных заведений (мектебов, медресе). Обретение знаний всегда поощрялось в мусульманском обществе. Медресе открывались главным образом при Джума-мечетях. Они являлись главными центрами распространения исламских традиций. Ранние медресе не имели жилых помещений и состояли обычно из библиотеки и аудитории. Вероятно, худжры-кельи для преподавателей и студентов появились во второй половине XI в. Остатки медресе XII века археологически выявлены и изучены во дворе Джума-мечети Шемахи в 1983–1985 гг. (Ciddi, Musayev, 1991, s. 27–31).

Распространение и утверждение ислама в стране находят свое отражение в формировании и развитии нового стиля в декоративно-прикладном искусстве. Особого разнообразия и большой красоты достигли изделия художественных ремесел. В них с совершенством и гармонией сочетаются орнамент, каллиграфия и живопись. Средневековые мастера-художники, используя мотивы или элементы, полученные из геометрии, флоры и фауны, с большим художественным вкусом украшали свою продукцию, при этом, не нарушая функциональность предмета. Орнамент стал той демократической формой художественного воплощения духовных и религиозных задач ислама, которая была доступна всем слоям мусульманского общества (Стародуб, 2010, с. 187). В декоративно-прикладном искусстве каллиграфия превратилась в одну из форм орнамента (рис. 1–2).

Художественная керамика выступает наиболее массовым видом исламского декоративно-прикладного искусства, и в ней особенно ярко проявились характерные черты художественной культуры эпохи – особенно тенденция к синтезу искусств. Уже в начале рассматриваемой эпохи сформировались основные принципы, определившие пути развития художественной керамики. Большое значение имела узорная обработка поверхности изделия.

Археологические материалы свидетельствуют, что уже в конце VIII века гончары Азербайджана осваивали производство глазури и в керамических центрах страны началось производство глазурованной художественной керамики. Глазурью покрывалась в основном столовая посуда.

Археологические материалы средневековых памятников Азербайджана показывают, что в изделиях торевтики также отчетливо проявилась характерная черта исламской художественной культуры – тенденция к синтезу искусств, с большим совершенством и гармонией сочетавшаяся с орнаментом, каллиграфией и живописью. Широкое распространение получили образцы торевтики, богато украшенные геометрическими, растительными и эпиграфическими орнаментами, нанесенными в основном чеканкой. Часто надписи имеют религиозное содержание (рис. 2).

Начиная с VII века имел место мусульманский погребальный обряд. Мусульманские могильники археологически изучены в Баку, Бейлагане, Гяндже, Габале, Дербенде, Шабране, Хараба-Гилане. Раннемусульманские могильники обнаружены и исследованы в Дербенде, Шабране и Габале.

Башенные мавзолеи были архитектурным феноменом эпохи сельджуков. Эти мемориальные сооружения стали неотъемлемой частью архитектурного ландшафта мусульманских городов. Выделяются три типа: с цилиндрическим, кубическим и призматическим корпусом. Верхняя часть – цилиндрической, кубической и призматической формы – двухъярусной структуры мавзолея покрывалась двухслойным куполом. Исследователи истории архитектуры мусульманского Востока полагают, что Азербайджан является родиной двухъярусной системы куполов, которая считается одной из основных систем покрытия в этом регионе (Гияси, 2006, с. 22).

Важными чертами прогрессивного развития городов являются преемственность культурного наследия и традицио-

нализм. Достаточно указать, что ранние образцы главного мусульманского культового здания – мечети – отражали традиции доисламской архитектуры. Археологические раскопки позволили констатировать, что Джума-мечеть Ардебиля и мечеть Мухаммеда ибн Абубакра, которая расположена в Ичеришехере в городе Баку, были возведены на остатках более древнего сооружения – видимо, на остатках храма огнепоклонников (Şəhbəzi Şiran, 2014; İbrahimov, 1992, s. 65–68).

Преемственность древних традиций особенно ярко выражена в изделиях художественного ремесла. Образцы художественного ремесла были частью религиозной системы, способствовали сохранению и передаче от поколения к поколению мировоззрения предков. Об этом свидетельствуют и археологические материалы. Среди художественного

металла и керамики IX–XII вв. примечательна коллекция с зооморфными элементами, свидетельствующая о продолжении почитания отдельных животных и пернатых. Керамические сосуды с зооморфными элементами, несомненно, выполняли сакральные функции. Особенно популярным был культ барана.

Култ астральных светил трансформировался и стал освящаться мусульманскими традициями. Сохранились и пережитки культа огня. Анализ археологического материала городища Бяндован, Гырг Чыраг позволяют констатировать, что историческая область Мугань сохраняла традиции и пережитки огнепоклонства до поздних средних веков (Квачидзе, 1998, с. 273). Местные доисламские традиции трансформировались и сыграли важную роль в формировании средневековой городской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

Амензаде Р. Композиционные закономерности монументальных сооружений Азербайджана XI–XVII веков. Баку: «Elm», 2007. 226 с.

Бретаницкий Л. С. Зодчество Азербайджана XII–XV вв. и его место в архитектуре Переднего Востока. М.: Наука, 1966. 558 с.

Гияси Дж. Архитектура Азербайджанского средневековья // İrs–Наследие. 2006 №1. С. 18–22.

Квачидзе В. А. Иранские реликты сюжетной композиции в средневековой художественной керамике Азербайджана // Азербайджан в многовековых многогранных культурных взаимосвязях. Сб. докл. IV Бакинского Международного Симпозиума. Баку: Насир, 1998. С. 272–276.

Стародуб Т. Х. Исламский мир: художественная культура VII–XII вв. М.: Восточная литература, 2010. 255 с.

Ciddi H. Ə., Musayev N. Şamaxıda aşkar olunmuş Nizami dövrünə aid mədrəsə. // Nizami Gəncəvi almanaxı. Bakı: Elm, 1991, s. 24–31.

İbrahimov F. Ə. İçərişəhərdə 1988–ci ildə aparılan arxeoloji qazıntılar. Azərbaycanca arxeologiya və etnoqrafiya elmlərinin son nəticələrinə həsr olunmuş elmi konfransın materialları. Bakı: Bilik, 1992. S. 65–68.

Qiyasi C. Azərbaycan məmurlığında səlcuqlar dövrü minarələri // Antik və orta əsr şəhərləri: arxeoloji irsi, tarixi və məmurlığı. Beynəlxalq elmi konfransın materialları. Bakı, 2012, s. 529–535.

Şəhbəzi Şiran H. E. Ərdəbil bölgəsinin orta əsr arxeoloji abidələri. Tarix üzrə fəlsəfə doktoru diss. avtoref. Bakı, 2014. 26 s.

Информация об авторе:

Достиев Тарих Мейрут оглы, доктор исторических наук, Институт Археологии и этнографии НАН Азербайджана (г. Баку, Азербайджан); dostiyev.tarikh@mail.ru

MEDIEVAL CITY CULTURE OF AZERBAIJAN (INNOVATIONS AND TRADITIONS)

T. M. Dostiev

IX–X centuries were marked with the introduction of innovation in all spheres of urban culture of Azerbaijan. In this period the type of city was established which existed without fundamental changes throughout the middle Ages. The position of the city has changed. From the city–fortress which was in the IV–VII centuries, the city becomes a major political–administrative, trade–craft and cultural center. Archaeological

investigation of the medieval cities of Azerbaijan shows that they acquired a common Islamic character with characteristic topographical parts and new types of monumental structures in IX–X centuries. The features of urbanized standards are clearly traced, integration processes are brightly manifested and cultural ties expand. The process of urbanization reaches the highest level in the XI–XII centuries. The Muslim burial tradition is spreading since the VII century. Tower mausoleums were an architectural phenomenon of the Seldjoukid era, and they became an integral part of the architectural landscape of cities. An important aspect of the progressive development of cities is the continuity of cultural heritage and traditionalism. Local pre-Islamic traditions were transformed and played a significant role in the formation of medieval urban culture.

Keywords: Azerbaijan, Islamic culture, religious buildings, Muslim funeral rite, pre-Islamic traditions.

About the Author:

Dostiev Tarikh M. Doctor of Historical Sciences, Institute of Archeology and Ethnography of NAS of Azerbaijan, Javid Guseyn Av., 31, Baku, AZ1143, Azerbaijan; .dostiyev.tarikh@mail.ru

Рис. 1. Глазурованное блюдо с гравировкой по марганцевой росписи XII – начало XIII века. Байлакан.

Рис. 2. Бронзовая ступка.

УДК 902/904

ВИНОГРАДАРСТВО И ВИНODEЛИЕ ПЕРИОДА ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ – НА ПРИМЕРЕ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ БОЛГАРИИ

© 2018 г. В. В. Йотов

О развитии виноградарства и виноделия в Поздней античности и Средневековье на территории Болгарии есть письменные сведения – в основном византийские. Более конкретные примеры как было развито виноградарство и виноделие имеем в некоторых памятниках по болгарскому побережью Черного моря. Винодельни, которые были раскопаны имеют общее с подобными сооружениями, известными на Северном Кавказе, в Крыму¹, Республике Македония², в Израиле³ и по берегам Средиземноморья⁴.

Ключевые слова: Поздняя античность, Средневековье, виноградарства, винодельня.

О развитии виноградарства и виноделия в период поздней античности и средневековья на территории Византии и ее соседей существуют письменные сведения – в основном византийские и не так много археологических.

Виноградная лоза выращивалась в большинстве районов Византийской империи, и ее плоды были доступны не только для повседневных нужд, например, в богослужении, но и в качестве дополнения к доходам. Из сравнительного анализа византийской налоговой системы известно, что один модий (около 889 м² = чуть меньше 10 аров) хорошей земли имел стоимость одной золотой монеты; земли худшего качества – половины монеты, а 1 модий пастбищ – всего одной ее трети. Виноградники, однако, имели гораздо более высокую стоимость, чем сельскохозяйственные земли. Кроме того, инвестиции в виноградники (и оливковые деревья) воспринимались как улучшение земель (Laiou, Morrisson, 2007, p. 50, 109–110).

По истории средневековой Болгарии существует немало письменных источников. В Лексиконе Свиды сказано, что болгарский хан Крум (803–814), после успешных походов (в 805 г.) против Аварского каганата спросил пленных авар: *От чего, по вашему, погибли ваши (предводитель) и весь ваш народ?* Пленные авары ответили: ..., кроме всего и от

пьянства. Так как [количество] вина увеличивалось и все стали пьяницами.... А хан, когда услышал их слова, приказал: ... все виноградники истребить (Свидас, 1964, с. 310).

Это сведение, возможно, не совсем точно. Через несколько лет (в 811 г.) византийский император Никифор I Геник (802–811) организовал поход и напал на Болгарию. Несмотря на предложение о заключении мира, болгарская столица была захвачена, и император, когда ворвался в резиденцию Крума, перерыл его сокровища и нашел весьма богатую добычу.... Открыв его винные погреба, он раздавал вино всем своим людям пить досыта (Анонимен ватикански разказ, 1961, с. 11–12). Через несколько дней император выступил обратно, но тем временем Крум собрал достаточно большую армию и преградил путь императору на Вырбишском горном перевале. В знаменитой битве (26 июля 811 г.) на Вырбишском перевале погибла вся напавшая на Болгарию византийская армия, в том числе и сам император. Из черепа Никифора хан Крум приказал изготовить кубок, отделанный серебром, из которого он пил на пирах со славянскими вождями. Это событие описано многими Византийскими хронистами (История, 1981, с. 138 и примечание 30) и даже в более поздней, на несколько столетий, иллюстрированной рукописи представлена миниатюра.

¹ Гайдукевич, В. Ф. Виноделие на Боспоре. – МИА, 85, 1958, с. 352–457; Н. И. Винокуров. Виноградарство и виноделие античных государств Северного Причерноморья. Симферополь–Керчь, 2007.

² Нацев, Тр. Вински региони во провинция Македония Втора. – Годишник на Асоциация Онгъл, 14, 2016, с. 405–414.

³ Frenkel, R. Wine and Oil Production in Antiquity in Israel and Other Mediterranean Countries. – Jsot/Asor Monograph Series 10. Sheffield, 1999.

⁴ Смотри: <http://oxrep.classics.ox.ac.uk/index.php?pg=28>

тюра (рис. 1) по этому поводу (История, с. 133, рис. 2).

В средневековом болгарском обществе случались пышные угощения, о которых говорят и другие письменные источники. Так называемая «каменная летопись» – ранние болгарские надписи на греческом языке – не раз сообщает о даваемых ханом пирах и угощениях.

Вот что, например, мы читаем в строительной надписи времени кана Маламира (831–836):

Кан сьубиги Маламир, от бога архонт:

Его старый боил капхан Исбул сделал этот фонтан и дал его архонту. Архонт дал болгарам много раз еду и питье, а боилам и багаинам дал богатые дары. Пусть Бог удостоит Архонта прожить вместе с капханом Исбулом сто лет (Бешевлиев, 1981, С. 32).

Существует группа мемориальных надписей, в которых наряду с личными именами, именами родов и титулами личностей времен ханской Болгарии отмечено, что они являются «сотрапезниками» правителя, то есть участниками в угощениях (Бешевлиев, 1981, с. 140–152).

Для времени после падения Первого болгарского государства под власть Византии (начало XI в. – 1185/6 г.) имеются письменные свидетельства о том, что виноградарство и виноделие были развиты. Одним из таких источников является устав монастыря Успения Божьей Матери, основанного в 1083 г. византийским полководцем грузинского происхождения Григорием Бакурианом и его братом Абазием. В уставе описывается, в каких селах есть виноградники и сколько вина предоставляется монахам (Типик 1968, с. 49, 54–55).

В середине XII в. в одной из поэм учителя Анны Комниной Theodore Prodromos/Феодора Продрома упоминается, что «среди всех потребляемых в Константинополе вин, перечисленных как Ganos (недалеко от Текирдага) на побережье Мраморного моря, острова Лесбос, Хиос, Самос и Крит, доставляются также и вина из района Варны в Болгарии» (Lefort, 2002, p. 249).

О времени Второго болгарского царства знаем, что в столице Тырново имелся специальный служитель, который заботился о снабжении дворца вином. Его называли по-византийски «эпикернием», но также и по-болгарски «чашником». К XIII–XIV вв. относится золотой перстень-печатка (рис. 2)

с надписью: «Петр эпикерний, двоюродный брат царя» (Тотев, 2010, кат. № 14, с. 127–128; табло V–14).

Более конкретные примеры о развитии виноградарства и виноделия находим на некоторых памятниках на болгарском побережье Черного моря (карта) – позднеантичная крепость Кариа (Шабла), позднеантичный город Одессос (Варна), позднеантичный центр Маркианополь (Девня), маленький портовый город на мысу Св. Атанаса (Бяла).

Винодельня / давяльная площадка (табл. 1) – Кариа (Шабла)

В 1995 г. был раскопан сектор позднеантичной крепости Кариа (недалеко от современного города Шабла). Предположительно это квадрибургий (табл. I: 1), который сохранил свои военно-полицейские функции до последней четверти – конца IV в. Крепость была разрушена около середины V в. (Torbatov, 1994, 325–336).

Во время раскопок в юго-западной башне крепости был полностью исследован бассейн (2,50 на 2,24 м; глубина 1,30 м), который тогда определили как цистерну для воды. Из предоставленной документации (дневник, отчеты, фотографии, чертежи) можно сделать вывод, что, вернее, это сооружение является винодельней / давяльной площадкой (табл. I: 2–3), с которой отжатый виноградный сок стекал через каменный слив в пифос, отличающийся очень широким горлом – около 80 см.

Винодельня и корчма (табл. II) – Одессос (Варна)

Во время охранных раскопок в 2015 г. (Минчев, Йотов, 2016, с. 319–322), в нескольких метрах от северной позднеантичной крепостной стены Одессоса и непосредственно у разрушенного здания (табл. II: 1) был найден массивный каменный блок в форме призмы (табл. II: 2). На обеих сторонах – прямоугольные прорезы, а сверху – дырка. Без сомнения, все эти отверстия сделаны для прикрепления к деревянному рычажно-винтовому устройству, в котором камень играл роль гири.

В останках здания и вокруг него было найдено несколько пифосов, одна амфора (табл. II: 3) и много фрагментов амфор; керамические крышки – большие для пифосов (табл. II: 4) и маленькие для амфор.

Вполне вероятно, что на этом месте в VI в. существовала не только винодельня, но и корчма, обслуживавшая местное население и солдат крепости.

Винодельня / давяльная площадка (табл. III) – Маркианополь (Девня)

В 1978 г. в большом городском античном центре Маркианополь (табл. III: 1) было раскопано прямоугольное сооружение, которое еще тогда определили как винодельню / давяльную площадку (табл. III: 2). В документации отсутствуют фотографии, но есть подробное описание и чертеж (Минчев, 1978; табл. III: 3). Сохранился также и специально сделанный слив (табл. III: 4), через который отжатый виноградный сок стекал в пифос с большим по размеру отверстием. Исследователь А. Минчев (Минчев 1978) отнес винодельню / давяльную площадку ко второй половине V в.

Винодельни / давяльные площадки (рис. 4–6) – портовый город на мысу Св. Атанаса, Бяла

Возведенная во второй половине IV в. крепость на мысу Св. Атанаса постепенно превратилась в небольшой портовый город, скорее, с экономическим значением (Йотов, Минчев, 2013). Особенно было развито производство вина. За восемь лет раскопок были полностью раскопаны три винодельни, но можно полагать, что таких сооружений было больше.

Винодельня № 1 (рис. 4)

Более хорошо сохранилась винодельня № 1, которую можно определить еще как винодельческий производственный и складской комплекс. Само здание состоит из одного основного, нескольких вспомогательных помещений и деревянных навесов – общей площадью около 300 м².

В северо-восточном углу основного и самого большого помещения находится квадратная (3 на 3 м) давяльная площадка, сооруженная из кирпичей на каменной основе. Кирпичи и дно покрыты 10–12 мм гидрофобной обмазки. В южной стене есть камень, оформленный как слив для виноградного сока, который сливался в пифос (емкостью около 300 литров). Отверстие пифоса имеет в диаметре один метр.

Приблизительно в 1,50 м западнее от давяльной площадки был найден массивный каменный блок в форме призмы. На обеих сторонах камня есть прямоугольные прорезы, а сверху – цилиндрическая дырка. Каменный блок служил гирей для рычажно-винтовой конструкции/пресса. О таком прессе писал Плиний Старший в «Historia Naturalis». Он приписал изобретение этого пресса грекам, поэтому его называли еще «греческим прессом»/galeagra (Гайдукевич, 1958, с. 406).

Винодельня (?) – давяльная № 2 (рис. 5)

Представляет собой полуразрушенную каменную структуру прямоугольной формы (2,50 на 3 м). На верхней поверхности есть следы от кирпичей – без сомнения, дно, подобное винодельне № 1. К юго-западной стороне структуры «примыкает» пифос с отверстием около метра в диаметре. Рядом – еще 9 частично сохранившихся пифосов. Фундаменты двух стен подсказывают, что здесь опять речь идет о винодельне, но давяльная может быть работала с ножным отжимом, когда виноградный сок получался растаптыванием виноградных гроздей.

Винодельня (?) – давяльная № 3 (рис. 6)

Представляет собой массивную каменную структуру прямоугольной формы (3 на 3 м). Непосредственно до структуры с южной стороны также находятся остатки пифоса с отверстием около метра в диаметре.

Структура полуразрушена, но можно полагать, что она была приспособлена для рычажного способа прессования виноградных гроздей.

Винодельни, которые были раскопаны в портовом городе на мысу Св. Атанаса датируются VI – началом VII в. (город был заброшен в результате аварско-славянского нашествия в 614 г.). Подобные сооружения известны на Северном Кавказе, в Крыму (Гайдукевич, 1958, с. 352–457; Винокуров, 2007), Республике Македонии (Нацев, 2016, с. 405–414), в Израиле (Frenkel, 1999) и по берегам Средиземного моря (Amouretti, Brun, 1993).

Надписи

В сельскохозяйственной энциклопедии X в. «Геопоник» (по всей вероятности, это компиляция из работ более ранних агрономических писателей) читаем совет, как предохранить вино от прокисания: *Вино не прокиснет, если ты напишешь на сосуде или пифосе соответствующую просьбу к богу* (Геопоники, VII, 14; по: Романчук, 1983, 64). Таким образом можно интерпретировать несколько надписей на пифосах, раскопанных в здании в портовом городе на мысу Св. Атанас.

Надпись на кромке устья пифоса из здания № 14

Надпись вырезана на верхней части устья одного из пяти открытых на первом этаже двухэтажного здания № 14 пифосов (а их, наверняка, было больше). Рядом находятся несколько других зданий и складское помещение.

Надпись была вырезана после обжига сосуда, что привело к недостаткам в ее написании – неодинаковым по размеру и неясно очерченным буквам. Кроме того, на устье пифоса заметны более поздние повреждения, которые уничтожили или прервали некоторые буквы. Это можно объяснить тем, что керамический сосуд был расположен у входа в здание, а именно там происходило постоянное движение людей и товаров.

Автор допустил ошибки в написании, но, несмотря на неясности, надпись бесспорно гласит: *Κυρίε βοήθει* – «Господи, помогай».

Надпись на стене пифоса из здания № 20

Здание № 20 (табло IV: 1) имеет прямоугольную форму (7,50 на 8 м) и, по всей вероятности, было двухэтажным. В непосредственной близости к северо-западному углу

частично сохранилась каменная структура, которая, вероятно, тоже была винодельней (пока не была раскопана полностью).

В здании было найдено шесть целых и фрагменты еще нескольких пифосов. На стене одного из пифосов есть надпись, врезанная до обжигания сосуда (рис. 5). Надпись начинается с хорошо оформленного креста. Также хорошо оформлены и вырезанные с обеих сторон грозди винограда. После креста следует ясно написанное и верное для своего времени: *Κυρίε βοήθει* = «Господи, помоги».

Можно сделать вывод, что во время поздней античности и раннего средневековья именно на Западном побережье Черного моря имело место более широкое развитие виноградарства и производства местного вина. Традиция, которая сохранилась, несмотря на бурные перемены.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Анонимен ватикански разказ 1961 // Гръцки извори за българската история. 1961. Вып. IV. С. 10–15.
- Свидас. Азбучник // Гръцки извори за българската история V. 1964. С. 308–310.
- Типик на Григорий Бакуриани // Гръцки извори за българската история. 1968. Вып. VII. С. 39–66.
- История на България, 2. София, 1981.
- Винокуров Н.И. Виноградарство и виноделие античных государств Северного Причерноморья. Симферополь–Керчь, 2007. 456 с.
- Гайдукевич, В.Ф. Виноделие на Боспоре // МИА. № 85. М.: Наука, 1958. С. 352–457.
- Летописца на Константин Манаси. София, 1963.
- Романчук, А.И. Граффити на средневековых амфорах из портового района Херсонеса // АДСВ 1983. Вып. 20. С. 64–87.
- Торбатов С. Укрепителната система на провинция Скития (края на III–VII в.). Велико Търново: Faber, 2002. 536 с.
- Минчев А., Йотов В. Спасително археологическо проучване на бул. „Княз Борис I“ № 27 във Варна в границите на ААР „Одесос – Варна“ // АОР за 2015. София, 2016. С. 319–322.
- Йотов В., Минчев Ал. Късноантична крепост на нос Св. Атанас. София, 2013.
- Минчев Ал. Неопубликуван научен отчет об изследваниях в античен град Марцианопол (сега Девня, регион Варна) в полевия сезон 1978 г. / Архив РИМ – Варна.
- Нацев Тр. Вински региони во провинция Македония Втора // Годишник на Асоциация Онгъл. Вып. 14. 2016. С. 405–414.
- Томев К. Златни пръстени-печати от времето на Второто българско царство (1185–1396). В. Търново, 2010.
- Amouretti M.-C., Brun J.-P. 1993. La production du vin et de l'huile en Méditerranée // Bulletin de correspondance hellénique, Supplément 26). Athènes.
- Laiou A. E., Morrisson C. 2007. The Byzantine economy. Cambridge.
- Lefort J. 2002 The Rural Economy, Seventh – Twelfth Centuries // The Economic History of Byzantium. From the Seventh through the Fifteenth Century. Washington DC.
- Frenkel 1999. Wine and Oil Production in Antiquity in Israel and Other Mediterranean Countries // Jsot/Asor Monograph Series 10. Sheffield.
- Torbatov S. 1994. Portus Caria – Caron limen – Caria – Carea – Creas // Thracia Pontica, VI.1, 1994, p. 325–336.

Информация об авторе:

Йотов Валерий Василев, доктор исторических наук, доцент, Региональный исторический музей города Варны (г. Варна, Болгария); valeri.yotov@gmail.com

VITICULTURE AND WINEMAKING OF THE LATE ANTIQUITY AND THE MIDDLE AGES. USING THE EXAMPLE OF WRITTEN SOURCES AND ARCHAEOLOGICAL MONUMENTS OF BULGARIA

V. Yotov

The author stops attention on the written sources and archaeological monuments on the development of viticulture and winemaking during the Late Antiquity and the Middle Ages – mainly along the Bulgarian coast of the Black Sea. More concrete examples from Late Antique period – wineries / wine press are in fortress of Karya (Shabla), Odessos (Varna), Marcianopolis (Devnya), a small port city on the cape of St. Atanas (Byala).

Keywords: Late Antique, Middle Ages, Viticulture, Winery.

About the Author:

Yotov Valeriy V. Doctor of Historical Sciences, Assistant Professor, The Regional Historical Museum of Varna, JMaria Luisa Blvd., 41, Varna, 9000, Bulgaria; valeri.yotov@gmail.com

Карта. Примеры о развитии виноградарства и виноделия на памятниках на болгарском побережье Черного моря: позднеантичная крепость Кария (Шабла), позднеантичный город Одессос (Варна), позднеантичный центр Маркианополь (Девня), маленький портовый город на мысу Св. Атанаса (Бяла).

Рис. 1. Миниатюра из болгарского перевода летописи Манассии

Рис. 2. Золотой перстень-печатка с надписью: „Петр эпикерний, двоюродный брат царя“

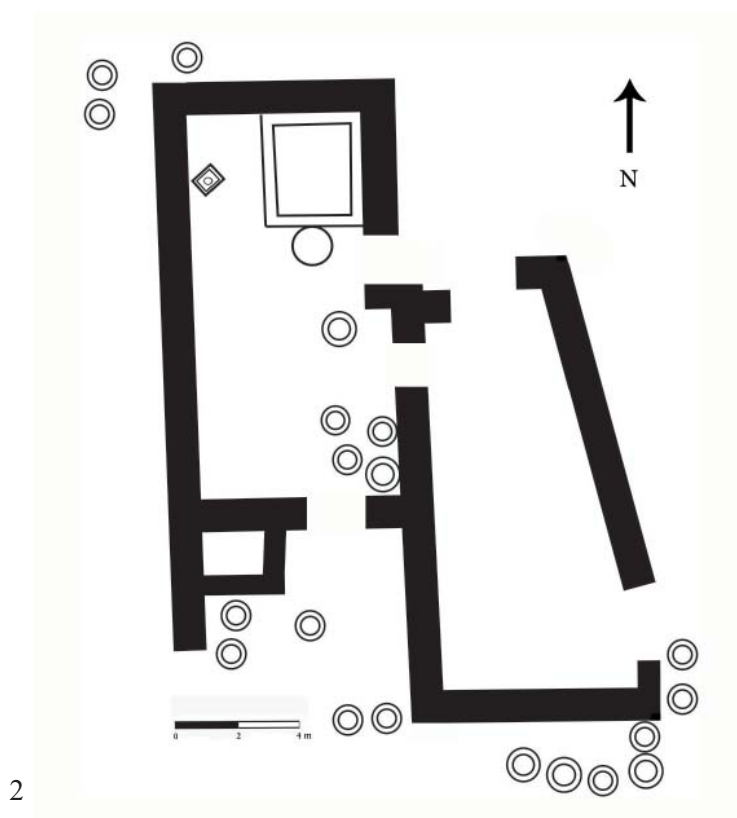

Рис. 3. Винодельня № 1 из портового города на мысу Св. Атанаса, Бяла:
1) фото во время раскопок; 2) план.

Рис. 3. Винодельня № 1 из портового города на мысу Св. Атанаса, Бяла: 3–4) реконструкция.

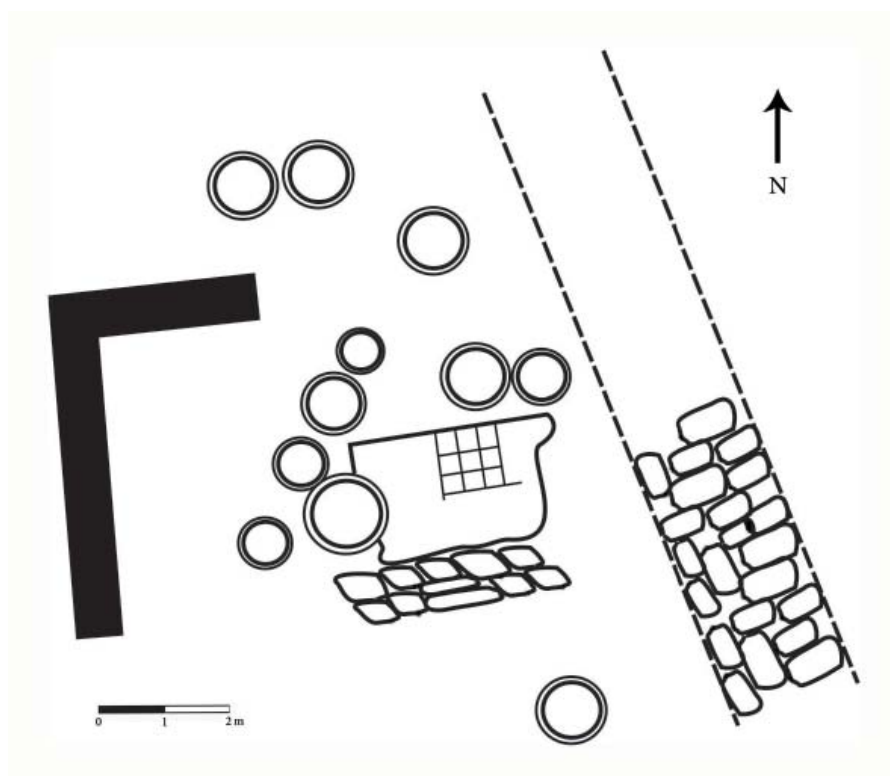

Рис. 4. Винодельня № 2 из портового города на мысу Св. Атанаса, Бяла

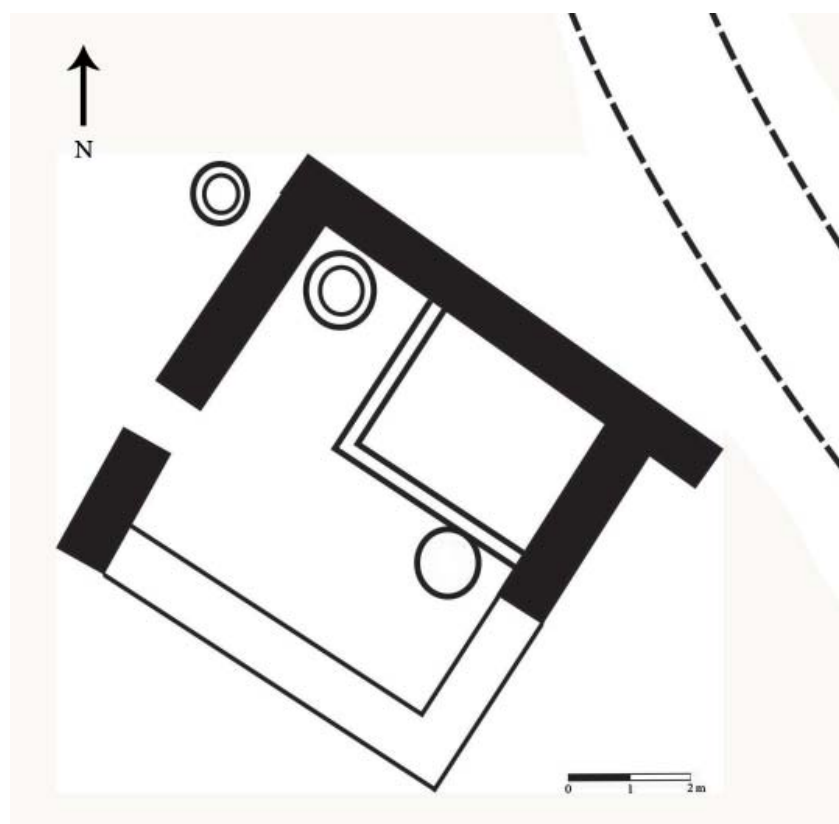

Рис. 5. Винодельня № 3 из портового города на мысу Св. Атанаса, Бяла

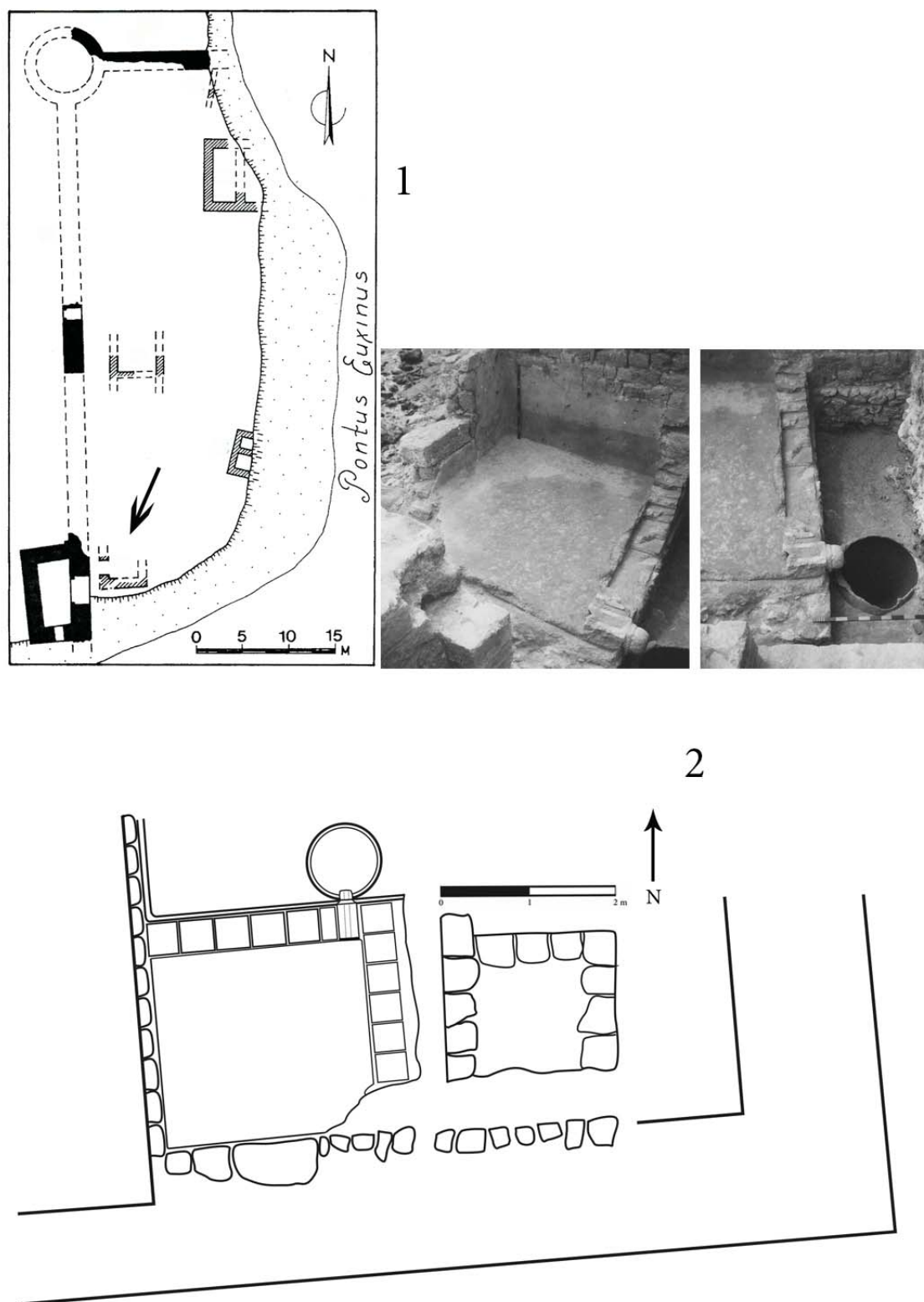

Табл. I. Винодельня / давяльная площадка – позднеантичная крепость Кариа (Шабла)

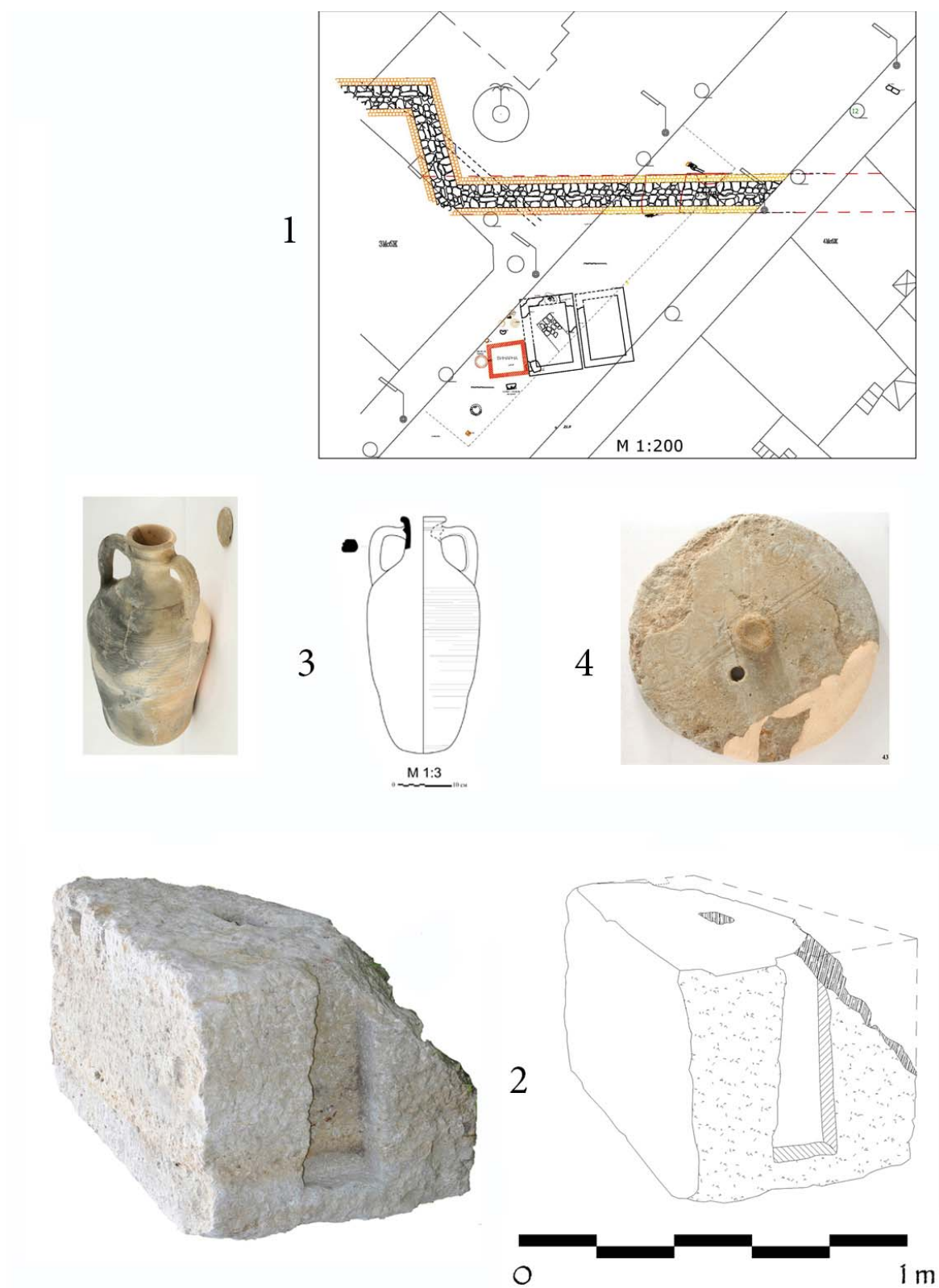

Табл. II. Винодельня и корчма – позднеантичный город Одессос (Варна)

УДК 902/904

**ПУЛЬЖАЙ – ПАМЯТНИК ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ
ЮЖНОГО ПРИАРАЛЬЯ**

© 2018 г. О.–Ш. Кдырниязов

В статье рассматриваются результаты археологического изучения городище Пульжай, расположенного в северной части Каракалпакстана. Результаты исследований показывают, что он являлся периферийным торгово-ремесленным неукрепленным городом Южного Приаралья в эпоху Золотой Орды. Выявленные артефакты свидетельствуют о хозяйственно-ремесленной деятельности горожан Пульжая. Дома неукрепленного поселения памятника состоят из групп по две–три постройки или отдельно стоящие, разделены интервалами. Отсутствует четко спланированная квартальная застройка. Конструкция и интерьеры хозяйственно-жилых и бытовых помещений тесно соприкасаются с жилищами центральных городов оазиса. С другой стороны в них присутствуют элементы интерьера золотоордынской эпохи: очаг-кан, суфа, тошна и тандыр. В археологическом материале встречаются кочевнические и привозные вещи. В целом, возрождение неукрепленного города Пульжая связан с общим урбанизационным процессом региона в составе хорезмско-джучидского улуса. Раскопки выяснено, что вся территория неукрепленного поселения занята археологическими объектами золотоордынской эпохи.

Ключевые слова: Южное Приаралье, Пульжай, жилище, производственные объекты, мавзолей, артефакты и торговые связи XIII–XIV вв.

Пульжай расположен в Кунградском районе Республики Каракалпакстан (Узбекистан). Географические координаты памятника 43°10'37.93" С.Ш., 58°22'4.19" В.Д. Этот памятник является своеобразным комплексом, состоящим из сигнальной башни, остатков зданий таможни, крепости домонгольского времени (IX–XI вв.), они сооружены на пологих террасах чинка Устюрта. Внизу под обрывом, на равнине расположено неукрепленное поселение площадью 100 га (XIII–XIV вв.) и средневековый городской некрополь (30 га). Начиная с 2004 г., археологическим отрядом кафедры «Археология» КГУ им. Бердаха впервые в стационарном плане были начаты раскопки на городище Пульжай (Кдырниязов, Искандерова, Турганов, 2006). К настоящему времени на территории памятника археологами КГУ заложены более десятка раскопов. Цель этих исследований – изучение планировки и назначения отдельных построек, уточнение стратиграфии и хронологии объектов неукрепленного поселения, выяснение архитектурно-строительных приемов изучаемых сооружений. В ходе этих работ собран большой материал по планиграфии памятника и составу материальной культуры археологического комплекса Пульжай. Подробный анализ материалов и артефактов, полученных при раскопках, позволяет решить вопросы генезиса и связей этого уникального памятника периферийной зоны хорезмийской цивилизации.

В ходе раскопок выяснено, что вся территория неукрепленного поселения занята археологическими объектами золотоордынского времени. Среди них подробно изучены мечеть и караван сарай города XIII–XIV вв. (Кдырниязов, 2016), жилые, хозяйственные помещения, ваннные комнаты, мавзолей, кирпичеобжигательные печи и разрушенная гончарная печь. Они являются планиграфическими элементами неукрепленного поселения. Строения в основном расположены по берегам старого дельтового русла реки. Тщательный осмотр и обмер уровня расположения поселения показывают, что жилые и промышленные постройки еще в изначальный период были построены на естественных возвышенностях, выделяющихся на плоскости такыров. Возвышенности защищали поселенческие постройки от смыва дождевой и талой водой, в период обильных осадков.

Среди раскопанных объектов интерес представляют конструкция и интерьеры хозяйственно-жилых и бытовых помещений. В караван-сарайе девять помещений размещены вокруг входного центрального зала. Помещение № 1 размером 7×9,5 м расположен в северо-западном углу. Стены сооружены из обработанных рядов каменных плит различного размера (высота стен до 1 м). Внутри помещения по оси запад–восток расположены две каменные базы ступенчато-пирамидальной формы (размеры: высота – 0,45 м, нижней

части – 0,55 м, верхней – 0,22 м). Эти каменные ступенчатые плиты служили основанием деревянных балок (или кирпичных колонн), опирающихся на них плоского перекрытия. Такие базы обнаружены в архитектурных сооружениях: Кават-калы (Вактурская, Вишневецкая, 1959), Жума-мечеть Миздахкана (Кдырниязов, Кдырниязов, 2011), Бограхан (Туребеков, 2013) и в других общественных сооружениях хорезмского оазиса средневековой эпохи. Помещение № 2 размером 4,8×6 м расположено в северной части объекта, вытянутого вдоль северо-южной стены сооружения. Большая часть помещения № 2 занята суфой. Вдоль к восточной стене приспособлен дымоход-кан, соединенный с южной стороны керамическим очагом, северный конец горизонтального дымохода соединяется с вертикальным дымоходом в стене. Горизонтальный дымоход накрыт сверху плоскими каменными плитами и жженым кирпичом. Очаг диаметром 0,60 м, высотой 0,48 м расположен ближе к восточной стене. В правой стороне очага в углу сохранилась разрушенная перегородка, ниша для хранения домашней утвари. Раньше кан с очагом был обнаружен и в других домах Пульжая. При входе, слева, у южной стены был раскопан ташнау с облицованной площадкой, размером 1,5×1,5 м из жженого кирпича. Таким образом, внутренний интерьер помещения № 2 позволяет отнести его к жилым помещениям типа гостиной. Помещение № 3 находилось в восточной части помещения № 2. Оно представляет собой узкий тамбуровидный коридор размерами 1,50×8,5 м, вытянутый вдоль восточно-западной общей стены помещений № 1 и № 2. Помещение № 4, размером 4,5×5,5 м расположено в середине архитектурного комплекса к востоку от вестибюля (помещение № 6). Размеры комнаты 4,50×5,50 м, помещение вытянуто от севера к югу. В северном углу, примыкая к восточной и южной стене помещения, расположено суфаобразное возвышение размером 3,25×1,5 м. Поверхность суфы частично облицована фрагментами жженого кирпича. Помещение № 4 использовалось для молельни. С наступлением времени намаза постояльцы караван-сарая собирались и молились здесь. В южном конце помещения № 4 находился тамбуровидный коридор (помещение № 5). Помещение № 6 – это центральный зал-вестибюль, расположенный в входной части архитектурного комплекса (10,5×10,5 м), является единственным крупным помещением, через него шло сообще-

ние с соседними помещениями. Помещение начинается от центрального входа (портала), который находился в середине южной стены сооружения. Здесь, также как и в помещении № 1, вдоль центральной оси располагались поставленные на уровне пола четыре каменных базы округлой формы, одинакового размера 35×45×35 м. Они размещены на квадратных каменных подставках (плитах). Все это позволяет считать, что плоское (возможно, куполообразное) перекрытие входного зала опиралось на четыре колонны.

В южной стороне зала расположены три помещения (№ 7, 8, 9). Помещение № 7 размером 4×5 м является кладовой. В помещении пять отсеков, имеющих прямоугольную форму. Тонкие стенки отсеков сооружены из каменных плит, высота их стен сохранилась + 1 м. В среднем большом отсеке находится подставка под жернова, диаметр которой 0,70 м, высота 1, 20 м. Кроме того, в восточном отсеке у стены находилась каменная база округлой формы (размеры: 0,35×0,30×0,18 м. Помещение № 8 имеет размеры 4,5×4,7 м. В этой комнате расположены два тандыра размерами: диаметр первого тандыра 0,50 м, высота сохранилась на 27 см. Диаметр второго тандыра 0,70 м, высота – 0,30 м. К северу от тандыров на площади 2,50×2,10 м легко расчищается зольно-пепельный слой толщиной 32 см. Учитывая наличие двух тандыров и толстый слой пепла, можно предположить, что помещение использовалось в хозяйственных целях. Аналогичные хозяйственные помещения известны в комплексе общественных зданий Миздахкана и др. памятниках средневекового Хорезма (Кдырниязов, 2015). Помещение № 9 размером 5×6 м расположено в восточном углу изучаемого комплекса. Жилище через проход в западном углу связано с помещением № 8. Порог прохода облицован каменными плитами. В середине комнаты устроен ташнау, стенки которого облицованы жжеными кирпичами. Аналогичные ванные комнаты известны по раскопкам в Джанпык кала, Миздахкана (Кдырниязов, 2015) и сельских поселениях западного Хорезма. В целом караван-сарай включал в себя девять помещений, из которых четыре – жилые комнаты с элементами обогрева, два – хозяйственных (помещение № 7, 8), два коридора и входной зал – вестибюль.

Кроме того, в 2016 г. в южной стороне караван-сарая были открыты восемь помещений различного размера и назначения (пом.

№ 11–18). Стены этих помещений сложены горизонтально лежащими постелистыми рядами слабо обработанных каменных плит, имеющих аналогии и в других жилищах Пульжая. Судя по характеру интерьеров помещений, они являются жилыми, хозяйственными и санитарно-гигиеническими. В помещениях № 14, 18 находились суфа и очаги, а для комнаты № 17 имеется ташнау и лежанка сплошь облицованная жженым кирпичом. Эти помещения входят в комплекс подсобных сооружений караван-сарая. В целом это не придорожный караван-сарай, а гостевой двор внутригородского типа. Несомненно, караван-сарай обслуживали элитарный слой публики. Это часть урбанистических застроек городской структуры. История архитектуры Средней Азии и Хорезма, в частности, знает немало ансамблей и комплексов, возникших путем пристроек и позднейших наслоений.

Кроме того, археологические раскопки в 2015–2016 гг. в неукрепленной части поселения Пульжая выявили очертания одиночных прямоугольных и квадратных в плане помещений. Несомненно, некоторые из них являются частью жилых и хозяйственных построек с очагами открытого типа, тандыра или ташнау. В процессе работы удалось расчистить хорошо сохранившееся помещение. Вполне вероятно, что оно является отдельным элементом жилого комплекса, впоследствии разрушенного. Помещение расположено близко к открытой в 2014 г. мечети Пульжая. Размер помещения 5,50×6,20 м. Стены сохранились хорошо выявляются их очертания. Толщина стен 0,40 м, сложены из каменных плит размерами 0,35×0,35×0,10, 0,40×0,36×0,15 м и по верху выложена из жженого кирпича размером 21×21×4; 24×24×5 см. Вся поверхность помещения вымощена жжеными кирпичами, которые прослеживаются и в других соседних помещениях. У восточной стены выявлена очажная конструкция, округлая в плане, сложенная из керамического сосуда и фрагментов жженого кирпича. В центре помещения имеется восьмиугольная в плане площадка-ташнау, вокруг которой также имелась тщательно сложенная облицовка из жженого кирпича (21×21×4,5; 15×17×4,5; 16×18×4,5; 13×14×4,5 см). Крышка ташнау восьмиугольной формы, выточена из желтоватого устюртского песчаника. Поверхность крышки имеет орнаменты восьмигранной формы и округлого многоугольного зубчатого фестона. Диаметр крышки 0,46 м, толщина 0,10 м, диаметр сточных отверстий

2,5, 3 см. Такие резные плиты водостокоташнау из мрамора, песчаника и талькохлорита ранее были найдены в Миздахкане, Джампик кала, Каваткалинском оазисе и сельских поселениях Хорезма. Согласно архитектурно-строительным приемам и археологическим находкам это комната датируется XIII–XIV вв. По всей вероятности, помещение является ванной комнатой, элементом жилищно-хозяйственного комплекса при городской мечети Пульжая. Открытие хорошо оборудованного банного помещения свидетельствует, что здесь могли находиться санитарно-гигиенические сооружения, обслуживающие посетителей мечети.

В раскопках № VIII, IX–X также были вскрыты остатки жилищ. Раскоп VIII (2012 г.) открыл восьмикомнатный жилой дом. В раскопках 2014 г. открыты остатки жилищ IX–X в., состоящие из одного и трех помещений. В них присутствуют элементы интерьера золотоордынской эпохи (очаг-кан, суфа, тошна и тандыр). Конструкция жилищ находит аналогию в сельских поселениях левобережной Амударьи, в домах вблизи Айгельды, урочище Дарьялык-куль и в городах Золотой Орды. В целом дома, открытые в Пульжае, несколько отличаются от других городских жилищ Южного Приаралья своим отдельным расположением от других построек. Дома неукрепленного поселения памятника, состоят из групп по две-три постройки или отдельно стоящие; разделены интервалами.

Раскоп II заложен на территории неукрепленного поселения, вблизи от южной стороны крепости. Здесь открыты остатки сильно разрушенной гончарной печи. Она с трех сторон – северной, восточной и западной – ограждена стенкой из тесаных каменных плит, сырцового кирпича и сохранилась на высоту около 0,5×0,7 м. Печь еще в древности была сильно разрушена, стены и керамический шлак полностью заполняют сохранившиеся стены. Полуразрушенная топочная камера имеет диаметр 1,6 м. Она построена из кирпича размером 22×22×3,5 см, т.е. из стандартных кирпичей, характерных для памятников Южного Приаралья золотоордынского времени. По археологическим признакам собранные артефакты (кувшин с округлой в сечении ручкой, фрагменты сосудов серого обжига, шлак, кирпичи), гончарная печь датируются XIII–XIV вв.

В раскопках VI и VII выявлены объекты производственного характера, остатки кирпичеобжигательной печи. Эти промышленные

объекты обнаружены на берегу поймы старого русла-старицы. Первая печь (раскоп VI) расположена в восточной ветви русла, расстояние между печью и старицей 60 м. В результате расчистки выявлены внешние контуры печи. Ее размеры: длиной 3,2 м, шириной 3 м, высотой 1–1,20 м; подквадратной формы. Топочная камера представлена в виде котлована в материке. Ошлакованность топочной камеры мощная. Диаметр топочной камеры 0,70 м. Вокруг нее расчищено пространство, образующее 1,5×1,30 м, ограниченное с двух сторон стеной из обожженного кирпича размерами 22×22×5, 23×23×5 см. Остальные внешние и внутренние стены печи сооружены из кирпичей размерами 22×22×5, 23×23×5; 25×25×5 см. В южной части печи имеются стенки-перегородки с проемом, перекрытым аркообразной формой. Проемы-отверстия являются продухами, размеры которых составляют 15×26 см. В хорошо сохранившихся местах с продухами кирпичи лежат в вертикальном и постелистом положении, высота кладок – в 5–7 рядов кирпичей. Промежутки между продухами – 0,46×0,50 м. Здесь обнаружена только нижняя топочная камера. Верхняя обжигательная камера упала вниз, при этом разрушив топочную камеру. Внутренняя поверхность стенок печи ошлакована от воздействия высокой температуры. Вторая кирпичеобжигательная печь (раскоп VII) расположена на возвышенности правого берега в западной части старицы. Здесь после зачистки были хорошо видны контуры кирпичеобжигательной печи. Размеры стен печи 7×4,70 м, печь имеет четырехугольную форму и направлена по линии запад–восток. Кроме того, в южной части печи вплотную к основной стене обнаружена кирпичная стена длиной 5,60 м, сложенная из жженого кирпича размерами 23×23×5 см и 23×17×5 см. Дальнейшая зачистка показала, что основные наружные стены производственного объекта возведены из каменных плит. Судя по очертаниям сохранившейся части, наличию фрагментов обожженного кирпича и красного землянисто-пепельного слоя внутри стен, обнаруженный объект является остатком (нижней частью) топочной камеры.

В целом предварительное обследование показывает, что здесь, как и в восточной ветви сухоречья, находится кирпичеобжигательная печь.

Кирпичеобжигательные печи ранее обнаружены в урбанизационных центрах Средней Азии и Казахстана. На юго-запад-

ной границе Хорезмского оазиса, на границе с Каракумом, в 50 м к северо-востоку от караван-сарая Талайхан-ата в 1952 г. раскопана кирпичеобжигательная печь. Кирпичеобжигательная печь Талайхан-ата, как и печи Пульжая, прямоугольной (почти подквадратной) в плане формы (Вишневская, 1958). Таким образом, обнаруженные подобные объекты Пульжая на сегодняшний день первые производственные образцы, связанные со строительным делом в периферийной зоне городской культуры Южного Приаралья.

Раскоп III расположен в районе некрополя, здесь в 2012 г. был исследован мавзолей с погребениями. Объект ориентирован по углам север–юг, восток–запад. Стены сооружения сложены из массивных каменных плит, средний размер которых варьирует в пределах от 0,32×0,60×0,55 до 0,35×0,75×0,52 м. Каменные плиты положены друг на друга в три ряда и достигают высоты 0,90–1 м. Поверхность стен обмазана толстым слоем алебаstra. Толщина стены 0,60 м. Такой высокий и прочный фундамент очень типичен для аналогичных сооружений Устюрта. Внутри мавзолея выявлено погребение взрослого человека и четырех детских погребений со слабо сохранившимися костями. Детские кости сильно истлели (в результате просачивания влаги сверху). Исключение составляет погребение взрослого человека, расположенное в центре ограды ближе к западной стене. Захоронение было разграблено в позднее время. Погребенный лежал на уровне пола сооружения, на спине, кисти рук по бокам, ориентирован головой на запад. Костяк сохранился полностью, длина его составляла 185 см. Здесь найден артефакт – двухсоставное железное удило с псалиями. Захоронения с конскими принадлежностями являются несомненным атрибутом кочевников Арало-Каспийского региона XII–XIV вв. Аналогами данного артефакта являются находки из курганов Казган-3 (Восточный Устюрт) (Ягодин, 1991), Южного Урала и кочевнических древностей Нижнего Поволжья.

В ходе археологических работ найдены керамический материал, бронзовые и каменные изделия XIII–XIV вв. Среди них преобладают хорезмийская поливная и кашинная керамика. Большая часть красноглиняной поливной керамики Пульжая покрыта зеленой или желтовато-белой поливой. Подглазурная роспись выполнена темно-коричневой, покрытой желтой поливой, или черной краской, в виде скрученных пятен, подтеков, лепест-

ков и рельефов. Кашинная керамика представлена образцами сосудов с двусторонней бирюзовой поливой, с подглазурной черной росписью, изделиями, покрытыми с одной стороны кобальтом, с другой – бирюзовой бесцветной поливой с подглазурным растительным орнаментом, красками других оттенков. Аналогичные кашинные изделия встречаются в керамике Куня-Ургенча, Шемаха кала, Миздахкана, а также в керамике золотоордынских памятников Нижнего Поволжья. Привозная керамика представлена в небольшом количестве фрагментами селадона, люстр, минаи и красноглиняной тарной керамикой (краснолощенные амфоровидные кувшины из Нижнего Поволжья). Эти перечисленные образцы импортной керамики являются свидетельством торговых связей Пульжай с Восточной Европой, Ближним и Дальним Востоком.

В заключение надо отметить, что Пульжай возрождается в середине XIII в. Это связано с общим подъемом урбанизационного процесса в Южном Приаралье в золотоордынское время. Следует указать, что город формировался около домонгольской крепости, является неукрепленным поселением нерегулярной застройки, типичным для этих мест в золотоордынское время. В нем отсутствует четко выраженный ремесленный квартал и пригород-рабад. Своеобразие наблюдается и в археологическом материале. Они представлены в виде сплава хорезмийских традиций и влияний извне, из сопредельных районов Арало-Каспийских огузо-кыпчакских владений. Это показывает начавшееся ранее (IX–XII вв.) и продолжавшееся в XIII–XIV вв. проникновение в города Хорезма новых этнических элементов, активной тюркизацией его коренного населения.

ЛИТЕРАТУРА

Вишневская О.А. Раскопки караван сараев Ак-яйла и Талайхан-ата // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Том II / Под общей редакцией члена-корреспондента С.П. Толстова. М.: Изд-во АН, 1958. С. 431–466.

Вактурская Н.Н., Вишневская О.А. Памятники Хорезма эпохи Великих Хорезмшахов (XII – начало XIII в.) // Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. I. / Под общей редакцией С.П. Толстова. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 150–167.

Кдырнязов М.–Ш., Искандерова А.Ж., Турганов Б.К. Археологические работы на городище Пульжай // Археологические исследования в Узбекистане – 2004–2005. Вып. 5. Ташкент «ФАН», 2006. С. 127–130.

Кдырнязов М.–Ш., Кдырнязов О.–Ш. Мечети Миздахкана // «Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы» // Материалы Международной научной конференции посвященной 20-летию независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана / Комитет науки МОН РК. Алматы. 13–14 декабря. С. 49–53.

Кдырнязов М.–Ш. Культура Хорезма в XIII–XIV вв. / Ред. академик Э.В. Ртвеладзе. Самарканд: «Zarafshon», 2015. 320 с.

Кдырнязов О.–Ш. Мечеть и караван-сарай Пульжая (памятники Золотой Орды в северном Каракалпакстане) // «Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды». Материалы VII Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова / Под редакцией С.Г. Бочарева и А.Г. Ситдикова. Казань. Ялта. Кишинёв: 2016. С. 81–83.

Туребеков М.Т. Археологические исследования городище Бограхан // «Марказий Осиё халқлари тарихи манбашунослиги ва тарихнавислиги масалалари» мавзудаги Республика 5-илмий конференциясининг материаллари. Тошкент, 2013. С. 336–342.

Ягодин В.Н. Стреловидные планировки Устюрта // Археология Приаралья. Вып. V. / Под ред. академика АН РУз С.К. Камалова. Ташкент.: Фан, 1991. 204 с.

Информация об авторе:

Кдырнязов Омар-Шарип, старший научный сотрудник, докторант, Каракалпакский государственный университет им. Бердаха (г. Нукус, Узбекистан); m_sharif@mail.ru

PULZHAY: MONUMENT OF THE URBAN CULTURE OF THE SOUTH ARAL SEA REGION

Omar–Sharip Khdirniyazov

The article examines the results of archaeological studies of the ancient settlement of Pulzhai located in the northern part of Karakalpakstan. The results of the research show that it was a peripheral trade and craft unfortified city of the South Aral Sea region during the Golden Horde era. The revealed artifacts testify to the economic and craft activity of the citizens of Pulzha. The houses of the unfortified settlement of the monument consist of groups of two or three buildings or separately standing, separated by intervals. There is no well-planned quarterly development. The design and interiors of the residential and household premises are in close touch with the dwellings of the central cities of the oasis. On the other hand, they contain elements of the interior of the Golden Horde era: the hearth–kan, sufa, nausea and tandyr. In the archaeological material there are nomadic and imported things. In general, the revival of the unsettled city of Pulzha is connected with the general urbanization process of the region as part of the Khorezm–Zhuchid ulus. Excavations revealed that the entire territory of an unfortified settlement is occupied by archaeological objects of the Golden Horde era.

Keywords: South Aral, Pulzhai. Dwelling, production facilities, mausoleum, artifacts and trade ties 13th–14th centuries.

About the Author:

Khdirniyazov Omar–Sharip. Senior Research Associate, Doctorant, Karakalpak State University. named after Berdakh. Chardzhou Abdirov St., 1, Nukus, 230112, Republic of Uzbekistan; m_sharif@mail.ru

УДК 902/904

НОВОЕ И ПОЗАБЫТОЕ СТАРОЕ О ХРАМЕ АЛУШТИНСКОГО МОГИЛЬНИКА¹

© 2018 г. В. П. Кирилко

В 1950 г. на прибрежном некрополе средневековой Алушты был раскопан храм. В одной из могил, расположенных внутри церкви, обнаружен богатый погребальный инвентарь XIV в. (137 предметов, из них 85 золотых). Драгоценности из вещевого комплекса уже введены в научный оборот, но современными исследователями ошибочно трактуются как клад. Ближайшие аналогии этим находкам представлены золотоордынскими ювелирными изделиями Болгара и Маджара, имеют параллели в декоративно-прикладном искусстве Молдавского княжества XV–XVI вв. Сам храм обычно датируется XI–XIII вв. На нынешнем этапе изучения памятника для устранения лакун и обусловленных ими противоречий особую значимость приобретают прежде не публиковавшиеся архивные материалы Тавро-скифской археологической экспедиции Крымского филиала АН СССР (дневники, полевые описи, чертежи, зарисовки, фотографии, переписка, документы), которые позволяют получить почти полное представление о ходе работ, топографии находок и самих вещах, а также архитектонике храма и, в частности, его строительной истории. Достаточно большой представляется вероятность того, что храм был возведён в XIV в. над могилой с погребением сановника высокого ранга, предположительно, протоса – главы местного самоуправления, должность которого обычно исполнял старейшина селения или священник.

Ключевые слова: Крым, Е.В. Веймарн, Алустонский клад, церковная архитектура, золотоордынское искусство, часовня, погребение протоса.

Кладбище с остатками церкви находится в г. Алушта на небольшой возвышенности над морем, между набережной и дорогой, ведущей к средневековому укреплению. Сейчас территория некрополя занята различного рода капитальными сооружениями и практически повсеместно ими перекрыта и, как следствие, о нынешнем состоянии храма судить невозможно.

Археологические исследования могильника, во время которых была обнаружена и полностью изучена эта церковная постройка, в 1950 г. осуществили Н.В. Пяташева и Е.В. Веймарн (Махнева, 1968, с. 160, прим. 6, рис. 6). Материалы раскопок они не опубликовали.

В работе экспедиции непосредственное участие принял Ю.С. Асеев, который практически сразу после окончания полевых исследований ввел в научный оборот результаты архитектурного изучения храма. Свои наблюдения и выводы он иллюстрирует схематичным планом и фотоснимком общего вида здания (Асеев, 1951, с. 24–25, рис. 1; 2).

Обнаруженная раскопками церковь им представлена как небольшая почти квадратная в плане однокамерная часовня с полукруглой апсидой. Особое внимание исследо-

дователь обратил на то, что характерной особенностью плана являются выступы на углах внутреннего периметра стен, позволяющие выяснить композиционно-конструктивную систему здания. По его мнению, они были основой пилонов, на которые опирались подпружные арки. Соединявшие их стены («були наче приставлені») имели незначительную толщину, позволяя тем самым при небольшом кольце барабана увеличить подкупольное пространство. Особо им отмечено, что подобный прием известен лишь в решении центральной части ряда памятников византийской архитектуры, главным образом Константинопольской школы (Асеев, 1951, с. 24–25, рис. 1).

Наряду с представлением отдельных конструктивных особенностей здания, исследователь сообщает также о том, что с южной стороны к храму в более позднее время, не уточняя когда, вместо разобранный боковой стены пристраивается костница. В кладке последней были найдены фрагменты архитектурных деталей – профилированного карниза и орнаментированного фриза, резной декор которых характерен для средневизантийской архитектуры (Асеев, 1951, с. 25).

¹ Исследование подготовлено в рамках выполнения плановой темы Отдела средневековой археологии ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН» – «Кросс-культурные связи населения Таврики и близлежащих территорий в эпоху средневековья» (Государственный регистрационный номер темы 1005–2015–0007).

По мнению Ю.С. Асеева, ближайшей аналогией раскопанной постройке является Ильинская церковь в Чернигове, датируемая им временем не раньше второй половины XII и не позднее начала XIII в. Более того, на основании предварительного анализа археологического материала сам Алуштинский храм он отнес к XI–XIII вв. и связал его с Херсонесской архитектурной школой (Асеев, 1951, с. 25, рис. 3).

При археологическом изучении могилы № 21, одной из трех расположенных внутри церкви (рис. 1), был обнаружен богатый погребальный инвентарь (137 предметов, из них 85 золотых). Позднее план некрополя (с ошибочным обозначением местоположения могилы № 21) и незначительную часть находок О.А. Махнева ввела в научный оборот, используя при этом материалы раскопок, любезно предоставленных ей для публикации непосредственным исследователем памятника Е.В. Веймарном. Она считает, что поскольку (со ссылкой на статью Ю.С. Асеева) «церковь, с которой связана могила № 21, датируется X–XIII вв.», то золотые предметы комплекса можно датировать XIII в. (Махнева, 1968, с. 162–164).

Спустя два десятилетия после проведения раскопок остальные материалы изысканий, правда, выборочно и в несколько беллетризованном виде также стали доступны широкому кругу исследователей (Когонашвили, Махнева, 1971, с. 15–30). Авторы новой публикации церковь по-прежнему датируют X–XIII вв., а ее перестройку относят к XIV в. (Когонашвили, Махнева, 1971, с. 17–18).

В связи с проблемами, возникшими в наше время при изучении памятника (Бочаров, Кирилко, 2017, с. 300; Кирилко, 2018), для устранения образовавшихся лакун и обусловленных ими противоречий особую актуальность сейчас приобретает необходимость введения в научный оборот ранее не публиковавшихся архивных материалов археологической экспедиции 1950 г. (дневники, полевые описи, чертежи, зарисовки, фотоснимки, официальная переписка, документы)², которые позволяют получить почти исчерпывающее представление о ходе работ, топографии находок и самих вещах, а также выяснить новые сведения об архитектонике храма и, в частности, его строительной истории.

Е.В. Веймарн выделяет два этапа в жизни церкви, датируя их соответственно X–XIV и XIV–XV вв. (до 1475 г.). Разрушение здания, по мнению исследователя, произошло не позднее XVI в. (НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6/10. Л. 22–23).

На мой взгляд, возможна более точная датировка храма. Этому способствуют два обстоятельства, связанные с самым ранним захоронением могилы № 21. Основными определяющими факторами являются статус покойника и расположение погребального сооружения.

По мнению Е.В. Веймарна, «до нескольких более поздних погребений, совершенных в этой могиле, был похоронен или знатный вельможа, или служитель культа» (НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6/9. Л. 2). Обнаруженные при ее раскопках драгоценности Н.И. Малюк относит к числу произведений золотоордынского ювелирного искусства и небезосновательно считает возможным датировать их XIV в., но ошибочно трактует находку как клад (Малюк, 2015, с. 166–167). Полевые материалы археологического изучения памятника позволяют утверждать, что вещевой комплекс, полученный в результате исследования могилы № 21, является исключительно погребальным инвентарем. Более того, практически nepотреboванное скопление вещей в западном конце могилы, вполне могло быть частью тканного головного убора с золотыми нашивными бляшками, а сам изысканно декорированный костюм, вероятнее всего, принадлежал сановнику достаточно высокого ранга. В Алуште XIV в. на столь богатый наряд и погребение в храме реально мог претендовать протос – глава местного самоуправления, должность которого обычно исполнял старейшина селения или священник (Кирилко, 2018).

Не менее существенным является само местоположение захоронения. Внутри храма выявлено три погребальных сооружения (рис. 1; 2). Два из них четко соотносены с планировкой церкви. Одно (№ 15) занимало пространство южной ниши наоса (№ 15) и связано с первым этапом существования храма (НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6/10. Л. 22). Второе (№ 20) находилось на продольной оси строения, принадлежало к следующему строительному периоду здания (НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6/10. Л. 23). Третье погребальное сооружение (собственно могила № 21), судя по ряду признаков, вероятнее всего, предшествовало возведению храма.

¹ Полевые материалы II Алуштинского отряда Тавро-скифской экспедиции 1950 г. / НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6. Папка 8.

Во-первых, в отличие от остальных захоронений внутри церкви оно имеет ориентацию, которая не совпадает ни с продольной осью строения, ни с направлением боковых стен, отклоняясь по отношению к ним на 15°, что уже само по себе странно. Во-вторых, кладка передней стены храма находится над каменной конструкцией западной части могилы № 21. Свидетельством этому является изображенный на обмерных чертежах (рис. 1; 2) обломок крайней плиты перекрытия усыпальницы, единственный, который сохранился

in situ, поскольку был прижат сверху новым сооружением и защемлен.

Таким образом, достаточно большой представляется вероятность того, что храм возводится в XIV в., вскоре после погребения в могиле № 21 сановника высокого ранга, что, в свою очередь, вполне могло обусловить появление самой постройки. Капитальный ремонт здания в XV в. предположительно, был вызван необходимостью устранения последствий разрушительного землетрясения 1423 г. (Кирилко, 2005, с. 51–59).

ЛИТЕРАТУРА

Асеев Ю.С. Архитектурно-археологические исследования в Крыму // Вісник Академії архітектури УРСР. № 3(21). Київ: Видавництво Академії архітектури Української РСР, 1951. С. 23–30.

Бочаров С.Г., Кирилко В.П. Средневековые церкви Южного берега Крыма (материалы к археологической карте) // Добруджа. Вып. 32. Силистра: Регионален исторически музей, 2017. С. 278–304.

Кирилко В.П. Крепостной ансамбль Фуны (1423–1475 гг.). Киев: ИД «Стилос», 2005. 269 с.

Кирилко В.П. «Алустонский клад»: история находки // ПА. 2018. № 2(24) С. 168–189.

Когонашвили К.К., Махнева О.А. Алустон и Фуна. Симферополь: Крым, 1971. 94 с.

Малюк Н.И. Алустонский клад: малоизвестные ювелирные изделия золотоордынского времени в фондах Музея исторических драгоценностей Украины // Музейні читання. Матеріали наукової конференції “Ювелірне мистецтво – погляд крізь віки” / Відп. ред. Л. В. Строкова. Київ: Музей історичних коштовностей України, 2015. С. 159–168.

Махнева О.А. О плитовых могильниках средневекового Крыма // Археологические исследования средневекового Крыма / Отв. ред. О. И. Домбровский. Киев: Наукова думка, 1968. С. 155–168.

Информация об авторе:

Кирилко Владимир Петрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии Крыма РАН (г. Симферополь, Россия); kir.vlad33@gmail.com

NEW AND FORGOTTEN OLD ABOUT THE ALUSHTA BURIAL GROUND³

V. P. Kirilko

In the 1950 a temple was excavated on the coastal necropolis of the medieval Alushta. In one of the graves, which located inside the church, was discovered a rich burial inventory of the 14th century (the 137 things, 85 of which are golden). The valuable from the complex of things have already been introduced into scientific circulation, but modern researchers mistakenly interpret it as a treasure. The nearest analogies to these findings are the Golden Horde gold jewelry from the Bolgar and Madzhar. It has the parallels in the decorative art of the Moldavian principedom of the 15th – 16th centuries. Usually the temple is dated to the 11th – 13th centuries. At the current stage of studying the monument are acquire special significance the archival materials of the Tavro–Scythian archaeological expedition of the Crimean branch of the USSR Academy of Sciences (previously unpublished) for deleting of the lacunae and the contradictions, caused by them. These are diaries, field inventories, drawings, sketches, photographs, correspondence, documents. All of this allows to get an almost complete picture of the following works, about the topography of finds and about the things themselves, as well as the architectonics of the temple and, in particular, its building history. There is a fairly high probability that the church was built in the 14th century above the grave with the burial of a dignitary of high rank. Presumably it was a protos – the head of local government, whose post was ordinarily performed by the village elder or priest.

Keywords: the Crimea, E. V. Weimarn, Alustonian treasure, church architecture, Golden Horde art, chapel, burial of the protos.

About the Author:

Kirilko Vladimir P. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of Crimea of Russian Academy of Sciences. Academician Vernadsky Ave., 2, Simferopol, 295007, Crimea, Russian Federation; kir.vlad33@gmail.com

³ The study was prepared within the framework of a scheduled topic of the Department of Medieval Archaeology of FGBUN “Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences” – “Cross-cultural relations of the population of Taurica and the nearby territories in the Middle Ages” (State registration number 1005–2015–0007).

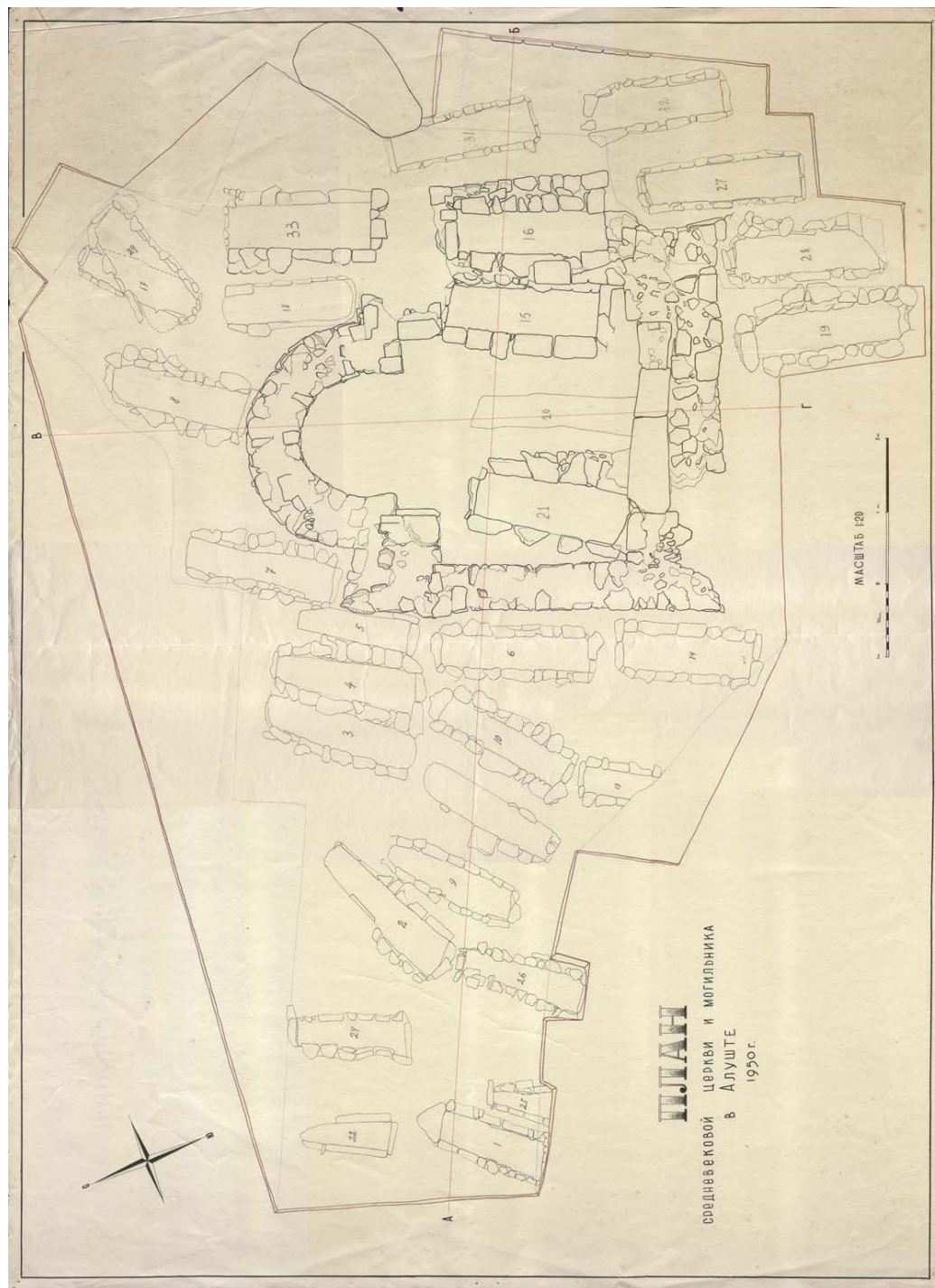

Рис. 1. План средневековой церкви и могильника в Алуште, 1950 г. Чертёж С. К. Себекина (НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6/7. Л. 2).

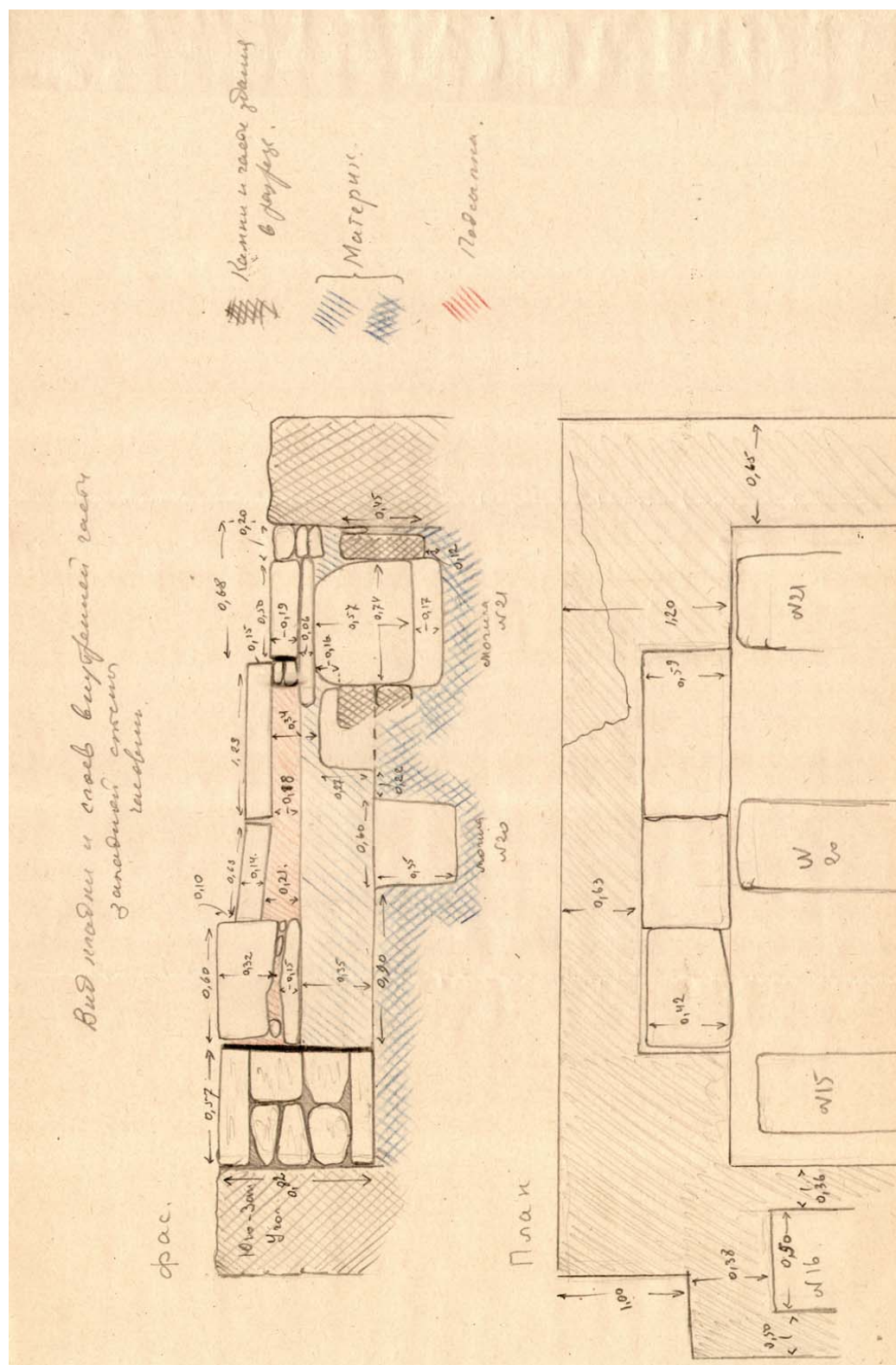

Рис. 2. Вид кладки и слоев внутренней части западной стены часовни. 1950 г. Кроки Е. В. Веймарна
(НА ИАК РАН. 1957. Шифр А. № 6/2. Л. 33 об.).

УДК 902/904

ГРАДОСТРОИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИМОРЬЯ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДИЩА КОКШАРОВКА-1)¹

© 2018 г. Н. А. Ключев, И. В. Гридасова

В статье рассматриваются особенности строительства средневековых долинных городищ в Приморье на примере памятника Кокшаровка-1. С одной стороны, на городище Кокшаровка-1 прослеживается влияние традиций китайского градостроительства, выраженное в общих принципах планировки средневековых городов: использование осевой симметрии и строгой ориентации по сторонам света, размещение административных зданий в северной части городища. С другой стороны, выявлены некоторые отличительные черты в конфигурации и внутренней структуре городища, необычной конструкции оборонительных сооружений и архитектурных объектов, выделяющие его среди других известных долинных городищ Приморья. Основываясь на данных археологических и геолого-геофизических исследований, авторами делается предположение о том, что данные особенности обусловлены спецификой ландшафта, климата, а также использованием населения в градостроительной практике, как общепринятых канонов, так и собственных строительных навыков.

Ключевые слова: Городище Кокшаровка-1, Приморье, эпоха раннего средневековья, постбохайское время, градостроительство.

Развитие градостроительного искусства на территории Приморья связано со временем существования государства Бохай (698–926 гг.). Известны как долинные, так и горные городища, относящиеся к этому времени. Основные навыки строительства городов были во многом заимствованы бохайским населением из Китая. Влияние традиций китайского градостроительства прослеживается, в первую очередь, в форме городищ, близкой к квадрату или прямоугольнику, а также в планировке их внутреннего пространства. В Китае каноны градостроительства формировались под влиянием религиозных и культурных факторов. Представления о мироустройстве, где небо считалось круглым, а земля квадратной, выражались в принципах возведения городов, соблюдении пропорций, симметрии в композиции зданий, строгой ориентации по сторонам света. В форме квадрата строились многие китайские города, строгой прямоугольной планировке были подчинены улицы, кварталы. Большое значение также уделялось месту для возведения будущего города (Градостроительство Сибири, 2011, с. 29; Искусство Китайской архитектуры, 2011, с. 48, 168).

Городище Кокшаровка-1 расположено в центральном Приморье в 3 км к северо-востоку от с. Кокшаровка, на террасе левого берега р. Кокшаровки – правого притока р. Уссури.

Оно относится к типу долинных городищ и представляет собой укрепленное валом и рвом поселение площадью около 16 га. Городище Кокшаровка-1 неправильной формы, близкой к прямоугольнику (рис. 1). С северной и западной его сторон имеются 2 входа, оборудованные Г-образными траверсами, в восточном валу имеются два необорудованных проема. Раскопки памятника, проведенные в 2008–2014 гг., позволили заключить, что городище являлось крупным административным центром как в бохайское, так и постбохайское время (Городище Кокшаровка-1, 2012; Археологические памятники, 2015).

Конфигурация крепостных стен Кокшаровского городища зависела от особенностей ландшафта территории: оно построено на пойменной возвышенности, ограниченной с юга, запада и севера палеоруслом реки Кокшаровка. Округлая форма северо-западного участка вала, скорее всего, обусловлена естественным понижением рельефа на этом участке. Для наполнения рва использовался естественный водоток – река Кокшаровка. Южный участок вала, по форме напоминающий стрелку, мог использоваться для разделения русла на 2 рукава (Городище Кокшаровка-1, 2012, с. 28, 273–275).

Некоторые исследователи соотносят появление долинных городищ многоугольной неправильной формы с усилением военной

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ № 14–18–01165 «Города средневековых империй Дальнего Востока»

напряженности в регионе (Сакмаров, 2004; Дьякова, 2014, с. 237). Отхождение от прямоугольной формы, по их мнению, является характерной чертой более поздних бохайских и постбохайских памятников и связано с развитием оборонительных сооружений, приспособленных под условия местности и использование естественных водотоков в фортификационной системе. Примерами таких городищ наряду с Кокшаровким-1 являются городища Горбатка и Окраинка (Сакмаров, 2004). Также такая многоугольная конфигурация укреплений позволяла лучше контролировать прилегающие территории (Дьякова, 2014, с. 237).

По результатам геофизических исследований на городище Кокшаровка-1 установлено, что «неправильная» геометрия крепостного вала не была изначальной. Магнитная съемка, проведенная Бессоновой Е.А., выявила несколько этапов внутренней застройки памятника (Бессонова и др., 2011). Более раннему этапу существования городища соответствует прямоугольная планировка (рис. 2: 1), прослеженная как внутри самого городища, так и за пределами юго-восточного участка крепостного вала. На данном этапе, по всей видимости, городище имело правильную прямоугольную форму. Первоначальный вал в юго-восточной части памятника мог быть уничтожен рекой, русло которой постоянно перемещалось. Впоследствии крепостная стена была перестроена с учетом изменившегося ландшафта, повлиявшего как на форму самого городища, так и на его внутреннюю планировку. Выделенная в южной и восточной частях памятника диагональная застройка соотносится с изменением в расположении вала (рис. 2: 2). Геологические исследования показали, что поздний этап существования городища связан с изменением климата, повышением уровня моря, резким увеличением паводков и подтоплением долин рек. Северная часть памятника имеет понижение в рельефе и, скорее всего, оказалась заболочена (Бессонова и др., 2011, с. 192). Перемещение обитателей в южную половину городища, по всей видимости, было обусловлено именно этим. Таким образом, перестройка вала городища Кокшаровка-1 и отход от прямоугольной формы связаны, в первую очередь, с изменившимися природными условиями, а не с военными нуждами. Вероятно, другие известные городища, имеющие неправильную форму (Краскинское, Горбатка, Окраинка и др.), также являются примерами адаптации

к особенностям рельефа местности. К тому же у части таких памятников отсутствуют защитные сооружения ворот (Горбатка, Окраинка) (Гельман, 2017), появление которых, на наш взгляд, в первую очередь, свидетельствовало бы об усложнении фортификации и защиты от вторжения захватчиков на территорию города.

Раскопки проводились в северной и западной частях городища Кокшаровка-1. Здесь были вскрыты сооружения, связанные с прямоугольной планировкой города. В северной части исследован архитектурный комплекс, расположенный на искусственной насыпной платформе и состоящий из 7 зданий, огороженных каменной стеной, с большим внутренним двором и хозяйственными постройками. В западной части памятника был частично раскопан подобный комплекс зданий. Исследованные сооружения в своей планировке и конструктивных элементах во многом соответствуют строительным традициям столичных городов Китая в VII–XIII вв., а также государства Бохай (698–926 гг.): использование каркасно-столбовой конструкции; расположение административных зданий в северной части городища; прямоугольная в плане форма построек, строго ориентированных по сторонам света; наличие осевой симметрии в расположении комплексов зданий; расположение построек по периметру прямоугольного двора, с размещением главных зданий в северной, а ворот – в южной части архитектурного комплекса (Клюев, Гридасова, 2017).

Наряду с использованием общепринятых канонов, применяемых в градостроительной практике, на городище Кокшаровка-1 выявлены некоторые особенности в конструкции сооружений и их планировке, выделяющие его среди других известных долинных городищ Приморья. Обнаруженный на северной платформе архитектурный комплекс, в принципе, не имеет аналогий на приморских средневековых памятниках. В архитектуре самих дворцовых сооружений необычным является отсутствие черепичной кровли, колоннадной конструкции, а также собственной платформы у зданий (Клюев, Ивлиев, 2013). Крыши зданий, вероятно, были покрыты соломой. Следует отметить, что для центральных районов Приморья в зимнее время года характерно обилие осадков и, как следствие, большая мощность снежного покрова (свыше 60 см). Черепичная крыша, сама по себе обладая значительным весом, могла не выдержать

дополнительную нагрузку снежной массы. Отказ от использования черепицы и облегчение таким образом конструкции крыши также может являться адаптацией к климатическим условиям.

Еще одна особенность Кокшаровского городища заключается в технологии строительства фортификационных сооружений, ранее не встречавшейся на других приморских городищах этого времени. Исследования крепостного вала в южной части памятника выявили, что он насыпался несколькими мощными слоями, расположенными под углом от основания к вершине, слою

внешнего и внутреннего скатов насыпались последовательно, перекрывая друг друга, а основание вала было выполнено в виде ступеней и углублено в материк (Археологические памятники, 2015, с. 81–89).

Таким образом, проведенные на городище Кокшаровка-1 комплексные исследования позволили выявить его уникальность, заключающуюся в использовании населением городища общепринятых в то время в обществе принципов градостроительства в сочетании с собственными строительными навыками, с учетом природно-климатических условий.

ЛИТЕРАТУРА

Археологические памятники Кокшаровка-1 и Кокшаровка-8 в Приморье / Отв. ред. Н.А. Ключев. Тэджон: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН; Государственный исследовательский ин-т культурного наследия Республики Корея, 2015. Т. 1. 219 с.

Бессонова, Е.А., Ключев, Н.А., Ивлиев, А.Л., Зверев, С.А. Реконструкция застройки городища Кокшаровка-1 геолого-геомагнитными методами // Вестник ДВО РАН. 2011. № 1. С. 122–129.

Гельман Е.И. Ворота и предвратные укрепления городищ Приморья VIII–XI вв. // Между востоком и западом: движение культур, технологий и империй / Отв. ред. Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдилов. Владивосток: Дальнаука, 2017. С. 87–92.

Городище Кокшаровка-1 в Приморье: итоги раскопок российско-корейской экспедиции в 2008–2011 годах / Отв. ред. Н.А. Ключев. Тэджон: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН; Государственный исследовательский ин-т культурного наследия Республики Корея, 2012. Т. 1. 319 с.

Градостроительство Сибири / Отв. ред. В.И. Царев. СПб: Коло, 2011. 784 с.

Дьякова О.В. Государство Бохай: археология, история, политика. М.: Наука, 2014. 319 с.

Искусство китайской архитектуры / Науч. ред. А.А. Кулагин. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т., 2011. 228 с.

Ключев Н.А., Гридасова И.В. Особенности планиграфии архитектурного комплекса на городище Кокшаровка-1 в Приморье // Между востоком и западом: движение культур, технологий и империй / Отв. ред. Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдилов. Владивосток: Дальнаука, 2017. С. 155–159.

Ключев, Н.А., Ивлиев, А.Л. Уникальный архитектурный комплекс на городище Кокшаровка-1 в Приморье // Россия и АТР. 2013. № 3. С. 104–116.

Сакмаров С.А. Долинные городища с произвольной планировкой в Приморье // Миграционные процессы на Дальнем Востоке (с древнейших времен до начала XX века): материалы международной научной конференции / Отв. ред. Д.П. Болотин. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2004. С. 272–275.

Информация об авторах:

Ключев Николай Александрович, кандидат исторических наук, доцент, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток, Россия).

Гридасова Ирина Владимировна, младший научный сотрудник Сектора первобытной археологии, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток, Россия); lab039@mail.ru

TOWN-PLANNING PRACTICE OF MEDIEVAL PEOPLE OF PRIMORYE (USING THE EXAMPLE OF KOKSHAROVKA-1 WALLED-TOWN)²

N. A. Klyuev, I. V. Gridasova

The article deals with the features of the construction of medieval plain walled-towns in Primorye using the example of the site Koksharovka-1. On the one hand, on the Koksharovka-1 walled-town is observed influence of the traditions of Chinese town-planning, expressed in the main principles of the planning of medieval towns: the use of axial symmetry and strict orientation in the cardinal directions, and the placement of administrative buildings in the northern part of the site. On the other hand, some distinctive features have been revealed in the configuration and internal structure of the site, the unusual fortification construction and architectural objects that distinguish it from other known plain walled-towns in Primorye. Based on the data of archaeological and geological-geophysical research, the authors make suggestion that these features are conditioned by the specificity of the landscape and climate, and also the use by people both the traditional canons and their own building skills in town-planning practice.

Keywords: Koksharovka-1 walled-town, Primorye, early medieval epoch, post-Bohai time, planning-town.

About the Authors:

Klyuev Nikolay A. Candidate of Historical Sciences. Associate Professor, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Pushkinskaya St., 89, Vladivostok, 690001, Russian Federation.

Gridasova Irina V. Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Pushkinskaya St., 89, Vladivostok, 690001, Russian Federation; lab039@mail.ru

Рис. 1. Городище Кокшаровка-1, вид с северо-востока.

² The work was prepared with the financial support of the RSF grant No. 14-18-01165 "Towns of the medieval empires of the Far East"

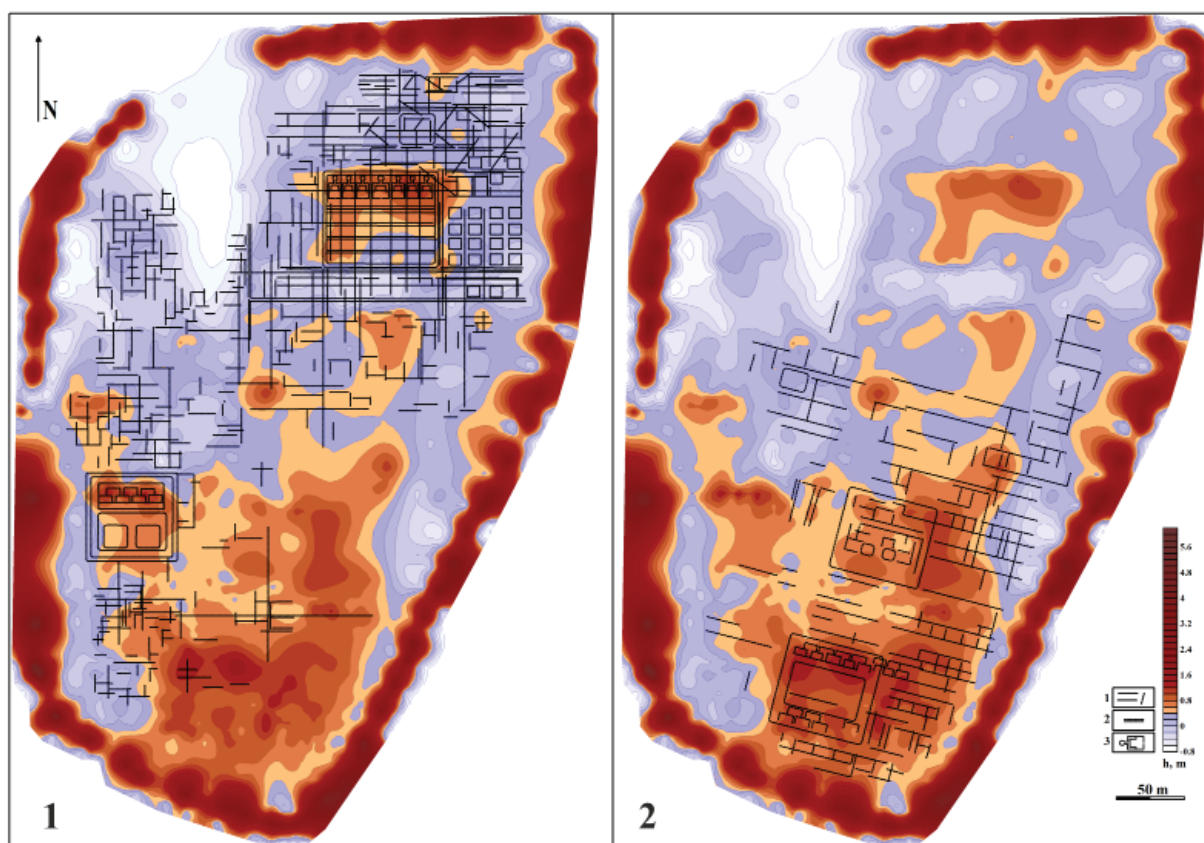

Рис. 2. Типы структурной планировки городища Кокшаровка-1 (по результатам магнитной съемки Бессоновой Е.А.): 1 – прямоугольный; 2 – диагональный.

УДК 902.26/904

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД И ЛИЧНЫЕ ПРЕДМЕТЫ ХРИСТИАНСКОГО КУЛЬТА РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОДЯНСКОГО ГОРОДИЩА XIV В.

© 2018 г. А. С. Лапшин, И. Ю. Лапшина

Христианское кладбище Водянского городища является уникальным в Нижнем Поволжье археологическим комплексом. В работе собраны материалы многолетних исследований и предпринята попытка их сопоставления с исследованиями христианских средневековых кладбищ на территории русских княжеств. Погребальный обряд христианского кладбища на Водянском городище повторяет традиции погребальной обрядности средневековой Руси. Предметы христианского культа на Водянском городище представлены нателными крестами и иконами. Они отличаются разнообразием типов и находят полные аналогии в древностях русских земель. Это также свидетельствует, что переселенное из русских княжеств население сохранило свои религиозные и духовные традиции. Отдельные элементы погребального ритуала связаны с пережитками язычества и наличием межэтнических контактов.

Ключевые слова: Нижнее Поволжье, Водянское городище, погребальный обряд, средневековое христианское кладбище, археологические исследования, история, культура.

Водянское городище – один из самых интересных памятников Золотой Орды в Нижнем Поволжье. Это городище существовало около 100 лет и является одним из важных памятников золотоордынской средневековой истории и археологии. В Нижнем Поволжье этот памятник единственный, где обнаружены относительно хорошо сохранившиеся поселок и христианское кладбище русского населения, переселенного в Золотую Орду в начале XIV в.

В 2010 г. экспедицией под руководством А.С. Лапшина на Водянском городище было исследовано 45 погребений русского кладбища, что значительно увеличило общую выборку всех изученных захоронений этого уникального в Нижнем Поволжье комплекса. Всего в данной работе проанализированы материалы 101 погребения, исследованных за период с 1968 по 2010 г. (Федоров-Давыдов, Булатов, Вайнер, Галкин, Егоров, Мухамадиев, 1968; Мыськов, 1990; 1996; 2000; 2001; Лапшин, Мыськов, 2011).

Описание, планы погребений и антропологические определения материалов 2010 г. опубликованы отдельно (Лапшин, Мыськов, 2011). В статье будут рассмотрены некоторые наблюдения в отношении погребальной обрядности русских (христианских) захоронений Водянского городища, а также дана общая характеристика предметам христианского культа, обнаруженным на этом памятнике в разные годы.

Исследователями уже отмечалось, что большинство захоронений совершено в узких прямоугольных могилах, с преобладающей

ориентировкой головой на запад с отклонением к югу (Мыськов, 2001, с. 123–135). Погребальные деревянные конструкции захоронений представлены остатками гробов из тонких досок. Они обнаружены в 17 погребениях и везде сохранились очень плохо. Следует особо отметить, что в этих погребениях отсутствуют гвозди или другие металлические детали крепления, за исключением одного случая (мелкие фрагменты кованых железных гвоздей от гроба найдены в разных частях погребения 17 раскопа II 2010 г.). Такая традиция изготовления гробов без гвоздей согласуется с данными погребального обряда на Руси в XIII–XV вв., фиксирующими особый тип деревянных гробов-ящиков, скрепленных только с помощью пазов в досках, а в некоторых случаях вместо гвоздей использовались деревянные втулки (Панова, 2004, с. 73, 76).

Интересным представляется погребение 29 раскопа II 2010 г. На дне ямы лежал скелет взрослого человека на спине, вытянуто, головой на запад. На дне ямы, за черепом, лежал небольшой камень, еще один камень обнаружен у ног погребенного. В 1989 г. в погребении 1 (раскоп II) за черепом умершего был положен фрагмент каменного жернова (Мыськов, 1990). Погребения с так называемой частичной огородкой тела встречаются и в русских княжествах, отмечается также значительное число подобных погребений XII–XIV вв. на территории бывшей Югославии (Панова, 2004, с. 68). Аналогичное преднамеренное использование камней в погребальном ритуале, когда в некоторых случаях

отдельные камни были установлены в изголовье погребенного и вдоль стен могильной ямы зафиксированы на Малорязанском могильнике (вт. пол. XIII–XIV в.), оставленном русским населением и расположенном в южной части Самарской Луки (Кочкина, 2012, с. 107–109).

Большинство погребений, выявленных на русском кладбище Водянского городища, совершены по христианскому обряду (в вытянутом положении на спине, руки согнуты в локтях и положены на груди или животе) (Мыськов, 2010, с. 322; Лапшин, Мыськов, 2011, с. 70–79).

Определенный интерес представляет положение рук погребенных, проследить которое удалось в 74 случаях. Из них 48% составляет традиционное для христианского погребального обряда положение рук на груди или животе. Однако значительная часть погребений имеет нехарактерное положение рук: 12% – одна рука на груди или животе, другая – на тазовых костях; 12% – одна рука (чаще правая) согнута в локте и кисть ее поднята к плечу, а другая – расположена на груди или животе; 8% – руки вытянуты вдоль туловища; 6% – руки на тазовых костях; 5,4% – руки на тазовых костях или у бедер; 2,7% – на лобковых костях.

Сходная ситуация в христианском погребальном обряде XIV в. отмечается и применительно к территории русских княжеств (Мусин, 2002, с. 48), то есть такое разнообразие в положении рук не является примером изменений или нововведений в обряде русско-го населения Водянского городища.

В научной литературе нет определенного объяснения многообразию положения рук погребенных. Однако исследователи отмечают вариативность их расположения. Существует также распространенное мнение об изменении в положении рук в результате посмертных деформаций. Но, по-видимому, руки в погребениях намеренно положены в определенную позу. Косвенным свидетельством, подтверждающим это, являются миниатюры Лицевого свода XVI в., иллюстрирующие разное положение рук погребенных (Мусин, 2002, с. 48).

Погребальный инвентарь полностью отсутствует. Особое внимание обращает на себя факт отсутствия нательных крестов в погребениях, тогда как в культурном слое Водянского городища они есть. Эти данные согласуются с результатами исследований христианских кладбищ этого же времени на

Руси, для которого фиксируется аналогичная традиция (Мусин, 2002, с. 75).

На кладбище имеются захоронения, свидетельствующие о неоднородном этническом составе погребенных. Так, можно отметить два погребения, где умершие были похоронены скорченно, на боку (Мыськов, 2001, с. 124; Лапшин, Мыськов, 2011, с. 71). Такая традиция положения умерших представлена в погребениях мордовского населения XIII–XIV вв. Интересным в этом плане является также погребение 6 раскопа II 2010 г. На дне ямы лежал скелет взрослого человека на спине, вытянуто, головой на запад. На ребрах, костях предплечий и частично на бедренных костях сохранились большие куски березовой коры. По всей видимости, первоначально берестой было накрыто или обернуто все тело. Исследователями указывается, что обычай хоронить тело, обернутое берестой, без гроба характерен для мордвы X–XIV вв. Наряду с этим данная деталь обряда фиксируется в курганных погребениях вятичей и на городских средневековых кладбищах, в том числе в Старой Рязани, а также Малорязанском могильнике (Кочкина, 2012, с. 109). Таким образом, использование бересты воспринимается как результат тесных связей Северо-Восточной Руси с угро-финскими племенами (Панова, 2004, с. 68–69).

Как уже было отмечено, погребальный инвентарь отсутствует в захоронениях. Однако за годы раскопок на Водянском городище обнаружено достаточное количество личных предметов христианского культа. Самыми многочисленными находками являются нательные кресты. Всего из раскопок и документированного подъемного материала Водянского городища происходит 14 нательных крестов, хотя нужно отметить, что большее количество крестов известно по находкам «черных копателей».

Все нательные кресты имеют аналогии в материалах русских земель XIII–XIV в. Они изготовлены из медного сплава в технике литья. Формы оформления разнообразные: прямоконечные, криноконечные, круглоконечные с выемчатой эмалью, с крестообразными концами, односторонние и двусторонние (рис. 1: 1–6). Также обнаружен равносторонний крест, изготовленный из янтаря (рис. 1: 7).

Один из видов крестов, обнаруженных на Водянском городище, – это энколпионы, состоящие из двух половинок, соединенных между собой. В 1974 г. найден обломок лицевой створки, на которой видна рука распятого

Христа и на конце лопасти – поясная фигура, по-видимому, Богоматери, в круге (Полубояринова, 1978, с. 81). В 2010 г. найден литой двустворчатый бронзовый крест-энколпион. На лицевой стороне створки энколпиона изображена рельефная фигура распятого Христа, а на оборотной створке – фигура стоящей Богоматери. Внутренняя сторона створок имеет углубление (рис. 1: 8). Качество их исполнения свидетельствует, что эти предметы отлиты в формах, сделанных по глиняным оттискам, возможно неоднократных, с уже готовых изделий.

Помимо нательных крестиков на Водянском городище в 1969 г. и 2005 г. обнаружены две литые бронзовые нательные иконы, имеющие сходную форму и сюжет. Иконы представляют собой довольно тонкие пластины подквадратной формы с полукруглым изображением небесного свода. В верхней части они снабжены небольшим округлым ушком для подвешивания. На лицевой стороне икон изображение обрамлено невысоким рельефным бордюром. Все изображения на лицевой стороне кроме монограммы Христа, даны в невысоком, но достаточно четком рельефе. В центральной части помещено изображение распятия на восьмиконечном кресте. Справа от распятия имеется изображение коленопреклоненного Иоанна Крестителя, а слева – изображение коленопреклоненной Богоматери (Полубояринова, 1978, с. 83). На оборотной стороне иконы 2005 г., в отличие от экземпляра, найденного в 1969 г., имеется контурное изображение креста со слегка

расширяющимися концами, выполненное чеканом (рис. 1: 10). В 1972 г. была найдена маленькая прямоугольная стеклянная икона с изображением святого Николая. Рисунок не очень четкий, но позволяет предположить, что святой представлен с благословляющей правой рукой и с Евангелием – в левой. Этот иконографический тип часто встречается в русских древностях. Наиболее интересны в качестве аналогий две стеклянные иконки с изображением святого Николая, найденные в Москве в слое второй половины XIV в. (Полубояринова, 1978, с. 84).

К предметам христианского культа с Водянского городища также можно отнести находку каменной формы для отливки крестовидной подвески, имеющей аналогии в древностях Старой Рязани (Монгайт, 1955, с. 179).

Таким образом, погребальный обряд христианского кладбища на Водянском городище повторяет традиции погребальной обрядности средневековой Руси. Наличие достаточно большого количества предметов христианского культа личного благочестия свидетельствует о достаточно высокой степени распространения христианства в среде русского населения Водянского городища. Это еще раз свидетельствует о том, что переселенное из русских княжеств население сохранило свои религиозные и духовные традиции. Отдельные элементы погребального ритуала (например, положение рук, наличие огораживающих предметов в виде камней, обертывание берестой) связаны с пережитками язычества и наличием межэтнических контактов.

ЛИТЕРАТУРА

- Кочкина А.Ф. Малорязанское II селище – русский поселок золотоордынского времени на Самарской Луке // «Среднее Поволжье в контексте средневековой российской истории: на перекрестке культур (конец XIII–XVI в.)»: Материалы научно-практической конференции. Самара: Офорт, 2012. С. 107–128.
- Лапшин А.С., Мыськов Е.П. Исследования на Водянском городище в 2009–2010 гг. Волгоград: Царицынская полиграфическая компания, 2011. 174 с.
- Лапшин А.С., Мыськов Е.П. Исследования на Водянском городище в 2011–2012 гг. М.: Перо, 2013. 216 с.
- Мусин А.Е. Христианизация Новгородской земли в XI–XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. 269 с.
- Монгайт А.Л. Старая Рязань / МИА. № 49. М.: АН СССР. 1955. 232 с.
- Мыськов Е.П. Отчет о раскопках Водянского городища, проведенных экспедициями Казанского университета и Волгоградского пединститута в 1989 г. Волгоград, 1990 / Фонды ВОКМ № 62, 62а.
- Мыськов Е.П. Отчет о работе Волго–Ахтубинской археологической экспедиции Волгоградского государственного педагогического университета в 1996 году. Волгоград, 1996 / Фонды ВОКМ № 134.
- Мыськов Е.П. Отчет о работе Волго–Ахтубинской археологической экспедиции Волгоградского государственного педагогического университета в 1999 году. Волгоград, 2000 / Фонды ВОКМ № 144.
- Мыськов Е.П. Русское кладбище Водянского городища // Нижневолжский археологический вестник. 2001. Вып. 4. Волгоград. С. 123–135.

Мыськов Е.П. Русское население Водянского городища // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия: материалы III Международной Нижневолжской археологической конференции (г. Астрахань, 18–21 октября 2010 г.). Астрахань: Астраханский государственный университет, 2010. С. 319–324.

Панова Т.Д. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI вв. М.: Радунница, 2004. 184 с.

Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М. Наука. 1978. 135 с.

Федоров–Давыдов Г.А., Булатов Н.М., Вайнер И.С., Галкин Л.Л., Егоров В.Л., Мухамадиев А.Г. Раскопки Золотоордынских городов на Ахтубе. 1968 г. / Фонды ВОКМ № 26.

Информация об авторах:

Лапшин Андрей Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент, Волгоградский государственный социально–педагогический университет (г. Волгоград, Россия); alapsh@mail.ru

Лапшина Ирина Юрьевна, кандидат исторических наук, заведующий отделом археологии, Волгоградский областной краеведческий музей (г. Волгоград, Россия); lapshina.vokm@mail.ru

THE FUNERAL CEREMONY AND THE SUBJECTS OF CHRISTIAN CULT OF RUSSIAN POPULATION AT VODYANSKY SETTLEMENT IN XIV CENTURY

A. S. Lapshin, I. Yu. Lapshina

The article deals with the features of the construction of medieval plain walled-towns in Primorye using the example of the site Koksharovka–1. On the one hand, on the Koksharovka–1 walled-town is observed influence of the traditions of Chinese town–planning, expressed in the main principles of the planning of medieval towns: the use of axial symmetry and strict orientation in the cardinal directions, and the placement of administrative buildings in the northern part of the site. On the other hand, some distinctive features have been revealed in the configuration and internal structure of the site, the unusual fortification construction and architectural objects that distinguish it from other known plain walled-towns in Primorye. Based on the data of archaeological and geological–geophysical research, the authors make suggestion that these features are conditioned by the specificity of the landscape and climate, and also the use by people both the traditional canons and their own building skills in town–planning practice.

Keywords: Koksharovka–1 walled-town, Primorye, early medieval epoch, post-Bohai time, planning-town.

About the Authors:

Lapshin Andrey S., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Volgograd State Social-Pedagogical University, Av. V.I. Lenin, 27, Volgograd, Russian Federation; alapsh@mail.ru

Lapshina Irina Yu., Candidate of Historical Sciences, Volgograd Regional Museum, Av. V.I. Lenin, 7, Volgograd, Russian Federation; lapshina.vokm@mail.ru

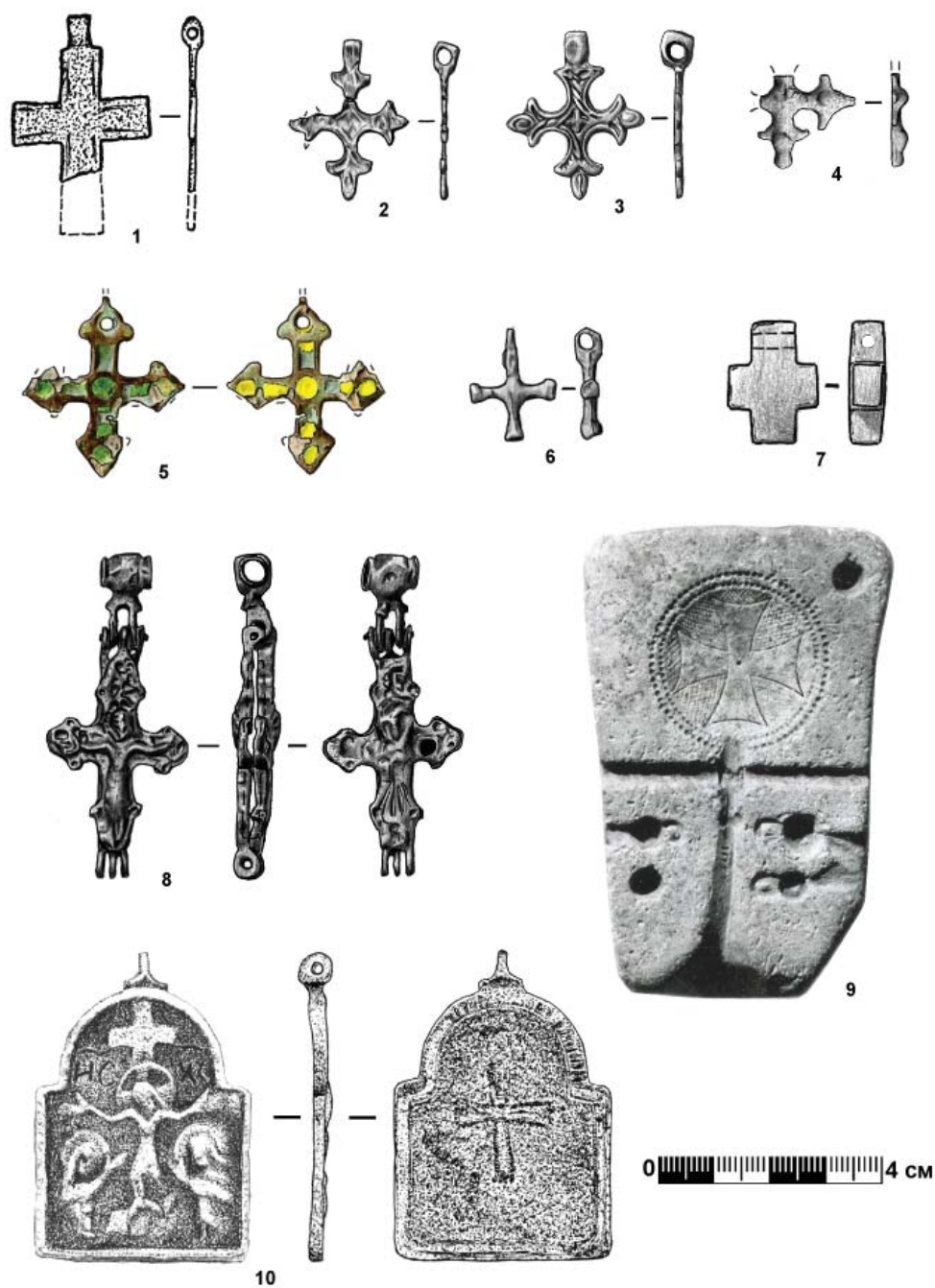

Рис. 1. Нательные кресты (1–8), литейная форма (9) и бронзовая икона (10) с Водянского городища.
 1 – раскоп I–93; 2, 5 – раскоп I–12; 3, 4 – раскоп I–14; 6 – раскоп I–13; 7, 8 – подъемный материал, раскоп I–12; 9 – подъемный материал, 1974 г.; 10 – раскоп I–05.

УДК 902.26/904

АЗАК И ЕГО ОКРУГА В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ ИХ СУЩЕСТВОВАНИЯ. ПРОБЛЕМЫ ЗАРОЖДЕНИЯ И РОСТА ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ГОРОДОВ

© 2018 г. А. Н. Масловский

В статье рассматриваются материалы, полученные в ходе исследований Азака и его округа, которые могут быть датированы периодом третьей четверти XIII – первой четверти XIV вв. Выделяется три хронологических фазы, каждая из которых может быть охарактеризована на основании материалов из закрытых комплексов. На первом этапе в середине XIII в. развитие сети сельских поселений в низовьях Дона опережает развитие Азака. Некоторые из них на первом этапе сопоставимы или даже превышают его по площади. Большая часть поселений возникает уже к началу XIV в. Делается вывод о том, что наиболее бурный рост города происходит в период правления хана Токты. В начальный же период правления хана Узбека развитие города замедляется. К 1325 г. складывается структура городских районов и формирование уличной сети. В методологическом отношении немаловажным представляется то, что развитие города заметно опережает развитие монетного обращения в особенности мелкого. В большинстве комплексов монеты или вовсе отсутствуют или представлены единичными находками. Даже в хорошо изученном Азаке следы первого периода его жизни теряются на фоне многочисленных материалов периода правления ханов Узбека – Джанибека. Фаза роста оказывается плохо документированной вследствие того, что основная часть материалов выпадает в периоды перепланировок, а интенсивное выпадение находок в слой начинается с началом кризисных явлений.

Ключевые слова: археология, Азак, Золотая Орда, Дон, город, поселение, округа.

Одной из самых интригующих тем золотоордынской археологии является формирование городских центров. В литературе можно встретить клише о том, что культурный слой золотоордынских городов датируется не ранее 1330-х гг. Это правомерно в том смысле, что именно тогда окончательно формируется такое явление, как золотоордынский город. Но как шло их развитие на протяжении 1260–1320 гг.? По мнению некоторых исследователей: «нигде до сих пор не выявлена стадия «предгорода» и соответственно не прослежена «эволюция золотоордынского города с момента основания до превращения в полноценное городское поселение» (Зиливинская, Васильев, 2016, с. 636–637), то есть белым пятном остается почти половина всего периода их существования. Создана целая серия периодизаций истории городов Золотой Орды (Егоров, 1985, с. 76–78; Блохин, Яворская, 2006, с. 40–44; Крамаровский, 2009, с. 576–577; Зеленева, 2010, с. 115–116; Недашковский, 2010, с. 225). Они вполне логичны, но базируются главным образом на общих соображениях и данных нумизматики. Археологические материалы, по крайней мере, при выделении и характеристике ранних этапов жизни золотоордынских городов практически не используются. Но при этом постулируется их немногочисленность в XIII в. и расцвет в

связи с политикой хана Узбека (Зиливинская, Васильев, 2016, с. 639).

Все подобные построения и выводы представляются преждевременными. Только анализ археологических материалов представит возможность изучить этот начальный период жизни городов Золотой Орды, и он пока не осуществлен. Ситуация здесь не столь тупиковая, как это представляется некоторым авторам. Раннезолотоордынский слой выделен в Болгаре. Интересные материалы XIII в. получены при раскопках Укека (Кубанкин, 2012). Материалы интересующего нас времени встречены на Водянском городище (Мыськов, 2001, с. 252–255), где мы как раз видим яркий пример стадии «предгорода». Несомненно, существование в XIII в. Красноярского городища, некрополем которого является известный Маячный бугор (Пигарев, 2016).

В Причерноморье материалы интересующего нас периода встречены помимо Азака на целом ряде памятников (Волков, 2005; Масловский, 2009; Жеребилов, Масловский, 2016), что позволяет, прежде всего, определить, какие собственно керамические импорты нам следует искать, чтобы опознать интересующие нас комплексы.

В Азаке исследования были проведены уже примерно на 400 участках, рассеян-

ных почти по всей площади городища, что делает его наиболее полно исследованным городским памятником Золотой Орды. Хотя материалы XIII в. выделены здесь достаточно давно, опубликована только малая их часть (Белинский, Масловский, 2007, с. 325–328). В нашем распоряжении несколько десятков закрытых комплексов и некоторое число отдельных находок, в т. ч. переотложенных. Слой этого времени не выделяется, что, на мой взгляд, объясняется не низкой интенсивностью жизни, а отсутствием свалки мусора в пределах жилой застройки.

Первый период в истории Азака можно датировать 1250–1260 гг. Маркерами для выделения материалов этого времени служат: значительный процент амфор группы клейма SSS и византийская поливная керамика, характерная для поселения Семеновской крепости (Волков, 2005, с. 136–137). На настоящий момент выделено только два закрытых комплекса, могильник и некоторое количество единичных обломков поливных чаш (рис. 1). Возможно, к этому периоду следует отнести появление плохо изученного гончарного района у перекрестка улиц Ленинградской и Щорса. В числе переселенцев – представители северокавказских народов и русские. Площадь поселения не превышала несколько га. Одновременно с ним в низовьях Дона и на берегу Азовского моря возникает еще несколько десятков поселков. Часть из них (Пешково, Новомаргаритовское, Платоно-Петровка I) определенно превышали его по площади. Перед нами догородская фаза существования Азака.

Очевидно, что одномоментное формирование поселенческой сети в результате переселения сюда людей из других регионов могло произойти только в результате административных решений. Население города, судя по высокому проценту амфор, было вовлечено в активные торговые контакты. Однако осуществлялись они не в одном пункте, т. е. никакое поселение в низовьях Дона в это время не выступало в качестве экономического или административного центра.

Собственно, история Азака как города начинается около 1269 г., когда он впервые упоминается в письменных источниках (Карпов, 1997, с. 14). Маркерами для выделения материалов первого периода его жизни, выступают единичные находки амфор группы клейма SSS, византийская поливная керамика, поступавшая из нескольких новых центров, а также неорнаментированная поливная

керамика из Юго-Восточного Крыма, почти полное отсутствие керамики местного производства и др. Датировать этот период можно 1270–1290 годами. Это, впрочем, базируется главным образом на предположении о прекращении поступления амфор группы клейма SSS в Северное Причерноморье к 1290 г., что пока недостаточно подкреплено эмпирическими данными.

Выявлено несколько десятков закрытых комплексов. Большая их часть тяготеет к узкой полосе вдоль края коренного берега Дона, от улицы Фрунзе до пер. Красноармейский (рис. 1). Впрочем, отдельные усадьбы находятся на значительном удалении. На южной границе этого раннего города возникают два могильника, а на западной окраине появляется гончарный район. Уже в это время выделяется полоса, вытянутая от реки в южном направлении к востоку от городского некрополя, с более плотной застройкой и более богатым населением. Начинается монетное обращение, в т. ч. меди (Белинский, Масловский, 2007, с. 325, 327), хотя, видимо, в ограниченном масштабе, т. к. в большинстве хозяйственных ям монеты отсутствуют. Среди горожан появляется армянская община. Площадь города к концу периода составляла ориентировочно 50 га.

Второй период жизни города примерно совпадает со временем правления Токты и первыми годами правления Узбека (1290–1315 гг.). В нашем распоряжении есть комплексы с монетами чеканки 1313–1315 гг., что дает надежные реперы для выделения материалов этого периода. Естественно, четко отделить их от предшествующих комплексов, особенно при небольшом числе находок в них, проблематично. В целом они отличаются заметным увеличением доли керамики местного производства. Появляется местная полива. Увеличивается процент изделий из городов Юго-Восточного Крыма. Среди византийской поливы начинает преобладать продукция одного центра (группа 14А).

Появляется цепочка могильников, опоясывающих город почти по всему периметру (рис. 2). Возникнуть она могла только в результате административных решений и создавалась, так сказать, на «вырост», но уже к началу правления Узбека город на отдельных участках вышел за ее пределы. Эта дуга могильников большей частью совпадает с границами центрального городского района. В этот же контур оказался вписан и аристократический район, который первоначально, очевидно, занимал участок между централь-

ным городским некрополем и дугой из небольших кладбищ. Возникает третий гончарный район, также быстро оказавшийся в окружении жилых кварталов и заброшенный уже в первые годы правления хана Узбека.

Площадь города к концу правления Токты составила около 200 га, т.е. увеличилась примерно в 4 раза. Несмотря на сложности с определением времени возникновения улиц, в двух случаях удалось зафиксировать то, что они были проложены поверх комплексов, заброшенных в первые годы правления Узбека, то есть, несмотря на большие размеры, в Азаке времен Токты сеть улиц окончательно не сформировалась.

В дальнейшем, в период правления Узбека город продолжил свой рост, увеличившись еще в 2,5 раза. Но это увеличение происходило за счет окраин с меньшей плотностью застройки. Следовательно, рост населения также замедлился.

Имеющиеся на настоящий момент данные позволяют прийти к следующим выводам. 1. Возникновению города предшествовал короткий предгородской период, когда шло активное переселение в низовья Дона оседлого населения и будущий город не выделялся среди других поселений. 2. Рост города шел достаточно интенсивно уже в период 1270–1290 гг., но наиболее активно

– в период правления Токты, когда оказалась полностью застроена территория городского центра. Узбеку достался уже сформировавшийся город, хотя его расширение и благоустройство активно шли и в период его правления. 3. Азак формировался не вокруг ставок кочевых аристократов. Аристократические усадьбы занимают периферийное положение и появляются довольно поздно. 4. В первые десятилетия существования города выходцы из кочевой степи в нем незаметны. 5. Монетное обращение возникает и получает распространение далеко не сразу, и ориентироваться только на монетные находки при изучении ранней истории городов Золотой Орды не следует. 6. Даже на хорошо исследованном памятнике выделение ранних материалов дело нелегкое, поскольку слой нарастал крайне медленно, а закрытые комплексы выпадали главным образом при перепланировках.

Не думаю, что результаты изучения Азака следует экстраполировать на все золотоордынские памятники. Но исследования одного из крупнейших провинциальных центров указывают на то, что прежде чем строить широкие обобщения для всех золотоордынских городов, целесообразно было бы провести подобную работу на ряде памятников, и, прежде всего, выделить эти самые ранние материалы.

ЛИТЕРАТУРА

Белинский И.В., Масловский А.Н. Три закрытых комплекса из раскопок золотоордынского Азака // Средневековые древности Дона: Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. II / Отв. ред. Ю.К. Гугуев. Москва/Иерусалим: Гешарим, 2007. С. 325–344.

Блохин В.Г., Яворская Л.В. Археология золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Волгоград: ВолГУ, 2006. 268 с.

Волков И.В. Поливная керамика комплекса Кабарди (1240–1260) // Поливная керамика и Причерноморья X–XVIII вв. / Ред С.Г. Бочаров, В.Л. Мыщ. Киев: Издательский дом «Стилос», 2005. С. 122–159.

Волков И.В. Ранние монеты чеканки Азака // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2006 г. Вып.23. / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Издательство Азовского музея-заповедника, 2008. С. 425–477.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 245 с.

Жеребилов С.Е., Масловский А.Н. Керамический комплекс поселения Железнодорожный II (Западное Закубанье, долина р. Адагум) (XIII–XIV вв.) // Археология Евразийских степей. Вып.23. / Ред. Ю.Д. Обухов. Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2016. С. 10–15.

Зеленев Ю.А. Золотоордынские города Поволжья: возникновение, время существования и этнокультурная характеристика // История и современность. 2010. №1. С. 113–122

Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В. Города Золотой Орды // Золотая Орда в мировой истории. / Отв. ред. И. Миргалеев, Р. Хаутала. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. С. 633–664.

Карпов С.П. Когда и как возникла Тана? (О происхождении итальянской фактории на византийской окраине) // Византийский временник. Том. 57(82) / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М.: Индрик, 1997. С. 5–18.

Крамаровский М.Г. Город и городская жизнь в Золотой Орде // История татар с древнейших времён (в семи томах). Том. III. Улус Джучи (Золотая Орда) XIII – середина XV в. / Ред. М. Усманов. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 567–589.

Кубанкин Д.А. Некоторые находки из раскопок на Увекском городище в 2010–2011 гг. (предварительное сообщение) // Археологическое наследие Саратовского края. Вып.10. / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: Научная книга, 2012. С. 141–151.

Масловский А.Н. Керамический комплекс поселения Мартышкина балка (Койсугское) (вторая половина XIII в.) // Вестник Южного научного центра. 2009. Том.5. №3. С. 59–68.

Мыськов Е.П. Русский поселок и русский квартал Водянского городища // Материалы по археологии Волго–Донских степей. Вып.1. / Отв. ред. И.В. Сергацков. Волгоград: Издательство ВГУ, 2001. С. 250–267.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. М.: «Восточная литература», 2010. 351 с.

Пигарёв Е.М. Красноярское городище – этапы развития // Материалы Первого Маджарского археологического форума/ Археология Евразийских степей. Вып.23. / Ред. Ю.Д. Обухов. Казань: Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; Издательский дом «Казанская недвижимость», 2016. С. 45–48.

Информация об авторе:

Масловский Андрей Николаевич, кандидат исторических наук, заведующий отделом, Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник (г. Азов, Россия); maslovskiazak@mail.ru

AZAQ AND ITS OUTSKIRTS IN THE FIRST DECADES OF EXISTENCE. ISSUES OF ESTABLISHMENT AND GROWTH OF GOLDEN HORDE TOWNS

A. N. Maslovsky

The article considers the materials obtained during the study of Azaq and his outskirts possibly dating back to the 3rd quarter of the 13th – the 1st quarter of the 14th centuries. The authors distinguish three chronological phases, with each of them characterized on the basis of materials from closed archaeological complexes. At the first stage, in the middle of the 13th century, the growth of Azaq was surpassed by the development of a rural settlement network in the lower reaches of the Don. Some of them were comparable or even greater than Azaq in terms of area at the early stage of development. Most of the settlements emerged as early as in the beginning of the 14th century. The authors conclude that the most rapid growth of the town occurred during the reign of Khan Tokhta. The town developed less rapidly in the initial period of Uzbek's rule. The structure of urban districts and a street network developed by 1325. In terms of methodology, of great importance is that the development of the city was significantly ahead of the development of monetary circulation, particularly its coin variation. Coins are absent in most of the complexes, or represented by single findings. Even in thoroughly studied Azaq, traces of the first period of existence vanish due to the numerous materials corresponding to the period of Uzbek's and Janibek's reign. The growth phase is insufficiently documented due to the fact that most of the materials are deposited in the periods of architectural replanning, and intensive deposition of findings in the layer begins with the onset of crisis phenomena.

Keywords: archaeology, Azaq, the Golden Horde, Don, town, settlement, neighbouring area.

About the Author:

Maslovsky Andrey N. Candidate of Historical Sciences. Azov History, Archaeology and Paleontology Museum-Reserve. Moskovskaya St., 38/40, Azov, 346780, Russian Federation; maslovskiazak@mail.ru

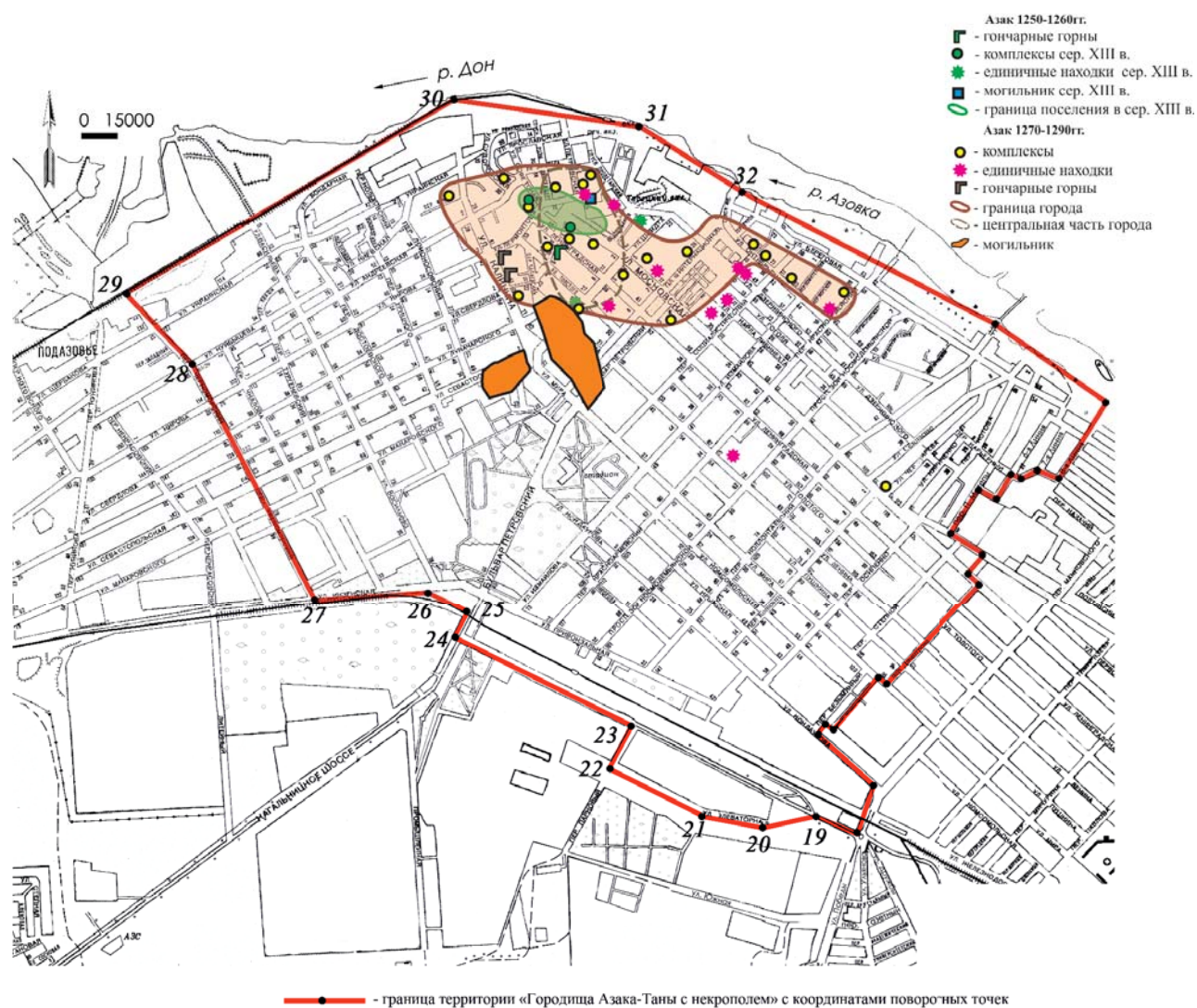

Рис. 1. Азак в 1250 – 1290 гг.

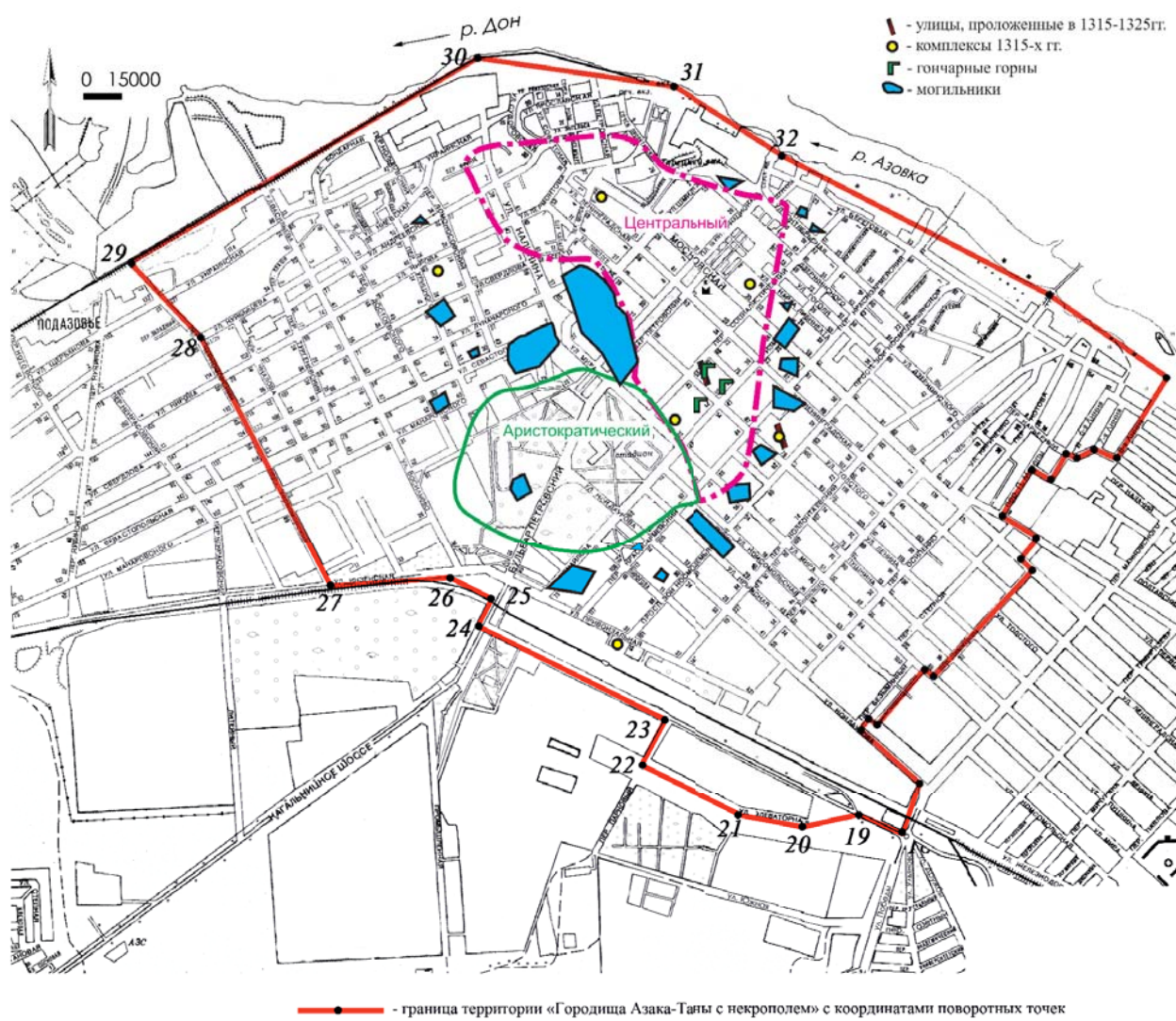

Рис. 2. Азак в 1290 – 1315 гг.

УДК 902.26/904

МУСУЛЬМАНСКИЕ ПАМЯТНИКИ БАХЧИСАРАЯ И ОКРУГИ В ОПИСАНИИ А.С. УВАРОВА

© 2018 г. Ю. М. Могаричев

А.С. Уваровым в рамках большого проекта «Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря» планировался обзор археологических памятников Горного Крыма. Данный труд остался незавершенным. Рукопись ныне храниться в Отделе письменных источников ГИМа. Основное внимание А.С. Уваров уделял античным и христианским памятникам. При этом, не обошел он вниманием и ряд мусульманских объектов, в частности расположенных в Бахчисарае и его округе. О Бахчисарайском ханском дворце граф упоминает вскользь. Более подробно он описывает мавзолей Менгли-Гирея в Салачике. Особое внимание А.С. Уварова на Чуфут-Кале привлекло дюрбе Джанике-Ханым – дочери Тохтамыща, умершей в 1437 г. Это один из самых ранних подробных обзоров этого памятника золотоордынского времени. А.С. Уваров анализирует строительную историю дюрбе, его место в системе золотоордынских объектов юго-западного Крыма, местные легенды, связанные с мавзолеем. В целом уваровское представление о памятнике близко к взглядам современных исследователей.

Ключевые слова: Крым, Золотая Орда, Салачик, Чуфут-Кале, дюрбе, А.С. Уваров.

В 1848 г. на Юг России по поручению Комиссии Петербургского археолого-нумизматического общества в научную археологическую поездку отправился граф А.С. Уваров. Путешествие осуществлялось в рамках проекта «Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря». Впоследствии по результатам экспедиции было опубликовано два выпуска трудов (1851 и 1856 гг.). Также был издан том иллюстраций (1853 г.). В рамках указанного проекта А.С. Уваровым планировался научный очерк об археологических памятниках Горного Крыма, в первую очередь, «пещерных городах», который должен было войти в третий выпуск (Тункина, 1996, с. 165–166). Однако данный труд остался незавершенным. Рукопись ныне хранится в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ГИМ) (Уваров, Архив ГИМ).

По поручению А.С. Уварова, сопровождавшим его художником М. Вебелем, было сделано несколько рисунков, составивших так называемый «Неизданный альбом Уварова» (Тункина, 1996, с. 167). В настоящей работе мы приводим помещенные там изображения мавзолеев Менгли-Гирея (рис. 1) и Джанике-ханым (рис. 2).

А.С. Уваров, в первую очередь, известен как исследователь античных и христианских памятников Юга России (Тункина, 1996). При подготовке рукописи исследователь обратил внимание и на ряд мусульманских памятников, в первую очередь, расположенных в Бахчисарае и его округе.

Бахчисарай А.С. Уваров описывает кратко: «Бахчисарай столько раз был описан, что это место одно из известнейших всего Крымского полуострова. Нам остается только обратить внимание на некоторые археологические памятники, или не довольно еще объясненные, или не представленные в надлежащем значении (Вставка на полях. – Авт. «При Ханах, в самом Бахчисарайском дворце находился монетный двор, на котором чеканили мелкие монеты, называемые бесчелик») (Уваров, Архив ГИМ, л. 46 об). Вероятно, информация о монетном дворе в Хан Сарае заимствована Уваровым у французского путешественника Обри де ля Мотре, побывавшего в Крыму в 1711 г. (Путешествие, 2006, с. 184–187). «Хан повелел чеканить в пределах дворца мелкую монету под названием «бесчелик» достоинством в 5 аспров» (Путешествие, 2006, с. 190). На сочинение Мотре граф несколько раз ссылается в рукописи.

В предместье Бахчисарая – Салачике – А.С. Уваров сконцентрировал внимание на дюрбе Менгли-Гирея, при этом, умолчав о другом, не менее известном объекте – Зинджерлы-Медресе (Герцен, Могаричев, 2016, с. 23). «При самом начале ущелья возвышается памятник, известный под именем гробницы Менгли-Гирея ... Большие ворота в мавританском стиле (слово неразборчиво. – Авт.) ведут в преддверие, по обеим сторонам его находятся углубленные места или махарабы, в которых становится Мулла. Дверь, ведущая в самую гробницу изукрашена надписями и узорами, в ряды пересекающимися прямыми шестиугольниками разной величины. Грани

самого здания украшены во всю величину жгутами. Крыша теперь покрыта черепицей, но имела, вероятно, другую форму, была соответствующей богатству остального здания. Вероятно, что глава украшалась полумесяцем и осеяла здание. Во 2 томе Записок Одесского общества изданы были все Бахчисарайские надписи (Бахчисарайские арабские и турецкие надписи, 1850. – Авт.), в том числе и надпись, иссеченная на дверях этой гробницы (Бахчисарайские арабские и турецкие надписи, 1850, с. 526 – Авт.), но не упомянуто о надписи, идущей в круге самой двери. На двери написано: «Эту священную, покойную и красивую гробницу приказал соорудить Великий Хан, знаменитый Хакан, повелитель мира Менгли-Гирей-Хан, сын Хаджи-Гирей-Хана 907 (1501 от Р.Х.)». Мы видим, что эта надпись не говорит нам, кому предназначалась эта гробница; полагают, что Менгли-Гирей выстроил ее для своего отца Хаджи-Гирея. Год назначенный 907 неправилен, ибо Менгли-Гирей умер в (вставка на полях «исследовать время его царствования»)» (Уваров, Архив ГИМ, л. 47–47 об).

Среди памятников Чуфут-кале наибольшее впечатление на исследователя произвело дюрбе Джанике-ханым: «1437 или 1438. Между жителями Чуфут-кале живо сохранилось предание о дочери Тохтамыша, Ненекеджан ханым. Гробница ее, есть одна из красивейших, скажу даже великолепнейших зданий всего города ... Оно рассказывает, что Ненекеджан ханым влюбилась в какого-то Генуэзского дворянина, но, так как отец не согласился на их брак, то она убежала и искала убежища в крепости Кырккор. Тохтамыш отправил за ними целый отряд, но который не мог взять город. Некоторое время спустя, Генуэзец, обманом отдал ее в руки Татар и был убит. Ненекеджан в отчаянии бросилась с крепостных стен. Тохтамыш воздвигнул ей этот памятник. В этом предании, наверное, основа истинная, но приукрашенная восточным воображением. Памятник дочери Тохтамыша обращен выходом к северо-западу и выстроен весь из белого песчаного камня. По обеим сторонам дверей

выдаются две стены каждая с оси были маха-рабами. Дверь украшена изречениями из Алкорана, а обе стены у входа резными витыми украшениями, высеченными из камня. Судя по несообразности, существующей между рисунками, в особенности в длине их, и по черепичной крыше, явным образом видно, что памятник сильно пострадал со стороны главного входа. Внутренний его фасад походил на фасад памятника Менгли-гирея и, может быть, служил ему образцом. Предание, рассказанное выше, старается даже объяснить и свою пользу арабески, покрывающие этот памятник. На обеих выдающихся стенах находятся длинные четырехугольные узоры, кончающиеся в самом низу витыми украшениями сердцевидно. Народ говорит, что эти два украшения должны представлять пылающие сердца и относиться к истории Ненекеджан-ханым. Основание памятника прикрыто скопившеюся землею и разными остатками развалин. Отделка всего этого здания не принадлежит нам кажется Татарскому зодчеству, а принадлежит, вероятно, европейским художникам, подражавшим восточной архитектуре. Когда сравнивают это здание с гробницей Менгли-Гирея, то легко заметить, что памятник дочери Тохтамыша удаляется от чисто восточной архитектуры. Из сравнения этих двух зданий, видно, что в этом последнем не достает всей верхней части преддверия, большая удобная лестница напоминает греческие храмы» (Уваров, Архив ГИМ, л. 58–59 об). Замечание А.С. Уварова об архитектурных особенностях памятника верное. Он застал дюрбе не в первоначальном виде. Н.Н. Мурзакевич в 1836 г. писал, что памятник был до половины разрушен. В 1845 г. Новороссийский генерал-губернатор М.С. Воронцов помог получить средства на ремонт мавзолея. В результате ремонта была восстановлена верхняя часть стен, смонтирована шатровая черепичная крыша, стены внутри здания оштукатурены, изготовлены двери и оконный переплет. Таким образом, А.С. Уваров видел уже «отреставрированный» памятник, который частично утратил свой первоначальный вид.

ЛИТЕРАТУРА

Бахчисарайские турецкие и арабские надписи // Записки Одесского общества истории и древностей. № 2. Отд. I – III. Одесса, 1848. С. 489–528.

Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Кырк-ер–Чуфут–Кале. Крепость на краю седьмого климата. Симферополь: Антиква, 2016. 312 с.

Путешествие г–на О. де ля Мотре по Европе, Азии и Африке. / Пред., ком. И.И. Вдовиченко // Историческое наследие Крыма. № 12–13. Симферополь, 2005. С. 184–207.

Тункина И.В. Уваров и древности Южной России (конец 1840-х – начало 1850-х гг.). // Погибшие святыни. Охраняется государством. Четвертая Российская научно-практическая конференция. СПб., 1996. С. 163–181.

Уваров А.С. Жители Таврических гор. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря / Архив Отдела письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 196. Л. 18 об.–84.

Информация об авторе:

Могаричев Юрий Миронович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой социального и гуманитарного образования, Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования (г. Симферополь, Россия); mogara@rambler.ru

THE MUSLIM MONUMENTS OF BAKHCHISARAY AND AT THE AREA IN THE DESCRIPTION OF A.S. UVAROV

Yu. M. Mogarichev

A.S. Uvarov in the frame of big project “Studies on antiquities of Southern Russia and Black Sea Coasts” planned to make a review of archeological sites of the Mountain Crimea. That work remains unfinished. The manuscript is currently held by State Historical Museum, at the department of manuscripts and early printed books. A.S. Uvarov mainly emphasized the Christian and Antique monuments. However, he didn't lose sight also several Muslim objects, in particular situated in Bakhchisaray and at the area. He briefly mentioned the Khan palace. In detail, he described mausoleum of Mengli Giray in Salachik. On the Chufut-Kale, he emphasized the durbe of Dzhaniye-Hanim – daughter of Tokhtamysh, died in 1437. This is one of the earliest review of that monument of Golden Horde time. A.S. Uvarov analyzed history of construction of the Durbe, it's place in system of Golden Horde monuments of southwest Crimea and local legends connected with mausoleum. In general, Uvarov's perception of the monument is close to views of the modern researchers.

Keywords: Crimea, Golden Horde, Salachik, Chufut-Kale, Durbe, A.S. Uvarov.

About the Author:

Mogarichev Yuriy M. Doctor of Historical Sciences. Professor, Crimean Republican Institute of Postgraduate Pedagogical Education. Lenin St., 15, Simferopol, 295001, Russian Federation; mogara@rambler.ru

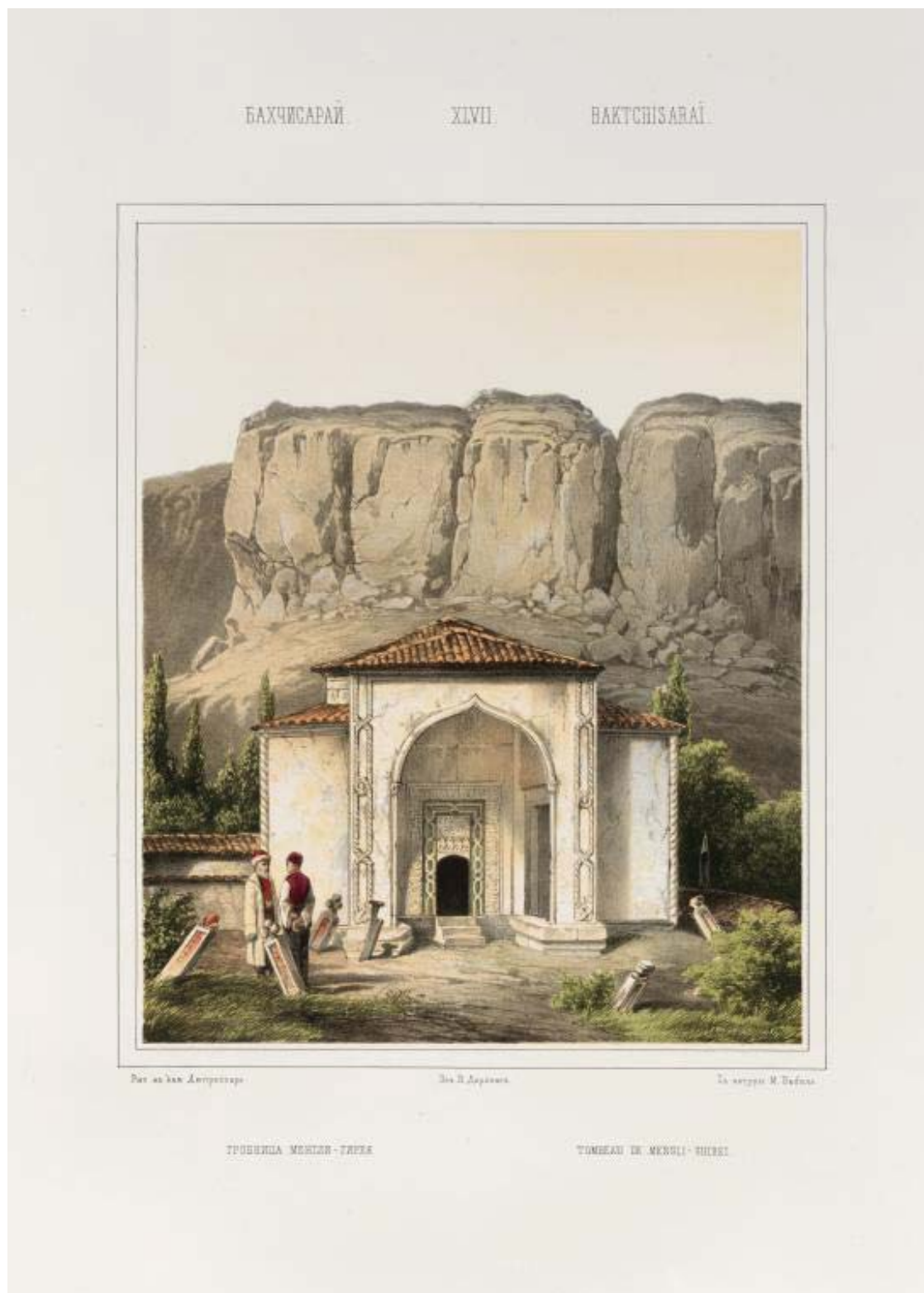

Рис. 1. Салачик. Мавзолей Менгли–Гирея. Из неизданного альбома А.С. Уварова. 1848 г.

Рис. 2. Чуфут-кале. Мавзолей Джанике-ханым. Из неизданного альбома А.С. Уварова. 1848.

УДК 902/904

АЛУШТА В ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ПЕРИОД

© 2018 г. В. Л. Мыц

Письменные источники и материалы археологических исследований 1984–1994 гг. позволили выделить в истории Алушты период её вхождения в состав Крымского улуса Золотой Орды. Хронологически это время определяется в пределах 1278–1365 гг. Данный период отмечен существенными новациями в составе материальной культуры: появление монетных номиналов Орды (пулов, диргемов, соммо), художественной поливной керамики (как экспорта, так и местного производства), разнообразных украшений. В слоях рубежа XIII–XIV и XIV–XV вв. обнаружены лепные и гончарные сосуды (хумы, фляги, горшки, кувшины) ранее не встречавшиеся на памятнике. Это указывает на появление в Алуште нового (адыгского?) населения, прибывшего с Северного Кавказа. На исследованной территории Алушты в 3600 кв.м открыто более 100 помещений XIII–XV вв. В семи из них выявлены слои локальных пожаров 60–80-х гг. XIV в. При этом только три помещения не были восстановлены. На протяжении 1365–1386 гг. идёт борьба между генуэзцами и татарами за побережье Готии, которая вместе с Алуштой входит в состав Генуэзской Газарии по договору 1387 г. Кроме того, в 1384 г. (и на протяжении десятилетия) вспыхивают распри между православными иерархами Готии, Сугдеи и Херсона за право сбора каноникона с населения ряда приходов приморской Готии. Вероятно с этими событиями связаны пожары второй половины XIV в. на территории Алушты.

Ключевые слова: Таврика, Готия, Алушта, Золотая Орда, Генуэзская Газария, XIII–XIV вв., керамические комплексы

Завоевание монголами византийской Таврики проходило в три этапа. Первоначально (в 1223 и 1239 г.) они ограничивались кратковременными набегами на восточную часть полуострова, где находился богатый торговый город Сугдея. В 1249 г. «чисельниками» производится перепись податного населения Сугдеи, что указывает на установление даннических отношений местного населения с монголами. Это подтверждает и Гильом Рубрук, посетивший Солдаю в мае 1253 г. Однако в 1278 г. Сугдея и Крымская Готия подвергаются монгольскому разгрому. Следы тотальных пожаров 70-х (или 90-х?) гг. XIII в. выявлены на памятниках поздневизантийской Таврики, на которых осуществлялись археологические исследования (Херсон, Эски-Кермен, Мангуп, Сюйрен, Тепе-Кермен, Бакла, Исар-Кая и др.). Судьбу городов Крымской Готии разделили Алустон (Луста) (Мыц, 2016, с. 69–101, рис. 1–20).

Имеющиеся свидетельства письменных источников и материалы археологических исследований позволяют выделить в истории Алушты период её вхождения в состав Крымского улуса Золотой Орды. Хронологически это время условно определяется в пределах 1278–1365 гг. Несмотря на относительно короткий период, он отмечен существенными новациями в составе материальной культуры. Прежде всего, это касается появления монетных ордынских номиналов (пулов, диргемов и соммо), художественной поливной посуды

(как экспорта, так и местного производства (Тесленко, 2005, с. 324–348), разнообразных украшений (ярким примером служат материалы алуштинских могильников).

Кроме того, в слоях рубежа XIII–XIV в. и XIV–XV вв. обнаружены лепные коричневоглиняные сосуды (хумы, фляги, горшки, кувшины), ранее не встречавшиеся на памятнике. Это указывает на появление в Алуште нового населения, прибывшего с Кавказа (лазы, абхазы, адыги?) (Мыц, 2009, с. 217, рис. 104).

Следует отметить, что уже предпринимались попытки представить состав керамического комплекса Алушты золотоордынского периода. Наиболее полно этот вопрос освещен в недавно вышедшей работе «Комплекс керамики из раскопок усадьбы золотоордынского периода на территории средневекового городища в Алуште (Крым)» И.Б. Тесленко (Тесленко, 2017, с. 387–407). Автор проделала кропотливую работу по поиску и отбору в фондах Алуштинского музея керамических находок из моих раскопок 1986–1987 гг. средневекового городского дома XIV в., состоявшего якобы из трех помещений и «крытого двора» (Мыц, 1986, с. 14–16; Мыц, 1987). Тщательность поиска позволила выявить фрагмент (происходит из раскопок помещения 52 цитадели Алустона) уникального для Южного берега Крыма итальянского кувшина с росписью кобальтом и марганцем группы “Maiolica arcaica blu” (Faenza) XIV в.

(Тесленко, 2017, с. 403, рис. 15,14). На основании проведенного анализа И.Б. Тесленко пришла к заключению, что поливная керамика из усадьбы может быть отнесена ко второй четверти – последней трети XIV в. (Тесленко, 2017, с. 399).

Однако, уделяя большое внимание деталям морфологии керамического материала, И.Б. Тесленко упускает из виду ряд вопросов методологического характера, повлиявших на представленную историческую характеристику памятника. Во-первых, нет оснований называть Алушту («Лусту» латинских источников) 70-х гг. XIII – 70-х гг. XIV в. «городом», т.к. после татарского погрома 1278 г. оборонительные стены византийской цитадели более ста лет лежали в руинах, а других крепостных сооружений здесь попросту не было, то есть на протяжении всего золотордынского периода своей истории Луста оставалась открытым поселением. Генуэзцы, по-видимому, подчинив себе Лусту, как и другие селения («казали») приморской Готии в 1365 г., восстановили «каструм Лусты» (*castrum Luste*) только к 1386 г., когда «замок» впервые упоминается в массарии Каффы (Musso, 1968, р. 73), хотя еще в 1374 г. здесь отмечается местоположение лигурийского консула. А внешний периметр обороны Лусты генуэзцы, на территории которого находится дом XIV в., возводили дважды в 20-х и 60-х гг. XV в.

Во-вторых, на участке раскопок помещений №№ 39–41 выявлены следы трех последовательно залегающих слоев пожара XIII, XIV и XV в. В «открытом дворике» – пом. № 38 – на глиняном полу залегал один слой пожара, предположительно датированный в отчете 1986 г. (только по находкам амфор с дуговидными ручками и грушевидным туловом) XII–XIV вв. (Мыц, 1986, с. 14). Поэтому данное помещение следует исключить из строительного комплекса XIV в. Стены помещений №№ 39–41 были установлены на выровненном слое пожара XIII в. При этом на всю глубину (около 1,0 м) культурный слой (частично и стены) в трех помещениях (№№ 39–41) на протяжении 14 м прорезала траншея шириной 0,65–0,80 м, в которую были уложены канализационные трубы и установлен смотровой колодец с люком (размеры ямы 1,0×1,1 м). Таким образом, культурные отложения во всех трех помещениях оказались нарушенными и залежали в переотложенном состоянии. Обнаружение двух верхних слоев пожаров в отчете 1986 г. я попытался объяснить наличием двух этажей, что не совсем оправданно, т.к.

каких-либо следов или остатков конструкций второго этажа при раскопках не выявлено. К тому же надо отметить, что данный участок явно подвергался перекопам еще в средневековье при выборке строительного камня, т.к. сохранность кладок (при почти полном отсутствии развала стен) составляла всего 0,60–0,80 м. Именно наличие перекопов и прорезавшей три помещения траншеи привело к перемещению культурных отложений и, как следствие, сложности датировки обнаруженных артефактов, с чем и столкнулась И.Б. Тесленко. Например, явной примесью XIII в. среди материалов XIV в. являются поливные чаши (тарелки?) украшенные орнаментом, состоящим из концентрических окружностей и фрагменты поздневизантийских амфор с дуговидными ручками и грушевидным туловом. Все попытки некоторых исследователей продлить использование этих амфор на территории Крыма и в XIV в. неубедительны, потому что к этому времени относятся только находки их фрагментов в переотложенном состоянии.

Тонкостенные неполивные сосуды (горшки и кувшины) из Алушты, украшенные полосами белого ангоба в 80-х гг. XX в. датировались 20–40-ми гг. XIV в. Эта датировка первоначально строилась на основании их обнаружения в слое с дирхемом Узбека (1313–1342). Однако повторное изучение данной монеты показало, что она имеет надчеканку «хан», а это говорит об ее использовании и в первой четверти XV в. Следовательно, данную группу керамики правильнее будет относить к XV, а не к XIV в.

В-третьих, на протяжении 1984–1994 гг. на площади 3600 кв. м в Алуште было исследовано более 100 жилых и хозяйственных помещений XIII–XV в. В 10 из них (все расположены в цитадели) выявлены следы пожара XIII в., сопровождавшиеся археологически целыми артефактами. Еще примерно в 20 строениях (расположенных за пределами цитадели на площади в 0,5 га) более позднего времени обнаружены отдельные предметы XIII в., но в переотложенном состоянии. Данные наблюдения позволили прийти к заключению, что пожар и разрушение Алушты в 1278 г. (?) носили тотальный характер. Находки 60–80-х гг. XIV в. происходят примерно из семи помещений и только три из них образуют единый строительный комплекс, который к тому же не восстанавливался после пожара и разрушения, а его стены были частично разобраны. Таким

образом, пожары и разрушения в Алуште XIV в. носили локальный, а не тотальный характер.

Проводившиеся на памятнике археологические исследования и лаконичные свидетельства эпиграфических и нарративных источников, позволяют только фрагментарно восстановить историю Алушты XIII–XV вв. После разрушительного пожара 1278 г. город постепенно восстанавливается и достигает прежних размеров во время правления хана Узбека (1313–1342). В 70–80-е гг. XIV в. Алушта оказывается в числе населенных пунктов, за которые идет борьба между генуэзцами и татарами (Balard, 1978, Р. 161; Бочаров, 2004, с. 186; Мыц, 2009, с. 44–45). При оценке политической обстановки в приморской Готии 80-х гг. XIV в. следует также учитывать и то, что в 1384 г. начинается длительная и упорная (временами доходившая до кровопролития) борьба православных иерархов за обладание церковными приходами и право сбора каноникона с жителей ряда населенных пунктов. Среди документов 80–90-х гг. XIV в. Патриарха Константинополя неоднократно фигурирует и Алушта (‘Αλουστα). Вероятно, к этому времени на

территории города и относятся несколько локальных пожаров, но только один дом так и не был восстановлен. Разрушительные, но все-таки локальные пожары, могут относиться и ко времени «Солхатской войны» 1385–1386 гг. (Basso, 1991, р. 11–15). По договору от 12 августа 1387 г. Алушта окончательно вошла в состав территории подвластных (до 1475 г.) Генуе.

Сохранение в X–XV вв. на территории города и в его окрестностях исключительно православных храмов, погребального обряда, строительных и хозяйственных традиций позволяют говорить о том, что население Алушты и в золотоордынский период оставалось в своей основе греческим. Однако не следует ограничивать влияние и прямое участие Орды в истории Алушты только 1278–1365 гг. В городе и его окрестностях на протяжении 1365–1475 гг. продолжали обитать так называемые ханлюки (*canluci*), т.е. подданные хана, которые платили генуэзской администрации особый налог – (*cabella canlucorum*) (Vigna, 1879, р. 350). Отсюда и материальная культура Алушты этого времени имеет много сходных черт с культурой ордынских городов полуострова.

ЛИТЕРАТУРА

Бочаров С.Г. Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии XIV–XV вв. Южный берег Крыма // О древностях Южного берега и гор Таврических. Киев: Стилос, 2004. С. 186–204.

Мыц В.Л. Отчёт об археологических исследованиях средневековых укреплений Алустон и Фуна в 1986 г. // Архив ИА НАНУ. №1986/25.

Мыц В.Л. Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Алустон в 1987 г. // Архив ИА НАНУ №1987/27.

Мыц В.Л. Завоевание поздневизантийской Таврики монголами: историко-археологический контекст катастрофы последней четверти XIII века // *RachMongolica* и Евразийские потрясения XIII–XIV веков. *Stratum Plus*. Археология и культурная антропология. №6. СПб.-Кишинёв-Одесса-Бухарест, 2016. С. 69–106.

Тесленко И.Б. Производство поливной керамики в крепости Алустон (Крым) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Киев: Стилос, 2005. С. 324–348.

Тесленко И.Б. Комплекс керамики из раскопок усадьбы золотоордынского периода на территории средневекового городища в Алуште (Крым) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья в X–XVIII вв. Т.2. / Под ред. С.Г. Бочарова, В. Франсуа, А.Г. Ситдикова. *Stratum Plus*. Археологические источники Восточной Европы. Казань–Кишинёв, 2017. С. 387–407.

Balard M. 1978. *La Romanie Genoise (XII–e–debut du XVe siècle)*. Vol.2, Genes; Rome: Ecole Francaise de Rome.

Basso E. Il “bellum de Sorchat” ed i trattati del 1380–1387 tra Genova e l’Ordo d’Oro // *Studi genuensi* N.S. 1991, 8. P.11–26.

Musso G. 1968. Note d’archivio sulla “Massaria” di Caffa // *Studi Genuensi*. Vol.V: 1964–65, 62–98.

Vigna A. 1879. Codice diplomatico delle colonie Tauro–Liguri, 1453–1475 // *Atti Societa Ligure Storia Patria*. Vol.VII, fasc.II, parte II. Genova.

Информация об авторе:

Мыц Виктор Леонидович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Государственный Эрмитаж (г. Санкт-Петербург, Россия); vic.mytz@yandex.ru

ALUSTON IN THE GOLDEN HORDE PERIOD

V. L. Myts

Written sources and the materials of archaeological researches in 1984–1994 allowed to distinguish the period in the history of Aluston when it was joined the Crimean ulus of The Golden Horde. Chronologically this time is determined within 1278–1365. That certain period is marked by significant innovations in material culture: the appearance of coin denominations of the Horde (pūl, dirham, saum), artistic glazed ceramics (both exports and local production), various jewelry. In the layers of the turn of the 13th–14th and 14th–15th centuries there were found stucco and pottery vessels (hums, jars, pots, pitchers) which were not previously found on the monument. This points to the appearance of the new (the Adygeyan?) population in Aluston which arrived from the North Caucasus. On the investigated territory of Aluston of 3,600 sq. m there have been discovered more than 100 rooms of the 13th–15th centuries. In seven of them there have been revealed the layers of local fires in 60–80–ies of the 14th century. However, only three rooms have not been restored. For 1365–1386 there is a struggle between the Genoese and the Tartars of the coast of Gothia, which, together with Aluston was included in the Genoa Gazaria under the treaty of 1387. In addition, in 1384 (and for a decade) some conflicts were breaking out between the Orthodox hierarchs of Gothia, Sugdaea and Kherson for the right of collecting the kanonikon from the population of several parishes of the seaside Gothia. Probably these events are associated the fires of the second half of the 14th century in the territory of Aluston.

Keywords: Tavrika, Gotiya, Aluston, Golden Horde, Genoese Gazaria, 13th–14th centuries, ceramic areas.

About the Author:

Myts Victor L. Candidate of Historical Sciences. State Hermitage. Dvortsovaya Naberezhnaya, 34, Saint Petersburg, 190 000, Russian Federation; vic.mytz@yandex.ru.

УДК 902/904

ПОСЕЛЕНИЕ «СУВОРОВСКАЯ ПОЛЯНА» В УРОЧИЩЕ КРАСНЫЙ ЛЕС (ПРАВЫЙ БЕРЕГ Р. КУБАНЬ)

© 2018 г. А. В. Пьянков, И. В. Волков, А. А. Тиханов

На примере поселения Суворовская поляна может быть рассмотрена традиция оседлости после распада Золотой Орды, закономерности урбанизации, преемственность городских культурных традиций в степи. Оно расположено на правобережье Кубани, в верхней части дельты, на границе степи и гор Северо-Западного Кавказа. Подъемный материал состоит из ювелирных украшений, деталей одежды, бытовых предметов, торгового инвентаря, культовых предметов и монет. Интересны печати с арабской и армянской надписями. Торгово-ремесленное место активизировалось всякий раз с наступлением относительной стабильности. Это обычный пример распространения оседлости от периферии вглубь степи, преимущественно по речным путям.

Ключевые слова: Северо-Западный Кавказ, позднее средневековье, новое время, поселение на границе степи и гор, монеты, хронология, торговля, ремесло.

Проблема преемственности городских культурных традиций в степной зоне существенна не только в связи с рубежом монгольского завоевания. Повторное распространение оседлости на территории степи после распада Золотой Орды также иллюстрирует некоторые закономерности урбанизации.

Поселение Суворовская поляна расположено на правом берегу р. Кубань в Красноармейском районе Краснодарского края. Оно зафиксировано в южной части урочища Красный лес у истока Ангелинского Ерика. Селище частично занимает поле, примыкающее с юго-запада к лесу, и продолжается в лесном массиве на запад и северо-запад. Южная часть, примыкавшая к реке, уничтожена береговой дамбой. Прослеженные размеры поселения составляют 200 × 100 м. Его границы в лесу не установлены.

Поселение стало известно в начале 2010-х гг., но раскопкам не подвергалось. Подъемные материалы собраны разными людьми, включая авторов. Большая часть находок передана в Краснодарский музей-заповедник.

Сборы представлены металлическими и керамическими предметами. Одна находка относится к первым векам н. э. Это свинцовая копия египетского амулета из фаянса «лев на плакетке». Еще один предмет – бронзовая застежка в виде стержня с перехватом и округлыми утолщениями на концах – характерен для хазарского времени (рис. 2: 19).

Интересны свинцовые разновески в форме многогранников (рис. 2: 1), часто с точечными углублениями на гранях, обозначающих определенный вес. Одна гирька круглая и плоская. О торговой активности на поселении говорят и бронзовые «фабричные»

наперстки, вложенные один в один (до 3-х экз.), и свинцовая европейская пломба.

Количество находок ювелирных украшений и их деталей заметно больше, чем обычно для поселений. Здесь найдены бронзовые серьги, перстни, подвески, включая украшение из желтого металла, детали ожерелий (рис. 2: 6–8, 10, 12, 13, 15, 16) и серебряная бляха, орнаментированная трехлучевой свастикой (триквестром) в черни (рис. 2: 17). Детали одежды представлены пуговицами, застежками женской и мужской верхней одежды, деталями головных уборов, пряжками и поясными накладками (рис. 2: 9, 11, 14, 18, 20). В большом количестве представлены керамические части курительных трубок (рис. 1: 4).

Среди подъемного материала обильно встречены монеты различных государств. Так, акче Крымского ханства из низкопробного серебра представлены 32-мя экземплярами (рис. 1: 5). Турецких монет найдено 12 экземпляров (11 акче (рис. 1: 6) и одна медная монета). Русских серебряных копеек встречено 7, включая 4 поддельные монеты. Одна монета определена как медная копейка Алексея Михайловича. Петровских серебряных датированных «чешуек» найдено 9 экземпляров (рис. 1: 7). Среди находок русских монет зафиксированы и медные. Например, деньга Петра I с датой 1704 г. (рис. 1: 2), 2 копейки 1766 г. Екатерины II (рис. 1: 3) и 2 копейки 1811 г. Александра I и т. д. Здесь же найдено небольшое количество золотоордынских дирхемов, преимущественно чекана Азака, и серебряная небольшая монета индийского княжества начала XVIII в.

На территории поселения обнаружены инструменты: железные ножи и топор (рис. 1: 8). Оружие представлено ружейными кремня-

ми, обернутыми в свинцовые обкладки. Отмечено небольшое количество фрагментов золотоордынской керамики.

К христианским предметам относятся бронзовые нательные литые кресты. Судя по форме, наперсные кресты принадлежали старообрядцам, вероятно, некрасовским казакам.

Здесь же найдены слиток серебра, напоминающий гривну, и слитки свинца в виде литых удлиненных палочек.

Среди находок много перстней. Выделяются серебряные перстни-печатки с каменными вставками, имеющими надписи, выполненные арабской графикой.

Несколько предметов принадлежали армянскому населению. Это прикладная бронзовая печать с фигурной ручкой и конической рабочей частью. Поле 8-гранное, на котором вырезаны зеркально 3 строки текста, выполненные армянской графикой (рис. 2: 3). Надпись переводится не полностью: «Господин (хозяин) П/ариорг / Минас». Размеры: высота 3 см, поле печати 1,7×1,3 см. Другим предметом, оставленным армянским торговцем, является круглая и плоская свинцовая гиря с процарапанным именем «Давид» (рис. 2: 4, 5). Надпись покрыта окислами, как и вся разновеска. Ее вес: 242 г. Размеры: диаметр 7,5 см, толщина 0,5–0,55 см.

Итак, население Суворовского поселения состояло из армян, казаков-некрасовцев, турецко-татарского люда и, вероятно, горцев. Позднее появились русские переселенцы и черноморские казаки. Присутствие на Северо-Западном Кавказе армян засвидетельствовано с XV в. (Амиранашвили, 1928; Волков, 1995; Пьянков, 2015), Турки и крымские татары жили здесь с этого же времени до 30-х гг. XVIII в. (Приймак, 1997). Зафиксировано и проживание здесь некрасовских казаков в XVIII в. (Трехбратов, 1997). Присутствие же горцев в южном Приазовье и на правом берегу Кубани в XV–XVIII вв. не вызывает сомнений у исследователей (Голубев, 2017).

Анализ монетных находок позволяет представить хронологию поселения следующим образом. Она имела перерывы, но регулярно возобновлялась. В золотоордынский период поселение входило в округу г. Шакрака и не пережило конец XIV в. В начале XVII в.

поселение было возобновлено и сюда поступали монеты Крымского ханства. Во второй половине XVII в. стали поступать русские копейки, а в начале XVIII в. вместе с серебряными «чешуйками» появились и медные петровские монеты. Всю первую треть начавшегося века на поселении устойчиво выпадали серебряные турецкие акче. В середине века закончилось поступление крымских монет и поселение запустело. Жизнь затеплилась здесь снова при строительстве оборонительной линии по правому берегу р. Кубань при А.В. Суворове в конце 70-х гг. XVIII в. (Соловьев, 1997). С этого времени поселение непрерывно существовало до 20-х гг. XIX в. Позднее этот населенный пункт уже не возобновлялся.

Итак, материалы, поднятые на поселении, позволяют предполагать, что данное место было посещаемо еще с первых веков нашей эры и в хазарское время, но постоянное население появляется здесь только в золотоордынское время. Эти материалы не противоречат информации, полученной при анализе монетных находок.

По-видимому, это поселение в отдельные периоды было не только торговым, но и ремесленным центром. О последнем свидетельствуют находки незаконченных и бракованных женских украшений и христианских нательных крестов, а также находка серебряного и свинцовых слитков.

Его возникновению способствовало удачное расположение на дороге, идущей из Таманского полуострова на Центральный Кавказ, а также нахождение его рядом с переправой через Ангелинский Ерик. Это ремесленно-торговое место расположено на границе степи и горной полосы Северо-Западного Кавказа, продолжая традицию золотоордынских поселений, известных на берегах Ангелинского Ерика (Шакрак – поселение Ивановская-1) и, возможно, более раннего периода.

Нахождение поселения подтверждает тезис, что распространение оседлости начинается со степной периферии к центру, преимущественно по речной сети. Наиболее активно оседлые распространяются при поддержке централизованной власти, даже если она находится далеко.

ЛИТЕРАТУРА

Амиранашвили А. Греческие надписи музея Грузии // Бюллетень музея Грузии. Вып. IV. / Отв. ред. Тбилиси, 1928. С. 200.

Волков И.В. Хачкар из Темрюкского музея (наблюдения о влиянии армянской диаспоры на городскую культуру Золотой Орды) // Армяне Северного Кавказа / Studia Pontocauasica: II / Под ред.: Факторович А., Горбулич Т., Кузнецов И. Краснодар, 1995. С. 72–97.

Голубев Л.Э. Адыги в XIII–XV веках. Социально–экономическое и политическое развитие. Краснодар: ИП Вольная Н.Н., 2017. 192 с.

Приймак Ю.В. К хронологии Османского присутствия в Северо–Восточном Причерноморье (конец XV – первая треть XIX вв.) / Практические опыты исторического регионоведения. Вып. 13. / Под ред. В.Б. Виноградова. Армавир, 1997. С. 28–41.

Пьянков А.В. Белореченская церковь: проблема датировки памятника // Пятые «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Культурные взаимодействия народов Западного Кавказа в древности и средневековье: Материалы международной археологической конференции (Краснодар, 26–28 мая 2015 г.). Краснодар: КГИАМЗ им. Е. Д. Фелицына, 2015. С. 237–242.

Соловьёв В.А. Суворов // Энциклопедический словарь по истории Кубани: С древнейших времен до октября 1917 года. / Автор идеи, словника, составитель, науч. ред., рук. авт. коллектива Б.А. Трёхбратов. Краснодар: Эдви, 1997. С. 444.

Трёхбратов Б.А. Некрасовцы // Энциклопедический словарь по истории Кубани: С древнейших времен до октября 1917 года. / Автор идеи, словника, составитель, науч. ред., рук. авт. коллектива Б.А. Трёхбратов. Краснодар: Эдви, 1997. С. 295–296.

Информация об авторах:

Пьянков Алексей Васильевич, ведущий научный сотрудник, ООО «Западно-Кавказская археологическая экспедиция» (г. Краснодар, Россия), a.v.pyankov@rambler.ru

Волков Игорь Викторович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра археологического наследия Российского научно–исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва (г. Москва, Россия); plany_2010@mail.ru

Тиханов Александр Аркадьевич, краевед (станция Ивановская Красноармейского района Краснодарского края, Россия), tikhanchik@mail.ru

SETTLEMENT SUVOROVSKAYA GLADE IN THE TRACT RED FOREST (RIGHT BANK OF THE KUBAN RIVER)

A. V. Piankov, I. V. Volkov, A. A. Tikhanov

The site Suvorovskaya Polyana may be used as example to consider tradition of the settled life after the collapse of the Golden Horde; regular occurrence of urbanism, continuity of urban cultural traditions in the steppe. The site is situated on the right bank of Kuban' river, in upper part of delta, on the border of steppe and mountains of North–West Caucasus. Lifting material consists of jewelry and their details, metal clothes headset items, household items, merchandise, religious objects and coins. Prints with Arabic and Armenian inscriptions are interesting. Trade and artisan place became more active always together with appearance of comparative stability. It is usual example of settled life's spreading from the periphery to the center of steppe mainly by river ways.

Keywords: North–Western Caucasus, later Middle Ages, modern times, settlement on the border of the steppe and mountains, coins, chronology, trade, craft, the manyethnicity.

About the Authors:

Piankov Alexey V. LLC "Western Caucasian Archeological Expedition", Krasnoarmeyskaya St., 99, Krasnodar, 350000, Russian Federation; a.v.pyankov@rambler.ru

Volkov Igor V. Candidate of Historical Sciences. Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after Dmitry Likhachev. Kosmonavtov St., 2, Moscow, 129301, Russian Federation; plany_2010@mail.ru

Tikhanov Alexandr A. Free researcher. Shevchenko St., 137, Ivanovskaya stanitsa, 353821. Russian Federation; tikhanchik@mail.ru

Рис. 1. Поселение «Суворовская поляна»: 1 – карта окрестностей Красного леса (1 – место расположения поселения), 2–8 – предметы из поселения, случайные находки; 2,3 – бронза, 4 – керамика, 5–7 – серебро, 8 – железо.

Рис. 2. Поселение «Суворовская поляна»: 1–21 – предметы из поселения, случайные находки; 1, 4 – свинец, 2, 3, 5–16, 18–21 – бронза, 17 – серебро.

УДК 902.26/904

ОБЪЕКТЫ С «ОГРАДАМИ» В ОКРУГЕ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ГОРОДОВ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

© 2018 г. Н. И. Савельев

На основании данных космоснимков, архивных карт и археологических исследований автор вводит в научный оборот 13 сооружений, обнесенных оградами, происходящих с различных памятников золотоордынского времени в Нижнем Поволжье. В каждом случае автором дается историографическое и архитектурное описание объекта. Итогом работы является дополнение классификации золотоордынского монументального зодчества – оградой (стеной), как частью архитектурного комплекса.

Ключевые слова: Нижнее Поволжье, Золотая орда, мавзолей, мечеть, ограда, стена, дувал.

Широкомасштабные раскопки золотоордынских городищ, проведенные в 60–90-е гг. XX в. и проводимые в меньших масштабах в настоящее время, вскрыли и позволили изучить большое количество монументальных зданий различного назначения. В то же время в округе золотоордынских городищ Нижнего Поволжья встречаются архитектурные объекты, выбивающиеся из общепринятой классификации. Они представляют собой крупные всхолмления, обнесенные оградой (стеной), которые можно встретить на планах городищ и их окрестностей, или при изучении спутниковых снимков местности. Очевидно, что данные объекты так или иначе впишутся в классификацию известных нам архитектурных сооружений Золотой Орды (мавзолей, дворцы, караван-сарай), однако наличие вокруг ограждающей конструкции является маркером, который выделяет эти сооружения среди прочих. Стоит отметить, что подобные объекты были известны ученым и ранее, однако пока вписывать их в общую классификацию неосмотрительно, так как ни одно из рассматриваемых сооружений раскопано не было, вся информация о них у нас визуальна – данные археологических разведок, исторических планов городищ, спутниковых снимков. Эта статья является попыткой систематизировать доступные нам данные и ввести их в научный оборот. Рассмотрим некоторые наиболее выраженные объекты.

Бахтияровка

В 1993 году в районе поселка Бахтияровка Ленинского района Волгоградской области был раскопан золотоордынский мавзолей, окруженный оградой. Мавзолей представлял собой прямоугольник размерами 10,3×9,3 м. На расстоянии 4 м от стен здания его окружала ограда шириной 0,5 м, сложенная из обожженных кирпичей (целых и обломков), вперемеш-

ку с сырцовыми, на глиняном растворе. Стоит отметить большое количество кашинных изразцов, собранных у внешней поверхности стен мавзолея (Зиливинская, 2014, с. 114).

Царевское городище

Царевское городище – памятник археологии XIV века, расположенный на левом берегу реки Ахтуба, в Ленинском районе Волгоградской области. Изучение городища ведется с XIX века, в разное время его описывали путешественники, исследователи проводили раскопки, публиковали статьи и монографии. Большое внимание в этих работах уделялось исторической топографии городища и интерпретации архитектурных памятников. Из последних значительных работ на эту тему стоит отметить статью А.А. Глухова «Историческая топография Царевского городища» (Глухов, 2014). В ней, автор, основываясь на данных археологии и исторических источниках, выделяет до 20 условных зон «застройки» в округе Царевского городища (Глухов, 2014, стр. 101) и 6 районов в пределах самого городища (Глухов, 2014, стр. 98). Из последних нам наиболее интересна зона 6 – «район ханских мавзолеев». В этом районе насчитывается 4 мавзолея, представляющих собой холмы диаметром до 60 м, высотой до 2 м, три из которых обнесены оградой. Разбирая историографию вопроса, автор закономерно приходит к выводу, что эти архитектурные объекты с оградами относятся к мавзолеям, вероятно, представителей ханской власти или высшей администрации (Глухов, 2014, с. 99). Одним из первых отметил эти мавзолеи профессор Ф. Баллод в работе 1923 г. В частности, он описал и зарисовал, вероятно, один из четырех мавзолеев. Ф. Баллод принял это сооружение за развалины усадьбы, но, вероятнее всего, данный архитектурный объект являлся руинами мавзолея двухкамерного типа.

Точно такой же мавзолей был раскопан Е.В. Шнайдштейн в 1983 г. в могильнике «301 км». Он также двухкамерный и имеет башнеобразные выступы по углам, а также, вероятно, был окружен стеной (Шнайдштейн, 1990, с. 15). Возможно, квадратные объекты на рисунке Баллода, у стен, за зданием мавзолея – это аналоги вымостки, описанной выше. Также раскопанный Е.В. Шнайдштейн мавзолей, роднит с объектом Ф. Баллода исключительное разнообразие архитектурного декора – в засыпке мавзолея встречались поливные кашинные изразцы ультрамаринового, бирюзового, белого, желтого, красного цветов, ганч, обломки белого мрамора (!), и это также относит данный мавзолей к разряду элитных. Таким образом, можно уверенно утверждать, что Ф. Баллод исследовал и нарисовал именно остатки мавзолея с кирпичной оградой. К сожалению, план Царевского городища у Ф. Баллода схематичный, и мы не можем с точностью сказать, какой именно мавзолей он наблюдал, однако на других планах городища эти объекты зафиксированы.

Колобовский курган

«Колобовский курган» – архитектурное сооружение золотоордынского времени, находившееся в селе Колобовка, ныне Ленинского района Волгоградской области.

Первое описание Колобовского кургана сделано академиком П.С. Палласом, который посетил Царевское городище в 1773 году. Из описания ясно, что П.С. Паллас пересек речку Царевочку и увидел Колобовский курган, у которого и заночевал. Вот как его описывает путешественник: «Из следов разрушенных стен ясно усмотреть можно, что самая средняя большая куча, сто шагов в окружности имеющая, произошла от некоего великого здания, коего середина построена была четырехугольником. Стена, которая подобна низкому валу, на восток и на запад в длину на 200, а на юг и север в ширину на 180 шагов простирается. Кажется, что на углах были круглые или четырехугольные башни, так как посреди южной стены проезд между двумя стенами быть должен» (Паллас, 1788, с. 306).

Спустя почти 70 лет, в 1837 году, Колобовский курган был описан саратовским краеведом А.Ф. Леопольдовым (Леопольдов, 1837, с. 129).

В 1838 году Колобовский курган посетили братья Чернецовы, о чем они подробно сообщили в своем дневнике: «В семи верстах от Царева, на высоком берегу реки Ахтубы, близ деревни Разстегаевка (Колобовка – Н.С.),

находится значительный остаток, состоящий из огромной груды щебня. Он окружен приметными следами основания четырехугольного квадратного здания, каждая сторона коего имеет 205 шагов длины...» (Чернецовы, 1970, с. 136–137).

Это явно приметное сооружение привлекло и внимание А.В. Терещенко, раскопавшего это здание в 1844 году. Он описывает Колобовский курган следующим образом: он «представляет издали гору, высота его от горизонта воды 15 саж. Он обведен четырехугольным валом, имеющим в окружности 300 саж...» (Лебедев, 1909, с. 22). Само описание раскопок довольно хаотично, ясно только, что Терещенко откопал под центральной насыпью комплекса множество кирпичных склепов различной конфигурации.

В 1893 году Колобовский курган посетил А.А. Спицын, он также увидел «остатки бывшего здания, обнесенного четырехугольным или даже квадратным земляным валом, следы которого ясно различаются в настоящее время. Внутри четырехугольника груды мусора» (Спицын, 1893, с. 90). В 1929 году на месте Колобовского кургана еще различались остатки стен, но в остальном $\frac{3}{4}$ его площади было застроено (Ильина, Шишкин, 1929, с. 12).

К сожалению, от всех этих описаний и раскопок не сохранилось рисунков или чертежей самого кургана. Единственное, на что мы можем опираться более или менее определенно, – схематическое размещение кургана на плане Царевского городища подполковника Н.К. Тетеревникова. На плане четко видны широкие стены, имеющие проход с юга, и по центру крупное здание сложной конфигурации. Таким образом, связав воедино все свидетельства наблюдателей и исследователей Колобовского кургана, можно приблизительно реконструировать его архитектурный облик. Центральную часть комплекса занимало здание неясного назначения, но, очевидно, исполнявшую функцию погребального сооружения в определенный исторический период. Оно было обнесено кирпичиной стеной, обстроенной по внутреннему периметру помещениями, богато украшенными изразцами. По углам ограды были возведены башни (по Палласу), выход из комплекса был в южной стене.

Принимая все эти сведения во внимание, можно предположить два варианта функционирования здания: 1) Колобовский курган мог быть комплексом медресе (см., например,

медресе Ходжа Машад (Хмельницкий, 1996, с. 270)). Тогда неясным становится предназначение здания по центру. Возможно, это особо почитаемый мавзолей, вокруг которого было выстроено медресе. Мавзолеи почитаемых учителей (пиров) или покровителей могли быть в составе помещений здания. Наиболее близким примером является медресе Солхата, одно из помещений которого было перестроено в дюрбе – мавзолей со склепом в подземной части и двумя мраморными надгробиями – в наземной. Одно из надгробий принадлежало Инджибек-хатун, основательнице медресе (Бороздин, 1926, с. 299); 2) караван-сарай, для которых тоже характерны широкие стены с угловыми башнями и помещениями по внутреннему периметру (см., например, караван-сарай Кос Кудук золотоордынского времени) (Хмельницкий, 1996, с. 308).

Несмотря на то что Колобовский курган считается полностью исчезнувшим объектом археологии, совмещение плана Тетеревникова с современными космоснимками показывает, что он никак не мог весь упасть в Ахтубу, поэтому какие-то подземные части этого комплекса могут сохраниться и до наших дней.

Зубовка

В 5,5 км от Колобовского кургана вниз по течению Ахтубы расположено золотоордынское городище Зубовка. Памятник известен с XIX-го века. В частности, о развалинах близ деревни Зубовки писал в 1837 г. саратовский краевед А.Ф. Леопольдов. В 1926 году разведочными работами на памятнике были выявлены остатки 13 золотоордынских зданий и горн для обжига керамики. В 1966 году Зубовское поселение обследовали сотрудники ПАЭ, которые также зафиксировали наличие построек золотоордынского времени (Пачкалов, 2009, с. 239–262). А.В. Пачкалов по монетным комплексам, происходившим с территории памятника, датирует его расцвет 1320–1340-ми годами и приходит к выводу, что это поселение возникло раньше Царевского городища и раньше было оставлено (Пачкалов, 2009, с. 239–262).

При визуальном обследовании памятника наибольший интерес вызывает объект, о котором еще в XIX веке писал А.Ф. Леопольдов (объект № 1): «Верстах в трех от дворца (Царевского городища), близ деревни Зубовки, развалины здания представляют род правильного укрепления, кругом которого был вал с бастионами; внутри него находи-

лись два здания, связанные переходом, или аркой; одно из них – огромное, другое менее; но на обоих видно роскошь материалов. По двору разбросано множество ям» (Леопольдов, 1837, с. 127). Этот объект хорошо различим и в наше время. На космоснимках Google на территории памятника отчетливо выделяется всхолмление, окруженное прямоугольным валом с выступами по трем углам этого вала, «бастионами» (рис. 1).

С 2002 года поселение Зубовка исследуется волгоградским археологом И.А. Воронцовым. На нем была проведена разведка, снят инструментальный план, заложены разведывательные шурфы и раскопы. Раскопы и шурфовка дали стандартный бытовой материал, характерный для городов и поселений нижневолжских золотоордынских городов (Воронцов, 2010, с. 10). Вот как описывает И.А. Воронцов интересные нас объекты: «В южной части поселения зафиксированы остатки двух крупных сооружений (усадеб?), обнесенных оградами-дувалами. Ограды-дувалы образуют большие замкнутые «дворы» прямоугольной формы, размерами 100 × 120 м и 120 × 130 м. Высота оград колеблется в пределах 0,5–0,9 м, толщина 8–11 м. В юго-восточной усадьбе (?), в центре «двора» зафиксировано большое всхолмление диаметром 50 м и высотой 1,7 м. Оба объекта – (усадеб?) ориентированы по линии ССВ–ЮЮЗ (Воронцов, 2010, с. 13) (рис. 2). Кроме того, на космоснимках, на юго-западном объекте, просматривается перемычка в южной части ограды – вход. Таким образом, оба этих сооружения являлись крупными зданиями, окруженными по периметру стеной, по углам укрепленной башнями. Вход в сооружения находился на юге. Ширина стен позволяет предположить, что они могли быть обстроены по периметру помещениями, поэтому приблизительно идентифицироваться они могут как караван-сарай или медресе, но определенность могут дать только археологические исследования непосредственно на объекте.

Селитренное городище

Селитренное городище – хорошо известный памятник археологии – находится в Харабалинском районе Астраханской области. В настоящий момент интерпретируется как столица Золотой Орды, город Новый Сарай. На территории городища изучены усадьбы, дворцы, общественные и частные бани, дома рядовых жителей, мечеть, медресе и т.п. Для нас представляет интерес крупный объект в

3 км к юго-востоку от городища. Он отчетливо виден на спутниковых снимках местности вокруг села Селитренное. Объект представляет собой крупное овальное всхолмление, размером 60 × 45 м (по оси С–Ю), обнесенное прямоугольной оградой, ориентированной практически по сторонам света. Размеры ограды 125 × 97 м. С юга различается размытое пятно, которое можно принять за остатки портала. Таким образом, перед нами, вероятно, крупный мавзолей, обнесенный оградой, который совершенно аналогичен мавзолеям из комплекса у села Лапас.

Лапас

Лапас – небольшой поселок, расположенный на левом протоке реки Ахтубы в Харабалинском районе Астраханской области. Рядом с ним расположено городище золотоордынского времени Ак-Сарай (Городище Лапас). Городище известно с 1915 года, в 1995–1997 году на нем работала экспедиция ПАЭ, в 2000 г. Астраханское «Наследие». Городище так бы и осталось одним из сотни подобных поселений, если бы не наличие рядом комплекса кирпичных мавзолеев золотоордынского времени, которые из-за крупных размеров приписываются непосредственно ханам Золотой Орды (Егоров, 1985). В целом городище Лапас интерпретируется как поселок строителей этих мавзолеев (Васильев, 2017).

Для нас интересно устройство погребальных комплексов. На спутниковых фотографиях отчетливо видны ограды вокруг каждого мавзолея с входными порталами на южной стене. Исследователь городища Лапас и лапасских мавзолеев Д.В. Васильев внимательно изучил спутниковые снимки всей территории памятника и опубликовал результаты исследования в работе 2017 года (Васильев, 2017).

Перед нами явно видны четыре крупных мавзолея, окруженных сырцовой оградой с порталом с юга. Как минимум, одна из оград мавзолея (мавзолей № 1) по углам, вероятно, фланкирована башнями. Также стоит отметить, что мавзолеи были богато декорированы, по свидетельству Д.В. Васильева вся поверхность руин усеяна обломками кирпича и глазурованными изразцами с голубой и зеленой поливой.

Поселок Комсомольский

В 1989 году астраханским археологом В.В. Плаховым были раскопан комплекс с мавзолеем у поселка Комсомольский Красноярского района Астраханской области. На данный момент он отчетливо виден на спут-

никовых снимках. Мавзолей представлял собой прямоугольное в плане сооружение (12,6 × 9,4 м) с подземной погребальной камерой. Пространство возле мавзолея частично было вымощено обожженным кирпичом, вокруг была сооружена сырцовая ограда. В северо-западном углу ограды были пристроены две стены, образовавшие помещение размером 3,6 × 4 м (Зиливинская, 2014, с. 66). Это сооружение – двухчастный мавзолей, окруженный оградой, с угловыми помещениями, сближает его с одним из мавзолеев Царевского городища, который зарисовал проф. Баллод. Анализируя погребальный инвентарь похороненных в мавзолее людей, Д.В. Васильев приходит к выводу, что это представители «высшей золотоордынской знати» (Васильев, 2008, с. 21).

Итак, перед нами 13 объектов с массивными оградями, располагавшихся по берегу р. Ахтуба: 1 мавзолей у села Бахтияровка, 3 мавзолея на Царевском городище, «Колобовский курган», «дом с бастиянами» и объект № 2 на Зубовском городище, 4 мавзолея у городища Лапас, 1 мавзолей у села Комсомольское. В этот список также можно включить мавзолей из могильника «301-й километр». Если интерпретация объектов с Царевского городища и городища Лапас как мавзолеев не вызывает сомнения, то «Колобовский курган» и Зубовский «дом с бастиянами» могут быть чем-то иным – караван-сараями или же медресе. Вообще, традиция ограждать мавзолеи оградями не характерна для золотоордынской городской культуры. В подтверждение этого тезиса можно обратиться к городищу Маджары на Северном Кавказе. Сохранились рисунки, планы и описания крупного некрополя на его территории, выполненные путешественниками, художниками, топографами (Зиливинская, 2014, с. 364–372). Ни на одном плане или рисунке мы не видим оград вокруг мавзолеев (а их там изображено около 40), хотя это погребальные сооружения явно не рядовых членов золотоордынского общества, о чем говорит их сложная архитектура. Если для караван-сарая (или медресе) можно считать характерным наличие стен-сооружений, по сути, эти стены и есть само сооружение (хотя и в Зубовке, и на Колобовском кургане стены все же опоясывали какой-то крупный центральный объект), то для мавзолеев наличие ограждающей конструкции нетипично. Распространение такой традиции именно в Нижнем Поволжье можно в качестве гипотезы связать с присутствием там ханской став-

ки и вообще администрации Золотой Орды. Можно предположить, что расположение мавзолеев в степи, достаточно далеко от крупных городов и наличие вокруг них стен, ограничивающих большую территорию, продиктовано кочевническими традициями.

Таким образом, можно дополнить классификацию мавзолеев Золотой Орды, доба-

вив в нее мавзолеи с оградами (стенами). В заключение хочется сказать, что и объект на городище Зубовка, и мавзолеи у с. Лапас на данный момент находятся в исключительной сохранности для данного типа памятников, и грамотно организованные научные раскопки позволят существенно обогатить наши знания по золотоордынской истории и архитектуре.

ЛИТЕРАТУРА

Археологические памятники Астраханской области: путеводитель по памятникам археологии Ахтубинского района / сост. Шнайдштейн Е.В. Астрахань: Волга, 1990. 64 с.

Баллод Ф. Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды (результаты археологических работ летом 1922 года) // ТА. 1998. №1. С. 14–31.

Бороздин И.Н. Солхат // Новый восток. 1925. № 13–14. С. 271–301.

Васильев Д.В. Исламизация и погребальные обряды в Золотой Орде. Археолого-статистическое исследование. Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2009. 178 с.

Васильев Д.В. Еще раз о мавзолеех у поселка Лапас / Под ред. А.А. Курапова, Е.И. Герасимиди, М.С. Бураковской. Астрахань, 2017. С. 96–78.

Воронцов И.А. Отчет о проведении охранных археологических работ на территории Зубовского поселения в Ленинском муниципальном районе Волгоградской области. Архив ИА РАН, № 40229, 2010.

Глухов А.А. Историческая топография Царевского городища // ПА. 2014. №2 (8). С. 92–111.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 245с.

Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Часть I. Культовое зодчество. Казань: Отечество, 2014. 228 с.

Ильина А., Шишкин П. Материалы к археологической карте Сталинградского, Хоперского и некоторой части Астраханского и Камышинского округов Нижневолжского края. Сталинград: Тип. школы глухонемых, 1929. 50с.

Лебедев А.А. Материалы для истории Саратовской епархии. Т.1. Вып. 3. Саратов: Тип. Саратов. союза печ. дела и продажи изд., 1909. 21 с.

Леопольдов А. Ф. Ахтубинские развалины // ЖМВД. 1837. № 4.

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Т. II. ЧЗ. Спб, 1788. С. 306.

Пачкалов А.В. Топография поселений и городищ XIII–XV вв. на территории Волгоградской области // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Уральск. № 1/2009.

Спицын А.А. Отчет о поездке члена Археологической комиссии А.А. Спицына летом 1893 года на Жареный бугор // Отчет археологической комиссии. СПб., 1893.

Хмельницкий С. Между Саманидами и монголами. Архитектура Средней Азии XI – начала XIII вв. Часть I. Берлин–Рига: GamaJun, 1996. 336 с.

Чернецов Г., Чернецов Н. Путешествие по Волге. М.: Мысль, 1970. 192 с.

Информация об авторе:

Савельев Никита Игоревич, старший лаборант отдела археологии, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия), Barbarossa-84@mail.ru

OBJECTS WITH "FENCES" IN THE DISTRICT OF THE GOLDEN HORDE CITIES LOWER VOLGA REGION

N. I. Savelyev

Based on space image, archival maps and archeological researches, the author introduces into scientific discourse 13 constructions, surrounded by fences originate from different monuments of the Golden Horde period in the Lower Volga region. In every case the author gives historiographical and architectural descrip-

tion of the object. The result of the work is the addition of the classification of the Golden Horde monumental architecture – a fence (a wall) as a part of the architectural complex.

Keywords: Lower Volga region, Golden Horde, mausoleum, mosque, fence, wall, duwal.

About the Author:

Savelyev Nikita I. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; Barbarossa-84@mail.ru

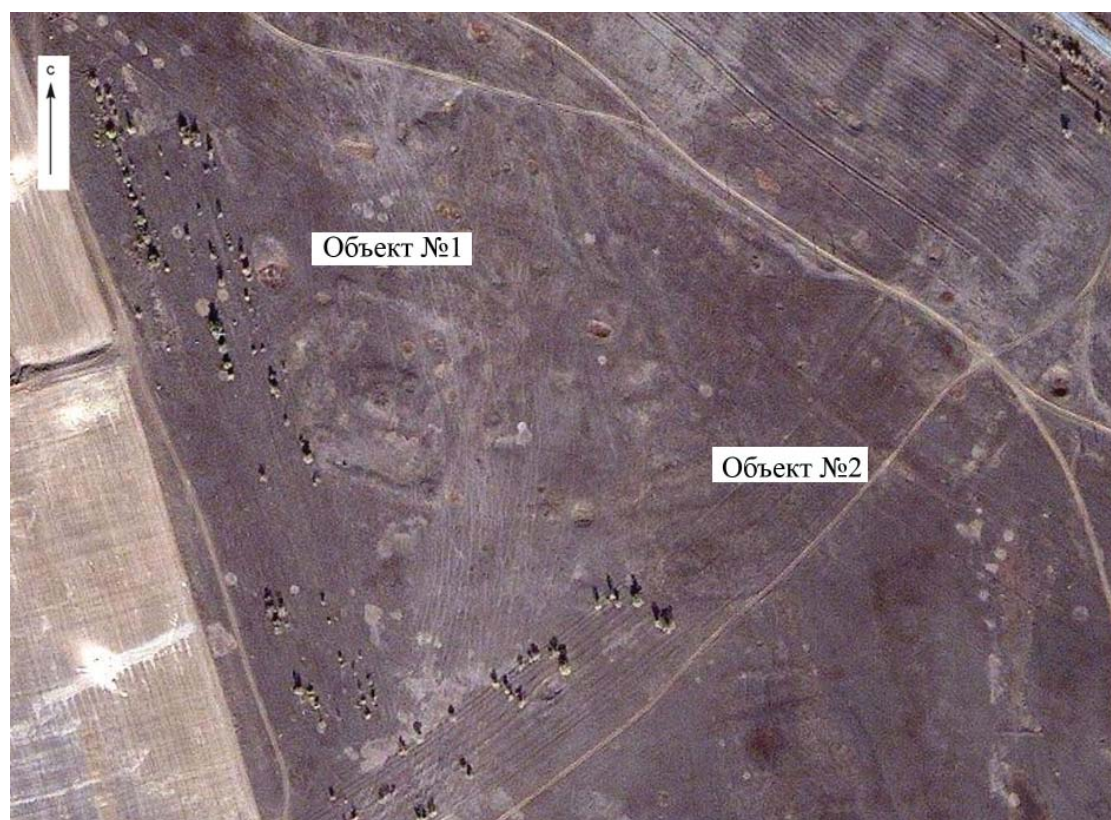

Рис.1. Объект №1 ("дом с бастиями") и объект №2 на космоснимке части территории Zubовского городища.

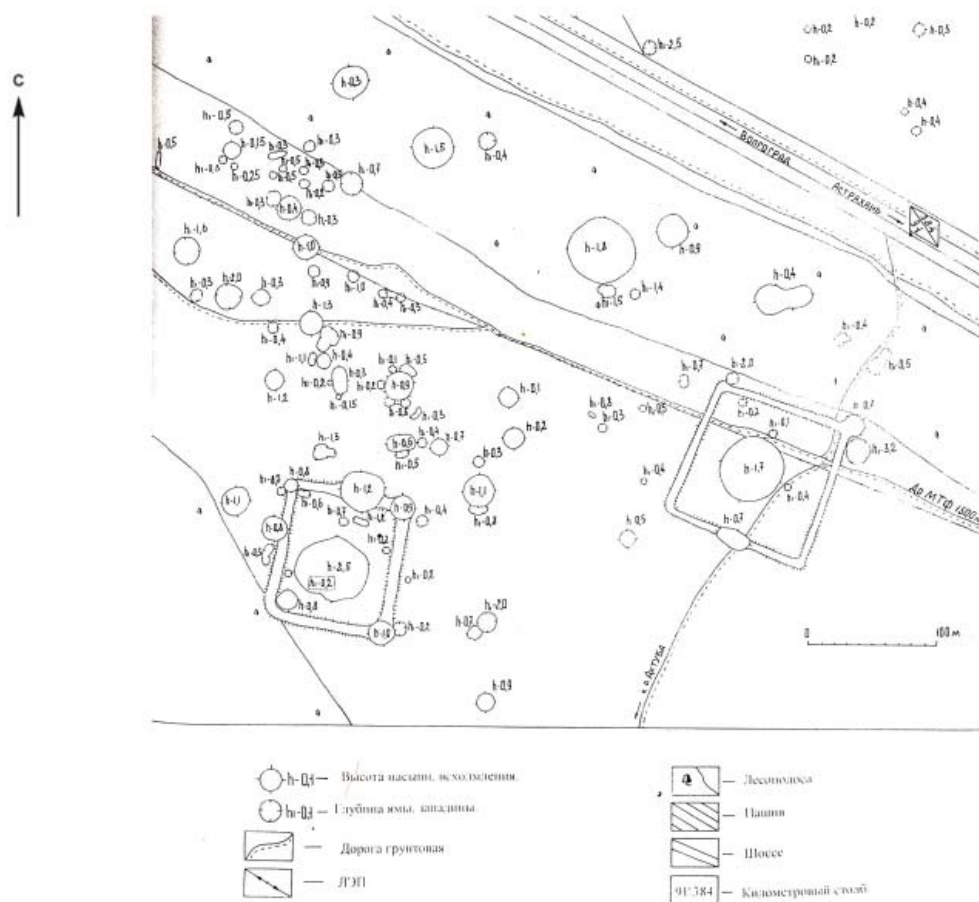

Рис.2. Часть плана Zubовского поселения, снятого И.А. Воронцовым в 2002 г.

УДК 902/904

К ВОПРОСУ О ПРИЗНАКАХ, ОСОБЕННОСТЯХ И ХАРАКТЕРНЫХ ЧЕРТАХ ГОРОДСКИХ НЕКРОПОЛЕЙ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ X–XIV ВВ.

© 2018 г. С. Н. Савенко

В докладе рассматриваются особенности структуры и характеристики могильников крупных центров городского типа поздней Алании и Золотой Орды на примере археологических комплексов эпохи развитого средневековья Рим-Гора в окрестностях г. Кисловодска Ставропольского края и Верхне-Джулатское городище в Северной Осетии. В состав этих комплексов входят общинно-родовые и «языческие» в своей основе катакомбные могильники, христианские и мусульманские захоронения и кладбища. Среди признаков и типичных черт данных некрополей выделяются: масштабность, сочетание и близкое расположение различных типов погребальных сооружений и конфессиональных разновидностей обрядности, высокая плотность заполнения участков могильного поля, сосредоточие, теснота и многоуровневость, перекрывание и перерезание погребальных комплексов, взаимное перекрывание погребальных и хозяйственно-бытовых объектов, использование функционирующих и заброшенных участков культового и иного назначения, и др. Все эти показатели являются отражением многочисленности, этнокультурной, социальной и поликонфессиональной сложности состава населения городских центров. Особо интенсивное использование могильных территорий указывает также на ограниченность свободных городских земель, престижность и, возможно, высокую стоимость земельных участков на городских кладбищах.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Алания, Золотая Орда, Рим-Гора, Верхний Джулат, городские могильники, признаки, особенности.

В эпоху развитого средневековья (X–XIV вв. н. э.) центральные районы Северного Кавказа последовательно входили в состав двух историко-политических образований: «Аланское царство» и «Золотая Орда». Учеными установлено, что тогда на данной территории существовали города, зафиксированные в письменной традиции и в археологических памятниках. Тема изучения средневековых городов региона в отечественной науке сложилась в XVIII – начале XX в. в процессе определения местонахождения «яского города Дедякова» русских летописей, установления расположения столицы Алании арабских и персидских источников и центра Аланской епархии (митрополии) византийских авторов и обследования крупных археологических комплексов городищ Маджары (Ставрополье), Нижний (Кабардино-Балкария) и Верхний (Северная Осетия) Джулат (Зиливинская, 2010, с. 63, Савенко, 2016, с. 246–248), Рим-Гора (Мало-Карачаевский р-н КЧР) (Кузнецов, 2014, с. 76–98).

В середине XIX – начале XX в., помимо визуальных осмотров на таких комплексах стали проводиться эпизодические раскопки, подтвердившие наличие на них как культовых и бытовых объектов, так и могильников. В послевоенные годы XX в. развернулись более масштабные экспедиционные исследова-

ния указанных историко-культурных объектов и определился качественный сдвиг в их изучении. К настоящему времени накоплен и обобщен немалый объем археологических источников, связанных с комплексами, соотносимыми со средневековыми городами центральных районов северокавказского региона. Этот материал изложен в целой серии монографий и иных работ обобщающего характера (Кузнецов, 1971, с. 145–196; 2003; 2014а; 2014б; Маджар и Верхний Джулат, 2015 и др.).

Однако далеко не все аспекты и ракурсы историко-культурной характеристики данных городов проработаны достаточно обстоятельно и глубоко. К кругу задач, требующих более детального рассмотрения, относится продолжение исследования городских могильников поздней Алании и Золотой Орды, анализ особенностей их структуры, типичных черт и иных параметров.

Городские некрополи ордынского времени выявлены и частично исследовались в Маджарах и на Нижнем Джулате (Городцов, 1911, с. 79–105, Ртвеладзе, 1972, с. 153, рис. 2, Нарожный, 1988, с. 162; Маджар и Верхний Джулат, 2015, с. 124–128–134, 152–155, 161–165) Но все раскопанные погребальные объекты датируются сейчас временем не ранее начала – середины XIV в. и позже. Погребаль-

ных комплексов предмонгольского времени в на Маджарском и Нижнеджулатском комплексах не выявлено, как и четко определяемых культурных слоев этого периода.

Особенно информативными для рассматриваемой темы материалами мы располагаем на двух археологических комплексах: Верхний Джулат (Татар-Туп) у сел. Эльхотова и Рим-Гора в окрестностях г. Кисловодска. Есть все основания считать, что с X–XI до XIII в. на Рим-Горе и с середины XI до XV в. на Верхнем Джулате и в его окрестностях проживало достаточно многочисленное население, что, прежде всего, может диагностироваться по могильникам.

На Верхнем Джулате и в его непосредственной округе у с. Эльхотово и станицы Змиевской (Змейской) с конца 1870-х гг. стали раскапываться курганы (Н.Г. Керцели, В.Б. Антонович и др.). На Татартупе и в районе Змейской в 1910-е гг. обследование и раскопки осуществлял Ф.С. Панкратов (Гребенец). Им же впервые исследовались захоронения позднеаланского катакомбного могильника на расстоянии 2,5–3 км к северо-западу от Татар-Тупского минарета, ставшего известным в 1950-е – начале 1960-х гг. В ходе работ СКАЭ 1957–1962 гг. были изучены участки мусульманского могильника у Татартупской и второй мечетей (Милорадович, 1963б, с. 77, 81–82; Кузнецов, 2014, с. 64–68, 71–76), части христианских могильников (Милорадович, 1963а, с. 66–86) у четырех выявленных в границах комплекса церквей, четвертая из которых со склепом и могилами возле нее на правом берегу р. Терек раскопана позднее, в 1977 г. (Кузнецов, 2014, с. 76–79), часть вымощенной площади с могильником (28 погребений) под ней по В.А. Кузнецову (Кузнецов, 2003, с. 159–162) или могильник с каменными выкладками по Е.И. Нарожному (Нарожный, 2005, с. 43–46). В 1985 г. во время некачественной организации работ по восстановлению упавшего в 1981 г. Татартупского минарета, на могильнике возле него было разрушено ок. 20 грунтовых погребений и 2 гробницы (склепа?) с кирпичными кладками стен и перекрытиями. Последние, пронумерованные как погребения 10 и 11 (после №№ 1–9, раскопанных в 1960 г. О.В. Милорадович) исследованы Р.Ф. Фидаровым (Фидаров, 2003, с. 25–26, 43–45).

Змейский катакомбный могильник давно увязан В.А. Кузнецовым с Верхнеджулатским городищем и определен им как его городской некрополь. Он исследовался

с рубежа XIX–XX в. до 2014 г. включительно (Савенко, 2017, с. 104–105). До начала 2000-х гг. могильник датировался в пределах X–XII, точнее, XI–XII вв. Но раскопки последних десятилетий позволили расширить его хронологию до конца XIII – первой половины XIV в. Несколько коллективных катакомб (по 4–9 погребенных в камере) с признаками мусульманского обряда были вскрыты Р.Ф. Фидаровым в начале 1990-х гг. (Фидаров, 2003, с. 16–22). Особенно интересны результаты раскопок северо-западного окончания могильного поля, проведенные в 2013–2014 гг. экспедицией под руководством М.А. Бакушева. Тогда было раскопано 117 катакомбных и 654 грунтовых погребения X–XIII вв., по мнению исследователей, а, скорее всего, XII – первой пол. XIV в. Для оценки историко-культурной ситуации и подтверждения связи могильника с городом Верхний Джулат – Татар-Туп – важны погребения во входных ямах (дромосах) 26 катакомб и 9 дромосах – заготовках (Бакушев, Леонтьева 2018, с. 397–399). В данной ситуации явно видится постепенный переход от древнего «языческого» обычая захоронений в катакомбах к каноническим христианским и мусульманским обрядовым нормам. Возможно, в этот период часть жителей города, традиционно хоронивших своих родственников на общинно-родовом по происхождению аланском некрополе, стала более активно переходить на кладбища у церквей и мечетей. Можно даже предполагать в зафиксированных смещенных погребениях на храмовых кладбищах перенесенные останки близких людей, похороненных ранее на катакомбном могильнике.

Змейский мусульманский участок общего могильника или самостоятельный могильник в северо-восточной части культурного слоя городища, частично перекрытого катакомбным могильником, был впервые обнаружен еще в 1957 г., когда В.Б. Деопик (Ковалевская) на восточной окраине холма городища вскрыла 6 «мусульманских погребений». А Д.В. Деопик при исследовании кобанского поселения встретил также 2 поздние могилы, совершенные, по его мнению, как по мусульманскому, так и по христианскому обрядам. В 1993 г. Р.Ф. Фидаров раскопал здесь еще 3 гробницы со стенами из кирпичных кладок, перекрытых каменными плитами или булыжником с индивидуальным и парными захоронениями (Фидаров 2003, с. 22–25, 38–42).

Историко-культурный комплекс Рим-Гора (Боргусант, Боргустан, Рум-Кала и др.) является крупнейшим из известных памятников на Кавминводах. Первые известия о нем относятся к середине XVII–XVIII в., а в середине XIX в. на памятнике стали проводиться небольшие раскопки, в том числе погребальных объектов (н-р, курган в ст. Боргустанской – Авр. Фиркович, 1849 г., курган и скальные захоронения – М.М. Ковалевский, 1885 г. и др.). С 1927 г. периодически ведутся раскопки основного городского некрополя – катакомбно-могильника Рим-Гора № 1 (Рунич 1970, с. 198–210; Савенко 2017, с. 106). Он датируется X–XII вв., как и основной период функционирования городища. Но еще в 1961 г. на самой Рим-Горе Е.П. Алексеева расчистила 5 погребений с западной ориентировкой, почти не содержащих инвентаря. Они предположительно относились к X–XII вв., назывались «болгарскими» и христианскими. В 1997 г. остатки христианского кладбища на Рим-Горе доследовали Р.Р. Рудницкий и В.А. Фоменко. В 2005 г. В.А. Фоменко обоснованно передатировал погребения отнес их к XIII–XV векам (Фоменко, 2005, с. 23–30), т.е. к позднему периоду функционирования городища.

К комплексу относится и открытый в 1959 г., находящийся на расстоянии около 1 км к юго-западу от городища Учкеевский могильник № 1, состоявший из грунтовых и вырубленных в скальном грунте ям, перекрытых резными каменными фигурными надгробиями с индивидуальными малоинвентарными вытянутыми на спине погребениями, частично со скрещенными на животе или груди руками, с западной ориентировкой, определяемыми как «византийские» или христианские (Кузнецов, 2014б, с. 88–89,

рис. 68–69), а также не менее двух скальных могильников.

Планиграфическая ситуация на рассматриваемых городских некрополях изучена пока не достаточно, так как их могильные поля раскопаны неравномерно и фрагментарно. Характеристика особенностей самого масштабно изученного в настоящее время и самого крупного по площади (до 20 га) позднеаланского Змейского катакомбно-могильника № 1 и могильника Рим-Гора № 1 (площадь 12–13 га) дана мной в недавно опубликованной монографии (Савенко, 2017, с. 160–162, 177–179).

Таким образом, в состав комплексов Верхнего Джулата и Рим-Горы входят общинно-родовые и «языческие» в своей основе катакомбные могильники, христианские и мусульманские захоронения и кладбища. Среди признаков и типичных черт данных некрополей выделяются: масштабность, сочетание и близкое расположение различных типов погребальных сооружений и конфессиональных разновидностей обрядности, высокая плотность заполнения участков могильного поля, сосредоточие, теснота и многоуровневость, перекрывание и перерезание погребальных комплексов, взаимное перекрывание погребальных и хозяйственно-бытовых объектов, использование функционирующих и заброшенных участков культового и иного назначения и др.

Все эти показатели являются отражением многочисленности, этнокультурной, социальной и поликонфессиональной сложности состава населения городских центров. Особо интенсивное использование могильных территорий указывает также на ограниченность свободных городских земель, престижность и, возможно, высокую стоимость земельных участков на городских кладбищах.

ЛИТЕРАТУРА

Бакушев М.А., Леонтьева А.С. Погребения в дромосах катакомб Змейского катакомбно-могильника // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения». Материалы международной научной конференции. (Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г.). Карачаевск: КЧГУ им. У.Д. Алиева, 2018. С. 297–299.

Зиливинская Э.Д. Золотоордынские города Северного Кавказа по данным археологических исследований // Научные ведомости Белгородского университета. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. №7 (78). Вып. 14. С.63–68.

Городцов В.А. Дневник Археологических исследований в Зеньковском уезде, Полтавской губернии, в 1906 году. Результаты археологических исследований на месте развалин г. Маджар в 1907 г. Отдельные оттиски из Трудов XIV Археологического Съезда, Т. III. М.: Тип. О-ва распр. полез. кн. Преемник В.И. Воронов, 1911. 116 с.

Кузнецов В.А. Алания в X – XIII в. Орджоникидзе: Ир, 1971. 248с.

- Кузнецов В.А.* Эльхотовские ворота в X–XV вв. Владикавказ: СОИГСИ им. В.И. Абаева, 2003. 192с.
- Кузнецов В.А.* Верхний Джулат. К истории золотоордынских городов Северного Кавказа. Нальчик: Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН, 2014а. 160с.
- Кузнецов В.А.* Северное Приэльбрусье и Кисловодская котловина в свете алано-осетинской проблемы. Владикавказ: Проект–пресс, 2014б. 206с.
- Маджар и Нижний Джулат. Из истории золотоордынских городов Северного Кавказа / авт. науч. проекта Э.Д. Зиливинская. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. 184с.
- Милорадович О.В.* Христианский могильник на городище Верхний Джулат. Средневековые памятники Северной Осетии. Труды Северо-Кавказской экспедиции 1958–1960 гг. Т. II. // МИА. № 114. М.: Изд-во АН СССР, 1963а. С. 66–86.
- Милорадович О.В.* Средневековые мечети городища Верхний Джулат. Средневековые памятники Северной Осетии. Труды Северо-Кавказской экспедиции 1958–1960 гг. Т. II. // МИА. № 114. М.: Изд-во АН СССР. 1963б. С. 87–106.
- Нарожный Е.И.* К этносоциальной атрибуции городского населения Терско-Кумского междуречья (по материалам мусульманских захоронений эпохи Золотой Орды) // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа / Отв. ред. Т. Б. Тургиев. Орджоникидзе: СОГУ, 1988. С. 159–172.
- Нарожный Е.И.* Средневековые кочевники Северного Кавказа. Армавир: ЦАИ АГПУ, 2005. 210с.
- Ртвеладзе Э.В.* К истории города Маджар // СА. 1972. №3. С. 149–163.
- Рунич А.П.* Катакомбы Рим–Горы // СА. 1970. №2. С. 198–210.
- Савенко С.Н.* К исторической географии Нижнего и Верхнего Джулатов золотоордынского времени (историографические аспекты) // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы Седьмой международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова–Давыдова (8–12 ноября, 2016 г.). Казань – Ялта – Кишинев: Stratum Plus, 2016. С. 246–253.
- Савенко С.Н.* Характеристика социального развития аланского общества Северного Кавказа по материалам катакомбных могильников X–XII вв. н.э. / Археология евразийских степей. Вып. 24. Пятигорск – Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2017. 384с.
- Фидаров Р.Ф.* Мусульманские погребения алан XIII–XIV вв. с могильников Верхнего Джулата. Историко-филологический архив. №1. Владикавказ: Институт истории и археологии РСО–А при СОГУ им. К.Л. Хетагурова, 2003. С. 16–45.
- Фоменко В.А.* Памятники XIII–XV вв. Кисловодской котловины // История и культура народов Северного Кавказа. Сборник научных трудов. Выпуск 3. Пятигорск: ПГТУ, 2005. С. 23–30.

Информация об авторе:

Савенко Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, директор, Пятигорский краеведческий музей (г. Пятигорск, Россия), sovos57@mail.ru

ON THE PROBLEM OF ATTRIBUTES, PECULIARITIES AND CHARACTERISTIC FEATURES OF THE CITY CEMETERIES OF THE CENTRAL CISCAUCASIA OF THE X–XIV CENTURIES

S. N. Savenko

The structural peculiarities and characteristics of the large tombs in the city type centers of the late Alania and the Golden Horde with the archeological complexes of the developed medieval epoch such as Rome mountain in the vicinity of Koslovodsk in Stavropol border and the Upper Julat township in North Osetia as examples have been considered in the report. The community and clan and also the “pagan” catacomb tombs in their basis, Christian and Muslim graves and cemeteries are considered as parts of these complexes. Among the attributes and the typical features of these cemeteries the most prominent are: large scale, the combination and the close location of the different types of the tomb constructions and the confessional variety of the rites, the high density fulfillment of the tomb field plots, the concentration, overcrowding, the multi-level, the overlap and the overcut of the tomb complexes, the mutual overlap of the tomb and the economic and household complexes, the using of the functioning and the deserted plots of land used for the rites and some other purposes,

etc. All these indicators are the reflection of the multiplicity, the ethnic–cultural, social, and policonfessional complicity of the city centers population structure. The extremely intensive use of the tomb territories indicates also the scantiness of the free city land, the prestige of being buried there and also possible high cost of the city cemeteries plots of land.

Keywords: The North Caucasus, the Golden Horde, Rome mountain, Upper Julat, city tombs, attributes, peculiarities.

About the Author:

Savenko Sergey N. Candidate of Historical Sciences, Pyatigorsk Museum of Local Lore, Br. Bernardazzi, St., 2, Pyatigorsk, 357501, Russian Federation; sovos57@mail.ru

УДК 902/904

ТЕХНОЛОГИЯ КУЗНЕЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА У НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ПЕРИОДА

© 2018 г. Ю. А. Семькин

Доклад посвящен общей характеристике технологии железообработки у населения Среднего Поволжья в золотоордынский период. Основным методом исследования явился метод металлографии, разработанный Б.А. Колчиным. Аналитические исследования выполнены автором в археологической лаборатории Ульяновского государственного педагогического университета. Металлографически были исследованы коллекции кузнечного инвентаря, происходящие из памятников городского типа: Болгара, Джукетау, Торцекого поселения, грунтового Барбашинского могильника. В результате удалось установить характер и качество кузнечного сырья, набор технологических приемовковки различных изделий, номенклатуру и качество выполнения кузнечных операций, провести сравнительный анализ по технологическим группам отдельных археологических памятников золотоордынского и домонгольского периодов Среднего Поволжья.

Ключевые слова: археология Среднего Поволжья, эпоха Золотой Орды, кузнечное производство, технология, город Болгар, Городище Джукетау, Торцекое поселение, Барбашинский могильник.

Внедрение метода металлографии в археологию во второй половине XX в. позволило исследовать многие ранее не доступные для изучения проблемы истории металлургии и железообработки Восточной Европы. Металлографический метод применительно к археологии в конце 40-х – в начале 50-х годов XX в. был успешно разработан и адаптирован Б.А. Колчиным (Колчин, 1953, с. 10). С некоторыми поправками метод продолжает применяться в отечественных и зарубежных научных центрах до сих пор.

Степень изученности металлургии и железообработки Восточной Европы остается неравноценной. Недостаточно исследована история становления и развития кузнечного производства у населения Среднего Поволжья в эпоху Золотой Орды. Настоящий доклад имеет целью заполнить образовавшуюся научную информационную лакуну. В докладе учтены результаты металлографических исследований кузнечной продукции с памятников Среднего Поволжья городского типа: г. Болгар, г. Джукетау, Торцекого поселения городского типа и Барбашинского грунтового могильника.

Наши исследования были выполнены в археологической лаборатории Ульяновского государственного педагогического университета на металлографическом оборудовании отечественного производства – на микроскопе МИМ-7 и микротвердомере ПМТ-3. Методика проведения металлографических анализов соответствовала практикуемой в Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН. Типологический анализ кузнечной продукции

не является целью данного доклада. Методическим достижением сотрудников Лаборатории металлографии ИА РАН в исследовании проблем технологического развития кузнечного производства древности и средневековья является распределение всей совокупности технологических кузнечных приемов и характеристик кузнечной продукции на две группы. В первую группу входят простые технологии, «связанные с изготовлением цельнометаллических изделий» из железа, стали и пакетированных заготовок (Розанова и др., 2007, с. 35). Ко второй группе отнесены изделия со следами применения приемов сварки железа со сталью, отличающихся повышенными качественными характеристиками. Если изделия первой технологической группы в основном характерны для эпохи раннего железного века, то вторая технологическая группа стала формироваться уже в условиях цивилизации на стадии ремесленного производства.

Технология кузнечного производства города Болгара

Из раскопов г. Болгара учтены результаты металлографических анализов 148 предметов, распределившихся на 23 категории: ножи (73 экз.), деревообделочные предметы (35 экз.), сельскохозяйственные орудия (16 экз.), предметы бытового назначения (21 экз.), предметы конской сбруи (4 экз.) (Семькин, 1996). По данным металлографических анализов установлено, что основным сырьем для кузнечного производства города Болгара в золотоордынский, как и в домонгольский период, были кричное железо и сырцовая неравномерно науглероженная сталь, как

правило, сильно засоренные шлаковыми и неметаллическими включениями.

Качественную продукцию кузнецы Болгара изготавливали из высокоуглеродистой стали, приготовленной предположительно способом цементации. На многих кузнечных изделиях Болгара прослежено применение высокофосфористого железа.

Большая часть кузнечной продукции Болгара (67,4%), изготовленной по этой технологии уверенно отнесена к I технологической группе. Однако, другая часть изделий этой группы (57,6%) была откована с целью улучшения их эксплуатационных качеств за счет целенаправленного использования стальных заготовок в разных вариантах. Этоковка из цельносталей и пакетованных заготовок, а также цементация лезвия и рабочей части изделий. Значительная доля кузнечной продукции Болгара – 28,2% – была откована из кричного железа и неравномерно науглероженной сырцово-й стали. Из такого сырья откованы не только предметы, не требующие применения высококачественного сырья и технологий (гвозди, дверные пробойники, стремена, конские удила), но и инструменты, требующие сложных технологий (ножи, топоры, долота, резцы, ножницы). Столь небрежный подбор кузнечного сырья в железообработке Болгара, вероятно, можно объяснить стремлением увеличить производительность труда за счет упрощения технологии производства в условиях повышенного спроса на ремесленную продукцию. Значительно меньше изделий в коллекции из Болгара отнесено ко II технологической группе – 32,6%. Еще в раннеболгарский период широко практиковались простые технологические схемы, относящиеся к I технологической группе (Семыкин и др., 1994; Семыкин, 1999). Этоковка из цельносталей и пакетованных заготовок. С домонгольского периода Волжской Болгарии в технологию кузнечного производства стали внедряться сложные сварные конструкции (Семыкин, 2015, с. 64–66). В начале X в. в Волжской Болгарии появляются ножи, откованные в технологии трехслойного пакета. Предположительно их можно рассматривать как принадлежность скандинавского мира. Изделия из культурных слоев волжско-болгарских памятников можно рассматривать как датирующий материал, не выходящий за пределы XII в. В раннеболгарский период была широко распространена кузнечная продукция волжских болгар изготовленная по технологии вварки стальной лезы в основу из

мягкого металла (Семыкин, 1998). Правда, в этот период она нередко сочеталась с традиционной для раннеболгарского кузнечества пакетной основой изделия. Технологическая схема вварки стальной лезы в основу из неравномерно науглероженной сырцово-й стали имеет местные среднево-лжские корни.

Во II технологической группе кузнечной коллекции Болгара технологическая схема вварки стальной лезы занимает значительное место и составляет наряду с технологической схемой торцовой наварки 17,5%. В этой группе ведущее место при изготовлении кузнечной продукции занимает технологическая схема боковой наварки стальных полос на основу из мягкого металла, составляя 40,4%. Именно технологическая схема боковой наварки стальных полос, а также V-образная наварка становятся в золотоордынский период наиболее практикуемыми в кузнечном ремесле Болгара (Семыкин, 1996.).

Дополнительные аналитические металлографические исследования подтверждают установленное ранее положение о том, кузнецы Болгара успешно владели основными приемами свободной горячей и холоднойковки, правильно подбирая температурный режим, а также широко практикуя термообработку стали.

Технология изготовления кузнечной продукции Джукетау

Другим крупным городом Среднего Поволжья, интенсивно развивавшимся в домонгольский и золотоордынский периоды, был город Джукетау, остатки которого расположены у г. Чистополя в Республике Татарстан (Набиуллин, 2000; Асылгараева, 2014, с. 444–446). Металлографическими анализами исследованы 26 предметов, которые распределились по 10 категориям: 1) ножи хозяйственного и производственного назначения (11 экз.), 2) топоры-кельты (1 экз.), 3) косы-горбуши (1 экз.), 4) кресала (1 экз.), 5) нако-нечники стрел (7 экз.), 6) кольца от кольчуги (1 экз.), 7) заклепки от кольчужных колец (1 экз.), 8) скребницы для ухода за лошадьми (1 экз.), 9) ключи от пружинных замков (1 экз.), 10) слесарные надфили и напильники (1 экз.).

Следует отметить, что исследованная коллекция разноревременная и неоднородна в плане этнокультурной принадлежности. Основным сырьем кузнечной продукции Джукетау, как и многих других памятников Волжской Болгарии, часто служили слабо прокованные кричное железо и сырцовая

неравномерно науглероженная сталь. Но для качественной продукции, такой как ножи и кресала, нередко применялась высокоуглеродистая сталь, которая подвергалась термообработке – закалке.

Всего в исследованной коллекции было выделено 11 технологических схем: 1) ковка из простого кричного железа, 2) ковка из сырцово-неравномерно науглероженной стали, 3) цементация поверхности, 4) ковка из цельносталей заготовок, 5) ковка из заготовок пакетного металла, 6) ковка из заготовок трехслойного пакета, 7) вварка стальной лезы в основное тело, откованное из кричного железа, сырцово-неравномерно науглероженной стали или из пакетованной заготовки, 8) торцовая наварка, 9) боковая наварка, 10) ковка из двухполосных заготовок, 11) ковка из трехполосных заготовок.

Доля термообработанных изделий в исследованной коллекции составила 19,2%. А если учитывать долю термообработанных качественных изделий, то она возрастает до 23,52%. Отметим, что на кузнечной продукции из Джукетау термообработка в основном представлена вариантом мягкой закалки. Качество кузнечной сварки в целом можно оценить как хорошее. Доля изделий, откованных из кричного железа и сырцово-неравномерно науглероженной стали суммарно составила 26,7%. Цементация и ковка из цельносталей заготовок встречается на 7,7% изделий. Такова же доля технологических схем: вварки стальной лезы, торцовой наварки и двухполосной сварки. Технологическая схема пакетного металла в кузнечном арсенале Джукетау составила 15,5%. Трехслойный пакет среди качественных технологий занимает третье место и используется только при изготовлении ножей. В Джукетау кузнечные изделия I технологической группы составили большинство – 57,7%, изделия II технологической группы составили 42,3%.

Технология кузнечного производства Торецкого городского поселения

Торецкое поселение расположено в Алексеевском районе РТ в 3,5 км севернее Билярского городища (Валиулина, 2004; Валиулина, 2011, с. 118–123). Относительно датирования памятника эпохой раннего Казанского ханства существует также мнение А.Г. Ситдикова, который склонен его относить к периоду позднего золотоордынского периода. Технология кузнечного производства этого памятника прослежена на примере 44 предметов, датированных концом XIV – началом XV в.:

3-х ножей, 2-х топоров, 1 тесла, 1 долота, 2-х ложкарей, 1 скорняжного резца, 4-х ножиц, 2-х молотков, 1-х кузнечных клещей, 1 плужного резака (чересла), 1 косы, 3-х серпов, 1 дверного пробоя, 1 гвоздя, 1 крюка для подвешивания мяса, 1 сковороды, 1 котловой петли, 1 ключа от цилиндрического замка, 1 светца, 4-х пряжек, 5 наконечников стрел, 2-х наконечников копий и пик, 1 стремени, 1 удила и одной заготовки (Семыкин Ю.А., 2012, с. 139–161).

По данным металлографического анализа в распоряжении мастеров Торецкого кузнечно-ремесленного центра были кричное железо, неравномерно науглероженная сталь, а также высокоуглеродистая специально приготовленная предположительно сквозной цементацией сталь. Кузнецы этого центра не придавали существенного значения необходимости тщательно проковывать металл заготовки и самого изделия, что отражалось в очень сильной засоренности изделий шлаками и неметаллическими включениями. Впрочем, это не отражалось существенно на эксплуатационных качествах продукции. А, с другой стороны, это уменьшало потери массы металла в результате многократных нагревов и проковок предметов.

В коллекции Торецкого памятника доля изделий, относящихся к I технологической группе, занимает доминирующее положение – 82%. Соответственно доля изделий II технологической группы составила 18%.

По самой простой технологии из кричного железа и сырцово-неравномерно науглероженной стали изготовлено 20 предметов, что составило 46,7% от общего количества исследованных. Среди них представлены изделия, особенно не нуждающиеся в использовании специальных высококачественных технологий, такие как пряжки, дверные пробойники, крюки для подвешивания мяса, дверные ключи, стремени, а также предметы качественного назначения: тесла, ножицы, долота, наконечники копий.

Технология цементации прослежена на двух предметах, к которым предъявлялись повышенные эксплуатационные требования, на двух ножах. Это свидетельствует о целенаправленном применении технологии цементации. Технологическая схема ковки из цельносталей заготовок отмечена на 5 изделиях (11,9%). Здесь также представлены как изделия качественного назначения – серпы, наконечники стрел, резак скорняжный, так и предметы простого назначения – пряжки.

Это может в какой-то мере свидетельствовать о достаточном количестве стального сырья у кузнецов Торецкого кузнечного центра.

Наиболее активно применяемой технологической схемой на изделиях Торецкого поселения была технологияковки из пакетного металла, что составило 19,4%. Отметим, что пакетный металл был одной из наиболее распространенных технологических схем на кузнечной продукции из раннеболгарских памятников.

Технологическая схема наварки стальной пластины на основу из кричного железа или неравномерно науглероженной сырцово-й стали составила 9,5%. Отметим, что такая технологическая схема в кузнечном ремесле волжских болгар была весьма распространенной в золотоордынский период.

Технологическая схемаковки из двухполосной заготовки в коллекции составила 7,14%. Эта технология также была известна и применялась болгарскими кузнецами золотоордынского периода.

Реже применялась технологическая схема торцовой наварки на изделиях из Торецкого поселения – 4,8%. Совсем не встречена в исследованной коллекции технологическая схема вварки стальной лезы в основу из пакетного металла либо из сырцово-й стали. А эта технологическая схема в домонгольский период была ведущей в кузнечном производстве волжских болгар.

Высока доля изделий в Торецкой кузнечной коллекции, изготовленной с применением термообработки – 12 экземпляров из 44 исследованных, что составило суммарно 38,09%. Только на котловой цепи термообработка выглядит как необязательный технологический прием. Оставшиеся 11 предметов с термообработкой относятся к качественной продукции (1 топор, 1 нож, 2 ножниц, 1 скорняжный резак, 1 ложка-рь. 1 плужный резак, 3 серпа). На 25 экземплярах качественных изделий термообработка составила 48%, что является средним показателем для средневековой кузнечной продукции Волжской Болгарии. Кузнецы Торецкого ремесленного центра отдавали предпочтение мягкой закалке. Это было вполне оправданно, так как предотвращало излишнюю ломкость изделий.

Основной вывод, к которому мы пришли на основании металлографических анализов кузнечной продукции Торецкого ремесленного центра состоит в том, что его кузнецы генетически унаследовали и активно применяли технологические приемы мастеров домон-

гольской Волжской Булгарии и эпохи Золотой Орды.

Технологическая характеристика кузнечной продукции из Барбашинского грунтового могильника

Мордовский грунтовой Барбашинский могильник расположен у поляны Фрунзе в Самаре. Коллекция кузнечных изделий, прошедшая металлографический анализ, происходит из погребений Барбашинского грунтового могильника, исследованного в 1935 г. Б.А. Латыниным (Васильев, 1986, с. 227–228), Сташенков, 2014). К настоящему времени микроструктурно из этого памятника изучен 21 предмет (Семькин, 2008).

По данным металлографических анализов коллекции кузнечной продукции, основным сырьем для кузнецов, производивших продукцию для населения, оставившего Барбашинский могильник, были простое кричное железо, неравномерно науглероженная сырцовая сталь, а также специально приготовленная высокоуглеродистая сталь. Качество проковки кузнечного сырья не всегда было высоким. Мастера имели в своем распоряжении, кроме кричного железа и сырцово-й неравномерно науглероженной стали, очень высокоуглеродистую сталь. На кузнечной продукции из Барбашинского могильника было выявлено применение семи технологических схем:

- ковка из кричного железа и сырцово-й неравномерно науглероженной сырцово-й стали;
- ковка из цельностальных заготовок;
- ковка из заготовок пакетного металла;
- ковка в технологии боковой наварки стальной пластины;
- ковка из двухполосной заготовки;
- вварка стальной лезы в основу из различного металла;
- торцовая наварка стальной пластины.

Подсчеты показывают, что из перечисленных технологических схем наиболее широко распространенной в коллекции Барбашинского могильника была ковка из специально приготовленной высокоуглеродистой стали. Она составила 47,6 %. Такая технологическая схема применялась не только при изготовлении высококачественной продукции: ножей, топоров, инструментов, ножниц, но и простой продукции (нескольких пряжек). На втором месте в исследованной коллекции стоит ковка из неравномерно науглероженной сырцово-й стали (14,3%). Такая технологическая схема применялась при изготовлении простой

продукции, требования к которой предъявлялись невысокие. Это ременные пряжки. Высокотехнологичные сварные технологические схемы – боковая косая наварка, варка и торцовая наварка стальной пластины составили в исследованной коллекции по 9,5%. Отметим, что эти технологические схемы применялись только для изготовления высококачественной продукции – ножей и кресал. Реже, по 4,8% в коллекции, отмечены две технологические схемы – пакетный металл и ковка из двухполосных заготовок. Они в коллекции были использованы при изготовлении качественной продукции – топоров и шильев. Необходимо также отметить высокий процент применения термической обработки – закалки (61,9%). При этом кузнецы, снабжавшие своей продукцией население Барбашинской группы, преимущественно применяли резку закалку на мартенсит (отмечена на 8 из 13 термообработанных изделий). Реже кузнецы исследованной коллекции использовали мягкую закалку.

К сожалению, в нашем распоряжении нет данных, отражающих уровень развития кузнечного производства у мордвы VIII–XIII вв. Есть только данные о состоянии кузнечной технологии у мордвы в V–VII вв. Эти данные свидетельствуют о значительном прогрессе кузнечной технологии мордовского населения в эпоху развитого средневековья в составе Золотой Орды по сравнению с эпохой раннего средневековья. Тогда на мордовской кузнечной продукции сложные сварные конструктивные схемы, за исключением пакетного металла, не применялись. Редко применялась ковка из цельностальных заготовок и технология цементации. Основная масса продукции изготавливалась из простого кричного железа. Следует также сказать, что в кузнечной продукции Барбашинского некрополя технологическая группа I составляет большинство (66,7%), а технологическая группа II составила меньшинство (33,3%).

В целом результаты металлографических анализов показали, что кузнецы Барбашинской группы населения владели всеми основными приемами холодной и горячейковки. Они умело использовали опера-

ции кузнечной сварки и термообработки. Уровень железообработки кузнецов, изготавливавших продукцию для Барбашинской группы, был весьма высоким и близок к уровню железообработки населения Волжской Булгарии, Древней Руси и Прикамья в золотоордынское время (Семыкин, 1996).

Сравнительный анализ технологических особенностей кузнечной технологии рассмотренных коллекций кузнечных изделий памятников позволяет сделать следующие выводы общего характера. У кузнецов, снабжавших своей продукцией население Болгара, Джукетау, Торецкого поселения и Барбашинского могильника в распоряжении имелось необходимое сырье: простое кричное железо, неравномерно науглероженная сырьевая сталь и специально приготовленная, предположительно цементацией, высокоуглеродистая сталь. Сырье часто не отличалось высокой степенью прокованности. Обращает на себя внимание доминирование изделий, принадлежащих к I технологической группе (табл. 1). В Болгаре таких изделий – 57,5%, в Джукетау – 57,7%, на Торецком поселении 78,6%, и в Барбашинском могильнике – 66,7%. А в городских центрах Волжской Булгарии домонгольского периода доля кузнечных изделий I технологической группы составила 69,4% (Семыкин, 2015, табл. 12, с. 122).

Соответственно изделия в коллекциях перечисленных памятников, относящихся ко II технологической группе, распределились следующим образом: в Болгаре – 42,5%, в Джукетау – 42,5%, на Торецком поселении – 21,4% и на Барбашинском могильнике – 33,3%. Сравнительный анализ также свидетельствует о заметном изменении технологического арсенала в кузнечном производстве золотоордынского периода по сравнению с домонгольским. Так, технологическая схема варки стальной лезы в основу из железа или неравномерно науглероженной стали с первого места плавно переместилась в золотоордынский период на второе место. Вместе с ней второе место заняла технологическая схема торцовой наварки. А на первое место в этот период уверенно вышла технологическая схема боковой наварки.

ЛИТЕРАТУРА

Асылгараева Г.Ш., Бахматова В.Н., Газимзянов И.Р., Мельников Л.В., Мухаметшин Д.Г., Набиуллин Н.Г., Семыкин Ю.А., Храмченкова Р.Х. Итоги и перспективы исследований Джукетау // Тр. IV Всероссийского археологического съезда Т. III. Казань: Отечество, 2014. С. 444–446.

Валиулина С.И. Батынгуское (Торецкое) III селище и проблема преемственности городской культуры в округе Билярского городища в золотоордынский период // ТА. 2004. № 1–2 (12–13). С. 157–191.

Валиулина С.И. Материальная культура раннего Казанского ханства // Тр. II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. IV М.: Институт археологии РАН, 2011. С. 118–123.

Васильев И.Б. Матвеева Г.И. У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1986. 232 с.

Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси // МИА. №32. М.: Наука, 1953. С. 10–15.

Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА №65 / Труды новгородской археологической экспедиции. Т. II. М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. С. 7–120.

Набиуллин Н.Г. Город Джукетау X–XIV вв. Дисс... канд. ист. наук. Казань 2000. 280 с.

Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. Русское кузнечное ремесло в золотоордынский период и эпоху Московского государства. М.: Знак, 2007. 280 с.

Семыкин Ю.А., Терехова Н.Н. Технология кузнечного производства древних венгров (по материалам Больше-Тиганского могильника VIII – первой половины IX в. // Историко-археологическое изучение Поволжья / Отв. ред. Ю.А. Зеленеев. Йошкар-Ола: МарГУ, 1994. С.

Семыкин Ю.А. Черная металлообработка в Болгаре // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов и литейщиков. / Отв. ред. Г.А. Федоров–Давыдов. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН Татарстана, 1996. С. 88–153.

Семыкин Ю.А. Технология кузнечного производства населения раннего Казанского ханства (по результатам металлографического исследования изделий из черного металла Торецкого поселения) // Актуальные вопросы археологии Поволжья. К 65-летию студенческого научного археологического кружка Казанского университета / Отв. ред. Сташенков Д.А. Казань: ЯЗ, 2012. С. 139–161.

Семыкин Ю.А. К вопросу о поселениях ранних болгар в Среднем Поволжье // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (Вопросы хронологии). Материалы II Международной археологической конференции (Самара, 17–20 ноября 1997 г.). Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 1998. С. 167–184.

Семыкин Ю.А. Технология изготовления кузнечной продукции из Больше-Тархановского могильника // Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности. Сборник научных статей, посвященный 75-летию д.и.н. Евгения Петровича Казакова. / Отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 1999. С. 213–233.

Семыкин Ю.А. Технология кузнечного производства мордовского населения Среднего Поволжья в золотоордынский период (по данным металлографических исследований кузнечной продукции Барбашинского могильника) // Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф. Борис Александрович Латынин. Самарский период жизни. Саратов: Новый ветер, 2008. С. 174–191.

Сташенков Д., Кочкина А.Ф. Борис Александрович Латынин. Самарский период жизни. Самара: Новый Ветер, 2008. 200 с.

Семыкин Ю.А. Черная металлургия и кузнечное производство Волжской Булгарии в VIII – начале XIII вв. / Археология евразийских степей. Вып. 21. Казань: Отечество, 2015. 228 с.

Сташенков Д.А. Барбашинский могильник на территории г. Самары: некоторые итоги изучения и перспективы исследования // Известия Самарского научного центра Российской Академии наук. 2014. т. 16, №3. С. 326–329.

Информация об авторе:

Семыкин Юрий Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова (г. Ульяновск, Россия), semiku@mail.ru

TECHNOLOGY OF FORGING INDUSTRY IN POPULATION OF THE MIDDLE VOLGA REGION DURING THE GOLDEN HORDE PERIOD

Yu. A. Semykin

The report is devoted to the general characteristics of iron processing technology in the population of the Middle Volga region in the Golden Horde period. The main method of researchig was the method of metallografy developed by B. A. Kolchin. Analitical studies were carried out by the author in the archaeological laboratory of Ulyanovsk State Pedagogical University. The author studies the collection of bracksmithing

equipment from Bolgar, Juketau, Torets settlements and Barbashinsky burial ground. As a result, it was possible to establish the nature and quality of forging operations, to conduct a comparative analysis of groups of archaeological sites of the Golden Horde and pre-Mongol periods in the territory of the Middle Volga region.

Keywords: archaeology of the Middle Volga Region. the era of the Golden Horde, forging industry, technology, Bolgar, Juekau, Torets settlements, Barbashinsky burial ground.

About the Author:

Semykin Yuriy A. Candidate of Historical Sciences, Ulyanovsk State Pedagogical University after named I.N. Ulyanov, V.I. Lenin 100th Anniversary Square, 4, Ulyanovsk, 432071, Russian Federation; semiku@mail.ru

Таблица 1.

Распределение кузнечной продукции металлообрабатывающих центров
Среднего Поволжья по технологическим группам

Болгарское городище Распределение ножей по технологическим группам	Технологическая группа I	Технологическая группа II
	57,5%	42,5%
Джукетау Распределение ножей по технологическим группам	57,7%	42,3%
Барбашинский грунтовый могильник Распределение ножей по технологическим группам	66,7%	33,3%
Торецкое поселение Распределение ножей по технологическим группам	78,6%	21,4%:

УДК 902/904

АРХЕОБОТАНИКА НА САМОСДЕЛЬСКОМ ГОРОДИЩЕ: ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

© 2018 г. А. Ю. Сергеев

В статье представлены результаты исследования археоботанической коллекции, собранной на Самосдельском городище. Проанализировано 25 образцов, добытых при помощи техники ручной флотации культурного слоя, а также тяжёлые фракции (минеральный осадок) некоторых из этих образцов (12 проб). Кроме того, изучены 7 скопления зерна, обнаруженных визуально. Учитывая разброс образцов по хронологическим горизонтам и объектам от XI до середины XIV в, пока можно обсуждать лишь суммарный таксономический список. Во флотационных образцах и их тяжёлых фракциях обнаружено 12364 макроостатков культурных, диких и сорных растений, как в карбонизированном, так и в минерализованном виде. Основными сельскохозяйственными культурами памятника являются просо обыкновенное и мягкая пшеница. Меньшее значение имели овёс, ячмень, рожь и бобовые (чечевица). Единственная на сегодняшний день зерновка риса, найденная в слое XI–XII вв. указывает на элитное потребление безусловно импортной продукции жителями Саксина. Среди плодовых растений, чьи семена были обнаружены в значительных количествах, стоит отметить шелковицу, арбуз, дыню и виноград.

Ключевые слова: Нижняя Волга, развитое средневековье, карбонизированные макроостатки, минерализация семян, культурные растения.

При раскопках Самосдельского городища археоботанические находки визуально фиксировались постоянно. К ним относятся как целые пласты проса, так и отдельные косточки абрикоса, персика, вишни, винограда, семена дыни, арбуза (Васильев, Зиливинская – устное сообщение; Васильев, 2015, с. 32–33).

В данной публикации представлены результаты обработки коллекции, которая целенаправленно собиралась в течение полевых сезонов 2009–2011 и 2017 г. В ее состав входят как скопления, большей частью представляющие собой комки горелого зерна, так и флотационные пробы, полученные из образцов культурного слоя, отобранных из различного археологического контекста. Методика флотации подробно описана в литературе (Лебедева, 2009, 2016). Стоит напомнить, что объем одной пробы равнялся 10 л, это стандарт, принятый в ИА РАН.

Ключевым отличием в подходе применительно к собранной коллекции явилось изучение тяжелой фракции (ТФ) – осадка минеральной части почвы, который остается после флотации. В мировой практике исследование этой группы материалов является распространенным или даже обязательным, так как всегда есть макроостатки, удельный вес которых по ряду причин оказывается больше удельного веса воды. В процессе промывки один из образцов показал очень много семян в осадке, сохранившихся в минерализованном виде,

после чего было решено оставлять ТФ для исследований.

Минерализация представляет собой замещение органических компонентов на минеральные в клеточных стенках разных органов растений, в первую очередь, на кремнеземы, карбонат кальция и фосфаты (Zoharyetal, 2012, p. 12). Очевидно, усиленные процессы минерализации связаны, в первую очередь, с региональными особенностями элементарных почвенных процессов в совокупности с жизнедеятельностью человека, при которых происходит интенсивное накопление указанных соединений в слое, их миграция и вступление в реакции с органическими веществами растительных макроостатков. Мы можем с уверенностью говорить о повышенном содержании минерализованных семян как о характерной особенности культурных слоев как Самосдельского городища, так и ряда других золотоордынских центров. На синхронных древнерусских памятниках данный тип сохранения представлен единичными семенами.

Хронологически материалы относятся к двум периодам существования городища: XI – начало XIII в. (домонгольские слои города Саксина) и XIII – сер. XIV в. (золотоордынский период). Однако количество образцов недостаточно велико для того, чтобы делить их в соответствии с указанной периодизацией: всего 25 флотационных образцов (в т.ч. 12 с ТФ), один из которых при анализе был признан смешанным минерализова-

ным скоплением (заполнение бадрапа). Еще два флотационных образца имеют заметно повышенные количества зерен культурных злаков и, скорее всего, являются рассеянными скоплениями. Кроме того, исследовано 7 карбонизированных скоплений. Естественно, что данные по флотационным образцам и скоплениям мы рассматриваем порознь.

Сохранность полученных археоботанических материалов средняя – 3–4 балла по пятибалльной шкале. В общей сложности при разборе флотационных проб и их ТФ извлечено 7791 карбонизированных макроостатков и 691 минерализованных. Образец, происходящий из заполнения бадрапа, содержал 3882 минерализованных макроостатка, и учтен отдельно. При изучении карбонизированных скоплений было выделено еще 3001 макроостатков. Всего 185 (из них 27 минерализованных) макроостатков были извлечены из ТФ. Таким образом, при отсутствии видимых в осадке семян после проведения флотации, изучение последней вряд ли обоснованно. Также было обнаружено несколько тысяч некарбонизированных семян сорных растений, однако вопрос об их приуроченности к слою остается пока открытым, и он выходит за рамки данной работы.

Карбонизированные макроостатки. Доля посевных сельскохозяйственных культур составляет 70,2% в исследованной коллекции, из них на колосовые фрагменты приходится всего 1,2%, а на неопределимые фрагменты культурных злаков и бобовых 13,2%. Остальные 55,8% – это определимые, по крайней мере, до родового уровня зерна и семена, на основе которых и составлен археоботанический спектр памятника. Всего учтено 5378 целых и фрагментированных зерен, из них 2695 происходят из двух образцов. Включение этих двух проб в археоботанический спектр сильно влияет на соотношение основных культур (завышение достигает 15%), поэтому в соответствии с нашей методикой (Лебедева, 2009) на данном этапе исследований мы не включаем их в археоботанический спектр и используем для его построения лишь 22 образца. Слой в целом довольно сильно насыщен: 219 макроостатков культурных растений на 10 л слоя. В распределении по объектам и слоям никаких закономерностей не обнаружено, что может свидетельствовать о преимущественно мусорной составляющей как заполнения ям и жилищ, так и культурного слоя вне сооружений.

Основная культура городища – просо обыкновенное *Panicum miliaceum* (60,5%), обнаружено во всех пробах, также встречены в небольшом количестве зерна проса итальянского *Setaria italic ssp. italica* (0,2%). Зерновки как в чешуях, так и без них, что, по-видимому, отражает разные стадии хранения и подготовки к приготовлению пищи, а также тафономические условия. При этом обнаружено значительное количество незрелых зерен, что, вероятно, связано с древними способами сбора и обработки урожая и является нормой, так как семена проса вызревают неравномерно даже в пределах одного растения. Вторая по значимости культура, встречаемая также во всех пробах – голозерная пшеница (мягкая) *Triticumaestivum*, но ее доля намного меньше, всего 16,0%. Гораздо скромнее представлены овес *Avena sativa* (11,7%) (встречен в 19 пробах), рожь *Secale cereale* (9,2%) (встречена в 17 пробах) и ячмень *Hordeum vulgare* (2,4%). Ячмень также встречен в 17 пробах, но в крайне малых количествах. Из бобовых растений обнаружена лишь чечевица *Lens culinaris* (4 семени; 0,1%). Уникальной находкой стала единственная зерновка риса *Oryzasativa*. Эта находка делает Самосдельское городище вторым в европейской части России памятником, где обнаружена эта культура, и при этом является самой ранней находкой (XI–XII вв.). В Увеке рис датируется концом XIII в. (Лебедева, Кубанкин, 2014, с. 343). Также зафиксирована одна зерновка пшеницы-двузернянки *Triticum turgidum ssp. dicocum*.

Колосовые остатки, или отходы обмола та злаков, – довольно малочисленная категория находок (всего 97 единиц), что нормально для города. Находки сегментов колосового стержня мягкой пшеницы (26,8%) помогли убедиться в том, что и зерновые находки относятся к этому виду, а не к твердой пшенице, поскольку по зерну два вида считаются неразличимыми (Zohary et al., 2012, p. 32).

Садовые и лесные растения в карбонизированном виде представлены слабо, всего 40 единиц (0,5%), почти половина из них шелковица *Morus* sp., остальные – фрагменты скорлупок и ядер орехов, в первую очередь, лещины *Coryllus avellana*, и косточек сливовых *Prunoideae*, единично встречены семена малины/ежевике *Rubu ssp.* и винограда *Viti ssp.*

Дикие и сорные растения составляют 25,4% всей коллекции, на данный момент учтено 1980 семян, однако таксономические определения проведены лишь по 16

образцам, для 804 семян. Семейство Мятликовые Роасеае составляет 39,6%, при этом значительная часть (26,9%) приходится на подсемейство *Panicoideae*, что связано с засоренностью обнаруженного проса близкородственными видами сорняков. Велика доля семейства Маревые *Chenopodiaceae* (24,4%), это одни из самых распространенных на всех средневековых памятниках сорных растений, к тому же их разнообразие в данном регионе весьма велико, так как среди них широко представлены солеустойчивые и засухоустойчивые растения. В отличие от памятников лесной зоны, где доминирует марь белая *Chenopodium album*, здесь не меньшее значение имеет марь фиголистная *Ch. ficifolium*, а также представители рода сведа *Suaeda* spp., особенно много ее семян сохраняется в некарбонизированном виде. Представительны и растения семейства Бобовые *Fabaceae* (10,6%). Высокое содержание семейства Осоковые Сурегасеае (9,6%) связано с их околотовными местообитаниями. Остальные семейства встречаются в небольших количествах.

Категория «прочие», где содержатся семена, фрагменты плодов, вегетативные части растений, которые не могут быть достоверно отнесены ни к одной из перечисленных категорий, а также, вероятно, фрагменты пищи, составляет 3,8%.

Скопления карбонизированных семян. 6 из 7 скоплений представляют собой спекшиеся комки карбонизированного проса, в некоторых из них присутствуют другие культурные растения. Еще одно скопление смешанное, в нем обнаружено не менее пяти видов культурных растений, но основные – мягкая пшеница (78,4%) и просо (17,7%).

Исследование частично рассыпавшихся комков позволило получить информацию об основных засорителях проса. 67,7% составляют Мятликовые (66,3% – подсемейство *Panicoideae*), 21,3% приходится на Маревые, еще 6,0% на Мальвовые *Malvaceae*, 3,5% на Гречишные *Polygonaceae*. Остальные семейства представлены единично. Среди Мальвовых стоит отметить большое количество семян растения, определенного нами как канатник Теофраста *Abutilon theophrasti*, встреченный в пяти скоплениях. Это сорное растение, однако в некоторых странах его разводят для получения грубого волокна и семян, богатых маслом (Губанов и др., 2003, с. 549). В Астраханской области считается заносным растением (Лактионов, 2009, с. 116).

Минерализованные макроостатки. В распределении макроостатков по основным категориям наблюдается следующая картина. Доля зерновых растений составляет 36,6%, сорных – 54,4%, тогда как садовые, бахчевые и лесные виды всего 5,6%, а «прочие» 3,3%.

Семена диких и сорных видов, имеющих плотные покровы, обнаруживают способность к минерализации, а среди культурных злаков таким свойством обладают лишь зерновки проса. Обнаружено 252 штуки как целых, так и фрагментированных зерен. В распределении по слоям и объектам минерализованного проса никаких закономерностей не обнаружено, оно встречено в 18 пробах из 25, поэтому пока можно считать данный факт общим свойством культурного слоя. Как исключение, обнаружен минерализованный фрагмент зерновки овса.

Дикорастущие и сорные виды представлены 376 семенами, однако определения проведены только для 230. Распределение по семействам сходно с карбонизированным блоком: Мятликовые – 47,4% (*Panicoideae* – 43,8%), Маревые – 18,3%, Осоковые – 10,4%, Пасленовые *Solanaceae* – 5,2%. Остальные семейства встречаются в небольших количествах.

Категория «прочие» включает 23 макроостатка.

Скопление минерализованных семян. Из этого скопления происходят 3569 семян плодовых и бахчевых видов (91,9%) и 26 зерен проса, что составляет 0,7%. Здесь же обнаружено 76 семян диких и сорных видов (1,9%) и 211 макроостатков категории «прочие» (5,4%). Таким образом, это скопление принципиально отличается от упомянутых карбонизированных, так как представляет собой, вероятно, кухонные остатки и заполнение бадрапа, а не сторовые зерновые запасы. Подавляющее большинство семян этой категории представлены шелковицей (94,4%), 3370 ед.; по 1,4% приходится на семена арбуза *Citrullus lanatus* и дыни *Cucumis melo*, 2,6% на виноград. Обнаружено по одному семени шиповника *Rosasp.* и инжира *Ficus carica*. Среди диких и сорных растений почти половину (46,0%) занимают семена льна *Linum* sp. (35 шт.). Он предварительно отнесен нами к дикой форме из-за сравнительно небольших размеров семян. Однако нельзя исключать влияние минерализации. Находка этих семян в составе этого скопления, именно в указанном контексте, свидетельствует об использовании льна в качестве пищевого

растения. Остальные семейства представлены единичными семенами.

Основной вывод, который мы можем сделать на основе изучения этой небольшой коллекции, что просо как основная злаковая культура использовалась с одинаковой интенсивностью на всем протяжении существования памятника. Это подтверждают и общий процент, и частота встречаемости, и количество скоплений этой культуры. Здесь мы согласны с авторами раскопок, считающими, что «рис, с которым запекают рыбу», упоминаемый ал-Гарнати в XII в, это на самом деле просо, которое население широко использовало в пищу (Васильев, 2015, с. 33).

Большое значение имела и мягкая пшеница. Как и в случае с рожью, жители региона были знакомы с этой культурой уже в Средневековье, а не с XVIII в., как иногда считается в ботанической литературе (Лактионов, 2009, с. 51, 52).

Изучение археоботанических материалов городов Золотой Орды показывает, что Самосдельское городище находится с ними в одном ряду, так как просо и мягкая пшеница также составляли в них основу структуры потребления земледельческой продукции.

Однако ближе всего к этому памятнику по соотношению этих двух культур стоит Азак (73% просо, 11% пшеница) (Лебедева и др., 2016, с. 99). Возможно, такой перевес в сторону проса указывает на его выращивание в ближайшей округе, так как это более теплолюбивая и засухоустойчивая культура, чем мягкая пшеница.

Овес и рожь встречаются уже в домонгольский период. Предварительная попытка разложить единый спектр по хронологическим периодам показывает, что доля ржи заметно повышается в золотоордынское время с 1,9% до 14,7%.

Представленный спектр бахчевых и плодовых культур пока выглядит гораздо беднее по сравнению с такими же культурами из Увека, Болгара и Азака; вероятнее всего, это объясняется небольшим размером коллекции, и этот список еще пополнится при дальнейших исследованиях. Однако эти находки вполне согласуются с упоминанием ал-Гарнати: «много фруктов, очень сладкие дыни, которые могут переносить зиму». Кроме того, такое крупное скопление семян шелковицы было обнаружено впервые.

ЛИТЕРАТУРА

Васильев Д.В. Торговля и хозяйство города Саксина в XI–XIII вв. (по письменным источникам и по материалам Самосдельского городища) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4, Ист. 2015. № 2 (32). С. 25–36.

Губанов И.А., Кисилёва К.В., Новиков В.С., Тихомиров В.Н. Иллюстрированный определитель растений средней России. Т.2. М.: Товарищество КМК, Институт технологических исследований, 2003. 665 с.

Лактионов А.П. Флора Астраханской области. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2009. 296 с.

Лебедева Е.Ю. Рекомендации по сбору образцов для археоботанического анализа // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 1. / Ред. Е.Н. Черных. М.: Ин-т археологии РАН; Изд-во «Таус», 2009. С. 258–266

Лебедева Е.Ю. Археоботаника: методы исследований и интерпретация результатов // Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых сотрудников) / Отв. ред. Е.Н. Черных, Т.Н. Мишина. М.: ИА РАН, 2016. С. 118–146.

Лебедева Е.Ю., Кубанкин Д.А. Уникальные находки редких растений в золотоордынском городе Уеке // КСИА. 2014. Вып. 236. С. 339–344.

Лебедева Е.Ю., Яворская Л.В., Антипина Е.Е. Природные факторы и системы жизнеобеспечения городов Золотой Орды // Экология древних и традиционных обществ: Материалы V Международной научной конференции (Тюмень, 7–11 ноября 2016 г.) Вып. 5. Ч. 2. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2016. С. 98–101.

Zohary D., Hopf M., Weiss E. 2012. Domestication of Plants in the Old World. Oxford: Oxford University Press.

Информация об авторе:

Сергеев Алексей Юрьевич, младший научный сотрудник лаборатории естественнонаучных методов, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); alexarchbot@yandex.ru

ARCHAEOBOTANY ON THE SAMOSDELKA SETTLEMENT: THE FIRST RESULTS OF RESEARCHES

A. Yu. Sergeev

In the article results of archaeobotanical research are presented a collection obtained on the Samosdelskoe settlement. It was analysed 25 samples extracted with the manual flotation of an occupation layer, and also heavy fractions (a mineral deposit) some of these samples (12 tests). Besides, are studied 7 bulk congestions of the grain which have been found out visually. Considering disorder of samples on chronological horizons and objects from 11th to 14th centuries in while it is possible to discuss only total list of taxa. In flotation samples and their heavy fractions 12364 macrorests of crops, fruit and weed plants, both in charred, and in mineralized a kind are revealed. The basic agricultural crops of a site are broomcorn millet and bread wheat. Oats, barley, a rye and lentil had smaller value. Unique for today grain kernel the rice, found in layer 11th–12th centuries specifies in elite consumption of certainly import production by inhabitants of Saksin. Among fruit plants, whose seeds have been found out in significant amounts, it is necessary to note a mulberry, a water-melon, a melon and grapes.

Keywords: Lower Volga region, high medieval, charred macroremains, mineralization of seeds, crops.

About the Author:

Sergeev Aleksey Yu. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; alexarchbot@yandex.ru

УДК 902/904

**ЧУГУННЫЕ КОТЛЫ С ТЕРРИТОРИИ ЕЛЕЦКОГО КНЯЖЕСТВА
XIV–XV ВЕКОВ**

© 2018 г. Н. А. Тропин

Изделия из чугуна с территории Елецкого княжества (Правобережье Верхнего Дона) до сих пор не являлись предметом исследования. За время многолетних раскопок и разведок, преимущественно Елецким государственным университетом, сформировалась их представительная коллекция, насчитывающая 49 фрагментов и происходящая с восьми памятников. Эти памятники расположены в левобережье нижнего течения Быстрой Сосны, где во второй половине XIV в. образовалось Елецкое княжество. Находки системно впервые вводятся в научный оборот. Основные задачи связаны с выяснением распространения основных типов котлов и времени их бытования. При анализе нами используется классификация К.А. Руденко, учитывающая форму сосудов. Согласно этому, изделия разделены на три группы. Численно преобладают сосуды 2 и 3 групп, имеющих профилированную форму. Имеются некоторые наблюдения о технологии изготовления чугунных котлов. Чугунная посуда не получила своего распространения в бассейне Быстрой Сосны до середины XIV века. Время ее бытования приходится на вторую половину XIV века. Пик же ее распространения – на последнюю четверть XIV века, что вовсе не исключает его использование в хозяйстве и в дальнейшем.

Ключевые слова: чугунные котлы, классификация изделий из чугуна, технология литейного производства, Елецкое княжество, Верхний Дон, торговые связи, Золотая Орда.

Изделия из чугуна с территории Елецкого княжества (Правобережье Верхнего Дона) до сих пор не являлись предметом исследования. За время многолетних раскопок и разведок, преимущественно Елецким государственным университетом, сформировалась их представительная коллекция, насчитывающая 49 фрагментов и происходящая с восьми памятников. Эти памятники расположены в левобережье нижнего течения Быстрой Сосны, где во второй половине XIV в. образовалось Елецкое княжество. По археологическим данным, его территория (ядро) занимала пространство около 300 кв. км в междуречье притоков Талец, Пальна, Ельчик, Воргол. Здесь известно 52 поселения второй половины XIII – начала XV в. В устье р. Ельчик находился летописный Елец с площадью распространения культурного слоя в 15 га.

Изделия из чугуна не являются редкостью на Верхнем Дону. В большом количестве они известны на памятниках второй половины XIII – третьей четверти XIV в. в районе Куликова Поля, однако лишь с одного поселения, Мельгуново 3, они удостоились возможности быть опубликованными (Екимов, 2006). Фрагменты чугунных котлов отмечались исследователями при раскопках поселений сопредельных территорий (Цыбин, 1987; Пряхин, Винников, Цыбин, 1987).

Изделия из чугуна не изготавливались на Верхнем Дону. Данные об этом неизвестны. Вероятнее всего, они поступали преимущественно

в результате торговых контактов. В само же золотоордынское Поволжье, по мнению С.В. Рязанова, чугунолитейное ремесло было привнесено при переселении ремесленников из Средней Азии и отсюда распространилось по территории Восточной Европы (Рязанов, 2008, с. 167).

Ассортимент исследуемых нами чугунных изделий невелик (табл. 1). Основная часть представлена обломками котлов; сковородка – 1 фрагмент; крышка от котла – 1 фрагмент и 1 целая. Диаметры чугунных сосудов удалось определить для 8 котлов. Они составляют 19, 20, 24, 29, 30, 40, 45, 54 см. Значительно преобладают стенки толщиной 0,5–0,7 см.

При анализе чугунных котлов нами используется классификация К.А. Руденко (Руденко, 2000). Она учитывает материал изготовления, форму и детали формы сосуда. Однако мы не располагаем целыми или полностью реконструируемыми артефактами. Из 49 фрагментов мы имеем лишь 15 верхних частей котлов, поэтому мы более упрощенно сможем осветить этот вопрос (рис. 1).

К первой группе (типы Ч2, Ч3, Ч4, по К.А. Руденко) относим сосуды без шейки с вертикальными стенками и цилиндрическим туловом (рис. 1: 8). На них отчетливо фиксируется переход от тулова к донцу. Венчик скошен внутрь или плоский. Эта немногочисленная группа, насчитывающая 4 экз., по две находки – с памятников Аргамач-Пальна-3 и Троицкого археологического комплекса.

Вторую группу (тип Ч5) образуют сосуды с отогнутым наружу венчиком и округлыми плечиками (рис. 1: 2,3,6,7). Срез венчика плоский или закруглен. Группа насчитывает 5 сосудов, по одному экз. с Александровского городища, поселений Аргамач-Пальны 1 и 3, а также два экз. с Целыковки 2.

Третья группа (тип Ч6) включает сосуды с прямым или наклоненным вовнутрь (как бы надогнутым) краем венчика с пологими плечиками (рис. 1: 1, 4). Срез венчика скошен внутрь. На одном из сосудов с Троицкого археологического комплекса сохранилась ручка в виде полочки шириной 6 см. Группа насчитывает 6 сосудов, по одному экз. с Александровского городища и поселения Аргамач-Пальны 2, по два экз. с Целыковки 2 и Троицкого археологического комплекса.

Вторая и третья группы сосудов имеют, на наш взгляд, незначительные различия. Их объединяют профилированный венчик, выпуклые плечики и округлое дно. Эти сосуды заметно преобладают над сосудами первой группы.

Имеющиеся сведения позволяют сделать некоторые наблюдения технологии изготовления чугунных котлов, аналогично другим территориям (Рязанов, 2008, с. 163; Набиуллин и др., 2017). На некоторых фрагментах зафиксированы следы вертикальных «швов» («литейные заливки»), образовавшихся в результате заливки чугуна в литейную полуформу. На двух фрагментах верхних частях котлов отмечены следы «пробок-заплаток» как результат ремонта сосуда после неудачной отливки.

Рассмотрим время бытования чугунных изделий в елецкой округе. В решение этого вопроса отметим, прежде всего, тот факт, что из 8 памятников с находками чугуна на 6 поселениях (за исключением Троицкого археологического комплекса и поселения Аргамач-Пальна 2) проводились раскопки значительной площадью, что делает наше предположение о времени его бытования весьма достоверным.

Наиболее раннее присутствие чугунных котлов фиксируется на многослойном Александровском городище второй-третьей четверти XIV в. В раскопе площадью 568 кв. м частично исследована усадьба, где в жилище и хозяйственных сооружениях найдены фрагменты двух котлов и полной сохранности крышки диаметром 19 см. Находкам сопутствуют фрагмент красноглиняного неполированного импортного сосуда золотордынского круга и два фрагмента стенок

тисненной посуды с зеленой поливой (Коваль, 2010, с. 113). Производство последней осуществлялось в Восточном Крыму в начале 1330-х – 1360-х гг. Она известна также как «штампованная» посуда (Джанов, 1998, с. 82–89).

Возможно, косвенно о времени распространения чугунной посуды могут свидетельствовать результаты исследований на Лавском археологическом комплексе, датированном концом XI – третьей четвертью XIV в. На памятнике раскопками изучено более 2 га площади и собран многочисленный подъемный материал. Обломков чугунного котла найдено лишь 2 экз., один из них как подъемный материал, другой фрагмент – с площади купеческой усадьбы второй половины XIII – третьей четверти XIV в. Складывается впечатление, что в это время чугунная посуда еще не получила своего широкого распространения.

Иная картина возникает при подсчете чугунных сосудов с поселений служилых людей Елецкого княжества последней четверти XIV – первой половины XV в. (поселения Целыковка 2 (14 фр.), Аргамач-Пальна 1 (8 фр.), Аргамач-Пальна 2 (1 фр., подъемный материал), Аргамач-Пальна 3 (10 фр.) Аргамач-Пальна 5 (3 фр.). Для этого времени их число значительно возрастает. Объективным сведениям письменных источников о времени княжества соответствуют нумизматические находки с этих памятников. На поселении Аргамач-Пальна 3 отмечены два ордынских клада, сокрытые в 1385 г. и около 1415 г. (Гончаров, 2011, с. 21). На остальных памятниках найдены единичные данги начала XV века.

Однако пик широкого распространения изделий из чугуна в елецкой округе возможно ограничить до 1395 г., когда ордынские центры были разгромлены Тимуром. Для такого предположения мы можем опереться на результаты раскопок поселений Аргамач-Пальна 3 и Целыковка 2.

Отмечено, что на поселении Аргамач-Пальна 3 все 10 фрагментов чугунных котлов концентрируются в слое на крайнем западном участке памятника и встречены в трех жилищах первого (постройка № 2А) и второго (постройки №№ 2Б, 3) строительных этапов памятника (всего 5 этапов). Последовательность строительных этапов каждого жилища нами прослежена с учетом их взаимного перекрытия (в случае с постройками №№ 2А и 2Б), их планировки относительно друг друга с после-

дующей гибелью и схожими процессами накопления «горизонта мусора» в котлованах подпольных ям. Первый этап мы определяем до 1385 г. (время сокрытия клада 1385 г.), второй – до 1395 г. (сожжение Ельца и княжества Тимуром).

На поселении Целыковка 2 из 14 фрагментов 6 экз. локализуются в площади жилищ (объекты №№ 28, 50), котлованы подполий которых были засыпаны еще при функционировании памятника. К сожалению, последова-

тельность и хронологическая привязка времени гибели этих построек затруднительна.

В итоге мы полагаем, что пик распространения изделий из чугуна в елецкой округе пришелся на последнюю четверть XIV в., что вовсе не исключает его использование в хозяйстве и в дальнейшем. К близким наблюдениям о времени бытования изделий из чугуна во второй половине XIV в. на памятниках Северского Донца пришли Э.Е. Кравченко и М.Л. Швецов (Кравченко, Швецов, 1992, с. 112; Кравченко, 2015, с. 461–462).

ЛИТЕРАТУРА

Гончаров Е.Ю. Нумизматические находки как источник для изучения формирования локальных финансовых систем (Елецкие земли XIV – нач. XV вв.) // На степном пограничье: Верхний Дон в истории средневековой России. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2011. С. 11–22.

Джанов А.В. Гончарные печи XIV–XV вв. на ремесленном посаде Сугдеи // Историко–культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. по материалам поливной керамики. Тез. докл. науч. конф. (Ялта, 25–29 мая 1998 г.). Симферополь, 1998. С. 82–89.

Екимов Ю.Г. Чугунные котлы из древнерусского слоя поселения Мельгуново 3 // Битва на Воже и Куликовское сражение (история и культура средневековой Руси). Материалы Всероссийской научной конференции (Рязань, 7–10 сентября, 2005г.). Рязань: Изд-во «Политех», 2006. С. 146–155.

Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси IX–XVII века. М.: Наука, 2010. 269с.

Кравченко Э.Е., Швецов М.Л. О находках фрагментов чугунных котлов на территориях к западу от Дона // Проблемы археологии Поднепровья. Сб. науч. тр. Донецк: Донецкий государственный университет, 1992. С. 102–113.

Кравченко Э.Е. Памятники золотоордынского времени в степях между Днепром и Доном // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Под ред. С.Г. Бочарова, А.Г. Ситдикова. Кишинев: Stratum Plus, 2015. С. 411–508.

Набиуллин Н.Г., Беляев А.В., Шайхутдинова Е.Ф., Храмченкова Р.Х., Янбаев Р.М. Чугунная посуда Джукетау: предварительны результаты междисциплинарных исследований // ПА. 2017. № 2(20). С. 236–254.

Пряхин А.Д., Винников А.З., Цыбин М.В. Древнерусское Шиловское поселение на р. Воронеж // Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи / Отв. ред. Пряхин А.Д. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1987. С. 5–36.

Руденко К.А. Металлические котлы Поволжья и Приуралья IX–XIV вв. // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Труды ГИМ. Вып. 122. М.: ГИМ, 2000. С. 210–223.

Рязанов С.В. Чугунолитейное ремесло в Золотой Орде // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4–2(60). С. 159–168.

Цыбин М.В. Древнерусские памятники второй половины XIII–XIV вв. в Среднем Подонье // Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи / Отв. ред. Пряхин А.Д. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1987. С. 36–51.

Информация об авторе:

Тропин Николай Александрович, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и археологии, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина РАН (г. Елец, Россия); tropin2003@list.ru

CAST-IRON CAULDRONS FROM THE TERRITORY OF YELETS PRINCIPALITY OF XIV–XV CENTURIES

N. A. Tropin

Articles of the cast iron from the territory of Yelets principality (situated on the right bank of the Upper Don) have not been the object of study hitherto. During the time of many years' excavations and prospecting, mostly by Yelets state university, the imposing collection of these articles, containing 49 fragments and descending from eight monuments, has been formed. These monuments are situated on the left bank of the Fast Sosna lower stream, where Yelets principality was formed in the late XIV century. The finds are systemically introduced into the scientific circulation for the first time. The main tasks are connected with clearing up the spreading of the main types of cauldrons and the period of their existing. In the analysis we use the classification by K.A. Rudenko, which takes into account the shape of the vessels. According to it the articles are divided into three groups. The vessels of groups 2 and 3, which have a profiled form, prevail in number. There are some observations of the cast-iron cauldrons making technology. The cast-iron vessel was not spread in the basin of the Fast Sosna before the middle of the XIV century. The period of its existence comes in the second half of the XIV century. And its peak spread is the last quarter of the XIV century, but this does not mean it was not used in housekeeping later on.

Keywords: cast-iron cauldrons, classification of the articles made of the cast iron, technology of casting production, Yelets principality, the Upper Don, trade connections, the Golden Horde.

About the Author:

Tropin Nikolay A. Doctoe of Historical Sciences, Assistant Professor, Yelets State University named after I. A. Bunin, Communards St., 28, Yelets, 399770, Russian Federation; tropin2003@list.ru

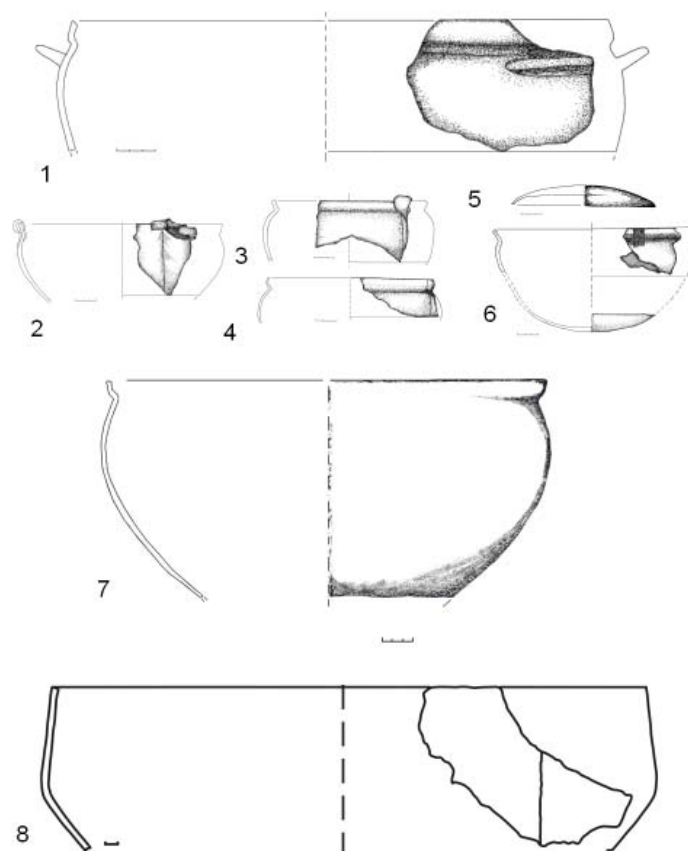

Рис. 1. Чугунные котлы с памятников Елецкой округи.

Таблица 1.

Сведения по чугунным изделиям с памятников Елецкой округи.

Памятники	Котлы из чугуна					Прочие изделия из чугуна
	Венчики (фр.)			Стенки, (фр)	Толщина, (см./фр.)	
	Группа					
	1	2	3			
Поселение Целыковка 2	–	2, Д= 20 см	2, Д=24 см	7	0,3–3 04–3 40,6–1	Фр.сковородки Фр. крышки.
Поселение Аргамач–Пальна 1	–	1, Д=30 см	–	7	0,5–5 0,7–3	–
Поселение Аргамач–Пальна 2	–	–	1	–	0,4–1	–
Поселение Аргамач–Пальна 3	2, Д= 54 см	1, Д= 45 см	–	7	0,4–3 0,5–3 0,7–3 0,9–1	–
Поселение Аргамач–Пальна 5	–	–	–	3	0,5–3	–
Александровское городище	–	1, Д=29 см	1	–	0,4–1 0,5–1	Крышка полной сохранности, д=19 см
Троицкий археологический комплекс	2	–	2, Д= 40 см	5	0,2–1 0,3–1 0,5–2 0,6–2 0,7–3	–
Лавский археологический комплекс	–	–	–	1	0,5–1	Фр.венчика неопределенного изделия

УДК 902/904

О ФИНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ВИЗАНТИЙСКОГО ХЕРСОНА И ЕГО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ С ЗОЛОТОЙ ОРДОЙ (НА ПРИМЕРЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII В. В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ РАЙОНЕ ГОРОДА)

© 2018 г. С. В. Ушаков, А. М. Байбуртский

В историографии нет единой точки зрения на время прекращения жизни на территории херсонесского городища. В его северо-восточной части (в квартале ХСVII) исследованы комплексы разрушений, открытых в конце XX в. Они содержат многочисленные материалы (амфоры, поливная керамика, предметы из металла, нумизматические находки), которые позволяют определить время и возможные причины этого. Сделаны выводы, что большая часть херсонесского городища, (по крайней мере, его Северо-восточный, а также и Северный) районы с жилыми домами и производственными комплексами внезапно погибла в результате катастрофических разрушений и пожаров. Произошло это во второй половине XIII в. (вероятней всего, в 1278 г.) в ходе одного из военных походов монголов. В результате этих событий сильно разрушенный город (и его округа) попадает в полную зависимость от монголов и должен выплачивать им дань. Эти материалы неплохо сочетаются с данными о времени гибели других памятников Крыма.

Ключевые слова: Византийский Херсон XII–XIII вв., Крым, монголы, археологические комплексы, северо-восточный район Херсонеса, амфоры, поливная керамика.

В отечественной историографии нет единой точки зрения на время прекращения жизни Византийского Херсона. Историографическая традиция, ведущая свое начало от А. Л. Якобсона, относит время гибели Византийского Херсона, скорее, к XIV, чем к XIII вв. (Якобсон, 1950, с. 37–42). Эту традицию активно поддерживает А.И. Романчук, представляя новые материалы из Портового района Херсонеса (напр.: Романчук, 1999, с. 187–202; 2005, с. 93–109). Опубликованные материалы последних раскопок Северного района, позволяют склоняться к тому, что там городская жизнь полностью прекратилась в XIII веке: весь найденный археологический материал (поливная столовая посуда, амфоры и пифосы) не выходит за пределы этого столетия. Отсутствие монет Джучидов на всей территории района позволяет вполне обоснованно утверждать, что гибель домов и часовен в пожаре необходимо отнести к началу третьей четверти XIII в. (Рыжов, 2001, с. 310).

Слои разрушения, связанные с последним этапом жизни города, фиксируются по всему херсонесскому городищу, в том числе в его Северо-Восточном районе (Золотарев, Коробков, Ушаков, 1998). Плановые раскопки здесь проводились, начиная с 70-х гг. XIX в., Одесским обществом истории и древностей, затем Императорской археологической комиссией (Золотарев, Ушаков, 1997, с. 30–31, рис. 1) (К.К. Косцюшко-Валюжинич и Р.Х. Лепер), но удовлетворительные отчеты

раскопщики не оставили. В последнее десятилетие прошлого и в начале нынешнего века были проведены значительные археологические исследования в ХСVII квартале Херсонеса (рис. 1Б). Пока представлены только краткие итоги этих работ (Золотарев, Ушаков, 2004; Ушаков, 2005).

Это типичный городской квартал Византийского Херсона, когда все постройки группируются вокруг внутриквартального двора. К настоящему времени здесь было исследовано 23 помещения, два небольших проулка, две цистерны и два колодца. Строительные остатки (стены помещений, в основном подвалы зданий) сохранились на высоту местами до трех метров.

На полу почти всех подвальных помещений обнаружены разбитые пифосы и амфоры. В некоторых из них удалось зафиксировать остатки зерна и рыбы. Амфоры представлены преимущественно сосудами трех типов: 1) толстостенные ветеренообразные борозчатые сосуды с массивными ручками, высоко поднимающимися над узким горлом; 2) с яйцевидным корпусом и дуговидными ручками; 3) с бугристой внутренней поверхностью, плоским дном и уплощенными ручками (рис. 1В). Описаны А.Л. Якобсоном (Якобсон, 1979, с. 109–113, рис. 68: 5–8; 69: 1–4, 6). Типы XXV, XXIII, XXII по херсонесской классификации 1971 г. (Антонова и др., 1971, с. 93–94), классы 52, 45, 48 по классификации 1995 г. (Романчук, Сазанов, Седикова,

1995, с. 73–88), по которой авторы относят их к XII–XIV вв. (Романчук, Сазанов, Седикова, 1995, с. 84, 74, 79). Аналогичные сосуды были широко распространены в комплексах Крыма и Причерноморья (типы Günsenin 3 и Günsenin 4) позднего XII – раннего XIII в. (Günsenin 1989, fig. 12–13, p. 271–276).

Хронологически амфоры хорошо сочетаются с многочисленными находками (из помещений 1–5, 9 и 11) красноглиняной глазурованной посуды, украшенных в технике «champlevé» и «sgraffito» (рис. 2). По типам, определенным В.Н. Залесской, это керамика с врезанной орнаментацией: медальонный стиль, керамика типов «Зевксипп» класс I, II, декорированная в технике снятия фона, типа «позднее сграффито», декорированная в технике позднего сграффито и снятия фона с подцветкой (Залесская, 2011, с. 7). Среди изображений можно отметить Сирина, «толстого» зайца, павлина. Были найдены красноглиняные миски и блюдо тех же форм и с таким же орнаментом, что и на посуде, покрытой поливой, но без глазурованного покрытия (рис. 2: 8).

Простая столовая и кухонная посуда представлена сосудами разнообразных форм (рис. 1В: 5–12). Обнаружены различные предметы из металла (в основном – железный сельскохозяйственный инвентарь), культовые предметы личного благочестия и каменные жернова.

Все перечисленные группы находок позволяют уверенно датировать слой разрушения ХСVII, а также соседнего С квартала второй половиной, точнее, третьей четвертью XIII в. Многочисленные монетные находки (сотни экземпляров) подтверждают эту датировку.

Здания погибли в ходе пожара. Эти могло произойти в 1278 или 1299 г. (Мыц, 1997, с. 65–67). Первая дата выглядит предпочти-

тельней. Таким образом, можно заключить, что большая часть Херсона (как минимум, Северный и Северо-Восточный районы) погибла в ходе катастрофических событий около середины – третьей четверти XIII в., связанных, возможно, с одним из военных походов монголов, когда началось завоевание последних неподвластных им территорий на юго-западе их державы (часть Предкавказья, Правобережье Днестра и Горный Крым – Климаты Готии и Херсон). По мнению В.Л. Мыца, в Таврике были захвачены и разрушены византийские города, крепости, монастыри и сельские поселения (общим числом около 70), о чем может говорить запись на полях «Сугдейского синаксаря» об убийстве татарами всех жителей Сугдеи 28 мая 1278 г. (Мыц, 2016, с. 80–81, 101). На всех этих памятниках выявлены слои тотальных пожаров и катастрофических разрушений с материалом, аналогичным херсонесским (Мыц, 2016, с. 99). Можно предположить, что в результате этих событий и город Херсон, сильно разрушенный, попадает в полную зависимость от монголов и выплачивает им дань.

Жизнь возобновилась только в Портовом районе и, возможно, в небольшой части его Центрального и Западного районов. И городом теперь Херсон так по-настоящему и не успел стать, превратившись в небольшое полудеревенское поселение (Романчук, 1995, с. 152–158), носившее, однако по-прежнему свое некогда гордое и звучное имя.

Таким образом, представленные материалы позволяют уточнить систему взаимоотношений Херсона с Византийской империей, Золотой Ордой и сельджуками Рума в середине – второй половине XIII в. Так, влияние последних, судя по единичным находкам на городище, было ограничено (Залесская, 2011, с. 159).

ЛИТЕРАТУРА

Залесская В.Н. Памятники византийского прикладного искусства. Византийская керамика IX–XV веков. Каталог коллекции. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2011. 256 с.

Золотарев М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В. Кладовая дома XIII века в северо-восточном районе Херсонеса // Херсонесский сборник. Вып. IX. / Отв. ред. М.И. Золотарев. Севастополь: Каламо, 1998. С. 182–194.

Золотарев М.И., Ушаков С.В. Один средневековый жилой квартал Северо-восточного района Херсонеса (по материалам раскопок 1989–1990 гг.) / Херсонесский сборник. Вып. VIII. / Отв. ред. М.И. Золотарев. Севастополь: Ахтиар, 1997. С. 30–45.

Золотарев М.И., Ушаков С.В. Новые исследования в Северо-восточном районе Херсонеса (средневековые памятники) // АДСВ. 2004. Вып. 35. С. 279–294.

Мыц В.Л. О дате гибели византийского Херсона: 1278 г. // Византия и Крым. Тезисы докладов международной конференции. (Севастополь, 6–11 июня 1997 г.). Севастополь: Ахтиар, 1997. С. 65–67.

Мыц В.Л. Завоевания поздневизантийской Таврики монголами: историко-археологический контекст катастрофы последней четверти XIII вв. // *Stratum plus*. 2016. № 6. С. 69–106.

Романчук А.И. Херсон XIV в. – город или полудеревенское поселение (К вопросу о датировке верхних слоев разрушения херсонесского городища) // *Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма*. Симферополь: Таврия, 1995. С. 152–158.

Романчук А.И. Глазурованная керамика поздневизантийского Херсона: К вопросу о гибели города в XIII в. или в XIV в. // *АДСВ*. 1999. Вып. 30. С. 187–202.

Романчук А.И. Находки глазурованной керамики поздневизантийского времени в Херсонесе: местное производство и импорт // *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв.* Сб. науч. трудов. Том I / Под ред. С.Г. Бочарова, В.Л. Мыца. К.: ИД «Стилос», 2005. С. 93–110.

Рыжов С.Г. Средневековые жилые кварталы X–XIII вв. в Северном районе Херсонеса // *МАИЭТ*. 2001. Вып. 8. С. 290–311.

Ушаков С.В. Поливная керамика из комплексов XIII вв. северо-восточного района Херсонеса (квартал ХСVII, помещения 1, 3, 11) // *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв.* Сб. науч. трудов. Том I / Под ред. С.Г. Бочарова, В.Л. Мыца. К.: ИД «Стилос», 2005. С. 70–92.

Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.) / МИА. № 17. М.–Л.: Наука, 1950. 260 с.

Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979. 164 с.

Günsen Nergis. Recherches sur les Amphores Byzantines dans les g Turcs // *Recherches sur la Céramique Byzantine*. Edited by V. Déroche and J. M. Spieser. Athens: École Française d'Athènes. 1989. P. 267–276.

Информация об авторах:

Ушаков Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела античной археологии, Институт археологии Крыма РАН (г. Симферополь, Россия); yshakovsv@list.ru

Байбуртский Аркадий Михайлович, младший научный сотрудник Отдела средневековой археологии, Институт археологии Крыма РАН (г. Симферополь, Россия); surbhachark@rambler.ru

ABOUT THE LATE HISTORY OF CHERSONESSOS AND ITS RELATIONS WITH THE GOLDEN HORDE (THE CASE OF THE ARCHEOLOGICAL ASSEMBLAGES OF THE LATTER HALF OF 13TH CENTURY IN THE NORTH-EASTERN DISTRICT OF THE CITY-SITE)

S. V. Ushakov, A. M. Bayburtskiy

At the present day historiography has no one frame of mind about the time of breakdown of living on the city-site of Chersonese. In the North-eastern district (quarter XCVII) the assemblages of destructions, discovered in the late of 20th century, were investigated. Here consists a great number of material (amphoras, glazed ware, metallic items, numismatical finds) which allows to determine the time when the destructions happened and their potential causes. This material shows that the large part of the city-site of Chersonese (at any rate its North-eastern and Northern districts with the living houses and the industrial complexes) was extinguished unexpectedly as a result of catastrophical destructions and fires. This took place in the latter half of 13th century (likely in 1278) during one of military expeditions of Mongols. As a consequence, the destroyed Chersonese and its environs became addicted to Mongols and were imposed a tax. The materials from the Chersonese districts go well together with the dates about the time of downfall of other monuments of the Crimea.

Keywords: Byzantine Cherson 12–13th centuries, the Crimea, Mongols, archeological assemblages, North-eastern district of Chersonese, amphoras, glazed ware.

About the Authors:

Ushakov Sergey V. Candidate of Historical Sciences, Institut of Crimean Archaeology RAS, Yaltinskaya St., 2, Simferopol, 297800, Russian Federation; yshakovsv@list.ru

Bayburtskiy Arkadiy M. Institut of Crimean Archaeology RAS, Yaltinskaya St., 2, Simferopol, 297800, Russian Federation; surbhachark@rambler.ru

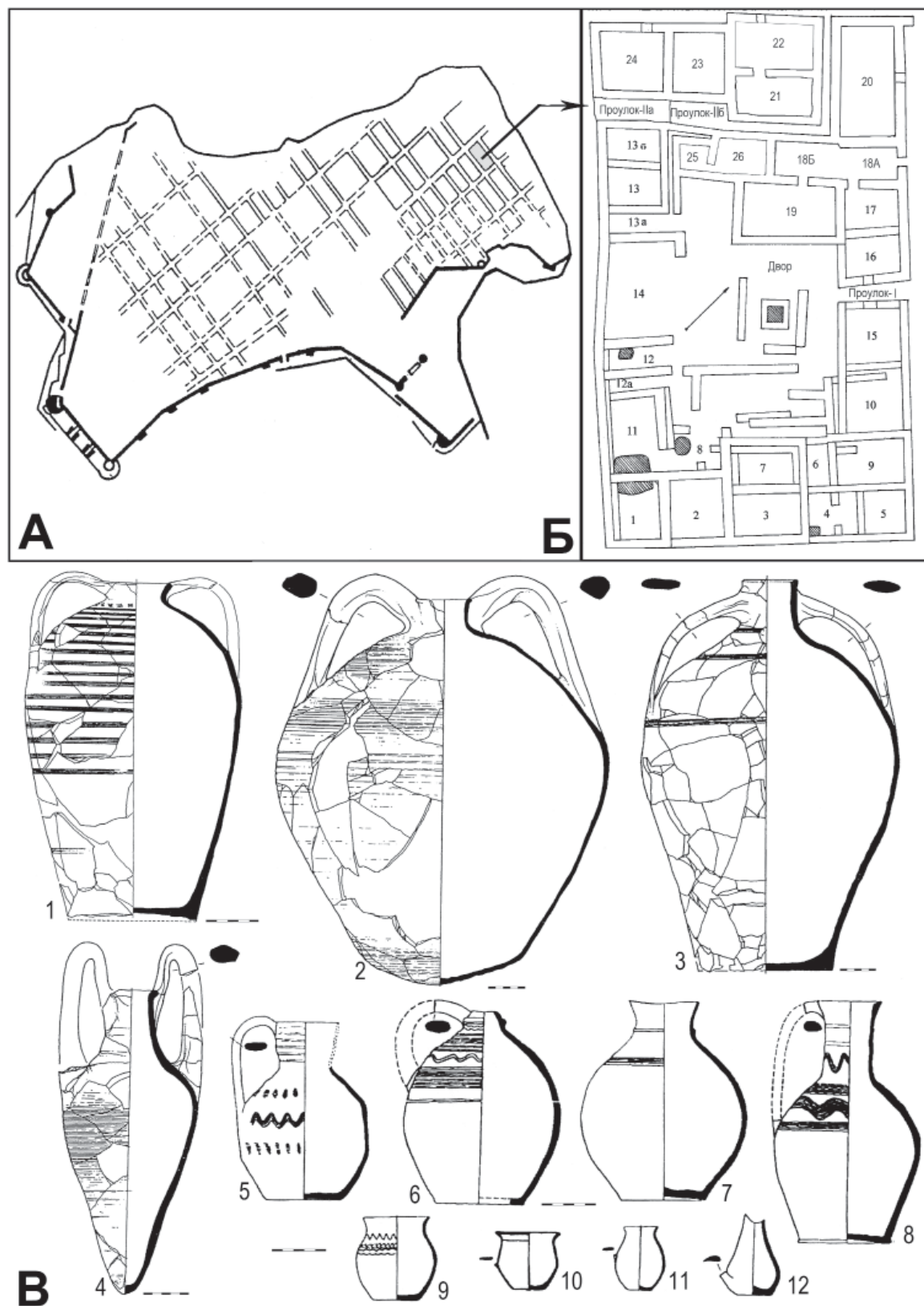

Рис. 1. А – схематический план херсонесского городища; Б – схематический план квартала ХСVII; В – амфоры, кухонная и столовая керамика из слоя разрушения.

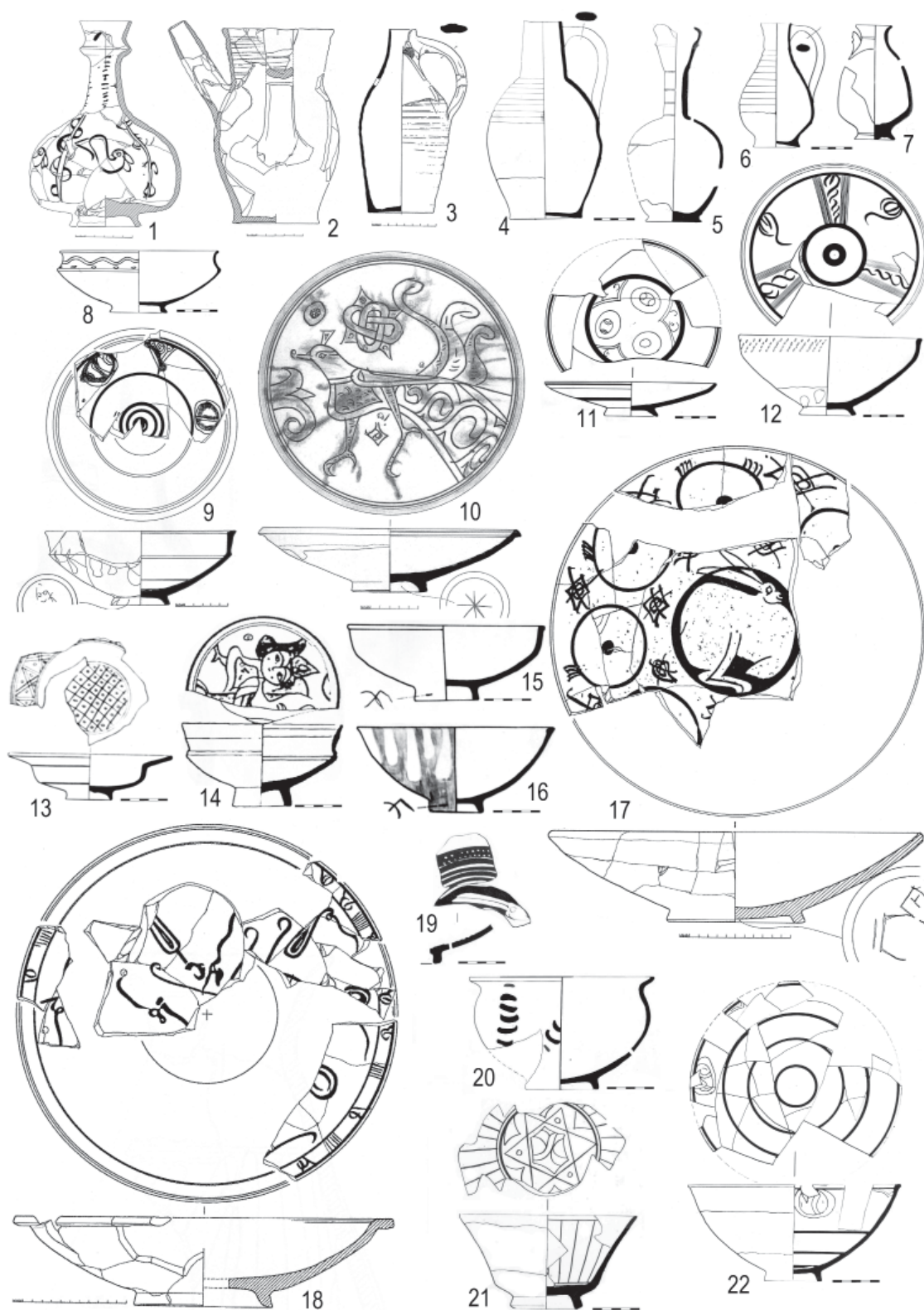

Рис. 2. Поливная керамика из раскопок (слой разрушения) ХСVII квартала.

УДК 902/904

БЕЛОЕ ХАНАКО В СРЕДНЕВЕКОВОМ ХОРЕЗМЕ

© 2018 г. Г. Хожаниязов

В статье описываются новые материалы об уникальном объекте средневекового Хорезма. Комплекс под названием «Белое ханако» построен в Миздахкане в честь Сейда из потомков пророка шейха Сулеймана Хадади Мусевия и находится на территории Ходжейлийском районе Республики Каракалпакстан (Узбекистан). В комплекс, кроме ханако, входят летняя и зимняя мечети, кухня и другие помещения. Анализ собранного материала из раскопа позволяет выделить в жизни данного объекта хорезмшахский (XII–начало XIII вв.) и золотоордынский (XIII–XIV вв.) периоды. Изучаемый объект, устроенный по типу общественно–культовых сооружений средневековой Центральной Азии.

Ключевые слова: археология, Белое ханако, Хорезм, Миздахкан, городище Каракалпакстан (Узбекистан).

Среди культовых зданий ислама особое место принадлежало ханако. Они появляются по мере формирования суфизма, упоминаются уже в X веке и получают значительное распространение в Хорасане, Мавераннахре в XI–XII вв. По свидетельству письменных источников и археологических материалов, в XI–XIV веках ханако воздвигаются на территории средневекового Хорезма. Жители районного центра Ханка Хорезмской области Республики Узбекистан хранят в своей памяти много легенд из истории города. По этим рассказам, город Ханка в древности назывался другим именем, которого они не знают. В этом городе имеется ханако, построенное для сына или племянника знаменитого ясевичского шейха Сеид-ата. Во время монгольского нашествия город Ханка был разрушен и в нем уцелело только ханако, вокруг которого впоследствии возродилась жизнь. С тех пор город стал называться «Хан(а)ка» (Ханка). Эта легенда, очевидно, соответствует исторической действительности; у Абулгази (XVII в.) и авторов хивинских хроник (XVIII–XIX вв.) название города пишется не просто Ханка, а Ханакох (Гулямов, 1957, с. 144).

Побывавший в 1333 году в Хорезме арабский путешественник Ибн Батута упоминает, что Ургенч – цветущий город с богатыми рынками; особенно выделяются медресе Кутлуг Тимура, мечеть и ханако Тюрабек ханум, три загородных ханако (завия)-шейх Наджмеддин Кубра, Джелаладдина ас Самарканди и Абулкасима аз Замахшари. Кутлуг Тимур построил два ханако и учредил в пользу каждой из них вакфы, включающие в свой состав общинные земельные угодья и каналы.

В ханако, выстроенном над могилой шейха Наджим-ад-дина ал Кубра, для приезжающих и уезжающих всегда найдется пища.

Известно, что в честь путешественника был организован прием в ханако Тюрабек ханум (Тизенгаузен, 1884, с. 309–310; Якубовский, 1930, с. 16; Маньковская, Булатова, 1978, с. 76; Гулямов, 1957, с. 103, 169–170).

Археологически изучены ханако в Куна Ургенче, Кават кале, Наринджане, Миздахкане и в других городищах средневекового Хорезма. Ярким примером подобных сооружений Хорезма могут служить, средневековое ханако в городище Миздахкан (рис. 1а,б), которое находится в Ходжейлийском районе Республики Каракалпакстан (Узбекистан).

Городище Миздахкан площадью в 250 га согласно письменным источникам X века был центром двенадцати тысяч замков. По величине он является третьим городом в средневековом Хорезме. В настоящее время в него входят: развалины древнего и средневекового города, древний и средневековой некрополь и другие археологические объекты. На территории некрополя сохранилось ханако. Оно в плане прямоугольник размером 17×19 м (рис. 1вг). Стены возведены из сырцового кирпича (26–27×26–27×5–6 см). Главный фасад обращен на юг и оформлен «П» образным порталом. Проход осуществлен с помощью маршевой лестницы.

В основе здания – пересекающаяся с юга на север и с запада на восток крестообразная планировка. Пол выложен шлифованным кирпичом, по верху обмазан алебастровой штукатуркой. По четырем сторонам центрального зала (5,7×5,7 м), некогда перекрытого куполом, расположены широкие и глубокие стрельчатые ниши, две из которых глухие, а две – сквозные. В нишах, лежащих направо (на восток) и налево (на запад), имеются невысокие суфы. Кроме ниш по четырем бокам центрального зала расположены четыре помещения (№ 7А, В, Е, Н) и длинный коридор,

ведущий в хозяйственную часть комплекса. В помещения 7 А (4,7×3,5 м), где сохранились остатки деревянных стоек и порога от двери, тамбур, который с двух сторон (северной и южной) ограничен деревянными порогами, суфа, камин, ташна (рис. 2в). Ташна облицована жжеными кирпичами. В середине помещения находится очаг, сделанный из сосуда диаметром 36 см. Стены некоторых помещений расписаны различными рисунками и надписями. Среди рисунков встречаются изображения людей, животных (конь), птиц (голуби, утки и др.), лодки с парусами и рулевыми управлениями, различные знаки (7БД) изображения человека и арабские надписи.

Вокруг ханако расположено несколько жилых, хозяйственных и подсобных помещений (№№ 10–17). Среди них особо следует отметить кухню.

Кухня (№ 9) с несколькими очагами, с отдельными топками, где готовилась трапеза. На очагах сохранилось несколько котлов из талькохлорида. Обнаружены также тандыр хорошей сохранности, закрома. Северная и восточная стены, где расположена кухонная утварь, облицованы поливыми керамическими плитами размерами 18×18×3 см (рис. 2а,б). При кухне имеется кладовка-подсобка (пом. 8 и 10). С южной стороны кухни расположено помещение (№ 10) с суфой, ташнау, очаг, канн и другие помещения, которые, возможно, служили для проживания обслуживающего персонала. Все помещения между собой были связаны проходами и узкими коридорами. Некоторые имели отопительные системы (каан), суфу, ташнау, полки, сделанные с помощью прутьев, и др.

Вскрыты банная комната (№ 8) и таарат-хана (№ 9) с элементами внутреннего интерьера: суфа, отопительные системы (каан), скамейка, этажерка, два камина, очаг с котлом, ташнау с канализацией (рис. 2в,г). Кроме того, в комплексе вскрыто еще несколько помещений, часть которых, очевидно, была предназначена для постоя паломников, приходивших к Миздахканской святыне.

С юго-западной стороны ханако имеется «белое здание» (№ 3) в плане квадратной формы (10,5×10,5 м), с квадратным залом (8,2×8,2 м). Перекрытие купольное, от которого сохранилось лишь его основание. Парадный проход здания находится в середине южной стены и оформлен коридорообразной конструкцией со сводчатым перекрытием, второй – в середине западной стены, третий – в восточной стене.

Установлено, что при строительстве данного здания было снесено одно из помещений (7Н) ханако.

В комплекс ханако входили летняя и зимняя мечети с открытыми дворами, полу-подземный мавзолей, подсобные и хозяйственные помещения и другие сооружения. Летняя мечеть (№ 1) представляет собой многоколонный зал площадью 17×15 м. Ее фасады архитектурно не обработаны – это глухие кирпичные стены. Стены мечети с внутренней и внешней стороны обмазывались штукатуркой. В южной стене мечети обнаружена уникальная двойная михрабная ниша прямоугольной формы, оформленная сталактитами и резным орнаментом. Восточная ниша (начало XII–XIII в.) оформлена системой сталактитов, по бокам обведенная двойной куфической надписью. Текст нанесен по периметру П-образной рамки михрабной ниши. Буквы вырезаны из ганчевых блоков прямоугольной формы, последовательно смонтированных вокруг михраба. Почерк – куфи – декоративных очертаний, напоминающий монетные легенды XI веков. На фоне надписи вырезан орнамент в виде растительных побегов, которые завершаются трилистниками (рис. 3а,б). Этот узор также характерен для архитектурной эпиграфики региона Центральной Азии той же эпохи.

Текст в михрабе представляет собой фрагмент из Корана (22:78). Сохранившийся кусок надписи подчеркнут в оригинальном тексте аята и в переводе: «И усердствуйте об Аллахе достойным его усердием! Он избрал вас и не устроил вас в религии никакой тяготы, как и в общине отца вашего, Ибрахима. Он назвал вас мусульманами раньше и в это (время), чтобы посланник был свидетелем для вас, а вы были свидетелями для людей. Выполняйте же молитву, давайте очищение и держитесь за Аллаха! Он – ваш покровитель. И прекрасен покровитель, и прекрасен. Помощник!».

Аналогичные мечети с священным местом михрабом, базами колонн известны из средневековых памятников Хорезма Шах-Санеме [Рапопорт, 1958, с. 417], Куния Ургенче [Вактурская, 1958, с. 481–482], в Дэвкескене [Пугаченкова, 1963, с. 126].

Западная михрабная ниша (XIII–XIV вв.) состоит из геометрических орнаментов. Почти вся орнаментация раскрашена в желтый, белый и красные цвета.

Пол из жженого кирпича (25–26–28–30×25–26–28–30×4–5 см), на нем 16 четы-

рехугольно-ступенчатых и круглых колонн базы из талькохлорида и песчаника.

Зимняя мечеть (№ 2) находится между ханако и летней мечетью. Мечеть в плане прямоугольная (15×13 м) пристроена к восточной стене летней мечети, между собой они сообщаются двумя проходами, находится рядом с западной стороны ханако. Стены мечети возведены исключительно из жженого кирпича (23–24×23–24×4 см). Главный вход направлен на север и оформлен сводчатым входом. Зал мечети прямоугольник (13,4×11,4 м). Михраб расположен в середине южной стены. Пол выложен жжеными кирпичами. Он уникален тем, что здесь на некоторых колоннах базы из песчаника сохранились остатки деревянных стояков. Диаметр 0,3 м, сохранившаяся высота 1–1,5 м.

Южное крыло всего комплекса занимает двор (42×34 м), огражденный сырцовыми стенами и предназначенный для чтения джума-намазов во время праздников Навруз и Хайит байрам.

Время возведения и функционирования Комплекса ханако Сулейман Хадади согласно нумизматическим (Текеш, 1172–1200, Узбек, 1326–1327, Джанибек, 1341–1342, Бердибек,

1358–1359 гг.) и археологическим материалам и датируется XII–XIV веками.

В XII–XIII вв. возводятся ханако и летняя мечеть. Во второй половине XIII–XIV в. с юго-западной стороны ханако было пристроено здание № 3. При его строительстве было снесено одно из помещений № 7Н ханако. Установлено, что белое здание № 3 согласно вакуфному документу Кутлуг Тимура от 1349 года является «Белой ханако», построенной в Миздахкане в честь Сейда из потомков пророка шейха Сулеймана Хадади Мусевия [Гулямов, 1957, с. 129, 169]. Возможно, частично открытое полуподземное сооружение (7К) является усыпальницей самого шейха. В этот период в летней мечети появился новый михраб, прежний был заложен. Возводится зимняя мечеть и несколько помещений служебного характера. Таким образом, раскопанная часть мечети в западном краю комплекса по археологическим и нумизматическим данным датируется второй половиной XIII–XIV в.

В целом открытый Комплекс «Белое ханако» дает немало новых сведений по общественно-культовым сооружениям XII–XIV вв., а также свидетельствует о том, что городище Миздахкан является одним из суфийских центров средневекового Хорезма.

ЛИТЕРАТУРА

- Вактурская Н.Н. О раскопках 1948 г. на Шемахе кале // ТХАЭЭ, Т. I, 1952.
- Гулямов Я.Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент: Издательство Академии Наук Узбекской ССР, 1957. 313 с.
- Маньковская Л.Ю., Булатова В.А. Памятники зодчества Хорезма. Ташкент: Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1978. 192 с.
- Пугаченкова Г.А. Материалы к истории Хорезмского зодчества // МХЭ. Вып. 7. 1963. С. 118–137.
- Рапопорт Ю.А. Раскопки городища Шах Санем в 1952 г. // Тр. ХАЭЭ Т. II. М., 1958. С. 397–420.
- Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.1., СПб., 1884. 289 с.
- Якубовский А.Ю. Развалины Ургенча / Известия ГАИМК. Вып.2. Т.4. Л.: ГАИМК, 1930. 73 с.

Информация об авторе:

Хожаниязов Гайратдин, кандидат исторических наук, заведующий отделом археологии, Научно-исследовательский институт гуманитарных наук Каракалпакского Отделения Академии наук Республики Узбекистан (г. Нукус, Узбекистан).

WHITE KHANAKO IN MEDIEVAL KHOREZM

G. Khozhaniyazov

The article describes new materials about the unique object of medieval Khorezm. Complex White Khanako Mizdahkan built in honor of Seyda descendants of the prophet Sheikh Suleiman Haddadi Musevi and is located on the territory Hegelism district of the Republic of Karakalpakstan (Uzbekistan). Apart from

Khanako, the complex includes summer and winter mosques, a kitchen and other facilities. The analysis of the collected material from the excavation allows us to distinguish the Khorezmshakh and Golden Horde periods.

Keywords: archaeology, White Khanako, Khorezm, Mizdahkan, settlement, Karakalpakstan (Uzbekistan)

About the Author:

Khozhaniazov Gayratdin. Candidate of Historical Sciences, Research Institut of Humanities of Karakalpak branch of the Academy of Sciences of Uzbekistan, Berdakh Av., 41, Nukus, 230100, Uzbekistan.

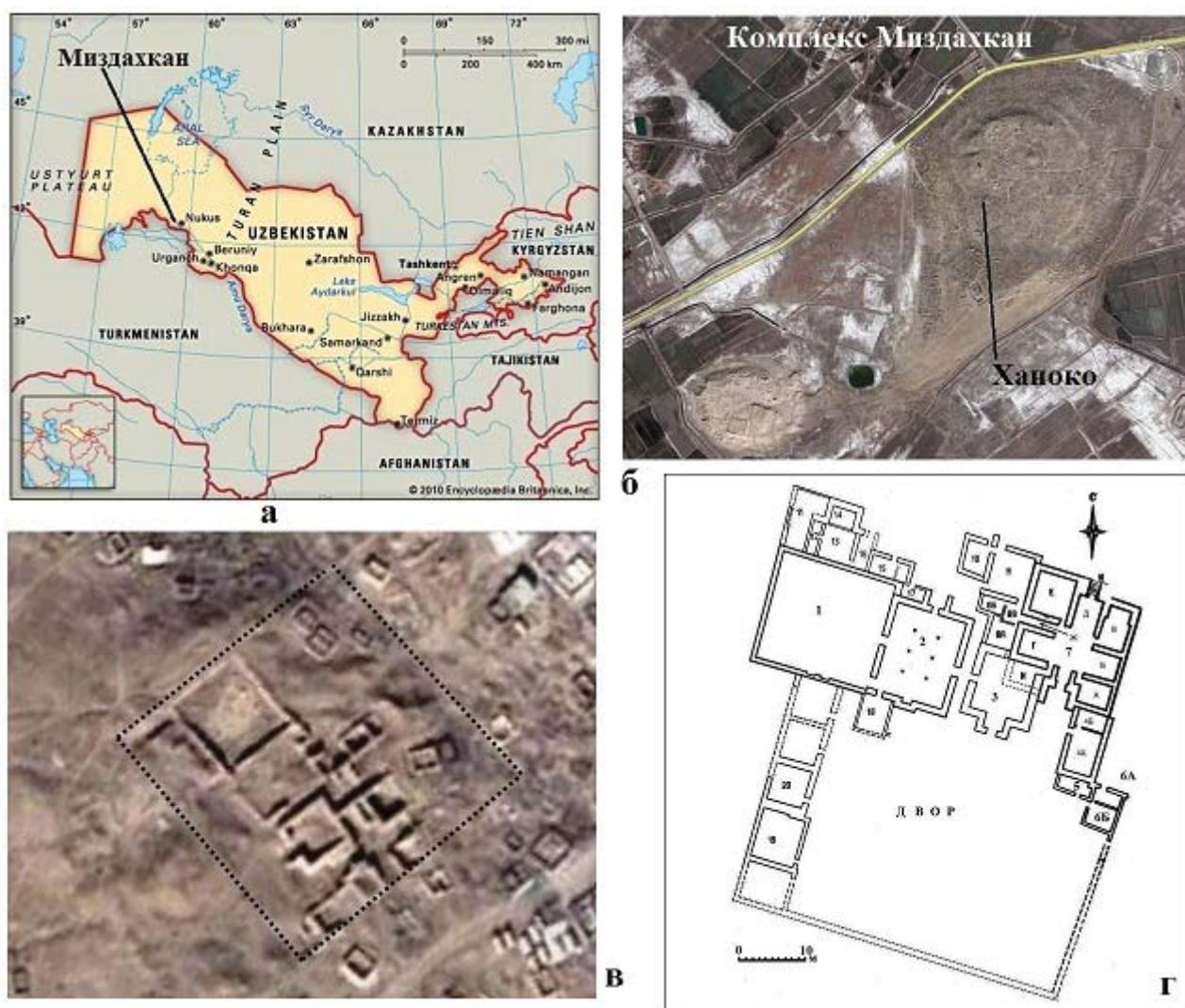

Рис. 1.

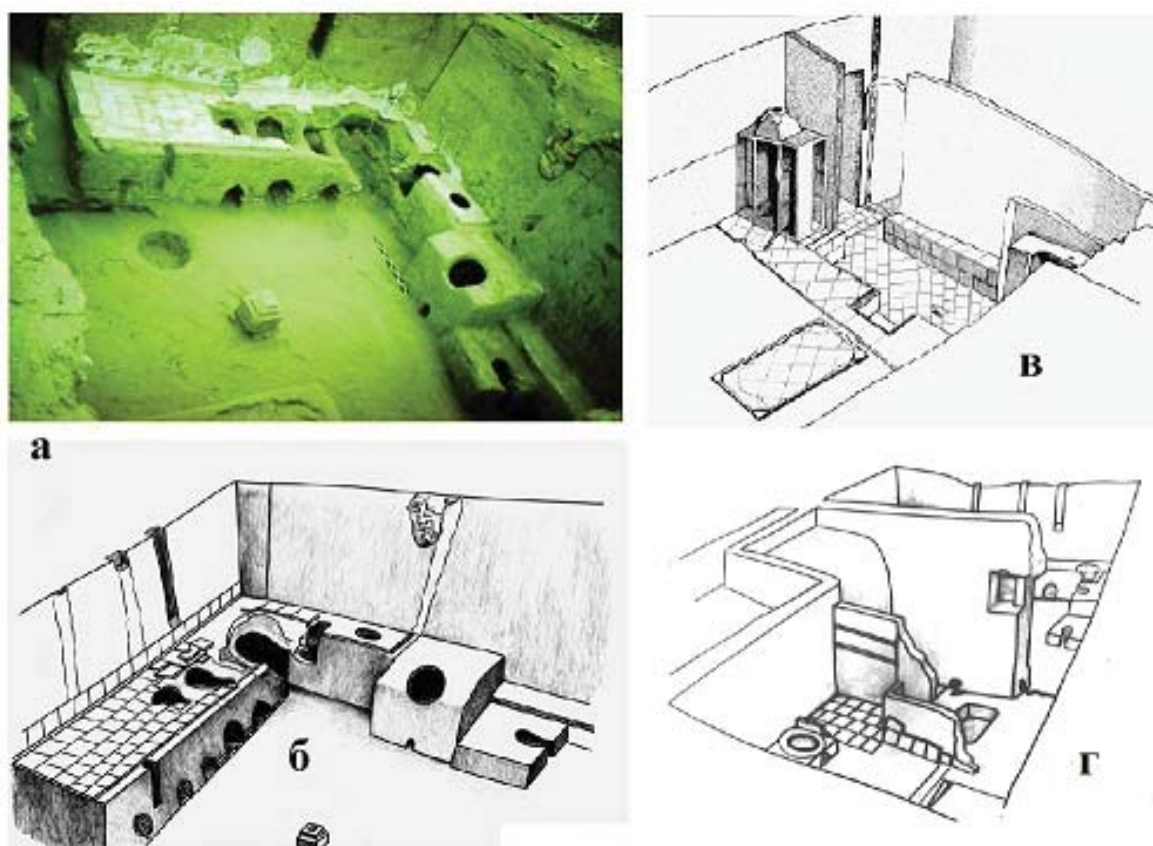

Рис. 2.

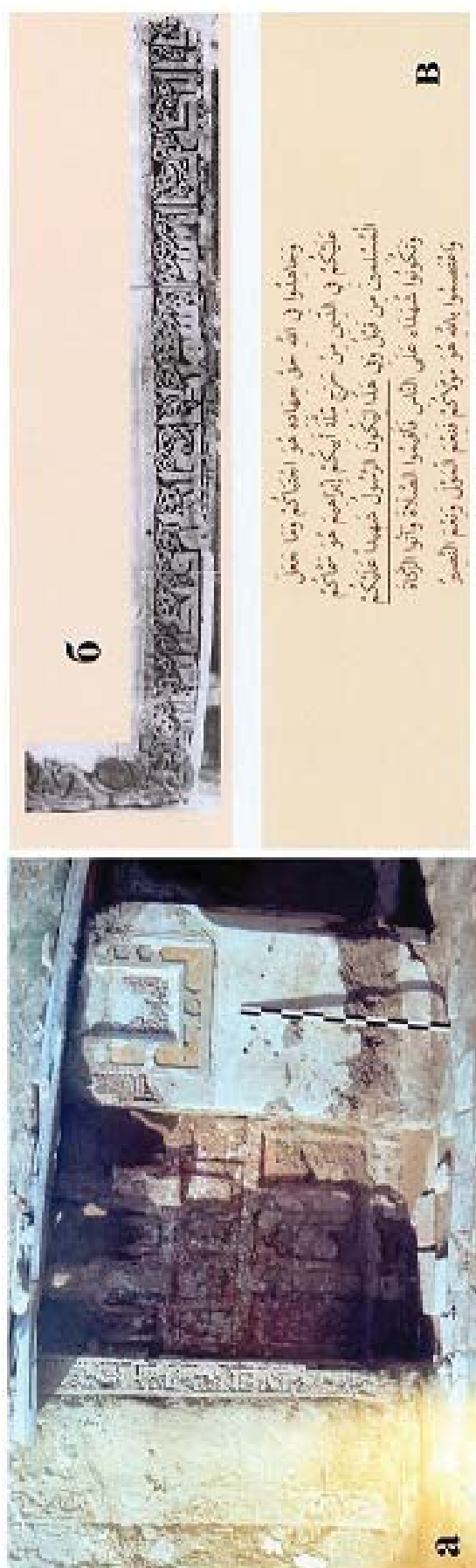

Рис. 3.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ КРЫМА: РИСУНКИ И ЗАПИСКИ АНГЛИЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX В.¹

© 2018 г. Н. И. Храпунов

В статье анализируются рисунки археологических памятников Крыма золотоордынского времени и эпохи Крымского ханства, выполненные с натуры по заказу английского путешественника Ричарда Уэрсли (1796), а также Уильямом Хейсти (1798), Реджинальдом Хебером (1806) и Робертом-Уильямом Хеем (1807). На них представлены сооружения светской и сакральной архитектуры, некоторые из которых не дошли до наших дней или же пострадали от природных и антропогенных факторов. Это обуславливает значение рисунков путешественников для современных архитектурно-археологических исследований. Продемонстрирован потенциал иллюстративных материалов для решения прикладных вопросов изучения Крыма, как например исторической топографии Каффы (Феодосии) или проблемы мусульманского кладбища на территории города Чуфут-Кале. Материалы Хейсти, служившего губернским архитектором, доказывают, что правительство Павла I готовило проект реставрации памятников мусульманской архитектуры Крыма и, таким образом, опровергают популярное суждение о негативном отношении российских властей к исламскому культурному наследию. Показано, как рисунки путешественников формировали образ Крыма в сознании читателей, превращая отдельные памятники в туристические достопримечательности.

Ключевые слова: Крым, золотоордынские памятники, памятники эпохи Крымского ханства, рисунки путешественников, травелоги, воображаемая география

После присоединения Крыма к России в 1783 г. на полуострове побывали многочисленные путешественники, отправившиеся в путь как по долгу службы, так и из любопытства. Ими создан комплекс изображений, на которых представлены в том числе археологические памятники мусульманской эпохи. Значительная часть рисунков выполнена британцами. Ценность этих материалов, прежде всего, в том, что впоследствии некоторые памятники были разрушены, другие пострадали от природных и антропогенных факторов.

Коллекционер Ричард Уэрсли (1751–1805) провел много лет в путешествиях по Восточному Средиземноморью. В 1786 г. он посетил Крым (Cross, 1997, p. 356–358), где пополнил свое собрание четырьмя акварелями. Каталог собрания издали наследники Уэрсли (Museum, 1824, p. 57–63). Крымские рисунки из коллекции Уэрсли похожи на пейзажи Михаила Матвеевича Иванова (1748–1823), который в 80-х гг. XVIII в. путешествовал по югу России (ср.: Кулаковский, 2001, с. 172–173, 178–179 (вклейки); Бертъе-Делагард, 1910, с. 51; Гаврилов, Майко, 2014, с. 46). Иванов мог скопировать

рисунки, выполненные другим художником для Уэрсли или, что более вероятно, что Уэрсли заказал у русского художника вторые экземпляры его рисунков для своей коллекции. Опубликованные в каталоге рисунки и подписи к ним формируют у читателя представление о Крыме как стране с живописной природой, богатой историей и разнообразными археологическими памятниками. Один из рисунков назван «Вид Эски-Крыма, древней столицы Крымской Татари, с Азовским морем» (Museum, 1824, p. 61, 62), но памятники мусульманской эпохи здесь отсутствуют. Показана лишь не сохранившаяся до наших дней армянская церковь, посвященная Богородице (см.: Гаврилов, Майко, 2014, с. 44, 160–167). «Вид Каффы, или Феодосии» из коллекции Уэрсли (Museum 1824: 63, 64) важен для понимания исторической топографии города. На нем видны оборонительные сооружения и несколько не сохранившихся до нашего времени мечетей, в том числе соборная – Шахзаде Сулейман-Хан-Джами (XVI в.), которую разобрали во второй четверти XIX в. (Засыпкин, 1927, с. 140).

Шотландец Уильям Хейсти (1755–1832) большую часть жизни провел в России, сделав

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00053 «Крым в восприятии англичан конца XVIII – начала XIX в.».

карьеру архитектора (Коршунова, 1979; Cross, 1997, p. 305–308). В качестве губернского архитектора Екатеринославской губернии и Таврической области он составил альбом планов и чертежей памятников Крыма (1798), среди которых – ханский дворец в Бахчисарае, «мечеть хана Узбека» в Старом Крыму, две мечети и фонтан в Кезлеве (Евпатории), а также соборная мечеть в Каффе. Некоторые его чертежи отразили текущее состояние памятников (Бахчисарай, малая мечеть и фонтан в Кезлеве), другие – планы их реставрации (мечеть в Старом Крыму, соборные мечети в Каффе и Кезлеве). Чертежи Хейсти свидетельствуют о том, что правительство Павла I обсуждало возможность реставрации архитектурно-археологических памятников Крыма, не исключая и мусульманские здания. Через год после того как Хейсти закончил свои чертежи, император выделил средства на ремонт ханского дворца в Бахчисарае, которые были истрачены на самые разнообразные работы (Гернгросс, 1912, с. 20, 24). Планируемые мероприятия в конечном итоге реализованы не были, однако чертежи профессионального архитектора являются важнейшим источником для современных архитектурных, реставрационных и археологических проектов.

Реджинальд Хебер (1783–1826), знаменитый поэт и миссионер, впоследствии ставший епископом индийской Калькутты, побывал в Крыму в 1806 г. в ходе длительного путешествия по Северной и Восточной Европе, предпринятого с образовательными целями (о нем: Храпунов, 2008а; Храпунов, 2015). Сохранилось 13 видов (точнее, набросков) Крыма, выполненных Хебером тушью и карандашом. В большинстве случаев это меланхоличные пейзажи или виды на полуразрушенные сооружения. С нескольких из них сделаны гравюры, проиллюстрировавшие одно из изданий знаменитых «Путешествий» англичанина Эдварда Даньела Кларка (Clarke, 1810), другие пока не опубликованы. На панорамах Каффы и Балаклавы присутствуют, по-видимому, несохранившиеся до наших дней небольшие (квартальные?) мечети. На рисунке местности между Партенитом и Алуштой заметны несколько характерных для Южного берега жилых домов с плоскими крышами. На отдельных листах показаны мечети в Туаке (ныне Рыбачье) и Кореизе. В дорожном дневнике Хебер отметил различие между светской и сакральной архитекту-

рой крымского южного побережья: в отличие от плоских перекрытий жилых домов, мечети имеют щипцовые крыши, крытые черепицей. Он даже уловил здесь сходство с описанием классических Афин у Аристофана (Храпунов, 2008а, с. 674). Любопытен вид ханского дворца в Бахчисарае, показанный с северо-запада, то есть со стороны главного корпуса, с главной мечетью, мавзолеями и Соколиной башней на заднем плане. Автор показал ряд архитектурных элементов, не дошедших до наших дней.

Роберт-Уильям Хэй (1786–1861) отправился в образовательную поездку после того, как получил степень бакалавра в Оксфорде. Впоследствии он продолжил образование, получив степень магистра, служил в Министерстве по делам колоний (Australian Dictionary..., 1966, s. v. Hay, Robert William). Хэй был знаком с Хебером и переписывался с ним. В ноябре 1806 г. Хебер составил для своего товарища подробную инструкцию об особенностях путешествия по Востоку Европы и о том, каким местам следует уделить особое внимание (Храпунов, 2008b). До Крыма Хэй добрался осенью следующего года. Здесь он выполнил два десятка рисунков, среди которых виды Каффы, Судака, Бахчисарая и Чуфут-Кале. Хэй изобразил несколько мечетей Каффы, в том числе одну несохранившуюся, располагавшуюся близ карантин. Интересны зарисовки ханского дворца в Бахчисарае, показывающие исторический облик ряда построек, впоследствии изменившийся в результате неудачных реставраций. Один из рисунков подписан «Гробница графини Потоцкой» – это мавзолей Диляры бикеч (1763/4 г. н. э.). О реальной жизни этой дамы ничего не известно (Ибрагимова, 2015, с. 175–176). После присоединения Крыма к России некоторые мусульманские памятники были переосмыслены. В частности, вокруг указанного мавзолея начинает формироваться легенда, получившая популярность благодаря, прежде всего, стихам Пушкина и Мицкевича. Она связала мусульманский памятник с вымышленной возлюбленной крымского хана, получившей имя Марии Потоцкой и переосмыслила один из дворцовых фонтанов (Бронштейн, 1997). Рисунок Хэя документирует начальный этап формирования легенды. Другой рисунок назван «Могила ханской дочери на Чуфут-Кале». Это – мавзолей Джанике ханым, построенный в 1437 г. н.э. (Герцен, Могаричев, 2016, с. 165–173). Перед ним можно заметить надгроб-

бия, что подтверждает предположение исследователей о наличии здесь, посреди средневекового города, мусульманского некрополя (Герцен, Могаричев, 2016, с. 173, 174).

Таким образом, комплекс изображений мусульманских памятников Крыма, созданный англичанами в конце XVIII – начале XIX в., представляет значительный интерес для современных археологов, истори-

ков архитектуры и реставраторов. Помимо всего прочего, он свидетельствует о планах российского правительства по реставрации исламского культурного наследия. Наконец, именно эти рисунки создавали образ Крыма в сознании читателей, превращая отдельные памятники в туристические достопримечательности. Публикация указанных материалов остается актуальной научной задачей.

ЛИТЕРАТУРА

- Бертье-Делагард А. Л.* К истории христианства в Крыму // ЗООИД. 1910. Т. XXVIII. С. 1–108.
- Бронштейн А. И.* Трансформация легенды Фонтана слёз // Бахчисарайский историко–археологический сборник. Вып. 1. Симферополь: Таврия, 1997. С. 475–486.
- Гаврилов А.В., Майко В.В.* Средневековое городище Солхат–Крым (материалы к археологической карте города Старый Крым). Симферополь: Бизнес–Информ, 2014. 212 с.
- Гернгросс В.* Ханский дворец в Бахчисарае // Старые годы. 1912. № 4 (апрель). С. 3–32.
- Герцен А. Г., Могаричев Ю. М.* Кырк-Ер – Чуфут-Кале. Крепость на краю седьмого климата. Симферополь: Антиква, 2016. 312 с.
- Засыпкин Б. Н.* Памятники архитектуры крымских татар // Крым: журнал общественно-научный и экскурсионный. 1927. № 2 (4). С. 113–168.
- Ибрагимова А. М.* Бахчисарайский ханский дворец XVI–XVIII вв. Киев: Олег Філюк, 2015. 360 с.
- Коришнова М. Ф.* Архитектор В. Гесте (1755–1832) // ТГЭ. 1977. Вып. 18. С. 132–143.
- Кулаковский Ю.* Прошлое Тавриды. Киев: Стило, 2001. 225 с.
- Храпунов Н.И.* Крым в описаниях Реджинальда Хебера (1806 г.) // МАИЭТ. 2008а. Вып. XIV. С. 645–697.
- Храпунов Н.И.* Путеводитель по Восточной Европе начала XIX века // Бахчисарайский историко–археологический сборник. Вып. 3. / Ред.-сост. Ю. М. Могаричев. Симферополь: Антиква, 2008b. С. 299–315.
- Храпунов Н.И.* Взгляд извне: британский поэт и путешественник Реджинальд Хебер о состоянии Крыма в 1806 г. // Крымское историческое обозрение. 2015. № 3. С. 252–273.
- Australian Dictionary of Biography / gen. ed. D. Pike. Vol. 1: 1788–1850, A–H.* Melbourne: Melbourne University Press; London; New York: Cambridge University Press, 1966. 602 p.
- Clarke E. D.* 1810. Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa. Part the First. Russia Tartary and Turkey. Cambridge: University Press; London: T. Cadell and W. Davies.
- Cross A.* 1997. By the Banks of the Neva: Chapters from the Lives and Careers of the British in the Eighteenth-Century Russia. Cambridge: Cambridge University Press.
- Museum Worsleyanum; or a Collection of Antique Basso-Relievos, Bustos, Statues, and Gems...* Vol. II. London: Septimus Prowett, 1824. 65 p.

Информация об авторе:

Храпунов Никита Игоревич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Россия); Государственный историко-археологический музей–заповедник «Херсонес Таврический» (г. Севастополь, Россия); khrapunovn@mail.ru

A NEW DATA FOR THE STUDIES IN THE LATE MEDIAEVAL MONUMENTS OF THE CRIMEA: THE DRAWINGS BY ENGLISH TRAVELLERS FROM THE LATE 18TH AND EARLY 19TH CENTURIES²

N. I. Khrapunov

This article analyses drawings of archaeological monuments in the Crimea dated to the age of the Golden Horde and the Crimean Khanate drawn from nature by order from English traveller Richard Worsley (1796), and by his 'colleagues' William Hastie (1798), Reginald Heber (1806) and Robert William Hay (1807). These pictures represent sites of sacral and civil architecture, some of which did not survive and some suffered from man-made and natural factors. This substantiates the significance of travel drawings from modern architectural and archaeological researches. This paper uncovers the illustrative materials' potential for applied aspects of the Crimean studies, for example historical topography of Caffa (Feodosia) or the question of Moslem cemetery in the town of Chufut-Kale. Hastie's materials, produced by the governorate architect, testifies that the government of Paul I worked on the project of restoration of Moslem architecture in the Crimea, thus disproving popular argument that Russian authorities regarded negatively the Moslem cultural heritage. It has been shown that the travellers' drawings formed the image of the Crimea in the mind of their readers and shaped individual monuments and sites as touristic attractions.

Ключевые слова: Crimea, Golden Horde monuments, Crimean Khanate monuments, travellers' drawings, travelogues, imagined geographies..

About the Author:

Khrapunov Nikita I. Candidate of Historical Sciences, Crimean Federal University named after V. I. Vernadskiy, Vernadsky Av., 4, Simferopol, 295007, Russian Federation; The State Museum-preserve "Tauric Chersonese", Drevnyaya St., 1, Sevastopol, 299045, Russian Federation; yshakovsv@list.ru

² The work was conducted with the financial support of RFBR, Project No 18-09-00053 "The Crimea in perception of british in late 18th and early 19th CC.».

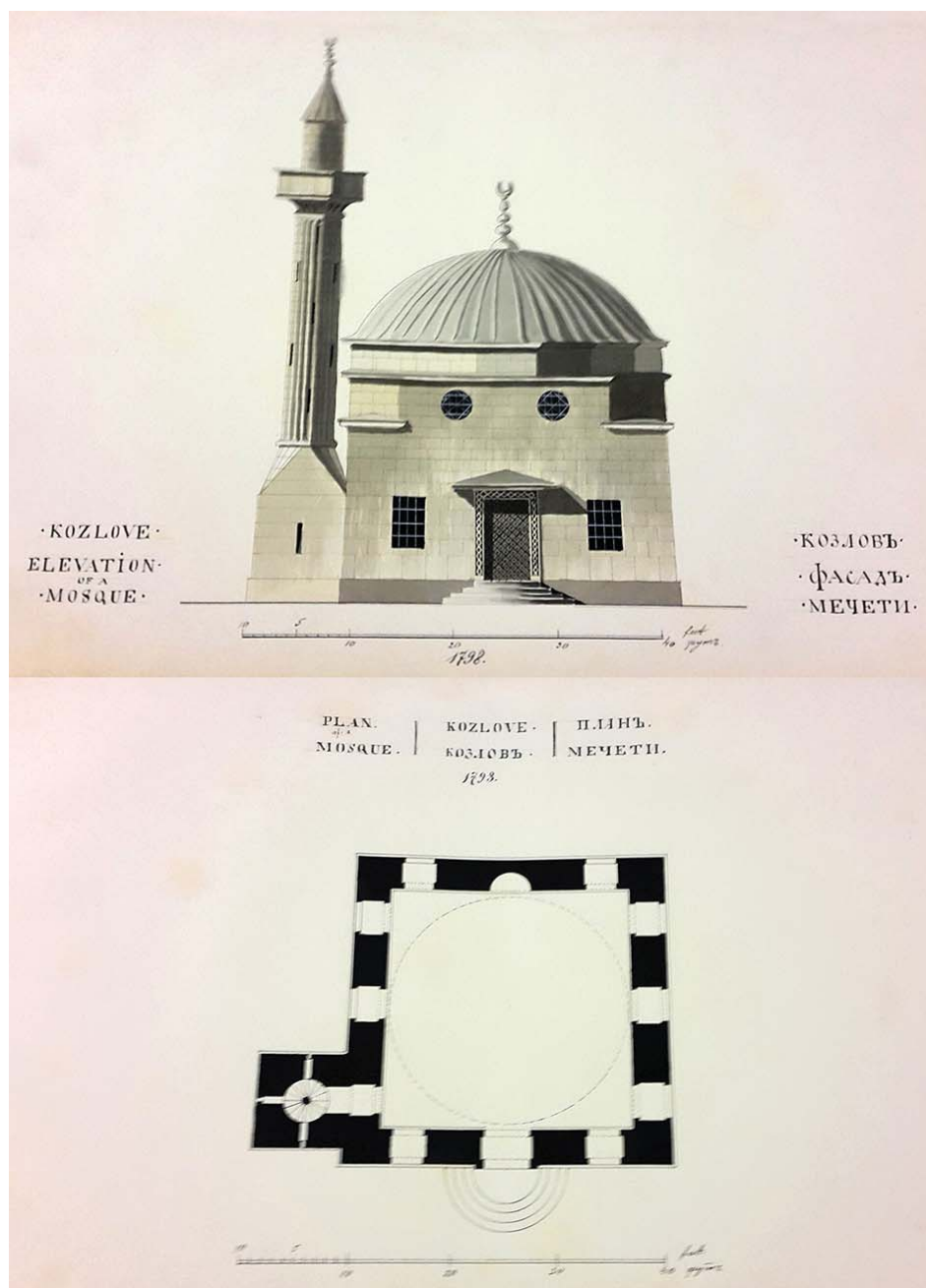

Рис. 1. У. Хейсти. Фасад (вверху) и план (внизу) мечети в Козлове

Рис. 2. Р.-У. Хэй. Бахчисарай (вид на большую ханскую мечеть и ханское кладбище)

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТОТАЛЬНЫХ РАЗМЕРОВ ТЕЛА НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО БОЛГАРА¹

© 2018 г. Е. А. Вагнер-Сапухина, Д. В. Пежемский

Статья посвящена рассмотрению имеющихся в литературе остеологических данных по населению эпохи Золотой Орды. На межгрупповом уровне проанализированы тотальные размеры и форма тела мужской части населения городов и сельской округи с применением ранее не использовавшегося для этого материала метода палеосоматологических реконструкций. Главный акцент в работе делается на определении места серий Болгарского городища в масштабе изменчивости тотальных размеров тела всего золотоордынского населения. В результате исследования была обнаружена значительная разнородность населения Золотой Орды по остеологическим характеристикам как в целом, так и в пределах отдельных городских поселений. В качестве тенденций были отмечены сходства различных серий по абсолютным размерам и отдельным пропорциям скелета. Размах изменчивости групп из некрополей средневекового Болгара настолько значителен, что перекрывает таковой для всех рассмотренных золотоордынских серий. Особенно отличается население Болгара по пропорциям скелета. Были также отмечены относительная однородность сельского населения Золотой Орды и хронологические изменения в размерах тела групп домонгольского и монгольского периодов.

Ключевые слова: физическая антропология, остеология человека, палеосоматологические реконструкции, остеологические данные, тотальные размеры тела и пропорции скелета, население Золотой Орды, Болгарское городище.

В ходе антропологического изучения золотоордынского населения исследователи в первую очередь задавались вопросом о его расовом составе и происхождении, опираясь при этом почти исключительно на данные краниометрии. Изменчивость тотальных размеров и формы тела данного населения, особенности морфологии его скелетной системы долгое время не были востребованы. Однако, с конца 1960-х гг. начинают появляться специальные работы и по остеологии городского и сельского населения Золотой Орды. Прежде всего, это исследования Н.М. Рудь, посвященные населению средневекового Болгара (Постникова, 1970; 1973; Рудь, 1987). Несколько позднее С.Г. Ефимова выполнила работу по домонгольскому населению Биляра (Ефимова, 1982). Непревзойденным остается исследование М.С. Великановой по населению золотоордынского города Шехр аль-Джедид, расположенному в бассейне Днестра, который вошел в литературу как Старый Орхей (Великанова, 1993). В 1990-е гг. ряд работ по остеологии золотоордынского населения опубликовал А.Г. Тихонов. В частности, он изучал могильники Селитрен-

ного городища (город Сарай-Бату) и один из могильников Болгарского городища, выявленных в Раскопе 45 (Тихонов, 1996; 1997; 2003). Ещё один могильник средневекового Болгара – Усть-Иерусалимский – в остеологическом отношении исследовался С.Б. Боруцкой (Боруцкая, 2004; Боруцкая, Васильев, 2006).

На следующем этапе работы по изучению морфологии посткраниального скелета населения золотоордынских городов были продолжены Е.Г. Зубаревой – на основе материалов Красноярского городища на Нижней Волге, А.А. Евтеевым – по материалам Увекского, Е.М. Макаровой – по материалам Болгарского городища (Перерва, Балабанова, Зубарева, 2010; Зубарева, 2011; Евтеев и др., 2013; 2016; Макарова, Ситдилов, Бочаров, 2016).

В связи с отсутствием сравнительной характеристики тотальных размеров и пропорций скелетной системы городского и сельского населения Золотой Орды, а также с учетом появления новых подходов к анализу остеологических данных по древнему населению, возникает необходимость вернуться к опубликованному ранее цифровому мате-

¹ Статья написана по материалам двух докладов, представленных на Международной научной конференции «Эволюционный континуум рода Номо», посвященной 125-летию со дня рождения В.В. Бунака (г. Москва, 17-20 октября 2016 г.) и V Международной Нижневолжской археологической конференции (г. Элиста, 15-17 ноября 2016 г.).

риалу на ином методическом уровне (Пежемский, 2011).

Цель данной работы – изучить размах межгрупповой изменчивости тотальных размеров и формы тела мужского населения Золотой Орды и провести сравнительный анализ остеологических данных, используя авторские методы палеосоматологической реконструкции. Исходя из поставленной цели, были определены следующие задачи:

1) провести сравнительный межгрупповой анализ доступных остеологических данных по населению Золотой Орды, в первую очередь – жителей Поволжья;

2) определить место различных групп населения средневекового Болгара в системе изучаемой межгрупповой изменчивости остеологических признаков;

3) попытаться выявить различия между городским и сельским золотоордынским населением, не взирая на крайнюю малочисленность исходных данных по последнему.

Материалы и методы

Материалами для настоящей работы послужили данные по мужским выборкам, полученные и опубликованные на протяжении последних пятидесяти лет. Женские выборки либо малочисленны, либо представлены не полно. Выбрав основным предметом исследования соматологическое разнообразие населения Болгара, мы привлекли для сравнения остеологические данные по Увекскому городищу (Среднее Поволжье), Селитренному и Красноярскому городищам (Нижнее Поволжье), Старому Орхею (бассейн Днестра, р. Реут). Использованы материалы по сельскому населению Среднего Поволжья эпохи Золотой Орды, а также по нескольким сериям дозолотоордынского времени, включая Биляр (табл. 1). Из остеологических серий, представляющих Болгарское городище, не удалось привлечь к исследованию лишь данные по Усть-Иерусалимскому могильнику – в силу особой формы публикации цифрового материала, систематически применяющейся С.Б. Боруцкой, и препятствующей их использованию другими авторами, в том числе в сравнительных анализах.

В работе мы опирались на абсолютные значения продольных размеров длинных костей скелета, остеологические длины руки и ноги (ОДР и ОДН), а также условный показатель величины скелета (УПВС), предложенный одним из авторов. Продольные пропорции изучены при помощи ряда указа-

телей – интермембрального, луче-плечевого, берцово-бедренного, плече-бедренного, луче-берцового. Данные по широтным характеристикам оказались неполными, так как многие авторы не включали их в программу измерений, однако все, имеющиеся в литературе, были нами включены в исследование. Для реконструкции длины тела использовались размеры бедренной кости и более двадцати специальных регрессионных формул. Методика анализа первичных данных подразумевает повторные авторские вычисления значений палеосоматологических признаков и в целом соответствует подходу, представленному ранее (Пежемский, 2011).

Для анализа межгрупповой изменчивости признаков телосложения нами применен метод бивариантных графиков, как наиболее объективный способ выражения конкретной остеометрической информации, пусть и ограниченной в каждом отдельно взятом случае малым набором признаков и двухмерным характером морфологического пространства.

Результаты и обсуждение

Тотальные размеры тела. Для первичной и самой общей оценки размеров тела рассматриваемого населения был рассчитан условный показатель величины скелета (здесь и далее – УПВС 1), который представляет собой сумму наибольших длин костей верхней и нижней конечности. По данному признаку большинство золотоордынских групп входит в категорию малых величин. Очень малыми значениями УПВС обладают серии, происходящие из кладбища на Вакуровском бугре, из северо-западного некрополя Увекского городища, Измерского и Старокуйбышевского I могильников. В категорию средних по данному признаку входят выборки из Ханской усыпальницы (Болгарское городище) и Маячного бугра (Красноярское городище), а большими значениями обладают серии, полученные из Раскопа 191 Болгарского городища, Старого Орхея и Старокуйбышевского I могильника домонгольского периода (табл. 2).

Реконструированная длина тела для большинства золотоордынских групп характеризуется средней величиной в масштабе мирового размаха признака (и по рубрикации Р. Мартина, и по рубрикации Д.В. Пежемского). Некоторые серии уклоняются по этому показателю в сторону больших или меньших значений. Так, по рубрикации Р. Мартина население Шехр аль-Джедид (Старый

Орхей) и домонгольское население, погребенное в Старокуйбышевском I могильнике, принадлежит к высокорослым популяциям. Три серии, наоборот, отличаются малой величиной длины тела – это население, погребенное на северо-западном некрополе Увекского городища, а также две сельские выборки золотоордынского времени – из Измерского и Старокуйбышевского I могильников.

Реконструированная длина тела для золотоордынских групп в целом варьирует в пределах 159-172 см, средняя величина – 165,1 см (табл. 2). Если исключить отклоняющиеся в сторону высокорослости и низкорослости группы, о которых было упомянуто ранее, то среднее значение этого признака практически не изменится – 165,2 см.

Относительные величины посткраниального скелета позволяют охарактеризовать золотоордынское население как среднерослое с тенденцией к малорослости. На крайнем полюсе этой малорослости находится выборка из некрополя Увекского городища, отличающаяся очень малыми величинами тотальных размеров тела. Отдельные серии, которые и по абсолютным значениям уклоняются в сторону макросомии, отличаются длиной тела выше среднего или большой.

Для описания широтных размеров тела были использованы наибольшая длина ключицы (C11) и ширина таза (I12). Средней длиной ключиц обладает выборка из Вакуровского бугра (Красноярское городище). Очень большие значения данного признака отмечены в группе болгарского населения, погребенного на кладбище Раскопа 191. Серия из некрополя Увекского городища демонстрировала очень малые размеры ключицы, а остальные выборки – из некрополя Селитренного городища, болгарского Раскопа 45, Маячного бугра и Старого Орхея – вошли в категорию малых величин.

Очень малой шириной таза характеризуется население, оставившее Измерский могильник. Средние значения по данному признаку принадлежат выборкам из Селитренного городища и Старокуйбышевского I могильника домонгольского времени. Две серии из Болгарского городища – Ханская усыпальница и Четырехугольник, а также серия из Старокуйбышевского I могильника монгольского периода, входят в категорию больших величин по ширине таза. В категорию очень больших – серия из Раскопа 191 Болгарского городища.

Абсолютные размеры конечностей и их сегментов. Наибольшая длина плечевой кости (H1²) в большинстве случаев относится к категории средних величин. Малыми значениями длины плеча отличаются серии из могильников Вакуровский бугор, Болдыревский и Измерский, а очень малые значения отмечены в сериях из Увекского городища и Старокуйбышевского I могильника домонгольского времени. Большие значения данного признака встречаются в выборках из двух кладбищ Болгарского городища – из Ханской усыпальницы и Раскопа 191 (табл. 1).

Для характеристики размеров предплечья была выбрана наибольшая длина лучевой кости (R1). В большинстве выборок этот признак демонстрирует средние значения. Малыми и очень малыми размерами предплечья обладают те же серии, которые входили в данные категории по размерам плечевой кости. В категорию больших значений можно отнести группу из болгарского Раскопа 191, а в категорию очень больших – из Старого Орхея.

Продольные размеры бедра были оценены по наибольшей длине бедренной кости (F1). Большой длиной отличается группа из Старокуйбышевского I могильника домонгольского времени, а очень большой – из Старого Орхея. В категорию средних попали практически все выборки Болгарского городища, за исключением серии из Раскопа 45. Остальные серии обладали малой длиной бедренной кости или очень малой, как серия из северо-западного некрополя Увекского городища.

Продольные размеры голени были описаны по полной длине большой берцовой кости (T1). В подавляющем большинстве золотоордынское население характеризуется малыми размерами голени. Очень малые значения встретились в сериях из Четырехугольника (Болгарское городище) и Увекского городища. Средними размерами голени обладают группы из Маячного бугра, Старого Орхея и Биляра, а в категорию больших попали выборки из болгарского Раскопа 191 и Старокуйбышевского I могильника домонгольского времени.

Остеологическая длина руки (ОДР) представляет собой сумму наибольших длин плечевой и лучевой костей, остеологическая длина ноги (ОДН) – сумму наибольшей длины бедренной и полной длины большой

² Здесь и далее нами используются начальные буквы латинского названия каждого из классов костей, а также номер признака по методическому руководству Р. Мартина (Алексеев, 1966; Martin, 1928).

берцовой костей. Одинаково малые величины по обоим признакам демонстрируют группы из болгарского Малого Минарета и Болдыревского грунтового могильника. Очень малыми величинами обоих признаков обладают серии из некрополя Увекского городища и Старокуйбышевского I могильника монгольского периода. Большие величины обоих признаков встречаются только в серии из Старого Орхея.

Уже на эмпирическом этапе анализа морфометрического материала можно заметить некоторые закономерности в изменчивости тотальных размеров тела у мужчин золотоордынской эпохи. Например, заметно систематическое отклонение как продольных, так и широтных размеров тела в сторону малых и очень малых величин у населения, оставившего некрополи Увекского и Красноярского городищ (Вакуровский бугор), Болдыревский и Измерский могильники, а также Старокуйбышевский I могильник монгольского периода. Относительно крупными габаритными размерами отличаются мужчины из Старого Орхея, Старокуйбышевского I могильника домонгольского периода и болгарского Раскопа 191, причем последний выделяется на общем фоне своей широкоплеченностью.

Относительные размеры конечностей и их сегментов (продольные пропорции скелета). Сочетание средней ОДР и малой ОДН, то есть тенденцию к брахиморфному строению тела, показывают серии из некрополя Селитренного городища, из Четырехугольника и Раскопа 45 Болгарского городища, из Билярского городища. Сходными пропорциями верхней и нижней конечности обладают при малой остеологической длине руки и очень малой остеологической длине ноги группы из Вакуровского бугра (Красноярское городище) и Измерского могильника, при большой ОДР и средней ОДН – Ханская усыпальница Болгарского городища. Очень большой длиной руки при средней длине ноги, то есть относительно длиннорукостью, характеризуется серия из Раскопа 191 Болгарского городища. Обратные пропорции наблюдаются при малой ОДР и средней ОДН у группы из Маячного бугра (Красноярское городище), при средней длине руки и большой длине ноги – в серии из Старокуйбышевского I могильника дозолотоордынской поры.

Как видно из приведенной характеристики соотношения длины руки и длины ноги, по пропорциям скелета изучаемые серии крайне разнородны, что ещё более ярко выявляется в

ходе анализа соотношения сегментов конечностей (табл. 3). Для наглядности представим результаты этого анализа в графическом выражении (рис. 1-7).

В пространстве, задаваемом значениями условного показателем величины скелета (УПВС) и интермембрального указателя, большинство золотоордынских групп обладают относительно длиннорукостью при средних размерах тела (рис. 1). Вполне ожидаемо в область малых значений УПВС при средних пропорциях конечностей попала серия из некрополя Увекского городища. Выборки из Старокуйбышевского I могильника двух хронологических групп сильно отличаются от остальных относительно короткорукостью, при этом сильно различаясь между собой по тотальным размерам. В рассматриваемом разнообразии можно выделить две группы выборок. Первая из них отличается в целом более крупным скелетом при большей длиннорукости (Старый Орхей, Ханская усыпальница и Раскоп 191 Болгарского городища). Вторая группа включает в себя все остальные поволжские серии. Выборка из Четырехугольника, несмотря на относительно близкое сходство с другими группами, отличается самой большой длиной руки в исследуемых золотоордынских группах.

По пропорциям проксимальных и дистальных сегментов конечностей золотоордынские серии характеризуются относительно длинным плечом и удлинённым предплечьем (рис. 2). Значительно отличаются от всех остальных выборок обе серии из Старокуйбышевского I могильника, для которых характерны обратные пропорции – относительно короткое плечо и предплечье. Серия из раскопа 191 Болгарского городища показывает крайне специфические пропорции проксимальных сегментов конечностей – относительно большую длину плеча. Ещё более своеобразной выглядит выборка из болгарского могильника Четырехугольник, отличающаяся значительной длиной предплечья относительно голени. В сторону меньших, чем в других группах, размеров плеча и больших размеров предплечья отклоняются серии из Малого Минарета (Болгарское городище) и Старого Орхея, а в сторону меньших размеров и плеча, и предплечья – серии из Болдыревского могильника и Маячного бугра (Красноярское городище), оказывающиеся по этому сочетанию признаков очень сходными.

По пропорциям нижней конечности относительно общих размеров скелета золо-

тоордынские группы выглядят достаточно однородно (рис. 3). В данном конкретном случае вновь выделяется серия из некрополя Увекского городища – в силу малых продольных размеров трубчатых костей. Выборка из Четырехугольника отличается от остальных относительно короткой голенью. К ней тяготеют и другие серии из некрополей Болгарского городища – Малый Минарет и Ханская усыпальница, хотя последняя – в меньшей степени. Выборки из Старого Орхея и Старокуйбышевского I могильника дозолотоордынского периода демонстрируют большие значения тотальных размеров тела при средних пропорциях нижней конечности. На этом фоне очень ярко выделяется серия из Раскопа 191 Болгарского городища, она обладает самым крупным скелетом при максимально удлиненной голени.

Внутренняя структура верхней и нижней конечностей визуализирована по данным о луче-плечевом и берцово-бедренном указателях (рис. 4)³. Основная часть золотоордынского населения, столь разнородного, как показывают предыдущие описания, обладает относительно коротким предплечьем при средних пропорциях нижней конечности. По данным признакам можно выделить несколько «крайних» вариантов – серия из Ханской усыпальницы, обладающая самым коротким предплечьем среди золотоордынских групп, выборка из могильника Четырехугольник, имеющая самую короткую голень, что было обнаружено и ранее при сравнении тотальных размеров скелета с пропорциями ноги. Серия из Раскопа 191 Болгарского городища демонстрирует длину предплечья несколько выше средней при значительной длине голени, а выборка из Старого Орхея отличается самым длинным предплечьем. К серии из болгарского Раскопа 191 тяготеют по пропорциям конечностей две нижневолжские группы – из некрополя Селитренного и Красноярского городищ (Маячный бугор), а к серии из Четырехугольника – выборка из Малого Минарета (на уровне тенденции). Стоит отметить, что низкорослое население Увека не отличается по этим важным признакам от основного массива населения центральных регионов Золотой Орды.

³ Стоит отметить, что под дистальными сегментами мы имеем в виду размеры предплечья и голени, как это принято в остеологической литературе (с анатомической точки зрения данные сегменты относятся к средним).

Уточняя пропорции предплечья в пространстве значений луче-плечевого и луче-берцового указателей, можно отметить, что серии из Четырехугольника, Ханской усыпальницы и Старого Орхея вновь резко отличаются от остальных золотоордынских выборок. Обе хронологические группы из Старокуйбышевского I могильника опять, как это было при сравнении плече-бедренного и луче-берцового указателей, очень сближаются между собой, но отделяются от всех других групп в силу крайне короткого относительно голени предплечья (рис. 5). В силу длинного относительно плечевого сегмента предплечья несколько обособленными выглядят серии из Селитренного и Раскопа 191 Болгарского городища.

Поперечные пропорции скелета можно оценить не для всех групп. По условной ширине плеч относительно тотальных размеров скелета можно констатировать некоторое единство рассмотренных серий (рис. 6). Выборки из могильников Красноярского и Селитренного городищ, а также серия из раскопа 45 Болгарского городища, при продольных размерах ниже среднего, обнаруживают относительно узкие плечи. Удивительно, что, при больших продольных размерах скелета, серия из Старого Орхея еще более узкосложена. Серия из некрополя Увекского городища ожидаемо отличается от всех групп не только в сторону микросомии, но и крайней узкосложенности, а выборка из болгарского Раскопа 191 обладает, по-видимому, самым крупным скелетом в целом, обнаруживая большие значения как продольных размеров, так и ширины плеч.

По соотношению тотальных размеров тела и ширины таза группы показывают дисперсное распределение (рис. 7). Можно отметить лишь общую тенденцию к увеличению ширины таза у выборок из некрополей Болгарского городища по сравнению с сельскими выборками того же региона и серией из некрополя Селитренного городища.

Итак, население Болгара по результатам нашего сравнительного анализа оказалось крайне разнородным. На этом фоне обращает на себя внимание выборка из Раскопа 45, так как в литературе высказывалось предположение, что население здесь было захоронено по христианскому обряду. Кстати сказать, отчет о полевых исследованиях лишен этой информации (Аксенова, 1973). По тотальным размерам и пропорциям скелетной системы серия из Раскопа 45 сближается с основным массивом золотоордынских серий, как

городских, так и сельских. Как представляется, эта группа неотличима от большинства золотоордынских серий по данным остеологии. Группа из могильника Четырехугольник наоборот отличается от всех исследованных групп чрезвычайно малой длиной голени. По этому признаку к ней тяготеет серия из Мало-го Минарета, также обладающая несколько меньшими размерами дистального сегмента нижних конечностей. Свою специфику имеет и серия из Ханской усыпальницы, демонстрирующая самую относительно небольшую длину предплечья. Выборка из Раскопа 191 отличается от всех большой величиной скелетной системы и специфическими пропорциями конечностей – здесь, в противоположность серии из Четырехугольника, относительно длинная голень и сегменты верхней конечности, а также очень широкие плечи (в масштабе изменчивости золотоордынского населения). Серия из Раскопа 191 может быть сопоставлена с серией из некрополя Селитренного городища по пропорциям предплечья. Стоит также отметить, что по ширине таза болгарские группы уклоняются в сторону больших размеров этого признака на фоне сельского населения и серии из некрополя Селитренного.

Население Красноярского городища в ряде случаев сближается по пропорциям продольных размеров скелета с населением, погребенным в Болдыревском грунтовом могильнике, а в целом выглядит типичным в масштабе изменчивости золотоордынских серий. Внутри самого Красноярского городища могильники Маячный и Вакуровский бугор несколько отличаются друг от друга – как по тотальным размерам тела, так и по пропорциям конечностей. Серия из Маячного бугра характеризуется относительно большей длиной предплечья и относительно меньшей голенью. Следовательно,

морфологическая разнородность населения в пределах одного крупного города, которую демонстрирует Болгар, находит себе аналогии и в других золотоордынских городских поселениях. Здесь ещё раз стоит отметить население, погребенное на северо-западном некрополе Увекского городища, которое обладает очень малыми тотальными размерами тела, однако сближается с большинством городских выборок с территории Золотой Орды по продольным пропорциям скелета. Столь же систематически, в силу наибольших тотальных размеров тела и относительно длинных дистальных сегментов конечностей, отклоняется от общей массы золотоордынского населения и выборка из Старого Орхей.

Выводы:

1. Городское население Золотой Орды, изученное на предмет закономерностей межгрупповой изменчивости тотальных размеров и формы тела, демонстрирует значительную неоднородность своего физического типа, что ожидаемо, в том числе – в пределах одного городского поселения.

2. Группы средневекового населения Болгара также крайне разнородны, размах их изменчивости зачастую перекрывает таковой для всех рассмотренных золотоордынских групп, особенно по пропорциям скелета.

3. Сельское население Золотой Орды, не смотря на малочисленность данных о нем, позволяет предварительно отметить относительную его однородность как по тотальным размерам тела, так и по пропорциям скелета, и заключить, что население золотоордынского времени было более низкорослым, нежели домонгольское, которое по тотальным размерам тела тяготеет к населению Шехраль-Джедида (Старый Орхей) и к части населения Болгара, погребенного на некрополе в Раскопе 191.

ЛИТЕРАТУРА

Аксенова Н.Д. Отчет по раскопу № 45 на Болгарском городище в 1973 г. // Архив ОПИ ИА РАН, 1973.

Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 251 с.

Боруцкая С.Б., Васильев С.В. Анализ пропорций скелетов Усть-Иерусалимского могильника // Историко-археологические исследования Поволжья и Урала (материалы III Халиковских чтений, г. Болгар, 27–30 мая 2004 г.). Казань: РИЦ «Школа», 2006. С. 409–418.

Боруцкая С.Б. Палеоантропологическое исследование погребений Усть-Иерусалимского могильника г. Болгар (Татарстан) // Вестник антропологии. Вып. 11. М.: ИЭА РАН, 2004. С. 102–108.

Великанова М.С. Антропология средневекового населения Молдавии (по материалам памятника Старый Орхей) // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. X. Антропологические исследования. Кн. 3. М.: ИЭА РАН, 1993. 260 с.

Евтеев А.А., Кубанкин Д.А., Куфтерин В.В., Рассказова А.В. Антропологические исследования северо-западного некрополя Увекского городища // Вестник Московского университета. Серия XXIII: Антропология. 2013. № 1. С. 88–103.

Евтеев А.А., Куфтерин В.В., Кубанкин Д.А., Четвериков С.И. Палеоантропологические материалы из Болдыревского грунтового могильника золотоордынского времени (г. Саратов) // Вестник Московского университета. Серия XXIII: Антропология, 2016, №1. С. 4–19.

Ефимова С.Г. Антропология древнего населения Волжской Булгарии. Дисс...канд. биол. наук. М., 1982. 272 с.

Зубарева Е.Г. Особенности скелетной конституции и физический тип населения Красноярского городища // Антропология Красноярского городища Золотоордынского времени / Отв. ред. Е.В. Перерва. Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2011. С. 77–109.

Макарова Е.М., Ситдилов А.Г., Бочаров С.Г. Морфология посткраниального скелета населения Болгара (по материалам СХСИ) // ПА. 2016. № 2. С. 244–259.

Пежемский Д.В. Изменчивость продольных размеров трубчатых костей человека и возможности реконструкции телосложения. Дисс...канд. биол. наук. М., 2011. 326 с.

Перерва Е.В., Балабанова М.А., Зубарева Е.Г. Индивидуальная антропологическая характеристика погребенных // Вакуровский могильник Красноярского городища эпохи Золотой Орды (археология и антропология) / Отв. ред. Е. В. Перерва. Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2010. С. 105–205.

Постникова Н.М. К антропологии населения Волжской Булгарии: Антропологические материалы из могильника Минарет XIV–XV вв. // СА. 1973. № 3. С. 203–211.

Постникова Н.М. К антропологии средневекового могильника Четырехугольник // МИА СССР. № 164. М.: Изд-во АН СССР, 1970. С. 24–38.

Рудь Н.М. Антропологические данные к вопросу об этнических взаимоотношениях на Средней Волге к X–XIV вв. // Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М.: Наука, 1987. С. 83–141.

Тихонов А.Г. Опыт реконструкции физического типа средневекового населения Поволжья по остеологическим данным // Горизонты антропологии: Труды Международной научной конференции памяти акад. В.П. Алексеева / Отв. ред. Т.И. Алексеева. М.: Наука, 2003. С. 218–222.

Тихонов А.Г. Сравнение различных методов реконструкции параметров физического типа // Вестник антропологии. Вып. 2. М.: ИЭА РАН, 1996. С. 168–180.

Тихонов А.Г. Физический тип средневекового населения Евразии по данным остеологии. Автореф. дисс...канд. ист. наук. М., 1997. 36 с.

Martin R. Lehrbuch der Anthropologie in systematischer Darstellung. Bd. II. Jena: Gustav Fisher, 1928. P. 579–991.

Информация об авторах:

Вагнер-Сапухина Елена Андреевна, аспирант, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия); научный сотрудник, Центр палеоэтнологических исследований (г. Москва, Россия) lena.sapuhina@gmail.com

Пежемский Денис Валерьевич, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия), старший научный сотрудник, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); pezhemsky@yandex.ru.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE TOTAL BODY SIZE OF THE MEDIEVAL BOLGAR POPULATION⁴

E. A. Vagner-Sapukhina, D. V. Pezhemsky

The article is devoted to reviewing the osteological data available in the literature on the Golden Horde populations. The total sizes and body shape of the male were analyzed at the intergroup level using the method of paleosomatological reconstruction, which not previously used for these materials. The focus of the work is

⁴ The article was compiled on the basis of two reports presented at the International Scientific Conference “Evolutional Continuum of Genus Homo” dedicated to the 125th anniversary of V.V. Bunak (Moscow. 17-20 October 2016) and the 5th International Lower Volga Archaeological Conference (Elista, 15-17 November 2016).

on determining the location of the medieval Bolgar series on the scale of variability of the total body size of the entire Golden Horde population. As a result of the study, a significant heterogeneity of the Golden Horde populations was found according to osteological characteristics both as a whole and within urban settlements. As trends, the similarities of various series in absolute size and skeleton proportions were noted. The range of variability of groups from the necropolises of the medieval Bolgar is so considerable that it overlaps with range of variability for all the revised Golden Horde series. The population of the Bolgar is especially different in proportions of the skeleton. The relative homogeneity of the rural populations and chronological changes in the size of the body of the pre-Mongol and the Golden Horde groups were also noted.

Keywords: physical anthropology, human osteology, palaeosomatological reconstruction, osteological data, total body size and skeleton proportions, the Golden Horde population, Bolgar settlement.

About the Authors:

Vagner-Sapukhina Elena A. Lomonosov Moscow State University. GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation. Paleoethnology Research Center. Novaya ploshchad', 12/5, Moscow, 109012, Russian Federation; lena.sapuhina@gmail.com

Pezhensky Denis V. Candidate of Biological Sciences. Lomonosov Moscow State University. GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; pezhensky@yandex.ru

Таблица 1.
Абсолютные значения продольных и поперечных размеров скелетной системы мужского населения Золотой Орды

Название остеологической серии	H1	R1	F1	F2	T1	C11	И2
Болгарское городище, Четырехугольник (Постникова, 1970; Рудь, 1987)	324,00	246,00	444,00	-	341,00	-	-
Болгарское городище, Малый Минарет (Постникова, 1973)	318,00	241,00	441,00	-	348,00	-	-
Болгарское городище, Ханская усыпальница (Рудь, 1987)	331,60	246,00	449,00	-	355,00	-	275,00
Болгарское городище, Раскоп 45 (Тихонов, 1996)	320,90	242,20	437,50	434,60	350,80	144,40	275,40
Болгарское городище, Раскоп 191 (Макарова и др., 2016)	332,30	255,40	444,30	441,80	369,40	159,80	278,30
Увекское городище (Евтеев и др., 2013)	302,20	227,20	413,30	410,20	331,30	139,60	-
Селитренное городище (Тихонов, 1997)	319,40	244,80	435,30	431,60	354,10	144,90	266,40
Красноярское городище, Вакуровский бугор (Зубарева, 2011)	317,20	239,20	430,10	423,80	344,60	147,00	-
Красноярское городище, Маячный бугор (Зубарева, 2011)	318,40	242,80	438,70	432,60	360,60	144,00	-
Старый Орхей (Великанова, 1993)	328,00	256,70	450,90	448,10	365,80	142,30	-
Болдыревский грунтовый могильник (Евтеев и др., 2016)	316,60	238,90	437,60	-	352,40	-	-
Измерский могильник (Рудь, 1987)	315,00	239,00	429,00	-	348,00	-	266,00
Старокуйбышевский I могильник (золотоорд.) (Рудь, 1987)	305,00	231,00	429,00	-	348,00	-	273,00
Билярское городище (Ефимова, 1982)	321,90	243,40	436,60	-	356,10	-	-
Старокуйбышевский I могильник (дозолотоорд.) (Рудь, 1987)	325,00	244,00	461,00	-	369,00	-	269,00

Примечания: H1 – наибольшая длина плечевой кости; R1 – наибольшая длина лучевой кости; F1 – наибольшая длина бедренной кости; F2 – длина бедренной кости в естественном положении; T1 – полная длина большой берцовой кости; C11 – наибольшая длина ключицы; И2 – илио-кристальная ширина таза.

Таблица 2.
Результаты реконструкции длины тела и расчетов значений признаков телосложения у мужского населения Золотой Орды

Название остеологической серии	Длина тела (см)	УПВС 1 (мм)	ОДР (мм)	ОДН (мм)
Болгарское городище, Четырехугольник	165-167	1355,00	570,00	785,00
Болгарское городище, Малый Минарет	164-166	1348,00	559,00	789,00
Болгарское городище, Ханская усыпальница	166-168	1381,60	577,60	804,00
Болгарское городище, Раскоп 45	165-167	1351,40	563,10	788,30
Болгарское городище, Раскоп 191	165-167	1401,40	587,70	813,70
Увекское городище	159-161	1274,00	529,40	744,60
Селитренное городище	164-166	1353,60	564,20	789,40
Красноярское городище, Вакуровский бугор	163-165	1331,10	556,40	774,70
Красноярское городище, Маячный бугор	164-166	1360,50	561,20	799,30
Старый Орхей	168-170	1401,40	584,70	816,70
Болдыревский грунтовый могильник	163-165	1345,50	555,50	790,00
Измерский могильник	161-163	1331,00	554,00	777,00
Старокуйбышевский I могильник (золотоорд.)	161-163	1313,00	536,00	777,00
Билярское городище	163-165	1358,00	565,30	792,70
Старокуйбышевский I могильник (дозолотоорд.)	170-172	1399,00	569,00	830,00

Примечание: УПВС 1 – условный показатель величины скелета 1; ОДР – остеологическая длина руки; ОДН – остеологическая длина ноги

Таблица 3.
Указатели продольных пропорций скелетной системы мужского населения Золотой Орды

Название остеологической серии	INT1	INT2	R1/H1	T1/F2	T1/F1	H1/F2	H1/F1	R1/T1
Болгарское городище, Четырехугольник	-	72,6	75,9	-	76,8	-	73,0	72,1
Болгарское городище, Малый Минарет	-	70,8	75,8	-	78,9	-	72,1	69,3
Болгарское городище, Ханская усыпальница	-	71,8	74,2	-	79,1	-	73,9	69,3
Болгарское городище, Раскоп 45	71,7	71,4	75,5	80,7	80,2	73,8	73,3	69,0
Болгарское городище, Раскоп 191	72,4	72,2	76,9	83,6	83,1	75,2	74,8	69,1
Увекское городище	71,4	71,1	75,2	80,8	80,2	73,7	73,1	68,6
Селитренное городище	71,8	71,5	76,6	82,0	81,3	74,0	73,4	69,1
Красноярское городище, Вакуровский бугор	72,4	71,8	75,4	81,3	80,1	74,8	73,8	69,4
Красноярское городище, Маячный бугор	70,8	70,2	76,3	83,4	82,2	73,6	72,6	67,3
Старый Орхей	71,8	71,6	78,3	81,6	81,1	73,2	72,7	70,2
Болдыревский грунтовый могильник	-	70,3	75,5	-	80,5	-	72,3	67,8
Измерский могильник	-	71,3	75,9	-	81,1	-	73,4	68,7
Старокуйбышевский I могильник (золотоорд.)	-	69,0	75,7	-	81,1	-	71,1	66,4
Билярское городище	-	71,3	75,6	-	81,6	-	73,7	68,4
Старокуйбышевский I могильник (дозолотоорд.)	-	68,6	75,1	-	80,0	-	70,5	66,1

Примечания: INT1 – интермембральный указатель 1 (при его расчете используется F2 – длина бедренной кости в естественном положении); INT2 – интермембральный указатель 2 (при его расчете используется F1 – наибольшая длина бедренной кости); R1/H1 – луче-плечевой указатель; T1/F2 – берцово-бедренный указатель 1; T1/F1 – берцово-бедренный указатель 2; H1/F2 – плече-бедренный указатель 1; H1/F1 – плече-бедренный указатель 2; R1/T1 – луче-берцовый указатель

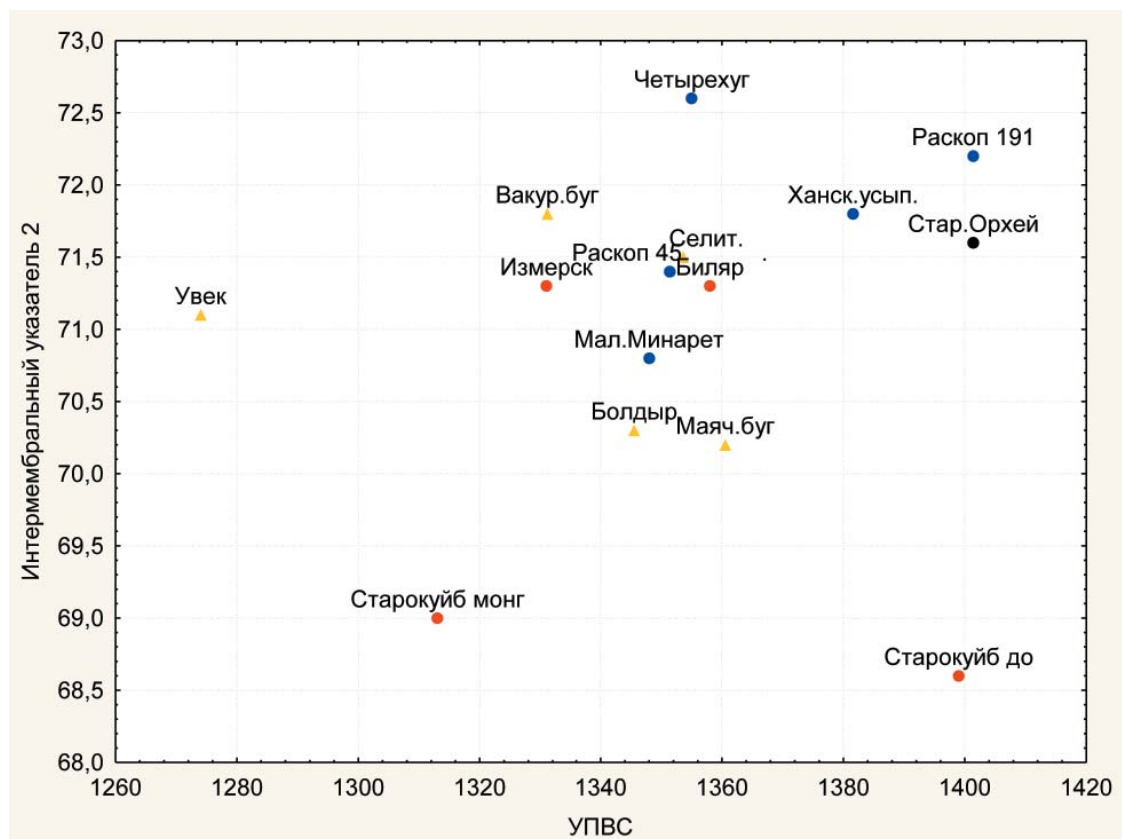

Рис. 1. Распределение выборок золотоордынского населения в пространстве значений условного показателя величины скелета (УПВС) и указателя общих пропорций конечностей.

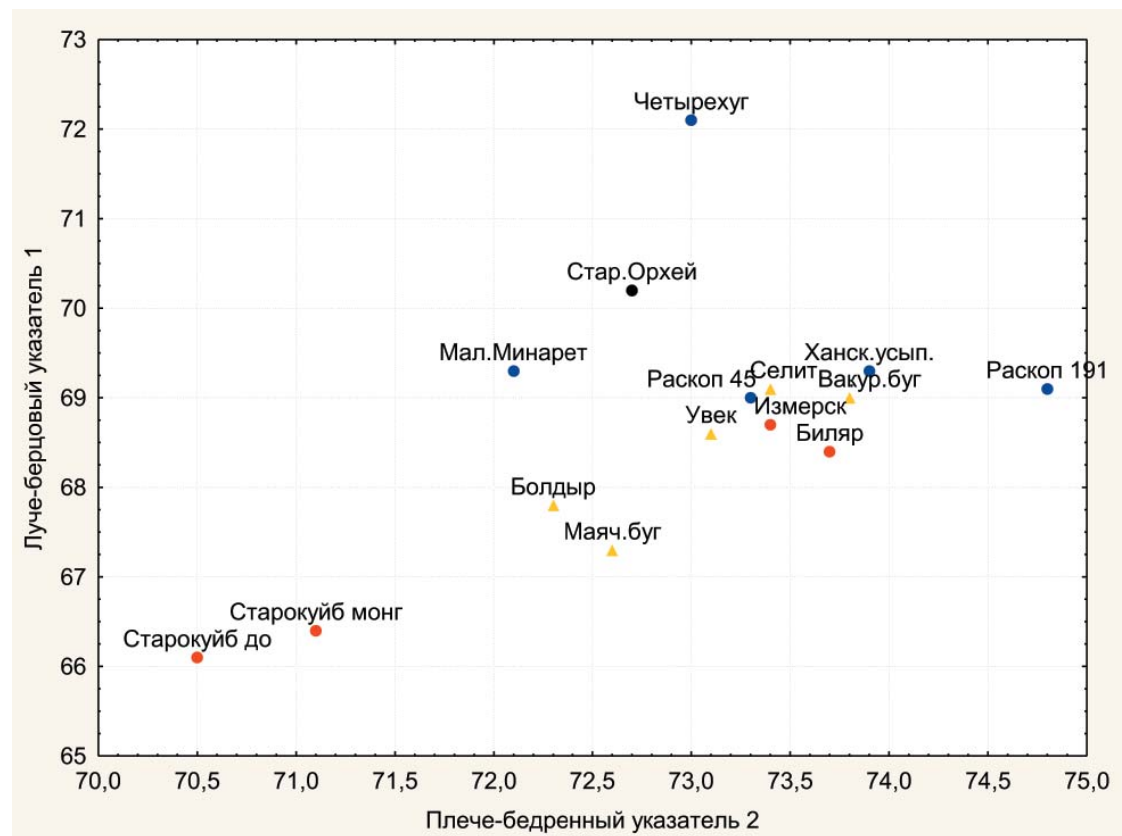

Рис. 2. Распределение выборок золотоордынского населения в пространстве значений плече-бедренного и луче-берцового указателей.

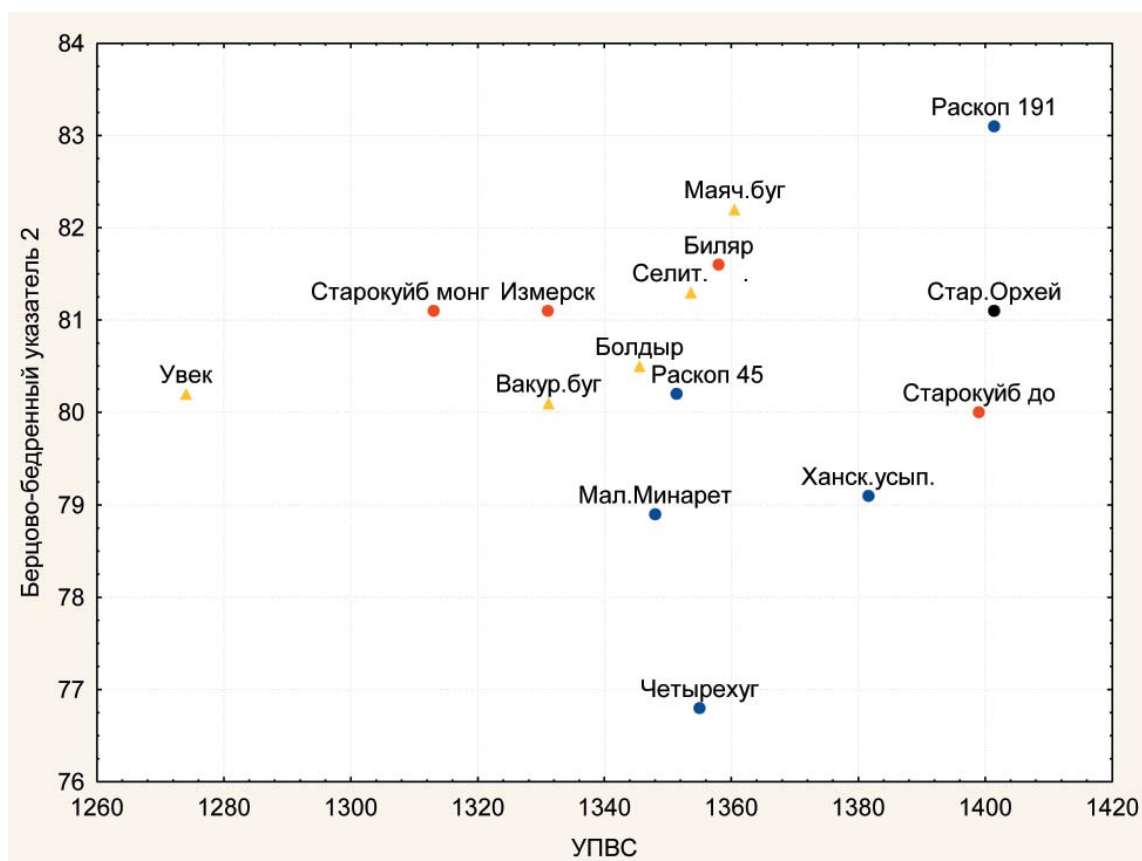

Рис. 3. Распределение выборок золотоордынского населения в пространстве значений условного показателя величины скелета (УПВС) и берцово-бедренного указателя.

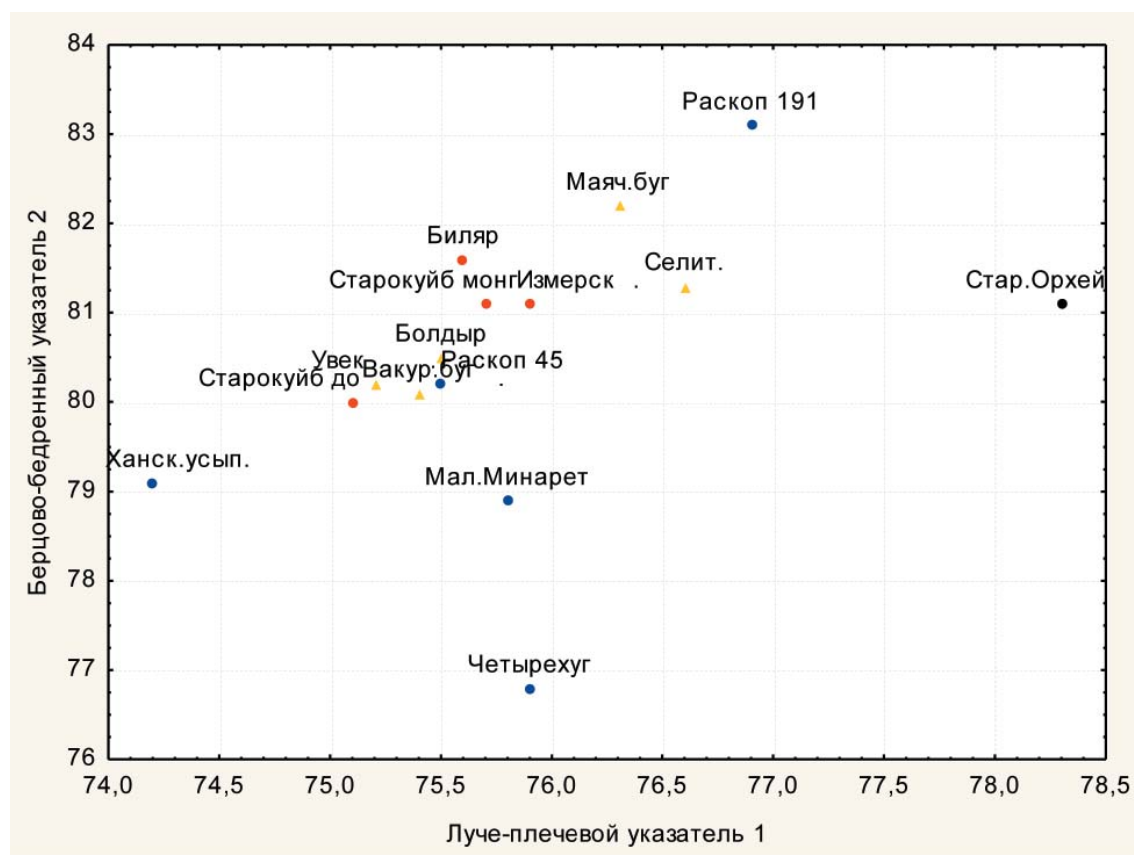

Рис. 4. Распределение выборок золотоордынского населения в пространстве значений луче-плечевого и берцово-бедренного указателей.

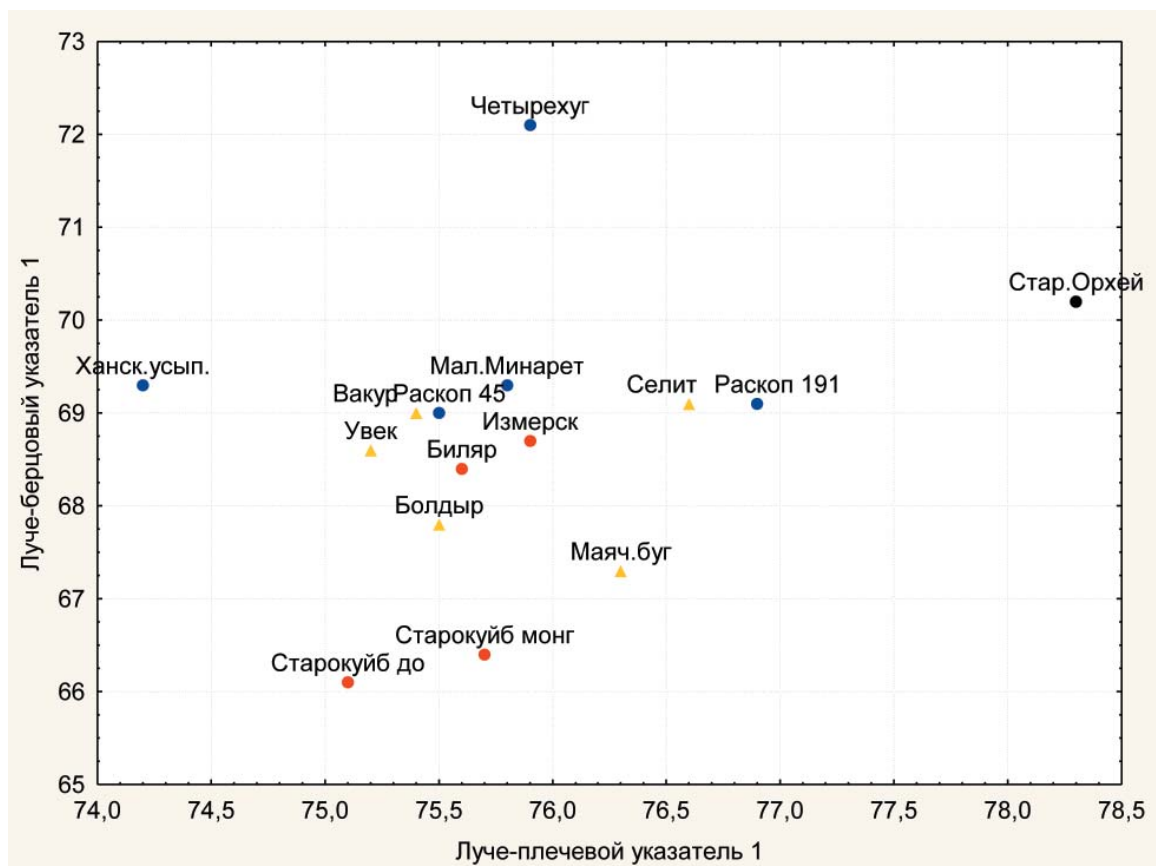

Рис. 5. Распределение выборок золотоордынского населения в пространстве значений луче-плечевого и луче-берцового указателей.

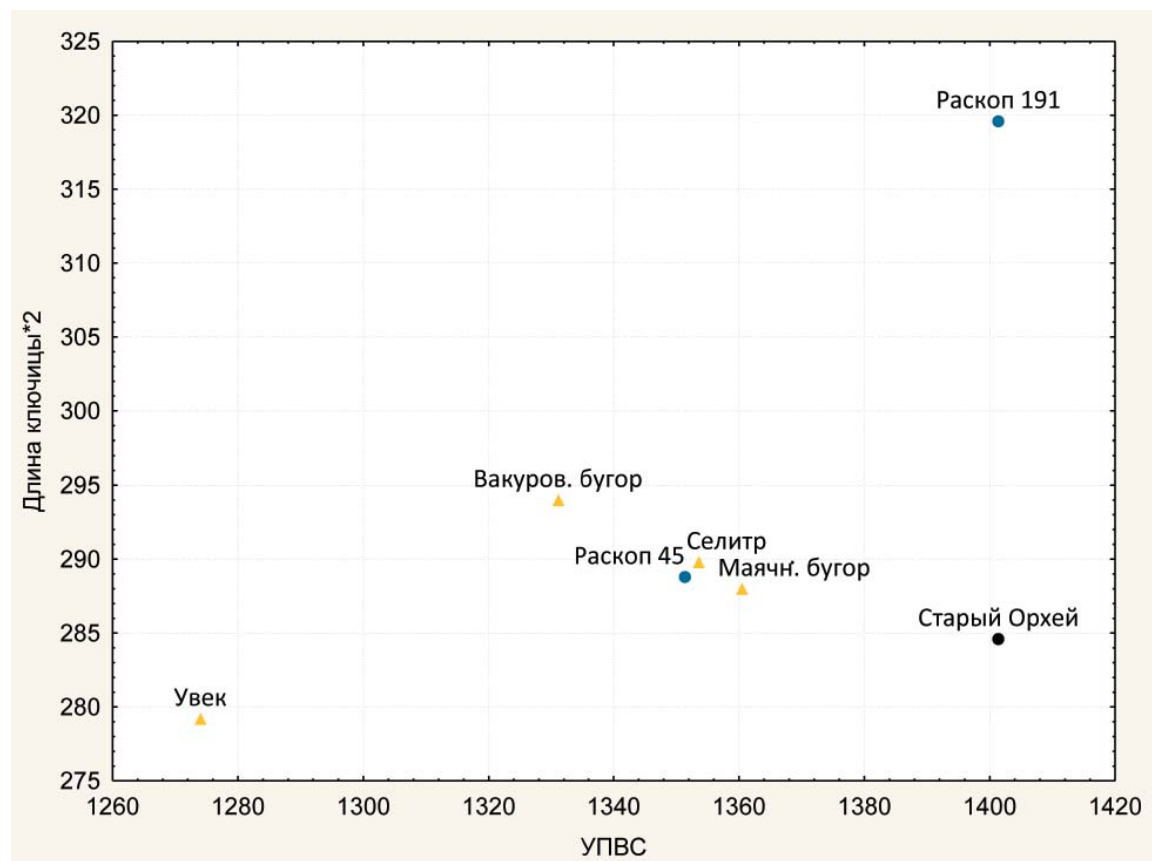

Рис. 6. Распределение выборок золотоордынского населения в пространстве значений условного показателя величины скелета (УПВС) и удвоенной длины ключицы («ширины плеч»).

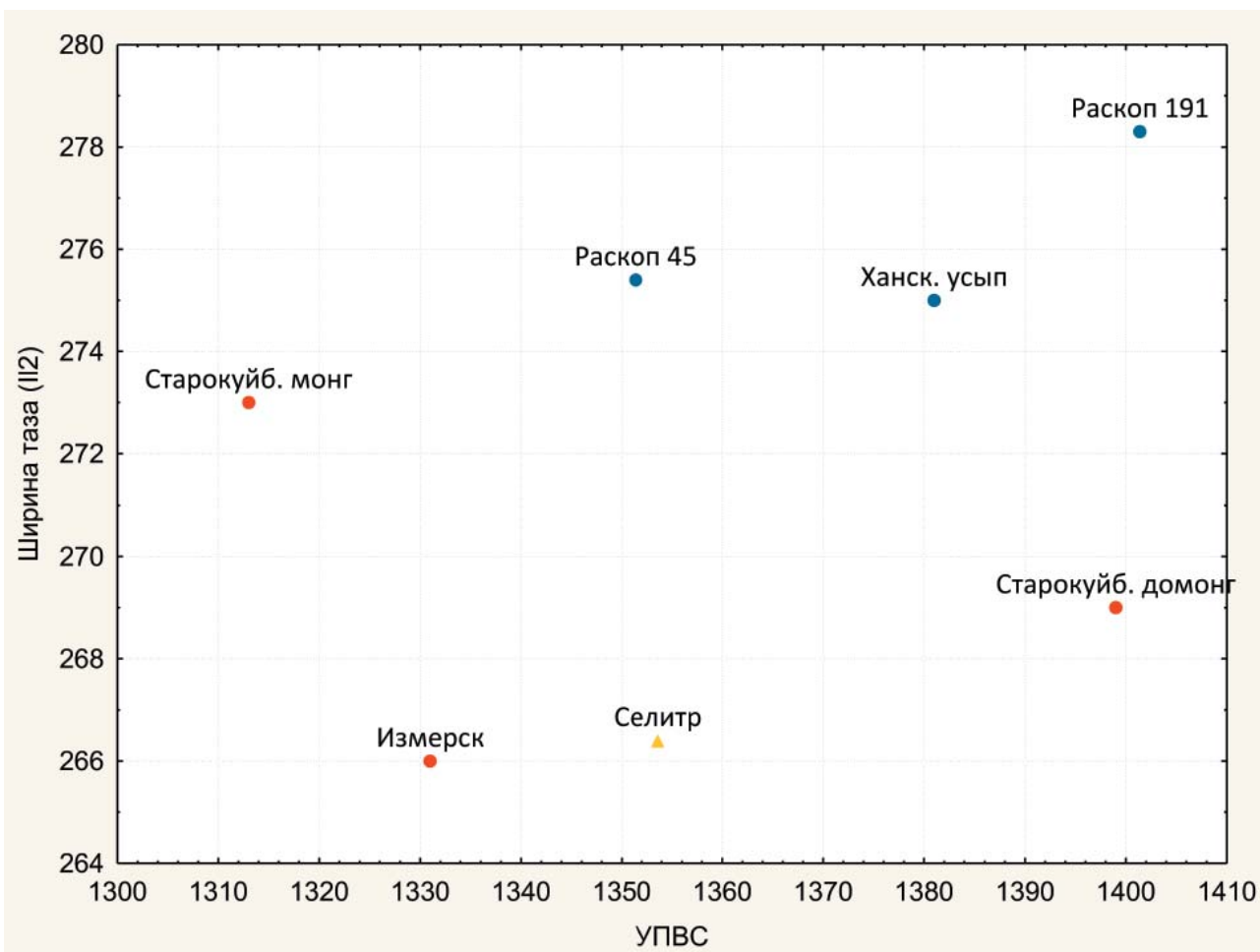

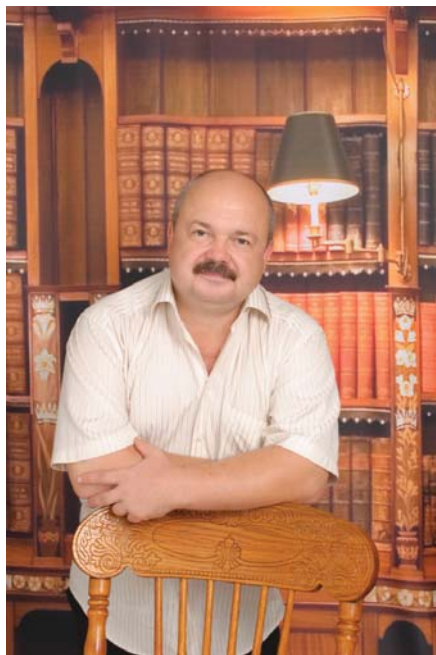
Рис. 7. Распределение выборок золотоордынского населения в пространстве значений условного показателя величины скелета (УПВС) и илио-кристальной ширины таза.

ПОЗДРАВЛЕНИЕ

УДК 903.2

К ЮБИЛЕЮ Ю.Д. ОБУХОВА

© 2018 г. С. Г. Бочаров, Л. В. Яворская

Статья посвящена юбилею Юрия Дмитриевича Обухова – организатора и директора Краеведческого музея села Прасковья. Перечислены основные вехи биографии исследователя. Отмечено влияние, которое оказали на его становление как ученого его учителя, коллеги по работе. Подчеркивается его роль в современных исследованиях городища Маджары – крупнейшего золотоордынского памятника Прикумья.

Ключевые слова: археология, нумизматика, Краеведческий музей села Прасковья, Ю.Д. Обухов, Ставрополье, городище Маджары.

В 2018 году отмечает 50-летний юбилей Юрий Дмитриевич Обухов – организатор и директор Краеведческого музея села Прасковья. Этот удивительный человек наверняка предан тому делу, которое выбрал себе уже в зрелом возрасте, – сохранению и исследованию древностей золотоордынского города Маджар (Буденновский район Ставропольского края).

Еще в 1970-х годах будучи школьником он сделал первую находку – в обмазке саманного дома своей бабушки в селе Нины Советского района Ставропольского края нашел старую советскую монету 1924 года. С этой находки началось его увлечение нумизматикой, а также невероятный интерес к истории страны и родного Ставрополья.

В начале 1990-х годов несколько лет на городище Маджары и других памятниках

Прикумья работала комплексная археологическая экспедиция. Знакомство с участниками и результатами этих исследований стало важной вехой на жизненном пути Юрия Дмитриевича – появилось увлечение археологией именно города Маджара и Золотой Орды.

В течение 10 лет была собрана солидная библиотека о Маджаре и большая коллекция древностей – подъемных находок с городища. Собранные материалы легли в основу большой выставки, посвященной замечательному памятнику археологии – Маджарскому городищу, которую в 2001 году Юрий Дмитриевич организовал в музее города Буденновска. А уже в 2002 году организаторский талант Ю.Д. Обухова привел к созданию краеведческого музея в селе Прасковья, где собраны уникальные экспонаты по истории, археологии, культуре и природе Прикумья. Безуслов-

но, как организатор и директор музея Юрий Дмитриевич большое внимание в экспозиции уделяет Маджару, ведет колоссальную работу по популяризации древностей городища, активно сотрудничает с археологическими организациями и помогает в проведении исследований памятника.

Для привлечения внимания к проблемам организации охраны знаменитого городища, который подвергается активному разграблению, Юрий Дмитриевич в 2012 году организовал Первый Маджарский форум, на который съехался широкий круг ученых – специалистов по средневековым древностям Кавказа и Золотой Орды. По итогам форума было принято обращение к властям Ставропольского края об организации охранных мероприятий, вышел сборник научных статей в 23 томе серийного издания «Археология евразийских степей». В 2018 году Прасковейский музей и его бессменный директор явились главными организаторами Восьмой международной конференции «Диалог городской и степ-

ной культур на евразийском пространстве», посвященной памяти выдающегося ученого, специалиста по археологии Золотой Орды Германа Алексеевича Федорова-Давыдова. Безусловно, это научное мероприятие ставит своей целью привлечение внимания к проблемам охраны и исследования Маджарского городища.

Коллеги и друзья поздравляют Юрия Дмитриевича Обухова со славным юбилеем! К обычным пожеланиям доброго здоровья, творческих успехов присоединяем пожелания вдохновения для археологического творчества! Желаем успехов в деле сохранения культурного слоя городища Маджары как части великого культурного наследия нашей страны! Прасковейскому музею и его директору желаем дальнейшего развития, продолжать радовать исследователей пополнениями коллекций и пусть Вас окружает круг верных и надежных друзей как можно дольше!

Информация об авторах:

Бочаров Сергей Геннадиевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); sgbotcharov@mail.ru

Яворская Лилия Вячеславовна, кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник кандидата исторических наук, доцент, научный сотрудник Лаборатории естественнонаучных методов в археологии, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); lilechkayavorska@list.ru

YURIY D. OBUKHOV'S ANNIVERSARY

S. G. Bocharov, L. V. Yavorskaya

The paper is dedicated to the jubilee of Yuriy Dmitrievich Obukhov, a director of the Local History Museum of the village of Praskoveya. It outlines the milestones in the researcher's biography. The authors also emphasize the influence which his teachers and colleagues have had on his professional development, as well as the role played by the celebrant in the contemporary studies of Madzhar Fortified Settlement – the largest Golden Horde site in the Kuma region.

Keywords: archaeology, numismatics, Local History Museum of the village of Praskoveya, Y. D. Obukhov, Kuma region, Madzhar fortified settlement.

About the Authors:

Bocharov Sergei G. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sgbotcharov@mail.ru

Yavorskaya Liliya V. Candidate of Historical Sciences. Associate Professor. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitriya Ulyanova St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; lilechkayavorska@list.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГПУ ЦАИ – Армавирский государственный педагогический университет, г. Армавир Краснодарского края. Центр археологических исследований.

АДСВ – Античная древность и средние века, Екатеринбург

АЗР – Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией.

АИУ – Археологические исследования в Узбекистане, Самарканд

АН СССР – Академия наук Союза Советских Социалистических Республик, г. Москва.

АО – Археологические открытия, М.

АП – Археология Приаралья, Нукус

Бюллетень ИИМК РАН – Бюллетень Института истории материальной культуры Российской академии наук

ВАИАА – Bulletin American Institute for Iran Art and Architecture

ВГПУ – Воронежский государственный педагогический университет

ВГУ – Воронежский государственный университет

Вестник ККО АН РУз – Вестник Каракалпакского Отделения АН РУз, Нукус

ВОКМ – Волгоградский областной краеведческий музей

ВолГУ – Волгоградский Государственный университет

ДГУ – Донецкий Национальный университет

ЗКВ – Записки Коллегии Востоковедов, Л.

ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей

ИГАИМК – Известия Госакадемии истории материальной культуры, Л.

ИРГТУ – Иркутский государственный технический университет

КБИГИ – Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, Нальчик.

КГОМА – Курский государственный областной музей археологии

КГУ – Курский государственный университет

КОКМ – Курский областной краеведческий музей

КЧГУ – Карачаево-Черкесский государственный университет, г. Карачаевск.

КЧР – Карачаево-Черкесская Республика.

МАИЭТ – Материалы и исследования по истории, этнографии и археологии Таврики, Симферополь

МГУ – Московский Государственный университет им. М.В. Ломоносова

МИА – Материалы и исследования по археологии, Москва

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР (Москва)

МИАСК – Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа

МОН РК – Министерство образования и науки Республики Казахстан

МХЭ – Материалы Хорезмской экспедиции, М.

НАН – Национальная Академия Наук

ОНУ – Общественные науки в Узбекистане, Ташкент

ПА – Поволжская археология. Казань.

ПГТУ – Пятигорский государственный технологический университет, г.Пятигорск.

РАН – Российская Академия Наук

РСО-А – Республики Северная Осетия – Алания. Российская Федерация.

СА – Советская археология, М.

СОГУ – Северо-Осетинский государственный университет, г. Владикавказ, Орджоникидзе

СОИГСИ – Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований, Владикавказ.

ТАКЭ – Термезская археологическая комплексная экспедиция, Ташкент.

ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа, СПб.

Тр. ГИМ – Труды Государственного Исторического Музея, М.

ТХАЭЭ – Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции М.

ТЮТАКЭ – Труды Южно-Туркменистанской комплексной археологической экспедиции, Ашхабад

Хсб. – Херсонесский сборник, Севастополь

ЭО – Этнографические обозрения, М.

ЮТАКЭ – Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция, Ашхабад

Журнал основан в мае 2017 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–69645
от 2 мая 2017 г. выдано Роскомнадзором
Оригинал-макет – *А.С. Беспалова*
420012 г. Казань, ул. Некрасова, 28, пом. 1203
Подписано в печать 25.07.2018 г. Формат 60x84 ¹/₈
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 39,99.
Тираж 1 000 экз. Первый завод 150 экз. Заказ №
Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии "Orange Key"
г. Казань, ул. Галактионова, 14